

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

ФРАНКО-РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР
ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ «ИСТОРИЯ»

<http://mes.igh.ru>

**ANNUAIRE
D'ÉTUDES FRANÇAISES
2015**

**Le 225e anniversaire
de la Révolution française**

*Sous la direction de
Alexandre Tchoudinov et Dmitri Bovykine*

Moscou

2015

ФРАНЦУЗСКИЙ ЕЖЕГОДНИК 2015

**К 225-летию
Французской революции**

*Под редакцией
А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина*

**Москва
2015**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.В. Чудинов

Ответственный редактор выпуска

Д.Ю. Бовыкин

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.В. Ададунов, А.В. Гладышев, Ю.П. Крылова, Т. Ленц, Э. Мела,
Е.А. Прусская (ответственный секретарь), Н.В. Промыслов, М.-П. Рей,
В.С. Ржеуцкий, П.Ю. Уваров, А. Форрест, П.П. Черкасов

Адрес редакции:

119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а, ИВИ РАН

E-mail: annuaire_fr@yandex.ru

РЕЦЕНЗЕНТЫ

доктор исторических наук В.Н. Земцов
кандидат исторических наук Г.Ч. Моисеев

Французский ежегодник 2015: К 225-летию Французской революции / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина – М.: ИВИ РАН, 2015. — 492 с.

ISSN 0235-4349

Очередной выпуск Ежегодника содержит статьи российских и зарубежных исследователей Французской революции XVIII в., посвященные ряду наиболее дискутируемых в наши дни проблем ее истории. Вниманию читателей предлагается также библиография трудов по истории Франции, вышедших у нас в стране в 2014 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Д.Ю. Бовыкин,

ответственный редактор выпуска

ЕЩЕ РАЗ О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ИЛИ НЕКРУГЛЫЙ ЮБИЛЕЙ*

225-летие Французской революции и во Франции, и во всем мире прошло практически незамеченным. Возможно, еще продолжает сказываться усталость от празднования ее двухсотлетия, растянувшегося на несколько лет и ознаменовавшегося выходом множества монографий и сборников статей, организацией сотен конференций и «круглых столов». Возможно, этот не совсем круглый юбилей просто оказался в тени широко отмечавшегося 200-летия завершения Наполеоновских войн. Но наверняка сказалось и иное: французский историографический пейзаж за эти два с половиной десятка лет в целом изменился довольно незначительно. Пять лет назад М. Вовель охарактеризовал это состояние французской историографии весьма лаконично: «Собуль умер, Фюре умер, да и мне что-то нездоровится». Поколение «мэтров» ушло или уходит, но предложенные в свое время ими, а то и учителями их, обобщающие трактовки Революции по-прежнему доминируют, тиражируются и популяризируются на всех уровнях их учениками. И хотя конкретные исследования частных проблем революционной истории вынуждают то и дело подправлять эти старые трактовки, от чего те порою становятся похожи на лоскутное одеяло¹, новых генерализирующих интерпретаций Революции так за прошедшие годы и не появилось.

Что же заставляет «Французский ежегодник» праздновать этот юбилей? Дата, безусловно, во многом формальная, куда менее значимая, чем двухсотлетие, но весьма удобная для подведения итогов. Тем более что любая национальная историография подчиняется не только тем

* Текст подготовлен при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

¹ Подробнее см.: Чудинов А.В. Современные тенденции во французской историографии Революции XVIII в. // ВИ. 2015. № 1. С. 157–169.

ритмам, которые задает страна изучения, но и в не меньшей степени зависит от собственных ритмов и камертонов. Изменения же, которые произошли за четверть века в отечественном франковедении в целом и в изучении Французской революции в частности, видны невооруженным глазом. За это время не просто сменилось поколение историков, наша страна сама пережила еще одну революцию, историография из советской стала российской, трансформировалась институционально и методологически, сменила приоритеты.

В процессе этой трансформации попытки ее осмыслить предпринимались не единожды. Еще в 1995 г., всего через шесть лет после юбилея и спустя четыре года после краха СССР, один из лидеров отечественного франковедения, профессор Московского университета А.В. Адо в опубликованном уже посмертно «Письме профессору Шен Ченсино» отмечал, что советская школа изучения Французской революции «уже принадлежит истории; время ее миновало»². В 1998 г. анализу современной историографической ситуации была посвящена статья А.В. Чудинова «Прощание с эпохой»³, а в 2000 г. возрожденный «Французский ежегодник» открывала другая его работа, получившая широкий резонанс в отечественной и зарубежной историографии, — «Смена вех»⁴. В 2007 г. мне также довелось высказаться на эту тему⁵.

Небезынтересно при этом, что, хотя выдвинутый А.В. Адо тезис и не подвергался сомнению, для всех перечисленных статей было характерно принятие советской историографии за своеобразную точку отсчета, современные исследования сравнивались с теми, которые проводились десять, двадцать, тридцать лет назад. Таким образом, хотя советская историография формально и принадлежала уже истории, *de facto* этого не происходило. К трудам советских историков активно обращались преподаватели вузов и авторы школьных учебников, по ним читали лекции и готовили семинары.

Изменения накапливались постепенно, однако сейчас уже можно уверенно говорить о «переходе количества в качество». Осознание этих

² Адо А.В. Письмо профессору Шен Ченсино // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1996. № 5. С. 27, 32.

³ Чудинов А.В. Прощание с эпохой (размышления над книгой В.Г. Ревуненкова) // ВИ. 1998. № 7.

⁴ Чудинов А.В. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // ФЕ. 2000. М., 2000. С. 5–23; *Tchoudinov A. La Révolution française: de l'historiographie soviétique à l'historiographie russe, «changement de jalons»* // Cahiers du monde russe. 2002. № 43/2–3. P. 449–462.

⁵ Бовыкин Д.Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемиические заметки) // НиНИ. 2007. № 1. С. 48–73.

изменений, желание их осмыслить и повлияло на решение выпустить специальный номер «Ежегодника», посвященный юбилею Революции.

Три главных и принципиальных момента бросаются в глаза сразу.

Первый из них: радикально изменилось восприятие Французской революции в качестве, как принято писать в квалификационных работах, актуальной темы. Ее научная актуальность с начала XXI столетия лишь возросла, в том числе в связи с недавними «цветными революциями» и «арабской весной». Характерно, что тема революций была одной из главных на прошедшем в августе 2015 г. XXII Международном конгрессе исторических наук в Цзинане. Между тем ее актуальность для общества в целом или, скажем так, для российского массового читателя теперь далеко не столь очевидна, как в советское время, когда, обсуждая те или иные острые сюжеты Французской революции, никогда не забывали об их советских аналогиях⁶. Нынче же, утратив политическую ангажированность, сюжет во многом перестал быть модным. Можно, разумеется, сколь угодно скептически относиться к веяниям научной моды, однако выбор намеренно эскапистского сюжета для «новистов» мало характерен. Тем более что прошедшее не так давно празднование двухсотлетия войны 1812 года наглядно показало, что значит востребованность темы.

Сравнение, безусловно, не до конца корректное: все же 1812 год – это сюжет не только из французской, но и из отечественной истории, и именно в этом качестве он поднимался на щит. Однако не так далеки еще времена, когда и Французская революция, столь же опосредованно, как модель и прототип для Октябрьской, была чрезвычайно востребована. К 200-летию юбилею, на фоне перестройки и гласности, она приобрела и дополнительные, не свойственные советской историографии коннотации. «Если ранее Французская революция расценивалась советскими идеологами как “буржуазная”, исторически предшествующая революции “пролетарской”, но принципиально от нее отличная, то М.С. Горбачев обратился к демократическому наследию 1789 года»⁷. Как и 1789 год, 1917 год рассматривался как воплощение в жизнь идей Просвещения, идеалы демократии противопоставлялись Террору. ««Революция в России стала как бы вершиной освободительных устремлений, живым воплощением мечтаний лучших умов чело-

⁶ Подробнее см., например: *Чудинов А.В.* «Франция» пишем, «Россия» – в уме... О скрытых смыслах дискуссии по проблеме якобинской диктатуры (60-е – 80-е годы XX в.) // *Неприкосновенный запас*. 2007. № 5 (55). С. 22–32.

⁷ *Досз Ф.* Образ Французской революции конца XVIII века в политических дебатах перестройки // *Россия и Франция XVIII–XX вв.* М., 2008. Вып. 8. С. 34.

вечества, – говорил М.С. Горбачев, – от великих гуманистов прошлого до пролетарских революционеров XIX и XX веков. Год 1917-й <...> воплотил в себе духовные искания просветителей XVIII столетия, героев и мучеников декабристского движения, пламенных трибунов революционной демократии...»⁸ Да и за пределами высказываний главы советского государства Французская революция, Термидор, Террор были для второй половины 1980-х гг. сюжетами отнюдь не сугубо историческими, отношение к ним служило своеобразным идейным маркером. В обществе нарастал отказ от восхищения революционными идеалами и революционной романтикой, шло обсуждение личных качеств знаменитых революционеров, ставилась под сомнение мысль о том, что цель оправдывает средства⁹.

Двадцать с лишним лет спустя о Французской революции вспоминают крайне редко, а если и вспоминают, то контекст совершенно иной: «События конца XVIII – начала XIX века всколыхнули весь Старый Свет: глубокий духовный кризис породил сначала Французскую революцию 1789 года, а затем бонапартистскую диктатуру и общеевропейскую войну»¹⁰. Постперестроечное разочарование в революции за прошедшие четверть века перебродило и настоялось: теперь ее в равной мере не приемлют и «консерваторы», и «либералы». Американский политолог Александр Янов размышляет в абсолютно схожем ключе: «Великая французская революция 1789–1815 началась формально, конечно, со штурма Бастилии и провозглашения Свободы, Равенства и Братства, но на самом деле с цареубийства, сопровождалась кровавым якобинским террором и завершилась опять-таки откатом в диктатуру – на этот раз Бонапарта»¹¹. На волне разочарования в демократии «ценности 1789 года» начинают казаться лишь ширмой, прикрывающей безудержное стремление к власти, кровь, диктатуру. С присущим ей «глубоким» знанием мировой истории Ю. Латынина в 2014 г. заметила: «Первой в истории современной Европы всеобщее избирательное право ввела Франция в 1789 году. Дело тут же кончи-

⁸ Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается // Семидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 11.

⁹ См., например, нашумевшую в свое время статью о Робеспьере: *Сергеев В.* Тигр в болоте // Знание – сила. 1988. № 7.

¹⁰ Послание святейшего патриарха Кирилла к 200-летию Отечественной войны 1812 года // Православие.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/smi/55952.htm>, свободный.

¹¹ Янов А. Великая европейская революция // Новая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/comments/66873.html>, свободный.

лось гильотиной»¹². Если еще столетие назад история Франции накладывалась на историю России и либеральная интеллигенция революцию приветствовала и призывала, то теперь мы становимся свидетелями обратного процесса: время течет вспять, история России накладывается на историю Франции.

Отражением царящих в обществе настроений является и рынок научно-популярной литературы: теперь книги выходят не о революционерах, а о политиках умеренных или правых, не о «цареубийцах», а о монархах. Характерна в этом плане славная некогда серия «Жизнь замечательных людей», которую, применительно к Французской революции, можно спокойно переименовывать в «Пламенные контрреволюционеры»: в 2008 г. в ней выходит книга о Мирабо¹³, в 2009 г. о Шарлотте Корде¹⁴, в 2013 г. о Талейране¹⁵, в 2014 г. – о Марии-Антуанетте¹⁶. И если Мирабо и Талейрана действительно можно считать «замечательными людьми», то Ш. Корде замечательна преимущественно убийством Марата, книга о котором выходила в «ЖЗЛ» много лет назад¹⁷. Объясняется ли это тем, что книги о революционерах – Робеспьере, Дантоне, Марате, Бабёфе – выходили при советской власти и теперь издатели лишь заполняют лакуны? Возможно, хотя в «ЖЗЛ» никогда не появлялись биографии ни Сен-Жюста, ни Кутона, да и других достойных внимания деятелей революционной истории. Но как объяснить, что книги о революционерах конца XVIII в. после падения советской

¹² Латынина Ю. Почему я не демократ. Манифест разочарованного интеллигента // Новая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/columns/64642.html>, свободный.

¹³ Кастр Р. де. Мирабо. М., 2008.

¹⁴ Морозова Е.В. Шарлотта Корде. М., 2009. Корде единственная выделяется из этого ряда, поскольку контрреволюционеркой не была, однако идеологическая окрашенность этой фигуры не требует пояснений.

¹⁵ Нечаев С.Ю. Талейран. М., 2013.

¹⁶ Морозова Е.В. Мария-Антуанетта. М., 2014.

¹⁷ Любопытно при этом, что если раньше была прямая корреляция между интересом к Октябрьской революции и Французской, то к событиям 1917 г. «ЖЗЛ» более благосклонна: за последние годы на тринадцать книг об участниках революции и Гражданской войны – Буденном (2007), Блюхере (2010), Жданове (2013), Коллонтай (2013), Котовском (2012), Крупской (2014), Ленине (3-е изд., 2008), Луначарском (2010), Сталине (4-е изд., 2015) и его окружении (2-е изд., 2010), Троцком (2-е изд., 2012), Тухачевском (2008, 2014), Фрунзе (2014) приходится четырнадцать книг о контрреволюционерах: Врангеле (2009), Гапоне (2014), Керенском (2009), Колчаке (4-е изд., 2012), Корнилове (2-е изд., 2012), Кутепове (2010), Кропоткине (2009), Николае II (2010), Махно (2-е изд., 2013), Милокове (2015), Солоневиче (2014), бароне Унгерне (2015), Шаховском (2008), Шульгине (2014).

власти не выходят вовсе¹⁸, тогда как появились сразу две биографии Мирабо¹⁹ и три – Марии-Антуанетты?²⁰

Второе глобальное изменение касается, собственно, историков, занимающихся Французской революцией, с одной стороны, и отношения к этой теме со стороны руководителей академической науки, с другой. В 1930-е гг. поставленная задача увековечить принципиальные изменения в восприятии Французской революции была с успехом выполнена, и в знаменитом издании «Французская буржуазная революция. 1789–1794»²¹ участвовали почти три десятка авторов, хотя не все из них, разумеется, были специалистами преимущественно по концу XVIII в. Однако впоследствии по различным причинам ни один из проектов аналогичного коллективного труда реализовать так и не удалось. Первая попытка в начале 1960-х гг. окончилась ничем, хотя в обсуждении проекта тогда участвовали Б.Ф. Поршнев, А.З. Манфред, В.М. Далин, А.В. Адо, Я.М. Захер, В.П. Волгин²². Это был проект глобального, трехтомного труда, в поршневом духе, со всемирным охватом, на 150 авторских листов. Перед двухсотлетием замысел сократился до пределов Европы²³, идея была одобрена, но вскоре выяснилось: интерес академического начальства к этому изданию явно недостаточен для того, чтобы найти финансирование на его реализацию. Было даже высказано предложение переиздать улучшенную версию тома 1941 г., но вскоре отказались и от нее. Вообще, «печатные» итоги празднования двухсотлетия оказались на редкость скромными. Хотя количество сборников статей было немалым, реальные исследования и публикации источников можно пересчитать по пальцам: Институту всеобщей истории удалось издать сборник по истории международных отношений в 1789 г., в МГУ вышли семь книг в серии «Великая Французская революция. Документы и исследования», ИНИОН

¹⁸ Последней была, если не ошибаюсь, книга о Буонаротти: *Левандовский А.* Потомок Микеланджело. М., 1991.

¹⁹ Кроме уже упомянутой, см: *Афанасьев Г.Е.* Мирабо: Первые годы Великой французской революции. М., 2014.

²⁰ Помимо книги в «ЖЗЛ» это: *Леввер Э.* Мария-Антуанетта. Ростов-на-Дону, 1997; *Фрэнгер А.* Мария-Антуанетта. М., 2007.

²¹ Французская буржуазная революция. 1789–1794. М., 1941.

²² Подробнее см.: *Бовыкин Д.Ю.* Анатолий Васильевич Адо: образ и память. Саратов, 2007. С. 69 и след.

²³ Подробнее см.: *Чудинов А.В.* Накануне «смены вех». Советская историография Французской революции в начале 1980-х гг. // Россия и мир: панорама исторического развития. Сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 112–127.

выпустил крайне полезный до сих пор указатель русской и советской литературы по истории Революции.

К тому же 200-летие революции показало, что при всем желании встречать праздник практически некому. Ушли из жизни Захер, Манфред, Далин, В.С. Алексеев-Попов, количество исследователей, специализирующихся на истории Французской революции, существенно сократилось. На проведенном в 1988 г. ИВИ АН СССР «круглом столе» по проблемам изучения Французской революции²⁴ с докладами выступили 22 человека, часть из которых относительно быстро ушла из жизни, а куда большая часть оставила в стороне революционные сюжеты и стала заниматься другими историческими темами. В настоящее время можно осторожно сказать, что эту тенденцию удалось (при) остановить, и лучшее тому свидетельство – создание в 2014 г. в ИВИ РАН лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн».

И наконец, третье изменение, которое обращает на себя внимание: в последние годы заметно возросло количество публикаций, посвященное Французской революции. Пока еще это касается в основном статей – монографий выходят считанные единицы, а обобщающих работ нет вовсе: последним капитальным трудом по истории революции была и остается монография В.Г. Ревуненкова²⁵, основанная на советской и зарубежной историографии 1960–1980-х гг., несмотря на то, что раз за разом аннотации к ее очередной реинкарнации обещают «новизну» материалов. Однако многочисленные статьи и главы в изданиях, рассчитанные на широкую читательскую аудиторию, постепенно делают свое дело: и в школьных, и в вузовских учебниках произошел наконец глобальный отказ от объяснительных и идеологических шаблонов полувековой давности. «Связь времен» распалась окончательно.

Мы задумывали настоящий выпуск «Французского ежегодника» и как возможность зафиксировать все эти перемены, и как своеобразный слепок современного состояния историографии Французской революции. Выбор западных авторов был поневоле ограничен объемом тома, но мы пригласили в него историков, чьи работы, на наш взгляд, отражают те важнейшие процессы, которые сегодня происходят в мировой историографии Революции; тех, кто во многом определяет ее лицо.

²⁴ Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989.

²⁵ *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции. 1789–1814. М., 2014.

Что касается отечественных авторов, то мы постарались собрать под одной обложкой статьи всех, кто активно занимается сегодня изучением Революции или предреволюционных лет. А также дать возможность молодым историкам, пришедшим в науку за последнее десятилетие, познакомить читателей со своими исследованиями.

Список литературы

- Адо А.В.* Письмо профессору Шен Ченсиню // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1996. № 5. [Ado A.V. Pis'mo profes-soru Shen Chensinju // Vestnik moskovskogo universi-teta. Serija 8. Istorija. 1996. № 5].
- Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. [Aktual'nye problemy izuchenija istorii Velikoj francuzskoj revoljucii. M., 1989].
- Афанасьев Г.Е.* Мирабо: Первые годы Великой французской революции. М., 2014. [Afanas'ev G.E. Mirabeau: Pervye gody Velikoj Francuzskoj revoljucii. M., 2014].
- Бовыкин Д.Ю.* Анатолий Васильевич Адо: образ и память. Саратов, 2007. [Bovykin D.Ju. Anatolij Vasil'evich Ado: obraz i pamjat'. Saratov, 2007].
- Бовыкин Д.Ю.* О современной российской историографии Французской революции XVIII века (polemicheskie zametki) // НиНИ. 2007. № 1. [Bovykin D.Ju. O sovremennoj rossijskoj istoriografii Francuzskoj revoljucii XVIII veka (polemicheskie zametki) // NiNI. 2007. № 1].
- Горбачев М.С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается // Семидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. [Gorbachev M.S. Oktjabr' i perestrojka: revoljucija prodolzhaetsja // Semidesjatiletie Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii. M., 1988].
- Досэ Ф.* Образ Французской революции конца XVIII века в политических дебатах перестройки // Россия и Франция XVIII–XX вв. М., 2008. Вып. 8. [Dosse F. Obraz Francuzskoj revoljucii konca XVIII veka v politicheskikh debatah Perestrojki // Rossija i Francija XVIII–XX vv. M., 2008. Вып. 8].
- Кастр Р. де.* Мирабо. М., 2008. [Castries R. de. Mirabeau. M., 2008].
- Латынина Ю.* Почему я не демократ. Манифест разочарованного интеллигента // Новая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/columns/64642.html>, свободный. [Latyнина Ju. Pochemu ja ne demokrat. Manifest razocharovannogo intelligenta //

- Novaja gazeta [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.novayagazeta.ru/columns/64642.html>, svobodnyj].
- Левандовский А.* Потомок Микеланджело. М., 1991. [Levandovskij A. Potomok Mikelandzhelo. M., 1991].
- Левер Э.* Мария-Антуанетта. Ростов-на-Дону, 1997. [Lever E. Marija-Antuanetta. Rostov-na-Donu, 1997].
- Морозова Е.В.* Мария-Антуанетта. М., 2014. [Morozova E.V. Marija-Antuanetta. M., 2014].
- Морозова Е.В.* Шарлотта Корде. М., 2009. [Morozova E.V. Charlotta Korde. M., 2009].
- Нечаев С.Ю.* Талейран. М., 2013. [Nechaev S.Ju. Talejran. M., 2013].
- Послание святейшего патриарха Кирилла к 200-летию Отечественной войны 1812 года // Православие.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/smi/55952.htm>, свободный. [Poslanie svjatejshego patriarha Kirilla k 200-letiju Otechestvennoj vojny 1812 goda // Pravoslavie.ru [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.pravoslavie.ru/smi/55952.htm>, svobodnyj].
- Ревуенков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции. 1789–1814. М., 2014. [Revunenkov V.G. Ocherki po istorii Velikoj francuzskoj revoljucii. 1789–1814. M., 2014].
- Сергеев В.* Тигр в болоте // Знание – Сила. 1988. № 7. [Sergeev V. Tigr v bolote // Znanie – sila. 1988. № 7].
- Французская буржуазная революция. 1789–1794. М., 1941. [Francuzskaja burzhuaznaja revoljucija. 1789–1794. M., 1941].
- Фрэзер А.* Мария-Антуанетта. М., 2007. [Frjezer A. Marija-Antuanetta. M., 2007].
- Чудинов А.В.* Накануне «смены вех». Советская историография Французской революции в начале 1980-х гг. // Россия и мир: панорама исторического развития. Сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. [Tchoudinov A.V. Nakanune «smeny veh». Sovetskaja istoriografija Francuzskoj revoljucii v nachale 1980-h gg. // Rossija i mir: panorama istoricheskogo razvitija. Sbornik nauchnyh statej, posvjashhennyj 70-letiju istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gor'kogo. Ekaterinburg, 2008].
- Чудинов А.В.* Прощание с эпохой (размышления над книгой В.Г. Ревуенкова) // ВИ. 1998. № 7. [Tchoudinov A.V. Proshhanie s jepohoj (razmyshlenija nad knigoj V.G. Revunenкова) // VI. 1998. № 7].

- Чудинов А.В. Смена веков: 200-летие Революции и российская историография // ФЕ. 2000. М., 2000. [Tchoudinov A.V. Smena vekov: 200-letie Revoljucii i rossijskaja istoriografija // FE. 2000. M., 2000].
- Чудинов А.В. Современные тенденции во французской историографии Революции XVIII в. // ВИ. 2015. № 1. [Tchoudinov A.V. Sovremennye tendencii vo francuzskoj istoriografii Revoljucii XVIII v. // VI. 2015. № 1].
- Чудинов А.В. «Франция» пишем, «Россия» – в уме... О скрытых смыслах дискуссии по проблеме якобинской диктатуры (60-е – 80-е годы XX в.) // Неприкосновенный запас. 2007. № 5 (55). [Tchoudinov A.V. «Francija» pishem, «Rossija» – v ume... O skrytyh smyslah diskussii po probleme jakobinskoj diktatury (60-e – 80-e gody XX v.) // Neprikosnovennyj zas. 2007. № 5 (55)].
- Янов А. Великая европейская революция // Новая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/comments/66873.html>, свободный. [Janov A. Velikaja evropejskaja revoljucija // Novaja gazeta [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.novayagazeta.ru/comments/66873.html>, svobodnyj].
- Tchoudinov A. La Révolution française: de l'historiographie soviétique à l'historiographie russe, «changement de jalons» // Cahiers du monde russe. 2002. № 43/2–3.

Статья посвящена изменениям в зарубежной и отечественной историографии Французской революции XVIII века, произошедшим за четверть века после празднования ее двухсотлетия. Автор приходит к выводу, что за эти годы в России происходит разрыв с советской историографической традицией, появляется новое поколение исследователей, однако в общественном мнении закрепляется негативное восприятие революции, характерное как для «консерваторов», так и для «либералов». Если раньше французский политический опыт накладывался на историю России, то ныне доминирует обратный процесс.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., историография, А.В. Адо, А.З. Манфред, В.М. Далин.

ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИИ

*С. Барроуз**

БИБЛИОМЕТРИЯ, ПОПУЛЯРНОЕ ЧТЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОЛЕ ИЗДАТЕЛЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ¹

Опираясь на использование цифровых технологий, автор предлагает новый ответ на известный вопрос Д. Морне: «Что читали французы в восемнадцатом столетии?» Используя документы бухгалтерии, автор и его сотрудники создали базу данных знаменитого швейцарского издательского и книготоргового предприятия – Невшательского типографского общества (НТО). Эта база данных позволяет проследить пути распространения 3600 различных изданий по клиентской сети НТО, охватывавшей всю Европу, а также определить круг чтения людей на закате эпохи Просвещения. Она также позволяет выдвинуть ряд обоснованных гипотез относительно международной торговли французскими книгами и европейских читательских предпочтений. Располагаясь в управляемом Пруссией регионе Швейцарии, НТО мог относительно свободно торговать запрещенными и пиратскими изданиями. Однако его архив все же не позволяет воссоздать полную картину франкоязычного книжного рынка. Если судить по голым цифрам, большая часть пиратского книжного рынка была заполнена католическими религиозными сочинениями: именно они составляли львиную долю торговли нелегальными изданиями. Однако, несмотря на огромную популярность подобной

* Саймон Барроуз, профессор университета Западного Сиднея (*University of Western Sydney*).

¹ Настоящая статья является переработанным вариантом моего вступительного слова на конференции Британской ассоциации изучения романтизма в Саутгемптоне в июле 2013 г. Я выражаю благодарность Джиллиану Доу и другим организаторам конференции за то, что они пригласили меня выступить, Университету Западного Сиднея за финансирование, а Найджелу Эстону и Энгусу Мартину за советы. Я также благодарю Британский исследовательский совет искусств и гуманитарных дисциплин за финансирование проекта FBTEE, на котором в значительной степени основывается настоящая статья, а также команду FBTEE и его руководителей за их вклад в проект.

литературы, в классических исследованиях о книготорговле эпохи Просвещения о ней встречаются лишь разрозненные упоминания.

Ключевые слова: Просвещение, книготорговля, Невшательское типографское общество, Французская революция, историческая библиометрия.

С точки зрения литературного агента книга «Планта зарабатывает на жизнь как честный человек» отвечает всем критериям бестселлера. Поведанные шепотом признания, секс, инцест, супружеские измены, предательства и политические интриги – эта повесть каждым своим словом напоминает скандальные мемуары о трагической судьбе героя или популярную книгу для пляжного чтения. Разве что по обложке памфлета можно заметить отличие его от современных бестселлеров: громоздкое название оповещает читателя почти все обо всех поворотах сюжета². Именно этот памфлет и возглавляет список бестселлеров, который мне удалось составить по итогам пятилетнего проекта АНРС³, посвященного изучению торговых операций Невшательского типографского общества (НТО) – знаменитой швейцарской компании, занимавшейся изданием и продажей книг по всей Европе. Проект основывался на данных конторских книг НТО (см. табл. 1)⁴.

² Полное название первого издания книги (Невшатель: НТО, 1782): «Планта зарабатывает на жизнь как честный человек, или Сравнение г-на барона де Планта и уважаемого Теодора Рийе. Дабы защитить последнего от ордонанса Женевского совета, называемого приговором, который лишил его звания гражданина, и т. д., и т. п., за то, что он дерзко и клеветнически обвинил г-жу Урсулу де Планта, свою жену, в том, что она, во-первых, родила ребенка до брака и, во-вторых, родила его от своего брата. Приговор был вынесен на основании жалобы самого брата, барона де Планта, в которой не шло речи ни о г-же Урсуле де Планта, ни об этом обвинении. Также содержит изучение ответов г-на де Планта» («Planta gagnant sa vie en honnête homme. Ou confrontations de M. le Baron de Planta et de le spectable Théodore Rilliet. Pour servir de défense à de dernier contre l'ordonnance du Conseil de Genève, qui sous le nom de sentence, le dégrade de son état de Citoyen, &c. &c. pour avoir téméраirement & calomnieusement imputé à Dame Ursule de Planta, sa femme, de lui avoir avoué, 1e qu'elle avoit un enfant avant son mariage, 2e qu'elle l'avoit eu de son frère. Rendue sur une plainte de ce même frère le Baron de Planta, dans laquelle il ne s'agissoit ni de Dame Ursule de Planta, ni de cette imputation. Suivies de l'examen des réponses de M. de Planta »).

³ Arts and Humanities Research Council, Исследовательский совет по искусству и гуманитарным дисциплинам, один из исследовательских советов в Великобритании. – *Прим. ред.*

⁴ База данных доступна по адресу: <http://fbtee.uws.edu.au/stn/interface/?> Табл. 1 можно воспроизвести, если в меню «Rank» выбрать «Books» и задать параметры для поиска – «top 10», «sales» и «everywhere».

Табл. 1. Бестселлеры эпохи Просвещения? Книги, распространенные НТО в 1769-1794 гг., в наибольшем количестве экземпляров (источник: база данных FBTEE)

	Автор	Название	Распространено экземпляров
1	T. Rilliet de Saussure	<i>Planta gagnant sa vie en honnête homme</i>	16 680
2	L.-S. Mercier	<i>Tableau de Paris</i>	14 065
3	L.-S. Mercier	<i>Destruction de la Ligue</i>	10 180
4	Anon.	<i>Pièces importantes à la dernière révolution de Genève</i>	7 953
5	J.-F. Ostervald	<i>Abrégé de l'histoire sainte</i>	6 631
6	F.-S. Ostervald	<i>Cours de géographie élémentaire</i>	5 898
7	–	<i>Bible</i>	5 243
8	[F.-S. Ostervald ?]	<i>Géographie</i>	4 400
9	J. Le Scene Desmaisons	<i>Contrat conjugale, ou Loix du mariage, de la répudiation & du divorce</i>	4 164
10	L. S. Mercier	<i>Mon Bonnet de nuit</i>	4 042

Проект FBTEE (French book trade in Enlightenment Europe, Торговля французскими книгами в Европе эпохи Просвещения) опирался на четко определенный список научных вопросов и тщательно структурированную интерпретационно-реляционную базу данных и исходил из впервые высказанного Робертом Дарнтоном и ставшего общепринятым мнения о том, что архив НТО вполне репрезентативен для анализа международной торговли французскими книгами⁵. Этот архив позволяет изучить импорт и экспорт книг по всей Европе, а также узнать вкусы широкого круга читателей на излете эпохи Просвещения – как во Франции, так и в других странах. Именно это и будет предметом данной статьи. Тем не менее, справившись с большим числом концептуальных вопросов, мы обнаружили, что наиболее интересные результа-

⁵ См.: Darnton R. Forbidden Best-Sellers of Pre-Revolutionary France. L.-N.Y., 1996, особенно р. 52–59; а также разбор его аргументов в: Curran M. Beyond the Forbidden Best-Sellers of Pre-Revolutionary France // Historical Journal. 2013. № 56.1. P. 89–112.

ты нашего исследования порождают новые вопросы⁶. И первая неудача вышла у нас с бестселлером номер один.

Как ни парадоксально, но книга «Планта зарабатывает на жизнь как честный человек» на самом деле вообще не была бестселлером. Наш список показывает не число купленных экземпляров, а число разосланных. НТО напечатало памфлет в беспрецедентном количестве экземпляров и отправило их нескольким дюжинам клиентов, но сравнительно мало экземпляров было куплено. Почему? История поучительна. Памфлет был написан по следам семейного конфликта, переросшего в дело о клевете. Его автор, женевский экономист Теодор Рийе де Соссюр, обвинил свою жену в том, что она прижила ребенка в кровосмесительной связи со своим братом бароном де Планта. Женевские суды приняли решение в пользу Планта и лишили Рийе женевского гражданства. Памфлет выражает протест против этого решения. По всей видимости, Рийе надеялся наводнить Швейцарию и Париж дешевыми, убористо напечатанными шестистраничными памфлетами *in octavo*. Продавая их всего по два су за экземпляр, он надеялся покрыть расходы на печать 30 тыс. экземпляров. Так, 28 апреля 1783 г. НТО выслало агентам Рийе, невшатальским купцам Жак-Луи Пурталесу и К°, 9 тысяч свеженпечатанных копий дешевого второго издания «Планта зарабатывает на жизнь как честный человек». Счета показывают, что в дальнейшем было напечатано еще 15 тысяч экземпляров. Но я не смог отыскать ни одного экземпляра из этого громадного тиража. Что с ними со всеми случилось? Возможно, этого мы никогда не узнаем. С Пурталесом след теряется. Но поскольку Рийе скончался 12 апреля 1783 г., до того, как партия книг была отправлена, представляется вероятным, что наследники уничтожили памфлет⁷.

Дело Рийе показывает, как опасно утверждать, что документы НТО репрезентативны в буквальном смысле слова. Существует и множество иных сложных вопросов интерпретации. Некоторые связаны с другими заказанными книгами и их авторами, в том числе будущим революционером Ж.-П. Бриссо. Он заказал доставить в Париж огромное число своих трудов об Американской революции, тем самым создав впечатление, что Париж, в отличие от других интеллектуальных центров, наводнен

⁶ О концептуальных вопросах см.: *Burrows S. In Search of Enlightenment: From Mapping Books to Cultural History // Journal for Early Modern Cultural Studies. Special issue The Digital Turn. 2013. № 13.4. P. 3–28.* См. также мой ответ на обзор Р. Дарнтон, посвященный базе данных FBTEE в: [Электронный ресурс]. Свободный доступ. URL: <http://www.history.ac.uk/reviews/review/1355> (дата обращения: 03.06.2015).

⁷ История памфлета реконструируется по посвященным Рийе документам из фонда НТО, хранящимся в: *Bibliothèque publique et universitaire de Neuchâtel (BPUN). MS 1207. F. 7–66*, а также по данным из базы FBTEE. Рийе умер 12 апреля 1783 г. в возрасте 56 лет.

проамериканскими памфлетами. Другие вопросы связаны с постоянными авторами издательства НТО, такими, как Л.-С. Мерсье, заключивший эксклюзивное соглашение с НТО в конце 1770-х гг. По тиражам своих произведений он занимает первое место среди авторов НТО (см. табл. 2). Мерсье вовсе не является малоизвестным писателем, но, даже принимая во внимание феноменальный успех его «Картин Парижа», все же удивительно, что его труды, составлявшие примерно одну девятую продаж НТО, продавались в два с половиной раза лучше, чем книги Вольтера.

Табл. 2. Авторы книг, распространенных НТО в 1769–1794 гг. в наибольшем количестве экземпляров (источник: база данных FBTEE)

Автор	Распространено экземпляров
Луи-Себастьян МЕРСЬЕ	45,718
Теодор РИЙЕ де СОССЮР	22,015
Вольтер	17,445
Жак-Пьер БРИССО	12,920
Фредерик-Самюэль ОСТЕРВАЛЬД	12,434

Дополнительной проблемой являются единичные сделки: некоторые из них были столь крупными, что вносят искажение даже в базу данных, примером чего может послужить заказ Рийе. Другой пример – в 1779 г. Малерб-старший из Лудена получил по бросовой цене большое количество запрещенной литературы, которую иначе было нереально сбывать с рук. Этот эпизод уникален в истории НТО, но его вполне достаточно, чтобы исказить наше представление о подпольной торговле книгами⁸. Кроме того, не является репрезентативной торговля с большими городами. НТО так и не смогло преодолеть контроль парижской гильдии книгоиздателей над розничной книготорговлей в Париже. В Лондоне их клиентами были лишь мелкие или не имевшие хорошей репутации книготорговцы⁹.

Таким образом, индивидуальные истории и статистика нашей базы данных отличаются сложностью и с трудом поддаются интерпретации, что создает массу ловушек для неподготовленного исследователя. Мно-

⁸ Более подробно см.: *Burrows S. French Banned Books in International Perspective, 1770–1789 // Experiencing the French Revolution / Ed. by D. Andress. Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. 2013. № 5. P. 19–45, особенно P. 33.*

⁹ *Burrows S. French Exile Publishing and Bookselling in London, 1760–1815. Выступление на конференции «Collections and Compilations», University of Cambridge, 18–19 марта 2008 г. (неопубликованная работа).*

жество данных оказалось искажено из-за снижения цен на отдельные бестселлеры, из-за крупных клиентов или по причине того, что речь идет об изданиях НТО или о книгах, опубликованных в Швейцарии. Поэтому, когда мы пытаемся интерпретировать наши данные, понять рынок или сферу литературной деятельности НТО, найти ответы на вопросы, мы постоянно рискуем проявить близорукость и выдать желаемое за действительное. Но база данных FTBEE располагает мощными цифровыми инструментами, позволяющими сделать особые выборки, которые могут быть оказаться более репрезентативными. И это хорошо: без этой возможности весь проект стал бы бессмысленным.

С самого начала нашей работы над проектом гипотеза о том, что книготорговля НТО сама по себе была «репрезентативной», рассыпается на глазах. Участник проекта Марк Кэрран быстро выяснил, что НТО торговало почти исключительно книгами, изданными в Швейцарии. Лишь 5% книг, проданных НТО, были однозначно определены как изданные в других странах¹⁰. Мой анализ сети авторов показывает, что они были почти исключительно французами или швейцарцами¹¹. По-видимому, за вычетом стандартного набора авторов Просвещения, НТО торговало исключительно работами швейцарских просветителей. Этот факт, в свою очередь, ставит под вопрос ключевой тезис Дарнтонна о том, что данные по НТО репрезентативны, поскольку оно якобы покупало книги, находившиеся в «свободном обращении» по всей Европе, обмениваясь ими с другими издателями-книготорговцами. Именно этой точки зрения мы придерживались в нашей первой крупномасштабной публикации в рамках этого проекта, написанной в соавторстве и прошедшей научное рецензирование¹². Однако правомочность этого тезиса ставится под вопрос в моей готовящейся книге, где будут рассмотрены данные архива НТО по распространению просветительской литературы¹³. Впрочем, прошел год, и, более внимательно проанализировав данные, я пришел к выводу, что мы поторопились. Теория «свободного обращения», если ее видоизменить, вновь кажется вполне здоровой. В базе данных НТО немало сведений как о торговле на дальние расстояния, так и о том, что архив сам по себе является куда более репрезентативен, чем я предполагал.

¹⁰ Иностранные издания составляют 5% известных покупок и 4,9% известных продаж.

¹¹ Результаты моих исследований впервые были изложены в статье под названием «The French Book Trade in Enlightenment Europe, 1769–1787», которую я представил в Voltaire Foundation в Оксфорде 14 января 2008.

¹² Burrows S., Curran M. How Swiss was the STN? // Journal of Digital Humanities. 2012. № 1.3. P. 56–65.

¹³ Burrows S. Enlightenment Best-Sellers? // The French Book Trade in Enlightenment Europe. L., – N.Y., 2015. Vol. II (находится в печати).

Вот ход моих рассуждений. НТО было крупным предприятием и располагало значительным числом печатных прессов. В период между 1770 и 1787 гг. оно продавало примерно 7% от всех изданий на французском языке, вышедших за эти годы в Европе, и, возможно, 1% от вообще всех изданий на французском языке, имевшихся в продаже. В период расцвета издательства, около 1780 г., эти цифры были значительно выше. Этого достаточно, чтобы признать некоторую статистическую репрезентативность соответствующих данных¹⁴. Рынок сбыта НТО делился на три сходные по размеру доли: 36,4 % продаж приходилось на Францию, 39,4% на Швейцарию и 24,2% на остальную Европу. Таким образом, 60% продаж НТО приходилось на иностранные государства, а семь восьмых распространялось далее чем в 200 км от Невшателя. Более одной пятой экспорта (51 тыс. шт.) было продано в столь отдаленных местах, как Великобритания, Россия, Польша, Пиренейский полуостров и Нидерланды. При этом наблюдается разрыв между импортом и экспортом НТО: лишь 5% проданных им книг можно безусловно отнести к иностранным изданиям.

Этот разрыв в значительной степени является статистической иллюзией, основанной на ложном сопоставлении. В делах НТО необходимо отличать розничную торговлю книгами других издателей от оптовой торговли собственными изданиями. 66% всех продаж НТО составляли его собственные издания¹⁵. Если же рассматривать НТО как дилера других издательств, картина значительно изменится. Точные объемы торговли иностранными книгами, которую вело НТО, неизвестны, поскольку мы часто не располагаем достаточными данными, чтобы идентифицировать книгу и место ее публикации, но мы можем использовать данные о тех книгах, чье происхождение известно, и, исходя из него, предположить, какова могла быть доля книг, изданных за границей¹⁶. Если исходить из этого предположения, получится, что примерно 39 720 книг, купленных НТО у других издателей (27% от общего числа), были изданы за границей¹⁷.

¹⁴ *Burrows S. French Banned Books...* P. 24–25.

¹⁵ В базе данных FBTEE содержатся данные о 273 116 книгах, опубликованных НТО самостоятельно, совместно или по заказу. Эта цифра вычитается из общего числа в 413 710 экземпляров, отправленных НТО.

¹⁶ 14,3% книг, купленных НТО в Швейцарии, место публикации которых известно, были изданы за границей. Относительно книг, купленных НТО за пределами Швейцарии, этот показатель составляет 71,9%. Эти данные были применены к статистике по книгам, относительно которых известно место покупки, но не место публикации. Так мы получили статистические данные, приводящиеся в последнем столбце табл. 3.

¹⁷ В целом НТО купило 153 973 книги. Данные по закупкам более полные, чем по продажам. К предположительно 39 720 иностранным книгам мы можем добавить неизвестную долю от 20 000 книг, относительно которых нам неизвестно ни место публикации, ни место покупки.

Табл. 3. Предположительное общее число иностранных книг в распоряжении НТО

	Количество экземпляров иностранных изданий среди книг, место публикации которых известно	Количество экземпляров иностранных изданий среди книг, место публикации которых неизвестно (предположительно)
Книги швейцарского происхождения	5 815	6 547
Книги иностранного происхождения	12 829	14 549
	18 644	21 096

Таким образом, существенная доля торговли книгами французского Просвещения осуществлялась на большие расстояния. Это вполне логично. Библиофилы, ученые и простые читатели были готовы заплатить больше за книгу, которая не издавалась в их регионе, а в некоторых случаях искали какое-то конкретное издание. Об этом свидетельствуют маркетинговые ходы – реклама XVIII в. изобилует сообщениями о «последних новинках», «улучшенных переводах», «новых», «последних», «исправленных» изданиях, люксовых изданиях «на веленовой бумаге», переплетенных в телячью кожу или еще как-нибудь отличающихся от остальных. Находчивые издатели и книгопродавцы знали, чего хотят их клиенты, и вели себя соответственно. Возможно, заслуживает удивления лишь то, какое количество книг продавалось довольно далеко от места публикации.

НТО было нацелено на массовый рынок. Хотя оно вложило большие средства в несколько дорогих изданий, в первую очередь сильно отредактированное издание «Словаря искусств и ремесел», а также «Энциклопедию», обычно оно продавало дешевые книжки для массового потребления¹⁸. Возможно, в этом оно было вполне типичным издательством. Конечно, у него были свои предпочтения в бизнесе. В плане религиозном оно обслуживало в первую очередь франкоязычный протестантский рынок. Кроме того, хотя оно было замешано в продаже либертинской порнографии, политических памфлетов и трудов радикальных материалистов, оно быстро отказалось от мысли самому публиковать подобные опасные книги. Это разумное деловое решение

¹⁸ Анализ сравнительной величины рынка изданий-люкс и дешевых книг см.: *Curran M. Selling Enlightenment // The French Book Trade in Enlightenment Europe. L.-N.-Y., 2014. Vol. 1. P. 1.* Выражаю благодарность автору, приславшему мне эту главу.

было принято после двух инцидентов. В 1770 г. НТО выпустило в свет первое издание язвительной материалистической книги барона Гольбаха под названием «Система природы» и попало под огонь критики со стороны местного духовенства. Вслед за тем издательский дом уволил одного из своих основателей за то, что тот вместе с регулярными поставками книг НТО отправлял клиентам экземпляры неприличного памфлета Тевено де Моранда «Газетчик в панцире». После этого стало очевидно, что публикация подобной литературы создает слишком много проблем¹⁹. Тем не менее весьма возможно, что в торговле НТО тайная продажа вольнодумных книг играла более заметную роль, чем в книготорговле вообще. Дело в том, что Невшатель был безопасным местом: он находился за границами Франции, под скипетром короля Пруссии – сюзерена могущественного и далекого²⁰. Хорошая военная защита и не слишком большое внимание к делам внутренним превращали Невшатель, подобно Голландии и Великобритании, в идеальную базу торговли запрещенной литературой.

Что же именно продавало НТО и как осуществлялась их торговля? На первый взгляд, на этот вопрос ответить нетрудно. Каждая книга в базе данных прошла классификацию не однажды, а дважды. Если сгруппировать воедино различные классификационные пометки для разных книг, мы получим точнейшее представление о содержании книг, которыми торговало НТО, об их идеологической направленности, и часто, когда речь идет о художественной литературе, о жанре. Помимо прочего, эти данные сообщают новые сведения о массовом чтении во франкоязычной Европе 1770-х – 1780-х гг.

Первая из классификаций, которые мы используем, существовала уже в XVIII в. Она возникла в конце XVII в. среди парижских книготорговцев и активно использовалась библиографами, книгопродавцами и библиотекарями, составлявшими каталоги частных книгохранилищ²¹. Ее применяли и историки книжного дела, что облегчает сравнительный анализ. Мы не обнаружили парижской системы в собственных каталогах НТО, но ее модифицированная версия присутствует в огромном каталоге лондонского книгопродавца Давида Буасьера за 1774/1775 годы, содержащего при-

¹⁹ Schlup M. La Société typographique de Neuchâtel (1769-1789): points de repère // L'Édition neuchâteloise au siècle des Lumières: la Société typographique de Neuchâtel (1769-1789) / Ed. by M. Schlup. Neuchâtel, 2002. P. 72–88.

²⁰ В 1707–1748 гг. Невшатель принадлежал Пруссии.

²¹ См.: Edwards E. Memoirs of Libraries: Including a Handbook of Library Economy. L., 1859. P. 781–782.

мерно 3700 книг²². Не следует удивляться тому, что Буасьер изменил систему – она была гибкой и не имела окончательного списка рубрик²³. Это позволяло составителям каталогов использовать многочисленные градации, применявшиеся, например, в каталоге библиотеки Гольбаха за 1789 г., который помог нам самим освоить эту систему²⁴. Но такой неспециализированный книгопродавец, как Буасьер, предпочитал разбить свой товар на несколько логичных и понятных для клиентов секций. 41% его франкоязычных книг относился к рубрике «Художественная литература», а 34% попадали в раздел «Науки и искусства»²⁵. 13,5% своих книг он поместил в раздел «История» (эта рубрика включала в себя географию и описания путешествий), 7,5% – в «Богословие» и только 4% – в «Юриспруденцию». В его каталоге было вдвое больше наименований книг на французском языке, чем в ассортименте НТО в период расцвета издательства, и мы можем задаться вопросом: насколько хорошо каталог Буасьера отражает тогдашний литературный рынок и насколько он сходен с другими реестрами книжной торговли?

Вопреки всем ожиданиям, набор книг в каталоге Буасьера радикально отличается от тех, что можно найти в каталогах частных библиотек или в обзорах главных журналов. Ни в одном из этих реестров раздел «художественная литература» и близко не подходит к 41% франкоязычных книг, в то время как раздел «История» у Буасьера необычайно мал. Возможно, этому не стоит удивляться: в конце концов, Буасьер заботился об удовлетворении вкусов лондонской аудитории, включавшей в себя английское дворянство, иностранцев в изгнании и французских

²² Catalogue général des livres qui se trouvent chez la Société typographique à Londres (без даты, издан примерно в 1775 г.). В ЕССО каталог был ошибочно датирован 1785 г. Буасьер торговал под несколькими вывесками, в том числе «Лондонское типографское общество» (*Société typographique de Londres*) примерно с 1771 по 1787 гг. О Буасьере см.: *Burrows S. Blackmail, Scandal and Revolution: London's French Libellistes, 1758–1792.* Manchester, 2006. P. 63–74, 123–128; *Smith D. The Publishers of Helvétius's De l'Homme: the Société typographique de Londres // Australian Journal of French Studies.* 1993. № 30.3. P. 311–23.

²³ *Edwards E.* Op. cit. P. 782.

²⁴ Базу парижских книгопродавцов для проекта FBTEE подготовил Марк Кэрран.

²⁵ Статистические данные рубрики «Художественная литература» включают также 11 книг из рубрики «Академические награды и труды». «Науки и искусства» включают пять рубрик: «Философия, метафизика, мораль» (212 книг), «Математика, физика, естественная история, военное искусство» (328), «Сельское хозяйство, экономия, коммерция» (127), «Медицина, хирургия, аптекарское дело, химия, ботаника и т. д.» (163), «Искусства, механика» (77). 479 книг всех жанров, объединенных в рубрику «Библиография. Разное» были исключены из моей статистики.

бездельников²⁶. Кроме того, каталоги книг – недостаточно надежный источник для измерения спроса. Популярные книги, которые быстро расхватались и продавались, возможно, не залеживались на складах достаточно долго, чтобы попасть в каталоги. А вот книги неудачные, а также быстро забытые книги-однодневки, часто оседавшие на полках мертвым грузом, могли числиться в каталогах год за годом²⁷.

Набор книг в списках дозволенного к печати²⁸, в обзорах изученных журналов и в частных библиотеках тоже отличаются друг от друга. Несколько подобных списков сопоставил Р. Дарнтон (см. табл. 5)²⁹. Количество книг в рубрике «наука и искусства» очень сильно колеблется, хотя похоже на то, что в целом научные книги становились предметом обсуждения в журналах, но не имели популярности среди покупателей и читателей. К рубрике «право» [юриспруденция] относилось около 20% книг, принадлежавших французским членам парламентов, и не более 3–4%, если брать частные библиотеки вообще. Таким образом, по крайней мере в этом каталог книг Буасьера, по-видимому, отражает вкусы широкого круга читателей. Религия [богословие] занимает важное место среди книг, официально разрешенных к печати, но лишь небольшое число религиозных книг стало предметом обсуждения в таких журналах, как *Journal des Savants*, или даже в иезуитском *Mémoires de Trévoux*. Религиозная литература занимала неожиданно важное место в библиотеках членов парламентов, составляя в них 15–20% – впрочем, это в большей степени касалось провинциальной Бретани, чем искушенного столичного Парижа. Религиозные книги были, очевидно, менее популярны согласно обобщающему исследованию Морне, хотя небольшая доля книг у Морне вообще не отнесена ни к какой рубрике³⁰.

На книги по «истории» приходится около 12% разрешений, но эта цифра, видимо, недостаточно отражает их популярность среди читателей.

²⁶ О круге читателей Буасьера см.: *Burrows S. Blackmail, Scandal, and Revolution. P. 63–64.*

²⁷ Вместе с тем следует заметить, что некоторые религиозные бестселлеры могли печататься большими тиражами в расчете на продажу в течение нескольких лет.

²⁸ При переводе были использованы следующие термины: *permission simple* – обычное разрешение, т.е. разрешение, данное на несколько лет, не привилегия; *permission publique* – официальное разрешение; *permission tacite* – негласное разрешение, даваемое устно или письменно, т.е. книга цензуру проходила, однако печаталась так, чтобы походить на нелегальное издание, поскольку власти были готовы лишь закрыть на него глаза, не более того. – *Прим. ред.*

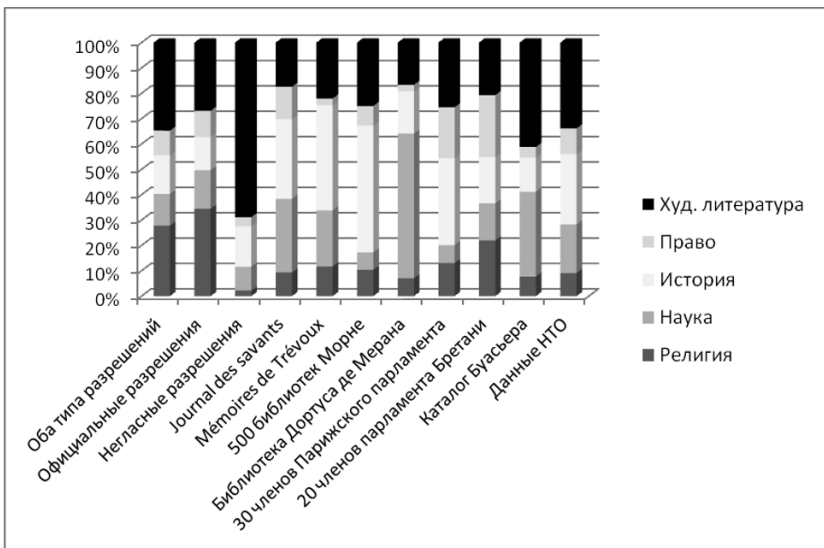
²⁹ См.: *Darnton R. Reading, Writing and Publishing // Darnton R. The Literary Underground of the Old Regime. Cambridge (MA), 1982. P. 173–182.* Эта статья впервые была опубликована в: *Daedalus. Winter 1971. P. 214–56.*

³⁰ См. примечание 32.

Во всех библиотечных каталогах цифра выше, а в библиотеках парижских парламентариев она превышает 35%. Примерно такую же долю книги по «истории» составляли и среди обсуждавшихся в журналах. Можно предположить, что они имели более высокие тиражи и, возможно, воспринимались более серьезно, чем другие виды литературы, в особенности романы, эфемерные и зависимые от моды. Есть основания подозревать, что многие романы в конечном счете выбрасывались, чем и вызван невысокий библиотечный рейтинг «художественной литературы», в особенности если сравнивать с каталогом Буасьера и данными НТО (см. табл. 4).

Дело в том, что в базе данных НТО по Парижу «художественная литература» безусловно лидирует, а на втором месте расположилась «история». «Науки и искусства» тоже занимают важное место.

Табл. 4. Обзоры популярных книг во Франции и Европе XVIII века (только книги, отнесенные к той или иной категории)³¹

Если мы обратимся к подкатегориям, специфика книжной торговли НТО станет более очевидной (см. табл. 5). «Художественная ли-

³¹ Первые девять столбцов этого графика адаптированы из таблицы Дарнтон в: *Darnton R. Reading, Writing and Publishing*. P. 180. Работы, не отнесенные ни к какой категории, из статистики исключены. Они составляют от 1% книг НТО в реестре FBTEE до 27.5% в реестре «Разрешений» и даже до 42% в реестре Морне.

тература», занимавшая столь важное место в продажах издательства, отнюдь не сводилась к романам: почти в той же степени, что и «романы», продавалась «поэтика». Немалым спросом пользовались «древние и современные авторы» – категория, включавшая в себя антологии самого различного жанра (порой находившиеся на грани научной и художественной литературы). Пользовались ли томики поэзии такой же популярностью, как и романы? Возможно, нет, поскольку наша картина учитывает не все. Когда была изобретена парижская классификация, прозаическая драматургия была практически неизвестна во Франции. Поэтому категория «поэтика» включает в себя все драматургические произведения, не только стихотворные, но и прозаические. НТО продавало куда больше драматургических произведений, чем большинство конкурентов, в чем издательству помогала популярность пьес Луи-Себастьяна Мерсье. В то же время анализ книг, которые покупало НТО, указывает на то, что они, по видимому, публиковали меньше романов, чем большинство их конкурентов или партнеров.

Табл. 5. «Продажи» по подкатегориям в составе главных категорий по парижской классификации согласно базе данных НТО

Категория	Подкатегория	Кол-во экземпляров, проданное НТО	% от всех экземпляров
Художественная литература	Романы	53 346	13,01
	Поэтика	42 817	10,44
	Древние и современные полиграфы	32 260	7,87
	Грамматики и словари	6 821	1,66
	Риторика	2 057	0,5
	Библиография	275	0,07
	Филология	136	0,03
История	История (все подкатегории)	70 758	17,25
	Путешествия	22 405	5,46
	География и карты	17 215	4,2
	Другие подкатегории	1 429	0,35

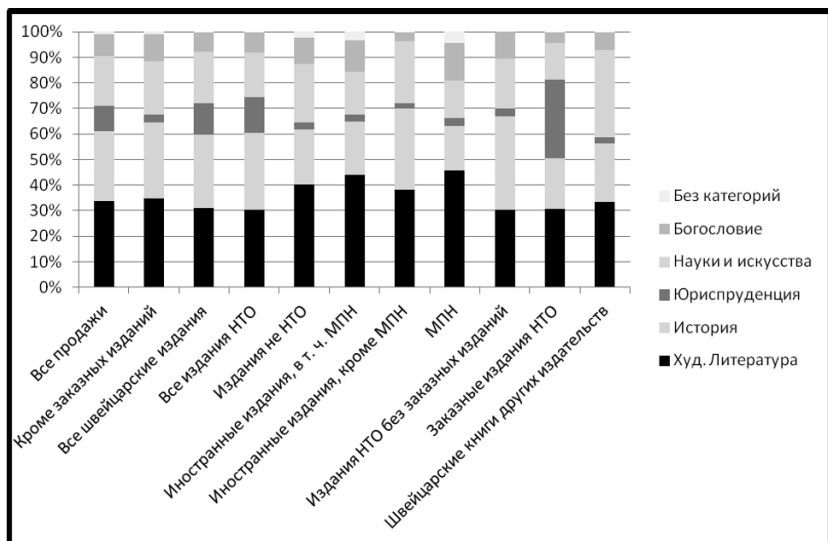
Категория	Подкатегория	Кол-во экземпляров, проданное НТО	% от всех экземпляров
Науки и искусства	Философия	43 740	10,66
	Медицина, хирургия	9 666	2,36
	Естественная история	8 055	1,96
	Искусства	7 797	1,9
	Метафизика	7 202	1,76
	Математика	1 982	0,48
	Другие подкатегории	104	0,03
Всего:		328 065	79,99

Если в рубрике «художественная литература» главную роль играли романы и поэзия, успех «истории» во многом был обусловлен продажами НТО книг по «географии и путешествиям». «Науки и искусства» в свою очередь опирались на две подкатегории, которые нам, возможно, будет трудно соотнести друг с другом, – «философия» и «метафизика». В данном контексте «философия» – общее понятие, включающее в себя «логику и мораль». «Метафизика» – понятие более специфическое, включающее в себя труды, посвященные существованию Бога и души с интеллектуальной точки зрения, то есть не связанные с религиозными истинами, полученными путем Божественного откровения либо богословского обоснования. Именно в этой категории находятся работы Гельвеция или барона Гольбаха. Неудивительно, что изданная НТО «Система природы» фигурирует среди продаж «метафизики». Впоследствии НТО избегало публикации подобной опасной «философии».

Так мы могли бы обрисовать в нашей статье широкими мазками литературное поле НТО, сделав при этом множество оговорок. Как же другим исследователям воспользоваться данными FBTEE? Как им нивелировать искажения, неверные истолкования и прочие сложности базы данных? Поиск решений этих проблем заметно отдалил публикацию итогов нашего проекта. Главным таким решением было создание опций, при помощи которых пользователи могут фильтровать данные – тем самым, по сути, мы способствовали появлению новых, модифицированных наборов данных. В общей сложности мы создали восемь опций, которые можно включать одновременно друг с другом. Каждая из них подробно описана на отдельной веб-страничке базы данных, объясняющей, как она работает и чем может быть полезна. Таким об-

разом, пользователь, обеспокоенный искажением данных по вине «заказных изданий» вроде «Планта зарабатывает на жизнь как честный человек», благодаря которой в наших таблицах бестселлеров впереди оказывается такое странное сочетание ключевых слов, как «Женева», «скандал» и «инцест», может войти в «меню изданий» и исключить «заказные издания НТО». Другой, интересующийся запрещенной литературой, может ограничить свой поиск соответствующим сектором. Кто-то пожелает отделить розничных книготорговцев от оптовых, воспользовавшись «меню клиентов». Пользователи могут даже изучить роль женщин в книготорговле, используя «гендерное меню клиентов»³².

Табл. 6. Продажи НТО по парижской классификации по типу издания за 1769–1794 гг. (МПН – место публикации неизвестно)

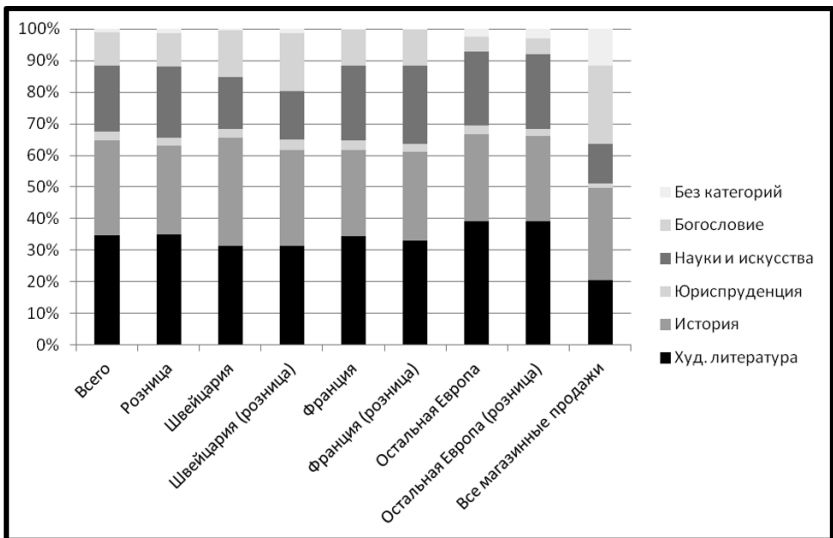

Подобный дифференцированный поиск позволяет нам выйти за рамки архива НТО, изучить многие другие сектора книготорговли и провести более сложный сравнительный анализ. К примеру, классифицируя книги по происхождению или по виду издания, мы можем сравнивать продукцию НТО с другими книгами, которые публиковались в Швей-

³² Различные меню доступны по адресу http://fbtee.uws.edu.au/stn/interface/option_summary.php.

царии, во Франции или в других частях Европы. Порой это позволяет выделить некоторые интересные нюансы (см. табл. 6). Например, мы убеждаемся, что доля книг по «юриспруденции» среди печатных изданий НТО была куда выше средней во многом по вине Бриссо. Зато у НТО было гораздо меньше книг по науке, чем у других швейцарских издательств. Кроме того, по всей видимости, швейцарцы публиковали меньше «художественной литературы», чем франкоязычные издатели за пределами Швейцарии, а объемы торговли НТО «историей» выросли за счет учебников географии и книг по истории географии авторства Фредерика-Самюэля Остервальда, одного из директоров НТО³³.

Табл. 7. Продажи книг НТО по парижской классификации и по типу клиента, 1769–1794 гг.³⁴

Все становится еще интереснее, если мы перейдем от предложения книг к спросу на них (см. табл. 7). Это позволит выявить существенные различия между разными рынками, наводящие на ряд размышлений. Что самое интересное, мы можем изучить, какие книги жители Невшателя покупали прямо в магазине НТО (см. табл. 7). Около 6 тыс. книг

³³ Они выходили в свет под различными названиями.

³⁴ Заказные издания исключены из этих цифр, за вычетом 60 книг, проданных с прилавка.

были проданы таким образом, как правило, по одной или по две, а стало быть, по-видимому, их покупали частные лица, собиравшиеся их читать. Невшатальцы были весьма консервативны: они покупали пропорционально больше книг по «богословию», чем любая другая группа клиентов НТО, выделенная в таблице (24,5%), а также немало «истории» (29,1%). Зато невшатальцы были сравнительно мало заинтересованы в «художественной литературе» (20,4%), а также в «науках и искусствах» (13,25%), включавших в себя и философию. Таким образом, они избегали самых динамичных сфер Просвещения и предромантизма. Эти тенденции разделялись, хотя и в меньшей степени, их соотечественниками-швейцарцами из других кантонов: там тоже розничные покупатели больше покупали книг по «богословию» и «истории» и меньше «художественной литературы», а также «наук и искусств», чем во Франции и остальной Европе. Это отчасти объяснимо: НТО публиковало немало благочестивой кальвинистской литературы для продажи на месте, а также книг по швейцарской и французской истории, которые вызывали особый интерес у местного населения. Учебники по истории Франции и церковной истории, по географии и исторической географии тоже хорошо продавались. Изучить рынок учебной литературы НТО оказалось весьма полезно. Учебники составляли 10% продаж издательства, и, что интересно, продавались либо на месте, либо в дальних странах, в особенности в России, на которую приходилось 6,65% продаж всех учебников НТО. Можно предположить, что спрос на российском рынке был недостаточно велик, чтобы обеспечить производство достаточно дешевых изданий, которые могли бы конкурировать в цене с книгами НТО³⁵.

Впрочем, на этом и заканчивается то, что нам может дать анализ парижских классификационных категорий на макроуровне. Чтобы детально ответить на вопросы о том, какие книги пользовались спросом и как они принимались населением, необходимы более точные ключевые слова, которые в большей степени раскроют особенности книг и их идеологическую ориентацию. В этом нам тоже может помочь база данных НТО, располагающая возможностью вносить собственные ключевые слова. Они позволят нам гораздо больше узнать о книгах, которые продавало НТО, и о различиях между разными группами читателей, в особенности происходивших из разных стран. К примеру, мы можем проанализировать спрос на книги, упомянутые в труде Дарнтонна «Кор-

³⁵ Я впервые высказался по этому вопросу во вступительном слове под названием «Reference Books, Text Books and Enlightenment Cosmopolitan Culture, 1770–1790» на состоявшемся в Копенгагене 27 мая 2010 г. коллоквиуме: «Alphabetical Nation Colloquium: Dictionaries and Encyclopedias within and Across Borders».

пус запрещенной литературы во Франции, 1769–1789 годы» (см. табл. 8)³⁶. Дарнтон очень ярко описал эти книги, сделав предположение, что вольнодумная, галантная, порнографическая и антиклерикальная литература, распространившись в годы, предшествовавшие Революции, лишила монархию Старого порядка священного ореола, подточила ее моральные основы и тем самым способствовала ее падению³⁷.

База данных FBTEE показывает, что французские покупатели активно потребляли запрещенные книги и имели особые пристрастия в сфере нелегальной литературы, отличавшиеся от пристрастий людей из других стран. Самыми популярными среди них были «скептические книги» (проявлявшие скептицизм по отношению к религии), «антиклерикальные книги», и в особенности «эротика», в частности «порнографические» и «либертинские» книги, которые французы, по-видимому, поглощали более жадно, чем читатели из других стран³⁸. Именно эти книги, с точки зрения Дарнтона, и внесли столь большой вклад в подрыв основ монархии Бурбонов.

Табл. 8. Продажи «запрещенной» литературы, изданной другими издательствами, в процентном соотношении ко всем «национальным» продажам «запрещенной» литературы, изданной другими издательствами (по ключевым словам)

Жирным шрифтом выделены категории книг, которые пропорционально больше продавались во Франции; **жирным и курсивом** – те ключевые слова, по которым продажи во Франции превосходили продажи в других странах более чем в полтора раза³⁹.

№	Ключевое слово	Продажи во Франции, %	Продажи в Швейцарии, %	Продажи в других странах, %	Всего продано, экз.
1	Литература	46,49	40,93	48,74	16 672,3
2	Философия	39,95	44,17	44,43	15 058,7
3	Эротические книги	35,45	21,3	24,75	10 652,9

³⁶ Darnton R. The Corpus of Clandestine Literature in France, 1769–1789. N.-Y.-L., 1995. Эта работа служит приложением к «Запрещенным бестселлерам» (*Forbidden Best-Sellers*) того же автора.

³⁷ См.: Darnton R. The High Enlightenment and the low-life of literature in pre-revolutionary France // Past and Present. 1971. № 51. P. 81–115; Darnton R. Forbidden Best-Sellers... P. 232–246.

³⁸ Burrows S. French Banned Books. P. 32–35.

³⁹ Эта таблица была впервые опубликована в: Burrows S. French Banned Books... P. 42, где она проанализирована более подробно.

№	Ключевое слово	Продажи во Франции, %	Продажи в Швейцарии, %	Продажи в других странах, %	Всего продано, экз.
4	Художественная проза	33,96	32,53	39,31	12 779,9
5	Политика	29,48	36,57	29,86	10 907,8
6	Франция	29,38	42,8	31,97	11 440,1
7	Религия	28,45	18,61	21,69	8 854,9
8	Любовные приключения	25,35	20,92	20,36	8 218,6
9	Христианство	23,68	13,72	16,13	7 041,5
10	Антиклерикальные книги	23,20	10,41	13,91	6 517,9
11	Текущие события	22,68	29,33	20,84	8 165,8
12	Скептические книги	22,64	13,34	14,25	6 588,9
13	Порнографические книги	22,39	5,97	13,51	6 119
14	Либертинские книги	21,7	10,12	18,30	6 800
15	Сатирические книги	17,87	9,69	13,81	5 498,5
16	Жизнеописания и письма	16,17	23,23	13,76	5 781,8
17	Деспотизм	12,84	16,66	8,63	4 212,5
18	Биографии	12,61	15,55	8,44	4 095,5
19	История	12,20	10,87	9,86	3 998,6
20	Скандалы	11,90	13,21	10,64	4 149,6
ВСЕГО		18 227	4 438	13 047	35 712

Значит ли это, что Дарнтон был прав? Не обязательно. Это может всего лишь означать, что клиенты, жившие в других частях Европы, для которых французский нередко был вторым языком, предпочитали испытывать оргазмические фантазии или экзистенциальную тревогу на своих родных языках (хотя это не объясняет картину продаж во франкоговорящих частях Швейцарии и Бельгии). Тем не менее этот пример показывает, как база данных FBTEE может внести вклад в изучение сравнитель-

ного восприятия литературы и помочь установить связь с более широкими историческими и литературными феноменами. Этот потенциал будет только возрастать по мере того, как мы добавим данные по другим книгопродавцам и книгоиздателям, на что мы получили щедрое финансирование от Университета Западного Сиднея. Эти данные, полученные из различных источников и мест книготорговли, помогут уравновесить искажения, вызванные географическим положением НТО, его бизнес-стратегиями и рыночной ориентацией. И эти данные очень нужны, ведь даже поверхностное изучение главных и второстепенных путей книжной торговли XVIII в. может полностью перевернуть наши представления.

Возможный способ исследования – проникнуть в глубь розничной торговли, взглянуть на то, что скрывается за каталогами книгопродавцев, познакомившись напрямую с их книжными складами при помощи инвентарей, данных о продажах, об инспекционных визитах. Существуют, например, записи французских инспекторов книготорговли за 1777–1778 гг. о посещении книжных магазинов для выдачи нового обычного разрешения. Эти посещения позволяют увидеть одно из направлений нелегальной торговли, редко попадающее в сферу внимания исследователей, а именно торговлю пиратскими изданиями. Стремясь покончить с литературным пиратством и нелегальной книготорговлей, французское правительство объявило амнистию: существующие поддельные издания могли продаваться легально, если на них ставился официальный штамп. Таким образом, книготорговцы по всему королевству получили предложение заявить о своих нелегальных запасах для проставления штампов. В большом книжном магазине этот процесс мог занять несколько дней. Записи о посещениях инспекторов сохранились для нескольких французских регионов, и я намереваюсь включить их в базу данных FBTEE. Особый интерес представляют записи из Безансона, где у НТО было несколько значимых клиентов, в первую очередь Жан-Феликс Шарме, самый крупный книготорговец в городе.

Шарме и его жена, продолжавшая вести дела после его смерти в 1782 г., хорошо известны историкам книжного дела. Дарнтон показал, что Шарме были у НТО самыми постоянными покупателями запрещенной литературы: за более чем 15 лет они оставили 55 заказов на 97 запрещенных произведений. НТО принадлежало к числу их любимых поставщиков, и руководство НТО подружилось с Шарме. Дарнтон считает, что Шарме много торговали скандальной и порнографической литературой. Важнейшими книгами из этой категории были «Философическое письмо В***» (заказано 150 копий), порнографическое произведение дю

Лорана «Аретино» (137 копий), «Анекдоты о госпоже дю Барри» Меро-бера (107 копий), антология эротических поэм «Игривая лира» (105) и «Частная жизнь Людовика XV» Муфля д'Анжервиля (104)⁴⁰. По словам Дарнтона, в заказах Шарме видна особая склонность к скандальным политическим произведениям, а их письма указывают на то, что «рынок был наводнен подобной литературой». Так, когда НТО обратилось к Шарме с вопросом, стоит ли переиздать коллекцию памфлетов, посвященных пребыванию Неккера в министерском кресле, он ответил, что лучше переиздать скандальный памфлет «Английский шпион», поскольку памфлетами о Неккере рынок и так насыщен⁴¹.

База данных FBTEE обеспечивает более полную картину торговли Шарме. В ней содержатся сведения о 7 064 экземплярах 393 книг, которые НТО направило Шарме между 26 декабря 1771 г. и 16 июля 1788 г. Ниже приводятся книги, отправленные в наибольшем количестве экземпляров (табл. 9).

Табл. 9. Книги, поставленные НТО Шарме и его вдове в наибольшем количестве экземпляров в период с 26 декабря 1771 г. по 16 июля 1788 г. (источник: база данных FBTEE)

	Название	Число экз.
1	Записка, поданная королю г-ном Неккером в 1778 году	430
2	Письмо маркиза Караччоли г-ну д'Аламберу	400
3	Обращение к королю об отставке г-на Неккера	400
4	Ответ сьера Бурбулона на доклад королю от г-на Неккера*	400
5	Комментарии	400
6	Скромные наблюдения гражданина по поводу финансовых операций г-на Неккера**	400

⁴⁰ *Darnton R.* Forbidden Best-Sellers. P. 34.

⁴¹ *Ibid.* P. 39.

* Эту книгу французские власти считали запрещенной: перехваченные экземпляры отправлялись в Бастилию и числятся в списке Пуансо – перечне запрещенных книг, найденных в Бастилии после штурма. См.: *Dawson R.L.* Confiscations at Customs: Banned Books and the French booktrade during the last years of the Ancien regime. *Studies on Voltaire and the Eighteenth Century.* 2006. № 7. P. 273. Ее нет в списке запрещенных либертинских книг Дарнтонa, в его «Корпусе».

** Эта книга тоже считалась запрещенной: она числится в списке Пуансо. См.: *Dawson R.L.* Confiscations at Customs. P. 274.

	Название	Число экз.
7	Инки	150
8	Письма папы Климента XIV	122
9	[Мемуары Бомарше]*	103
10	Литературный салон**	100

Эта таблица противоречит словам Дарнтонa о книготорговле Шарме. Она указывает на то, что либертинские книги были в ней лишь побочным явлением: 83 названия соответствующей литературы были получены лишь в 1661 экземпляре. Сексуально непристойные политические памфлеты про Францию составляли менее одной десятой от этого числа⁴². Кроме того, эта таблица проясняет ремарку Шарме по поводу книг о Неккере: в период между 5 июня и 4 августа 1781 г. Шарме заказал по 400 экземпляров каждого из шести памфлетов, затрагивавших Неккера и его управление финансами. Это были шесть самых больших партий книг, которые он когда-либо получал от НТО. По природе своей человек осторожный, Шарме нарушил свое важнейшее правило, пойдя на такой риск, поскольку, как сказала г-жа Шарме, «у моего мужа был принцип – заказывать много разных наименований в небольшом количестве экземпляров»⁴³. По-видимому, результаты операции подтвердили всю мудрость этого принципа, поскольку НТО больше не получало заказов ни на один из этих памфлетов. Когда Шарме сказал, что рынок насыщен, он, видимо, опирался на собственный горький опыт. Больше он уже в своих делах с НТО на подобный риск не шел.

Тем не менее из официального отчета гг. Монно и де Сент-Агат, инспекторов книготорговли, которым было поручено легализовать кни-

* Эта книга была запрещена в ходе дела Гоэзмана, но не числится ни в одном из протоктов FBTEE по запрещенным книгам, в том числе и в «Корпусе» Дарнтонa.

** Эта книга была запрещенной и числится в «Корпусе» Дарнтонa, но он не сообщает о каких-либо заказах на нее. По меньшей мере, пять из упомянутых им продавцов запрещенной литературы получили экземпляры этой книги (а именно Манури, Лепанье, Шарме, Боннар и Герлаш).

⁴² В это число входят «Анекдоты о г-же графине дю Барри» (90 экземпляров), «Частная жизнь Людовика XV» (52 экземпляра) и «Мемуары Людовика XV» (6 экземпляров). НТО не смогли в полной мере выполнить большой заказ на «Частную жизнь Людовика XV», поскольку их поставщик предпочел других клиентов и его запасы закончились. См.: *Darnton R. Forbidden Best-Sellers...* P. 38.

⁴³ *Ibid.* P. 36.

ги, находившиеся в собственности Шарме, следует, что некоторые книги Шарме был готов хранить в тысячах экземпляров⁴⁴. В их отчете магазин Шарме предстает подобным студенческому книжному магазину современного университета перед самым началом учебного года⁴⁵. На полках вдоль стен в открытом доступе находились книги, уже некоторое время прожившие в магазине, плохо продававшиеся, непопулярные книги, в одном, двух, шести экземплярах. На столах, полу, прилавках лежали штабелями несколько десятков популярных наименований книг, часто в сотнях экземпляров. Какие книги играли эту роль в магазине Шарме в августе и сентябре 1778 г.? Явно не те, которые он недавно купил у НТО. За первые девять месяцев 1778 г. он приобрел у НТО только 25 экземпляров четырехтомной «Истории Америки» Уильяма Робертсона и 20 экземпляров «Фрагмента о колониях» из «Богатства народов» Адама Смита. Похоже, эти книги были совсем нетипичными для магазина Шарме.

Дело в том, что этот якобы специалист по запрещенной литературе, как выяснилось, вел торговлю книгами, неизвестными большинству историков, изучающих эпоху Просвещения. Эти книги имелись в его магазине в огромных количествах. Особое место отводилось учебнику благочестия Жака Коре – «Ангел, руководствующий в христианском благочестии»⁴⁶. Эта книга, впервые опубликованная в 1681 г., не отличалась новизной, но была популярна. К середине XIX в. ей предстояло выдержать не менее пятисот изданий. В магазине Шарме инспекторы нашли и проштамповали не менее 1275 экземпляров одного издания этой книги и фантастические 4000 экземпляров другого. Краткостью учебник благочестия тоже не отличался – льезжское издание Бассомпьера 1768 г., все еще продававшееся в Безансоне десятилетием позже, насчитывало 427 страниц; другие издания были еще длиннее, и содержание книги также заметно варьировалось от издания к изданию⁴⁷. Это было не единственное благочестивое произведение, продававшееся в магазине Шарме. В частности, здесь имелось 1875 экземпляров «Дня христианина, освященного молитвой», благочестивой

⁴⁴ Результаты этих и других инспекций содержатся в: BNF. MS Fr. 21,834 – *Etat de la Librairie*, 1778.

⁴⁵ Описанное здесь посещение было в действительности вторым по счету. Шарме должен был доставить для получения печати значительную часть своих запасов из хранилища, в котором, по его словам, они пережидали «дождливое время года».

⁴⁶ *Martin Ph. Une Religion des livres (1640–1850)*. P., 2003. P. 279.

⁴⁷ *Ibid.* P. 122.

книги, которая в конце 1770-х и в 1780-е годы была, видимо, еще более популярной, чем «Ангел руководствующий»⁴⁸.

Таким образом, Жан-Феликс Шарме, книготорговец, который среди исследователей больше всего известен как продавец скандальных книг, являлся, по всей видимости, крупнейшим распространителем религиозной литературы. Был ли он исключением? Поскольку он опубликовал оба издания «Ангела руководствующего», найденные в его магазине, следует задаться вопросом, насколько типичным было его участие в распространении религиозных книг. Давайте выясним это, присоединившись к нашим инспекторам во время посещения нескольких соседних книжных магазинов.

Следующим пунктом назначения инспекторов был магазин «Вдова Тиссо и сын». Там в первый же день своего посещения они проштамповали 2676 экземпляров девяти различных изданий одной книги. На следующий день они проштамповали еще три издания. В сумме они легализовали 3768 экземпляров «Ангела руководствующего» – в разных форматах, с разным содержанием и разных издательств. В одном единственном магазине. После того как они проштамповали еще одиннадцать наименований книг, исключительно религиозных, в общей сложности 5383 экземпляра, вдова Тиссо заверила их, что показала им все имевшиеся у нее пиратские издания. Такая же картина наблюдалась и в других книжных магазинах. У Лепанье, еще одного важного клиента НТО, они нашли пять различных изданий «Ангела руководствующего», в общей сложности 1387 экземпляров. Подобно Шарме, запас «Ангела» у Лепанье, если считать по экземплярам, превосходил половину всего, что было куплено у НТО⁴⁹. Но и на этом инспекторы не остановились: в числе 19 782 экземпляров 66 светских и религиозных книг в магазине Жана Бертрана было 852 экземпляра «Ангела».

Таким образом, в конце августа – первой половине сентября 1778 г. в четырех безансонских книжных магазинах насчитывалось свыше 11 тыс. экземпляров «Ангела». У них на складах лежали различные издания этой книги, некоторым из которых было больше десяти лет. И на этом история не заканчивается: 9–10 апреля 1779 г. Шарме получил дозволение напечатать еще два издания «Ангела», в двенадцатую и в восемнадцатую долю листа, в общей сложности 3000 экземпляров. В ноябре 1781 г., феврале 1785 г., январе и апреле 1786 г. безансонские типографы получили раз-

⁴⁸ См.: BNF. MS Fr. 22019. F. 53–55, 57–58, 61.

⁴⁹ В случае Лепанье точная цифра составляет 57%; в случае Шарме – невероятные 74,7%.

решение на еще 12 тысяч экземпляров этой книги⁵⁰. «Ангел руководствующий» был, безусловно, главным бестселлером спустя более чем столетие после первой публикации. Более того, книготорговцы запасались «Ангелом» в оптовых масштабах, зная, что и у их конкурентов лежат не меньшие запасы этой книги. И все это происходило в городе с населением 32 тысячи человек, из которых заметную часть представляло протестантское меньшинство, выбиравшее себе в наставники совсем других ангелов.

Был ли Безансон исключительно благочестивым городом? Вероятно, нет. Завещание издателя и книгопродавца из города Доль, написанное в 1781 г., подтверждает, что в его магазине имелось 15 679 экземпляров всего пяти благочестивых книг, в том числе невероятные 7 тысяч экземпляров «Ангела»⁵¹. Реестр обычных разрешений на публикацию с 1777 г. и до начала Французской революции подтверждает популярность «Ангела руководствующего» в этот период. Похоже, это был главный религиозный бестселлер: за одно десятилетие он был переиздан умопомрачительные 66 раз и его общий тираж составил 125 400 экземпляров⁵². И при этом «Ангел» был хотя и одной из самых знаменитых благочестивых и религиозных книг, но лишь одной из множества. Из 20 самых печатаемых книг, согласно реестрам разрешений, 19 были религиозными. В их число входил и «День христианина», религиозный бестселлер № 1, изданный 61 раз, общий тираж которого достиг 150 150 экземпляров⁵³. В базе данных WorldCat содержится 15 изданий этой книги, опубликованных в изучаемый период, но лишь пять из них фигурируют в реестре. Десять изданий в нем не упомянуты. Следовательно, французский тираж «Дня христианина» в последние двенадцать лет перед революцией мог составить 180 изданий и 450 тыс. экземпляров⁵⁴. Третье

⁵⁰ BNF. MS Fr. 22019. F. 1, 3, 5, 7, 8.

⁵¹ *Martin Ph. Op. cit.* P. 132.

⁵² BNF. MS Fr. 22019. F. 1, 3, 5, 7, 8. Это мой собственный предварительный подсчет. См.: *Dawson R.L. The French Book Trade and the Permission Simple of 1777: Copyright and the Public Domain // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century.* 1992. № 301. P. 457–458.

⁵³ BNF. MS Fr. 22019. F. 53–55, 57–58, 61.

⁵⁴ Существует несколько вариантов названия «Дня христианина» в реестре «простых разрешений», в том числе двуязычные издания. См.: BNF. MS Fr 22019. F. 53, 54–55, 57–58, 61. Наша цифра включает в себя все варианты. Самое раннее датированное издание этой книги, согласно Worldcat (11 октября 2013 г.) датируется 1742 годом. Самая первая ссылка на эту книгу относится к 1803 г. и содержится в кн: *Martin Ph. Op. cit.* Тем не менее эта книга была очень популярной уже раньше. NB: Лишь четыре издания «Путеводного ангела» за 1777–1788 гг. указаны в Worldcat: три из них имеются в реестре (а именно издания Le Noucq (Лилль, 1781); Bertrand (Безансон, 1784) и veuve Vivot (Брюйер, 1786)). Четвертое издание, опубликованное Valleyre (Париж, 1777), могло выйти еще до составления реестра.

и четвертое места в реестре заняли бесценно популярная книга Фомы Кемпийского «О подражании Христу» (73 800 экземпляров) и «Христианские наставления молодым людям» (48 800 экземпляров)⁵⁵.

В реестрах обычных разрешений содержатся сотни религиозных книг и лишь несколько романов, в частности, «Несчастья от непостоянства» Дора и книги мадам Граффины. Но тираж романов, попавших в реестр, составляет от 750 до 2000 экземпляров максимум, приходящихся на не более чем два-три издания, что заметно уступает религиозным книгам, часто печатавшимся в трех – девяти тысячах экземпляров. Благодаря всеобъемлющим библиографическим трудам Ангуса Мартина, Вивьен Мили и Ричарда Фраутши мы имеем весьма точное представление о выпуске романов на территории Европы. В целом за 1777–1788 гг. они насчитывают 2026 изданий, из которых более двух третей (1378) были повторными⁵⁶. Если исходить из среднего тиража в 1000 экземпляров, это означает, что их совокупный тираж был немногим более двух миллионов. Конечно, многие из них должны были обойтись без обычного разрешения: кроме тех случаев, когда дело ограничивалось одним изданием, книги могли быть иностранными, иметь другие виды разрешений или быть частью тайной или пиратской торговли. Но по сравнению с торговлей благочестивой литературой торговля романами была ничтожно мала, тем более что многие религиозные книги тоже печатались без разрешения. Романы также переиздавались, но сравнительно небольшая их часть сохранилась в собраниях публичных библиотек. Данные нашей статьи, в особенности в сочетании с прорывной работой Филиппа Мартина и Ричарда Доусона, приводят к выводу, что вплоть до самой Революции огромную роль играла публикация религиозной литературы. В особенности это относилось к французским провинциям⁵⁷. Возможно, благочестивая литература составляла до половины французской книжной индустрии.

Настоящий масштаб торговли благочестивой литературой терялся из-за методов, применявшихся как историками вообще, так и историками книжного дела. Мы не сумели бы установить масштаб торговли благочестивой литературой, если бы сфокусировались на каталогах больших публичных библиотек или частных коллекций, обзорах новых

⁵⁵ BNF. MS Fr. 22019. F. 52–53, 56, 59–61.

⁵⁶ Dictionnaire du genre Romanesque français, 1751-1800 / Sous dir. d'A. Martin, V. Mylne, R. Frautschi. L.-P., 1977. P. XXXVII.

⁵⁷ *Martin Ph. Op. cit.; Dawson R.L. The French Book-Trade...*

книг, списках книг, рекламируемых во Франкфурте и Лейпциге, или архиве НТО с его склонностью к международной, протестантской и нелегальной книготорговле. В этих источниках не фиксировались предпочтения обычных читателей с традиционными вкусами и небольшими частными библиотеками. А ведь они с радостью читали старые, привычные, надежные благочестивые книги, причем каждый читатель (или конгрегация) могли выбрать свои любимые издания. Как правило, подобные издания продавались на месте, как на то указывают данные НТО о продаже книг с прилавка. Это часто являлось необходимостью, поскольку отдельные диоцезы могли использовать свои собственные ритуалы, а также создавать или поддерживать создание собственных литургических и благочестивых произведений. Поэтому когда французское правительство издало в июне 1783 г. закон о том, что все импортируемые книги должны посылаться на инспекцию в Париж, городская палата Лилля высказала протест, заявив, что новое правило создает трудности во французских районах диоцеза Турне, поскольку все церкви диоцеза получают богослужебные книги из Австрийских Нидерландов⁵⁸.

Одним словом, хотя архив НТО предоставляет массу полезных сведений о европейской книжной торговле, в одном важнейшем вопросе он остается совершенно не репрезентативным. Документы протестантского издательского дома не могут помочь нам изучить самую важную сферу французской книготорговли как с точки зрения объемов, так и числа читателей. К этой сфере не имеют отношения ни корпус «либертинских» книг, составленный Дарнтоном, ни мейнстримная философия Просвещения, ни романы, ни книги путешествий, ни даже весь корпус книг, которыми торговал такой крупный издательский и торговый дом, как НТО. Самой популярной была куда более стабильная и традиционная литература – религиозные книги, в особенности те, что относились к давно установившемуся канону. Таким образом, в заключение мы можем дать новые ответы на два вопроса из истории книжного дела, принадлежащие к числу самых популярных. На известный вопрос Даниэля Морне, «Что читали французы в восемнадцатом столетии?» мы можем ответить: «Прежде всего традиционную благочестивую литературу локального характера». И поскольку мы занимаемся,

⁵⁸ BNF. MS Fr 21 883. F. 70–71: Записка генеральному прокурору парламента Фландрии от синдиков и заместителей синдиков Городской палаты Лилля от лица их собратьев во Фландрии, Геннегау, Камбрези, Артуа и Булонуа [Лето 1783].

по утверждению Рольфа Энгельзинга, столетием читательской революции, мы можем задаться и вторым вопросом: «Как они читали их?» Можно предположить, что они читали эти книги внимательно, старательно и пребывая в благочестивом настроении. И, вероятно, стоя на коленях.

Список литературы

- Burrows S.* Blackmail, Scandal and Revolution: London's French Libellistes, 1758–1792. Manchester, 2006.
- Burrows S.* Enlightenment Best-Sellers? // The French Book Trade in Enlightenment Europe. L.,-N.Y., 2015. Vol. 2 (находится в печати).
- Burrows S.* French Banned Books in International Perspective, 1770–1789 // Experiencing the French Revolution / Ed. by D. Andress. Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. 2013. № 5.
- Burrows S.* In Search of Enlightenment: From Mapping Books to Cultural History // Journal for Early Modern Cultural Studies. Special issue The Digital Turn. Fall 2013. № 13.4.
- Burrows S., Curran M.* How Swiss was the STN? // Journal of Digital Humanities. 2012. № 1.3.
- Catalogue général des livres qui se trouvent chez la Société typographique à Londres. S.l., s.d. [1775?]
- Curran M.* Beyond the Forbidden Best-Sellers of Pre-Revolutionary France // Historical Journal. 2013. № 56.1.
- Curran M.* Selling Enlightenment // The French Book Trade in Enlightenment Europe. L.-N.-Y., 2014. Vol. I.
- Darnton R.* Forbidden Best-Sellers of Pre-Revolutionary France. L.-N.Y., 1996.
- Darnton R.* Reading, Writing and Publishing // Darnton R. The Literary Underground of the Old Regime. Cambridge (MA), 1982.
- Darnton R.* The Corpus of Clandestine Literature in France, 1769–1789. N.-Y.-L., 1995.
- Darnton R.* The High Enlightenment and the low-life of literature in pre-revolutionary France // Past and Present. 1971. № 51.
- Dawson R.L.* Confiscations at Customs: Banned Books and the French booktrade during the last years of the Ancien regime. Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. 2006. № 7.
- Dawson R.L.* The French Book Trade and the Permission Simple of 1777: Copyright and the Public Domain // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. 1992. № 301.

- Dictionnaire du genre Romanesque français, 1751–1800 / Sous dir. d'A. Martin, V. Mylne, R. Frautschi. L.-P., 1977.
- Edwards E. Memoirs of Libraries: Including a Handbook of Library Economy. L., 1859.
- Martin Ph. Une Religion des livres (1640–1850). P., 2003.
- Schlup M. La Société typographique de Neuchatel (1769–1789): points de repère // L'Édition neuchâteloise au siècle des Lumières: la Société typographique de Neuchâtel (1769–1789) / Ed. by M. Schlup. Neuchâtel, 2002.
- Smith D. The Publishers of Helvétius's *De l'Homme*: the Société typographique de Londres // Australian Journal of French Studies. 1993. № 30.3.

Э. Лёверс*

ОТ ЗАЩИТЫ «ОБЕЗДОЛЕННЫХ» К ЗАЩИТЕ «НАРОДА». ПУТЬ АДВОКАТА РОБЕСПЬЕРА

Статья посвящена наименее известному периоду жизни М. Робеспьера – тому времени, которое он посвятил карьере адвоката. Первые тяжбы, первые литературные опыты, признание друзей и коллег – все это привело его в ряды граждан Литературной республики и позволило приобрести те навыки и умения, которые позднее окажутся ему необходимыми в качестве политика. В центре внимания автора путь Робеспьера от «адвоката обездоленных» к «защитнику народа». Статья построена на малоизвестных документах, вышедших из-под пера Робеспьера в 1780-х гг.

Ключевые слова: М. Робеспьер, Франция, Просвещение, Французская революция, юриспруденция.

Прежде чем стать депутатом, Робеспьер, как и многие другие члены Генеральных штатов 1789 года, был адвокатом. Если объединить в одну группу (как это делали его современники) адвокатов, которые занимались только защитой, и людей, которые помимо этого имели одну или несколько судебных должностей, то эта группа насчитывала 259 человек из почти 1200 членов Ассамблеи¹. Хотя они и были носителями общей культуры (что отчасти объясняет юридический дух будущего Учредительного собрания), всё же они имели разные политические взгляды и профессиональное прошлое: они практиковали в разных по авторитетности судебных органах, имели различное имущественное положение и известность². В этой группе можно также выделить три ти-

* Эрве Лёверс, профессор Университета Лилль III, главный редактор журнала *Annales historiques de la Révolution française*.

¹ По данным Эдны Лёмэй: Lemay E.H. La composition de l'Assemblée nationale constituante: les hommes de la continuité // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1977. № 24–3. P. 345, 352.

² Tackett T. Par la volonté du peuple. Comment les députés de 1789 sont devenus révolutionnaires. P., 1997. P. 45–46.

па адвокатов. Во-первых, «настоящие» адвокаты, которые занимались исключительно судебными прениями, консультациями или составлением жалоб и исков, как, например, Тронше. Иногда они также работали на правительство: это – адвокаты-юрисконсульты, такие как Мерлен (из Дуэ), которые создали себе имя благодаря участию в подготовке правовых трудов. И, наконец, третья категория объединяет адвокатов-литераторов, чья юридическая деятельность отражает пристрастие к академическим дебатам и художественной литературе... Робеспьер был как раз из последних.

Конечно, сам по себе адвокатский опыт не объясняет весь путь до депутата Учредительного собрания. Однако его изучение поможет нам понять определенные формы участия в политической жизни. В случае с Робеспьером речь идет о его поразительном владении риторикой, о его понимании силы общественного мнения, об интересе к печатной продукции, связанном отчасти с его адвокатской практикой, о внимательном отношении к академической жизни и о желании выступать защитником в «знаменитых делах», то есть тех делах, которые становились объектами споров или скандалов во Франции конца XVIII в. В 1780-х гг. Робеспьеру удалось создать образ адвоката «обездоленных», который, даже будучи спорным, все же говорит нам кое-что о том, какие дела его интересовали. В 1789 г. его приход в политику очень быстро сделал из него защитника «народа». Робеспьер открыл для себя политику именно как адвокат.

Вести тяжбу, писать и выносить приговор

Молодые адвокаты из Арраса, так же как из Дуэ и Нанси, целиком погружались в свою профессию сразу же после принесения присяги. Ничто не мешало громкому началу их карьеры. В 1782 г., менее чем за год, молодой Робеспьер и сам получил возможность весьма успешно изучить различные стороны своей новой профессии: он вел тяжбы, составлял жалобы и даже получил место судьи в одном из низших судов, хотя обычно такие должности доставались уже более зрелым адвокатам. Казалось, Робеспьеру предстояло сделать прекрасную карьеру.

После нескольких лет обучения в коллеже Людовика Великого в Париже Робеспьер приступил к изучению права в столичном университете, оставаясь административно прикрепленным к своему престижному коллежу. По окончании традиционного трехлетнего курса он сдал экза-

мены и получил патент 15 мая 1781 г., что позволило ему начать адвокатскую карьеру. 5 августа 1781 г. Робеспьер принес присягу в том самом Парижском парламенте, куда приходил, еще будучи студентом, где слушал тяжбы, которые вели известные люди, и где впервые начал мечтать об адвокатской мантии. Но работать он хотел не в столице. Даже не приступив к стажировке, которую должны были проходить все молодые юристы, он отправился в Аррас, где 8 ноября того же года вновь принес присягу. Эта двойная присяга не должна удивлять. Хотя Аррас и был столицей провинции, там находился обладавший лишь частичным суверенитетом Совет Артуа (*Conseil d'Artois à la souveraineté imparfaite*). И хотя Совет, как и парламенты, занимался уголовными делами в качестве суда последней инстанции, на его решения по наиболее важным гражданским делам можно было подать апелляцию в Парижский парламент. Таким образом, некоторые дела Артуа получали свое окончательное разрешение в Париже, что привело к созданию крепкой связи между этими двумя судебными органами, которым молодой Робеспьер и принес свою присягу. Кроме того, парижская присяга давала ему возможность подписывать некоторые из своих жалоб и исков как «парламентскому адвокату», то есть гораздо более авторитетным званием, чем ранг адвоката менее важного провинциального Совета.

С 1782 г. Робеспьер начал постигать различные стороны своей новой профессии. В феврале он впервые вел дело в Совете Артуа, участвуя в процессе, получившем широкую местную огласку и послужившем поводом для публикации многочисленных мемуаров. Дело было проиграно, но красноречие и решительность молодого адвоката произвели впечатление. Один из жителей Арраса, некий Ансар, написал своему парижскому корреспонденту: «Говорят (сам-то я не слышал), что своей манерой изложения, выбором выражений, четкостью речи он оставляет далеко позади себя всяких там Либорелей, Демазьеров, Брассаров, Бланкаров и даже знаменитого Доше»³. Множество биографов, удивленных таким энтузиазмом, посчитали, что это было написано с некоторой долей иронии. Но дальнейшая карьера Робеспьера и особенно доверие, которое меньше чем через год после этого процесса оказал ему его коллега Бюиссар, поручив Робеспьеру прения по знаменитому делу о громоотводе Сент-Омер, доказывают, что карьера молодого адвоката началась при поддержке его коллег.

³ Цит. по исследованиям Эмиля Лезюёра: *Œuvres complètes de Maximilien Robespierre* (далее OMR – Э.Л.), Р., 1913. Vol. 2. P. 23.

В том же 1782 г. Робеспьера пригласили подписать в числе прочих его первое опубликованное юридическое мнение (*consultation*), использованное в дальнейшем в иске об отмене завещания, составленного из ненависти к религии. Впрочем, сама структура этого документа, равно как его стиль и упоминания о гуманности, позволяет сегодня предположить, что автором этого документа мог быть сам Робеспьер. Как бы то ни было, мэтр Робеспьер начал тогда карьеру, которая отнюдь не ограничивалась одними исками и тяжбами. В марте 1782 г. епископ Арраса назначил его судьей городской Епископской палаты, то есть сеньориального судебного органа епископства. В этом качестве Робеспьер вместе с другими адвокатами должен был заниматься различными гражданскими и уголовными делами в «граде» Аррасе, который был древней церковной частью города, а также в некоторых окрестных деревенских приходах.

Этот двойной статус адвоката и судьи не был в достаточной мере учтен историками, которые изучали карьеру молодого Робеспьера. Оценивать его деятельность необходимо с учетом его многочисленных занятий, а также, как мы это увидим в дальнейшем, принимая во внимание то, как именно он вел дела. Однако, к несчастью, существенная часть источников, которые позволили бы изучить этот вопрос, пропала в 1915 г. во время пожара в Департаментском архиве Па-де-Кале. И все же не все следы деятельности Робеспьера были утеряны. Благодаря исследованиям Эмиля Лезюера, проведенным в начале XX в., известно, что Робеспьер часто посещал судебные учреждения Арраса, в частности, Совет Артуа, где он принес присягу. С 1782 по 1789 г. он ежегодно вел там от 12 (1785) до 24 дел (1787). Бесспорен и тот факт, что в период с 1786 по 1787 год он работал активнее всего, а в 1788 г. его активность несколько снизилась⁴. Робеспьер вел дела и в других судебных органах своего города: в суде эшевена, бальяжа, в финансовых судебных органах «выборных» и в различных сеньориальных судах.

Эти цифры, даже если они лишь отчасти отражают его адвокатскую деятельность, не позволяют причислить Робеспьера к наиболее занятым адвокатам Арраса, в адвокатской коллегии которого насчитывалось 90 человек. Однако даже если его активность не была столь высокой, как

⁴ Робеспьер вел тяжбы в Совете Артуа по 13 делам в 1782 г., по 18 – в 1783 г., по 13 – в 1784 г., по 12 – в 1785 г., по 22 – в 1786 г., по 24 – в 1787 г., по 17 – в 1788 г. и по 16 – в 1789 г. По данным Эмиля Лезюёра – OMR. Vol. II. P. 25–26.

у Либореля, Доше и Гюффрау, это не означает, что она была менее значимой или менее известной, тем более что он работал не только в Аррасе, но и в судебных органах за пределами города, например, в суде эшевенон в Лилле (1784) и в парламенте Фландрии (1787). К тому же согласно большинству свидетельств его современников, молодой Робеспьер в совершенстве владел искусством не только устного слова, но и письменного составления жалоб и исков, благодаря чему очень скоро был признан «светочем» артуазской коллегии адвокатов, если верить Бабёфу... Конечно, это мнение разделяли не все. Так, Шарлотта Робеспьер уверяет, что «в Аррасе были люди, хотя и не слишком много, которых коробило то, как Максимилиан вел дела и составлял жалобы; они говорили, что его манера выражаться была странной»⁵.

Адвокат как литератор

Действительно, молодой адвокат понимал свою профессию иначе, чем большинство его коллег. Для него карьера адвоката не ограничивалась суровым и беспрестанным изучением права, составлением профессиональных документов и судебных речей, изобилующих цитатами на латыни и ссылками на законы, обычаи, римское право, толкование законов или на прецедентное право судебных решений. Для этого молодого специалиста, выучившегося в столице, начать карьеру в области права означало также приступить к литературной деятельности. И в этой области, как и во многих других, его первые начинания увенчались успехом. Не ему ли Академия Меца дала второй приз за ответ на вопрос об истоках и значении тезиса, «распространяющего на членов семьи часть позора, связанного с бесчестными наказаниями, которым подвергается виновный», и о способах изменить эту ситуацию?⁶ Осенью 1784 г. в благодарственной речи к Королевскому обществу лауреат признал, что не смог бы получить, «начав литературную и адвокатскую карьеру, более значимого и лестного поощрения»⁷. Для Робеспьера карьера в области права была невозможна без литературной деятельности.

⁵ Mémoires de Charlotte Robespierre sur ses deux frères. P, 1835. 2ème éd. P. 70.

⁶ По поводу этих академических конкурсов, посвященных борьбе с преступностью и наказаниям см.: Lüsebrink H.-J. Les représentations sociales de la criminalité en France au XVIIIe siècle. Thèse EHESS, dir. D. Roche, dactylographiée. 1983. P. 199–204, 249–251. Об участии в академических конкурсах см: Caradonna J.L. Prendre part au siècle des Lumières. Le concours académique et la culture intellectuelle au XVIIIe siècle // Annales. Histoire, Sciences sociales. 2009. № 3. P. 633–662.

⁷ OMR. Vol. 3. Pt. 2. P. 7.

Впрочем, не доказал ли он это и во время двух тяжб по делу о громоотводе Сент-Омера? Когда адвокат Бюиссар поручил своему молодому коллеге защиту этого дела в Совете Артуа, злключения господина Виссери уже получили известность в «литературной республике» (*République des lettres*). Открытый научным веяниям, этот богач, живший в Сент-Омере, установил на самой высокой трубе своего дома громоотвод в мае 1780 г. Но то ли из страха, то ли из желания отомстить за прошлые распри некоторые из его соседей обратились к муниципальным судебным властям, которые приказали снять этот «проводник электричества». Не сумев помешать исполнению судебного постановления, Виссери решил обжаловать дело в Совете Артуа, где адвокат, так же увлеченный физикой, как и он сам, взялся собрать факты и аргументы, способные убедить суд. В большой судебной жалобе адвокат Бюиссар заявил о незаконности судебного решения эшевенен в Сент-Омере как по своей форме, так и по существу... Но чтобы убедить судей, нужно было также защитить дело в суде. И здесь в мае 1783 г. слово взял молодой Робеспьер. Его речь отнюдь не была бледной копией иска Бюиссара. Оба выступления Робеспьера поражали новизной благодаря живости стиля и силе аргументов: связав дело своего клиента с честью Артуа и славой магистратуры, безусловной опоры наук, адвокату удалось добиться судебного решения, согласно которому Виссери смог вновь установить свой громоотвод.

По своей природе и по тем отголоскам, что вызвал в обществе процесс Виссери, это было далеко не обычное судебное дело. Конечно, в данном случае речь идет о знаменитом процессе. Из всех дел, которыми занимался Робеспьер, это было единственное, получившее отклик на национальном уровне. Но это, безусловно, объясняется прежде всего академическим значением дела. В конце века, когда открытия в физике, в частности в области электричества, увлекали литературных деятелей, этот процесс имел более широкий культурный смысл. Бой, который вели Бюиссар и Робеспьер, был боем науки и прогресса, и он привлек внимание не только любителей знаменитых дел. Так, иск Бюиссара и судебные речи Робеспьера были одновременно изданы в Аррасе и Париже, причем не книгой форматом в четвертую долю листа, как традиционные судебные публикации, а в меньшем – в восьмую долю листа, предназначавшимся для более широкой публики. Более того, дело прокомментировали наиболее крупные периодические издания «литературной республики», как, например, *Mercure de France* и *Journal des savants*. И именно благодаря успеху речей по делу о гро-

моотводе Робеспьер был вскоре – в ноябре 1783 г. – принят в состав Академии Арраса.

В последующие годы Робеспьер продолжал сочетать академическую карьеру и карьеру адвоката. Оба этих направления, которые нельзя было бы четко разделить, часто пересекались при изобличении предрассудков, например, страха перед научными новинками в деле Виссери (1783) или в вопросе об бесчестье, падающем на членов семьи осужденного, обсуждавшегося в рамках конкурса Академии Меца (1784). Позор, который ложится на родителей осужденного, – предрассудок (1784–1785); лишение прав бастардов и внебрачных детей – предрассудок (1784–1785, 1786); надежда на восстановление порядка в обществе благодаря королевским указам о заточении или изгнании без суда и следствия – предрассудок (1784, 1789); создание неблагоприятных условий при суде с процентами – предрассудок (1786); отстранение женщин от академической жизни – предрассудок (1787); неравенство перед законом и судом – предрассудок (1787)! Предрассудки – «бедствия этого мира», – писал Робеспьер⁸. Они разрушают счастье, препятствуют свободе, тормозят прогресс: «Я размышлял о том, – пишет он в своем иске по делу супругов Паж, – сколь много полезных истин, признанных и торжествующих сегодня, в течение стольких веков отрицались в силу привычки и предрассудков!»⁹ Академические и судебные дела иногда соединялись в одно целое, придавая судебным искам Робеспьера ту тональность, которая должна была поражать его современников.

Школа знаменитых дел

До нас дошло мало свидетельств работы адвоката Робеспьера. Его деятельность в этом качестве иллюстрируют лишь немногие документы. От его защитных речей сохранилось только несколько упоминаний в судебных записях и два выступления по делу о громоотводе (1783); от его ходатайств и трудов в качестве консультанта не осталось ничего, кроме отдельных отрывков; от его профессиональной корреспонденции – всего лишь несколько писем... Однако прекрасно сохранились его судебные иски. Речь идет об изложениях обстоятельств дела или

⁸ 18 апреля 1787 г., ответ Робеспьера на прием Луизы де Керальо в Академию Арраса. – OMR. Vol. 11. P. 193.

⁹ Mémoire justificatif pour François Page, orfèvre à Béthune, et Marie Angélique Pruvost, sa femme. Arras, Veuve M. Nicolas, 1786. P. 58 // Archives départementales du Pas-de-Calais, Barbier C 1695 (в OMR. Vol. 11. P. 49–50 можно найти лишь отсылку к концу иска).

об опубликованных исках. Двенадцать исков Робеспьера, которые мы смогли идентифицировать и с которыми мы ознакомились, предоставляют историку уникальные данные об одной из наиболее публичных граней его адвокатской профессии¹⁰. К пяти искам, ставшим известными благодаря их публикации в «Трудах Максимилиана Робеспьера», изданных «Обществом робеспьеристских исследований»¹¹, следует прибавить другие иски, которые гораздо реже упоминались или вообще были неизвестны. Пять из них не найти в «Трудах», однако они были перепечатаны в сборнике Барбье и Велле. Что касается тех двух, которые никогда ранее не упоминались и не переиздавались, то мы обнаружили один в Библиотеке Сорбонны¹², другой – в частной коллекции¹³.

Во Франции XVIII в. изложение обстоятельств дела (*factum*) имело много разных названий: чаще всего его называли жалобой или иском (*mémoire*), но иногда оно также может быть озаглавлено как собственно изложение обстоятельств дела (*factum*), краткое изложение (*précis*), заметки (*notes*), замечания (*observations*), разъяснения (*éclaircissements*) и т.п. Эти документы создавались по ходу процесса, их целью было изложение обстоятельств дела для гражданского или уголовного суда, в частности, для переквалификации опасного преступления в более мелкое (что помогало обойти запрет на предоставление обвиняемому помощи адвоката). В подобных текстах адвокат излагал фактическую сторону дела, а также доводы, с помощью которых он намеревался защищать своего клиента и заставить уважать права подсудимого. Текст вручался судье до того, как тот выносил окончательный приговор, и его могло оказаться достаточно самого по себе или же он мог послужить мотивацией для судебной жалобы. Однако такой текст не был защитительной речью, изложенной в письменном виде: «*factum*» – это специфический судебный жанр, особенно в тех случаях, когда он опублико-

¹⁰ *Lewers H.* Les factums de l'avocat Robespierre. Le choix d'une défense par l'imprimé // *Annales historiques de la Révolution française.* 2013. № 1. P. 55–71.

¹¹ Уточним, что в OMR также можно найти жалобу по делу Бени (Vol. 2. P. 111–121) и судебную речь по делу де Виссери (Vol. 2. P. 136–202).

¹² Bibliothèque inter-universitaire centrale Paris-Sorbonne, HLFA 4= 241, pièce 1 (salle de réserve): Mémoire pour les sieurs Antoine Pepin, fermier au village de Baillœul-lez-Pernes, lieutenant dudit lieu; François-Marie Pepin, fermier de la ferme de La Fertée; & Amand d'Herlin, fermier au village d'Heuchin. Contre le nommé Jacques Dubois, maquignon, demeurant au village de St. Hilaire. [Arras], s.d [1787]. 20 p.

¹³ Collection Marzet. Я благодарю мадам Марзе за разрешение ознакомиться с этим неопубликованным документом: *Eclaircissement nécessaire, dans la cause du sieur Rocard; contre Agathe Alexandre.* S.l., s.d. 7 p.

вался. Он мог быть самого разного объема – от нескольких страниц до многих сотен, предполагал предание его гласности и позволял адвокату добиться не только поддержки общественного мнения, но и принятия благоприятного судебного решения.

Хорошо известно, какую важную роль играли эти тексты в общественной жизни XVIII в. Составленные и отданные в печать адвокатами, даже если те и подписывались лишь под частью текста, они позволяли изложить факты и доводы по делу. В большинстве случаев эти *factum*, насчитывающие от десятка до нескольких сотен страниц, оставались строгими юридическими сочинениями, которые свидетельствовали прежде всего о желании выиграть дело как в суде, так и в общественном мнении. Но порой их стиль мог быть более литературным, а их содержание напрямую или косвенным образом перекликалось с важными дебатами того времени об обществе, законах и нравах, а иногда эти иски превращались в оружие в политической борьбе, например как это было в случае с янсенистскими спорами в 1720-х гг.¹⁴

Для Робеспьера эти *factum* были не просто судебными документами. По своему стилю и высказанным в них идеям они приближались к академическим работам, и примером тому может послужить его «Речь, получившая награду Королевского общества искусств и наук в Меце» (1785) или сочинение о «той части законодательства, которая устанавливает права и положение бастардов» (1786). Таким образом, нет ничего удивительного в том, что он передавал свои тексты секретарю Академии Арраса, Дюбуа де Фоссе, которому чтение этих документов и размышление над ними доставляли большое удовольствие¹⁵. Робеспьер передавал их и генеральному адвокату Совета Артуа, Фоасье де Рюзе, особенно когда дела, по которым эти тексты были написаны, находились в ведении судебных органов соседней провинции¹⁶. Он также дарил их некоторым из своих корреспондентов: в декабре 1786 г. он отправил одной даме свой иск по делу супругов Паж, обвиняемых в ростовщичестве. А в июне следующего года он приложил к своему письму, адресованному одной молодой женщине, экземпляр важного

¹⁴ Maza S. *Vies privées, affaires publiques. Les causes célèbres de la France pré-révolutionnaire*. P., 1997; Bell D.A. *Lawyers and Citizens. The Making of a Political Elite in Old Regime France*. N-Y., Oxford, 1994. P. 105–128; Leuwers H. *Les avocats défenseurs des Lumières et de la liberté? Problèmes d'analyse autour des factums // Les parlements et les Lumières / Sous dir. de O. Chalaine*. Pessac, 2012. P. 211–222.

¹⁵ OMR. Vol. 11. P. 131–135.

¹⁶ Archives départementales du Pas-de-Calais, 18 J 302 (Gosse, 1784); 18 J 218 (Boutroue, 1787).

иска по делу профессора Бутру, метившего в «славного ректора» Университета Дуэ¹⁷. Эти работы отнюдь не были простыми юридическими сочинениями; они также подчеркивают литературные амбиции автора, которые нельзя не принимать во внимание, даже если сам Робеспьер уверял, что «авторы исков» занимают лишь самое скромное место в «литературной республике»¹⁸.

Означает ли это, что все эти тексты можно сравнивать по мастерству, с каким они были составлены, с другими документами по знаменитым делам? Конечно же, нет. Были среди них в небольшом числе и записки, опубликованные по просьбе клиентов (Пепин, 1787) или близких, как, например, адвоката Госса (1784), или же ораторианцев, с которыми Робеспьер регулярно встречался в коллеже Арраса (Бербизотт, 1784). Все они, очевидно, не соответствуют этому жанру. И действительно, им не хватает двух отличительных черт, которые можно найти во всех записках, соответствующих традиции составления юридических документов для потенциально знаменитых дел. Первое – это подчеркивание исключительности дела, благодаря чему оно заслуживает особого внимания: дело Бутру было именно таким, «достойным стать знаменитым благодаря своей исключительности». Дело окулиста Рокара, которого привлекла к судебной ответственности его бывшая любовница, предъявившая этому мужчине иск о возмещении убытков, представив его как своего тайного мужа, отца ее ребенка и ее должника – это дело было «странным» и «паразитическим»¹⁹. Но потенциально знаменитое дело, и для адвоката это второй элемент в его определении как такового, характеризуется также проблемами, которые далеко выходят за рамки самого предмета иска. Оно позволяет обратиться к таким темам, как свобода граждан или исправление судебной ошибки.

Понятно, что, едва обосновавшись в Аррасе, молодой адвокат хотел показать свое исключительное мастерство в составлении юридических документов. Речь идет как о техническом мастерстве, которое выявляет безупречное владение искусством риторики, так и об эмоциональном наполнении, о демонстрации того, что адвокат хорошо чувствует на-

¹⁷ OMR. Vol. 3. Pt. 1. P. 30–31 (21 décembre 1786), p. 33–34 (26 juin 1787).

¹⁸ Ibid. P. 34–35 (6 juin 1788).

¹⁹ Archives départementales du Pas-de-Calais, 18 J 218: Mémoire et consultation pour Me Augustin-Grégoire Boutroue, professeur d'humanités, au collège d'Anchin, à Douai. Contre Me Simon, professeur en droit, & ancien recteur de l'Université de Douai. Arras, s.d. [1787]. P. 29; Archives départementales du Pas-de-Calais, Barbier C 1695: Mémoire pour le sieur Rocard, chirurgien-oculiste, pensionné des Etats d'Artois & de Cambrésis. Contre Agathe Alexandre. Arras, 1788. P. 1, 3.

строения общества²⁰. Из всех тех дел, которые он тогда защищал, наиболее известным было, бесспорно, дело ремесленника Детёфа (1784)²¹. Нет сомнений, в отличие от того, что обычно пишут: дело было на самом деле уже почти завершено, когда Робеспьер опубликовал свою знаменитую записку²². Его рассмотрели в суде, и невиновность Детёфа была признана официально! В таком случае зачем же о нем писать?

Прежде всего вспомним факты. В начале 1783 г. дом Броньяр, отвечавший за богатое аббатство Аншен, обвинил проживавшего поблизости ремесленника в том, что тот украл у него 262 луидора. Дело сначала разбиралось в сеньориальном суде, но в конце концов было передано в апелляционном порядке в Совет Арраса. Дом Броньяр, которого тем временем по королевскому распоряжению о заточении без суда и следствия поместили под стражу за различные растраты, обвинил Детёфа лишь для того, чтобы скрыть свои собственные бесчестные поступки и, быть может, чтобы отомстить за отказ сестры Детёфа ответить на его ухаживания. Дело было уже почти закрыто. Когда Робеспьер взялся за перо, его целью было отомстить за «попранную невинность» и получить справедливое возмещение. И вновь эта борьба соединилась с академическими дебатами, которые, в частности, затрагивали вопрос об исправлении судебной ошибки.

Чтобы добиться возмещения убытков, Робеспьер хотел доказать, что в этом деле действительно был виновный – и это было само аббатство Аншен. Адвокат попытался показать, что религиозное сообщество отвечает, в частности, за действия своих членов, потому что, как демонстрирует данный случай, оно само не безупречно, поскольку позволило начаться несправедливому процессу. Без сомнения, записка, опубликованная еще до формального начала этого нового этапа процесса, вызвала живой отклик противоположной стороны. Что могло шокировать, помимо изобличения эгоизма одного из самых богатых аббатов Франции, так это форма и стиль записки Робеспьера: резкость выпадов, драматизация целей, эмоциональность, призыв к общественному мнению... Впрочем, требуемый эффект был достигнут, так как аббатство,

²⁰ См.: *Guilhaumou J.* Robespierre et la formation de l'esprit politique au cours des années 1780. Pour une ontologie historique du discours robespierriste // *Mots. Les langages du politique.* 2009. № 89. P. 125–137.

²¹ *Mémoire pour François Deteuf, demeurant au village de Marchiennes; contre les grand-prieur & religieux de l'abbaye d'Anchin.* Arras, 1784. 21 p. (перепечатано в: OMR. Vol. 2. P. 234–254).

²² Однако, возможно, Робеспьер принял участие в процессе несколько раньше и вместе с адвокатом из Дуэ опубликовал другой иск, который до наших дней, судя по всему, не дошел.

чтобы избежать продолжения скандала, согласилось возместить Детёфу значительные убытки и проценты (1786).

В том же 1786 г. Робеспьер достиг вершин в своем искусстве по составлению судебных документов. Внешне дело супругов Паж выглядело довольно банально и могло бы таким и остаться. Но в руках Робеспьера оно стало поводом для начала дебатов о законе и правосудии, вновь напомнив об академических конкурсах. В Беттоне суд эшевенов признал виновной в ростовщичестве Марию-Анжелику Прюво, супругу золотых и серебряных дел мастера Пажа, и назначил ей суровое наказание: приличный штраф, выставление у позорного столба и изгнание на три года. Что касается обвинения против ее мужа, повредившегося в рассудке, то суд приостановил его предъявление. В иске на 79 страниц адвокат раскритиковал судебное решение как по фактам (не было никакого ростовщичества), так и по форме (нарушение процедуры). Однако он не ограничился рамками дела, он воспользовался им, чтобы выступить против законов, которые запрещают и наказывают ростовщичество и, процитировав Тюрго, предложил изучить «абсурдность и отрицательные стороны ложных идей, в соответствии с которыми мы были воспитаны, относительно ссуды под проценты». Более того, он обрушился на некомпетентность нижестоящих судей и, поставив под сомнение уголовное постановление от 1670 г., посетовал на «окровавленные подводные камни нашей уголовной судебной практики», на одиночество обвиняемого перед лицом судей, которое заставляет его «блуждать в этой ужасной путанице уголовной процедуры без утешителя, без советчика, без проводника и без поддержки»²³.

Гораздо решительнее, чем в 1784 г., Робеспьер включил в число своих аргументов разоблачение «правил игры» в суде, в частности, спорные моменты некоторых законов и обычаев. Как и множество других защитников по знаменитым делам он попытался прибегнуть к аргументу о неподсудности обвиняемого, то есть к защите, построенной на нарушении некоторых законов и обычаев. Его аргументация была составлена в живом и проникновенном стиле, который должен был породить страх, негодование или даже гнев. Очевидно, что адвокат обращался прежде всего к публике, которую он пытался вывести из равновесия искусными риторическими приемами. И успех не заставил себя ждать... В деле супругов Паж в январе 1787 г. Совет Артуа уступил большей части доводов адвоката. Конечно, госпожа Паж не была

²³ Mémoire justificatif pour François Page...

оправдана, но ее наказание было смягчено и заменено на предупреждение и на выплату подаяния в размере трех ливров, в то время как с ее мужа все обвинения были сняты. Однако суд потребовал устранения «выражений, наносящих ущерб власти закона и судебной практике, а также оскорбительных для судей, которые во множестве содержала опубликованная записка»²⁴. Шла ли здесь речь об унижении адвоката, как иногда о том пишут? В этом можно усомниться, так как из его дальнейших текстов видно, что адвокат продолжал упорствовать и даже акцентировал эти же приемы; они отныне стали важной составляющей его манеры защищать «несчастных», как он иногда называл своих клиентов.

Такая стратегия защиты не могла не претить некоторым видным деятелям arrasской коллегии адвокатов, которые, как, например, их современник Пройар, автор жизнеописания Робеспьера, должны были считать достойным презрения этого адвоката, «не считавшегося с тем, что принято называть честными приемами»...²⁵ Бесспорно, иски Робеспьера контрастировали с жалобами большинства его коллег. Однако следует воздержаться от любых обобщений и вспомнить о множестве свидетельств членов Академии Arrаса и литературного объединения «Розати», а также о корреспонденции современников (1786–1788 гг.), отмечавших одаренность Робеспьера и как адвоката, и как литератора. В 1786 г. Ле Ге, принимая Робеспьера в объединение Розати, напомнил об успехах, достигнутых в той области, где пересекались зоны деятельности коллегии адвокатов и «литературной республики»: «Тот, кто с первых своих шагов на адвокатском поприще обратил на себя взгляды своих соотечественников, сделал это, скорее, для того, чтобы засесть в Академиях, чем для того, чтобы разделить с нами скамью в саду, где мы хмелеем с кубком Бахуса в руке от сладострастных ароматов розы, рожденной из крови Адониса»²⁶. Для аббата Эбера Робеспьер был адвокатом «блистательным в самых разных стилях»; Бергенъ упоминает «красноречивого Робеспьера»; Дюбуа де Фоссе утверждает, что едва «тому стоило раскрыть рот, как все слышали его красноречие»²⁷.

²⁴ *Paris J.Au.* La jeunesse de Robespierre et la convocation des Etats généraux en Artois. Arras, 1870. P. 94.

²⁵ *Le Blond de Neuvéglise* [Liévin Bonaventure, abbé Proyard]. La vie et les crimes de Robespierre, surnommé le tyran, depuis sa naissance jusqu'à sa mort. Augsburg, 1795. P. 56, 65.

²⁶ OMR. Vol. 3. P. 217.

²⁷ *Paris J.Au.* Op. cit. P. 175, 187.

Адвокат обездоленных

Это красноречие, то есть искусство убеждения судей и публики, заключалось главным образом в изложении аргументов. Он хотел прежде всего установить факты, а также напомнить о принципах права. Робеспьер – юрист, и хороший юрист. Он умел, поскольку это было совершенно необходимо, готовить сильные юридические доводы. В деле вдовы Мерсер (1786) он взялся защищать англичанку, которая тогда была заключена за долги в тюрьму в Сент-Омере на основании существовавшей в Артуа и Фландрии привилегии городов, позволявшей кредиторам конфисковать движимое имущество иностранных должников из опасения, что те могут сбежать, и даже сажать их в тюрьму. Для того, чтобы наглядно показать незаконность подобного обращения с его клиенткой, а также потребовать для нее возмещения убытков, адвокат должен был провести точный анализ данной привилегии, ее законности и условий применения. В данном случае адвокат выстроил свою доказательственную базу вокруг кутюмов Артуа и гражданского ордонанса от 1667 г., а также вокруг судебной практики арестов, доктрины и принципов римского права. Он понимал, что это дело будет выиграно в правовом поле, и он согласился подчиняться его нормам.

Однако у Робеспьера, как и у других авторов исков по знаменитым делам, эти аргументы усилены обильным использованием *pathos* – наигранного пафоса. Нужно было обращаться к эмоциям. Робеспьер также умел вдохнуть жизнь в свой рассказ, поэтому в иске по делу госпожи Мерсер он говорил не только как адвокат. Робеспьер не стеснялся время от времени передавать слово и своей клиентке. И госпожа Мерсер воззвала к французам: «О, французы, неужто я ошибаюсь, или город, в котором я жила, это не французский город?» Она также обратилась и к англичанам: «Что бы вы подумали о моем случае?» Благодаря этим приемам адвокат пытался подчеркнуть исключительный характер дела, которое он вел, а также его международное значение.

Больше чем кто-либо другой, Робеспьер выглядел как защитник погрязшей невинности. Конечно, он вел не только эти дела. Ему приходилось помогать и вельможам, и зажиточным арендаторам. Ему также приходилось заниматься и менее значимыми делами, в которых не предстают на сцене невинные жертвы. Адвокат не может всегда выбирать свою клиентуру... Однако за некоторыми исключениями решение опубликовать документы защиты – это уже его решение. Таким образом, большинство его исков имело отношение к делам специфическим, ко-

торым он придавал большое значение и которые способствовали формированию его определенного образа. Так Робеспьер стал защитником «обездоленных». По свидетельству адвоката Демазьера от июня 1786 г., «никто из наших коллег <...> не мог бы с большим основанием считаться защитником вдов и сирот»²⁸. В начале того же года Дюбуа де Фоссе назвал Робеспьера «опорой для несчастных, мстителем за невинных»²⁹. И вновь напомним, что речь идет о некоем образе, который хотел создать сам Робеспьер и который, естественно, соответствовал действительности лишь частично. Но этот стиль жизни и этот создававшийся им образ очень важны для понимания силы красноречия адвоката Робеспьера.

Дюпон: политика в суде

До того как Робеспьера выбрали в Генеральные штаты, он в последний раз пустил в ход свое красноречие в деле Гиацинта Дюпона, и произошло это в начале 1789 г. За год до того он вступил в политическую борьбу. Когда в мае 1788 г. министр юстиции Ламуаньон захотел провести крупную судебную реформу, все судьи Епископской палаты Арраса отказались исполнять эдикты³⁰. Через несколько месяцев после этого, в феврале 1789 г., вышло первое издание сочинения Робеспьера «К гражданам Артуа». В брошюре была обозначена его позиция в связи с конфликтом, расколовшим местное общество³¹. Это была серьезная атака против провинциальных Штатов – ассамблеи трех сословий, которая должна была управлять Артуа.

Именно в этих обстоятельствах адвокат Робеспьер взялся за перо и опубликовал свой последний судебный иск в рамках громкого процесса, шедшего в Совете Артуа. И вновь это было дело из разряда тех, которые могли получить широкую огласку. И вновь, как и в деле Детьфа, Робеспьер вступил на той стадии, когда процесс уже сильно продвинулся, а несправедливость по отношению к его клиенту уже была официально признана решением суда бальи Эдена 12 марта 1788 г.³²

²⁸ Это письмо Бабёфа к Дюбуа де Фоссе, опубликовано в: *Daline V. Robespierre et Danton vus par Babeuf // ANRF. Octobre-Décembre 1960. № 162. P. 389–390.*

²⁹ *Jacob L. Robespierre vu par ses contemporains. P., 1938. P. 31. См. также: Ibid. P. 24–27.*

³⁰ OMR. Vol. 2. P. 20–21.

³¹ Два издания этого анонимного памфлета, который, как доказано, был написан Робеспьером, были перепечатаны и прокомментированы в кн.: *Legay M.-L. Robespierre et le pouvoir provincial: dénonciation et émancipation politique. Arras, 2002.*

³² *Mémoire pour le sieur Louis-Marie-Hyacinte Dupond, détenu pendant 12 ans dans une prison, en vertu de lettres de cachet, interdit durant sa captivité, spolié par une suite de vexations qui embrasse le cours de plus de 20 ans... Arras, 1789. 93 p. (опубликовано в: OMR. Vol. 11. P. 53–126).*

Отвечая на возражения противной стороны, не особо расположенной платить 6 000 ливров, назначенных его клиенту в качестве возмещения ущерба и процентов, Робеспьер потребовал нового судебного разбирательства и возмещение убытков сообразно с ущербом, нанесенном Дюпону.

Вспомним факты. Заключение без суда и следствия в тюрьму по королевскому распоряжению в декабре 1774 г., то есть всего лишь через несколько месяцев после начала правления Людовика XVI, Дюпон оставался в заточении в течение двенадцати лет «в психиатрической больнице конгрегации Благих Сынов» в Армантьере, в тюрьме, которой заведовали духовные лица. В чем, по мнению адвоката, состояло его преступление? Требование части наследства, которое его родственники разделили между собой в то время, когда он служил в различных иностранных войсках и... когда они считали его мертвым. Освобожденный после долгого и тяжелого заключения Дюпон потребовал справедливости и получил ее: незаконность его заточения была признана, его помещение под опеку аннулировано, принято постановление о возмещении убытков. Для того чтобы сломить сопротивление оппонентов своего клиента, Робеспьер вспомнил о злоключениях Дюпона и выразил несогласие с приговором суда бальи Эдена. «Как! – возмущается он. – Двенадцать лет неволи, мук! Двадцать лет ограбления, предательства, жестокостей, должностных злоупотреблений и преступлений, все доводы здравого смысла, гуманности, природы... все это оценивается в шесть тысяч ливров! Да как же так?! Компенсировать таким образом невиновность – нанести ей оскорбление!»

Как и в деле супругов Паж, выбранная Робеспьером стратегия защиты строилась на том, чтобы поставить под сомнение некоторые из действующих законов. С 1784 г. в своем тексте для Академии Меца он упоминал, хотя и с осторожностью, о предубеждениях, связанных с использованием королевского распоряжения о заключении без суда и следствия (*lettres de cachet*). На сей раз он посвятил последнюю часть своего иска его обличению. Он возмущался условиями содержания под стражей жертв королевского распоряжения, попустительству или пособничеству административных лиц, злоупотребляющих его использованием, неравенством перед законом. Он требовал простой и полной отмены *lettres de cachet*, и даже больше того, говорил о необходимости проведения глубокой реформы законов и нравов. Долгожданная Революция близка, он это понимал и вызвал к ее целям. Как отметил Жерар Вальтер, в последней части этого иска важен призыв

Робеспьера к королю и Неккеру³³; он обращается также к будущим депутатам Генеральных штатов и к «Отечеству», и заканчивает текст, уже даже не возвращаясь к делу своего клиента. В конце этого политико-юридического отступления на два десятка страниц в последних фразах он восхваляет магистратов, тех, кого «мир, человечество и последующие поколения», уверяет он, не забудут как «освободителей» родины.

Нужно ли считать этот текст политическим выступлением адвоката, стремившегося в полной мере участвовать в дебатах, предшествовавших созыву Генеральных штатов? Без сомнения! Однако нельзя забывать, что этот документ также способствовал защите его клиента и что его целью было выиграть процесс, связав его с актуальными тогда политическими целями и задачами и обязав магистратов обозначить свою позицию в этом вопросе. В данном отношении дело Дюпона схоже с делом о громоотводе. В 1783 г. Робеспьер превратил дело о громоотводе в дело о науке, вынудив магистратов проявить себя в качестве защитников Просвещения и прогресса. Шесть лет спустя дело Дюпона стало делом, в котором нация выступала против несправедливости и в котором были тесно увязаны между собой частные интересы и интересы родины. Благодаря использованию риторических приемов, отточенных долгой практикой, благодаря разоблачению предрассудков в рамках академических размышлений, адвокат Робеспьер входил в Революцию одновременно и через Дворец правосудия, и через общественное пространство.

В последующие недели Робеспьер опубликовал еще два памфлета – «К гражданам Артуа» и «Враги отечества», а затем полностью погрузился в предвыборную борьбу за депутатское место от третьего сословия в Генеральных штатах. Он писал и говорил так же, как делал это, будучи адвокатом, и в итоге заставил избрать себя депутатом от третьего сословия Артуа. Теперь и роль его изменилась, и себя он стал подавать уже иначе. В апреле и мае 1789 г. он уже не выступал как адвокат обездоленных, он стал «защитником народа»³⁴. Его профессия адвоката, его опыт в ведении громких дел подготовили его к исполнению новых обязанностей.

³³ *Walter G. Maximilien de Robespierre*. [1961]. P., 1989. P. 65–68.

³⁴ Он использовал это выражение в: *Les ennemis de la patrie, démasqués par le récit de ce qui s'est passé dans les Assemblées du tiers état de la ville d'Arras*. P. 42, 57.

Список литературы

- Bell D.A.* Lawyers and Citizens. The Making of a Political Elite in Old Regime France. N-Y., Oxford, 1994.
- Caradonna J.L.* Prendre part au siècle des Lumières. Le concours académique et la culture intellectuelle au XVIIIe siècle // *Annales. Histoire, Sciences sociales.* 2009. № 3.
- Daline V.* Robespierre et Danton vus par Babeuf // *AHRF.* Octobre-Décembre 1960. № 162.
- Eclaircissement écessaire, dans la cause du sieur Rocard; contre Agathe Alexandre. S.l., s.d. 7 p.
- Guilhaumou J.* Robespierre et la formation de l'esprit politique au cours des années 1780. Pour une ontologie historique du discours robespierriste // *Mots. Les langages du politique.* 2009. № 89.
- Jacob L.* Robespierre vu par ses contemporains. P., 1938.
- Le Blond de Neuvéglise* [Liévin Bonaventure, abbé Proyard]. La vie et les crimes de Robespierre, surnommé le tyran, depuis sa naissance jusqu'à sa mort. Augsburg, 1795.
- Legay M.-L.* Robespierre et le pouvoir provincial: dénonciation et émancipation politique. Arras, 2002.
- Lemay E.H.* La composition de l'Assemblée nationale constituante: les hommes de la continuité // *Revue d'histoire moderne et contemporaine.* 1977. № 24–3.
- Leuwers H.* Les avocats défenseurs des Lumières et de la liberté? Problèmes d'analyse autour des factums // *Les parlements et les Lumières /* Sous dir. de O. Chaline. Pessac, 2012.
- Leuwers H.* Les factums de l'avocat Robespierre. Le choix d'une défense par l'imprimé // *Annales historiques de la Révolution française.* 2013. № 1.
- Maza S.* Vies privées, affaires publiques. Les causes célèbres de la France prérévolutionnaire. P., 1997.
- Mémoire et consultation pour Me Augustin-Grégoire Boutroue, professeur d'humanités, au collège d'Anchin, à Douai. Contre Me Simon, professeur en droit, & ancien recteur de l'Université de Douai. Arras, s.d. [1787].
- Mémoire justificatif pour François Page, orfèvre à Béthune, et Marie Angélique Pruvost, sa femme. Arras, Veuve M. Nicolas, 1786.
- Mémoire pour François Deteuf, demeurant au village de Marchiennes; contre les grand-prieur & religieux de l'abbaye d'Anchin. Arras, 1784.

- Mémoire pour le sieur Louis-Marie-Hyacinthe Dupond, détenu pendant 12 ans dans une prison, en vertu de lettres de cachet, interdit durant sa captivité, spolié par une suite de vexations qui embrasse le cours de plus de 20 ans... Arras, 1789.
- Mémoire pour le sieur Rocard, chirurgien-oculiste, pensionné des Etats d'Artois & de Cambrésis. Contre Agathe Alexandre. Arras, 1788.
- Mémoire pour les sieurs Antoine Pepin, fermier au village de Bailloëul-lez-Pernes, lieutenant dudit lieu; François-Marie Pepin, fermier de la ferme de La Fertée; & Amand d'Herlin, fermier au village d'Heuchin. Contre le nommé Jacques Dubois, maquignon, demeurant au village de St. Hilaire. [Arras], s.d [1787].
- Mémoires de Charlotte Robespierre sur ses deux frères. P, 1835. 2ème éd. *Lüsebrink H.-J.* Les représentations sociales de la criminalité en France au XVIIIe siècle. Thèse EHESS, dir. D. Roche, dactylographiée. 1983.
- Paris J.Au.* La jeunesse de Robespierre et la convocation des États généraux en Artois. Arras, 1870.
- Tackett T.* Par la volonté du peuple. Comment les députés de 1789 sont devenus révolutionnaires. P., 1997.
- Walter G.* Maximilien de Robespierre. [1961]. P., 1989.

*Л.А. Пименова**

КАК ГОВОРИЛ КОРОЛЬ

Во время Революции XVIII в. во Франции совершается переход от кабинетной политики к публичной. Создав Генеральные штаты, король Людовик XVI создал новую для себя ситуацию, в которой от политического деятеля требовались умение выступать на публике и ораторские качества. В статье рассматриваются речи короля и их восприятие при Старом порядке и в годы Революции. Для изучения роли звучащего слова в отправлении и репрезентации королевской власти при Старом порядке привлекаются тексты словарей и энциклопедий XVIII в., труды теоретиков королевской власти (Ж.-Б. Боссюэ, Ф. Фенелона), речи короля, произнесенные в ходе государственных и придворных церемоний (во время коронации, на королевских заседаниях Парижского парламента – «les lits de justice», на пленарных заседаниях собраний нотаблей), и отклики присутствовавших на этих церемониях свидетелей.

Ключевые слова: Старый порядок, Французская революция XVIII в., Людовик XVI, политический дискурс, репрезентация королевской власти.

Фильм Тома Хупера «Король говорит!» («The King's Speech») поведал зрителям о настойчивых и долгое время безуспешных попытках короля Георга VI избавиться от заикания. Герой Колина Фёрта считал себя неспособным занять престол из-за этого недостатка, никоим образом не ставившего под сомнение его интеллектуальные и волевые качества. Действительно, в XX в., когда регулярные выступления перед массовой аудиторией превратились в неотъемлемую часть политической жизни, а радио – в общедоступное средство информации, способность главы государства твердым голосом произнести воодушевляющую речь, сильный и богатый оттенками голос, ораторские данные стали важными элементами его образа и слагаемыми успеха (или неуспеха в случае отсутствия таковых).

Но это не значит, что звучащее слово политического лидера обрело значение лишь с наступлением эры радио и микрофонов. Речь и рань-

* Людмила Александровна Пименова, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

ше была важна при условии публичного характера политики, в частности, в рамках парламентской культуры. Во Франции переход к публичной политике совершился во время Революции XVIII в. Когда весной 1789 г. в Версале собрались Генеральные штаты, депутаты, до того в округах оживленно обсуждавшие пути выхода из финансового кризиса и программы реформ, неожиданно столкнулись с практической проблемой: чтобы реализовать свои планы, им следовало уметь говорить и быть услышанными. В результате на авансцену выдвинулись в первую очередь те из них, кто уже обладал опытом публичных выступлений (адвокаты, священники, члены масонских лож) и/или, подобно О.-Г. Мирабо, от природы был наделен звучным голосом и ораторским даром¹.

Король, созвав Генеральные штаты, создал, таким образом, и с этой точки зрения принципиально новую для себя ситуацию. Был ли он к ней готов и мог ли быть готов? Какую роль в образе короля традиционно играло звучащее слово и вообще звуковая составляющая? Где, когда и как звучала и воспринималась речь короля при Старом порядке и после 1789 г.? Обо всем этом пойдет речь в статье.

* * *

Темы образа короля и репрезентации монаршей власти давно уже заняли видное место в историографии. Основные подходы и направления исследований были намечены в классической работе Луи Марена «Портрет короля». Репрезентируемый образ, или, иными словами, «портрет» короля, согласно Марену, складывается из двух составляющих, визуальной и дискурсивной: «Итак, с одной стороны, икона, которая есть реальное и “живое” присутствие монарха; с другой – повествование, которое навсегда увековечивает память о нем»². Зримый образ (будь то сам король или его изображение) и текст, повествующий о короле, – об этих двух сторонах «портрета» короля размышлял Марен, и они же впоследствии не раз становились предметами исторических исследований.

Осмысление репрезентации как в первую очередь визуального и лишь во вторую – аудиального феномена устойчиво. С этой точки

¹ О начавшейся борьбе за лидерство и о значении ораторских способностей депутатов для их политической карьеры см.: *Lemay E.H., Patrick A. Revolutionaries at work: The Constituent Assembly, 1789-1791.* Oxford, 1996. P. 5–7; *Tackett T. Becoming a Revolutionary: The Deputies of the French National Assembly and the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790).* Princeton, 1996. P. 226–234.

² *Marin L. Le portrait du roi.* P., 1981. P. 13.

зрения современные исследователи не отличаются от людей XVII–XVIII вв., что станет ясно, если мы обратимся к словарям и энциклопедиям того времени. Согласно «Словарю Французской академии», термин «репрезентация» может обозначать либо действие, либо предмет. Репрезентация как действие есть «выставление напоказ, перед глазами», а кроме того, этим же словом называют «вещи, которые изображают, будь то кистью или словесно (*par le discours*)»³. В «Словаре Треву» содержание понятия «репрезентация» объяснялось, по сути, так же, только более обстоятельно: во-первых, как «образ, который восстанавливает в нашем сознании и в памяти отсутствующие предметы и рисует нам их такими, каковы они суть» (в качестве синонимов предлагались «изображения» и латинские термины *species, imago, simulacrum*); во-вторых, как «картина, рисуемая посредством рассказа о поступке или о правдивой либо вымышленной истории»⁴.

Нельзя сказать, чтобы слова, произносимые не о короле, а самим королем, оставались вне поля зрения. Тот же Марен, говоря о портрете короля, представленном в книге Вольтера «Век Людовика XIV», указывает на то, что этот портрет создавался путем не только описания внешнего вида монарха, но и введения в авторский текст прямой речи: «Речь государя, которую нам здесь предлагают читать в ее непосредственной подлинности – “собственные его слова”, – включенная между тем в историческое повествование в качестве одного из эпизодов, производит в самом рассказе историка и в его комментариях *иконический эффект*: тело молодого Людовика предстает поистине королевским телом – величественная осанка, благородные черты, тон и вид повелителя – при помощи *передаваемой* речи и окружающих обстоятельств»⁵. Но за исключением этого эпизода Марен строит свои рассуждения на основе анализа литературных текстов различных жанров, изображений, топографии Парижа и Версаля и сценографии придворных празднеств с точки зрения их роли в создании *портрета* короля, а портрет по определению предназначен, главным образом, для визуального восприятия.

Конечно, при изучении речей, произнесенных в эпоху до изобретения средств звукозаписи, мы вынуждены полагаться лишь на отрывоч-

³ Dictionnaire de l'Académie française. P., 1694. T. 2.

⁴ Dictionnaire universel françois et latin contenant la signification et la définition tant des mots de l'une et l'autre langue, avec leurs différents usages, que des termes propres de chaque état et de chaque profession, communément appelé «Dictionnaire de Trévoux». Nancy, 1740. T. 5. P. 1480–1481.

⁵ *Marin L.* Op. cit. P. 20.

ные и в значительной мере косвенные свидетельства, причем такие, которые оказались письменно зафиксированными. На значение этой проблемы обратил внимание автор сравнительно недавно защищенной диссертации о дипломатии начала XVIII в. «Хотя историк и остается заложником источников, которыми располагает, – подчеркнул он, – написанный текст не должен затушевывать роль устных разговоров, доверительных бесед и всего того, что было сказано, но не записано»⁶. Звуки устной речи тех далеких времен для нас безвозвратно умолкли. Мы можем лишь попытаться реконструировать их по сохранившимся свидетельствам: записанным текстам самих устных речей и впечатлений от них, описаниям голосов, музыки и шумов. Но при всей несомненной трудности подобного исследования ничего невозможного в нем нет. С методологической точки зрения реконструировать исчезнувшие звуки не сложнее, чем запахи⁷. Предметом коллекционирования и изучения давно уже стали выкрики парижских разносчиков и мастеровых, знаменитые «les cris de Paris»⁸. Если же обратиться к теме звуковой репрезентации власти в раннее Новое время, то можно вспомнить книгу Мишель Фожель о ритуале публикации королевских указов во Франции: автору удалось показать роль звуковых элементов – молитвенного пения, прорезавших тишину фанфар, и голоса глашатая – в создании эффекта незримого присутствия короля⁹.

Каково же было значение слова, речи в осуществлении и репрезентации королевской власти при Старом порядке? Если судить о норме по словарным статьям, то речь выглядит, скорее, «некоролевским делом». Автор статьи «Речь (discours)» в «Энциклопедии» Д. Дидро и д'Аламбера Жан-Франсуа Мармонтель разделяет речь в строгом и широком смысле этого слова. Речь в строгом смысле слова, по Мармонтелю, – это произведение ораторского искусства,

⁶ Hanotin G. Au service de deux rois : L'ambassadeur Amelot de Gournay et l'union des couronnes (1705-1709). Thèse soutenue à l'Université Paris-Sorbonne le 3 décembre 2011. Positions de thèse // http://www.paris-sorbonne.fr/IMG/pdf/Positions_de_these_Hanotin.pdf

⁷ См.: Corbin A. Le Miasme et la Jonquille. L'odorat et l'imaginaire social, XVIII–XIX siècles. P., 1986 (1-е изд. 1982).

⁸ См., например: Kastner J.-G. Les Voix de Paris. Essai d'une histoire littéraire et musicale des cris populaires de la capitale depuis le Moyen Age jusqu'à nos jours, précédé de considérations sur l'origine et le caractère du cri en général et suivi de «Les cris de Paris», grande symphonie vocale et instrumentale. P., 1857; Fournel V. Les Cris de Paris, types et physiologies d'autrefois. P., 1887; Milliot V. Les cris de Paris ou Le peuple travesti: les représentations des petits métiers parisiens, XVIe–XVIIIe siècles. P., 1995.

⁹ Fogel M. Les cérémonies de l'information dans la France du XVIe au XVIIIe siècle. P., 1989.

«подготовленная для публичных и выдающихся случаев совокупность фраз и суждений, объединенных и расположенных согласно правилам», а речь в широком смысле слова – любое выступление, адресованное широкой публике, например, выступление адвоката в суде, проповедь священника, панегирик, надгробное слово, торжественное приветствие, академическая лекция или упражнение студента в красноречии. Все речи, «даже чисто декоративные, подобные тем, что произносятся при приеме или чествовании академиков», должны соответствовать «общепринятым понятиям об истинном красноречии» и, самое главное, «быть трогательными <...>, прочувствованными и пробуждать добрые чувства уважения к принимаемым в члены академий, скорби по ушедшим, благодарности за их труды и добродетели»¹⁰. То есть речь у Мармонтеля представлена как профессиональная компетенция, характерная преимущественно для академической и адвокатской среды.

Статья «Слово» («Parole») в «Словаре Треву», при всей ее лаконичности, вносит в трактовку понятия дополнительные смыслы. Во-первых, в ней примечательно противопоставление написанного или печатного слова произнесенной речи в пользу последней как более живой и действенной: «Слова на бумаге подобны мертвому телу, распростертому на земле; в устах того, кто их произносит, они живут и действуют; на бумаге они безжизненны»¹¹. Во-вторых, приводя в качестве примера словоупотребления фразу «Этот магистрат обладает большим даром слова, чем светский человек», авторы словаря включают в число субъектов, произносящих слова и речи, наряду с академиком и адвокатами, «светского человека», пусть он и уступает судье в красноречии. Наконец, в другой фразе-примере «Генеральные адвокаты имеют слово, чтобы выступить от лица Короля» в статье появляется фигура короля, который, правда, сам не говорит, а перепоручает свое слово генеральным адвокатам, уполномоченным выступать от его лица.

Входило ли умение говорить в число признанных королевских доблестей? Такой теоретик монаршей власти, как Ж.-Б. Боссюэ называл его в ряду необходимых королю качеств, ссылаясь при этом на тексты

¹⁰ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. T. 4. P., 1754. P. 1033–1034.

¹¹ Dictionnaire de Trévoux. T. 5. P. 558. Генеральные адвокаты, наряду с генеральным прокурором, являлись «людьми короля» («les gens du roi») в парламентах и выступали там от его имени.

Священного Писания: «Изделие хвалится по руке художника, а правитель народа считается мудрым по словам его»¹². Всё в короле, по мысли Боссюэ, должно быть величественным, включая и его речи. Его слова должны быть желанны, им следует внимать в благоговейном безмолвии, как словам Иова в лучшие дни его жизни, когда его окружали слава и почет. «После слов моих уже не рассуждали; речь моя капала на них»¹³, – цитирует Боссюэ «Книгу Иова». То есть король не говорит, а источает речь, как драгоценное миро. Свои мудрые речи королю следует произносить не слишком часто и только в подобающий момент, ибо «иной пустослов уязвляет, как мечом, а язык мудрых – врачует. Кто хранит уста свои, тот бережет душу свою, а кто широко раскрывает свой рот, тому беда»¹⁴. Все дела в королевстве можно уладить и привести в порядок с помощью мудрого слова. Особенно это важно бывает в конфликтных ситуациях, когда требуется успокоить недовольных и привлечь их на свою сторону – и в подтверждение своей мысли Боссюэ приводит целый ряд подходящих сентенций из разных книг Священного Писания. Завершая свои рассуждения о речах короля, Боссюэ вновь обращается к тому, с чего начал, – к «Книге Премудрости Иисуса сына Сирахова». Комментируя взятые из нее слова: «В устах глупых – сердце их, уста же мудрых – в сердце их»¹⁵, Боссюэ предостерегает короля от «недержания речи», ибо тот, кто разглагольствует, «распалается и запутывается в дебрях»; тот же, кто «предусмотрительно умерен в словах», «точно всё взвешивает и говорит лишь то, что хотел сказать»¹⁶. То есть мудрое слово короля, по Боссюэ, – это орудие управления, пользоваться которым следует с умением и осторожностью.

В трактовке Ф. Фенелона речи короля лишены того ореола сакральности, каким их окружил Боссюэ, но с рациональной точки зрения политической целесообразности их значение не умаляется. Королю-арбитру, образ которого автор создал в «Телемаке», необходимо владеть словом, чтобы убедительно излагать свои доводы. «Короли должны договариваться со своими подданными»¹⁷, – утверждал Фенелон устами

¹² Сир. IX, 24.

¹³ Иов. XXIX, 21–22.

¹⁴ Прит. XII, 18; XIII, 3.

¹⁵ Сир. XXI, 29.

¹⁶ *Bossuet J.-B.* Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte. Ouvrage posthume de messire Jacques-Bénigne Bossuet. P., 1709. P. 160–161.

¹⁷ *Fénelon F. de.* Œuvres de Fénelon. Télémaque. P., 1864. P. 472.

Ментора. Идеальный правитель, о котором говорит автор, – это «любезный посредник, а не суровый судия. Его решениям не подчиняются слепо, но испытывают к нему глубокое почтение; он не выносит приговор, как высший судия, но делает предложения, и по его советам все готовы чем-нибудь пожертвовать ради сохранения мира»¹⁸. Кроме того, чтобы управлять своими подданными, королю следует хорошо их знать, а для этого с ними надо общаться и разговаривать. Но при этом мудрому королю не подобает быть многоречивым, каждое его слово должно быть на вес золота. Ментор приводит Телемаку в пример его отца Улисса, у которого «мудрость, подобно печати, всегда держит его уста замкнутыми от любого бесполезного слова»¹⁹. Рассуждения Фенелона представляют для особый интерес, так как это был любимейший автор Людовика XVI; он оказал сильное влияние на формирование взглядов будущего короля, который посвятил ему одно из своих юношеских сочинений²⁰.

Как обычно бывает, практика сильно отличалась от теории. Обучение искусству публично говорить не входило в программу воспитания будущего монарха. Людовик XVI, получивший гораздо более солидное и разностороннее образование, чем его предшественники, основательно изучал языки, математику, физику, географию, право, историю, мораль, но к искусству красноречия интереса не проявил, а его воспитатели тоже не позаботились о том, чтобы развить у будущего государя умение говорить с подданными²¹. Не нашлось среди них и такого образцового придворного, подобного гувернеру Людовика XV маршалу Франции герцогу де Вильруа, который настойчиво вырабатывал у своего августейшего воспитанника величественную королевскую осанку и привычку следовать этикету²². А развивать у него подобные навыки следовало бы, потому что от природы он был застенчив, робок, неловок и необщителен. Понимая это, его тетка Мадам Аделаида пыталась всячески растормошить дофина, приговаривая: «Говори же, герцог Беррийский²³, говори всё, что вздумается, кричи, ругайся, поднимай шум и гам, как твой брат д'Артуа, перебей у меня посуду, и пусть о тебе

¹⁸ Ibid. P. 458.

¹⁹ Ibid. P. 486.

²⁰ Maximes morales et politiques tirées de Télémaque, sur la science des rois et le bonheur des peuples, imprimées en 1766 par Louis-Auguste, Dauphin. P., 1826.

²¹ Girault de Coursac P. L'Education d'un roi, Louis XVI. P., 1972 ; Lever E. Louis XVI. P., 1985. P. 28–48 ; Petitfils J.-C. Louis XVI. P., 2005. P. 36–39.

²² Antoine M. Louis XV. P., 1989. P. 55–66.

²³ Титул, который носил будущий Людовик XVI до восшествия на престол.

говорят!»²⁴ Но его губернёр герцог де Ла Вогийон видел свою задачу в том, чтобы воспитать наследника престола набожным, добросердечным, справедливым и твердым. Вопросами репрезентации он, как видно, пренебрегал.

Прилежный ученик усвоил уроки наставника. В юношеских тетрадях он записал, что мудрый, справедливый и богобоязненный государь должен противостоять безбожному и непомерно свободному духу своего века²⁵. В его размышлениях о природе королевской власти постоянно возникают образы короля-отца и короля-вождя: «Все подданные короля – это его дети <...>. Король – это отец большого семейства <...>. Государь – отец и вождь нации»²⁶. Разумеется, красноречие не считается главной отцовской добродетелью, и власть отца семейства держится не на речах. Уподобляя отношения короля с подданными семейным узам, будущий монарх трактует их как естественные и неразрывные. Впрочем, и в семье полезно умение договариваться, находить общий язык. Тем более эти качества требуются вождю, чьи отношения с ведомой им нацией по определению строятся иначе, нежели отношения отца с детьми, и подразумевают обладание личной харизмой. Трудно сказать, задумывался ли наследник престола о подобных различиях, оперируя этими образами в своих записках. Возможно, если и задумывался, они не представлялись ему сколько-нибудь значительными, потому что от Бога наделенный наследственной абсолютной властью король соединял в себе все ее четыре «чистых типа»: власть Отца, Вождя, Господина и Судьи²⁷.

* * *

Произносить публичные речи королю полагалось во время государственных и придворных церемоний. При концентрической, центростремительной организации государства Старого порядка, когда королевский двор являлся центром страны²⁸, обращаясь к избранной публике, король говорил со всеми подданными, представленными в их лице.

²⁴ *Soulavie J.-L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI. 6 vol. P., 1801. T. 2. P. 39.*

²⁵ *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon par Louis-Auguste, Dauphin // Œuvres de Louis XVI. 2 vol. P., 1864. T. 1. P. 300.*

²⁶ *Ibid. P. 201, 212, 241.*

²⁷ *Кожев А. Понятие власти. М., 2006.*

²⁸ *Leferme-Falguières F. Le fonctionnement de la cour de Versailles: Une modélisation des notions de centre et périphérie // Hypothèses. 1999. № 1. P. 207–218.*

Такое обращение короля к народу состоялось во время обряда помазания и коронации в кафедральном соборе Реймса 11 июня 1775 г. Сложная многочасовая церемония начиналась с того, что монарх произносил тексты пяти клятв Богу, Церкви и народу Франции. В их число входили обещание хранить привилегии Церкви, Королевская клятва (поддерживать церковный мир, не допускать беспорядков и беззакония, править справедливо и гнать еретиков), клятвы Великого магистра ордена Святого Духа и Великого магистра ордена Святого Людовика, клятва соблюдать эдикты против дуэлей. По словам очевидца, он читал их «громко и твердо на латыни, подчеркивая слова с почтением и вниманием»²⁹. В данном случае в произнесенных королем словах не было ничего личного: они являлись частью коронационного ритуала; в 1775 г. прозвучали те же слова, что и полвека тому назад, во время коронации Людовика XV в 1722 г. Так что к подданным обращался не столько лично король Людовик XVI, сколько представленное в его лице бессмертное тело монархии. От самого же Людовика требовалось «сыграть роль короля», то есть внушительно и без запинки прочесть латинские тексты, врученные ему участвовавшими в церемонии прелатами, с чем он, как видно, успешно справился. Впрочем, впечатления других очевидцев могли отличаться от приведенного выше мнения герцога де Крои. В огромном пространстве Реймского собора, акустические качества которого должны были пострадать в результате возведения трибун для публики, восприятие речей короля во многом зависело от того места, где сидел приглашенный. Но, очевидно, для организаторов церемонии важнее было не *что* (далеко не все присутствовавшие хорошо воспринимали на слух содержание произносимых на латыни коронационных клятв) и даже не *как* король говорит, а как он при этом смотрится: в ходе коронации визуальный аспект репрезентации власти превалировал над звуковым³⁰.

Обращенные к подданным официальные речи монарха звучали и на королевских заседаниях Парижского парламента, именовавшихся «ложжами правосудия» («les lits de justice»)³¹. Эта церемония, изначально

²⁹ Croÿ E. de. Journal inédit du duc de Croÿ. 4 vols. P., 1906–1907. Vol. 3. P. 183.

³⁰ См. об этом также: *Leferme-Falguières F.* Les courtisans: Une société de spectacle sous l'Ancien Régime. P., 2007. P. 78.

³¹ О процедуре их проведения см.: *Hanley S.* The «Lit de Justice» of the Kings of France: Constitutional Ideology in Legend, Ritual and Discourse. Princeton, 1980; *Brown E.A.R., Fami-glietti R.C.* The Lit de Justice: Semantics, Ceremonial and the Parlement of Paris, 1300–1600. Sigmaringen, 1994.

носившая, подобно коронации, преимущественно ритуальный и инаугурационный характер (новый монарх являлся в парламент в ознаменование своего восшествия на престол), в XVIII в. превратилась в средство давления на парламент. Личное присутствие короля на заседании вынуждало магистратов в обязательном порядке регистрировать любой закон, несмотря на высказанные ранее возражения с их стороны. Людовик XVI созывал такие заседания пять раз: для отмены реформы Мопу (12 ноября 1774 г.), дважды в поддержку реформ Тюрго (5 мая 1775 и 12 марта 1776 г.), для принятия плана реформ Калонна (6 августа 1787 г.) и для проведения последней в истории монархии Старого порядка попытки парламентской реформы (8 мая 1788 г.). Кроме «ложа правосудия», король выступал с публичными речами перед первым (на торжественном открытии 22 февраля, 23 апреля и на заключительном заседании 25 мая 1787 г.) и вторым (на открытии и закрытии 6 ноября и 12 декабря 1788 г. соответственно) собраниями нотаблей, созывавшимися в период предреволюционного кризиса.

Церемониал «ложа правосудия» должен был показать, что монарх призвал к себе парламент, дабы объявить ему свою волю, а парламенту полагалось слушать и повиноваться. Как писал недовольный парижский адвокат Луи-Адриен Ле Пеж, «Король не слышит ничего, что там говорится; он всего лишь зритель разыгрывающейся перед ним поистине немой сцены. <...> Он пришел в Парламент с принятым решением»³².

Заседания обычно проходили в подготовленном для этого большом зале кордегардии Версальского дворца. Исключение составляло первое «ложе правосудия» (12 ноября 1774 г.), проведенное Людовиком XVI еще до коронации и посвященное отмене парламентской реформы Людовика XV и канцлера Мопу и восстановлению Парижского парламента в его прежнем виде. Этот шаг в значительной мере представлял собой уступку общественному мнению, возмущенному «деспотизмом» власти, и был рассчитан на завоевание популярности среди как судебных, так и просвещенной элиты в целом³³. Для проведения этого заседания монарх лично явился в Париж во Дворец правосудия на острове Ситэ.

Где бы ни проходило заседание, протокол оставался неизменным. Король со свитой входил к ожидавшим его магистратам, занимал место

³² *Le Paige L.-A. Lettre sur les lits de justice. Par L.-A. Le Paige. 18 août 1756. P. 2.*

³³ Подробнее об этом см.: *Пименова Л.А. Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г. // ФЕ. 2005. М., 2005. С. 195–222.*

на троне и, приподняв шляпу в знак приветствия, сидя обращался к парламенту. Присутствующие должностные лица, обращаясь к королю, преклоняли перед ним колени, после чего с позволения короля вставали и произносили свои речи стоя и с непокрытой головой. Король представлял перед лицом парламента живым воплощением государства, главой одновременно и правосудия в королевстве, и единого тела монархии, подчиненными членами которого являются магистраты. Он говорил как «абсолютный монарх, монарх, или сама власть; абсолют, или власть в ее универсальности»³⁴. «Сейчас все Ложе правосудия завершается актом абсолютной власти (*aujourd'hui tout dans un Lit de Justice se termine à un acte de puissance absolue*) <...>, – писал Ле Пезж. – Король приходит и говорит то, что он уже сказал в другом месте; с вершины украшенного трона он повторяет то, что уже произносил»³⁵. Лишь закрывая последнее заседание в мае 1788 г., король отступил от привычного торжественного церемониала. Возмущенный открытым неповиновением со стороны магистратов парламента, он, по словам очевидца, встал и громко крикнул, что воля его была оглашена и теперь он надеется на неукоснительное ее исполнение³⁶.

Пленарные заседания нотаблей проходили тоже в Версале, в доме Малых забав, до того служившем для хранения декораций версальской оперы. Пол в зале заседаний был двухуровневым, так чтобы королевский трон и места для принцев крови, членов королевского совета, маршалов и пэров Франции располагались на возвышении³⁷. Общение короля с нотаблями следовало такому же протоколу, что и его диалог с магистратами во время «ложа правосудия».

В соответствии со сложившейся традицией, вступительное и заключительное слово короля обычно было кратким. На это, в частности, указывал адвокат Ле Пезж в своей записке о «ложах правосудия»: «Обыкновенно король говорит лишь несколько слов, а с предложениями выступает канцлер»³⁸. Монарх напоминал членам парламента, что

³⁴ *Marin L.* Op. cit. P. 15. По словам Э. Браун и Р. Фамильетти, «ложе правосудия было органом, с помощью которого король, успешно или нет, показывал народу свой высший и всё более абсолютный контроль над правлением» (*Brown E.A.R., Famiglietti R.C.* Op. cit. P. 104).

³⁵ *Le Paige L.-A.* Op. cit. P. 2.

³⁶ *Hézecques F. d'.* Souvenirs d'un page de la cour de Louis XVI, par Félix, comte de France d'Hézecques, baron de Mailly / Publ. par M. le comte d'Hézecques. P., 1998. P. 206.

³⁷ *Brette A.* Histoire des édifices où ont siégé les Assemblées parlementaires de la Révolution française et de la Première République. P., 1902. T. 1. P. 24–25, 306–307; *Gruber A.-Ch.* Les grandes fêtes et leurs décors à l'époque de Louis XVI. Genève-P., 1972. P. 141–143.

³⁸ *Le Paige L.-A.* Op. cit. P. 1.

они обладают только теми полномочиями, которые были им вверены королем, а потому обязаны служить королю и исполнять его волю. Затем канцлер (или хранитель печатей, как это было при Людовике XVI вследствие опалы канцлера Мопу) подробно излагал парламенту монаршую волю. Король обращался к парламенту как правитель, наделенный абсолютной властью. Так, восстанавливая Парижский парламент после отмены реформы Мопу, Людовик XVI призывал магистратов ценить его доброту, исполнять свои обязанности и следовать воле государя ради счастья подданных, кое всегда было и будет единственной целью короля³⁹. А, например, «ложе правосудия» 6 августа 1787 г. он открыл словами: «Господа, не пристало моему парламенту сомневаться в моей власти, как и в той, что я ему вверил. Мне всегда нелегко бывает решиться употребить всю полноту своей власти и отойти от обычных процедур, но сегодня мой парламент вынуждает меня к этому, а первостепенная необходимость спасения Государства делает это моим долгом»⁴⁰.

Закрывая заседание «ложа правосудия», король произносил не более двух-трех фраз о том, что присутствующие услышали его волю и теперь обязаны усердно и неукоснительно ее исполнять «ради общего блага» и «верности истинным принципам монархии»⁴¹. Заключительное слово короля на собраниях нотаблей было столь же кратким, но иным по содержанию: монарх благодарил нотаблей за усердие, заверял их в своей неизменной заботе о счастье народа и обещал внимательно изучить результаты их работы⁴².

От принятого протокола отличались речи, произнесенные на «ложах правосудия» в марте 1776 и мае 1788 г., когда король и его советники в обстановке общественного недовольства предложенными реформами сочли необходимым развернуто и убедительно обосновать свою позицию неизменной заботой государя об общем благе и счастье народа. Заслуживает внимания тот факт, что, если верить воспоминаниям королевского пажа, многие из своих речей Людовик XVI сочинял сам⁴³. В речи 7 марта 1776 г., обращаясь к депутации парламента в преддв-

³⁹ Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle / publ. par J. Flammermont et M. Tourneux. 3 vol. P., 1898. Т. 3. P. 232.

⁴⁰ Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle. P. 676–677.

⁴¹ См., например: Ibid. P. 255, 269, 272, 688.

⁴² Archives parlementaires de 1787 à 1860: recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises / sous la direction de J. Mavidal et E. Laurent. 1-ère série. P., 1868. Т. 1. P. 230–231, 482.

⁴³ *Hézeques F. d'*. Op. cit. P. 11.

рии очередного «ложа правосудия», король обстоятельно высказался в защиту эдиктов о свободе хлебной торговли и упразднении цехов и объяснил, что начатые Тюрго реформы призваны обеспечить благоденствие подданных и ни в коей мере не нарушают привилегий дворянства⁴⁴. Закрывая заседание парламента 12 марта 1776 г., король вновь счел нужным аргументировать свою поддержку эдиктов Тюрго тем, что их «побудила издать любовь к подданным». «В мои намерения вовсе не входило смешение сословий, – уверял Людовик, – я лишь желаю править по справедливости и законам (*mon intention n'est point de confondre les conditions, je ne veux régner que par la justice et les lois*). Ежели опыт выявит изъяны некоторых положений, содержащихся в данных эдиктах, то я позабочусь об их исправлении»⁴⁵.

На последнем «ложе правосудия», проведенном 8 мая 1788 г. в разгар острого политического кризиса в стране, мотивируя необходимость радикальной парламентской реформы, Людовик посетовал на непокорность парламента, которая привела к беспорядкам в системе правосудия и в стране в целом. В изложенной им аргументации этой реформы главное место заняли ссылки на историческую традицию. Король сделал акцент на том, что желает вовсе не уничтожить парламента, как утверждают противники реформы, а напротив, «восстановить их и заставить исполнять свой долг <...>, превратить момент кризиса в эпоху, спасительную для моих подданных <...>; вернуть Нации ее законные права», неотделимые от прав короля. Сделав экскурс в историю создания парламента Филиппом Красивым, Людовик XVI провозгласил, что во имя величия государства восстанавливает права короля и законность в их первоначальном виде. «Движимый любовью к моим подданным, я подготовил такую реставрацию и утверждаю ее сегодня ради их счастья, – сказал в король в завершение своей пространной речи. – Моей единственной целью всегда будет сделать их счастливыми»⁴⁶.

Речи короля перед собраниями нотаблей (не считая кратких заключительных слов на закрытии заседаний) тоже были более развернутыми, чем обычные его выступления перед парламентом. Это и неудивительно. В отличие от королевских заседаний парламента, собрания нотаблей, не созывавшиеся с начала XVII в., не были привычными

⁴⁴ Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle. P. 325.

⁴⁵ Ibid. P. 355–356.

⁴⁶ Ibid. P. 750–751.

протокольными мероприятиями, так что сам их созыв полторы сотни лет спустя воспринимался как событие экстраординарное и требующее обоснования. Обращаясь к нотаблям, король объяснял им, с какой целью их собрал и каких результатов ждет. Открывая первое собрание (1787), он подчеркнул, что, созывая нотаблей, идет по стопам предков и следует их примеру⁴⁷. Так как первое собрание нотаблей созывалось для обсуждения состояния финансов и программы реформ Калонна, Людовику пришлось убеждать нотаблей в необходимости осуществить «великие и важные» планы: увеличить государственные доходы, равномернее распределить бремя налогов и принять самые эффективные, пусть даже непопулярные меры для покрытия бюджетного дефицита. Он призывал собрание продемонстрировать усердие и верность во имя величия Франции и ее короля. «Надо показать всему миру, – заключил Людовик, – каким я обладаю преимуществом править верной и могущественной нацией, соединяющей в себе силу и любовь к королю»⁴⁸. Как известно, аргументы короля не возымели силы, и план реформ был отвергнут. Речь Людовика перед вторым собранием нотаблей (1788) получилась короче, но на сей раз и задача была проще: вновь сославшись на неизменное намерение «обеспечить навеки счастье моих народов», король объяснил, что для этого ему требуется выслушать просвещенное мнение нотаблей относительно процедуры предстоящего созыва Генеральных штатов⁴⁹.

Примечательно, что свидетели публичных речей короля – участник церемонии помазания герцог де Крои и присутствовавший на «ложе правосудия» королевский паж – подробно описывали декор интерьеров и костюмы главных действующих лиц, но при этом крайне скупосообщали о своих впечатлениях от услышанного вообще и от слов короля в частности. Наблюдавшая за открытием первого собрания нотаблей княгиня Н.П. Голицына отметила, что «оно прошло с большим достоинством и церемонией»⁵⁰. Однако по свидетельству участника собрания государственного советника Видо де Ла Тура, слова короля прозвучали

⁴⁷ Archives parlementaires. Т. 1. P. 188.

⁴⁸ «Il s'agit de la gloire de la France dont la mienne est inséparable, et de montrer à l'univers l'avantage que j'ai de commander à une nation fidèle et puissante, dont les ressources, comme l'amour pour ses rois, sont inséparables» (Archives parlementaires. Т. 1. P. 226–227).

⁴⁹ Archives parlementaires. Т. 1. P. 392.

⁵⁰ Голицына Н.П. «Remarques sur mes voyages». Дневник путешествия по Европе 1783–1790 гг. // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 64 Вяземы. К. 113. Ед. 1. Л. 68 (об.).

тихо и невнятно⁵¹. Правда, в отличие от него виконтесса де Ломени в своих воспоминаниях записала, что «Король открыл собрание Нотаблей прекрасной речью (par un très beau discours), в которой объяснил, для чего он их созвал»⁵². Но мнение Видо де Ла Тура заслуживает большего доверия, так как виконтесса не могла лично присутствовать при описываемых событиях и только читала опубликованный текст речи короля.

Помимо официальных речей на государственных церемониях король обращался к подданным и в более непринужденной обстановке во время многочисленных празднеств и приемов при дворе. Владение словом, умение вести беседу и воздействовать на собеседника уместно сказанной фразой составляли часть свойственного придворному обществу искусства общения с людьми⁵³. В XVIII в. в силу известной нелюбви Людовика XV и Людовика XVI к протоколу и постоянной жизни на публике значение менее формализованного общения короля с подданными при дворе только возросло. По словам близкого к придворным кругам аббата Ж.-А. де Вери, «Королевские советы должны знать, что зачастую слова важнее дел (les mots emportent souvent les choses)»⁵⁴. Слова, обращенные королем, к кому-либо из министров или придворных, передавались из уст в уста, записывались, тиражировались, пересказывались, перетолковывались и в конце концов обретали довольно широкую аудиторию.

Парижский издатель и книготорговец Симеон-Проспер Арди тщательно записывал в дневнике разнообразные сведения о заинтересовавших его событиях, в том числе доходившие до него слухи о том, что и кому говорил король. Публика, собиравшаяся в книжной лавке Арди, читала вслух выдержки из его дневника, и собранная хозяином информация таким образом распространялась вширь. По слухам, стекавшимся к Арди, король был человеком справедливым, бережливым и высокоморальным. Все приведенные в дневнике книготорговца выдержки из речей короля иллюстрируют именно этот образ. Записанные при-

⁵¹ *Egret J.* La Pré-révolution française. P., 1962. P. 13.

⁵² Extrait des souvenirs de la vicomtesse de Loménie // Journal de l'assemblée des notables de 1787 par le comte de Brienne et Etienne Charles de Loménie de Brienne, archevêque de Toulouse / publ. par P. Chevallier. P., 1960. P. 122.

⁵³ *Эуас Н.* Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. С. 134–138; *Fumaroli M.* La conversation // Les lieux de mémoire / sous la dir. de P. Nora. T. III. Les France. Vol. 2. P., 1992. P. 679–743; *Lilti A.* Le monde des salons : Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. P., 2005. P. 73–80.

⁵⁴ *Veri, l'abbé de.* Journal de l'abbé de Veri. 2 vol. P., 1928–1930. T. 1. P. 214.

меры высказываний Людовика весьма ярки и афористичны. Так, вскоре после восшествия короля на престол, в мае 1774 г. Арди сообщает, что монарх имел часовую беседу с генеральным лейтенантом парижской полиции А.-Р. Сартином, в ходе которой будто бы сказал: «Займитесь, сударь, исправлением нравов в столице, а я возьму на себя исправление нравов двора»⁵⁵. Заявленную тему продолжает и развивает анекдотический случай, рассказ о котором появился два года спустя. По слухам, однажды король прогуливался инкогнито в окрестностях Версаля и по дороге на Сен-Клу заметил элегантный загородный домик, в который прибыла карета с девицами легкого поведения. Людовик выяснил, что дом принадлежит гувернеру королевских пажей. Через несколько дней при встрече он сказал гувернеру к немалому его смущению: «Я не советую вам приводить туда моих пажей; это тем более не доставит мне удовольствия, что вы принимаете там весьма дурную компанию»⁵⁶.

Отправляемая за границу анонимная «Секретная политическая корреспонденция», носившая не слишком тщательно завуалированный пропагандистский характер, тоже подчас вкладывала в уста короля чеканные афоризмы. Автор корреспонденции поведал о том, как ассамблея французского духовенства выразила недовольство сочинениями Лагарпа и прочих философов-просветителей и создала комиссию для рассмотрения книг, способных нанести ущерб общественной нравственности. Депутация духовенства отправилась к королю за одобрением. «Король ответил депутации мудро, справедливо и последовательно. Вот его ответ: «Господа, я всегда буду поддерживать Религию в моем Королевстве, но вы не должны во всем полагаться на власть. Ваш пример есть истинная опора Религии, и ваше поведение, ваши нравы и добродетели суть самое действенное оружие против тех, кто дерзнет на нее нападать»»⁵⁷.

Такие рассказы о короле, являющем собой образец государственной мудрости и высоких моральных качеств, распространялись по Парижу и по Европе. Но люди, имевшие возможность лично встречаться и говорить с монархом, отзывались о нем иначе. Они отмечали, что Людовик XVI не обладал способностью к неформальному общению ни

⁵⁵ « Chargez vous, Monsieur, de la Réforme des Moeurs dans la Capitale, et moi Je me charge de réformer celles de la Cour » (*Hardy S.-P. Mes loisirs, ou Journal d'Événements, tels Qu'ils parviennent à ma connoissance. Bibliothèque Nationale de France. Ms fr. 6681 (mf. 2567). P. 343.*)

⁵⁶ *Hardy S.-P. Mes loisirs. Ms. Fr. 6682 (mf. 2568). P. 203.*

⁵⁷ *La Correspondance politique secrète // Cahiers Louis XVI. 1992. № 6. P. 151.*

с придворными, ни с народом, и не раз его в этом упрекали. «Было бы желательно, – сетовал герцог де Крои после коронации, – чтобы король поговорил с кем-нибудь из народа и выказал бы, подобно Людовику XIV, столько же величия, сколько он проявил доброты и старания сделать всё как можно лучше»⁵⁸. Через полтора года его наблюдения за монархом приводят к столь же малоутешительным заключениям: «Молодой Король <...> не блещет ни осанкой, ни тоном»⁵⁹. Такое же впечатление Людовик произвел во время аудиенции и на коменданта Бреста маркиза де Ланжерона: «У Короля есть достоинства <...>, и он здраво рассуждал с нами обо всех предметах. Но он совершенно не способен возбуждать в людях желание служить ему»⁶⁰. Когда я вышел из кабинета, я сказал г-ну де Монбаре⁶¹: “Вам следовало бы немного научить государя тому искусству вдохновлять людей на бой, каковым обладал Людовик XIV. Ибо он ничего в этом не смыслит”»⁶². Разговор этот состоялся весной 1778 г., когда король Франции заключил союз с Соединенными Штатами Америки и открыто вступил на их стороне в войну против Великобритании, так что вопрос о способности монарха воодушевлять своих подданных и вести за собой обрел особую актуальность. В силу природной застенчивости Людовик чувствовал себя уверенно только в кругу самых близких людей, которым он доверял, и «избегал <...> говорить с кем-либо, кроме г-на де Морепа»⁶³. Королева Мария-Антуанетта в письме к сестре характеризовала супруга как человека «очень робкого и малоразговорчивого; он охотно слушает, не говоря ни слова»⁶⁴.

В обращении с людьми Людовик мог допускать неловкости и откровенную грубость. Граф д’Алонвиль вспоминал о том, какой неприятный осадок остался у него после столь знаменательного для каждого дворянина дня представления ко двору. Король не любил эту процедуру, так как тяготился присутствием новых, незнакомых ему лиц. В тот день среди новичков оказался отставной морской офицер из Бретани, выделявшийся нескладной фигурой, растрепанным париком

⁵⁸ *Croÿ E. de. Op. cit. P. 209.*

⁵⁹ *Ibid. P. 291.*

⁶⁰ *Mais il est bien maladroit pour exciter les gens à le servir.*

⁶¹ Военный министр.

⁶² *Veri, l’abbé de. Journal de l’abbé de Veri. T. 2. P. 101–102.*

⁶³ *Croÿ E. de. Op. cit. P. 291.* Ж.-Ф. Фелипо, граф де Морепа стал при Людовике XVI государственным министром и главой Королевского совета финансов.

⁶⁴ *Louis XVI, Marie-Antoinette et madame Elisabeth. Lettres et documents inédits / publ. par F. Feuillet de Conches. P., 1864. T. 1. P. 94.*

и неумением держаться в седле. Всё это послужило предметом насмешек короля, а дело было в январе 1788 г., когда обстановка в стране накалялась и в разных слоях французского общества росло недовольство политикой правительства. Остроты короля были не просто невежливыми, но и неблагоразумными с политической точки зрения. Обиженный им дворянин вскоре стал лидером антиправительственных выступлений в своей провинции. «Мне хочется верить, – заключает д'Алонвиль, – что в своей оппозиции он руководствовался убеждениями, но не двигало ли им и оскорбленное честолюбие?»⁶⁵ Даже беззаветно преданный своему повелителю и восторженно отзывавшийся о его человеческих качествах паж д'Эзек скрепя сердце признавал: «То, что было с его стороны просто шуткой, оставляло зачастую тягостное воспоминание; но если бы он только знал, что причиняет боль, он не позволил бы себе ни малейшей насмешки»⁶⁶.

Сопоставление свидетельств людей из королевского окружения и парижского книготорговца выявляет разницу между впечатлениями от личного общения с неловким, не способным найти верное слово человеком и «портретом короля», репрезентирующим образ мудрого, справедливого и добродетельного отца нации.

Мы видим, что к 1789 г. у Людовика XVI был накоплен опыт публичных выступлений официального, протокольного характера – таких, когда король говорил, а подданные внимали. Он мог весьма успешно исполнять роль короля в рамках четко определенного ритуала. Но мнения очевидцев единодушны в том, что он не обладал ни талантом, ни привычкой к импровизированным публичным выступлениям. Между тем весной 1789 г., когда были созваны Генеральные штаты, эти качества политического лидера обрели гораздо большее значение, чем прежде.

С началом Революции количество публичных выступлений короля возросло. За сравнительно короткий период (5 мая 1789 – 30 сентября 1791 г.) он семь раз обращался с речами к депутатам Генеральных штатов и Учредительного собрания. Первой в этом ряду стала речь на торжественном открытии Генеральных штатов в большом зале дома Малых забав 5 мая 1789 г., которую Людовик тщательно обдумал и вы-

⁶⁵ *Allonville A.-F., comte d'. Mémoires secrets de 1770 à 1830. V.1–2. Bruxelles-Leipzig, 1838. T. 1. P. 242–243.*

⁶⁶ «Ce qui était de sa part une simple plaisanterie laissait souvent un souvenir quelque peu douloureux; mais s'il avait cru faire le moindre mal, il se serait interdit la plus légère gaieté» (*Hézeques F. d'. Op. cit. P. 7.*)

учил наизусть. Обращение к депутатам король начал ссылкой на историческую традицию и заметил, что «хотя долгим был перерыв со времени последних собраний Генеральных штатов и созыв этих ассамблей, казалось, ушел в прошлое», он, тем не менее, «не колеблясь возродил обычай, способный придать королевству новую силу и открыть нации новый источник счастья». Отметив, что долг, образовавшийся еще за годы предыдущего царствования, возрос в результате победоносной войны, Людовик похвалил духовенство и дворянство за готовность отказать от налоговых привилегий и выразил уверенность, что представители всех сословий оправдают его надежды, то есть помогут найти наилучший способ преодолеть финансовый кризис и восстановить порядок. В общем, по содержанию королевская речь напоминала те, с которыми он обращался к парламенту и нотаблям: в трудный момент монарх по доброй воле собрал вокруг себя лучших представителей своего народа, а им следует поддержать его, приняв верные решения. Король по-прежнему говорил как наделенный абсолютной властью отец нации, отвечающий за нее перед Богом. Вся обстановка заседания – начиная с появления короля в мантии ордена Святого Духа, в шляпе, украшенной перьями и бриллиантами, в окружении большой свиты, – тоже содействовала созданию такого образа. Свою речь монарх читал сидя, тогда как депутаты внимали ему стоя и с непокрытыми головами. Людовик призывал уповать на его неизменную и искреннюю любовь к народу и «внимательную заботу об общественном благе». Особенностью этой его речи были неоднократные ссылки на «всеобщее беспокойство» и «непомерную жажду новшеств», которые «овладели умами и могли окончательно сбить всех с толку, если бы мы не поспешили положить этому конец, собрав людей мудрых и умеренных». Обращаясь к депутатам, король назвал их «представителями нации, коей мне выпала слава править», и выразил надежду, что в обстановке опасного возбуждения умов «собрание представителей нации будет прислушиваться лишь к мудрым и осторожным советам»⁶⁷.

Речь на церемонии открытия Генеральных штатов представляла собой приветствие монарха и призыв к согласию. Программная речь Людовика XVI прозвучала на королевском заседании 23 июня. Собственно, это была даже не одна речь, а целых три. Сначала монарх напомнил депутатам о своих благих намерениях вывести страну из кризиса и доброй воле, проявившейся в созыве Генеральных штатов, а им остава-

⁶⁷ Archives parlementaires. Т. 8. Р. 1–2.

лось лишь завершить начатое королем дело. Однако вместо этого они погрязли в спорах о процедуре голосования и за прошедшие без малого два месяца не продвинулись ни на шаг. Монарх заявил о своей решимости «покончить с этими пагубными раздорами <...> во имя общего блага моего королевства и ради меня самого»⁶⁸. Вслед за этим секретарь зачитал текст королевской декларации о порядке работы Генеральных штатов, в которой говорилось о сохранении сословных различий, сеньориальных прав и посословного голосования в Генеральных штатах, а решение депутатов третьего сословия объявить себя Национальным собранием объявлялось не имеющим законной силы. Затем король вновь взял слово, чтобы сообщить о намерении огласить даруемые им народу «различные благодеяния». За этими словами последовало чтение «Декларации намерений короля» с изложением одобренной монархом программы реформ при сохранении основ Старого порядка, абсолютной власти короля и сословного строя⁶⁹. В заключение Людовик вновь обратился к депутатам с краткой речью, в которой напомнил депутатам, что является «естественным гарантом» законности и права в стране и поэтому ни одно их решение не обретет силы закона без его одобрения. Более того, ежели депутаты станут упорствовать в непослушании, то впредь он в одиночку будет «заботиться о благе народов и одного себя считать их истинным представителем»⁷⁰.

Задействованная королем риторика была противоречивой. С одной стороны, Людовик упорно напоминал, что он «отец всех своих подданных» и «защитник законов королевства», по-отечески строго выговаривал депутатам за непослушание и «чрезмерные претензии»⁷¹. С другой стороны, его речь изобиловала вполне современной «патриотической» риторикой и рассуждениями о «благе народа», «счастье нации» и «любви к родине». На многих депутатов, особенно из третьего сословия, эти речи короля и его «Декларация намерений» произвели неблагоприятное впечатление. Изложенная программа действий большинству казалась архаичной; депутатов третьего сословия король оттолкнул от себя уже тем, что осудил и объявил недействительным принятое ими неделю назад решение провозгласить себя Национальным собранием. Когда Людовик выходил из зала, многие остались молча сидеть на своих местах. Даже весьма умеренно настроенные депутаты сетовали на

⁶⁸ Ibid. P. 143.

⁶⁹ Ibid. P. 144–145.

⁷⁰ Ibid. P. 145–146.

⁷¹ Ibid. P. 143–144.

то, что король решил вопреки всему вновь продемонстрировать свою «абсолютную волю», а некоторые с горькой иронией называли прошедшее заседание «ложем правосудия»⁷². По словам Э. Левер, «король и его подданные говорили теперь на разных языках»⁷³. Но в свете дальнейших событий этот вывод представляется слишком категоричным.

В следующий раз король появился в Национальном собрании 15 июля, когда в Париже произошло восстание. Этот визит отличался от предыдущих. На сей раз Людовик пришел без свиты, в сопровождении только двух братьев и нескольких гвардейцев, чтобы заявить о своей готовности отвести войска от Парижа и Версаля и обсуждать с Национальным собранием все законы. Произнесенная им речь – при сохранении некоторых принципиальных постулатов – тоже зазвучала по-новому. Людовик вновь обратился к депутатам как естественный глава нации к ее избранным представителям и подчеркнул неразрывное единство короля и народа. Вместе с тем теперь он уже не требовал безоговорочного повиновения монаршей воле, а продемонстрировал готовность к диалогу и сотрудничеству. Обращаясь к депутатам, он заявил, что «глава нации приходит с доверием к ее представителям (*le chef de la nation vient avec confiance au milieu de ses représentants*)», и обратился к ним за советом и помощью, чтобы «найти средства восстановить порядок и спокойствие» и «обеспечить спасение Государства»⁷⁴. Слова короля вызвали настоящий взрыв энтузиазма и радости среди депутатов. Они повскакали с мест с криками «Да здравствует король!», взбегались на скамьи, аплодировали, бросали шляпы в воздух, обнимались и даже плакали от радости⁷⁵. После прекращения беспорядков в столице, 18 июля король прибыл в Париж. По свидетельствам очевидцев, парижане оказали проезжавшему по улицам королю более холодный прием, нежели депутатам⁷⁶. От его общения с депутатами в ратуше сохранилась одна фраза, которую парижане тогда передавали из уст в уста: «Мой народ может всегда рассчитывать на мою любовь»⁷⁷.

В очередной раз выступить с большой речью перед депутатами Учредительного собрания король решил более полугода спустя, 4 февраля 1790 г. Обстоятельства этого выступления показывают, как происходив-

⁷² Tackett T. Op. cit. P. 154–155.

⁷³ Lever E. Op. cit. P. 504.

⁷⁴ Archives parlementaires. Т. 8. P. 236.

⁷⁵ Tackett T. Op. cit. P. 163–164.

⁷⁶ Ibid. P. 166–167.

⁷⁷ Archives parlementaires. Т. 8. P. 247.

шие в государстве политические перемены влекли за собой изменение официального церемониала, который буквально импровизировался на ходу. В отличие от торжественно обставленных выходов короля к депутатам 5 мая и 23 июня 1789 г. теперь он появился в зале заседаний в простом платье в сопровождении одних только министров. Он сам отказался от того, чтобы в зале был установлен трон, однако был обескуражен, увидев, что приготовленное для него кресло стоит не на обычном возвышении, а вровень с креслом председателя собрания. Тогда Людовик предпочел говорить стоя, чем вынудил и депутатов тоже встать. В беспрецедентной по своей продолжительности речи, составленной с помощью Ж. Неккера⁷⁸, он в первую очередь подчеркнул, что страна переживает критический момент своей истории, характеризующийся «постепенным нарастанием беспорядка и неподчинения, нарушениями или бездействием правосудия, недовольством, порождаемым нуждой, оппозицией, взаимной ненавистью как неизбежным следствием долгих раздоров, критическим положением финансов и необеспеченностью государственного благосостояния, наконец, всеобщим возбуждением умов». Само его решение выступить в тот момент перед депутатами было связано с новой волной крестьянских восстаний («второй жакерией») в западной и юго-западной Франции в конце 1789 – начале 1790 г.⁷⁹ В сложившейся обстановке король счел нужным обратить внимание депутатов на необходимость сильной исполнительной власти для защиты собственности, поддержания порядка и стабильности в стране, а следовательно, и обеспечения ее будущего счастья и процветания. Напомнив, что на протяжении своего царствования он неоднократно пытался проводить реформы и расширять участие подданных в управлении, Людовик заверил депутатов в своей поддержке новых политических принципов, готовности сотрудничать и «защищать конституционную свободу», так как «монарх и представители Нации объединены общими интересами и чаяниями». Речь короля была очень эмоциональна и, вместе с тем, тонко продумана. Людовик заверил депутатов, что королева «полностью разделяет» его чувства и они вместе собираются «с ранних лет готовить ум и сердце сына к новому порядку вещей»⁸⁰. Трогательный пассаж о воспитании дофина взывал к простым человеческим эмоциям и сближал монарха с его аудиторией, создавая в глазах депутатов образ

⁷⁸ *Petitfils J.-C.* Op. cit. P. 742–744.

⁷⁹ См.: *Адо А.В.* Крестьяне и Великая французская революция: Крестьянское движение в 1789–1794 гг. М., 1987. С. 132–141.

⁸⁰ Archives parlementaires. Т. 11. P. 429–431.

не отдаленного небожителя, а подобного им отца семейства. Речь возымела заслуженный успех и вызвала бурные аплодисменты. Письма многих депутатов, обработанные Т. Тэкеттом, полны восторгов от слов «нашего гражданина-монарха». Недовольны были лишь крайне правые, оказавшиеся большими роялистами, чем сам король, и усмотревшие в этом выступлении умаление королевского величия⁸¹.

Еще через полгода королю представилась возможность обратиться уже не только к депутатам, но и непосредственно к народу на празднике Федерации 14 июля 1790 г., хотя воспользоваться ею в полной мере он не сумел. Фактически он уступил главную роль в торжественной церемонии командующему Национальной гвардией Лафайету. Именно Лафайет поднялся на расположенный в центре Марсова поля алтарь Отечества для принесения гражданской присяги, что явилось кульминацией церемонии и вызвало всеобщий энтузиазм, тогда как король все время оставался отчасти в стороне от происходившего. Он прибыл на Марсово поле, войдя через заднюю дверь в здание Военной школы и проследовав затем в приготовленный для него павильон. Присягу нации от имени «короля французов» «употребить всю власть, вверенную мне конституционным законом Государства, ради сохранения Конституции и исполнения законов»⁸² Людовик XVI, в отличие от Лафайета, принес со своего места возле Военной школы, не поднимаясь на алтарь Отечества. Таким образом, он упустил шанс сыграть перед многотысячной публикой, собравшейся на Марсовом поле, роль национального лидера, к чему его тщетно призывали сторонники, в частности, О.-Г. Мирабо. Как писал Мирабо графу де Ла Марку, «следовало бы отделить генерала Федерации от монарха и предписать королю исполнение обеих ролей. Приняв парад, генерал Федерации вновь стал бы королем и поднялся на трон, откуда опять сошел бы для того, чтобы перед алтарем принести присягу»⁸³. Но Людовик XVI не последовал советам Мирабо и не попытался стать протагонистом церемонии на гигантском открытом пространстве Марсова поля.

В следующий раз Людовик XVI явился в Учредительное собрание 19 апреля 1791 г., чтобы выразить решительный протест в связи с тем, что накануне толпа парижан не дала ему выехать в Сен-Клу на Вербное воскресенье. Появление в собрании короля в сопровождении ми-

⁸¹ *Tackett T.* Op. cit. P. 276–277.

⁸² Réimpression de l'ancien *Moniteur* depuis la réunion des Etats-Généraux jusqu'au Consulat. P., 1841. T. 5. P. 131.

⁸³ *Озюф М.* Революционный праздник, 1789–1799. М., 2003. С. 70.

нистров на этот раз было неожиданным: письмо, возвещающее его приход, поступило не заранее, как обычно, а непосредственно перед самим визитом монарха. При его появлении в собрании вновь, как и год назад, дала о себе знать неопределенность этикета. Когда Людовик вошел, в зале раздались голоса: «Шляпы долой!», в ответ другие депутаты закричали: «Нет нужды об этом говорить!»⁸⁴ Все депутаты встали, и король, тоже стоя, зачитал протест, подтвердив при этом свою приверженность конституции, благосклонность к Национальному собранию и неизменную заботу о счастье народа⁸⁵.

Когда в сентябре 1791 г. Учредительное собрание завершило свою работу, приняв конституцию, королю как главе государства предстояло официально ее одобрить. Так как после недавней неудавшейся попытки бегства королевской семьи отношение к Людовику XVI изменилось, депутаты не замедлили символически выразить ему свое осуждение. 14 сентября король пришел в Учредительное собрание для принесения присяги на верность конституции. То, что король теперь обращался к депутатам стоя, уже, можно сказать, фактически закрепилось в протоколе. Однако на этом церемониальное противоборство главы государства с народными избранниками не закончилось. Людовику предстояло испытать очередное унижение и достойно на него отреагировать. Церемония присяги происходила следующим образом. Стоя обращаясь к депутатам, король начал говорить: «Господа, я пришел сюда, чтобы торжественно засвидетельствовать свое признание *конституционного акта*; следовательно я клянусь (при этих словах депутаты сели) хранить верность нации и закону, употребить всю вверенную мне власть на то, чтобы защищать Конституцию, принятую Национальным учредительным собранием (здесь король тоже сел), и исполнять законы»⁸⁶. Так стороны обменялись нелюбезностями. Правда, пока всё еще завершилось обычными аплодисментами и возгласами «Да здравствует король!».

Через две недели, 30 сентября 1791 г. королю предстояло произнести речь на закрытии Учредительного собрания. В тот день депутаты оказали монарху более теплый прием, чем в прошлый раз. При его появлении в зале все встали и обнажили головы. Аплодисменты и крики «Да здравствует король!» звучали при входе Людовика в зал, неоднократно прерывали его речь и долго не смолкали в конце. Взрывы энтузиазма у де-

⁸⁴ Archives parlementaires. Т. 25. Р. 200.

⁸⁵ Ibid. Р. 201.

⁸⁶ Archives parlementaires. Т. 30. Р. 635.

путатов вызвали, в частности, слова монарха о том, что он «засвидетельствовал иностранным державам свое признание этой Конституции» и будет «с неизменной твердостью» следить за ее исполнением. Большой успех возымел также призыв «вернувшись к родным очагам», «передать согражданам чувства» короля и сказать им всем, «что король всегда будет их самым лучшим и верным другом <...>, что он нуждается в их любви <...> и что он может быть счастлив лишь вместе с ними и благодаря им». Свою последнюю речь перед депутатами Учредительного собрания Людовик удачно завершил рассчитанной на восторженный прием фразой: «Мое мужество питается надеждой принести им [т.е. согражданам] счастье, и если мне это удастся, то удовлетворение будет мне лучшей наградой»⁸⁷. После этого Учредительное собрание было распущено. Королю предстояло выступать перед незнакомой аудиторией вновь избранного Законодательного собрания⁸⁸.

В течение года в Законодательном собрании Людовик XVI появлялся четыре раза. Порядок заседаний в присутствии короля Законодательное собрание определило специальным декретом 5 октября 1791 г., согласно которому при появлении монарха в зале заседаний депутатам полагалось встать и обнажить головы; после того как он займет место за председательским бюро, депутаты могли сесть и надеть головные уборы. За председательским бюро следовало установить на одном уровне два одинаковых кресла: одно для короля, другое для председателя собрания. Отменялись традиционные обращения к монарху «Сир» и «Ваше Величество», и единственно допустимым титулом при официальном обращении к королю отныне могла быть только зафиксированная в тексте конституции формулировка «король французов»⁸⁹. Фактически начавшееся еще в годы работы Учредительного собрания символическое снижение королевского статуса теперь обрело силу закона.

Через день, 7 октября 1791 г. король произнес свою первую, довольно пространную речь на открытии сессии Законодательного собрания. Он говорил, как это уже стало принято, стоя и с непокрытой головой. Правда, и депутаты на этот раз не воспользовались предоставленным им правом сесть и продолжали слушать короля тоже стоя и с непокрытыми головами. Авторитет монарха оказался сильнее нового регламента. Речь короля должна была понравиться депутатам, так

⁸⁷ Archives parlementaires. Т. 31. Р. 688.

⁸⁸ По закону депутаты Учредительного собрания не имели права переизбраться и стать депутатами Законодательного собрания.

⁸⁹ Archives parlementaires. Т. 34. Р. 84–87.

как она целиком была выдержана в духе принципов конституции 1791 года. Ссылаясь на конституцию, Людовик призывал депутатов употребить полученную власть на то, чтобы обеспечить нации свободу, мир и соблюдение законов, и в первую очередь заняться состоянием финансов. Он как глава государства обрисовал народным избранникам круг возложенных на них задач: привести все законы в соответствие с конституцией, сделать правосудие доступным рядовым гражданам, развивать образование, торговлю, промышленность и сельское хозяйство, обеспечить неимущих работой или пособиями. Себя самого Людовик признал тоже «представителем народа (*représentant du peuple*)», уполномоченным конституцией изучать, санкционировать и исполнять законы. Он обещал, со своей стороны, обеспечить дисциплину и боеспособность армии и флота, а также проводить внешнюю политику, направленную на сохранение мира и предотвращение внешней агрессии (эта часть речи короля дважды прерывалась бурными аплодисментами). В заключение Людовик отметил, что залогом успешной работы и будущего процветания являются «постоянная гармония и неизменное доверие» между ним и депутатами. Враги тщетно надеются посеять между ними распрю – объединенные любовью к родине и заботой об общем благе, король и Законодательный корпус станут неразделимыми⁹⁰.

Следующее появление короля перед депутатами произошло в обстановке надвигавшейся войны. Он пришел в Законодательное собрание 14 декабря 1791 г., чтобы прочесть ответ на направленное ему две недели назад послание депутатов, в котором те призывали его обратиться к германским князьям с требованием воспрепятствовать скоплению сил эмигрантов на французской границе. Людовик стоя зачитал текст, составленный военным министром графом де Нарбонн-Лара. Он начал с того, что вновь отметил важность сотрудничества между выборными представителями нации и «ее наследственным представителем». Он заверил депутатов, что уже призывал эмигрантов вернуться во Францию и подчиниться новым законам, а глав соседних государств – не оказывать поддержки их воинственным планам, и если в течение месяца эти призывы не будут услышаны, то ничего не останется, как начать войну. В сложившейся обстановке, говорил король, особенно важно «показать иностранным нациям, что французский народ, его представители и его король – едины», что две ветви

⁹⁰ Ibid. P. 118–119.

власти сотрудничают и уважают друг друга, «что они разные, но не враги». В заключение Людовик подтвердил готовность до конца исполнять свой долг, хранить верность конституции и заявил, что рад «быть королем свободного народа». Реакция на эту речь оказалась неоднозначной. Тогда как депутаты на правых трибунах в течение нескольких минут горячо аплодировали и кричали: «Да здравствует король французов!», на левых воцарилась гробовая тишина⁹¹.

Затем Людовик пришел в Законодательное собрание 20 апреля 1792 г. по случаю объявления войны «королю Богемии и Венгрии». Доклад Королевского совета читал министр иностранных дел Дюмурье. Король лишь подтвердил в заключение, что целиком и полностью поддерживает содержание доклада, что все возможные средства сохранить мир были исчерпаны и что объявления войны требуют «оскорбленное достоинство французского народа и угроза национальной безопасности»⁹².

Последняя речь короля в Законодательном собрании имела место 7 июля 1792 г. Незадолго до этого, 20 июня ему пришлось пережить тяжелое испытание, когда толпа санкюлотов ворвалась в Тюильри в королевские покои, и ее не удавалось оттуда выпроводить в течение трех часов. Под впечатлением от этих событий король, чье положение явно стало шатким, пришел в собрание, чтобы вновь заверить депутатов в своей верности нации и конституции и призвать к «общему единению ради спасения отечества». Он заявил, «что нация и король едины. Если они будут идти к общей цели, то общими усилиями они спасут Францию. Верность Конституции объединит всех французов, и король всегда будет им в том примером»⁹³. Это был последний раз, когда появление короля перед депутатами сопровождалось рукоплесканиями и приветственными возгласами: «Да здравствует король!» В следующий раз он придет в Законодательное собрание 10 августа, чтобы просить у депутатов защиты от толпы, захватившей дворец Тюильри. На этом закончились его публичные выступления в качестве монарха. В дальнейшем его станут слушать уже только как подсудимого на процессе.

По мнению королевы Марии-Антуанетты, известному со слов ее первой камеристки мадам Кампан, в тот роковой день 10 августа 1792 г. всего несколько слов, так и не сказанных королем, могли бы

⁹¹ Archives parlementaires. Т. 36. P. 110.

⁹² Archives parlementaires. Т. 42. P. 195–199.

⁹³ Archives parlementaires. Т. 46. P. 217.

изменить ситуацию в его пользу. «Король, говорила она, не трус; он наделен большим пассивным мужеством, но его подавляют ложный стыд и неверие в себя, происходящие от его характера и воспитания. Он страшится отдавать приказы и более всего боится говорить перед собравшейся публикой <...>. В нынешних обстоятельствах несколько правильно сказанных слов, адресованных преданным нам парижанам, в сто раз увеличили бы наши силы, но король их не произнес. Чего можно ожидать от этих обращений к народу, которые ему посоветовали развесить? Ничего, кроме новых оскорблений»⁹⁴. Эти обвинения королевы в адрес супруга справедливы лишь отчасти. Как мы уже видели, за годы революции король научился преодолевать природную застенчивость и весьма успешно выступать перед сотнями депутатов Учредительного и Законодательного собрания. Но одно дело – уверенно читать перед уважаемыми депутатами речь, заранее подготовленную с помощью министров, и совсем другое – спонтанно находить верные слова, обращаясь к возбужденной городской толпе. На это он не был способен.

В суде Людовик спокойно и хладнокровно отвергал все выдвинутые против него обвинения, настаивая, что не делал ничего, что запрещал бы ему закон, и что всегда старался избежать кровопролития⁹⁵. Впрочем, процесс, по-видимому, мало волновал короля, так как исход дела с самого начала был ему совершенно ясен. Уже после первого допроса в Конвенте, вечером, раздеваясь перед сном, он сказал своему камердинеру Клери: «В мыслях я был так далек от всех тех вопросов, что мне задавали»⁹⁶. В своей последней защитительной речи 26 декабря 1792 г. Людовик, коротко сославшись на выступления адвокатов, заявил, что ему не в чем себя упрекнуть и его совесть чиста. Он ни словом не упомянул про обвинения в государственной измене и в сношениях с врагами Франции. Лишь один пункт приговора, очевидно, по-настоящему затронул свергнутого короля, и он высказался о нем отдельно, причем с большим волнением. «Я никогда не боялся того, что мое поведение будет обсуждаться публично, – сказал он, – но у меня сердце разрывается, когда я вижу, что в обвинительном акте мне при-

⁹⁴ Mémoires de madame Campan, première femme de chambre de Marie-Antoinette / prés. par J. Chalon. P., 1988. P. 408.

⁹⁵ Interrogatoire du roi // *Girault de Coursac P. et P., Varaut J.-M.* La défense de Louis XVI. P., 1993. P. 39–50.

⁹⁶ *Cléry J.B.* Journal de ce qui s'est passé à la tour du Temple pendant la captivité de Louis XVI, Roi de France. L., 1798. P. 152–153.

писывают намерение проливать кровь народа и, в частности, ответственность за бедствия 10 августа. Я полагаю, что постоянно и неоднократно доказывал свою любовь к народу и что все мое поведение должно служить доказательством тому, что я без страха подвергал себя риску во избежание кровопролития, и навсегда избавить меня от подобных обвинений»⁹⁷.

Последние обращенные к публике слова бывшего короля прозвучали, когда, поднявшись на эшафот, он крикнул окружавшей толпе: «Я умираю невинным, я прощаю своих врагов и молю, чтобы моя кровь пролилась на пользу народу Франции и утолила Божий гнев!»⁹⁸ На этом его слова заглушила барабанная дробь. Таким образом, в последних своих публичных речах свергнутый король, отказавшись от диалога с депутатами, актуализировал традиционный образ *Rex imago Dei* и представил свою смерть искупительной жертвой за заблуждения народа. Именно поэтому из всех предъявленных ему обвинений Людовик с гневом отверг лишь возложенную на него ответственность за кровопролитие.

Таким образом, в годы Революции, когда политика приобрела публичный характер, Людовик XVI осознал эту перемену и, несмотря на нелюбовь к публичным выступлениям, адаптировал свое поведение к новым политическим реалиям. По сравнению с дореволюционным периодом его присутствие в публичном пространстве стало более заметным. Под влиянием революционных перипетий образ короля, выступавшего с парламентской трибуны, постепенно эволюционировал. Его речи революционного периода – их менявшийся лексический строй и содержащийся в них посыл – свидетельствуют о том, что он, не расставаясь с традиционной и привычной ролью отца подданных, сумел при этом занять новую для себя позицию партнера в диалоге с другой ветвью власти. Он проявил способность контактировать с новой политической элитой в лице Национального собрания. Но ход политического процесса определялся не только в его стенах. Король еще мог занять достойное место перед лицом революции элит, но не революции санкюлотов. Во всяком случае, его поражение было связано не с отсутствием ораторского таланта.

⁹⁷ Discours de Louis XVI // Œuvres de Louis XVI: précédées d'une histoire de ce monarque. 2 vol. P., 1864. T. 2. P. 254.

⁹⁸ Mort de Louis XVI, dernier roi de France (Révolutions de Paris. № 185, 19–27 janvier 1793) // Le procès de Louis XVI / présenté par A. Soboul. P., 1966. P. 233.

Список литературы

- Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция: Крестьянское движение в 1789–1794 гг. М., 1987. [Ado A.V. Krest'jane i Velikaja francuzskaja revoljucija: Krest'janskoe dvizhenie v 1789–1794 gg. M., 1987].
- Голицына Н.П. «Remarques sur mes voyages». Дневник путешествия по Европе 1783–1790 г. // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 64 Вяземы. К. 113. Ед. 1. [Golicyna N.P. «Remarques sur mes voyages». Dnevnik puteshestvija po Evrope 1783–1790 gg. // Rossijskaja gosudarstvennaja biblioteka. Otdel rukopisej. F. 64 Vjazemy. K. 113. Ed. 1].
- Кожев А. Понятие власти. М., 2006. [Kozhev A. Ponjatie vlasti. M., 2006].
- Озуф М. Революционный праздник, 1789–1799. М., 2003. [Ozuf M. Revoljucionnyj prazdnik, 1789–1799. M., 2003].
- Пименова Л.А. Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г. // ФЕ. 2005. М., 2005. [Pimenova L.A. Vlast' monarha absolutna, no ne proizvol'na: Ljudovik XVI i parlamenty v 1774 g. // FE. 2005. M., 2005].
- Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. [Elias N. Pridvornoe obshhestvo: Issledovanija po sociologii korolja i pridvornoj aristokratii. M., 2002].
- Allonville A.-F., comte d'. Mémoires secrets de 1770 à 1830. Vol. 1–2. Bruxelles-Leipzig, 1838.
- Antoine M. Louis XV. P., 1989.
- Archives parlementaires de 1787 à 1860: recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises / sous la direction de J. Mavidal et E. Laurent. 1ère série. P., 1868. T. 1.
- Bossuet J.-B. Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte. Ouvrage posthume de messire Jacques-Bénigne Bossuet. P., 1709.
- Brette A. Histoire des édifices où ont siégé les Assemblées parlementaires de la Révolution française et de la Première République. T. 1. P., 1902.
- Brown E.A.R., Famiglietti R.C. The Lit de Justice: Semantics, Ceremonial and the Parlement of Paris, 1300–1600. Sigmaringen, 1994.
- Cléry J.B. Journal de ce qui s'est passé à la tour du Temple pendant la captivité de Louis XVI, Roi de France. Londres, 1798.
- Corbin A. Le Miasme et la Jonquille. L'odorat et l'imaginaire social, XVIIIe–XIX siècles. P., 1986 (1-е изд. 1982).
- Croy E. de. Journal inédit du duc de Croÿ. 4 vols. Paris, 1906–1907. Vol. 3. Dictionnaire de l'Académie française. Paris: J. B. Coignard, 1694.

- Dictionnaire universel françois et latin contenant la signification et la définition tant des mots de l'une et l'autre langue, avec leurs différents usages, que des termes propres de chaque état et de chaque profession, communément appelé «Dictionnaire de Trévoux». Nancy: chez P. Antoine, 1740. T. 5.
- Discours de Louis XVI // Œuvres de Louis XVI: précédées d'une histoire de ce monarque. 2 vol. P., 1864.
- Egret J.* La Pré-révolution française. P., 1962.
- Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. T. 4. P., 1754.
- Extrait des souvenirs de la vicomtesse de Loménie // Journal de l'assemblée des notables de 1787 par le comte de Brienne et Etienne Charles de Loménie de Brienne, archevêque de Toulouse / publ. par P. Chevallier. P., 1960.
- Fénelon F. de.* Œuvres de Fénelon. Télémaque. P., 1864.
- Fogel M.* Les cérémonies de l'information dans la France du XVIe au XVIIIe siècle. P., 1989.
- Fournel V.* Les Cris de Paris, types et physionomies d'autrefois. P., 1887.
- Fumaroli M.* La conversation // Les lieux de mémoire / sous la dir. de P. Nora. T. III. Les France. Vol. 2. P., 1992.
- Girault de Coursac P.* L'Education d'un roi, Louis XVI. P., 1972.
- Gruber A.-Ch.* Les grandes fêtes et leurs décors à l'époque de Louis XVI. Genève-P., 1972.
- Hanley S.* The «Lit de Justice» of the Kings of France: Constitutional Ideology in Legend, Ritual and Discourse. Princeton, 1980.
- Hanotin G.* Au service de deux rois : L'ambassadeur Amelot de Gournay et l'union des couronnes (1705-1709). Thèse soutenue à l'Université Paris-Sorbonne le 3 décembre 2011. Positions de thèse // http://www.paris-sorbonne.fr/IMG/pdf/Positions_de_these_Hanotin.pdf
- Hardy S.-P.* Mes loisirs, ou Journal d'Événements, tels Qu'ils parviennent à ma connoissance // Bibliothèque Nationale de France. Ms fr. 6681 (mf. 2567).
- Hézecques F. d'.* Souvenirs d'un page de la cour de Louis XVI, par Félix, comte de France d'Hézecques, baron de Mailly / publ. par M. le comte d'Hézecques. P., 1998.
- Interrogatoire du roi // *Girault de Coursac P. et P., Varaut J.-M.* La défense de Louis XVI. P., 1993.
- Kastner J.-G.* Les Voix de Paris. Essai d'une histoire littéraire et musicale des cris populaires de la capitale depuis le Moyen Age jusqu'à nos jours, précédé de considérations sur l'origine et le caractère du cri en général

- et suivi de «Les cris de Paris», grande symphonie vocale et instrumentale. P., 1857.
- La Correspondance politique secrète // Cahiers Louis XVI. 1992. № 6.
- Le Paige L.-A.* Lettre sur les lits de justice. Par L.-A. Le Paige. 18 août 1756.
- Leferme-Falguières F.* Le fonctionnement de la cour de Versailles: Une modélisation des notions de centre et périphérie // Hypothèses. 1999. № 1.
- Leferme-Falguières F.* Les courtisans: Une société de spectacle sous l'Ancien Régime. P., 2007.
- Lemay E.H., Patrick A.* Revolutionaries at work: The Constituent Assembly, 1789-1791. Oxford, 1996.
- Lever E.* Louis XVI. P., 1985.
- Lilti A.* Le monde des salons : Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. P., 2005.
- Louis XVI, Marie-Antoinette et madame Elisabeth. Lettres et documents inédits / publ. par F. Feuillet de Conches. P., 1864. T. 1. P. 94.
- Marin L.* Le portrait du roi. Paris : Les Editions de Minuit, 1981.
- Maximes morales et politiques tirées de Télémaque, sur la science des rois et le bonheur des peuples, imprimées en 1766 par Louis-Auguste, Dauphin. P., 1826.
- Mémoires de madame Campan, première femme de chambre de Marie-Antoinette / prés. par J. Chalon. P., 1988.
- Milliot V.* Les cris de Paris ou Le peuple travesti: les représentations des petits métiers parisiens, XVIe-XVIIIe siècles. P., 1995.
- Mort de Louis XVI, dernier roi de France (Révolutions de Paris. № 185, 19-27 janvier 1793) // Le procès de Louis XVI / présenté par A. Soboul. Paris, 1966.
- Petitfils J.-C.* Louis XVI. P., 2005.
- Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon par Louis-Auguste, Dauphin // Œuvres de Louis XVI. 2 vol. P., 1864.
- Réimpression de l'Ancien Moniteur depuis la réunion des Etats-Généraux jusqu'au Consulat. P., 1841. T. 5.
- Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle / publ. par J. Flammermont et M. Tourneux. 3 vol. P., 1898. Vol. 3.
- Soulavie J.-L.* Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI. 6 vol. P., 1801. T. II.
- Tackett T.* Becoming a Revolutionary: The Deputies of the French National Assembly and the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790). Princeton, 1996.
- Veri, l'abbé de.* Journal de l'abbé de Veri. 2 vol. P., 1928-1930.

*Д.Ю. Бовыкин**

**«Я НЕ ПЕРЕСТАВАЛ ВЕРИТЬ,
ЧТО ВОТ-ВОТ РАЗРАЗИТСЯ ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ...»
ГРАФ ПРОВАНСКИЙ В 1755–1789 гг.¹**

Статья посвящена брату Людовика XVI, Людовику-Станисласу-Ксавье, графу Прованскому, будущему королю Людовику XVIII (1755–1824). Формирование его характера и политических взглядов, полученное им образование и попытки найти свое место в политической системе французской монархии, непростые взаимоотношения с Людовиком XVI и Марией-Антуанеттой, мнимое или реальное соперничество с братом, покровительство науке и культуре, литературная деятельность, те формы репрезентаций, которые он для себя избирал, – изучение всех этих сюжетов позволяет проследить тот путь, который привел принца крови и «сына Франции» к сотрудничеству с революционерами и снижал ему популярность у парижан накануне и в первые месяцы Революции.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., граф Прованский, Людовик XVI, Мария-Антуанетта, Людовик XVIII, Старый порядок.

Количество исследований, посвященных истории французской королевской семьи в последние десятилетия Старого порядка, весьма велико. Восшествие на престол Людовика XVI, его свадьба с Марией-Антуанеттой, смена министерств и связанные с этим перемены во французской внешней и внутренней политике, дело об «ожерелье королевы» – все это не раз становилось объектом пристального внимания исследователей. Братья же короля интересовали их существенно меньше, в том числе и потому, что править страной они станут намного позже, уже в XIX в. А между тем в 1789 г. один из братьев Людовика XVI всерьез рассматривался в качестве потенциального лидера на-

** Дмитрий Юрьевич Бовыкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИВИ РАН.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

чавшейся революции: с ним сотрудничали Э.Ж. Сийес и граф Мирабо, да и сам он позиционировал себя как человек, издавна стремившийся к переменам. «Я не переставал верить, что вот-вот разразится великая революция»², – скажет он зимой 1789/90 г. О том пути, что привел этого принца крови к сотрудничеству с революционерами, разрушавшими основы тысячелетней монархии, – пути, на который будущий Людовик XVIII встал еще в юные годы, и пойдет речь далее.

Людовик-Станислас-Ксавье родился в Версале 17 ноября 1755 г.³ Его отцом был старший сын Людовика XV Людовик-Фердинанд (1729–1765), носивший титул Дофина, матерью – Мария-Жозефа Саксонская (1731–1767), дочь Августа III, короля Польши и курфюрста Саксонии. Ребенок, получивший титул графа Прованского, был четвертым сыном в семье. Его самый старший брат, Людовик-Жозеф-Ксавье, герцог Бургундский (1751–1761), «по общему мнению, был прирожденным королем. Живой, обаятельный и вместе с тем самолюбивый и властный мальчик любил и умел во всем быть первым. Окружающие с восторгом и умилением угадывали в этом ребенке черты будущего властелина Франции»⁴. Однако он скончался даже раньше своего отца. Второй сын, Ксавье-Мари-Жозеф, герцог Аквитанский (1753–1754), не прожил и года.

Старшим товарищем по детским играм для графа Прованского стал третий сын Дофина – Людовик-Огюст, герцог Беррийский, будущий король Людовик XVI (1754–1793). А несколько позже у него появится и младший брат, Шарль-Филипп, граф д'Артуа, который много лет спустя станет последним французским монархом, принадлежавшим к старшей ветви Бурбонов – Карлом X (1757–1836). Биографы нередко отмечают, что родители больше всего любили старшего сына, герцога Бургундского, тогда как гувернантка, графиня де Марсан (*de Marsan*)⁵, осталась до конца жизни наиболее привязана именно к Людовику-Станиславу-Ксавье.

Год 1761, когда умер герцог Бургундский, многое изменил. После этого герцоги Беррийский и Прованский прошли, наконец, церемонию большого крещения, и оба получили имя «Людовик». Немного повзрослев, в апреле 1762 г. граф Прованский должен был, как тогда говорили,

² Archives parlementaires. 1ère série. P., 1880. Vol. XI. P. 33. Col. I.

³ Если не указано иное, при описании жизненного пути Людовика XVIII я основывался на книгах: *Lever E.* Louis XVIII. P., 1988; *Lucas-Dubreton J.* Louis XVIII. Le prince errant. Le Roi. P., 1925; *Mansel Ph.* Louis XVIII. 2nd ed. Guilford, 1999.

⁴ *Пименова Л.А.* Людовик XVI // ВИ. 2000. № 3. С. 63.

⁵ Мария-Луиза-Женевьева де Роан-Субиз (1720–1803) – вдова Гастона-Жана-Батиста Лотарингского, графа де Марсана. С 1754 г. гувернантка детей Франции.

passer aux hommes, то есть перейти под воспитание мужчины. И для него, и для старшего брата таким наставником стал герцог де Ла Вогийон (*de La Vauguyon*)⁶. Как заметит позднее герцог де Кроа, если герцог Беррийский воспитателя не любил и перестал к нему прислушиваться, едва женившись, граф Прованский был к нему более привязан⁷. Даже в 1771 г., когда создавался его Дом, этим руководил Ла Вогийон, который обладал, как вспоминает современник, «огромным влиянием на разум принца»⁸.

Образование братьев было вполне адекватно стоявшим перед ними задачам⁹. Граф Прованский хорошо знал латынь¹⁰ и любил латинских авторов (томик Горация был с ним до конца жизни), говорил по-итальянски и по-английски¹¹, разбирался в религиозном церемониале и фундаментальных законах французской монархии. Он хорошо знал историю¹², отличался прекрасной памятью¹³, любил и умел привести подходящую к случаю цитату и не отказывал себе в удовольствии сделать в письме отсылку к кому-либо из античных авторов¹⁴. Шатобриан называл его «принцем, известным своей просвещенностью, недоступным для предрассудков»¹⁵. Нередко можно встретить утверждения, что он «существенно превосходил братьев в науках и словесности»¹⁶. Впрочем, разумеется, подобные суждения трудно принимать на веру.

⁶ Антуан-Поль-Жак де Келен де Стюз де Косад, герцог де Ла Вогийон (1706–1772) – военачальник, друг Людовика-Фердинанда, воспитатель герцога Бургундского и его младших братьев.

⁷ *Croÿ E. de. Journal inédit du duc de Croÿ (1718-1784). P., 1907. Vol. 3. P. 6.*

⁸ *Moreau J.-N. Mes souvenirs. P., 1901. Vol. 2. P. 233.*

⁹ *Girault De Coursac P. L'éducation d'un Roi, Louis XVI. P., 1972.*

¹⁰ *Campan madame de. Mémoires sur la vie privée de Marie-Antoinette. P., 1823. Vol. 1. P. 126.*

¹¹ Любопытно, что его мать оттягивала, как могла, изучение сыном английского языка, «чтобы уменьшить влияние слишком дерзких сочинений». – *Beauchamp A. Vie de Louis XVIII: roi de France et de Navarre. P., 1821. P. 7.*

¹² *France d'Hézeques F., comte de. Souvenirs d'un page de la cour de Louis XVI. P., 1873. P. 52.*

¹³ *Neuilly A.-A.-Ch., comte de. Dix années d'émigration. P., 1865. P. 385.* Один из слуг Месье простодушно называет его память «обширнейшей и наилучшим образом заполненной». – *Arnault A.-V. Souvenirs d'un sexagénaire. P., 1833. Vol. 1. P. 167.* См. также: *Campan madame de. Op. cit. P. 126.*

¹⁴ См., например: *Geffroy Au. Gustave III et la cour de la France. P., 1867. 2ème éd. Vol. 1. P., 1867. P. 288; Campan madame de. Op. cit. P. 126.*

¹⁵ *Chateaubriand F.-R. de. De Buonaparte, des Bourbons, et de la nécessité de se rallier à nos princes légitimes pour le bonheur de la France et celui de l'Europe. P., 1814. 3ème éd. P. 61.*

¹⁶ *Biographie universelle ancienne et moderne / Sous la dir. de L.G. Michaud. P., Leipzig, [185?]. Nouvelle édition. Vol. 25. P. 240.*

Духовным наставником Детей Франции был назначен Ж.-Ж. Коэтлоске (*Coëtlosquet*)¹⁷, ставший в 1761 г., в соответствии с традицией, членом Академии. Изначально он был приглашен как наставник герцога Бургундского и посчитал, что должен оставить епископскую кафедру, поскольку счел, что новые обязанности не позволят ему в полную силу заниматься делами диоцеза. Постепенно ему было доверено обучение и других принцев. В 1771 г. граф Прованский назначит его главным раздатчиком милостыни своего Дома и поручит его заботам свои бенефиции, отметив, что «не знает человека более достойного ими управлять»¹⁸. Взойдя на престол, Людовик XVI сделает прелата командором ордена Святого Духа, но так и не сможет убедить его принять кардинальскую шапку.

Относительно степени религиозности графа Прованского между историками согласия нет: если одни, как Э. Левер, полагают, что «уроки христианского смирения, производившие впечатление на его брата, абсолютно на него не действовали»¹⁹, то другие, как Ф. Мэнсел, уверены, что «богословие было существенной частью его образования, и он всегда будет способен процитировать Библию, по крайней мере, так же часто, как классических авторов. Всю жизнь он оставался практикующим, а может быть, даже и верующим католиком»²⁰. Необычно большое количество религиозных сочинений в его личной библиотеке заставляет скорее склониться ко второму предположению.

Следующим поворотным моментом в жизни принца стал 1765 г., когда скончался его отец. Людовику-Станиславу было тогда 10 лет, а в 11 он потерял и мать. После смерти Дофина этот титул перешел к герцогу Беррийскому, а граф Прованский приобрел титул Месье (*Monsieur*). Его он и будет носить долгие годы.

Когда Людовик-Станислас немного подрос, в апреле 1771 г. Людовик XV принял решение об официальном создании его Дома. Известно, что образ жизни Месье в 1770–1780-х гг. сильно отличался от образа жизни его младшего брата, графа д'Артуа. В то время как тот, отмечал один из современников, вечером присутствовал на спектакле в «Комеди франсез», потом ужинал в Версале, а затем до четырех утра кутил в окружении разношерстной свиты в Пале-Рояле, граф Прованский про-

¹⁷ Жан-Жиль Коэтлоске (1700–1784) – епископ Лиможа (1739–1758).

¹⁸ Цит. по: *Levot P. Biographie bretonne. Vol. 1. Vanne-P., 1852. P. 384.*

¹⁹ *Lever E. Op. cit. P. 11.*

²⁰ *Mansel Ph. Op. cit. P. 12.*

водил свои дни в кабинете за книгами и занимался делами²¹. Даже в карточных играх, отмечал современник, Месье проигрывал меньше своих братьев²². Эта разница характеров в королевской семье была для придворных настолько очевидной, что, когда в 1776 г. популярной стала салонная игра «Всё» («*Les Tout*»), говорили, что «Король все сберегает, Королева все тратит, Месье все покупает, а граф д'Артуа над всем смеется»²³. Фраза «Месье все покупает» отражала еще одну сторону характера графа Прованского: он умел и любил заниматься деловыми операциями, которые помогали ему жить на широкую ногу. Ф. Мэнсел даже называет его «самым большим капиталистом из всех Бурбонов»²⁴

Свадьба Людовика-Станисласа-Ксавье состоялась 14 мая 1771 г. Людовик XV выбрал ему в жены Марию-Жозефину Савойскую, дочь наследника трона Карла-Амедея Савойского и внучку короля Сардинии. Невеста была на два года старше жениха. Двор оказался к ней настроен весьма критично; и она в ответ, по всей видимости, тоже не смогла его полюбить. Отлично зная, что ее считают слишком провинциальной, принцесса не видела необходимости изменять тем принципам, в которых она была воспитана. Однажды, когда она отказывалась принять участие в королевской театральной постановке и Мария-Антуанетта заметила, что принцесса могла бы и не быть столь щепетильной, раз играет сама королева, Мадам гордо ответила: «Если я и не королева, то я из того материала, из которого их делают!»²⁵

Двор долго обсуждал недостатки ее внешности и нехватку грациозности. Была ли жена графа Прованского действительно столь малопривлекательна? Мне видится, что Э. Лавер все же не совсем права, безапелляционно заявляя: «Все дворы Европы знали, что Людовик-Станислас-Ксавье женился на дурнушке»²⁶. Этому противоречат хотя бы многочисленные сохранившиеся портреты – даже если живописцы хотели польстить принцессе. Ее лицо кажется простоватым, пожалуй, ему не хватает благородства, однако это уравновешивается большими

²¹ Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 17 juillet 1775 // Marie-Antoinette. Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le c^o de Mercy-Argenteau : avec les lettres de Marie-Thérèse et de Marie-Antoinette. P., 1875. Vol. 2. P. 355.

²² [Bachaumont L. *Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.*] Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la République des Lettres en France, depuis MDC-CLXII jusqu'à nos jours. Londres, 1780. T. 10. P. 275.

²³ Ibid. T. 9. P. 141.

²⁴ Mansel Ph. Op. cit. P. 25.

²⁵ Du Bled V. La comédie de société au XVIIIe siècle. P., 1893. P. 83.

²⁶ Lever E. Op. cit. P. 18.

красивыми глазами и почти восточными точеными чертами. Несомненно, при такой внешности многое зависело от мимики, обаяния, манеры поведения.

Современники же оценивали Марию-Жозефину довольно неоднозначно. «Граф Прованский кажется очарованным своей новой победой, – записал Л. де Башомон. – Однако она не красива <...>. Принцесса очень темная шатенка, у нее довольно красивые глаза, но чрезвычайно густые брови, узкий лоб, длинный и курносый нос, уже отчетливо видный пушок над верхней губой. Лицо, в котором нет ничего царственного или величественного»²⁷. Он же отмечал, что принцесса простодушна и непривычна к этикету. Мадам Дюбарри, как докладывал на родину посол Сардинии, жаловалась, что принцесса редко моется и не желает выщипывать брови²⁸. Другая современница напишет, что Мадам «была умна и обладала определенной приятностью манер, несмотря на чрезвычайно заметную некрасивую внешность»²⁹. Третья заметит, что она «некрасива, но у нее прекрасные глаза, в разговоре она блистает умом, весела без склонности к подшучиванию, что весьма ценно, особенно при дворе»³⁰. А герцог де Кроа как-то написал в очевидном изумлении, что «новая графиня Прованская танцует лучше, чем можно было бы ожидать, и держит себя в танце лучше, чем когда ходит»³¹.

Немало докладывал о графине Прованской в Вену и Мерси д'Аржанто. Он сразу ее невзлюбил, и не в последнюю очередь, на мой взгляд, из-за того, что, используя Мадам в своих политических раскладах, версальский двор нередко противопоставлял ее Марии-Антуанетте. По словам дипломата, графиня «ведет себя холодно, скованно, мало говорит, лишена грациозности» и талантов, а также не может не чувствовать, насколько австрийская принцесса умнее и красивее ее³². Описывая графиню, он не устал подчеркивать недостатки ее

²⁷ [Bachaumont L. *Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.*] Op. cit. Londres, 1784. Т. 5. P. 266.

²⁸ *Mansel Ph.* Op. cit. P. 13.

²⁹ *Boigne, É.-A. d'Osmond, comtesse de. Récits d'une tante : mémoires de la comtesse de Boigne, née d'Osmond.* P., 1921. Vol. 1. P. 39.

³⁰ *Mémoires de la baronne d'Oberkirch.* Bruxelles, 1834. Vol. 1. P. 158.

³¹ *Croy E. de.* Op. cit. P., 1906. Vol. 2. P. 493.

³² *Mercy à Marie-Thérèse.* Paris, 22 juin 1771 // *Marie-Antoinette...* P., 1874. Vol. 1. P. 173. Впрочем, и к жене графа д'Артуа австрийский дипломат относился не лучше, замечая, что «ее характер столь же плох, как и ее фигура». – *Mercy à Marie-Thérèse.* Paris, 22 mars 1774 // *Ibid.* Vol. 2. P. 118.

фигуры, полагал, что та плохо одевается, «говорит мало и неприятно», и с удовольствием передавал слова Людовика XV о том, что принцесса некрасива, добавляя, что весь двор придерживается того же мнения³³. Спустя 11 лет, уже в царствование Людовика XVI, посол доложит, что король так ее не любит, что не хочет с ней ни обедать, ни ужинать³⁴.

Мария-Терезия, получавшая информацию о графине Прованской не только от Мерси, призывала дочь проявить к ней жалость и представить себя на месте принцессы, которой никогда не суждено править. Императрица передавала слова одного австрийского дипломата, полагавшего, что принцесса «нехороша собой, очень скованна, человек не светский, но в остальном прекрасно воспитана», и высказывала надежду, что это может стать в будущем залогом крепкой дружбы³⁵.

Сама же Мария-Антуанетта то отгалкивала графиню Прованскую, то приближала ее к себе: и потому, что понимала, каково это быть одной на чужбине, и потому, что рассчитывала тем самым расколоть противостоящую ей группировку³⁶. «Его жена во всем следует за ним, но лишь из страха и по глупости, будучи, как мне кажется, весьма несчастной»³⁷, — писала королева матери в январе 1772 г. Однако что бы Мария-Антуанетта ни думала о жене деверя, это не мешало ей, к примеру, попросить принцессу уговорить ее мужа посетить бал в Опере, на котором ей очень хотелось побывать³⁸.

Летом 1789 г. двор был шокирован разговорами о связи Марии-Жозефы с ее чтицей, мадам де Гурбийон (*Gourbillon*)³⁹. По просьбе графа Прованского король даже велел выслать ее в Лилль, подписав одно из последних *lettre de cachet* в истории Старого порядка. Современники обвиняли ее в том, что именно она пристрастила Мадам к алкоголю⁴⁰; репутацию самой принцессы это очевидно, тоже не улучшило...

³³ Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 22 mai 1771 // Ibid, Vol. 1. P. 166.

³⁴ Mercy à Joseph II. Paris, 22 novembre 1782 // Marie-Antoinette... Vol. 1. P. 139.

³⁵ Marie-Thérèse à Marie-Antoinette. Schönbrunn, le 8 mai 1771 // Marie-Antoinette... Vol. 1. P. 158.

³⁶ См., например: Mercy à Marie-Thérèse. Fontainebleau, 22 octobre 1770 // Marie-Antoinette... Vol. 1. P. 63 ; Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 25 février 1771 // Ibid. P. 133.

³⁷ Marie-Antoinette à Marie-Thérèse. Le 21 janvier 1772 // Ibid. P. 261.

³⁸ Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 22 mars 1774 // Ibid. Vol. 2. P. 119.

³⁹ Жанна-Маргарита Гурбийон стала чтицей графини Прованской около 1775 г. После недолгой разлуки летом 1789 г. подруги воссоединились, вместе эмигрировали и расстались лишь в 1799 г.

⁴⁰ *Bombelles marquis de*. Journal. Genève, 1982. Vol. 2. 1784–1789. P. 286.

Биографию графа Прованского нет смысла подробно пересказывать год за годом, благо она уже неоднократно описана и в популярной, и в научной литературе. Хотелось бы остановиться на ином: несмотря на то что жизнь Месье постоянно проходила на виду и отдельные ее эпизоды отражены в многочисленных мемуарах и документах, по сути ни один из биографов не может ответить на вопрос, что представлял из себя граф Прованский: каковы были его желания и надежды, склад характера, политические взгляды. Это то и дело приводит историков к необходимости – осознанно или неосознанно – приписывать Месье те интенции, которые казались бы им уместными и логичными, но которые совершенно невозможно подтвердить с опорой на конкретные материалы.

Подобная ситуация объясняется, на мой взгляд тем, что с юных лет граф Прованский научился использовать публичный образ жизни, неотъемлемый от статуса принца крови, себе на благо; он был мастером репрезентаций. Он намеренно создавал и проецировал вовне те образы «сына Франции», которые отвечали его интересам, и уловить за этой системой образов его собственный характер весьма сложно. Дополнительные проблемы создает то, что это искусство, доведенное до высшего совершенства Людовиком XIV, во второй половине XVIII в. воспринималось уже не с восхищением, а с раздражением. В век, когда, по крайней мере на теоретически-философском уровне, ценилась естественность, принца нередко обвиняли в неискренности; в этом плане его старший брат выглядел в глазах современников более выигрышно. Не случайно станет знаменитой фраза, которую Наполеон якобы скажет графу де Моле в 1815 г. о Людовике XVIII: «Это Людовик XVI, у которого меньше искренности и больше ума»⁴¹. Однако и до того, как граф Прованский стал королем, его умение прятать за созданными образами свои чувства и желания не только приносило ему дивиденды, но и создавало немало проблем, особенно в отношениях с Людовиком XVI и его женой.

Вот несколько репрезентаций, которые мне видятся для Месье наиболее принципиальными.

Счастливый муж. Это ампула, очевидно, призвано было выгодно оттенить графа Прованского на фоне семьи старшего брата, поскольку

⁴¹ *Sorel A. L'Europe et la Révolution française. P., 1904. Vol. 8. P. 416.* Ср. У одного из современников: «Менее искренний, чем его старший брат, Людовик XVIII, также как и тот, по природе своей, обладал той двуличностью, которая неотделима от слабости. Природное добродушие в соединении с определенной строгостью нравов помогало Людовику XVI компенсировать этот недостаток». – *Hobhouse J. Histoire des Cents jours. P., 1819. P. 74–75.*

ходило немало слухов о том, что Мария-Антуанетта разочарована мужем и его неспособностью иметь детей. Несмотря на критичное отношение двора к Мадам, сам Людовик-Станислас не уставал подчеркивать, насколько он счастлив в браке.

Когда на следующий день после свадьбы граф д'Артуа шуточно заметил брату, что тот слишком громко прокричал: «Да», Людовик-Станислас тут же парировал: «Это потому, что я хотел, чтобы меня было слышно до самого Турина»⁴². Л. де Башомон, завершая описание принцессы, не мог не отметить: «Как бы то ни было, она нравится принцу, и на следующий день он объявил королю, что был счастлив четырежды»⁴³. Тот же автор приводит разговор графа Прованского с герцогом Беррийским. Новобрачный спросил брата, как тому его жена, и услышал простодушный ответ: «Не очень. Не хотел бы я, чтобы она была моей женой». На что граф Прованский якобы ответил: «Я просто счастлив, что вы нашли себе по *своему* вкусу. Мы оба довольны, поскольку моя мне бесконечно нравится»⁴⁴.

Дважды – в 1774 и 1781 гг. – при дворе ходили разговоры о беременности Мадам, и граф Прованский даже подбирал воспитательницу для своих детей. В 1781 г. скорое рождение у принца наследника казалось настолько реальным, что даже Мерси д'Аржанто не на шутку встревожился⁴⁵. По крайней мере еще один раз, в 1779 г., слухи о том, что жена графа Прованского ждет ребенка, появились в европейских газетах, и Марии-Антуанетте даже пришлось специально писать матери по этому поводу, заверяя императрицу, что все это было лишь «газконадой» со стороны Месье⁴⁶. Отражали ли эти разговоры реальное положение дел?⁴⁷ Так или иначе, они работали на образ и не случайно, видимо, Мария-Антуанетта не сомневалась, что информация в газеты просочилась с подачи ее деверя.

Удачливый любовник. Это ампула, видимо, использовалось для того, чтобы пресечь разговоры о мужской несостоятельности принца, ведь

⁴² [Bachumont L. Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.]. Op. cit. T. 5. P. 266.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Mercy à Joseph II. Paris, 16 octobre 1781 // Correspondance secrète du Comte de Mercy-Argenteau avec l'Empereur Joseph II et le Prince de Kaunitz. P., 1889. Vol. 1. P. 66–67.

⁴⁶ Marie-Antoinette à Marie-Thérèse. Versailles, 16 août 1779 // Marie-Antoinette... P., 1874. Vol. 3. P. 339.

⁴⁷ Ф. Мэнсел, к примеру, уверен, что беременности 1774 и 1781 гг. были реальными. – Mansel Ph. Op. cit. P. 13.

у него единственного из трех братьев так и не появилось детей. При дворе это активно обсуждалось и влияло не только на его репутацию, но и на множество иных аспектов, в том числе на возможность вовлекать в свою орбиту верных соратников. Демонстрации привязанности к жене и слухов о ее беременности здесь явно было недостаточно, нужны были разговоры о галантных победах, тем более что внешность Месье также вызывала сомнения в том, что он может нравиться женщинам. «Месье стал огромным, как бочка»⁴⁸, – напишет одна из современниц в 1775 г. Он отличался нездоровой полнотой уже к тридцати годам с трудом взбирался на лошадь⁴⁹, будут впоследствии вспоминать другие⁵⁰.

Около 1780 г. внимание принца привлекла умная, грациозная и смешливая Анна Жакоб Номпар де Комон Ля Форс (*Caumont La Force*), дочь Бертрана Номпара де Комон Ля Форса, первого камер-юнкера графа Прованского в 1771–1773 гг. Отец умер, когда ей было 20 лет, мать была придворной дамой графини Прованской, а затем стала воспитательницей детей графа д'Артуа. В 1776 г. Анна вышла замуж за дворянина генуэзского происхождения Франсуа Мари Армана, маркиза де Пиовера (*de Piovera*), графа де Бальби (*de Balbi*). Через некоторое время она рассталась с мужем из-за его психического расстройства, и в конце концов он был отправлен в психиатрическую клинику в Санлисе. Правда, при дворе судачили, что муж застал ее с другим мужчиной и хотел убить их обоих и даже ребенка, но графиня воспользовалась своими связями для того, чтобы объявить мужа сумасшедшим⁵¹.

В июле 1780 г. графиня Прованская неожиданно для всех назначила де Бальби, недавно расставшуюся со своим мужем, своей придворной дамой, что привело к конфликту и в ее окружении, и при дворе в целом, поскольку семейство де Ноайлей было задето этим назначением⁵². Пошли даже слухи о том, что мадам де Бальби была любовницей графини Прованской⁵³ (или, как деликатно писала автор одних мемуаров, в отношении мадам де Бальби «Мадам разделяет предпо-

⁴⁸ *Geffroy Au. Op. cit. P. 286.*

⁴⁹ Тем не менее охоту Месье любил и, даже растолстев, выезжал на нее один или два раза в месяц.

⁵⁰ *France d'Hézacques F., comte de. Op. cit. P. 383.*

⁵¹ [*Bachaumont L. Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.] Op. cit. Londres, 1784. T. 15. P. 234.*

⁵² *Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 15 juillet 1780 // Marie-Antoinette... Vol. 3. P. 446–447.*

⁵³ [*Bachaumont, L. Petit de, Pidansat de Mairobert, M.-F., Mouffle d'Angerville, B.-F.-J.] Op. cit. Londres, 1784. T. 15. P. 235.*

чтения своего именитого мужа, не знаю лишь, до какой степени»⁵⁴). Мерси отмечал, что этот слух очень сильно повредил принцессе в глазах общественного мнения, а когда через пару месяцев последовало новое назначение, тут уже король вынужден был напомнить Мадам, что назначения на такие должности должны с ним согласовываться⁵⁵.

«Она вызывает много споров, – напишет впоследствии одна из современниц, видевшая де Бальби при дворе, – одни разглядывают ее, другие не замечают, и все очень горячатся, нападая на нее или же ее защищая. Она не женщина-политик, она симпатичная женщина; хотя она и не очень красива, она полна грациозности и привлекательности, но в особенности фривольности. Ее веселость неиссякаема, так что люди не очень щепетильные постоянно ищут ее общества. Ее многие любят, сами не зная, почему, но, без сомнения, за эту самую веселость. Повсюду говорят о ее эlegantности и хорошем вкусе»⁵⁶.

Их роман с графом Прованским развивался с переменным успехом, в эмиграции они также первое время были вместе.

Просвещенный и щедрый меценат. Эту роль Людовик-Станислас избрал для себя еще до воцарения брата и играл ее до самого начала Революции. Количество людей науки и искусства среди его офицье и слуг не может не поражать, причем как на самых высоких, так и на самых низких постах. Даже простое их перечисление со всеми должностями и регалиями весьма показательно и может составить сюжет отдельной статьи; назову лишь несколько имен.

Сюринтендат финансов принца Жюль-Давид Кромю де Бург (*Cromot du Bourg*) оказал немалое влияние на формирование не только художественного вкуса графа Прованского, но и его репутации в мире искусства, подбирая принцу придворных художников и скульпторов, вовлекая его в проекты, имевшие большой общественный резонанс. Их финансировал казначей Месье Дени Пьер Жан Папийон де Ля Ферте (*Papillon de La Ferté*) – автор трудов по географии, астрономии, математике, знаменитый коллекционер живописи. Одним из ближайших соратников Людовика-Станисласа и его шталмейстером в эти годы был Анн-Пьер, маркиз де Монтескью Фезенак (*Montesquiou Fezenac*) – поэт и драматург, член Французской академии (1784). Первым советником – Жакоб-Николя Моро (*Moreau*), известный в то время юрист, журналист и исто-

⁵⁴ Mémoires de la baronne d'Oberkirch. P. 70.

⁵⁵ Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 16 septembre 1780 // Ibid. P. 466.

⁵⁶ Mémoires de la baronne d'Oberkirch. P. 69, 70.

рик, Первый историограф Франции, член Французской академии (1785). Гофмейстером – Франсуа-Антуан Буасси д’Англа (*Boissy d’Anglas*), известный литератор, поэт, историк, член Академий Нима, Лиона и Ля Рошели, член-корреспондент Академии надписей и изящной словесности. Гардеробмейстером – Антуан-Венсан Арно (*Arnauld*), поэт, автор популярных трагедий.

Широко известны были и те, кто работал у графа Прованского секретарями: член Академии (1787), поэт и историк, друг Ж.-Ж. Руссо Клод-Карломан де Рюльер (*de Rulhière*)⁵⁷; Николя Демюнье (*Démeunier*), автор «Энциклопедии», славившийся своими переводами с английского и считавшийся одним из предвестников социальной антропологии; Жан-Франсуа Дюкис (*Ducis*) – известный писатель, поэт и драматург, в 1778 г. занявший в Академии освободившееся место Вольтера.

Естественно, что, приглашая на должности в своем Доме непрофессионалов, принц вынужден был терпеть и определенные неудобства. Но лишь раз он вышел из себя, когда один из его камердинеров – Луи-Робер-Парфэ Дюрюфле (*Durufflé*), известный поэт, баллотировавшийся, правда неудачно, в Академию, – сделал ему больно, надевая чулок. «Сколь же вы глупы!» – в сердцах вскричал Месье, и камердинер, испугавшись, что расположения принца ему уже не добиться, продал свою должность⁵⁸.

Месье и сам был не чужд литературных опытов. В частности, он нередко писал заметки в *Mercure de France*, *Gazette de France* и *Journal de Paris*, причем особенно любил посмеяться над чужим легковерием: то он описывал неизвестное науке животное, якобы найденное в Чили, то начинал сбор средств в пользу ходящего по воде часовщика из Лиона⁵⁹. Особенно удалась ему, по воспоминаниям современников, мистификация с фантастическим животным. Придумав существо с ногами страуса, рогами буйвола, хвостом обезьяны и львиной гривой, он не только опубликовал о нем заметки в ряде парижских газет, но и приказал выпустить сотни гравюр, пока читающая публика окончательно не поверила в абсолютную реальность такого монстра⁶⁰. В другой раз он опубликовал в *Mercure de France* протокол осмотра багажа, якобы поступивший с марсельской таможни, согласно которому в багаже

⁵⁷ Клод-Карломан де Рюльер (1735–1791) – дипломат.

⁵⁸ *Arnauld A.-V.* Op. cit. P. 166.

⁵⁹ *Ibid.* P. 168–169.

⁶⁰ *Créquy R.C. de Froulay, marquise de.* Souvenirs de la marquise de Créquy de 1710 à 1803. P., 1873. Vol. 5. P. 42.

французского консула в Александрии были найдены крокодильи яйца, из которых за время пути вылупились крокодилы и кинулись на таможенников, стоило тем заглянуть внутрь⁶¹.

Кроме того, граф Прованский писал неплохие стихи, широко известно было и об его увлечении историей. «Месье жил обычно весьма уединенно, – вспоминает современник, – занимаясь литературой и делая исторические записи о тех событиях при дворе, которые проходили перед его глазами. Этот принц был единственным историком, которого я знал при дворе Людовика XVI»⁶². В том же 1801 г., когда вышли процитированные мемуары, Людовик XVIII напишет по поводу этой фразы:

«Чистая правда, что довольно долго я жил достаточно уединенно, что я всегда любил литературу, однако я не делал исторических записей и еще менее того могу считаться историком. У меня действительно в 1772 г. была такая прихоть – написать воспоминания, я даже написал три десятка страниц, и возможно даже, что я не сжег их с другими своими бумагами, когда дважды их пересматривал – в 1789 и 1791 гг. Если г-н С. и правда прочитал эту дребедень, написанную семнадцатилетним мальчишкой, то он судит меня слишком снисходительно.

Я также накропал немало стихов. За исключением логогрифа, для которого было избрано слово Пифагор, опубликованного под псевдонимом в *Mercure*, и мадригала, который я оставил у себя, все остальные постигла та участь, которой они заслуживали: еще до того, как успевали просохнуть чернила, они перекочевывали с моего стола в камин. Единственное мало-мальски значительное произведение, которое вышло из-под моего пера, но так и не было опубликовано, – это перевод книги Горация Уолпола под названием «Исторические сомнения касательно жизни и правления Ричарда III»⁶³.

Король, безусловно, рисуется, «не придавая значения» ни тем стихам, которые дошли, пусть в пересказах, до наших дней, ни многочисленным публикациям в том же *Mercure*. Однако он прав: историком его назвать действительно сложно. Впрочем, все это не отменяет его сильнейшей тяги к научным знаниям. Как вспоминает один из его слуг, даже церемонию пробуждения Людовик-Станислас использовал для научных бесед на интересующие его темы: «Поскольку он обладал об-

⁶¹ Ibid.

⁶² *Soulavie J.-L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI. P., an X (1801). Vol. 2. P. 78.*

⁶³ [Louis XVIII] Notes de lecture // *Le Correspondant*. 10.01.1910. № 238. P. 39.

ширными знаниями, то не упускал случая ими блеснуть. Если появлялся доктор Лемонье (*Lemonnier*), разговор сразу же заходил о ботанике, с историографом Моро он беседовал о хартиях и хрониках, о литературе – с академиком Рюльером, о городских слухах – с медиком его конюшен, который также обслуживал и мадам де Бальби, а приходивший почти каждое утро доктор Бошен (*Beauchênes*) сообщал ему вчерашние новости»⁶⁴.

В то же время граф Прованский не только окружал себя людьми науки и искусства – в полном соответствии с духом времени он был также известным и довольно активным коллекционером. Он обладал весьма значительной коллекцией полотен и рисунков, преимущественно голландских и фламандских, считался одним из самых верных клиентов братьев Жакоб, известных французских мебельщиков: только между 1781 и 1786 г. он приобрел 574 кровати, 244 кресла и 138 стульев, выполненных в очень современной для той эпохи стилистике. Еще более впечатляющей была его библиотека. В одном Версале в распоряжении Месье было 11 с половиной тысяч книг: творения античных авторов, труды по теологии, истории, медицине, оптике, иным наукам.

Невозмутимый принц. Невозмутимость, умение не демонстрировать своих чувств окружающим, не нервничать и не суетиться перед лицом быстро меняющихся обстоятельств – вот те черты, которые неизменно отмечают у Месье современники вне зависимости от своего социального положения. Письма графа Прованского доказывают, что это не случайность, а черта, которую он старательно в себе культивировал. «Я быстро овладел внешними проявлениями своих чувств, – делился он с королем Швеции после получения известия о первой беременности Марии-Антуанетты, лишившей его надежд получить престол, – и неизменно держу себя, как и прежде. Я не проявляю ни радости, которая могла бы показаться фальшивой, да и была бы таковой, поскольку, говоря откровенно, и вы легко можете в это поверить, отнюдь ее не чувствую, ни грусти, которую могли бы приписать малодушию»⁶⁵.

Эта невозмутимость нередко злила тех, кому приходилось общаться с Людовиком-Станисласом-Ксавье, поскольку не позволяла догадаться о его истинных чувствах. Как писал брат Марии-Антуанетты Иосиф II: «Месье – существо загадочное, получше, чем король, но от него ис-

⁶⁴ *Arnault A.-V.* Op. cit. P. 167.

⁶⁵ *Geffroy Au.* Op. cit. P. 295.

ходит лютый холод»⁶⁶. Эта черта принца вызывала раздражение и у Мерси д'Аржанто: он не раз докладывал Марии-Терезии о том, что поведение Месье в отношении королевы настолько мудро и выверено, что заставляет заподозрить неладное⁶⁷. Один из мемуаристов отметит спустя много лет, что еще когда Людовик XVIII был Месье, «его упрекали в Версале за надменность, настолько неуместную у брата короля, что она казалась почти нелепой»⁶⁸. «Амбициозный и скрытный придворный»⁶⁹, – напишет о графе Прованском другая современница.

Сходным образом характер графа Прованского виделся и с другого полюса, со стороны слуг: «Хотя [мои] обязанности не были ни трудными, ни сложными, из-за застенчивости, которую я тогда еще не поборол, я выполнял их довольно неловко. Надо отдать должное принцу, он не проявлял ни малейшего нетерпения: ни слова не говоря, он ждал, пока моя рука перестанет дрожать. Но как он, казалось, не замечал мою неумелость, так же он не замечал и мою ловкость, когда я стал менее неуклюжим: это был настоящий идол, который не проявлял ни неудовольствия, ни удовлетворения тем умением или его отсутствием, с которым ему служили его жрецы»⁷⁰.

Ж.-М. Ожеар, придворный Марии-Антуанетты, также жалуется в своих мемуарах на холодность Месье. По его словам, когда он прибыл в эмиграцию в 1791 г. и хотел встретиться с графом Прованским, тот сказал ему всего несколько слов, тогда как Мадам проговорила с ним больше трех часов. Ожеар, считая, что оказал Людовику немало услуг в деле маркиза де Фавра, был оскорблен до глубины души: «Вежливый человек лучше обращается со слугой, чем Месье принял меня».

⁶⁶ Иосиф II – Леопольду. Париж, 11 мая 1777 г. // Maria-Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz / Hg. von A. Ritter von Arneth. Wien, 1868. Band 2 . S. 134. Позволю себе все же две ремарки. Во-первых, Иосифу II при Версальском дворе не понравился никто: в том же письме он отметил, что король плохо воспитан, королева не любит мужа и думает только о собственных развлечениях, жена графа д'Артуа – «полная идиотка», тетушки короля – ничтожества. Иными словами, Месье еще повезло, к тому же их антипатия была взаимной. И во-вторых, не исключено, что Иосифу II просто нравилась эта характеристика, «существо загадочное», по крайней мере, 10 апреля 1769 г. он уже употреблял ее в письме матери в адрес совсем другого принца в совсем другой стране. – Ibid. Wien, 1867. Band I. S. 256.

⁶⁷ См., например: Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 20 avril 1775 // Marie-Antoinette... Vol. 2. P. 323 ; Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 18 mai 1775 // Ibid. Vol. 2. P. 336 ; Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 17 juillet 1775 // Ibid. Vol. 2. P. 355.

⁶⁸ Mémoires du comte Beugnot, ancien ministre, publiés par le comte Albert Beugnot, son petit-fils. P., 1866. Vol. 2. P. 134.

⁶⁹ Boigne, É.-A. d'Osmond, comtesse de. Op. cit. P. 38.

⁷⁰ Arnault A.-V. Op. cit. P. 165–166.

Однако когда Мадам спросила Месье, имеет ли он что-то против Ожера, тот якобы ответил, что, напротив, считает его «очень галантным человеком»⁷¹.

По всей видимости, принц очень четко очерчивал для себя ближний круг, где он мог позволить себе быть собой. Сохранились свидетельства о том, что среди близких людей и тогда, и впоследствии он вел себя совершенно иначе: легко и свободно, любил и умел пошутить, слыл великолепным рассказчиком. Как отмечал один из придворных, рассказывая уже про времена после Реставрации, король «перед людьми, которых хорошо знал», «остроумнейшим образом рассказывал даже самые непристойные анекдоты и так играл лицом, что это сделало бы честь лучшим комикам»⁷².

С теми же, кто в этот ближний круг не входил, он держал себя совершенно иначе. «Его осторожность никогда не позволяла ему полностью открыть душу»⁷³, – напишет впоследствии его первый советник. Особенно он был требователен к тем, кто ему служил: будучи добрым с ними, «он требовал, чтобы они служили ему усердно, исправно и с умом»⁷⁴. Один из юных в то время придворных рассказывал впоследствии историю, которую пронес через годы и которая видится мне весьма показательной. Когда только создавался Дом Месье, он отважился спросить у принца, попадают ли туда двое его знакомых, объяснив свою просьбу тем, что они очень волнуются и их «сердца сильно бьются» в ожидании добрых новостей. «А ваше сердце тоже сильно бьется?» – неожиданно спросил Людовик-Станислас, положив руку ему на грудь. Юноша стал лепетать, что, если бы он мог надеяться на такую честь, то и его сердце колотилось бы столь же сильно, но Месье, все для себя уяснив, убрал руку, развернулся на каблуках и в последующие несколько лет не удостоил этого придворного ни единым словом⁷⁵.

Лояльный и дружелюбный брат. Граф Прованский на людях, как правило, демонстрировал свою лояльность брату, а затем и государю,

⁷¹ *Augeard J.-M. Mémoires secrets de J.-M. Augeard, secrétaire des Commandemens de la reine Marie-Antoinette (1760 à 1800). P., 1866. P. 276, 280, 282.* Признаться, из того, как Ожер последовательно описывает все перипетии своего посещения, складывается ощущение, что во время первой встречи Людовик, с письмами в руках, шел к себе в кабинет, а потом сел обедать и попросту забыл о визитере.

⁷² *Neuilly A.-A.-Ch., comte de.* Op. cit. P. 384.

⁷³ *Moreau J.-N.* Op. cit. P. 453.

⁷⁴ *Neuilly A.-A.-Ch., comte de.* Op. cit. P. 384.

⁷⁵ *Mémoires du duc Des Cars, colonel du régiment de dragons-Artois, brigadier de cavalerie, premier maître d'hôtel du Roi. P., 1890. Vol. I. P. 112.*

неизменно был с ними благожелателен и корректен. Нередко он устраивал для королевской четы празднества в своих замках. После провозглашения герцога Беррийского королем все три брата и их семьи проводили много времени вместе, встречаясь почти каждый вечер; из-за закрытых дверей нередко доносились раскаты хохота. Из переписки Марии-Антуанетты мы знаем, что всякий раз, когда между ней и Месье происходил конфликт, Людовик-Станислас стремился к примирению, часто сопровождал Марию-Антуанетту во время ее поездок за пределы дворца. Вообще, складывается впечатление, что Месье всегда тяготел к скорейшему прекращению любых споров и разногласий внутри королевской семьи⁷⁶.

Чем ближе к Революции, тем чаще принц поддерживал брата и в политических вопросах. Он разделял позицию Людовика XVI в его резко отрицательной реакции на «Женитьбу Фигаро»: считается, что именно Месье руководил нападками на Бомарше и чуть ли даже не оплачивал кампанию против него⁷⁷. Во время участия в обоих Собраниях нотаблей он всякий раз, в отличие от большинства других принцев, выступал на стороне короля и проводил через свои бюро нужные короне решения⁷⁸. И наконец, когда за несколько дней до королевской декларации о союзе Генеральных штатов ряд принцев (Конде, Бурбон, Энгийен и др.) отправили королю так называемое «Письмо принцев», в котором предупреждали о том, что монархия может пострадать от неконтролируемых дебатов, и негодовали, что права первых двух сословий оказываются серьезно ущемлены, граф Прованский подписать письмо отказался⁷⁹, став одним из немногих принцев крови, принявших сторону монарха.

Твердый и дальновидный политик. При том, что Месье явно демонстрировал интерес к политике и финансам, Людовик XVI так и не ввел брата в Королевский совет. Мерси д'Аржанто поясняет логику

⁷⁶ См., например: Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 17 décembre 1775 // Marie-Antoinette... Vol. 2. P. 410.

⁷⁷ *Кастр Р. де.* Бомарше. М., 2003. С. 322.

⁷⁸ Правда, злые языки утверждали, что на втором Собрании нотаблей, когда голоса разделились практически поровну, решение в пользу удвоения представительства третьего сословия в Генеральных штатах прошло лишь потому, что престарелый граф де Монбюассе (*de Montboissier*), чей голос в итоге оказался решающим, заснул во время дебатов. Проснувшись посреди голосования, он якобы спросил соседа: «Что говорят?» – «Говорят: да», – ответил тот. – *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette, publiés par sa famille.* P., 1837. Vol. 2. P. 184. Эта же история, хотя немного иначе, также рассказана в: *Souvenirs et fragments pour servir aux Mémoires de ma vie et de mon temps. par le Marquis de Bouillé (Louis-Joseph-Amour).* P., 1906. Vol. 1. P. 95.

⁷⁹ *Mémoires du Marquis de Bouillé.* P., 1859. P. 138.

такого решения: королевская семья боялась, что граф Прованский станет играть в нем роль первого министра⁸⁰. Впрочем, ситуация была ясна и без австрийского дипломата: со времен Фронды короли Франции опасались допускать родственников к политике, в том числе и потому, что их достаточно сложно отправить в отставку и удалить от двора, как обычного министра.

Несмотря на то, что место в Совете ему не предложили, Месье нередко обсуждал со своими приближенными вопросы текущей политики, формировал о них свое мнение и стремился донести его как до брата, так нередко и до широкой публики. Сразу после воцарения Людовика XVI в октябре 1774 г. граф Прованский направил королю мемуар против возвращения парламентов, озаглавленный «Мои мысли». Информированный современник предполагает, что его настоящими авторами были барон Кром де Бург, в то время сюринтендант финансов Месье, и барон Ф.Ж. Орсо де Фонтет (*Orceau de Fontette*), его канцлер и хранитель печати⁸¹. В те годы принц выступал против Тюрго и немало делал для того, чтобы добиться отставки реформатора⁸², стремился отстранить от власти Неккера⁸³, ему приписывали карикатуры на Тюрго и Калонна⁸⁴.

И впоследствии граф Прованский никогда не упускал возможность подчеркнуть свою политическую роль. Выступая перед братом после закрытия первого Собрания нотаблей (1787), он не преминул заметить, что «счастлив быть первым дворянином королевства, поскольку это дает ему возможность выступать перед королем от имени дворянства...»⁸⁵

Для дореволюционного периода жизни графа Прованского эти презентации, пожалуй, наиболее важны; именно они формировали об-

⁸⁰ Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 17 juillet 1775 // Marie-Antoinette... Vol. 2. P. 368.

⁸¹ [Bachaumont L. *Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.*] Op. cit. Londres, 1780. T. 7. P. 228–229.

⁸² Фоп Э. Опала Тюрго 12 мая 1776 г. М., 1979. С. 377, 471.

⁸³ Ходили слухи, что именно Месье организовал интригу, настроившую парламенты против Неккера: якобы тот доверил брату короля тайный мемуар относительно провинциальных собраний, а Месье поставил о нем в известность членов парламентов. – *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* P. 252–253. Историки пересказывают этот эпизод (в частности, Э. Левер), нисколько в нем не сомневаясь. Впрочем, Мерси д'Аржанто, которого трудно заподозрить в симпатиях к Месье, повествует о нем иначе: якобы принц сам попросил мемуар у Неккера, по неосторожности рассказал о его существовании одному из придворных, а тот уже сам организовал интригу так, чтобы виноватым оказался граф Прованский. – *Correspondance secrète...* P. 40–41.

⁸⁴ *Soulavie J.-L.* Op. cit. P. 83.

⁸⁵ *Rozoir Ch. du.* Le dauphin, fils de Louis XV et père de Louis XVI et de Louis XVIII: ou Vie privée des Bourbons. P., 1815. P. 622.

раз принца в глазах двора, а порой и общественного мнения. Однако, разумеется, возникает резонный вопрос о степени их эффективности.

Самыми успешными из созданных графом Прованским образов мне видятся два: образ просвещенного принца и умелого, опытного политика. Вольтер восхвалял стремление графа Прованского возродить времена трубадууров⁸⁶ и отмечал в одном из писем: «Пока Месье принимает в чем-то участие, во Франции продолжает существовать хороший вкус»⁸⁷. К середине 1780-х гг. популярность Месье была едва ли не больше популярности любого другого члена королевской семьи: ему верили, его любили, с ним связывали надежды. В 1784 г., на премьере «Женитьбы Фигаро», зал приветствовал его бурными овациями⁸⁸. Когда в 1787 г. падение авторитета Людовика XVI и Марии-Антуанетты вызвало лавину оскорбительных памфлетов и сатирических гравюр, на эстампе, изображавшем умирающую Францию, именно Месье перевязывал ее раны. Когда 17 августа того же года граф Прованский прибыл в Счетную палату для регистрации королевского эдикта, его встретили цветами и шквалом аплодисментов, тогда как графа д'Артуа, приехавшего с тем же эдиктом в Налоговую палату, освистали⁸⁹.

Другая часть репрезентаций видится мне успешной лишь отчасти, однако не очень понятно, мог ли здесь принц при всем желании добиться большего. Учитывая особенности его супруги, едва ли Месье сумел бы год за годом изображать счастливого и пылкого мужа: он довольно быстро, уже примерно к 1770 г., отдалился от жены, и их брак едва ли можно назвать счастливым. В 1789 г. Мадам напишет, что «он был хозяином в моем доме, но не был хозяином моего сердца, никогда им не был»⁹⁰, однако даже к этому времени в ее личных письмах очень мало жалоб на Месье и, напротив, отмечается, как он заботился о ней, когда она болела. Двор также был не склонен винить графа Прованского в распаде брака.

Двойственное ощущение у современников вызывала и его связь с мадам де Бальби. Месье вел себя в лучших традициях французского двора: он поселил де Бальби в Малом Люксембурге, добился для нее покоев в Версале, разбил для нее в Версальском парке отдельный садик, заре-

⁸⁶ Lettre à M. le chevalier de Lisle. 10 juillet 1774 // Œuvres complètes de Voltaire. P., 1838. T. 13. P. 251.

⁸⁷ Lettre à M. Rulhière. 8 août 1774 // Ibid. P. 254.

⁸⁸ Biographie universelle ancienne et moderne. Vol. 25. P. 241.

⁸⁹ *Beauchamp A.* Op. cit. P. 25, 26.

⁹⁰ Цит. по: *Mansel Ph.* Op. cit. P. 31.

зервировал апартаменты в еще одном своем владении, замке Брюнуа. И все же при дворе находились люди, сомневавшиеся в наличии, собственно, любовной составляющей и полагавшие, что Месье был очень привязан к своей супруге и дарил мадам де Бальби лишь свою дружбу⁹¹.

В мемуарах таких скептических оценок куда больше, что, впрочем, никак не говорит об успехе этой репрезентации тогда, когда принц ее затевал, поскольку в дальнейшем его непростые отношения с любовницей и история их расставания получили широкую огласку. «Мадам Бальби завладела, скорее, его разумом, нежели его чувствами»⁹², – напишет один из современников. Другая же современница сравнит впоследствии де Бальби с лошадьми, которых принц покупал, но никогда на них не взбирался, и добавит, что Месье «был невинен, как Ориген»⁹³ – сомнительный комплимент, при том, что Ориген оскотил себя в порыве благочестия.

И все же создаваемый принцем образ трудно назвать неудачным, ведь даже в современных Людовику XVIII критических памфлетах специально отмечалось, что в юности для него была характерна сексуальная распущенность и неразборчивость в связях⁹⁴. И хотя граф Прованский был единственным из трех братьев, у кого так и не появилось потомства, ни по свидетельствам современников, ни по работам историков не видно, чтобы отсутствие детей наносило серьезный урон его престижу, чего нельзя, к примеру, сказать, о Людовике XVI в первые годы его брака с Марией-Антуанеттой, когда этот сюжет становился темой множества сатирических песенок и памфлетов.

Пожалуй, самым сложным моментом остаются те взаимоотношения, которые сложились внутри королевской семьи, и здесь граф Прованский оказался наименее успешен.

В многочисленных рассказах о юности принцев мне видится определенное напряжение, нередко возникавшее между братьями: чувствуется, что они частенько друг друга раздражали. Одной из причин того, что в отношениях между братьями отсутствовала теплота, видится их бросающаяся в глаза разница в характерах. Будущего Людовика XVI нередко описывают как «близорукого, застенчивого, угрюмого,

⁹¹ *Soulavie J.-L.* Op. cit. P. 78.

⁹² *France d'Hézeques F., comte de.* Op. cit. P. 53.

⁹³ *Arnault A.-V.* Op. cit. P. 170.

⁹⁴ [*Raisson H.-N.*] *Amours secrètes des Bourbons, depuis le mariage de Marie-Antoinette jusqu'à la chute de Charles X, par la Csse du C***.* P., 1830. Vol. 2. P. 6.

неуклюжего»⁹⁵, тогда как Месье, напротив, был с юных лет человеком светским, умевшим привлекать к себе людей. Сам будучи способным принять решение и следовать ему, Людовик-Станислас-Ксавье как-то сказал: «Чтобы представить себе слабость и нерешительность короля, вообразите, что вы пытаетесь удержать в руке шарики из слоновой кости, смазанные маслом»⁹⁶. Если один славился прямоотой и неумением скрывать свои чувства, то другой, напротив, редко избирал прямой путь. В отличие от короля, Месье много путешествовал по Франции. Людовик XVI за всю свою жизнь совершил лишь три небольшие поездки по стране (в том числе в Реймс на коронацию)⁹⁷ и плохо знал даже Париж. Рассказывали, к примеру, что когда Иосиф II обсуждал с Людовиком XVI увиденное им в столице французского королевства, то выяснилось, что король представления не имеет, как выглядит столь поразивший императора Дом инвалидов⁹⁸. Месье же еще в 1777 г. отправился в длительное путешествие по югу Франции и, в частности, по своему графству. Триумфальный прием в Бордо, Марселе, Тарасконе, Ниме, Авиньоне произвели на него огромное впечатление⁹⁹. В другие поездки он посещал Шамбери и Лион, побывал в Виши и Меце.

После того как герцог Беррийский женился на Марии-Антуанетте, молодые люди стали проводить много времени вместе. Братья были погодками, эрцгерцогиня – ровесницей младшего из них, и поначалу она так много внимания уделяла графу Прованскому и так любила бывать в его компании, что это стало вызывать тревогу у Мерси д'Аржанто, а через него – у Марии-Терезии. В 1773 г. в письме Мерси она специально отмечала: «Я хочу, чтобы моя дочь всегда остерегалась графа Прованского. Это принц мне кажется фальшивым»¹⁰⁰. Граф Прованский и в самом деле не просто с удовольствием проводил время с женой брата, но и постоянно выказывал себя галантным кавалером и ухаживал за ней настолько, насколько позволяли приличия. Так, однажды он по-

⁹⁵ Пименова Л.А. Людовик XVI. С. 63.

⁹⁶ Кастр Р. де. Мирабо. М., 2008. С. 282.

⁹⁷ Метивье Ю. Франция в XVI–XVIII вв. от Франциска I до Людовика XV. М., 2005. С. 168.

⁹⁸ Пименова Л.А. Людовик XVI – французский король эпохи Просвещения // Человек эпохи Просвещения. М., 1999. С. 9.

⁹⁹ Beauchamp A. Op. cit. P., 1821. P. 11ss.

¹⁰⁰ Marie-Thérèse à Mercy, Schönbrunn, le ... juillet 1773 // Marie-Antoinette... Vol. 2. P. 1. Впрочем, скорее всего против Месье настраивал императрицу именно Мерси, не раз отмечавший в письмах его двуличность и «склонность к интригам». – См., например: Ibid. Vol. 1. P. 175, 274; Vol. 2. P. 16.

дарил ей веер, украшенный следующими стихами: «В сильнейшую жару Я рад скрасить ваш досуг. Я буду рядом с вами, чтобы навевать зефиры, Ну а любовь придет сама»¹⁰¹. В этом ракурсе едва ли правы те современники, которые, как французский ученый и дипломат Ж.-Л. Сулави, полагали, что Месье, унаследовав дипломатические принципы отца, «постоянно пребывал в открытом противостоянии с Марией-Антуанеттой»¹⁰².

В конце концов императрица потребовала от своего посла присматривать, чтобы ее дочь не сходилась с Людовиком-Станисласом слишком близко, поскольку сравнение будет не в пользу мужа¹⁰³, и Мерси сделал все для того, чтобы рассорить австрийскую принцессу и младшего брата герцога Беррийского, постоянно подчеркивая в разговорах с девушкой его неискренность и двуличность¹⁰⁴. Явно под его влиянием Мария-Антуанетта в своих письмах матери неоднократно отмечала, что характер графа Прованского куда менее искренний, чем ее собственный¹⁰⁵.

Однако до поры до времени Марии-Антуанетте, скорее, доводилось выступать посредницей между двумя братьями и заставлять их мириться после частых ссор, одна из которых даже закончилась дракой. «В комнате графа Прованского, – рассказывает Мерси д'Аржанто, – на каминной полке стояла очень искусно сделанная фарфоровая статуэтка. Когда г-н Дофин оказывался в этой комнате, он приобрел привычку рассматривать эту фигурку. Это тревожило г-на графа Прованского и как-то, когда г-жа Дофина смеялась над его страхами, г-н Дофин, державший в это время статуэтку в руках, выронил ее, и она разлетелась на части. Г-н граф Прованский, поддавшись гневу, кинулся на г-на Дофина, схватил его за шиворот и несколько раз ударил. Г-жа Дофина, в замешательстве от этой сцены, кинулась их разнимать, и ей даже поцарапали руку. Сразу же после ссоры они помирились»¹⁰⁶. Впрочем, складывается впечатление, что будущий Людовик XVI и сам с удовольствием задирали брата: тот же Мерси сообщал императрице, что в другой день, когда Мария-Антуанетта играла с Людовиком-Станисласом

¹⁰¹ *Créquy R.C. de Froulay, marquise de*. Op. cit. Vol. 5. P. 43.

¹⁰² *Soulavie J.-L.* Op. cit. P. 81–82.

¹⁰³ Marie-Thérèse à Mercy. Vienne, 31 octobre 1772 // Marie-Antoinette... Vol. 1. P. 362. См. также: Marie-Thérèse à Mercy. Vienne, 3 mars 1773 // Ibid. Vol. 1. P. 425.

¹⁰⁴ См., например: Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 20 avril 1775 // Ibid. Vol. 2. P. 323.

¹⁰⁵ Marie-Antoinette à Marie-Thérèse. Le 21 janvier 1772 // Marie-Antoinette... Vol. 1. P. 261.

¹⁰⁶ Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 15 juin 1772 // Ibid. P. 313.

в пикет¹⁰⁷, герцог Беррийский в нетерпении, когда наступит его очередь, стал постукивать по руке брата палкой, пока тот не кинулся на Дофина, чтобы ее отобрать, и его жене вновь пришлось их мирить¹⁰⁸.

Перелом в отношениях, скорее всего, наступил в середине 1775 г. Как докладывал Мерси д'Аржанто Марии-Терезии, после смерти Людовика XV его наследник нашел письма графа и графини Прованской, «в которых эти принц и принцесса требовали у покойного короля вещи, абсолютно противоположные тем разговорам», которые они вели с Людовиком XVI и Марией-Антуанеттой – речь в основном шла о просьбах назначить на должность того или иного дворянина. Мерси не упустил свой шанс. «Король был этим сильно шокирован, – докладывал он, – как и королева; и я воспользовался этими обстоятельствами, чтобы утвердить Е.В. в желании вести себя сдержанно и осмотрительно по отношению к деверю и его супруге»¹⁰⁹. После этого в письмах матери королева отмечала, что они с мужем сосуществуют с Месье «без раздоров и без доверия»¹¹⁰, и признавалась, как она счастлива тем, что из трех братьев ей достался именно Людовик-Огюст, «хотя он и неуклюж»¹¹¹.

Аналогичных взглядов придерживался и Людовик XVI. Не без внутреннего удовлетворения Мерси передает его реплику, брошенную брату, исполнявшему в одной из постановок роль Тартюфа, о том, что персонажей в пьесе играют люди, соответствующие им по характеру¹¹². Свою роль сыграли некие преданные гласности письма Месье¹¹³, продемонстрировавшие, что граф Прованский ведет двойную игру. Публикатор переписки Марии-Антуанетты с матерью предполагает, что речь идет о его письмах к Густаву III. Нельзя этого исключить, хотя в опубликованных к настоящему времени письмах графа Прованского королю Швеции за 1775 г. и несколько предыдущих лет сложно найти что-то компрометирующее. Так или иначе, в своем письме шведскому королю от 12 июня 1775 г. граф Прованский не без горечи отметит: «Я в хороших отношениях с королем и в неплохих с королевой»¹¹⁴.

¹⁰⁷Одна из старейших французских карточных игр, популярная в XVIII в. по всей Европе.

¹⁰⁸Mercy à Marie-Thérèse. Compiègne, 14 août 1772 // Marie-Antoinette... Vol. 1. P. 335.

¹⁰⁹Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 28 juin 1774 // Ibid. Vol. 2. P. 184.

¹¹⁰Marie-Antoinette à Marie-Thérèse. Versailles, 14 juillet 1775 // Ibid. P. 352.

¹¹¹Marie-Antoinette à Marie-Thérèse. Le 15 décembre 1775 // Ibid. P. 404.

¹¹²Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 28 juin 1774 // Ibid. P. 184.

¹¹³Marie-Antoinette à Marie-Thérèse. Le 12 novembre 1775 // Ibid. P. 393.

¹¹⁴Geffroy Au. Gustave III et la cour de la France. Op. cit. P. 291.

Ситуация усугублялась тем, что Людовик XVI, став королем, очевидно не обладал в глазах братьев авторитетом деда. Так, и граф Прованский, и граф д'Артуа, и их жены отказывались регулярно присутствовать на церемонии пробуждения короля, тогда как при Людовике XV таких проблем не возникало¹¹⁵.

Еще одной причиной постоянных разногласий между братьями принято считать их неизменное соперничество, якобы сложившееся еще в юности. Нередко можно встретить упоминания о том, что в молодые годы граф Прованский не стеснялся выказывать свое превосходство над братом, что того, естественно, раздражало. Рассказывают, к примеру, что однажды, когда герцог Беррийский в присутствии брата неграмотно построил предложение, Людовик-Станислас-Ксавье презрительно заметил, что принцу пристало владеть своим языком. На что будущий Людовик XVI якобы раздраженно парировал: «И уметь его придерживать!»¹¹⁶ Впрочем, эта история выглядит несколько иначе, если поверить современнику, сообщавшему, что в 1789 г., накануне открытия заседаний Генеральных штатов Людовик XVI прочитал братьям свою речь, иронично заметив в адрес графа Прованского: «Вы пурист и поправите мои ошибки»¹¹⁷. Ровно такая же добродушная ирония видится мне и в другом эпизоде, о котором рассказывает Э. Фор, трактуя его, впрочем, совершенно иначе. «Нельзя сказать, что он неспособен дать резкий отпор, – писал Фор о Людовике XVI. – Обычно такие выпады вызывает его брат, граф Прованский, как если б только вражда и зависть способны вывести короля из спячки. Таков его ответ бестактному представителю провинциальной делегации, который расхваливал его ум: “Я вам очень благодарен, сударь, но вы ошибаетесь: очень умен не я, а мой Прованский брат”»¹¹⁸.

В своем стремлении абсолютизировать это соперничество Л. Блан даже доходит до утверждения о том, что будто бы иезуиты, занимав-

¹¹⁵ Mercy à Marie-Thérèse. Compiègne, 15 août 1774 // Marie-Antoinette... Vol. 2. P. 184.

¹¹⁶ [Bachaumont L. *Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.*] Op. cit. Londres, 1780. Т. 1. P. 194. Правда, в других мемуарах той эпохи рассказывается, что это был разговор между графом Прованским и графом д'Артуа. – *Créquy R.C. de Froulay, marquise de*. Op. cit. Vol. 4. P. 172.

¹¹⁷ *Luchet J.-P. Mémoires pour servir à l'histoire de l'année 1789*. P., 1791. Vol. 2. P. 19.

¹¹⁸ Фор Э. Указ. соч. С. 63–64. Любопытно, что явно из того же анекдота и подобных ему Л. Блан делал противоположные выводы: с его точки зрения, Месье «был выше своего старшего брата по уму, по образованию, по твердости характера, и сам Людовик XVI признавал это превосходство, имея обыкновение говорить: “Спросите у моего Прованского брата”». – Блан Л. История Французской революции. СПб., 1907. Т. 2. С. 16. К аналогичным выводам пришел и Люкас-Дебретон: *Lucas-Debreton J.* Op. cit. P. 8. Сама же фраза, видимо, восходит к: *Beauchamp A.* Op. cit. P. 6.

шиеся образованием принцев, специально не учили герцога Беррийского искусству управлять и, напротив, развивали в нем склонность к подчинению, надеясь, что со временем он попадет под влияние брата¹¹⁹. Но действительно ли граф Прованский хотел занять место Людовика XVI? Такие утверждения не редкость у современников¹²⁰, начиная с членов королевской семьи¹²¹. Как писала Мария-Антуанетта, «в его сердце больше любви к себе, нежели привязанности к старшему брату и, без сомнения, ко мне. Всю жизнь он страдал от того, что не родился господином»¹²². Другое дело, что реальных свидетельств такого соперничества сохранилось немного, и все они чрезвычайно сложно проверяемы.

Пожалуй, единственная сфера, где конфликт интересов явно чувствовался, это отношение Месье к детям королевской четы. Из письма Густаву III во время первой беременности королевы видно, до какой степени граф Прованский расстроен этим событием¹²³. Очевидно, что отсутствие потомства у Людовика XVI и Марии-Антуанетты укрепляло положение Месье и внушало ему надежды на трон. Первым ребенком короля и королевы стала родившаяся в декабре 1778 г. девочка. В частном письме граф Прованский признавался, что испытал при этом определенное облегчение, тем более что прогнозы на благополучное разрешение королевы от бремени второй раз были не столь радужными¹²⁴.

В исторических работах не сложно найти мысли о том, что отныне заботой графа Прованского становится поиск доказательств того, что отец детей – не его брат, и внушение сомнений на этот счет придворным и общественному мнению¹²⁵. Один из современ-

¹¹⁹ Блан Л. Указ. соч. СПб., 1907. Т. 3. С. 121.

¹²⁰ См., например: Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... P. 253.

¹²¹ С этим согласны десятки историков. См., например: *Fleischmann H.* Les pamphlets libertins contre Marie-Antoinette : d'après des documents nouveaux et les pamphlets tirés de l'Enfer de la Bibliothèque nationale. P., [1908]. P. 86 ; *Stenger G.* Le retour des Bourbons. P., 1908. P. 15 ; *Pellet M.* Les Actes des Apôtres (1789-1791). P., 1873. P. 236; *Capefigue B.* La Comtesse Du Cayla. Louis XVIII et les salons du faubourg Saint-Germain sous la Restauration. P., 1866. P. 209; *Lever E.* Louis XVIII. P. 10. «Снедаем жаждой высшей власти, этот принц видел в целом мире лишь одного себя», – писал граф Грюо де ля Бар. – *Gruau de la Barre, comte.* Intrigues dévoilées, ou, Louis XVII, dernier roi légitime de France. Rotterdam, 1846. Т. 1. P. 106.

¹²² Marie-Antoinette à la princesse de Lamballe. [Premiers jours de juillet 1791] // Louis XVI, Marie-Antoinette et Madame Élisabeth, lettres et documents inédits / publ. par F. Feuillet de Conches. P., 1864. Vol. 2. P. 154.

¹²³ *Geffroy Au.* Op. cit. P. 294–295.

¹²⁴ *Ibid.* P. 296.

¹²⁵ См., например: *Spronck M.* Les projets de la réaction monarchique pendant la révolution // La Révolution française. Т. 9. Juillet – Décembre 1885. P. 46 et suiv.

ников не преминул отметить, что когда в январе 1779 г. дочь королевской четы крестили и Месье держал ребенка на руках, представляя короля Испании, Главный раздатчик милостыни спросил принца, какое имя следует дать девочке. «Но с этого ли нужно начинать? – ответил граф Прованский. – Согласно обряду, сперва нужно узнать, кто ее отец и мать». Ему возразили, что это предусмотрено для случаев, когда родители не известны, а это явно не та ситуация. Однако Месье не удовлетворился этим ответом и спросил мнения присутствующего на церемонии кюре собора Нотр-Дам. Кюре подтвердил правоту принца, но ответил, что в данном конкретном случае он на стороне Главного раздатчика милостыни. Присутствовавшие на церемонии придворные захихикали, еще более подчеркивая пикантность ситуации¹²⁶.

После рождения осенью 1781 г. мальчика, получившего титул Дофина, граф Прованский перестал быть наследником престола. Впрочем, в рассказах о его отношении к этому событию чрезвычайно сложно отличить правду от вымысла. Так, в историографии на протяжении уже двух столетий муссируется слух о том, что якобы граф Прованский то ли добился от пэров Франции подписания специального протеста против того, чтобы дети короля считались законными¹²⁷, то ли даже умудрился собрать документы, доказывающие адюльтер королевы, и хотел представить их на рассмотрение Соборания нотаблей при посредничестве одного из пэров; это событие относят то ли к 1787 г.¹²⁸, то ли к 1789 г.¹²⁹ Несмотря на то что этот слух неоднократно воспроизводился в исторических работах, мне видятся вполне резонными аргументы Э. Левер, которая считает его совершенно фантастическим: трудно представить себе, чтобы в годы, когда и речи не шло о лишении Людовика XVI власти, Месье решил бы пойти на столь открытый конфликт с непредсказуемыми последствиями. Впрочем, есть и другая версия той же истории: молодой маркиз де Буйе в мемуарах рассказывает о том, что слышал «достаточно правдивые свидетельства» о том, что Месье отправил в Па-

¹²⁶ [Bachumont L. *Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.*] Op. cit. T. 13. P. 251, 252.

¹²⁷ Л. Блан рассказывает, что этот протест не был предан гласности, но хранился в архивах Парламента. – Блан Л. Указ. соч. Т. 3. С. 128–129.

¹²⁸ *Comte Ch., Dunoyer Ch.* Le Censeur, ou Examen des actes et des ouvrages qui tendent à détruire ou à consolider la constitution de l'État. P., 1815. Vol. 6. P. 46; *Spronck M.* Op. cit. P. 46–47.

¹²⁹ *Hérisson comte de.* Autour d'une Révolution (1788–1799). P., 1888. P. 29.

рижский парламент документы, свидетельствующие о незаконности детей короля¹³⁰, и они ждали в Парламенте своего часа: как только удалось бы избавиться от Людовика XVI, они сразу же были бы пущены в ход¹³¹. Этот вариант видится мне куда более логичным с политической точки зрения, но столь же мало реалистичным: очевидно, такую акцию нельзя было бы сохранить в тайне от королевской семьи и отношения были бы безнадежно испорчены.

Кроме того, хотя действительно в мемуарах, дипломатической переписке, в рассказах о ходивших при дворе сплетнях и анекдотах можно, при желании, найти немало подтверждений реальной или предполагаемой конкуренции между братьями, можно привести немало и других фактов. В ноябре 1785 г. двор активно обсуждал, что, поскольку у Месье нет детей, он завещает свое состояние герцогу Нормандскому¹³². Да и хотя нередко принято считать, что в годы Революции граф Прованский делал все, чтобы лишить брата трона, у меня складывается обратное ощущение: несчастья явно сблизили королевскую семью, и в конце 1790-х гг. это дало основания Людовику XVIII написать о Марии-Антуанетте: «Издавна я был с ней в довольно плохих отношениях, в последние годы стал ее другом». Хотя, добавляет принц, я «никогда не принадлежал к тем, кто пользовался ее благосклонностью»¹³³.

На мысли о том, что в данном случае Людовик-Станислас-Ксавье не кривит душой, наводит и следующий эпизод. Вскоре после казни Людовика XVI Мария-Антуанетта поручила одному немногих оставшихся ей верными дворян передать графу Прованскому печать покойного короля, его перстень и пряди волос членов королевской семьи. Насколько я могу судить, эта история, многократно воспроизведенная в литературе, восходит к воспоминаниям Ж.Б. Анета, обычно именуемого Клери (*Hanet dit Cléry*), слуги Людовика XVI во время его заключения в Тампле. По его словам, проезжая через Бланкенбург, он встретился с Людовиком XVIII, который и показал ему реликвии, а также записку Марии-Антуанетты, где она сообщала Месье, как любит

¹³⁰ Souvenirs et fragments pour servir aux Mémoires de ma vie et de mon temps. par le Marquis de Bouillé... P. 98

¹³¹ Ibid. P. 122.

¹³² [Bachaumont L. *Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.*] Op. cit. Londres, 1786. T. 30. P. 44. Впрочем, тут же добавляли, что это якобы должно было привести к согласию между Месье и королевой и принести тому место в Совете.

¹³³ [Louis XVIII]. Réflexions historiques sur Marie-Antoinette // *Revue des deux mondes*. Vol. 22. Juillet – août 1904. P. 242.

его, и подчеркивала, что это говорится от чистого сердца¹³⁴. Другой весьма осведомленный современник, барон де Гогла¹³⁵, рассказывая эту историю, добавляет, что отправленный королевой дворянин не только встретился с Месье в Хамме, но и получил от графа Прованского чрезвычайно трогательное письмо, полное любви и нежных чувств к членам королевской семьи¹³⁶. Разумеется, зная отношение королевы к Месье до Революции, к этому сюжету нельзя отнести без известного скепсиса, к тому же очевидно, что если реликвии и были переданы графу Прованскому, то, скорее всего, как главе рода, старшему члену семьи. Тем не менее им обоим ничто не мешало выбрать и иные формулировки.

Существует и еще один весьма любопытный документ. Уже в начале XX в. известный историк эмиграции Э. Доде опубликовал попавший ему в руки неизвестный ранее текст, озаглавленный «Исторические размышления о Марии-Антуанетте»¹³⁷. По его словам, он целиком написан рукой Людовика XVIII, датирован ноябрем 1798 г. и дополнен пометкой о том, что предназначался к анонимной публикации. Можно только гадать, что заставило короля написать этот очерк, разве что ровно 5 лет, прошедшие со дня казни Марии-Антуанетты. В этом тексте жена Людовика XVI рисуется с большим сочувствием и в весьма благоприятных тонах; специально коснувшись разговоров о ее амурных похождениях и о том, что дети могли не принадлежать ее мужу, Людовик XVIII эти слухи решительно отвергает¹³⁸. Хотя, безусловно, трудно исключить и мысль о том, что к 1798 г. все эти истории давно потеряли актуальность, и не было никакого смысла бросать тень на память покойной королевы.

¹³⁴ *Cléry J.-B.* Journal de ce qui c'est passé à la tour du Temple pendant la captivité de Louis XVI, Roi de France. Londres, 1798. P. 128.

¹³⁵ Франсуа, барон де Гогла (1746–1831) – драгун, личный секретарь Марии-Антуанетты, отвечал за ее тайную переписку. Один из организаторов бегства королевской семьи в Варенн. После 10 августа 1792 г. в эмиграции: вначале в Англии, а затем на австрийской службе.

¹³⁶ *Mémoire de M. le Baron de Goguelat, lieutenant-général, sur les évènements relatifs au voyage de Louis XVI à Varennes ; suivi d'un précis des tentatives qui ont été faites pour arracher la Reine à la captivité du Temple.* P., 1823. P. 79, 80–81. Барон подчеркивал, что видел это послание, встретившись с женой дворянина, однако сам он явно не мог быть участником событий.

¹³⁷ [*Louis XVIII*]. *Réflexions...* P. 241–263.

¹³⁸ Впрочем, Ф. Мэнсел интерпретирует этот документ совершенно по-иному. С его точки зрения, то, что Людовик XVIII приводит эти слухи, свидетельствует о желании короля о них напомнить.

Так или иначе, эти рассказы о реальном или предполагаемом соперничестве между братьями неминуемо ставят и вопросы о порядочности Людовика-Станисласа-Ксавье. Нередко утверждается, что именно он активно распространял сплетни о бессилии короля и распутстве королевы¹³⁹; инспирировал или даже субсидировал «памфлетную войну», направленную против королевской четы¹⁴⁰: речь идет о многочисленных памфлетах, сатирических куплетах и т.д., в которых обсуждалась бездетность Людовика XVI и безнравственность Марии-Антуанетты¹⁴¹.

Убедительных доказательств этому нет. Впрочем, не приходится сомневаться, что проникшая в историографию точка зрения стала отражением тех выводов, которые делало общественное мнение в последнее царствование Старого порядка. О том же, насколько эти выводы были правильными, судить практически невозможно. Сам Людовик XVIII в 1801 г. комментировал этот сюжет следующим образом:

«Если бы я мог оживить прах моей несчастной кузины, она сказала бы, ненавидел ли я ее.

Обвинять меня в неясных, потайных, неопределенных и меняющихся в зависимости от обстоятельств амбициях – это все равно что уподобляться Гакону¹⁴², который полон нетерпения от того, что Фонтенель не отвечал на его памфлеты, написал еще один: “Ответ на молчание г-на де Фонтенеля”»¹⁴³.

В заключение можно сказать, что итоги первых тридцати с небольшим лет жизни графа Прованского оказались для него весьма благоприятными. Созданные им репрезентации оказались довольно успешными. Он нравился людям, был популярен, снискал репутацию человека умного и вдумчивого, и это хорошо заметно по воспоминаниям современников. Так, герцог де Кроа, вспоминая про одно из выступлений Месье в 1775 г., рассказывает, что тот говорил «великолепно», «с изяществом и талантом». «Мы все были очарованы, поскольку он продемонстрировал величайший талант для работы в Совете. Это было действительно впечатляюще для его двадцати лет, невозможно пред-

¹³⁹ Черкасов П.П. Лафайет. Политическая биография. М., 1991. С. 30–31.

¹⁴⁰ Блан Л. Указ. соч. С. 130; Fleischmann H. Op. cit. Ch. 3. Um pamphlétaire royal; Spronck M. Op. cit. P. 45.

¹⁴¹ См. о них, например: [Bachaumont L. Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.J. Op. cit. T. 9. P. 48–49, 55, 61

¹⁴² Франсуа Гакон (*Gacon*) (1667–1725) – французский сатирический поэт (был прозван «поэтом без прикрас») и журналист, ораторианец.

¹⁴³ [Louis XVIII] Notes de lecture. P. 46.

ставить ничего лучше». «Грация, сила, справедливость, благородство, наконец, тон и суть – все там было»¹⁴⁴. «Месье держал себя с бóльшим достоинством, чем король, – напишет в своих мемуарах Ж.-Л.Г. де Кампан, придворная дама Марии-Антуанетты, – однако его телосложение и полнота мешали ему; он любил представительность и пышность, он посвящал свое время литературе и, под псевдонимами, несколько раз публиковал в *Mercure* и других газетах свои стихи»¹⁴⁵. Даже те современники, которые относились к Месье с презрением, как Ж.-Л. Сулави, признавали, что ради получения должностей, возвышения фаворитов и сколачивания своей группировки он интриговал меньше, чем королева, а в его финансах царил порядок¹⁴⁶.

Месье накопил и немалый политический капитал. Возглавляемый им комитет одного из Собраний нотаблей между собой называли «комитет мудрецов»¹⁴⁷. На фоне нерешительности монарха, сомнений в его способности выйти из кризиса без потерь Людовик-Станислас создавал образ человека, с одной стороны, решительного и знающего, чего он хочет, с другой – твердо поддерживающего короля, с третьей – обладающего необходимыми способностями и умениями для того, чтобы занять высокий государственный пост. Кроме того, и это было не менее важным, он оказывался привлекательной фигурой для желающих перемен, поскольку единственный из принцев поддержал удвоение представительства третьего сословия в Генеральных штатах. В первые месяцы Революции его прочили на пост первого министра, парижане смотрели на него с благосклонностью и удостаивали оваций. Это предоставляло Месье уникальную возможность, к которой он столь долго стремился, реализовать себя в политической сфере.

Казалось, впереди его ждет блестящее будущее.

Список литературы

- Блан Л. История Французской революции. СПб., 1907. Т. 2–3. [*Blanc L. Istorija Francuzskoj revoljucii. SPb., 1907. T. 2–3*].
- Кастр П. де. Бомарше. М., 2003. [*Castries R. de. Beaumarchais. M., 2003*].

¹⁴⁴ Croÿ E. de. Op. cit. Vol. 3. P. 193.

¹⁴⁵ Campan madame de. Op. cit. P. 125.

¹⁴⁶ Soulavie J.-L. Op. cit. P. 84.

¹⁴⁷ А под руководством графа д'Артуа – «комитетом искренних» (*comité des francs*). – Beauchamp A. Op. cit. P. 21.

- Кастр Р. де. Мирабо. М., 2008. [Castries R. de. Mirabeau. M., 2008].*
- Метивье Ю. Франция в XVI–XVIII вв. от Франциска I до Людовика XV. М., 2005. [Métivier H. Francija v XVI–XVIII vv. ot Franciska I do Ljudovika XV. M., 2005].*
- Пименова Л.А. Людовик XVI – французский король эпохи Просвещения // Человек эпохи Просвещения. М., 1999. [Pimenova L.A. Ljudovik XVI – francuzskij korol' jepohi Prosveshhenija // Chelovek jepohi Prosveshhenija. M., 1999].*
- Пименова Л.А. Людовик XVI // ВИ. 2000. № 3. [Pimenova L.A. Ljudovik XVI // Voprosy istorii. 2000. № 3].*
- Фор Э. Опала Тюрго 12 мая 1776 г. М., 1979. [Faure E. Opala Turgot 12 maja 1776 g. M., 1979].*
- Черкасов П.П. Лафайет. Политическая биография. М., 1991. [Cherkasov P.P. Lafayette. Politicheskaja biografija. M., 1991].*
- Archives parlementaires. 1ère série. P., 1880. Vol. 11.*
- Arnault A.-V. Souvenirs d'un sexagénaire. P., 1833. Vol. 1.*
- Augeard J.-M. Mémoires secrets de J.-M. Augeard, secrétaire des Commandemens de la reine Marie-Antoinette (1760 à 1800). P., 1866.*
- [Bachaumont L. Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.]. Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la République des Lettres en France, depuis MDCCLXII jusqu'à nos jours. Londres, 1780–1786. T. 1, 5, 7, 9, 10, 13, 15, 30.*
- Beauchamp A. Vie de Louis XVIII: roi de France et de Navarre. P., 1821. Biographie universelle ancienne et moderne / Sous la dir. de L.G. Michaud. P., Leipzig, [185?]. Nouvelle édition. Vol. 25.*
- Boigne, É.-A. d'Osmond, comtesse de. Récits d'une tante : mémoires de la comtesse de Boigne, née d'Osmond. P., 1921. Vol. 1.*
- Bombelles marquis de. Journal. Genève, 1982. Vol. 2. 1784–1789.*
- Campan madame de. Mémoires sur la vie privée de Marie-Antoinette. P., 1823. Vol. 1.*
- Capéfigue B. La Comtesse Du Cayla. Louis XVIII et les salons du faubourg Saint-Germain sous la Restauration. P., 1866.*
- Cléry J.-B. Journal de ce qui c'est passé à la tour du Temple pendant la captivité de Louis XVI, Roi de France. Londres, 1798.*
- Comte Ch., Dunoyer Ch. Le Censeur, ou Examen des actes et des ouvrages qui tendent à détruire ou à consolider la constitution de l'État. P., 1815. Vol. 6.*
- Correspondance secrète du Comte de Mercy-Argenteau avec l'Empereur Joseph II et le Prince de Kaunitz. P., 1889. Vol. 1.*

- Créqy R.C. de Froulay, marquise de.* Souvenirs de la marquise de Créqy de 1710 à 1803. P., 1873. Vol. 5.
- Croÿ E. de.* Journal inédit du duc de Croÿ (1718-1784). P., 1907. Vol. 3.
- Du Bled V.* La comédie de société au XVIIIe siècle. P., 1893.
- Fleischmann H.* Les pamphlets libertins contre Marie-Antoinette : d'après des documents nouveaux et les pamphlets tirés de l'Enfer de la Bibliothèque nationale. P., [1908].
- Fleischmann H.* Les pamphlets libertins contre Marie-Antoinette : d'après des documents nouveaux et les pamphlets tirés de l'Enfer de la Bibliothèque nationale. P., [1908].
- France d'Hézecques F., comte de.* Souvenirs d'un page de la cour de Louis XVI. P., 1873.
- Geffroy Au.* Gustave III et la cour de la France. P., 1867. 2ème éd. Vol. 1.
- Chateaubriand F.-R. de.* De Buonaparte, des Bourbons, et de la nécessité de se rallier à nos princes légitimes pour le bonheur de la France et celui de l'Europe. P., 1814. 3ème éd.
- Girault De Coursac P.* L'éducation d'un Roi, Louis XVI. P., 1972.
- Gruau de la Barre, comte.* Intrigues dévoilées, ou, Louis XVII, dernier roi légitime de France. Rotterdam, 1846. T. 1.
- Hérisson comte de.* Autour d'une Révolution (1788–1799). P., 1888.
- Hobhouse J.* Histoire des Cents jours. P., 1819.
- Lever E.* Louis XVIII. P., 1988.
- Levot P.* Biographie bretonne. Vol. 1. Vanne-P., 1852.
- Louis XVI, Marie-Antoinette et Madame Élisabeth, lettres et documents inédits / publ. par F. Feuillet de Conches. P., 1864. Vol. 2.
- [*Louis XVIII*] Notes de lecture // Le Correspondant. 10.01.1910. № 238.
- [*Louis XVIII*]. Réflexions historiques sur Marie-Antoinette // Revue des deux mondes. Vol. XXII. Juillet-août 1904.
- Lucas-Dubreton J.* Louis XVIII. Le prince errant. Le Roi. P., 1925.
- Luchet J.-P.* Mémoires pour servir à l'histoire de l'année 1789. P., 1791. Vol. 2.
- Mansel Ph.* Louis XVIII. 2nd ed. Guilford, 1999.
- Maria-Theresia und Joseph II. Ihre Correspondentz / hg. von A. Ritter von Arneth. Wien, 1868. Band 2.
- Marie-Antoinette. Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le c^{te} de Mercy-Argenteau : avec les lettres de Marie-Thérèse et de Marie-Antoinette. P., 1874–1875. Vol. 1–3.
- Mémoire de M. le Baron de Goguelat, lieutenant-général, sur les événements relatifs au voyage de Louis XVI à Varennes ; suivi d'un précis des

- tentatives qui ont été faites pour arracher la Reine à la captivité du Temple. P., 1823.
- Mémoires de la baronne d'Oberkirch. Bruxelles, 1834. Vol. 1.
- Mémoires du comte Beugnot, ancien ministre, publiés par le comte Albert Beugnot, son petit-fils. P., 1866. Vol. 2.
- Mémoires du duc Des Cars, colonel du régiment de dragons-Artois, brigadier de cavalerie, premier maître d'hôtel du Roi. P., 1890. Vol. 1.
- Mémoires du Marquis de Bouillé. P., 1859.
- Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette, publiés par sa famille. P., 1837. Vol. 2.
- Moreau J.-N. Mes souvenirs. P., 1901. Vol. 2.
- Neully A.-A.-Ch., comte de. Dix années d'émigration. P., 1865.
- Œuvres complètes de Voltaire. P., 1838. T. 13.
- Pellet M. Les Actes des Apôtres (1789-1791). P., 1873.
- [Raisson H.-N.] Amours secrètes des Bourbons, depuis le mariage de Marie-Antoinette jusqu'à la chute de Charles X, par la Csse du C***. P., 1830. Vol. 2.
- Rozoir Ch. du. Le dauphin, fils de Louis XV et père de Louis XVI et de Louis XVIII: ou Vie privée des Bourbons. P., 1815.
- Sorel A. L'Europe et la Révolution française. P., 1904. Vol. 8.
- Soulavie J.-L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI. P., an X (1801). Vol. 2.
- Souvenirs et fragments pour servir aux Mémoires de ma vie et de mon temps. par le Marquis de Bouillé (Louis-Joseph-Amour). P., 1906. Vol. 1.
- Spronck M. Les projets de la réaction monarchique pendant la révolution // La Révolution française. T. 9. Juillet-Décembre 1885.
- Stenger G. Le retour des Bourbons. P., 1908.

ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИИ

*С. Абердам**

ЧЬЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Французам и француженкам XVIII в. действительно было много известно о более или менее заметных случаях неравенства, они существовали за их счет или же, наоборот, подвергали их критике. Знание всех этих правил субординации было частью их культуры, они усваивали их с детства, ведь это было совершенно необходимо для жизни в обществе. Поэтому множество ситуаций, которые с ретроспективной точки зрения мы характеризуем как несправедливость, представляли собой – прежде всего сложившиеся за века социальные правила. Привилегии и полномочия, права и обязанности, которыми каждый человек обладал по отношению к другим и которые, как считалось, имели естественное, феодальное или договорное происхождение, с трудом сочетались с Декларацией прав, однако ее значение в наибольшей степени заключалось в разрешении самых принципиальных и древних противоречий. В итоге автор приходит к выводу, что решимости установить равенство прав недостаточно самого по себе; конкретные обстоятельства могли ему воспрепятствовать, отсрочить или реализовать непредсказуемым образом.

Ключевые слова: Французская революция, Декларация прав человека, Старый порядок, сеньориальные права, эмансипация.

В сложившейся сегодня в мире ситуации, когда под «защитой прав человека» стали понимать очень разные и порой даже весьма сомнительные вещи, каждый может по контрасту испытать некоторую ностальгию по французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года... Что не мешает многим историкам, когда речь заходит о 1790-х гг., подчеркивать колебания законодателей, неравенство в под-

** Серж Абердам, доктор наук, научный сотрудник Национального института сельскохозяйственных исследований (INRA), Генеральный секретарь Общества робеспьеристских исследований. Статья изначально опубликована в: A Companion to the French Revolution / Ed. by P. Mac Phee. Wiley-Blackwell, Chichester, West Sussex (UK), 2013. 544 p. Перевод сделан с французского оригинала.*

ходах к различным социальным группам и происходившие время от времени драматические откаты назад. Они обоснованно ссылаются на четыре категории людей – мулатов, евреев-ашкенази, рабов и женщин, которые изначально были исключены из Декларации прав и оставались таковыми еще долгое время. Но что общего между ними? На какие критерии мы опираемся, когда составляем этот перечень категорий населения? Английское название данной статьи¹ можно перевести на французский язык двумя способами, и есть смысл рассмотреть оба варианта. Когда мы задаемся вопросом: «*Чьим делом была Революция?*» – мы излишне ее эссенциализируем, допуская, что один или несколько участников держали ее под контролем. Другая формулировка – «*Кого Революция затронула?*» – менее механистическая, с той лишь оговоркой, что в данном случае Революция «затронула» не только тех, кто был в нее непосредственно вовлечен, но и все общество: и тех, для кого она была за тысячу лье от их собственных забот, и тех, кто был готов ради нее рискнуть. Однако в этой логической схеме Декларация прав, которая отнюдь не была *ultima ratio* Революции, затронула всех по-разному.

Права и исключения из прав

Если взять за точку отсчета вышеупомянутые четыре категории – рабов, мулатов или, согласно французской юридической терминологии, «цветных свободных людей» (*«hommes libres de couleur»*), женщин и часть евреев, которые в тот или иной период времени были исключены из Декларации прав, то мы поймем, насколько медленно шло их освобождение. Вернее, для части «*цветных людей*» и некоторых евреев речь пойдет об отсрочке; для женщин – об отказе в политических правах, а для гражданского статуса женщин и рабов – о некотором прогрессе, а затем драматических откатах назад. Любое более-менее углубленное исследование обнаруживает в каждом из случаев свои нюансы, учитывая, что получение гражданских и политических прав продвигалось вперед с разной скоростью. В итоге создается впечатление недостаточности достигнутых результатов, и оно действительно очень быстро сложилось у множества заинтересованных лиц. Отметим также, что, рассматривая «*Декларацию прав*» вообще, сложно ограничиться лишь Декларацией августа 1789 г., так как Декларации июня 1793 г. и сентября 1795 г. тесно с ней связаны.

¹ «Whose revolution?» На русском также сохраняются оба смысла. – *Прим. ред.*

Следует также упомянуть, что всемирное значение Декларации прав, о котором столь часто заходила речь *впоследствии*, совсем необязательно воспринималось аналогичным образом ее современниками. Поэтому необходимо постоянно проверять, какие следствия влекли за собой те или иные ее статьи. Даже Декларация 1793 года, самая либеральная и разошедшаяся в наибольшем количестве экземпляров², предоставляет читателям и юристам возможность оценивать ее очень по-разному. В частности, в ст. 3 данной Декларации говорится, и это восходит еще к ст. 1 Декларации 1789 года, что «все люди равны от природы и перед законом». Но она также уточняет (ст. 18, повторенная в 1795 году как ст. 15), что «каждый может предоставлять по договору свои услуги и свое время, но никто не может ни продаваться, ни быть проданным: его личность не есть отчуждаемая собственность...» Для нас возможность применить эти тезисы к рабству кажется очевидной. Однако в то время это воспринималось иначе; к тому же закон далеко не сразу стал обязательным для исполнения. На практике лишь восстания рабов и необходимость их мобилизации на сопротивление контрреволюции привели к официальной отмене рабства на Сан-Доминго. Лишь после этих событий решение об отмене рабства было повторено и расширено Конвентом, а сегодня нам к тому же хорошо известно, что эта отмена была временной.

Впрочем, не знаем ли мы множество случаев, когда какие-либо меры принимались сначала эмпирически, под давлением заинтересованных лиц, а в дальнейшем они лучше или хуже вписывались в действующее законодательство, и это происходило еще до того, как их переосмысливали с точки зрения прав человека? Не зависело ли многое от того, как именно разные категории подданных (*régnicoles*) осознавали свое положение и могли ли они его изменить? Между непосредственным признанием «равных» прав и долговременным лишением этих прав существует множество промежуточных случаев: от быстрой отмены сословий и почетных привилегий в связи с событиями ночи 4 августа 1789 г. и первой Декларацией прав, до отдельных протестов, которые далеко не сразу были признаны как имеющие реальное отношение к требованиям Декларации. Так, например, было с требованиями женщин (как раз потому, что эти простые формулировки ставили под сомнение все семейное и социальное устройство), и эти требо-

² *Aberdam S.* La Convention en campagne – à propos des éditions du projet de Constitution de 1793 // *Le temps des médias. Revue d'histoire.* Hiver 2006–2007. № 7. P. 20–34.

вания были без долгих раздумий полностью отвергнуты, а решение это подчас принимало формы фарса.

Однако исключение женщин из числа обретших права не было ни единовременным, ни однозначным. В политической сфере потребовалось много лет, чтобы изменить отношение многих местных общин к вдовам и женщинам, обладающих собственностью, как к налогоплательщикам, а значит, к тем, чей голос должен быть учтен. В области гражданских прав при Старом порядке неравенство при получении наследства было в порядке вещей, шла ли речь только о братьях или о братьях с сестрами. Положение *дочерей* и *младших сыновей* было вдвойне несправедливым, так как нормы, применяемые в вопросах наследования, зависели и от места жительства семьи, и от *юрисдикций* тех или иных *Парламентов*. И именно эта юридическая неоднородность королевства провоцировала требования унификации законодательства, налоговой системы, административного деления, мер и весов, используемых языков... А если уж говорить о равенстве при наследовании, то оно было введено лишь спустя четыре года, в марте 1793 г. И хотя внедрение этих норм сталкивалось с определенными трудностями, данное решение оказалось бесповоротным. Совсем иначе вышло с разводом, который стал возможен в сентябре 1792 г., но вновь был решительно запрещен при Консульстве.

Другие исключения из обычного права в конце XVIII в. касались более скрытых социальных групп, таких как вольнодумцы, *либертины* и атеисты, а также в самом широком смысле гомосексуалистов, именуемых *содомитами*, или даже просто *онанистов*. Все они могли в любой момент стать объектами законных преследований, общественного осуждения, притом их не могли избежать ни *актеры*, ни... самоубийцы. В некотором смысле оставались исключенными из обычной общественной жизни потомки прокаженных, или *каготы*. Эти архаичные виды дискриминации уходили очень медленно даже после того, как их правовые основания исчезли. Актеры – парии, лишённые гражданских прав, – были включены в систему обычного права, испытывая на себе лишь насмешки, сопровождавшие политическую карьеру Колло д'Эрбуа³ и других актеров и актрис, вовлеченных в политическую жизнь. Статьи *уголовного кодекса*, принятые в сентябре-октябре 1791 г., фактически отменили смертную казнь за *содомию*, но еще долгое время продолжало существовать множество других наказаний за правона-

³ *Biard M. Collot d'Herbois : légendes noires et Révolution. Lyon, 1995.*

рушения, связанные с *нравственностью*. Аналогичным образом безбожие, иначе говоря, атеизм, стало ненаказуемо, или по крайней мере с ним более или менее мирились в зависимости от бесчисленных нюансов, касавшихся поведения в обществе или личного мнения... Ни свобода, провозглашенная в 1789 г., ни наступающая время от времени относительная независимость гражданского общества от моральных норм официальной Церкви не препятствовали продолжению репрессивных действий.

Далеко выходящее за рамки Декларации 1789 года фактическое, а затем и законодательное отделение государства от церкви было небывалым экспериментом 1793–1799 гг., план которого (и это исключительный случай!) был намечен в Декларациях 1793 и 1795 годов. В первой Декларации это отделение лишь констатировалось, поскольку провозглашалась свобода совести, но в ней не указывалось место, которое теперь занимала религия; во второй Декларации этот момент уже четко оговаривался. Это отделение привело в движение мощные силы, будь то сильный народный антиклерикализм и дехристианизаторское движение осени 1793 г., галликанское пресвитерианство «*Национальной церкви*» в 1795–1799 гг. или мистицизм католической реакции, близкой к возвращению к *катакомбной церкви*. Приведенная Бонапартом в походный порядок католическая и римская Церковь (она оставалась церковью большинства) попыталась подавить своих конкурентов – республиканцев из Национальной церкви, а также *принудренных* традиционалистов «*Малой церкви*». Благодаря конкордату 1801 г. католицизм сумел навязать свои богослужения, а также контроль над образованием и повседневной жизнью – и так вплоть до отделения церкви от государства в 1905 г.

В течение трех или четырех лет можно было наблюдать исчезновение ограничений в правах верующих, которые исповедовали различные протестантские культы, а также иудаизм и прочие религии меньшинств. Но следует задаться вопросом об устойчивости локальных форм дискриминации, которые могли, к примеру, ограничивать в реальности использование евреями своих политических прав. Неискоренимый антисемитизм нашел неожиданную поддержку в поведении глав наиболее интегрированных общин: для «*португальских*» сефардов Бордо, Байонны или Авиньона страх потерять некоторые из своих привилегий был достаточной причиной для того, чтобы мириться с дискриминацией по отношению к ашкенази Эльзаса и Лотарингии, которым, в свою очередь, было что терять по сравнению с евреями Империи... Универ-

салистская логика не распространялась среди них естественным образом. Даже Залкинд Гурвиц⁴ колебался, какую сторону принять. Этот польский еврей из Парижа получил в 1789 г. премию Общества развития наук и искусств в Меце за свой ответ на вопрос: «Есть ли способы сделать евреев во Франции более полезными и счастливыми?» Он выступил за распространение прав на всех, но при этом без колебаний *высмеял отеческие* намерения Академии Меца, сделав ей комплимент в стиле того времени, выстроенный так, что адресат уже не мог понять, насмеются над ним или нет⁵. Вместе с тем в своей «Апологии евреев» Гурвиц также признал, что необходимо найти способ «освободить» евреев Эльзаса от их ростовщических практик, в то время как антисемитские угрозы заставили его меланхолично отметить, что «ягненок из басни достаточно глуп, так как вместо того, чтобы сбежать, он тратит свое время на попытки доказать волку свою невиновность, хотя тот, как и сам ягненок, прекрасно о ней осведомлен»⁶. В итоге даже с появлением наполеоновского законодательства, регламентирующего отправлении культов меньшинств, мы видим лишь очень медленное изменение ситуации, сложившейся при Старом порядке, когда люди прежде всего считались членами того или иного «сообщества» в зависимости от того, какие культы они отправляли. Однако в эпоху Империи, да и при Реставрации, когда сильно ограничивались политические права, доступ к гражданским правам на практике продолжал расширяться.

В те времена мало кто интересовался судьбой заключенных или помещенных в психиатрическую больницу «сумасшедших». Они были не просто вне поле зрения большинства действующих лиц той эпохи, их положение невозможно было сформулировать в терминах Декларации прав. В третьей Декларации (1795 год, статья 13), правда, уточнялось: «Всякое обращение, которое усиливает наказание, определенное на основании закона, является преступлением». Однако практическое применение этого положения было весьма ограниченным. Женщину, которую мы приняли бы за воинствующую феминистку, ее современники сочли сумасшедшей: в 1793 г. Теруань де Мерикур отправили в психиатрическую больницу, где она и оставалась до конца своих дней,

⁴ Malino F. Un juif rebelle dans la Révolution et sous l'Empire: la vie de Zalckind Hourwitz (1751-1812). P., 2000. 243 p. (Oxford Blackwell, 1996).

⁵ Bourguinat E. Le siècle du persiflage: 1734-1789. P., 1998. 228 p.

⁶ Hourwitz Z. Apologie des Juifs (1789). P., 2001. 84 p.

прикованная к стене сумасшедшего дома⁷. И против подобного заточения, превращавшего женскую политизированность в сумасшествие, не было никакого средства. Вымышленная история Петера Вайса в его пьесе «Марат – Сад» (1963), возможно, более верна духу того времени, чем бесконечный спор о роли либерального психиатра Филиппа Пинеля в 1793–1798 гг.⁸ И все же нужно постоянно помнить о том, что из себя представлял режим братьев Бонапартов, когда в сумасшедший дом отправляли по политико-психиатрическим причинам, и это не встречало ни малейшего сопротивления общества. В целом, при рассмотрении применимости Декларации прав следует учитывать не только проявление общественной активности заинтересованных групп, но также помнить, что область ее применения была гораздо более узкой, чем мы привыкли ей приписывать.

Тем не менее чистая правда, что французам и французенкам XVIII в. действительно было много известно о более или менее заметных случаях неравенства: они существовали за их счет или же, наоборот, подвергали их критике. Знание всех этих правил субординации было частью их культуры, они усваивали их с детства, ведь это было совершенно необходимо для жизни в обществе. Поэтому множество ситуаций, которые с ретроспективной точки зрения мы характеризуем как несправие, представляли собой прежде всего сложившиеся за века социальные правила, ту отправную точку, от которой люди того времени и отталкивались. Эти правила историки, занимающиеся изучением Старого порядка и Революции, пытаются постоянно держать в голове. Если они про них забывают, то допускают бессмыслицы и анахронизмы, но это им ничем не грозит, разве что насмешками от коллег. А вот современники Революции подвергались риску оказаться у позорного столба, их могли посадить в тюрьму, выпороть розгами или бросить в реку, а то и посчитать сумасшедшими, что в конечном счете могло оказаться еще худшей участью. *Привилегии и полномочия, права и обязанности*, которыми каждый человек обладал по отношению к другим и которые, как считалось, имели *естественное, феодальное или дого-*

⁷ Roudinesco É. Théroigne de Méricourt, une femme mélancolique sous la Révolution. P., 1989. 316 p.; Godineau D. Citoyennes tricoteuses: les femmes du peuple à Paris pendant la Révolution française. Aix-en-Provence, 1988. 420 p. (Réed.: 2004).

⁸ Foucault M. Folie et déraison: histoire de la folie à l'âge classique. P., 1964. 2 vol. 311 p.; Idem. Le pouvoir psychiatrique; cours au Collège de France, 1973–1974. P., 2003. 399 p.; Swain G. Le sujet de la folie. Naissance de la psychiatrie. P., 1997. (1ère éd.: 1977); Weiner D.B. Comprendre et soigner: Philippe Pinel (1745–1826), la médecine de l'esprit. P., 1999; Semelaigne R. Philippe Pinel et son œuvre. Au point de vue de la santé mentale. P., 2001.

ворное происхождение, с трудом сочетались с Декларацией прав, однако ее значение в наибольшей степени заключалось в разрешении самых принципиальных и древних противоречий.

Землепашцы, вилланы и престолюдины

Огромное количество правил субординации пронизывало все слои общества Старого порядка: их образно называли «каскадом презрения» (*cascade de mépris*), где каждый должен был презирать более слабого, чем он сам. То, что в современных терминах мы называем поражением в правах, тогда имело абсолютно законную основу, и из этого вытекали важные экономические последствия. Правовые нормы, имевшие, как тогда говорили, «феодалное» происхождение, применялись как к людям, так и к землям, а иногда и к тем, и другим. На протяжении веков они время от времени становились предметом торга, но столь же часто провозглашались незыблемыми. В 1789 г. зависимость *сервов* практически исчезла и подчинявшихся праву мёртвой руки (*mainmortables*) было уже совсем не много, хотя они и оставались. Однако процесс имел обратный вектор для держателей земли (*tenanciers*) и других *обязанных соблюдать сеньориальные права (redevables)*, то есть для *цензитариев*, для всех *обязанных платить десятину*, а также для крестьян, как бы являвшихся собственниками, но вынужденных постоянно соблюдать права сеньоров, платить ренты, выполнять барщину и нести прочие обязательства, разнообразие которых не поддается учету. Эта зависимость была усилена «сеньориальной реакцией» XVIII в., в ходе которой многочисленные процессы между сельскими жителями и «обладателями» прав заводили истцов в юридические дебри. В последние десятилетия существования монархии крестьянам было не очень важно, связаны ли повинности с их личным статусом или со статусом земли, которую они «держали»: у них практически не было другого выбора, кроме как цепляться за землю и хитростью пытаться выиграть время у обладателей *титулов, хартий*, книг росписи *церковных доходов (pouillés)* и *картуляриев*, неважно, были ли все эти документы подлинными или недавними подделками.

Поэтому вполне естественно, что в 1789 г. все эти вопросы вновь поднимались в наказах депутатам Генеральных штатов, где «антифеодалные» требования часто становились предметом дополнительных статей, насильственно навязываемых нотаблям во время собраний⁹. По-

⁹ Robin R. La société française en 1789. Semur-en-Auxois, 1970. 522 p.

сле ночи 4 августа и принятия Декларации прав некоторые из законов, тяготевающих над «землепашцами», были отменены, но большая их часть была приравнена законодателями к договорным обязательствам, то есть, как предполагалось, подлежала выкупу. Чаще речь шла о сеньориальной, а не о «феодальной» зависимости, но и это слово-клеймо стало охотно использоваться после начала серии «жакерий» – масштабной сельской герильи, возобновлявшейся каждое лето в 1790–1793 гг. Эти многочисленные приступы народного негодования были подробно изучены Анатолием Адо¹⁰, который внес коррективы в полную ненависти типологию, созданную ранее Ипполитом Тэнном. Оба историка продемонстрировали, что эти акты неповиновения были движущей силой, которая толкала Революцию вперед, пока, наконец, крестьяне не сумели освободиться от повинностей насильственным путем. Они добились законодательной отмены сеньориальных прав, и кульминацией здесь стал знаменитый закон от 17 июля 1793 г. А вся эта жестокая борьба оказала влияние на другие конфликты, в результате которых была решена судьба имущества духовенства, короля, коммун и иных сообществ, в том числе эмигрантов. Уравнивание личных статусов сельских жителей шло успешно, а по пути оно заодно привело и к новым юридическим рамкам сельскохозяйственного производства, которые в конце концов были закреплены в Гражданском кодексе (1804), а затем и в Лесном кодексе (1827).

Первоначальное неравенство личных статусов (постоянная причина недовольства, в связи с которым и была написана Декларация прав) было также связано с принадлежностью каждого человека к определенному *сословию* и, среди прочего, с поражением в правах *ротюрье*. Их сословная принадлежность проявлялась прежде всего в обязанности *простолюдина* платить десятину (сразу же упраздненную) и королевский налог. Старые антиналоговые требования (в наказах депутатам Генеральных штатов они гораздо более явно выражены, чем вопрос о сеньориальных повинностях) за несколько месяцев прошли путь от вопроса местного или регионального значения до общенациональной проблемы, и это было удивительное расширение кругозора, оно стоит того, чтобы остановиться на нем отдельно. И хотя окончание налогового неравенства привело к освобождению множества крестьян, ремесленников и торговцев от груза налогов, которые платили только они,

¹⁰ Ado A. Paysans en révolution. Terre, pouvoir et jacquerie, 1789–1794. P., 1996. 475 p. На русском языке: Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789–1794 гг. 2-е изд., испр. и доп. М., 1987.

оно все же не уничтожило другие многовековые последствия принадлежности к ротюрье – что для богатых, что для бедных. Те, кто был способен защищать свое имущество и свои доходы, все же не могли забыть о своих корнях, так как при Старом порядке это значило немало – быть «вилланом» и владеть за собой «низость» «позорного» рождения, что влияло на все течение жизни и на карьеру.

Отсюда и успех (лишь бы смыть это *клеймо!*) продаж сеньорий или, еще лучше, дворянских титулов, особенно в конце Старого порядка, когда при получении военных или церковных должностей возросли требования к «чистоте» дворянского происхождения. Отсюда же, притом в самом широком масштабе, использование «мыла для черни»¹¹, которое королевская власть изобрела в начале XVII в., начав продавать *должности* как раз для того, чтобы получить сбережения самых зажиточных из своих *подданных*. Создавая новые *иерархические ступени*, эта система открыла тарифицированный путь доступа к дворянству, получившему название «*дворянства мантии*». Эти обходные пути имели продолжительный успех и, в частности, в течение двух веков обеспечивали социальное воспроизводство судей, от низших до высших ступеней. Однако как только началась Революция, оказалось, что процедура продажи *должностей* вызывает такое презрение, что ее сразу же потребовали уничтожить. Это был единодушный призыв: пусть государство выплатит возмещение должностным лицам, пусть с ними наконец-то будет покончено и пусть новые судьи будут выбраны для новых судов! Не считая войн и завоеваний, равное право доступа к общественным должностям, сформулированное Декларациями, стало основным кредо французского общества. Соотношение между назначениями, выборами и *конкурсами на замещение должности или повышение* было, как и повсюду, разным, но вплоть до наших дней каждый обход правил вызывает сильное социальное напряжение. Иными словами, применение на практике Декларации прав с самого начала предполагало весьма сложные и до сих пор еще до конца не определенные процедуры.

На другом, самом бедном краю третьего сословия различные поражения в правах затрагивали такие большие социальные группы, как слуги, дворяне, наемные рабочие и ученики (все они считались людьми зависимыми), бродяги и бедняки, *находившиеся в богадельнях или получавшие помощь от государства (renfermés ou assistés)*. Эти люди,

¹¹ Savonnettes à vilains – ироническое название процедуры получения дворянского титула простоплюдинами через покупку земли или должности. – *Прим. пер.*

которых публицисты в 1789 г. характеризовали как «*четвертое сословие*», не были лишены прав в равной степени. *Подмастерье* вполне мог действовать самостоятельно, но понятия «*зависимости*», «*принадлежности к дому хозяина*» и «*личной службы*», оставались тесно связаны и переплетены с наемным трудом. Граница между этими категориями была тем более размыта, что переход из одной категории в другую нередко не фиксировался никакими юридическими документами, будь то контракты или свидетельства. Отсюда столь много неопределенности как на местах, так и в законодательстве по поводу их политических прав. После ряда декретов лета 1792 г. в Декларации 1793 года была провозглашена формальная отмена зависимости данной категории людей: «Закон никоим образом не допускает существования дворни; возможно лишь взаимное обязательство об услугах и вознаграждении между трудящимся и нанимателем» (статья 18, уже упомянутая в связи с вопросом о рабстве). В результате на практике в течение нескольких лет у них появилось право голоса, но не более того. Если же говорить о наемных рабочих в целом, то законы Ле Шапелье и д'Алларда, принятые в 1791 г., стремились запретить, во-первых, забастовки или «*согласованные действия*», во-вторых, объединение граждан, занимающихся одним ремеслом, и, наконец, возможность, о чем говорится реже, коллективно высказываться во время собраний граждан. Подобные правила представляют собой, на наш взгляд из XXI в., исключительно показательный пример как раз ограничения прав. Но в реальности это противоречие почти не было заметно: во время Революции забастовки были довольно частыми и лишь при последующих режимах их запрет стал эффективным, а рабочих вынудили использовать трудовые книжки. Такое законодательное ограничение действовало почти столетие, пока наконец наемные работники не получили провозглашенные политические права и право на объединение.

Мы могли бы таким образом долго изучать один пример за другим, то есть все те случаи поражения в правах, которые уничтожали или модифицировали революционеры. Этот плодотворный историографический метод позволяет, в частности, лучше дифференцировать огромное сельское население, которое ряд авторов, к сожалению, следуя французским исследовательским традициям, все еще рассматривают как единое целое¹². Но по мере детального рассмотрения разнообразных

¹² Bodinier B. La Révolution française et la question agraire // Histoire et sociétés rurales. 2010. № 33.

социальных категорий (о которых данный раздел не дает даже упрощенного представления), при попытках понять, в какой мере и с какой задержкой та или иная группа извлекала выгоду из революции (позже или же вообще никогда), мы логически приходим к тому, что нам становится трудно понять, в чем, собственно, состояла революция и была ли революция вообще. Рискуя потерять из поля зрения само движение в целом, мы недооцениваем динамику создания новых базовых установлений, в которых на первый план выходило общество и которые, хотя, конечно, и не смогли всех уравнять, создавали и новый универсализм, и новые дискриминации.

Собрание граждан

Рассмотрим же процессы, благодаря которым общество переформатировалось. Законодатели могли испытывать большее или меньшее вдохновение, а социальные группы могли быть настроены более или менее агрессивно и решительно, но так или иначе, Национальное собрание, секции и деревня были связаны между собой диалектически. Однако мы знаем, что взаимодействие между ними прежде всего происходило в специфических публичных пространствах, где часть современников реализовывала два основных права – право на участие в политике и на ношение оружия, то есть, соответственно, речь идет о собраниях граждан и о Национальной гвардии. Собственники получили туда доступ сразу же, но очень скоро начались дебаты по поводу того, имеют ли право наемные рабочие, зависимые лица, домашняя прислуга, бедняки или же солдаты с матросами *пользоваться* своими гражданскими правами. Это время от времени поднимавшийся вопрос ускорил появление нормативных текстов, законов, декретов, постановлений и циркуляров. Ранее в коллективном сборнике мы попытались собрать тексты, посвященные выборам¹³, а это ни много ни мало 178 документов (с декабря 1789 по декабрь 1799 г.), то есть не считая выборов в Генеральные штаты или во времена Консульства. За этими текстами, фиксирующими переход между очень разными представлениями о законности и казавшимися установленными правилами, все же возможно увидеть довольно устойчивые концепции, в соответствии с которыми собиравшиеся граждане в конце концов устанавливали как

¹³ *Aberdam S., Bianchi S., Demeude R., Ducoudray É., Gainot B., Genty M., Wolikow Cl. Voter, élire pendant la révolution française, 1789–1799. Guide pour la recherche. Éd. Revue et augmentée. P., 2006. (1ère éd.: 1999). 573 p.*

порядок и условия проведения своих собраний, так и формы принятия решений. Собирались ли они на муниципальном уровне (*коммунальные собрания*), на уровне кантона (*первичные собрания*) или же *избирали выборщиков (вторую ступень)*, которые затем встречались на уровне дистрикта или департамента (*собрания выборщиков*), все эти собрания предназначались как для обсуждений, так и для выборов и походили на своеобразные сходки местного населения. В 1790–1793 гг. в стране, насчитывавшей около 28 млн. жителей и 44 000 *коммун*, предполагалось, что примерно 4,5–6,5 млн граждан выбирали около 1 млн. *должностных лиц*. Таким образом, читатель может оценить универсальность этого явления, а также накал страстей, которые царили на этих собраниях.

Полномочия собраний граждан оставались спорным моментом на протяжении всего этого периода: обсуждения в них были негласно запрещены в 1790–1791 гг., достигли наивысшей степени в 1792–1793 гг., а в 1795–1799 гг. заседания часто затягивались надолго. Кроме того, в собраниях всех уровней правило равенства участников вступало в немедленное противоречие с соблюдением старинной иерархии прерогатив. Эта сложная иерархия в последний раз проявила себя во время многочисленных собраний при формировании Генеральных штатов. Согласно хорошо известным правилам, не исключавшим, впрочем, мелочных и яростных споров, церковные, гражданские и военные власти взирали друг на друга с презрением. Приходские священники, сеньоры и нотабли не раз вступали в конфликты с *«простонародьем»*. После принятия в 1789 г. первой статьи Декларации прав (*«Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут быть основаны только на общей пользе»*) задача сводилась лишь к тому, чтобы заставить признать эту статью как в богатых городах, так и в мелких деревнях. Постепенное введение алфавитного порядка фамилий и имен для вызова присутствующих или голосующих – вроде бы совсем незначительная деталь, но на деле она представляет собой заметный прогресс в вопросе равенства граждан. Разумеется, утверждение этого принципа произошло не за один раз и не повсеместно, он то применялся, то нет, поначалу использовался неуверенно, а затем все более привычно с каждым новыми выборами *«маэстратов»*. Более того, впоследствии случались и длительные откаты назад: *«беззаконные назначения»* часто брали вверх над выборами, а с увлечением *«этикетом»* вновь стали раздавать пышные титулы, но отныне в этом всегда присутствовала некоторая доля иронии.

Обладание оружием

Стремление к равенству лежало в основе и другого основополагающего института – Национальной гвардии. Она была создана в первую очередь из-за опасений населения по поводу недвусмысленно высказываемых угроз, исходящих от «разбойников», но также учитывала и невысказанные угрозы со стороны дворянства и иностранных государей¹⁴. Во время формирования гвардии случалось, что командование иногда поручалось ушедшему в отставку офицеру. А бывало и так, что из желания всех уравнять властные полномочия предоставлялись ротюрье, а совсем не тем, кто принадлежал к *дворянству шпаги*, то есть обладал, как считалось, куда большей военной компетенцией *«по праву рождения»*. Вскоре в системе привилегий произошел полный переворот и национальные гвардейцы начали систематически проводить обыски замков в поисках оружия у аристократии. Гвардия была одновременно и иерархической, и *демократической* средой, так как там избирались как офицеры, так и сержантский состав. В этом гвардия была близка к собраниям граждан, которые начали с изменения дворянских привилегий носить оружие (эту привилегию теперь получили все), а закончили уничтожением самой иерархии: выборы начальства подчиненными стали законными и непреложными. Сложно не увидеть в этом достижение Декларации прав. Впрочем, юридическое право на ношение оружия после стольких веков суровых запретов не ограничивалась лишь сферой гвардии. Из этого также вытекало право на охоту, которая до того времени была фактически тайной и более или менее строго наказывалась в зависимости от региона. Народная традиция вооружения – это было необходимо для добычи пропитания или уничтожения вредителей на полях – позволяла заниматься и более принципиальными вещами, идет ли речь о контрабанде или о самозащите. В современной Франции все еще насчитывается, несмотря на широкие кампании по их запрету, множество упорно оспариваемых, не всегда задекларированных охотничьих ружей.

Демократическая трансформация Национальной гвардии к тому же подготовила радикальный переворот в военном сообществе, которое в период абсолютной монархии подчинялось строгим правилам, под-

¹⁴ Dupuy R. La Garde nationale et les débuts de la révolution en Ille-et-Vilaine, 1789-mars 1793. P., 1972. 285 p.; *Idem*. La Garde nationale, 1789–1872. P., 2010. 606 p.; La Garde nationale entre nation et peuple en armes. Mythes et réalités, 1789–1871 / Sous dir. de Bianchi S., Dupuy R. Rennes, 2006. 561 p.

вергавшим серьезной дискриминации десятки тысяч солдат и матросов, прежде всего речь идет о телесных наказаниях. Все моряки – матросы королевского, торгового или рыболовного флота – состояли на *военно-морском учете*. Но в 1790 г. они получили право по достижении 12 лет выбирать своих *сундиков* в соответствии с *округом (quartier maritime)*¹⁵. Но эти особые правила не облегчили осуществление моряками их гражданских прав. С матросами королевского флота неплохо обращались, но как и добровольно записавшиеся в ряды *королевской армии* они вынуждены были упорно бороться, чтобы их все-таки признали свободными людьми. В 1790–1791 гг. на кораблях, в казармах и в арсеналах началось жестокое подавление того, что тогда называли «согласованными *мятежами*». На деле же чаще всего речь шла об экономических требованиях, связанных с жалованьем, или требованиях соблюдать человеческое достоинство. Одно из самых известных волнений подобного рода произошло в рядах гарнизона Нанси и было подавлено войсками генерала Буйе. Солдаты, которые избежали расстрела, были отправлены на каторгу. После долгой кампании в их защиту «патриоты» в апреле 1792 г. наконец добились их освобождения, и оно стало символом происходящих изменений. Во время демонстрации, сопровождавшей их прибытие в Париж, они подтвердили свои гражданские права, гордо демонстрируя свои красные колпаки каторжников, которые таким образом стали сливаться воедино с колпаками свободы.

Когда в феврале 1793 года было принято решение об *объединении (амальгаме) линейных батальонов* и батальонов *национальных волонтеров* для формирования *полубригад* (полков) новой национальной армии, процедура выборов командного состава подчиненными, разработанная для Национальной гвардии, была распространена на всю армию. Эти выборы стали частью новой системы продвижения по службе, разработанной с учетом более ранних дискуссий по поводу *карьеры государственных служащих*, в том числе по вопросу о том, какую роль при повышении должны были играть *выслуга лет* и личные *заслуги*¹⁶. Армия, таким образом, без особых сложностей перешла к выборам большей части командного состава и впоследствии продолжала спокойно

¹⁵ Cabantous A. Communautés maritimes et Révolution (1790–1791): un apprentissage démocratique? // Pouvoirs et littoraux du XVe au XXe siècle / G. Le Bouëdec éd. Rennes, 2000.

¹⁶ Blaufarb R. Démocratie et professionnalisme: l'avancement par l'élection dans l'armée française, 1760–1815 // AHRF. Octobre – décembre 1997. № 310.; *Idem*. The French Army, 1750–1820. Careers, Talent, Merit. Manchester, 2002. 227 p.

придерживаться этого правила. Эта характерная для Революции военная организация, одновременно демократичная и упорядоченная, досталась в наследство Империи.

Меньшинства и универсализм

Собрания граждан и Национальная гвардия, эти новые, порожденные Революцией институты, создавали и новые политические расклады. Отныне именно в рамках этих институтов формировались новые права, например право на жизнь, а вслед за ним требования лучшего питания: вопрос о *продовольствии* и о роли спекулянтов. Политический радикализм Революции – результат всевозможных народных заседаний, которые впоследствии потребовалось запретить, чтобы лишить санкюотов возможности высказываться, а вместе с тем закрыть клубы, *общества* и большинство газет. Наглядным свидетельством размаха этого движения стало то, что собрания граждан происходили вплоть до 1799 г. и вновь появились в 1815 г. В этом разнообразном «*демократическом*» театре допускалась свобода слова, и одновременно он давал возможность участвовать в принятии решений и способствовал началу карьеры. Подобные открытые для талантливых людей места привлекали множество *молодежи*, но в то же время приводили и к созданию определенного неравенства: собрания граждан, расширение права голоса, Национальная гвардия, батальоны «*федератов*», «*волонтеров*» и «*защитников Отечества*» – *всё это представляло собой отдельные сообщества, хотя и использующие выборы и основанные на принципе равенства*. Возникало нечто вроде своеобразных республик *братьев и друзей*, для которых закрытость от участия женщин была определенным способом самоутверждения. Возможно, именно отсюда идут (наряду с массовыми женскими требованиями продовольствия) два типа политических требований женского меньшинства: с одной стороны, требование права на ношение оружия, с другой – право голоса; в 1792–1793 гг. оба требования слились воедино¹⁷.

В апреле 1793 г. Жильбер Ромм потерпел неудачу, попытавшись в своем проекте Декларации ратовать за политические права «индивидуумов обоих полов». Во время последовавшего затем жаркого лета в первичных собраниях, где в конце концов были приняты и Декларация

¹⁷ Godineau D. Op. cit; *Idem*. Femmes en citoyenneté: pratiques et politique // AHRF. Avril-juin 1995. № 300. P. 197–207; *Idem*. Privées par notre sexe du droit honorable de donner notre suffrage... Le vote des femmes pendant la Révolution française // La démocratie «à la française» ou les femmes indésirables / Sous dir. de Viennot E. P., 1996. P. 199–211.

ция прав, и первая республиканская Конституция, проблема права женщин на участие в голосовании явно возникала чаще, чем требование права на ношение оружия. В то же время другие первичные собрания приняли крайне женоненавистнические резолюции, выступив против разрешения женщинам развода или же против раздела общинных земель, так как после этого женщины сразу получили бы право голоса (10 июня 1793 года)¹⁸. Исключительность «демократического» подъема в период между летом 1792 г. и летом 1793 г. даже привела к проекту упразднения власти мужа над женой (Гражданский кодекс Камбасереса, 9 августа). Небезынтересен тот факт, что именно после всех этих широко распространенных и несколько беспорядочных событий осенью 1793 г. были приняты жесткие меры против предоставления женщинам политических прав и их возможности объединяться, и хорошо известно, что в сфере предоставления женщинам права голоса последствия проявлялись еще 150 лет. И здесь мы подходим к сути нашей проблемы: это поражение, которое касалось большинства, ощущалось как таковое лишь незначительным меньшинством, считавшим, что его это затрагивает. Если в этой действительно сложной ситуации мы ограничимся утверждением, что женщины были «с 1789 г. полностью»¹⁹ лишены избирательных прав, мы, конечно, не поймем ничего из того, что происходило в 1793 г. Несомненно, не стоит путать «поступательно-возвратные», частичные тенденции с общим вектором перемен, и нужно отдавать себе отчет в том, что противоречия и конфликты лежат в самой основе нашей работы. Это тем более необходимо, что, если лавировать между Тэном и Токвилем, открывается возможность подчеркнуть преемственность между государством времен Старого порядка и Наполеона, продемонстрировать, что правила, установленные некогда Парижским парламентом, были подхвачены Гражданским кодексом, и в целом показать, что изменения происходили медленно, особенно если связывать их с гораздо более поздним контекстом.

Когда занимаются изучением революции и ищут, кого она затронула, а также высказывают гипотезу, что она затронула всех, особый интерес вызывают те, кто это ощущал, в реальности или в воображении. Постепенное ускорение хода жизни подтверждают сотни современников того времени. «Как будто бы наша жизнь продолжалась множество

¹⁸ *Aberdam S.* Deux occasions de participation féminine en 1793: le vote sur la Constitution et le partage des biens communaux // AHRF. 2005. № 339.

¹⁹ *Godineau D., Hunt L., Martin J.-C., Verjus A., Lapied M.* Femmes, genres, Révolution, «Regard croisés» // AHRF. 2009. № 358.

веков», – сказал в 1804 г. Порталис. Повседневная реальность выражалась в индивидуализации прежних юридических связей и ускорении циркуляции материальных ценностей и людей. Появление новых связей между людьми с целью производства материальных благ тем более удивительно, что это были явно весьма разумно продуманные меры, однако они вызвали изменения, совершенно чуждые воле их инициаторов, и затронули все население. Упомянув новые производственные связи, я не открываю Америку, не борюсь с ветряными мельницами, а всего лишь повторяю тезисы, которые долгое время разрабатывались другими исследователями и опубликованы в недавних работах.

Универсализация обмена и революционная денежная система

Не затрагивая здесь экономическую историю, основанную на точных цифрах, следует подчеркнуть, что немедленную выгоду от Революции получили зажиточные фермеры и крупные собственники, торговцы, адвокаты, банкиры и государственные финансисты, военные фабриканты. Они были относительно немногочисленны, и что не удивительно, это были как раз те люди, которые могли бы извлечь выгоду из изменения конъюнктуры. Поэтому, если мы хотим понять, что же изменилось, нужно взглянуть на вопрос под более широким углом. Для дореволюционной Франции были характерны низкая собираемость налогов из-за многочисленных «привилегий», недостаток кредитования и денег в обращении, что и пытались исцелить такие «системы», как, например, система Лоу. Также можно было бы написать, что продажа национальных имуществ была «самым важным событием Французской революции»²⁰. Тем более это можно было бы сказать и о той системе, которую эти продажи сформировали наряду с отменой десятины и созданием ассигнатов. Не останавливаясь подробно на продаже национальных имуществ, нужно все же отметить, что этот процесс смог начаться лишь после массового отказа от выплаты десятины, от сеньориальных прав, дорожных пошлин и древних налогов, после последовавшего затем долгого паралича новой системы общественных налогов, что привело к весьма противоречивыми экономическим последствиям²¹.

²⁰ Bodinier B., Teysier É. L'évènement le plus important de la Révolution française. P., 2000. 503 p. [название взято у Ж. Лекарпантье].

²¹ Postel-Vinay G. À la recherche de la révolution économique dans les campagnes (1789–1815) // Revue économique. Novembre 1989. Vol. 40. № 6.

Со сломом всех традиционных механизмов получения ренты денежный оборот еще более замедлился, удушив в больших городах производство предметов роскоши, а также рынок сбыта колониальных товаров, в то время как доходы крестьян, напротив, возросли. Самообеспечение и урегулирование выплаты ростовщических долгов сначала задержали новую организацию обмена товарами, но с 1790–1791 гг. постепенно начался рост внутреннего рынка, притом даже не за счет меновой торговли, а скорее благодаря торговле на небольшие расстояния, что обеспечило некоторое процветание, основанное на продуктах самого низкого качества, критикуемых, но продаваемых²². Однако в течение этих первых лет *ассигнаты* еще не находились в повседневном обороте в качестве платежного средства из-за их слишком высокой номинальной стоимости. Эту роль играли «спонтанно» появившиеся бумажные деньги – хорошо известные коллекционерам²³, но плохо изученные историками. Спонтанный выпуск «*доверительных векселей*», имеющих множество разных названий, – результат деятельности большого количества связанных между собой предпринимателей примерно в 1660 муниципалитетах. На практике они имели весьма незначительную совокупную стоимость (около ста миллионов ливров), но выпускались мелкими купюрами, созданными для того, чтобы обеспечить зарплату и повседневные потребности людей. Несмотря на благие уверения властей, все факты заставляют думать, что с этими эмиссиями вполне мирились, они считались естественными, поддерживающими денежный оборот. Они обеспечивали большую часть повседневного денежного обращения в 1790–1793 гг., иногда даже в более поздний период, до тех пор, пока эмиссия мелких ассигнатов не стала отвечать потребностям населения. Это примечательное использование частных денег сближает начало Французской революции с американским XIX в.²⁴ и его обильными эмиссиями. Но для нас это тоже ценный показатель: спонтанные эмитенты были «заинтересованными» предпринимателями, а их эмиссии «интересовали» все население.

Свободный выпуск бумажных денег держался в конечном счете на тех людях, кто не мог от них отказаться, так как жил от зарплаты до зарплаты, но именно эти люди приводили в движение всю экономику. До тех пор пока в 1795 г. всякая связь с металлическими деньгами не

²² *Cornette J.* Un révolutionnaire ordinaire, Benoît Lacombe, négociant 1759–1819. Champ-Vallon, 1986. 430 p.

²³ *Kolsky M.* Les Billets de confiance de la Révolution française, 1790–1792. P., 2005. 452 p.

²⁴ *Wood G. S.* American Dream Money // The New-York Review. 2011. November 10.

исчезла окончательно, ассигнации использовались для покупки национальных имуществ и оплаты налогов, а впоследствии стали применяться для всей экономической деятельности, способствуя ликвидации долгов и всем спекулятивным механизмам, в частности, в отношении потребительских товаров и зерна, ради которых городские секции вынуждены были объединять силы граждан. Таким образом, с точки зрения права на жизнь, а также права на доход все граждане были затронуты коммерциализацией социальных связей. Либеральное переустройство общества произошло посредством монетарных практик, а их инфляционная перегрузка, я имею в виду итоговую гиперинфляцию времен Директории, — это та сторона дела, которая существовала совершенно отдельно от проводимой политики.

Законодательное обramление

Какими бы ни были временные уступки, на которые пошел Комитет общественного спасения в отношении городских масс, в конце концов пришли к свободе заключения договоров и рыночным механизмам, но в четко очерченных законодателем границах. А в долгосрочной перспективе и вовсе можно увидеть возникновение настоящей долговременной политики в отношении общества. Такова была ситуация в области управления деревней. Уже тогда, когда один за другим разрабатывались важнейшие революционные законы, предпринимались робкие попытки их «кодификации». Речь идет не об известном законе о сельской местности (март 1791 г.), который неудачно был назван Аграрным кодексом, а о том, как сам Камбасерес официально представил Конвенту проект Гражданского кодекса (9 августа 1793 г.). В период между этим реформаторским проектом, который долгое время считался образцовым, и гораздо более консервативным Наполеоновским кодексом 1804 г. прошло много времени, но в то же время сложилась определенная среда юристов, прошедших через революционные законодательные органы. Даже если их члены упорно отрицали, что они составляют единое сообщество или представляют чьи-либо частные интересы, следует серьезно отнестись к усвоенным этими юристами методам создания нового мира (о котором все это время они мечтали), а также к тому, как создаваемая ими реальность стала тщательно сохраняемой юридической нормой.

Я уже акцентировал внимание на иерархии личных и поземельных статусов, на множестве обязательств и прав, которые уничтожили «жа-

керию» 1789-1792 гг., добывавшиеся вплоть до 1793 г. упразднявших эти статусы законов. Однако связи между обязанностями, считавшимися *собственностью, уходящей в незапамятные времена*, или появившимися в результате основанных на кутюмах договоров, уже при Старом порядке были весьма запутаны. Учитывая склонность «хорошего общества» *жить как благородные*, по крайней мере с XVI в. прослеживается тенденция, выражавшаяся в попытках изменить условия сельскохозяйственных договоров, сделав их похожими на социально куда более престижные обязательства перед сеньорами. Таким образом, различные традиционные формы производства стали рассматриваться как имеющие своей целью обеспечение землевладельцам дохода и образа жизни, сравнимого с сеньориальной моделью. Тем не менее и к концу Старого порядка прямая аренда, фермерство, испольщина и другие способы временного «*держания*» земли были широко распространены. Более того, доход от них положил начало постепенному разрушению земельной собственности или, вернее, концентрации сельскохозяйственных угодий: с одной стороны, *крупных арендных хозяйств* в Парижском бассейне и на севере, а с другой, – *фермерской аренды* в центре и на юго-западе в областях «мелкой культуры». Иными словами, при этих разнообразных формах землепользования точная граница между тем, что могло быть упразднено (так как считалось, что оно имеет «феодальные» корни) и что могло продолжать существовать, не была ни очевидной, ни предустановленной, ни четко сформулированной в Декларации прав.

Под давлением крестьянских выступлений законы, упраздняющие этот порядок, долго обсуждались юристами, как например, Мерленом (из Дуэ), вынужденным стать третейским судьей в этой сфере вплоть до самой Реставрации. При этом, что не должно удивлять, ликвидация сеньориальных обязательств, совмещенная с продажей национальных имуществ, привела лишь к упрощению и усилению крупной земельной собственности. И в этом результате, ставшем следствием поражения самых бедных крестьян, которым не удалось навязать раздел общинных земель, нет никакого парадокса²⁵. Множество источников фиксирует все более нарастающее давление этой крупной собственности на заре XIX в. Еще до Балзака и более откровенно, чем он, Бенжамен Констан в 1819 г. написал: «Очевидно, что если бы дворяне, как крупные собственники, использовали свой вес для управления судьбами Франции,

²⁵ Ado A. Op.cit.

Франция потеряла бы за несколько лет, может быть, всего за один год, плоды сорокалетней борьбы»²⁶. Но юристы были начеку!

Хотя Гражданский кодекс и был принят в 1804 г., а ему предшествовало несколько других кодексов (уголовный, торговый, процессуальный, лесной), одному из составленных тогда проектов пришлось ждать своего часа еще 150 лет. Речь идет о проекте Аграрного кодекса²⁷, том самом, который должен был упорядочить систему традиционных методов землепользования в регионах «мелкой культуры», испольщины, *аренды (domaine congéable)* в Бретани, *губернората (gouvernorat)* в Перше, договоров переуступки прав (*baillets, maître-valets*) на юго-западе и т.д. Также необходимо было урегулировать вопросы наемного труда в сельском хозяйстве, порядок пользования водными ресурсами, дорогами, изгородами и оградами, регламентировать решение сельских конфликтов... Однако Государственный совет при Наполеоне отказался утвердить этот проект Аграрного кодекса из опасения, как бы он не поспособствовал законному возвращению всемогущества крупных землевладельцев. Ни он, ни его преемники не допускали существования особых сельских законов, специфических сельских установлений, сельских судов и *создания подразделений сельской полиции...* Короче говоря, ничего, что походило бы на Андалусию, Ирландию или Латинскую Америку.

К испольщине и другим видам землепользования относились терпимо, однако Гражданским кодексом регулировалась лишь аренда, точно так же, как наем работников оставался практически единственным допустимым договором найма. Однако каждый режим и иногда даже каждое правительство в течение XIX в. пыталось вновь запустить механизм подготовки проектов аграрных кодексов, опросов, голосований генеральных советов департаментов, а также пыталось начать постатейные разработки этих кодексов, отталкиваясь от местных обычаев. Но вплоть до Третьей республики ничего не помогало – от составления кодекса раз за разом отказывались, – да и тогда статьи, принятые в 1889 г., носили лишь вспомогательный характер. Реальные меры для создания Аграр-

²⁶ Constant B. De la division des propriétés foncières. P., 1819.

²⁷ Aberdam S. Histoire des Usages locaux: ambiguïtés, discontinuités. Guide d'exploitation // Une France coutumière / Sous dir d'Assier-Andrieu L. P., 1990. P. 43–68; *Idem*. Profil d'un codificateur, l'expérience révolutionnaire de Verneilh-Puyraseau, rédacteur du projet de code rural de 1814 // La Révolution et l'ordre juridique privé / Éd. M. Pertué. PUF, 1988. Vol. 1. P. 205–217; *Idem*. Sur les origines du code rural, un siècle de conflit, 1789–1900; rapport INRA. Nantes, P., 1982–1984.

ного кодекса были приняты лишь в 1944–1946 гг. вместе со Статутом об аренде и ипотеке, а также с паритетными судами по вопросам сельской аренды, и лишь тогда удалось ликвидировать пережитки ипотеки, вытеснив ее арендой с четко разработанными правилами. Так закончился демонтаж широкомасштабного компромисса, некогда созданного для того, чтобы не допустить нападков крестьян на крупных собственников, сделать так, чтобы договор был единственной формой социальных отношений в метрополии, помешать возвращению «существующих с незапамятных времен» *кутюмов* и сохранить таким образом весьма хрупкую, но реальную связь с Декларациями прав.

Заключение

Классическое определение революции состоит в том, что широкие народные массы в это время пытаются решать свою судьбу. Политическая память тех, кто в ней участвовал, не раз потом проявлялась в мелких деталях: и через пятьдесят лет, во время голосований 1848–1849 гг. в армии и еще сильнее на флоте антагонизм между рядовыми и офицерами был еще хорошо заметен²⁸, а некоторые конфликты с арендаторами в XX в. напрямую связаны с 1789 г. Границы равноправия в этих случаях хорошо чувствуются (так же как и в ситуациях, о которых шла речь ранее), однако следует помнить, что в самом начале движения за равноправие те темы, которые ныне нам кажутся важнейшими, затрагивались лишь незначительными меньшинствами, а накал эмоций современников мы представляем себе очень плохо. Наказы депутатам Генеральных штатов не превратились в чисто либеральные, поскольку временами недовольство оказывалось настолько сильным, что его нельзя было не учитывать. Член Учредительного собрания Бенью вспоминал: «Составитель собрал множество более или менее чрезмерных пожеланий и в конце концов выдал такую неслыханную формулировку: „Даем полномочия нашим депутатам испросить у господина нашего короля согласие на вышеупомянутые просьбы; в случае, если он их удовлетворит, поблагодарить его за это; а если откажется, свергнуть его“, последние слова были подчеркнуты».

Страх охватывал противников революции не тогда, когда устанавливалось политическое равенство, а тогда, когда толпы лезли на стены замков. Декларации прав лишь указывали путь для выхода из бурь. В реальности же речь шла о том, присоединится или нет та или иная

²⁸ Salmon F. Atlas électoral de la France, 1848–2001. P., 2001. XV + 95 p.

социальная категория к революции, будут или нет удовлетворены ее требования и при каких условиях. Решимости установить равенство прав недостаточно самого по себе; конкретные обстоятельства могли ему воспрепятствовать, отсрочить или реализовать непредсказуемым образом. Мы видим, что речь в общем-то шла не об унификации весов и мер, не о новом рациональном делении национального пространства и не о новом календаре, основанном на десятичной системе, а о том, что различные группы людей разобщали противоположные интересы и о невозможности что-то планировать в условиях угнетения и эксплуатации²⁹.

С другой стороны, пример расхождения между Гражданским и Аграрным кодексами выявляет еще одно действующее лицо, а именно Государственный совет – настоящую основу власти, хранителя коллективной юридической памяти сменявших друг друга режимов французской буржуазии, и он вплоть до наших дней бесцеремонно обеспечивает свою преемственность. Поэтому следовало бы вернуться к вопросу, затронутому в начале данной статьи, и подытожить, что Французская революция принадлежала, прежде всего, тем, кто завершил ее и кто построил на ее основе весьма долговременный государственный строй. С той оговоркой, что усилия, которые они предпринимали, чтобы оставаться его хозяевами, позволяют также думать, что их право собственности на него было отнюдь не очевидно.

Список литературы

- Aberdam S.* Deux occasions de participation féminine en 1793: le vote sur la Constitution et le partage des biens communaux // AHRF. 2005. № 339.
- Aberdam S.* Histoire des Usages locaux: ambiguïtés, discontinuités. Guide d'exploitation // Une France coutumière / Sous dir d'Assier-Andrieu L. P., 1990.
- Aberdam S.* La Convention en campagne – à propos des éditions du projet de Constitution de 1793 // Le temps des média. Revue d'histoire. Hiver 2006–2007. № 7. P. 20–34.
- Aberdam S.* Profil d'un codificateur, l'expérience révolutionnaire de Verneilh-Puyraseau, rédacteur du projet de code rural de 1814 // La Révolution et l'ordre juridique privé / Éd. M. Pertué. P., 1988. Vol. 1.
- Aberdam S.* Sur les origines du code rural, un siècle de conflit, 1789–1900; rapport INRA. Nantes, P., 1982–1984.

²⁹ *Beugnot J.-C.* Mémoires publiées par son fils... Rééd. Lacour-Gayet. P., 1959.

- Aberdam S., Bianchi S., Demeude R., Ducoudray É., Gainot B., Genty M., Wolikow Cl.* Voter, élire pendant la révolution française, 1789–1799. Guide pour la recherche. Éd. Revue et augmentée. P., 2006. (1ère éd. : 1999). 573 p.
- Ado A.* Paysans en révolution. Terre, pouvoir et jacquerie, 1789–1794. P., 1996.
- Beugnot J.-C.* Mémoires publiées par son fils... Rééd. Lacour-Gayet. P., 1959.
- Biard M.* Collot d'Herbois : légendes noires et Révolution. Lyon, 1995.
- Blaufarb R.* Démocratie et professionnalisme: l'avancement par l'élection dans l'armée française, 1760–1815 // AHRF. Octobre-décembre 1997. № 310.
- Blaufarb R.* The French Army, 1750–1820. Careers, Talent, Merit. Manchester, 2002. 227 p.
- Bodinier B.* La Révolution française et la question agraire // Histoire et sociétés rurales. 1er semestre 2010. № 33.
- Bodinier B., Teysier É.* L'évènement le plus important de la Révolution française. P., 2000. 503 p.
- Bourguinat E.* Le siècle du persiflage: 1734–1789. P., 1998. 228 p.
- Cabantous A.* Communautés maritimes et Révolution (1790–1791): un apprentissage démocratique? // Pouvoirs et littoraux du XVe au XXe siècle / Éd. par G. Le Bouëdec. Rennes, 2000.
- Constant B.* De la division des propriétés foncières. P., 1819.
- Cornette J.* Un révolutionnaire ordinaire, Benoît Lacombe, négociant 1759–1819. Champ-Vallon, 1986. 430 p.
- Dupuy R.* La Garde nationale et les débuts de la révolution en Ille-et-Vilaine, 1789-mars 1793. P., 1972. 285 p.
- Dupuy R.* La Garde nationale, 1789-1872. P., 2010. 606 p.
- Foucault M.* Folie et déraison: histoire de la folie à l'âge classique. P., 1964. 2 vol. 311 p.
- Foucault M.* Le pouvoir psychiatrique; cours au Collège de France, 1973–1974. P., 2003. 399 p.
- Godineau D.* Citoyennes tricoteuses: les femmes du peuple à Paris pendant la Révolution française. Aix-en-Provence, 1988. 420 p. (Réed.: 2004).
- Godineau D.* Femmes en citoyenneté: pratiques et politique // AHRF. Avril-juin 1995. № 300.
- Godineau D.* Privées par notre sexe du droit honorable de donner notre suffrage... Le vote des femmes pendant la Révolution française // La

- démocratie «à la française» ou les femmes indésirables / Sous dir. de E. Vienno. P., 1996.
- Godineau D., Hunt L., Martin J-C., Verjus A., Lapied M.* Femmes, genres, Révolution, «Regard croisés» // AHRF. 2009. № 358.
- Hourwitz Z.* Apologie des Juifs (1789). P., 2001. 84 p.
- Kolsky M.* Les Billets de confiance de la Révolution française, 1790–1792. P., 2005. 452 p.
- La Garde nationale entre nation et peuple en armes. Mythes et réalités, 1789–1871 / Sous dir. de Bianchi S., Dupuy R. Rennes, 2006. 561 p.
- Malino F.* Un juif rebelle dans la Révolution et sous l'Empire: la vie de Zalckind Hourwitz (1751–1812). P., 2000. 243 p. (Oxford Blackwell, 1996).
- Postel-Vinay G.* À la recherche de la révolution économique dans les campagnes (1789–1815) // Revue économique. Novembre 1989. Vol. 40. № 6.
- Robin R.* La société française en 1789. Semur-en-Auxois, 1970. 522 p.
- Roudinesco É.* Théroigne de Méricourt, une femme mélancolique sous la Révolution. P., 1989. 316 p.;
- Salmon F.* Atlas électoral de la France, 1848–2001. P., 2001. XV + 95 p.
- Semelaigne R.* Philippe Pinel et son œuvre. Au point de vue de la santé mentale. P., 2001.
- Swain G.* Le sujet de la folie. Naissance de la psychiatrie. P., 1997. (1ère éd.: 1977).
- Weiner D.B.* Comprendre et soigner: Philippe Pinel (1745–1826), la médecine de l'esprit. P., 1999.
- Wood G. S.* American Dream Money // The New-York Review. November 10, 2011.

*Р.В. Моторнов**

БРАБАНТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1790 г. ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОГО ДИПЛОМАТА М.С. НОВИКОВА

В апреле – августе 1790 г. в отложившихся от Австрии бельгийских провинциях побывал советник российского посольства в Гааге М.С. Новиков, отправившийся в Бельгийскую республику с «секретной комиссией» по приказу полномочного министра С.А. Колычева. В исследовании освещается подготовка миссии российского шпиона, а также цели и методы его работы. Установив на месте контакты с бельгийскими роялистами, дипломат имел возможность получать сведения о настроениях в революционном правительстве, его взаимодействии с иностранными державами, а также о состоянии армии.

Ключевые слова: Брабантская революция, движение протеста, М.С. Новиков, дипломатический шпионаж

Вспыхнувшая осенью 1789 г. в Австрийских Нидерландах Брабантская революция¹, стремительное свержение австрийской власти и провозглашение в январе 1790 г. революционной республики Бельгийских соединенных штатов привлекли к этой части Европы внимание всех великих держав, уже с опасением наблюдавших за стремительно набравшей обороты революцией в соседней Франции.

Великобритания, Республика Соединенных провинций Нидерландов и в первую очередь Пруссия не преминули воспользоваться возможностью оказать давление на Австрию путем негласной поддержки вос-

* *Моторнов Роман Васильевич, аспирант Института всеобщей истории РАН. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).*

¹ Революция получила название Брабантской по имени главной провинции Австрийских Нидерландов – Брабантского герцогства, где развернулись основные ее события. В современной бельгийской историографии все большую популярность приобретает другое название этой революции – *Révolution belge*, в отличие от Бельгийской революции 1830 г. – *Révolution belge*. «Belgique» в данном случае является устаревшей формой прилагательного «belge», употреблявшейся в конце XVIII в. Подробнее см.: *Polasky J. Revolution in Brussels, 1787–1793*. Brussels, 1987; *Намазова А.С.* Брабантская революция 1787–1790 гг. в Австрийских Нидерландах // *НиНИ*. 2001. № 6. С. 149–164.

ставших бельгийцев. Речь, безусловно, не шла о дипломатическом признании Бельгийской республики, лидеры которой к тому же первое время демонстрировали свою приверженность идеалам Французской революции². Тем не менее три союзных двора заняли позицию более чем благожелательного нейтралитета в отношении бельгийских революционеров: Республика Соединенных провинций не препятствовала деятельности возглавляемого адвокатом Анри ван дер Ноотом³ бельгийского революционного комитета, расположившегося в городе Бреда, а также формированию революционной армии в окрестностях города. Великобритания и Пруссия в свою очередь обещали представителям восставших финансовую помощь. Таким образом, союзные державы надеялись принудить Австрию, оказавшуюся не в силах подавить революцию, отказаться от продолжения войны с Турцией. Российской империи, которая с 1787 г. вела совместно с Габсбургами войну против Османской империи, требовалось присутствие австрийских войск на Балканах, чтобы отвлечь часть сил турецкой армии от Бессарабии, где князь Г.А. Потемкин осенью 1789 г. готовился к осаде города Бендеры. Выход Австрии из войны осложнил бы положение российского двора, ведь наряду с турецкой кампанией Россия вела войну со Швецией, которую также поддерживали Великобритания и Пруссия.

Санкт-Петербург через своих представителей при дворах великих европейских держав внимательно следил за известиями, приходившими из отложившихся от австрийской власти бельгийских провинций. Коллегия иностранных дел еженедельно получала депеши российских дипломатов из Вены, Брюсселя, Лондона, Берлина и Гааги с информацией о состоянии армии и финансов революционной Бельгийской республики, политической борьбе в рядах революционеров и их контактах с тремя со-

² Так, Камиль Демулен, вдохновленный поступавшими из Бельгии известиями о Брабантской революции, учредил революционную газету под названием «*Les Révolutions de France et de Brabant*» («Революции Франции и Брабанта»).

³ Анри Шарль Николя ван дер Ноот (1731–1827), адвокат брабантского судебного совета. После своей речи на заседании Брабантских штатов в 1787 г. с критикой реформ Иосифа II как противоречащих традиционному законодательству бельгийских провинций А. Ван дер Ноот приобрел популярность среди оппозиционно настроенных жителей Брюсселя. В 1789 г. провозгласив себя «полномочным агентом брабантского народа», он возглавил консервативное крыло революционного движения (аристократы или штатисты), выступавшее за сохранение традиционного общественно-политического уклада бельгийских провинций, которое было упразднено в 1780-е гг. в результате реформ Иосифа II. В январе 1790 г. Ван дер Ноот был избран президентом Бельгийских соединенных штатов. Подробнее см.: *Van Dalen A. Henri Van der Noot. Le «héros» de la Révolution brabançonne de 1789 à travers sa correspondance (1788–1822). Bruxelles, 2011.*

юзными державами. Российские дипломаты в своем стремлении представить в Коллегию иностранных дел как можно более полные сведения о происходящем использовали все доступные им способы их получения. Помимо бесед с представителями местного правительства или занимающими определенное положение при дворе людьми, которые составляли личный круг знакомств дипломатов, помимо официальных документов и газет, то есть сравнительно открытых источников, российские посланники, равно как и их зарубежные коллеги, не пренебрегали и другими средствами получения интересующей их информации. В частности, главами европейских дипломатических представительств лично или через сотрудников посольств практиковалось создание негласной сети информаторов, чаще всего из среды чиновников и секретарей, работавших при местном правительстве и получавших щедрую прибавку к официальному жалованью из фондов дипломатической миссии⁴.

При необходимости же изучить положение дел в местах ведения боевых действий или в затронутых восстаниями и революциями государствах дипломаты прибегали к услугам нанятых агентов⁵ или же тайно направляли туда сотрудников посольств, как это было в случае с советником российского представительства в Гааге М.С. Новиковым, который по поручению полномочного министра С.А. Колычева в марте 1790 г. под видом путешественника отправился в Бельгию. В настоящей работе мы рассмотрим осуществление этой, как называл ее Колычев, «тайной комиссии» Новикова, пробывшего в революционной республике пять месяцев – с конца марта до конца августа 1790 г.

На основании материалов комиссии, обнаруженных нами среди донесений Колычева, которые хранятся в фондах Архива внешней политики Российской империи⁶, мы проследим за процессом подготовки миссии Новикова и ее согласования с Коллегией иностранных дел, а также рассмотрим обстоятельства пребывания российского шпиона в бельгийских провинциях: способы его перемещения и сообщения с представительством в Гааге, контакты на местах, методы сбора информации, равно как и характер интересующих дипломата сведений.

Отправка российской дипломатической миссией своего сотрудника в революционные бельгийские провинции представлялась рискованным

⁴ Подробнее см. *Corneliu B. L'évolution de la technique diplomatique au dix-huitième siècle. P., 1937.*

⁵ *Bély L. Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV. P., 1990. P. 129.*

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6.

шагом. В условиях царящей в бельгийском обществе атмосферы всеобщего недоверия, особенно усилившегося после разгрома демократической партии Жана-Франсуа Вонка⁷ в марте 1790 г., возможное разоблачение и арест российского шпиона сказались бы не только на положении С.А. Колычева в Гааге как инициатора этой тайной миссии, но и вызвали бы возмущение в дипломатических кругах Пруссии и Великобритании, враждебно настроенных к России. К тому же на протяжении всего этого времени в Брюсселе на своем постоянном посту находился Генеральный консул Российской империи в Остенде Иоганн Фациус, который не прекращал информировать главу Коллегии иностранных дел И.А. Остермана о развернувшейся в Австрийских Нидерландах революции⁸. Какими же мотивами руководствовался Колычев, отправляя Новикова в бельгийские провинции, и почему Коллегия иностранных дел не могла довольствоваться только сведениями, получаемыми от Фациуса?

Положение в Бельгии к марту 1790 г.

На протяжении всего 1789 г. противостояние австрийской администрации и бельгийской оппозиции возрастало. После того как 18 июня 1789 г. император Иосиф II упразднил конституционную хартию Брабантского герцогства «Радостное вступление» (*Blijde Inkomst, Joyeuse Entrée*) – основной закон провинции – и распустил собрание Брабантских штатов, бельгийская оппозиция потеряла возможность оказывать сопротивление австрийской власти в рамках закона. Брюссельские улицы наводнили афиши, призывавшие жителей города оставить свое ремесло и выступить в защиту конституции и католической религии, присоединившись к освободительной армии, которую совместно с полковником

⁷ Жан-Франсуа Вонк (1743–1792), адвокат Брабантского судебного совета. Основатель тайного патриотического общества «*Pro aris et focis*» («За алтари и очаги»), он после свержения австрийской власти возглавил демократическое крыло революционного движения – партию вонкистов, выступавшую за реформирование общественно-политического устройства бельгийских провинций в соответствии с идеями французского Просвещения. После захвата власти сторонниками Ван дер Ноота в марте 1790 г. Вонк был вынужден бежать во Францию. Подробнее см.: *Études sur le XVIIIe siècle* / Éd. par. R. Mortier, H. Hasquin. Vol. 24. Jean-François Vonck (1743–1792). Bruxelles, 1996 ; *Tassier S. Les démocrates belges de 1789*. Hayez, 1989.

⁸ Несмотря на свою официальную должность – Генеральный консул в Остенде, Фациус получил разрешение Остермана находиться в Брюсселе, где и пребывал со своей семьей начиная с 1784 г. Подробнее о нем и его донесениях см.: *Намазова А.С.* Указ. соч.

Жаном-Андре ван дер Мершем⁹ начал формировать Вонк. Добровольцы собирались на территории Республики Соединенных провинций под городом Бреда, где с сентября 1789 г. действовал объединенный революционный комитет под предводительством Ван дер Ноота.

Перед приездом в Бреду этот «полномочный агент брабантского народа» не оставлял попыток заручиться поддержкой британского и прусского дворов. Премьер-министр Великобритании У. Питт дважды отказывал ему в аудиенции¹⁰, в то время как прусский государственный секретарь Э. Гертцберг согласился принять Ван дер Ноота и впоследствии поддерживал с ним контакты через генерала М. фон Шлиффена¹¹. Однако Пруссия не пошла дальше обещаний дипломатической поддержки, и революционная армия для закупки обмундирования должна была довольствоваться средствами, которые направляли в Бреду брабантские и фламандские монастыри: духовенство принимало активное участие в революции, одним из лозунгов которой была защита католической религии от посягательств императорской власти.

24 октября 1789 г. революционный комитет в Бреду опубликовал «Манифест брабантского народа», в котором Ван дер Ноот объявил о низложении императора Иосифа II и призвал бельгийцев начать всеобщее восстание. Несколько дней спустя революционная армия Ван дер Мерша пересекла границу Австрийских Нидерландов и в городе Турнхаут впервые столкнулась с австрийскими войсками. Поддерживаемые местными жителями отряды бельгийских волонтеров разбили австрийский гарнизон. 17 ноября пала столица Фландрии – Гент, где был создан революционный комитет, объявивший о своем суверенитете над территорией графства. Иосиф II срочно направил в Брюссель вице-канцлера И.Ф. Кобенцля, которому было поручено вести переговоры о прекращении беспорядков в обмен на восстановление традиционного законодательства бельгийских провинций и привилегий местных государственных институтов¹². Однако вскоре надежды Иосифа II

⁹ Жан-Андре ван дер Мерш (1734–1792) вступил в австрийскую армию в 1778 г. Сочувствующий идеям бельгийских демократов, Ван дер Мерш осенью 1789 г. получил от Вонка предложение возглавить революционную армию. После провозглашения Бельгийских соединенных штатов он в чине генерала возглавлял армию республики до апреля 1790 г., когда был арестован по приказу правительства аристократов.

¹⁰ *Van Dalen A.* Henri Van der Noot. P. 149.

¹¹ *Tassier S.* Les démocrates belges. P. 106.

¹² Ответ Иосифа II на письмо Кобенцля от 25 ноября 1789 г. – *Correspondances intimes de l'Empereur Joseph II avec son ami le comte de Cobenzl et son premier ministre le prince de Kaunitz / Éd. par S. Brunner.* Mayence, 1871. P. 123.

на мирное урегулирование конфликта были разрушены. 10 декабря в Брюсселе началось восстание: атакованный горожанами императорский гарнизон под командованием генерала Р. Альтона был вынужден оставить город вместе с представителями австрийской администрации во главе с полномочным министром Ф. Трауттмансдорфом.

В руках революционеров оказались все бельгийские провинции, за исключением остававшегося под контролем Австрии Люксембурга, который от северной и центральной части Австрийских Нидерландов отделяло Льежское епископство. 11 января 1790 г. на заседании Генеральных штатов в Брюсселе на территории Австрийских Нидерландов была провозглашена республика Бельгийских соединенных штатов – конфедерация десяти бельгийских провинций. Исполнительная власть была поручена правительству во главе с Ван дер Ноотом, который был избран президентом республики. Генеральные штаты, ставшие Генеральным конгрессом, закрепили за собой законодательные полномочия и объявили о своем высшем суверенитете в государстве. Именно вопрос о суверенитете штатов послужил формальной причиной раскола революционного движения. Демократы во главе с Вонком и Ван дер Мершем требовали признать верховный суверенитет народа: так, офицеры, поддерживавшие демократов, отказались присягать на верность Генеральным штатам и 9 марта 1790 г. на площади Гран плас демонстративно поклялись в верности всей бельгийской нации. Через несколько дней в Брюсселе вспыхнули беспорядки, инициированные лидерами аристократов, желавшими таким образом расправиться с «Патриотическим обществом» Вонка, который был вынужден бежать во Францию. Незадолго до этого из Вены пришли известия о смерти Иосифа II от туберкулеза 20 февраля 1790 г. Брат покойного императора и его наследник Леопольд II немедленно обратился к поданным с предложением восстановить отмененное Иосифом II традиционное законодательство бельгийских провинций и прежде всего хартию «Радостное вступление». Кроме того, бельгийцам была обещана всеобщая амнистия, за исключением лидеров восстания, которые, впрочем, предложения Леопольда II проигнорировали.

Иоганн Фациус в столице революционной республики

Российский консул в Австрийских Нидерландах И. Фациус, до последнего не веривший в успех восстания, неожиданно для себя оказался в охваченной беспорядками столице революционной Бельгийской

республики. Положение его было крайне затруднительным: фигура официального представителя российского двора, ближайшего союзника ненавистной бельгийцам австрийской монархии, жившего со своей многочисленной семьей в самом центре революционного Брюсселя, вполне могла стать объектом повышенного интереса революционных властей, которые с пристальным вниманием следили за иностранцами, находившимися на территории республики. Так, в одном из своих донесений Фациус сообщал Остерману об аресте в конце мая 1790 г. принятого за шпиона некоего полковника Гардинера, недавно прибывшего в Бельгию из Англии¹³. При расследовании выяснилось, что полковник имел при себе сопроводительное письмо из Форин-офис и был отправлен в бельгийские провинции для того, чтобы информировать британское внешнеполитическое ведомство о происходивших там событиях. Революционное правительство в своем стремлении получить дипломатическое признание хотя бы одной из великих держав незамедлительно признало Гардинера официальным посланником британского короля на основании этого сопроводительного письма¹⁴.

Начиная с декабря 1789 г. Фациус, опасавшийся за безопасность своей семьи, неоднократно обращался к Остерману с остававшимися без ответа просьбами разрешить ему выехать из Брюсселя как можно скорее. Несколько месяцев спустя, в феврале 1790 г., когда разрешение на выезд все же было получено, дипломат все же счел возможным остаться в столице бельгийских провинций, где к этому времени с помощью гражданской милиции была налажена охрана общественного порядка¹⁵. Впрочем, несмотря на некоторую стабилизацию положения, российский дипломат все же не мог чувствовать себя в полной безопасности, не будучи уверен в сохранении конфиденциальности своей переписки с российским двором¹⁶. Бельгийские революционные власти довольно часто прибегали к перлюстрации корреспонденции «подозрительных лиц». Поводом для вскрытия почты мог стать как донос от преданных революции граждан, так и факт получения «подозрительным

¹³ АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д.1228. Л. 7.

¹⁴ Там же. Л. 28об.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д.1226. Л. 39.

¹⁶ О влиянии революционных событий на тексты донесений Фациуса см.: Моторнов Р.В. Донесения российских дипломатов и республика Бельгийских соединенных штатов в 1789—1790 гг.: революционный политический дискурс в дипломатической переписке // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Вып. 6 (39) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001173-9-1> (дата обращения: 30.09.2015).

лицом» писем от высокопоставленных иностранцев, как это было в случае с одним из жителей ирландского доминиканского монастыря в Левене, который состоял в переписке с епископом Кельнским¹⁷.

Таким образом, несмотря на выгодное для наблюдения за революционными событиями положение – в столице мятежных провинций, Фациус не имел возможности для полноценной работы по сбору интересовавшей Коллегию иностранных дел информации, что он не раз отмечал в донесениях Остерману и в письмах Колычеву. Так, в депеше от 25 января 1790 г. Колычев сообщал:

«Господин Фациус по званию своему знает тамо слишком, чтоб не быть приметным в кругах, в злобе зараженных к императору; и сколь ни осторожно себя ведет, не может однако ж избежать подозрения, а конечно было бы не безнужно теперь пребывание его тамо; но посмеет ли он казаться в обществах (т. е. посещать приемы и салоны – *P.M.*) или же присматривать за тамошними подвигами? Неприличность, ниже глубокая его старость того ему не дозволяет»¹⁸.

Действительно, в сложившихся условиях 69-летний Фациус должен был быть осторожным в своих контактах. Общение официального представителя российского двора с бывшими чиновниками австрийской администрации или бельгийскими роялистами могло вызвать болезненную реакцию революционной власти. Тем не менее среди материалов Главного королевского архива Брюсселя, посвященных противодействию шпионажу и относящихся к периоду Бельгийских соединенных штатов (1789–1790 гг.)¹⁹, сведений о российском представителе мы не обнаружили. Поэтому невозможно с уверенностью утверждать, насколько были справедливы опасения российских дипломатов относительно слежки за Фациусом. Тем не менее он все же предпочел ограничить свои контакты в брюссельском обществе, черпая сведения для своих донесений преимущественно из газет и памфлетов.

Проект «секретной комиссии» М.С. Новикова

В мирное время Фациус, как и любой другой дипломат, должен был не только информировать свое внешнеполитическое ведомство о важ-

¹⁷ Copie de lettre de Louvain du 18 février 1790 // Archives Générales du Royaume – AGR (Bruxelles). T087. Verenigde Nederlandse Staten – Etats belgiques unis. 13. Deuxième bureau : espionnage et contrespionnage.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 333. Л. 25.

¹⁹ AGR. T087. Verenigde Nederlandse Staten – Etats belgiques unis. 13. Deuxième bureau : espionnage et contrespionnage.

ных новостях и настроениях в обществе, но и защищать интересы своей державы, а по возможности и способствовать принятию выгодных ей решений. Разумеется, последнее стало невозможным после падения австрийской власти в Бельгии, а потому в подобных условиях функция информатора становилась для Фазиуса главной. Однако как мы видели ранее, связанный своим дипломатическим статусом российский генеральный консул не мог в полной мере с ней справиться. В связи с этим возникла необходимость в новом источнике известий о делах бельгийских провинций. Решить эту задачу могла отправка российского шпиона в Брюссель, что Колычев и предложил сделать Остерману в упомянутой выше депеше от 25 января 1790 г.²⁰:

«Не угодно ль будет послать в Брюссель под образом путешественника человека надежного, который бы, следуя за тамошними действиями и скрывая должность свою временным отлучением в Спа или другие окружные места, мог бы из оных подавать для сведения высочайшего двора известия, также и о поступках находящихся в Австрийских Нидерландах эмиссаров соседних держав, сии эмиссары находятся тамо под разными предлогами, имеют с нахальниками сношение и служат инструментом злонамеренных замыслов»²¹.

Российский шпион, отправляющийся в бельгийские провинции как путешественник, обладал бы несоизмеримо большей по сравнению с официальным дипломатическим представителем степенью свободы в своих перемещениях. Посетив проездом из Гааги несколько бельгийских городов, российский путешественник – и это было вполне естественно – мог бы задержаться городе Спа, целебная сила вод которого была известна по всей Европе. К тому же Спа находился на территории Льежского епископства, которое на протяжении зимы и весны 1790 г. все еще было оккупировано прусскими войсками, отправленными туда в ноябре 1789 г. для подавления Льежской революции²².

Для исполнения этой секретной миссии С.А. Колычев предложил Остерману кандидатуру советника российского посольства в Гааге Михаила Семеновича Новикова:

²⁰ Интересно, что эта депеша с изложением проекта «секретной комиссии» написана рукой самого Колычева, в то время как большинство его донесений переписывалось наisto копиистами.

²¹ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 333. Л. 25об.

²² Льежская революция началась в августе 1789 с восстания в Льеже, направленного против власти князя-епископа К.-Ф. де Хунсбрука. После бегства епископа в городе была провозглашена республика.

«Советник посольства Новиков мог бы с успехом сию комиссию исполнить, переписка его состояла бы со мною, а я разнорядил бы так, чтоб письма его доходили до меня под чужим именем, и после доносил бы ко двору о преподаваемых в них описаниях»²³.

Следовательно, российский агент, будучи в Спа, смог бы находиться в непосредственной близости от Брюсселя и свободно посещать бельгийские провинции, при этом не опасаясь за конфиденциальность своей переписки с Колычевым. Подготовка этого путешествия требовала некоторых расходов, что Колычев особо отметил в письме Остерману: «На такой случай ваше сиятельство сами признать изволят, что должно будет определить на его издержки некоторую сумму»²⁴.

В XVIII в. европейские дипломаты достаточно часто пользовались услугами тайных агентов и шпионов, которых направляли в места боевых действий или на территории, охваченные восстаниями, – туда, где пребывание официальных иностранных представителей было невозможным. С началом Французской революции эта практика приобрела еще больший размах: так, во Франции в 1790 г. действовали сразу несколько английских агентов, которые наблюдали за настроениями во французском обществе, собирали информацию о состоянии французской армии, а после провозглашения республики изучали возможность восстановления монархии. Для получения этой информации британское правительство не ограничивалось только отправкой своих шпионов во Францию, но и прибегало к услугам французских агентов²⁵. В нашем же случае тайная миссия была поручена штатному сотруднику российского представительства в Гааге, причем занимавшему достаточно высокую должность советника посольства. Колычев при выборе кандидатуры Новикова руководствовался прежде всего его личными качествами, а также опытом, приобретенным за годы службы. Отвечая на согласие Остермана отправить Новикова в Бельгию, полученное в конце февраля 1790 г., С.А. Колычев так характеризовал 49-летнего дипломата:

«Я, зная его ревность и прилежание к службе, смею уверить ваше сиятельство, что он не преминет сделаться достойным возложенной на него доверенности и отнесется с должною осторожностью»²⁶.

²³ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 333. Л. 25 об.

²⁴ Там же.

²⁵ Подробнее см.: *Marquis H. L'espionnage britannique en France pendant la Révolution française (1789–1802)*. Lille, 1990; *Hut M. Spies in France, 1793–1808 // History today*. 1962. P. 158–167.

²⁶ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 334. Л. 3–3 об.

Действительно, к 1790 г. Новиков прошел весь традиционный для российской дипломатии карьерный путь. Поступив на службу в Коллегию иностранных дел в 1754 г.²⁷, он в 1762 г. получил должность актуариуса, а в 1763 г. – был впервые отправлен за границу, сначала в Испанию, а затем во Францию. В 1770–1779 гг. он работал переводчиком в российском посольстве в Париже, откуда был переведен в Гаагу с получением чина асессора²⁸. После этого в качестве советника посольства Новиков несколько месяцев в 1782 г. находился в Дрездене, пока снова не был возвращен в российское посольство в Республике Соединенных провинций, где и работал к 1790 г.²⁹

Подготовка миссии: поиск доверенных лиц в Брюсселе

Тайная командировка Новикова в бельгийские провинции требовала обстоятельной подготовки, ведь для получения необходимой информации было недостаточно черпать ее из открытых источников, газет и памфлетов, – с этим прекрасно справлялся и консул Фациус. Гораздо более ценными были сведения, которые могли предоставить оставшиеся в бельгийских провинциях роялисты, с которыми Фациус более не мог поддерживать отношения. А потому отправлявшемуся на воды Спа российскому путешественнику помимо изготовления документов на вымышленное имя требовалось установить контакты с лояльными австрийскому двору представителями бельгийской знати. Но в условиях революционной диктатуры, когда даже сами революционеры не были уверены в своей безопасности, оставшиеся в Бельгии бывшие чиновники австрийской администрации и просто близкие к австрийскому двору бельгийцы пребывали в постоянном страхе ареста и вряд ли бы стали делиться своими соображениями относительно происходящего с проезжим гостем. Тогда каким образом это предприятие становилось возможным?

По замыслу Кольчева, Новиков должен был установить контакты с интересующими его людьми, опираясь прежде всего на связи высоко-

²⁷ Согласно «Списку о службе» в 1798 г. дипломату было 56 лет. Следовательно, Новиков родился в 1742 г. Таким образом, получается, что первую свою должность копииста он получил в 12 лет (в 1754 г.), возможно работая под началом своего отца. – См.: АВПРИ. Ф. Дела личного состава и хозяйственный департамент (ДЛС и ХД). Оп. 464. Формулярные списки. Д. 2428. Л. 3.

²⁸ Рапорт М.С. Новикова от 21 декабря 1789 / 1 января 1783 г. // АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464. Формулярные списки. Д. 2428. Л. 1.

²⁹ Список о службе коллежского советника и кавалера Михаила Семеновича сына Новикова, 1798 г. Там же. Л. 3.

поставленных чиновников австрийской администрации, бежавших из Брюсселя после революции. В ходе подготовки миссии Кольчеву удалось заручиться поддержкой пребывающего в Гааге австрийского функционера барона Фельца (1744-1820). В зашифрованной депеше от 2/13 апреля 1790 г. дипломат сообщал Остерману, что «выпросил ему (Новикову – *P. M.*) у известного барона Фельца рекомендательные письма к некоторым особам, кои по привязанности своей к венскому двору переписываются тайно с эрц-герцогинею»³⁰. Представитель знатного люксембургского рода, барон Фельц в ходе реформ Иосифа II 1780-х гг. получил должность в Государственном совете Австрийских Нидерландов³¹. После того как австрийская администрация бежала из Брюсселя, барон Фельц перебрался в свой родной Люксембург. А в феврале 1790 г. прибывший туда по поручению Иосифа II вице-канцлер Кобенцль отправил Фельца в Республику Соединенных провинций под предлогом закупки провианта для стоявшей в Люксембурге австрийской армии, хотя в гораздо большей степени Кобенцля интересовали отношения нидерландских властей с бельгийскими революционерами³².

Таким образом, рекомендательные письма Фельца могли обеспечить Новикову в Брюсселе контакты с незнакомыми ему ранее бельгийскими роялистами. Впрочем, нельзя сказать, что Новиков не знал вообще никого из остававшихся в Брюсселе бывших австрийских чиновников, но совершенно точно можно было утверждать, что не все из них были пламенными сторонниками восстановления австрийской власти. Так, проницательный Кольчев предвидел возможность встречи Новикова со знавшим его лично бывшим австрийским полномочным министром в Гааге Шарлем де Меродом (1762–1830), который вскоре после провозглашения Бельгийской республики покинул свой пост и выступил в поддержку революции³³. Граф де Мерод, в 1788 г. назначенный полномочным министром австрийского двора в Гааге, должен был знать сотрудников российского посольства, учитывая союзнические отношения России и Австрии. Таким образом, случайная

³⁰ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 334. Л. 54.

³¹ *Neyen A.* Biographie luxembourgeoise. Luxembourg, 1860. Vol. 1. P. 195–196.

³² *Gachard L. P.* Documents politiques et diplomatiques sur la révolution belge de 1790. Bruxelles, 1834. P. 259.

³³ «Бывший здесь императорский министр граф Мероде попросил от службы увольнения и вошел в штаты во Фландрии. Хотя венский двор и не прислал ему еще отзывной грамоты, однако ж он, несмотря на сие, пристал к противной партии его двора, забыв все милости императора». – Депеша С.А. Кольчева Остерману от 9/20 апреля 1790 г. АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 334. Л. 63.

встреча с ним в Брюсселе российского тайного агента, отправлявшегося туда под чужим именем, могла привести к провалу всей «тайной комиссии». На этот случай у Новикова была заготовлена особая легенда:

«...советник посольства Новиков поехал под другим именем в Брюссель, а там назовется своим, ибо лично может повстречаться с графом Меродом, который его знает и на случай, если бы стал говорить с ним, то скажет он ему, что, получа увольнение от службы, едет лечиться к целительным водам»³⁴.

11 апреля 1790 г., после того, как все детали тайной миссии были уточнены, Новиков отправился в столицу революционной республики, где ему предстояло встретиться с сохранявшими верность императору роялистами, о чем Колычев сообщил Остерману в депеше от 2/13 апреля, выразив уверенность в успехе предприятия:

«По средствам сих людей воспользуется он, сколько можно достигнуть своей цели, хотя обстоятельства, становящиеся день ото дня труднейшими, и не позволяли ему оставаться там долгое время. Распорядясь таким образом, отправление его и не скрывая того от особ, преданных двору венскому, надеюсь я, что ваше сиятельство изволите сие опробовать»³⁵.

Новиков в Бельгии: методы работы российского агента

В своей следующей депеше от 13/24 апреля Колычев сообщал Остерману, что Новиков благополучно добрался до Брюсселя³⁶. Первое письмо российского шпиона, полученное Колычевым, было отправлено 12 апреля – Новиков без промедления приступил к своей работе. В столице революционной республики он пробыл в общей сложности около двух недель. За это время он, как и предполагалось, установил контакты с людьми, которые, сохраняя еще некоторое положение в бельгийском обществе, обладали необходимой информацией. Установить точно, с кем общался Новиков, не представляется возможным: дипломат предпочитал не упоминать имена своих информаторов, ограничиваясь ссылкой на «заслуживающих почтения людей», «с верной стороны» сообщавших ему те или иные сведения³⁷. Такая предосторожность вполне

³⁴ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 334. Л. 54.

³⁵ Там же. Л. 55.

³⁶ Там же. Л. 75.

³⁷ Там же. Л. 75, 83.

объяснима: письма российского дипломата не были зашифрованы, хотя он и вел переписку с Колычевым на русском языке. Шифровка же иностранным путешественником своих «частных» писем неминуемо навлекла бы на него подозрение революционных властей.

За первый период своего пребывания в Брюсселе Новиков отправил в Гаагу два письма. Первое, как уже упоминалось, датировано 12 апреля. Дату отправки второго установить сложнее, поскольку среди донесений С.А. Колычева И.А. Остерману копия этого письма отсутствует, однако сведения из него вошли в текст депеши российского посланника в Гааге от 13/24 апреля. Новикова интересовали прежде всего контакты революционного правительства с представителями иностранных держав – Пруссией, Англией и Францией. В целом добытая дипломатом информация подтверждала уже имеющиеся у российского посольства в Гааге сведения:

«Известный прусак Бургаузен поныне еще в Брюсселе поверенною особою и пользуется откровенностию Ван дер Ноота и Ван Юпена. Через его посредство вступает в тамошнюю службу множество прусских офицеров. От Лондонского двора находится некий Кертенер, а от французского несколько офицеров, за коими, равно как и за всеми чужестранцами, весьма прилежно примечают»³⁸.

Советник прусского полномочного министра в Париже барона Альфенслебена Бургаузен приехал в Брюссель из Берлина в конце января 1790 г. и сразу же приобрел большое влияние среди бельгийских революционеров и лично на президента республики Ван дер Ноота и государственного секретаря Бельгийских соединенных штатов каноника П. ван Эйпена³⁹. Представитель же английского двора Кертенер, упоминавшийся в письме, – никто иной, как полковник Гардинер, о котором Фациус писал Остерману в одном из своих майских донесений.

Вторым важным сюжетом, который Новиков освещал в своих первых письмах, стало положение революционной армии, вернее, опровержение слухов о ее численности и состоянии. Действительно, Новиков отправлялся в Бельгию, уже располагая некоторой информацией о положении в бельгийской армии, которое российские дипломаты в Гааге получали из разного рода источников: бельгийских и нидерландских газет, бесед с представителями иностранных держав и т.д. Естественно, что после своего приезда в Брюссель Новиков, прежде чем начать все-

³⁸ Там же. Л. 77.

³⁹ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 333. Л. 24.

сторонне изучать положение дел в бельгийских провинциях, первым делом приступил к проверке уже имевшихся у него сведений. Таким образом, информация о присутствии в Брюсселе представителей Англии и Пруссии подтвердилась, в то время как данные о состоянии армии во многом оказались ложными. Так, М.С. Новиков в письме от 12 апреля 1790 г. пишет:

«Здесьнюю армию считают до 12 тысяч: однако мне с верной стороны сказано, что в ней нет и десяти тысяч. На подмогу ей хотят послать брюссельских волонтеров; но как они служат по воле и без платы, а притом большею частию купецкие и малолетние дети, то многие из них начинают отказываться от службы»⁴⁰.

Разного рода сведения, которые российский дипломат изначально имел в своем распоряжении и которые в дальнейшем не получили подтверждения (в нашем случае речь идет о численности армии), Новиков обозначает как слухи, но никоим образом не исключает из своего отчета. Проверка этих слухов, которые доходили посредством разных источников до российских дипломатов в Гааге, вероятно, была первоочередной задачей Новикова. Он не только анализировал эту информацию на предмет ее соответствия действительному положению дел, но и стремился установить источник непроверенных фактов:

«Между множеством распускаемых слухов немало случается и здесь, как и в Голландии таковых, которые выдуманы либо нарочно, или же из пристрастия то к той, то к другой партии»⁴¹.

Вместе с тем российский дипломат был занят отнюдь не только проверкой слухов. К моменту, когда он прибыл в Брюссель, бельгийская столица активно обсуждала готовящийся над генералом Ван дер Мерш суд, что не осталось без внимания Новикова.

Глава революционной армии генерал Ван дер Мерш, снискавший славу в сражениях с австрийскими войсками, освободитель Бельгии, не скрывал своей приверженности к демократической партии, разгромленной в марте 1790 г. Лидеры аристократов не намерены были далее терпеть демократа на таком посту. Формальным поводом для его отстранения от командования армией стал арест близкими ему офицерами делегатов Генерального конгресса, прибывших в ставку революционной армии в Намюре с инспекцией. 13 апреля 1790 г. на пост командующего армией республики был назначен прусский генерал Шёнфельдт,

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 334. Л. 83.

⁴¹ Там же. Л. 82.

а Ван дер Мерш арестован. Российский дипломат обращал внимание на то, что дело Ван дер Мерша вызвало серьезный кризис в бельгийском обществе, где арест брабантскими властями фламандца Ван дер Мерша стал серьезным испытанием для общенациональной солидарности. В Брабанте, отмечал Новиков, этот акт получил широкую общественную поддержку: «...в сей провинции множество народу разного класса, почитая ван дер Мерса действительно злодеем, алчет его смерти»⁴². Напротив, во Фландрии арест Ван дер Мерша брабантцами вызвал всеобщее негодование:

«...фламандские штаты в угождение народу, из которых генерал Ван дер Мерс имеет к себе много преданных, требовали от брабантских штатов перевезть его из антверпской крепости во Фландрию. <...> Сей отказ, как сказывают, столь сильно оскорбил фламандцев, что штаты их дали депутатам своим повеление оставить конгресс и возвратиться в свою провинцию»⁴³.

Процесс Ван дер Мерша перерос, таким образом, в серьезный конфликт между двумя крупнейшими провинциями Бельгийских соединенных штатов, поставив республику на грань распада. 21 апреля 1790 г. депутаты фламандских штатов направили государственному секретарю Ван Эйпену требование перевести Ван дер Мерша в Гент, о чем Новиков сообщил Колычеву. Ван Эйпен ответил категорическим отказом, что тут же вызвало волнения в Генте.

В условиях политического кризиса и конфликта между двумя бельгийскими провинциями Новиков решил отправиться во Фландрию, чтобы на месте разобраться в происходящем, поскольку брюссельское аристократическое правительство старалось замолчать этот вопрос⁴⁴. Он провел во Фландрии всю первую неделю мая, предположительно с 3 по 9 число. Из отчета Новикова от 10 мая 1790 г. следует, что он не только посетил фламандскую столицу – Гент, но и окрестные города и деревни, изучив настроения крестьян и простых горожан:

«...земледельцы тамошние не вмешиваются отныне в дела и занимаются работою своею. Но в столице дело иное; там от большого до малого все заражены правилами демократическими; о иных и слышать не хотят; а еще меньше отдаться по-прежнему венскому двору. Предубеждение, коим злодеи покойного императора ослепили сердца их

⁴² Там же. Л. 76.

⁴³ Там же. Л. 76 об.

⁴⁴ Там же. Л. 82 об.

столь сильно, что они ставят наследника его [Леопольда II – Р.М.] в одну цену с ним. Аристократы не смеют им перечить ни в чем; и так они, не теряя времени в спорах, делают новые учреждения согласно их правилам»⁴⁵.

Хотя многие лидеры демократического движения, в первую очередь Вонк, после мартовских событий бежали во Францию, демократы тем не менее пользовались симпатиями городского населения Фландрии. Местные интеллектуалы, главным образом адвокаты, при поддержке людей торговых профессий и городских низов, требовавших освобождения своего земляка Ван дер Мерша, открыто выступали против господства аристократов и желали построить во Фландрии тот общественный порядок, установить который демократам не удалось на территории всей Бельгии. Так, пишет Новиков, в Генте в противовес фламандским штатам был созвано Народное собрание⁴⁶, которое признало, что высший суверенитет в провинции принадлежит нации, а не штатам.

Вернувшись из Фландрии предположительно 9 мая, Новиков остался в Брюсселе до конца месяца. В это время революционное правительство, терявшее поддержку населения других бельгийских провинций, стремилось упрочить свое господство в Брабанте и развернуло настоящую охоту с одной стороны на демократов, с другой – на лояльных венскому двору роялистов. На фоне усиливавшихся репрессий весьма вероятно, что контакты Новикова с местными роялистами были затруднены: этим может объясняться отсутствие в его майских письмах сколько-нибудь точной информации о состоянии революционной армии и настроениях в Конгрессе и правительстве Бельгийских соединенных штатов. Тем не менее его донесения проливают свет на повседневную жизнь в столице республики. В письме от 13 мая 1790 г. Новиков описывает новое явление в жизни бельгийской столицы – ежедневные революционные шествия:

«Всякий день носят по улицам здесь бюст и портрет его [Ван дер Ноота – Р.М.], украшенный лавровым венцом. Церемония начинается в шесть часов по полудни против дома его следующим образом: музыка военная предшествует, за нею несут большое знамя бельжских провинций, потом выступает конница, в середине первой шеренги офицер держит бюст и ежеминутно его целует с восторгом, крича “виват!”, что все зрители должны повторить; на конце идут волонтеры, присяжные

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 335. Л. 5.

⁴⁶ Подробнее см.: *Pirenne H. Histoire de la Belgique. Bruxelles, 1926. Т. 5. Р. 497.*

по шесть членов в ряд, а позади их другая музыка турецкая... В те же дни по утрам бывает крестное хождение с образами, но последнее не столь многолюдно и не столь великолепно, как первое»⁴⁷.

Возникшее менее полугода назад революционное государство стремилось упрочить свое положение символической демонстрацией своего могущества, заимствуя практику широко распространенных в бельгийских провинциях барочных религиозных процессий со всей их пышностью и торжественностью. В Брюсселе к традиционным праздничным шествиям в честь святых покровителей города – св. Гудулы и св. Михаила – добавились светские революционные процессии во славу президента республики Ван дер Ноота, культ которого приобрел порой религиозные черты. Президент становился своего рода новым покровителем Брабанта, который в трудный момент встал на защиту католической религии и традиций герцогства. Для простых жителей Брюсселя отказ от демонстрации своей солидарности с участниками подобных процессий, замечал Новиков, мог закончиться плачевно:

«Боже, спаси того, кто дерзнет сказать, что ван дер Нот сей чести недостоин. Одна женщина почти до смерти прибита за то только, что не хотела настоящему портрету склоняться»⁴⁸.

Вскоре насилие стало привычным явлением на улицах Брюсселя. Начиная с 27 мая 1790 г. в Брюсселе городские низы в течение нескольких дней громили дома горожан, подозревавшихся в связях с демократами. Неутихавшие беспорядки побудили российского дипломата оставить бельгийскую столицу, о чем Колычев сообщил Остерману в зашифрованной депеше от 24 мая/5 июня 1790 г.:

«31 числа прошедшего месяца усиливающиеся в Брюсселе волнения понудили Г. Новикова для избежания опасности оставить на время сию землю. Он находится теперь в Бреде, откуда через несколько дней поедет в Спа и Aix-Chapelles [Аахен – P. M.], а потом ежели обстоятельства позволят, возвратится в прежнее место»⁴⁹.

Завершение миссии:

«Краткое описание положения в Австрийских Нидерландах»

В июле-августе 1790 г. положение в Бельгийской республике продолжало ухудшаться. Тяжелый экономический кризис, деморализован-

⁴⁷ Там же. Л. 7 об.

⁴⁸ Там же. Л. 8.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 335. Л. 87 об.

ная армия, испытывавшая нехватку средств и провизии, напряженные отношения между центральной властью и Фландрией – все это способствовало дальнейшему росту нестабильности в Брабанте. Опасаясь за безопасность Новикова, в конце августа 1790 г. Колычев приказал ему покинуть Брюссель и вернуться в Гаагу. В зашифрованной депеше от 13/24 августа 1790 г. Колычев сообщал Остерману:

«В рассуждении продолжающегося с проезжающими чужестранцами в Брюсселе преследования и арестования их и дабы не подвергнуть тому же советника посольства Новикова, предписал я ему возвратиться сюда. Во все время уведомлял он меня о тамошних событиях и не в ту-не там пребывал»⁵⁰.

Среди полученных Коллегией иностранных дел донесений Колычева за июнь-август 1790 г. нет ни одного письма Новикова, а сам Колычев ни разу о нем не сообщает вплоть до только что процитированной депеши. При этом, как мы видим из ее текста, российский дипломат не прекращал на протяжении всего лета информировать Колычева о положении в Бельгии. К сожалению, невозможно точно определить, когда после своего отъезда в Спа 31 мая 1790 г. Новиков вернулся в Брюссель и совершал ли он еще какие-либо поездки в другие бельгийские провинции.

Перед возвращением в Гаагу Новиков подготовил итоговый отчет «Краткое описание положения Австрийских Нидерландов» – десятистраничный анализ причин революции и состояния Бельгийской республики к августу 1790 г. Главным инициатором революции Новиков называет духовенство, которое «служило первым орудием смущения и поднятия народа против своего монарха»⁵¹. Представители других сословий, особенно во Фландрии, по мнению дипломата, изначально не были настроены к австрийской монархии враждебно, но решились на восстание исключительно под влиянием духовенства:

«Растрогать и распалить фламандцев стоило духовенству великого труда, но сей чин столь почтенный наруша первый присягу свою, и управляя совестью народа, чего не в состоянии произвесть?»⁵²

Одной из главных причин успеха революции М.С. Новиков также называет разногласия между полномочным министром австрийского двора в Австрийских Нидерландах графом Трауттмансдорфом и гене-

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 337. Л. 22 об.

⁵¹ Там же. Л. 28.

⁵² Там же. Л. 28 об.

ралом Альтоном, главнокомандующим армией в бельгийских провинциях. Не сомневается российский дипломат в том, что их конфликт между собой стал результатом интриг бельгийской оппозиции: «Многие из хитрых заговорщиков старались поссорить графа Траутмансдорфа с генералом Альтоном, в чем и преуспели совершенно»⁵³.

В своеобразной манере Новиков рисует настроения в бельгийском обществе. Возникновение демократического движения он считает реакцией на политику захвативших власть аристократов:

«От сего беспорядка должно было ожидать другой партии. И так появилась под названием вонкистовой: чем более правила ее казались народу сходнейшими, тем более первая партия под именем аристократов старалась гнать вонкистов, начав с дюка д'Юрселя⁵⁴, генерала ван-дер-Мерса, и других народом любимых, которых ван дер Нот боялся»⁵⁵.

В действительности же движение демократов или вонкистов, безусловно, возникло задолго до революции, успех которой, собственно говоря, стал возможным исключительно благодаря революционной армии, организованной демократами во главе с Вонком и Ван дер Мершем. Любопытно, что и Фациус считал образование демократической партии всенародным ответом на репрессии правительства Ван дер Ноота. Последнего М.С. Новиков обвиняет в коррупции и воровстве средств, предназначавшихся для армии. В конечном счете все население бельгийских провинций оказалось настроенным против аристократического правительства Ван дер Ноота:

«Всякого звания люди очнулись и узнали свой обман: например, дворянство, вместо того, что думало играть ролью, презираемо настоящими шефами; купечество негодует от остановки торга, а крестьянство от разных принужденных служб, то есть ставить лошадей и телег для армии; словом сказать, неудовольствие оказывается во всех провинциях: из чего можно заключить, что шефы бунтовщиков не в состоянии долго бороться против австрийского дома»⁵⁶.

⁵³ Там же. Л. 29.

⁵⁴ Вольфганг Гийом де Урсель или Вольфганг Виллем ван Урсел (1750–1804). Один из ближайших приверженцев Вонка и офицер революционной армии. После разгрома демократического движения в марте 1790 г. был арестован, а затем бежал во Францию (*Van Houtte J. A. Algemene geschiedenis der Nederlanden: De revolutie tegemoet, 1748–1795. Utrecht, 1955. P. 174.*)

⁵⁵ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 337. Л. 30.

⁵⁶ Там же. Л. 31.

Таким образом, по мнению дипломата, австрийской армии не составило бы особого труда вернуть бельгийские провинции под контроль венского двора, тем более что иностранные державы – Англия, Пруссия и Республика Соединенных провинций – более не собирались поддерживать восстание:

«Не ошибаясь, можно сказать, что брабантцы сами собою не в состоянии сделаться независимыми. Сверх того, что начальники их небыстрого ума люди и не в состоянии долго устоять, соседствующие Англия и Голландия никогда их до того не допустят, а может быть оставят на некоторое время, на вредный их произвол истощать и изнурять провинции»⁵⁷.

Действительно, 27 июля 1790 г. тремя союзными державами и Австрией была подписана Рейхенбахская конвенция, которая предполагала отказ Вены от продолжения войны с Турцией в обмен на обещание союзных дворов способствовать восстановлению австрийской власти в бельгийских провинциях. Осенью 1790 г. в Гааге открылась конференция великих держав, на которой предполагалось выработать условия возвращения Бельгии под власть Австрии. Во время работы конференции австрийские войска неуклонно продвигались в сторону Брюсселя, куда подошли к концу ноября 1790 г. Со вступлением австрийской армии в бельгийскую столицу 2 декабря 1790 г., республика Бельгийских соединенных штатов прекратила свое существование.

После восстановления австрийской власти в Бельгийских провинциях российская Коллегия иностранных дел поспешила отметить заслуги российских дипломатов, следивших за положением в Бельгии. Колычев был награжден медалью по случаю мира со Швецией⁵⁸. Новиков «за секретную комиссию во время происходящих в Австрийских Нидерландах замешательств заслужил апробацию»⁵⁹. Успешным выполнением миссии в революционной республике Новиков зарекомендовал себя как опытный дипломат, способный работать в сложных условиях. Хотя все детали «тайной комиссии» были тщательным образом продуманы – получен паспорт на другое имя, подготовлена легенда о путешествии, установлены контакты с местными роялистами, – командировка Новикова оставалась крайне рискованным предприятием на фоне царившей в бельгийском обществе атмосферы всеобщего подозрения.

⁵⁷ Там же. Л. 32.

⁵⁸ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 338. Л. 22.

⁵⁹ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464. Формулярные списки. Д. 2428. Л. 3.

Тем не менее Новиков оказался способен в зависимости от происходящего адаптировать методы своей работы к меняющимся условиям, не дожидаясь инструкций Колычева.

В дальнейшем Новиков не раз привлекался Коллегией иностранных дел для несения службы в российских представительствах, находившихся в охваченных революцией странах. Два года спустя, в 1792 г., он был переведен в Париж с тем, чтобы в качестве временного поверенного сменить И.М. Симолина на посту представителя российского двора⁶⁰. Подобную же миссию временного поверенного в делах России выполнял Новиков в 1795 г. в занятой французскими войсками Республике Соединенных провинций, после того как российский полномочный министр Колычев более не мог оставаться на своем посту⁶¹.

Список литературы

- Bély L.* Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV. P., 1990.
- Corneliu B.* L'évolution de la technique diplomatique au dix-huitième siècle. P., 1937.
- Correspondances intimes de l'Empereur Joseph II avec son ami le comte de Cobenzl et son premier ministre le prince de Kaunitz / Éd. par S. Brunner. Mayence, 1871.
- Études sur le XVIIIe siècle / Éd. par R.Mortier, H. Hasquin. Vol. 24. Jean-François Vonck (1743–1792). Bruxelles, 1996.
- Gachard L. P.* Documents politiques et diplomatiques sur la révolution belge de 1790. Bruxelles, 1834.
- Marquis H.* L'espionnage britannique en France pendant la Révolution française (1789–1802). Lille, 1990.
- Hut M.* Spies in France, 1793–1808 // History today. 1962.
- Neyen A.* Biographie luxembourgeoise. Luxembourg, 1860. Vol. 1.
- Pirenne H.* Histoire de la Belgique. Bruxelles, 1926. T. 5.
- Polasky J.* Revolution in Brussels, 1787–1793. Brussels, 1987.
- Tassier S.* Les démocrates belges de 1789. Hayez, 1989.
- Van Dalen A.* Henri Van der Noot. Le «héros» de la Révolution brabançonne de 1789 à travers sa correspondance (1788–1822). Bruxelles, 2011.

⁶⁰ *Черкасов П. П.* «Начертание настоящему Франции положению». Записка поверенного в делах России во Франции М.С. Новикова вице-канцлеру графу И.А. Остерману. От 13(2) июня 1792 года. Из фондов Архива внешней политики Российской империи // Россия и Франция XVIII–XX веков. Вып. 4. М, 2001. С. 107–117.

⁶¹ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464. Формулярные списки. Д. 2428. Л. 3.

Van Houtte J. A. Algemene geschiedenis der Nederlanden: De revolutie tegemoet, 1748–1795. Utrecht, 1955.

Намазова А.С. Брабантская революция 1787–1790 гг. в Австрийских Нидерландах // НиНИ. М., 2001. № 6. [Namazova A.S. Brabantskaja revoljucija 1787–1790 gg. v Avstrijskih Niderlandah // Novaja i Novejshaja istorija. М., 2001. № 6].

Черкасов П.П. «Начертание настоящему Франции положению». Записка поверенного в делах России во Франции М.С. Новикова вице-канцлеру графу И.А. Остерману. От 13(2) июня 1792 года. Из фондов Архива внешней политики Российской империи // Россия и Франция XVIII–XX веков. Вып. 4. М., 2001. [Cherkasov P.P. «Nachertanie nastojashhemu Francii polozheniju». Zapiska poverennogo v delah Rossii vo Francii M.S. Novikova vice-kancleru grafu I.A. Ostermanu. Ot 13(2) ijunja 1792 goda. Iz fondov Arhiva vneshnej politiki Rossijskoj imperii // Rossija i Francija XVIII–XX vekov. Vyp. 4. М., 2001].

*С.Ф. Блуменау**

**ПРОБЛЕМА СЕНЬОРИАЛЬНЫХ ПРАВ В НАЧАЛЕ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ:
ЗАКОН 3 МАЯ 1790 ГОДА**

Статья посвящена закону от 3 мая 1790 г., определившему размеры крестьянских платежей за выкупаемые сеньориальные права, его практической реализации и отношения к этому деревенской массы. Существенные расхождения между пожеланиями крестьян и аграрным законодательством Учредительного собрания внесли свою лепту в расшатывание либеральных политических порядков, установленных Конституцией 1791 г.

Ключевые слова: история Нового времени, Франция, Французская революция XVIII в., Учредительное собрание, сеньориальные права.

В предреволюционной французской деревне господствовал сеньориальный строй. Подавляющее большинство крестьян должно было вносить платежи стоящим над ними сеньорам. Но в XVII в. сельскую массу куда больше заботил мощный фискальный натиск со стороны государства. Он порождал яростное сопротивление, частые и порой длительные восстания. Сеньориальные порядки не вызывали такого протеста: они были привычными, укоренившимися, освящались традицией. К сеньору-дворянину относились с почтением, как к человеку, обладавшему высоким социальным статусом. В Средние века он нередко выступал защитником крестьян, которые, особенно в годину бедствий, нуждались в помощи и покровительстве.

Ситуация принципиально изменилась в XVIII в. Дворяне-сеньоры покидали сельскую местность, селились в близлежащих городах или в Париже, и патриархальные связи, соединявшие их с деревенским людом, разрывались. Между тем владельческие права крестьян на их земельные участки расширились, по налоговым документам они прохо-

* Семен Федорович Блуменау, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

дили как собственники, чувствовали себя хозяевами. В этом контексте необходимость отдавать в счет повинностей средства, которые можно было бы инвестировать в собственное хозяйство, раздражали селян. Раздражение обратилось в ненависть, когда на них обрушилась «сеньориальная реакция» – требование платежей по давно забытым правам, захваты общинных земель, пренебрежение к коллективным сервитутам.

Соединение этих факторов делало сельское сообщество восприимчивым к критике существовавших порядков, развернувшейся во Франции во второй половине XVIII в. Эта критика в упрощенной, адаптированной форме доходила до активной части деревенских жителей, вступавших в контакты с горожанами и продавцами лубочной литературы. Росту социально-политического сознания крестьян способствовали многочисленные судебные процессы с сеньорами, которые они вели. Адвокаты сельских общин порой публиковали отчеты о заседаниях суда, в которых, отталкиваясь от частных конкретных случаев, поднимались до выводов, выставивших в неприглядном свете сеньориальный строй. При посредстве своих доброжелателей и глашатаев из интеллигентской среды крестьяне все отчетливее понимали несправедливость сословного общества и сеньориальной системы.

Устремления крестьян еще до революции корреспондировали с либеральными воззрениями, утвердившимися в юридической науке. И сельские массы, и просвещенное правосознание выводили мэнморт (ограничение владельческих прав, особенно в наследовании имущества), исключительные права сеньоров, баналитеты – монополию на мельницы, хлебные печи, виноградные прессы, кузницы, бойни и сеньориальную юстицию из прежних узурпаций и насилия. Эти «права» подчеркивали сословное неравенство крестьян, носили несправедливый, порой унижительный и оскорбительный характер.

Другое дело – такие платежи, как ценз и шампар. Считалось, что они имели истоком первоначальную уступку сеньором земли держателю и потому складывавшиеся в данной связи отношения приравнивались к частнособственническим. Это умеряло претензии крестьян к ним, что находило отражение в сельских приходских наказах. Ценз и шампар упоминали не так часто, а главное, здесь соглашались на их выкуп, не настаивая на безвозмездной отмене.

Наибольшему оспариванию со стороны крестьян подверглись именно те повинности, которые не принимались общественным мнением и выглядели в его глазах настоящим произволом. Об этом свидетельствуют данные по провинции Шампань, приводимые крупным француз-

ским историком Р. Шартье, и анализ 428 приходских наказов по всей стране, осуществленный американцем Дж. Тейлором. В Шампани сильнейшая «атака» направлялась против сеньориальной юстиции, осужденной в половине сельских наказов. В почти четвертой части отвергалось исключительное право охоты, а в 22% ставились под сомнение баналитеты¹. Тейлор дал иную «иерархию» протестов. По его подсчетам, 46% наказов обрушилось на исключительные права охоты и содержание голубятен, 21% – на баналитеты и 11% – на сеньориальную юстицию². Уязвимость этих прав в тогдашней юридической мысли и в умонастроениях общества придавали крестьянам смелости в борьбе с ними.

Растущее нетерпение крестьян до поры до времени не тревожило избранный депутатский корпус. Первоочередными его задачами были выработка Конституции и разрешение острейшей проблемы государственного долга. А поначалу все время уходило на вопросы, связанные с порядком работы Ассамблеи.

Крестьяне же все больше проникались «великой надеждой» на серьезные перемены. Восстание в Париже, увенчавшееся взятием Бастилии, и «муниципальная революция» в провинции подтолкнули деревенскую массу к выступлениям. «Первая жакерия» охватила в последнюю декаду июля и в начале августа 1789 г. восточные области Франции. С ней сомкнулись акции в ряде регионов страны, непосредственно вызванные паниками «великого страха». Селяне мобилизовались перед лицом предполагаемого нападения разбойников, за которых порой принимали стадо коров или нищих, подбиравших колоски. В их головах гнездились мысли о заговоре, а бродяги представлялись людьми, нанятыми аристократами срезать на корню хлеб, чтобы уморить народ голодом³.

Размах движения впечатлял. Отряды по 100–400 крестьян, но порой достигавшие и нескольких тысяч, устраивали «рейды» по замкам и монастырям. Главной их целью было уничтожение терье – бумаг сеньории, в которых перечислялись повинности и платежи цензитариев. Бунтари уничтожали документы или вырывали из описей и уносили с собой необходимые листы. Они разрушали, а то и сжигали замки – олицетворение дворянского могущества. При этом традиционная крестьянская осторожность не покидала их; восставшие пытались легити-

¹ Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001. С. 162.

² Taylor G. Les cahiers de 1789: Aspects révolutionnaires et non-révolutionnaires // Annales. Économies. Sociétés. Civilisations. 1973. № 6. P. 1513.

³ Lefebvre G. La Grande Peur. P., 1932. P. 74–77, 171.

мизировать свои «походы». Одни искренне верили, что король и Собрание поддерживают такие действия, и стремились убедить в этом окружающих; другие развешивали фальшивые объявления от имени Людовика XVI, якобы позволявшие им требовать сеньориальные документы, а в случае непослушания сжигать замки⁴. Часть держателей предпочитала «тихий» саботаж: неуплату повинностей и десятин. Широко распространились контрабанда и охота.

События заставили Собрание действовать незамедлительно. Некоторые депутаты склонялись к идее репрессий. Но конституционалистское большинство избрало иной путь – курс на реформирование отношений, связанных с сеньорией. На этом особенно настаивало либеральное дворянство, лучше знавшее и понимавшее обстановку во французской деревне. Оно, конечно, опасалось за сохранность своего имущества. Вместе с тем предложенные реформы соответствовали сложившемуся перед революцией правосознанию и собственным воззрениям парламентариев. Одновременно они понимали, что отказ от реформ чреват разрывом миллионов людей с разворачивающимся революционным движением.

Это и предопределило решение о будущем сеньориальных порядков 4 августа – в знаменитую «ночь чудес». Ведущими ораторами по этой теме стали виконт де Ноай и герцог д'Эгийон. Первый высказался за отмену сеньориальной барщины, права мертвой руки и других повинностей, проистекающих из личной власти сеньора (иначе говоря – личных), без возмещения. Второй рассматривал «феодалные и сеньориальные права как своего рода тягостную дань, вредящую земледелию и опустошающую поля», но тут же замечал, «что права эти представляют из себя настоящую собственность и, будучи таковой, являются ненарушенными». Выход из такого противоречия – «считать эти повинности подлежащими выкупу в случае соответствующего желания со стороны обязанных их исполнением»⁵.

После двух знатных дворян законодатели стали выдвигать одно за другим положения по широкому спектру вопросов. Они были призваны покончить со сложившимся в государстве и в обществе неравенством, отвергнуть сеньориальную систему и сословный строй.

После ночи воодушевления потребовалась еще целая неделя для превращения отдельных «сырых» предложений в цельный закон. Но

⁴ Ibid. P. 112.

⁵ Документы истории Великой французской революции. М., 1992. Т. 2. С. 9–12.

уже на следующий день, 5 августа граф Монморанси зачитал проект декрета, в котором наряду с идеей гражданского равенства и другими темами поднимались вопросы, касавшиеся судебных сеньориального строя. Согласно проекту безвозмездно упразднялись мэнморт, барщины, другие формы личной зависимости. Без всяких условий отменялись исключительные права сеньоров – охоты, рыбной ловли, содержание голубятен и кроличьих садков. Отдельный пункт посвящался уничтожению сеньориальной юстиции. Ценз, шампар и схожие права, проходившие под другими названиями, подлежали выкупу, как и те платежи, что взимались при переходе держаний из рук в руки (казуальные). Предлагалось выкупать и баналитеты. Седьмая статья подготовленного документа объявляла также выкупаемыми десятины всякого рода⁶.

Обсуждение проекта проходило совсем не гладко. Острая полемика развернулась вокруг церковной десятины. Упразднение остатков личной зависимости стало для крестьян важным шагом к желанному равноправию, но оно не улучшало существенно их материальное положение. Между тем церковная десятина отбирала у селян не менее 7–8% их совокупного дохода. Она была и крайне уязвимой в свете правовых представлений общества. Церковная десятина не могла проистекать из первоначальной уступки земли, а выглядела обыкновенным налогом на нужды культа, уплачиваемым напрямую духовенству. Но ведь налог мог быть заменен другим, менее обременительным и шедшим непосредственно в казну. Именно с таких позиций выступали сторонники безвозмездной отмены церковной десятины. При этом депутат Шассе отделял от нее десятину инфеодизированную, которую получал светский сеньор. По закону от 11 августа инфеодизированные десятины подлежали выкупу, а церковные – упразднялись без возмещения.

Решения 4–11 августа по разному трактовались крестьянами и властями. Бывшие цензитарии отталкивались от первой строки знаменитого августовского декрета, объявлявшей, что «Национальное собрание уничтожает феодальный порядок», и не желали вникать в его дальнейшее содержание. Многие из них отказывались платить по каким-либо сеньориальным правам. Либеральное большинство депутатского корпуса разделяло повинности на личные – безвозмездно упраздняемые и так называемые реальные, подлежащие выкупу. Оно готово было к compro-

⁶ Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1787–1799) (Далее – AP). P., 1862–1913. Т. 1–82; Т. 8. P. 352.

миссу с сеньорами, но на реформаторской основе, предлагавшей отмену того, что связано с сословной приниженностью крестьян, и с сохранением основных поземельных прав, которые лишались своей прежней феодальной формы, ассимилировались с частной собственностью и проистекавшими из нее отношениями.

Таким был принципиальный подход Конституанты. Трудности возникали при разработке конкретных мер. Следовало разобраться во множестве по-разному называемых повинностей, окончательно определиться с номенклатурой личных и реальных прав, принять во внимание региональную и местную вариативность кутюмов (норм обычного права). Необходимо было продумать процедуру выкупа и назначить его цену.

Власть все больше осознавала значимость поднятых вопросов. Для подготовки соответствующих законов и был создан Феодальный комитет Учредительного собрания. Его наиболее заметными фигурами стали видный февдист Мерлен из Дуэ и пожилой (1726 г. рождения), но неутомимый (работал в шести комитетах) парижский юрист Тронше.

Дополнительное ускорение начавшимся реформам придала «вторая жакерия», развернувшаяся на юго-западе и западе страны зимой 1789–1790 гг. Целью восставших крестьян было утвердиться в качестве равноправного субъекта французского общества и сбросить с себя бремя сеньориальных платежей. Они сбивали с башен дворянских замков флюгеры, свидетельствовавшие о недавнем могуществе сеньоров, уничтожали церковные скамьи, на которых те вольготно располагались, высаживали «майские деревья» – символы освобождения. Бунтовщики заставляли сеньоров отречься от своих прав и даже брали расписки за якобы внесенные платежи⁷.

Законодатели пошли на ряд уступок крестьянству. Безвозмездно ликвидировалось право господ получать от держателей плату за торговые сделки со скотом и хлебом. Прежние цензитарии не должны были платить бывшим сеньорам за пользование дорогами, каналами, право держать собаку и некоторые другие действия. Наиболее значимой для крестьян в материальном плане стала отмена сеньориальных баналитетов на печи, мельницы, виноградные прессы, бойни, кузницы. Монополия сеньоров на мельницы отнимала у селян обычно 1/16 урожая, а на виноградный пресс в два раза больше. При этом держатели-виноградари не только отдавали 1/8 собранного, но и должны были в угоду

⁷ *Адо А.В.* Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. С.132–133.

господам торговать вином в невыгодное для себя время, когда товара много и цена на него снижается.

Важной задачей Собрания стала подготовка широкого закона, который, с одной стороны, покончил бы с пережитками сеньориального строя и соответствующей терминологией, а с другой – защитил основные имущественные интересы сеньоров. В этой связи Тронше объявил о подходах Феодального комитета к проблеме. По его словам, «комитет стремился никогда не упускать из виду два принципа: первый – что надо вооружиться наибольшей строгостью против прав, противоположных естественной свободе; второй – что следует до щепетильности довести уважение к собственности»⁸.

Проект декрета был обнародован 8 февраля, обсуждался Ассамблеей и без серьезных изменений был принят 15 марта 1790 г. По новому закону уходила в прошлое вассально-ленная система и сюзерен терял в отношении бывшего вассала, собственника фьефа все права, происходящие из своего высокого положения и власти. Да и сами эти, идущие от Средневековья определения – сюзерен, вассал, фьеф – должны были исчезнуть. Точно также следовало говорить только о бывших сеньорах и цензитариях и о прекратившей существование цензиве. Что же касалось собственно имущественных обязательств прежних вассалов в отношении сюзеренов и держателей в отношении сеньоров, то они приравнивались к обыкновенной поземельной ренте. При этом плательщику разрешалось ее выкупить.

Между тем закон 15 марта создавал бывшим сеньорам благоприятные условия для отстаивания их интересов. Пострадавшим от пожаров и грабежей в ходе крестьянских выступлений, когда сгорели или пропали сеньориальные описи, достаточно было свидетельских показаний либо документов, удостоверявших тридцатилетнее пользование правами, чтобы доказать правомерность своих материальных претензий. Разрешалось оспорить и свой отказ от повинностей под давлением или насилием. Для этого не требовалось даже судебного решения, достаточной считалась жалоба, поданная в течение трех лет⁹.

Декрет 15 марта носил общий характер. Для того чтобы перевести затрагиваемые им вопросы в практическую плоскость, следовало оговорить процедуру выкупных операций и цену выкупа. В этом были жизненно заинтересованы и власти: во-первых, соответствующий де-

⁸ AP. T. 11. P. 726.

⁹ Документы... Т. 2. С.15.

крет должен был успокоить миллионы французов и стабилизировать положение в стране; во-вторых, само государство сделалось получателем платежей, поскольку к нему переходили владения и сеньориальные права церкви и короны.

28 марта Тронше от имени Феодального комитета представил доклад¹⁰, на основании которого и будет принят закон от 3 мая 1790 г. Документ состоял из трех частей. В первой обосновывалась правомерность предложений Комитета и критически разбирались сообщения оппонентов, во второй план реформы приводился в виде резюме, а в третьей конкретно формулировались 54 статьи будущего декрета.

Тронше отрицательно отнесся к проектам, направленным в Комитет и тяготевшим либо к серьезным послаблениям держателям в деле выкупа повинностей, либо и вовсе к их полной отмене. Автор одного из таких посланий предлагал Нации (то есть государству) отказаться от предназначенных ей цензуальных и феодальных платежей. Предполагалось, что это подтолкнет остальных владельцев прав освободить от них своих вассалов и цензитариев. Имелись и другие варианты: речь шла, например, о безвозмездном упразднении повинностей, связанным с королевским доменом, с приобретениями аффеажистов (лиц, освоивших заброшенные земли и получивших над ними контроль), с владениями, подпадавшими под право «мёртвой руки». Что до остальных сеньоров, то они могли рассчитывать лишь на частичную компенсацию, поскольку, по мысли авторов проектов, уже выиграли благодаря отмене церковной десятины¹¹.

Со своей стороны, Тронше непреклонно и последовательно отстаивал тезис тогдашней юридической науки, что реальные повинности вытекают из права частной собственности, а значит, при выкупной операции должны быть оплачены в полной мере. Он ссылаясь на 17-ю статью «Декларации прав человека и гражданина», предусматривавшую, что лишение гражданина его собственности по общественной необходимости требует справедливого возмещения. По его мнению, выкуп сеньориальных прав – это именно тот случай. Собственника прав принуждали к выкупной операции, хотя он, возможно, желал оставить все без изменений и дальше получать ежегодные платежи¹².

¹⁰ AP. T. 12. P. 387–401.

¹¹ Ibid. P. 388.

¹² Ibid. P. 391.

Добиваясь справедливого возмещения, Тронше исходил из рыночных реалий. Он полагал, что рассматривать сумму выкупа основных, фиксированных повинностей (шампара и других), отталкиваясь, как это нередко делали, от двадцатого денье (то есть умножая ежегодные взносы на 20), несправедливо. Это неверно при уплате выкупа зерном или другим продовольствием. Ведь цены на продукцию растут, повышая состояние держателя цензивы. Поэтому выкуп должен быть бóльшим, приближаться к текущей цене фондов¹³.

Докладчик Комитета проявил себя не только знатоком правовой теории, но и проницательным практиком, способным предугадать пути нарушения разрабатываемого закона и помешать этому. Речь шла о предотвращении мошенничества, связанного с выкупом случайных прав. Договор о продаже цензивы мог быть обнародован через пару лет после реальной сделки, что давало возможность продавцу не платить бывшему сеньору по казуальным правам (то есть за операцию продажи участка), поскольку к этому времени выкуп данных повинностей уже состоялся. Но даже и без мошенничества продавцы после выхода закона оказались бы предупреждены и подождали бы со сделкой до внесения выкупа, чтобы лишний раз не платить прежнему вышестоящему собственнику. Поэтому Тронше настоял на дополнительном пункте о продлении на два года после введения закона в жизнь времени действия казуальных платежей, несмотря на то, что выкуп уже был совершен¹⁴.

При разработке нового декрета парижский юрист стремился предугадать возможные правонарушения. Но двигали ли им только высокие профессиональные качества? Похоже, что в спорах по сложной и острой аграрной проблеме он был далек от позиции арбитра, явно поддерживая одну из сторон. Показательно, что, призывая депутатов поторопиться, Тронше сетовал на промедление, мешающее желающим приобрести бывшие церковные и домениальные земли за счет выкупных платежей¹⁵. Именно с этими людьми – бывшими сюзеренами и сеньорами, а не с крестьянами, пусть даже крепкими и богатыми, он связывал грядущие перемены в деревне. Эту особенность в настроениях политика охарактеризовал Н.И. Кареев: «Тронше, слишком гнувшийся в сторону владельцев феодальных прав»¹⁶.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 396, 401.

¹⁵ Ibid. P. 393.

¹⁶ Кареев Н.И. Великая французская революция. М., 2003. С. 233.

Социальные пристрастия Комитета смыкались с политическими расчетами. Отталкиваясь от мысли о передаче на места, в департаменты вопроса о ставках выплат по случайным правам, докладчик привел ряд возражений. Тронше указывал на подчинение тех или иных частей департаментов разным кутюмам; он ссылаясь на загруженность будущих департаментских ассамблей, на вероятность протестов по поводу их решений. Аргументы депутата не выдерживали критики: само собрание задыхалось от множества государственных проблем, оно тоже не было застраховано от нападков, а различий, с точки зрения обычного права, по стране оказывалось, конечно, больше, чем в рамках отдельного департамента. В этих условиях передача вышеуказанной функции департаментским органам высвободила бы Ассамблее время для занятия главным – созданием Конституции. Одновременно такая акция приблизила бы людей, принимающих решения, к эпицентру событий – французской деревне.

В этих рассуждениях Тронше постепенно раскрывался политический подтекст. По его мнению, передать отдельные функции на места – значит «вбросить в первичные избирательные собрания, в формирование административных ассамблей и в управление ими зерно слишком опасного раздора»¹⁷. Здесь проявилось недоверие либеральной Конституанты, избранной ещё по сословиям, к новым органам власти, формирующимся на бессловной основе и представляющим более демократические и радикальные слои. Тронше и его коллеги опасались, что департаментские ассамблеи пойдут по пути некоторых муниципалитетов и займут, по меньшей мере, неоднозначную позицию в вопросе выкупа сеньориальных прав.

Будущий закон предписывал правила выкупа и его стоимость. Важное значение имела его третья статья: «Ни один собственник фьефов или отягощенных цензом недвижимых имуществ не может выкупить лежащих на фьефе или участке оброков и годовых платежей без того, чтобы не выкупить одновременно и временных и случайных прав»¹⁸. Понятно, что одновременный выкуп ежегодных повинностей и казуальных прав выгоден сюзерену и сеньору, которые получали всю сумму разом и избегали постепенной и длительной выкупной операции. Для собственников же фьефов и цензуальных земель такая двойная нагрузка, несомненно, тяжела, а для последних нередко и неподъемна.

¹⁷ AP. T.12. P. 393.

¹⁸ Документы... Т. 2. С. 16.

Особенно нелегко приходилось тем собственникам, которые являлись совладельцами недвижимости и соответственно обременялись солидарными платежами. Выкупать только свою долю они по закону не имели права. Возможны были два варианта: либо все выкупали повинности одновременно, либо один платил за всех, становясь тогда кредитором по отношению к ним. В последнем случае указанный земледелец мог выкупить временные права уже отдельно, не платя за совладельцев.

Строгие правила выкупа предписывались для тех, кто не желал договориться полюбовно. Но в законе имелась шестая статья, предусматривавшая возможность добровольного соглашения. «Собственники фьефов и цензуальных земель имеют право в случае желания вступать в соглашения с собственниками сеньорий, от которых они зависят, касательно как выкупа ежегодных платежей, так и временных прав, за суммы и на условиях, какие они найдут для себя подходящими»¹⁹. В этом были заинтересованы не только те, кто выкупал права, но и те, кто получал выкуп. Вчерашние сеньоры не чувствовали себя уютно. Массовая неуплата повинностей подталкивала часть из них к договорам с собственниками фьефов и цензитариями, понятно, на облегченных для тех условиях.

Относительно выкупа ежегодных фиксированных повинностей Комитет установил следующие нормы:

а) годовые платежи зерном, птицей, маслом, сыром, другими продуктами и в форме части от урожая должны умножаться на 25;

б) денежные повинности выкупались на основе своей 20-кратной стоимости;

в) реальные барщины компенсировались так же.

Конечно, суммы выкупа для разных регионов Франции получались совсем не одинаковые. На севере и в Парижском районе сохранившиеся фиксированные повинности были куда менее обременительными, чем во многих других местах. В Нормандии, в областях Брэ и Ко они составляли соответственно 3% чистого продукта²⁰ и менее 2% урожая (брутто)²¹. Но ситуация была существенно иной в ряде районов юго-запада, в Бретани, в Центральном массиве, а также во Франш-Конте и Бургундии. Платежи могли достигать 15, а то и 20% от собранного урожая. Здесь выкуп только регулярных повинностей, составлявший

¹⁹ Там же. С. 16–17.

²⁰ *Goujard Ph.* L'abolition de la féodalité dans le district de Neufchâtel (Seine-Inférieure) // *Contributions à l'histoire paysanne de la révolution française.* P., 1977. P. 357.

²¹ *Lemarchand G.* La Fin du féodalisme dans le pays de Caux. P., 1989. P. 52.

20–25-кратную стоимость годовых платежей, становился очень тяжелым даже для середняков, тем более, что о никаком кредитовании крестьян речь не шла.

Среди случайных прав главное место занимали платежи, связанные с продажей участка земли. С этой сделки продавец-держатель передавал сеньору в одних районах страны большую плату, достигавшую даже $1/2$ стоимости земли, а в других, – опускавшуюся, порой, до $1/13$ её цены. Феодальный комитет распределил все случаи на семь классов: от половины цены участка до $1/12$. Более низкая доля не устанавливалась, поскольку не имела значения для частоты продаж. Чем выше оказывались казуальные платежи, тем реже продавалась земля. С каждым классом соотносился средний срок продаж, кратный пяти годам. Для первого класса период составлял 80 лет, для второго – 75, для последнего седьмого – 50 лет. После этого определялась весомость условного годового казуального платежа, для чего цена случайных прав делилась на соответствующий по шкале срок от 80 до 50 лет. Затем, чтобы узнать суммы выкупных платежей по казуальным повинностям, следовало определить множитель (денье), который ориентировался бы на текущую цену цензив и фьефов. Тронше предлагал усредненный для всей Франции множитель в 25 раз²².

Выкуп случайных прав исчислялся так: сумма, вносимая в соответствии с кутюмами сеньору, делилась на срок продаж и умножалась на 25²³. Поскольку числитель и знаменатель дроби всегда были кратными 5 ($25/80$; $25/75$; $25/50$), то они подвергались сокращению. Для первого класса по шкале предлагаемого закона выкуп составлял, таким образом, $5/16$ от половины стоимости земли, то есть $5/32$ цены участка. Для второго – $1/3$ от трети стоимости земли, то есть $1/9$ цены участка и так далее по нисходящей. Большие платежи при высокой цене прав несколько умерялись редкостью продаж, но все равно оказывались существенно тяжелее тех, что проистекали из сравнительно низкой стоимости случайных повинностей. Для первого класса выкуп равнялся 15,625 % цены земли, тогда как для последнего, седьмого – $1/24$, то есть где-то 4,17 %.

Таким образом, там, где при Старом порядке казуальные платежи не были высокими, там и выкуп случайных прав обходился дешевле. В той же Нормандии, в области Ко он не мог быть большим, поскольку

²² AP. T. 12. P. 394

²³ Ibid.

ку при исчислении имели в виду, что временные права стоили продававшему землю крестьянину $1/13$ от цены участка²⁴. Другое дело – регионы к югу от Луары. Здесь казуальные платежи не опускались ниже $1/6$ цен земли, а часто обходились в четверть, а то и в половину её стоимости. Порой это делало земельные участки «недвижимыми»²⁵. Отсюда – весьма высокие выкупные цены по случайным правам.

Выкупать приходилось и другие временные права, также связанные с переходом земли из рук к руки, но уже не в результате её продажи. В этой связи казуальные платежи мало отличались друг от друга в разных провинциях и областях. За каждый такого рода переход земли обычно отдавали сумму, равную годовому доходу с неё. Но в одних районах взималась плата за любую перемену владельца участка и даже самого сеньора, а в других – в отдельных и специально оговоренных случаях. Выкупу подлежал больший или меньший спектр прав. С учетом возможных вариантов Тронше выделил пять классов, каждому из которых соответствовало свое исчисление.

В областях и местах, где взималась плата за любые перемещения земельной собственности, как со стороны вассала, так и со стороны сюзерена, выкуп взимался по максимуму: в размере ежегодного дохода с участка. Если по обычаю или установлению платежи следовали во всех случаях при перемещении земли вассала, включая наследование и дарение по прямой родственной линии, то выкупной платеж исчислялся в $5/7$ от ежегодного дохода. Там, где исключение из казуальных прав делалось для недееспособных и несовершеннолетних прямых родственников, взималось $5/8$ этого дохода. Если казуальные платежи вообще не распространялись на родных по прямой линии, то востребовался выкуп в $5/12$. А в случаях, когда временные права сеньора вступали в силу лишь при передаче земли родственникам по боковой линии, размер выкупа равнялся $5/18$ ²⁶.

Где оставшиеся сеньориальные повинности были тяжелыми, там и выкуп являлся дорогостоящим. Речь шла о территориях, на которых действовал принцип «нет земли без сеньора». В этих регионах, особенно на юго-западе Франции, последний чувствовал себя очень уверенно, располагал широкими возможностями. К его услугам были февдисты, помогавшие, разумеется, не безвозмездно обирать цензитариев.

²⁴ Lemarchand G. Op. cit. P. 28.

²⁵ Об этом см.: Блуменау С.Ф. Правовые отношения вокруг сеньории во Франции Старого порядка // Право: история, теория, практика. Вып. 3. Брянск, 1999. С.143.

²⁶ AP. T. 12. P. 395, 400.

С помощью разного рода ухищрений сеньоры заставляли крестьян отдавать в качестве повинностей намного больше положенного. Перед сельской массой встала бесперспективная альтернатива: тяжелейший выкуп прав или ежегодные большие платежи. И все это в разгар революции, сулившей, казалось бы, столько надежд.

Отсюда высокий градус недовольства и новые восстания крестьян – «третья жакерия» с октября 1790 по февраль 1791 г. В таких областях Юго-Запада, как Сентонж, Ангума, Перигор, Керси, Ажене восставшие селяне, часто возглавляемые местными муниципалитетами, действовали особенно упорно. В ряде районов департамента Ло (Керси) движение продолжалось с небольшими перерывами весь 1790 г. и позже – до осени 1791 г.

Сильное давление, притеснения, мошенничество прежних сеньоров, с одной стороны, усиливавшееся сопротивление крестьян, рост правосознания, оспаривание размеров повинностей и практики их взимания, с другой, – общая тенденция для юго-западных территорий. О ней зримо свидетельствовала записка Бушри из администрации дистрикта Барбезье (департамент Шаранта), посланная летом 1791 г. в Законодательный комитет Ассамблеи. Местный политик ссылался на разные бесчинства: «Сеньор увеличивает на треть, на четверть старинные меры для взимания повинностей, он уменьшает, сокращает величину журнала...» Таким образом, площадь земельных участков обманом увеличивалась и соответственно этому росли поборы. Вдобавок «сеньор, проверяя свои владения, включает в феодальную поземельную опись дороги, ручьи, которые не были включены в старые цензуальные договоры...» Отсюда – настояния крестьян показать им первоначальные акты. «Предъявите нам, говорят они своим так называемым сеньорам, ваши титулы, на которые вы ссылаетесь, верните мерам их прежние размеры, отдайте нам то, что мы уплатили сверх положенного, и мы готовы продолжать вносить повинности»²⁷.

Чтобы справиться с широкой волной крестьянского протеста, государство принимало меры тройкого свойства. Во-первых, предстояло срочно покончить с бунтами; во-вторых, предусматривалось некоторое облегчение выкупа для цензитариев, обязанных повинностями «Нации»; в-третьих, вотивались новые декреты, требовавшие уплаты сохранных прав.

²⁷ Документы... Т. 2. С. 181–182.

Что касается восстаний, то применялся разнообразный арсенал средств для их прекращения. В Керси королевские комиссары (одновременно депутаты Собрания) Робен и Годар в течение полутора месяцев вели нелегкие переговоры с мэрами и другими местными должностными лицами, что привело к умиротворению, впрочем, непродолжительному. В Ангумуа в июне 1791 г. директория департамента Шаранта, напротив, нацелилась на репрессии против восставших крестьян. Было решено назначить 4 комиссаров с поручением прекратить восстание, применяя в случае необходимости аресты. «И для того чтобы власти не подвергались опасности, собрание постановляет, что означенных комиссаров будут сопровождать шесть сотен вооруженных людей». При этом речь шла о широком задействовании регулярных войск: 250 человек, да ещё с 4 пушками²⁸.

Впрочем, наученная горьким опытом власть стремилась не доводить крестьян до мятежей, предупреждать их. Она шла на некоторые уступки по выкупным операциям. Но это касалось только тех случаев, когда в роли сюзерена, сеньора выступала «Нация». 14 ноября 1790 г. по предложению Тронше рассматривалась возможность раздельного выкупа случайных и регулярных прав²⁹. В тот же день соответствующий закон был принят. По нему разрешалось так же производить выкуп в рассрочку в течение 34 месяцев. Позднее 9 апреля 1791 г. новый декрет разрешал раздельный выкуп перед «Нацией» солидарных повинностей. Подобные меры ускоряли выплаты денег в казну и одновременно облегчали проблемы государства, не горевшего желанием долго вести хозяйственные дела с тысячами цензитариев. Но никаких «поблажек» тем, кто зависел от бывших сеньоров – частных лиц, не предполагалось. Законодатели опасались хоть как-то задеть «священную» индивидуальную частную собственность.

В антифеодальном законодательстве депутаты последовательно двигались в русле компромиссных решений, принятых 11 августа 1789 г., доработанных 15 марта и 3 мая 1790 г. Но поскольку крестьяне нередко яростно оспаривали эту линию, в том числе и с помощью правовых доводов, властям приходилось обнародовать дополнительные декреты, инструкции и разъяснения, защищавшие избранный курс.

Один из таких документов составлялся 27 октября 1790 г. Феодальным комитетом и стал ответом на запрос о том, как толковать положе-

²⁸ Там же. С. 179–181.

²⁹ AP. T. 20. P. 124.

ния закона от 15 марта 1790 г. Кто должен доказывать правомерность или нет сохранных прав: сеньор или держатель? Последовал недвусмысленный ответ: «Феодальный комитет высказывает мнение, что согласно букве и духу статьи 2 раздела III декрета от 15 марта 1790 г. бывший сеньор, пользующийся добрым давним правом получения ренты с какого-либо участка земли, не нуждается ни в каких актах или особых документах для доказательства законности означенной ренты». Желая подсластить горькую для обязанных нести повинности пиллюлю, комитет оговаривал, что держатель может доказывать любыми способами незаконность платежей и в связи с этим «принудить» сюзерена «предъявить акты, касающиеся феодальной или сеньориальной зависимости», ибо они «считаются общими для сеньора и вассала»³⁰.

Самыми значимыми из новых документов, подтверждавших курс Учредительного собрания в отношении бывших сеньориальных прав, являлись декрет и инструкция от 15 июня 1791 г. Здесь отчетливо декларировались особенности подхода Конституанты: «признав со всей решительностью, что никогда ни один человек не мог стать собственником другого человека и что, следовательно, права, присвоенные одним человеком над личностью другого, никогда не могли стать собственностью первого, одновременно Национальное собрание самым определенным образом сохранило все полезные повинности и обязательства, возникшие в результате земельных уступок, и только разрешило осуществить их выкуп». Касаясь юридических вопросов, возникающих вокруг повинностей и выкупа прав, Ассамблея заявляла, что «для того, кто ими (этими правами – С.Б.) владеет, они считаются презумпированными как цена первоначальной земельной уступки... такая презумпция может быть опровергнута в результате доказательства противного, но такое доказательство противного должно быть представлено лицом, обязанным повинностями...» Таким образом, отвергались требования крестьян о предъявлении им «первоначальных» актов. Прежнему вассалу оставалось только платить, если он не желал выглядеть в глазах других, «как узурпатор не принадлежащей ему собственности, как недостойный гражданин».

В документе заметно сильное раздражение законодателей в отношении многих сельских муниципалитетов, не могущих обеспечить взимание повинностей и даже потакающих неплательщикам. На будущее предписывалось сообщать не только об отказывающихся платить, но «даже о членах муниципалитетов, которые в этом вопросе недобросо-

³⁰ Документы... Т. 2. С. 21–22.

вестно относятся к исполнению порученных им обязанностей...» Встал вопрос и о применении военной силы для подавления восстаний. Директории департаментов и дистриктов обязывались привлекать на помощь национальной гвардии регулярные войска³¹.

Жесткая позиция властей не встретила понимания у сельской массы. В феврале 1792 г. вспыхнула «пятая жакерия», опять затронувшая юго-западные районы Франции, в частности, уже упоминавшийся департамент Ло. Она охватила и области центра и Юга, в том числе известные своей бедностью Лимузен и Овернь.

Но быть может недовольство и протесты одних крестьян сочетались с удовлетворенностью других в связи с процессом выкупа сеньориальных прав? Изучение выкупных операций позволяет сделать некоторые выводы. Значимо исследование Ж.-Н.Люка по департаменту Нижняя Шаранта, включавшему прежде области Они и Сентонж, остров Ре и небольшую часть Ангумаа. Касаясь выкупа повинностей у частных лиц, автор выявил на территории департамента 349 таких случаев³². В том, что речь идет об относительно небольшом количестве, убеждает другая цифра, касающаяся той же Нижней, или иначе Приморской Шаранты. Одновременно в архивах найдены 3185 квитанций о выкупе простых поземельных (а не связанных с сеньориальными отношениями) рент³³. Разница впечатляет. Ясно, что население, и прежде всего сельское, не рвалось выкупать права сеньоров, считая их несправедливыми и надеясь на недолговечность. Показательно и другое. Выкуп непосредственно у сеньоров осуществлялся чуть ли не на 2/3 (64%) горожанами, деревенские жители задействовались в 36% таких сделок. Но и среди последних преобладали торговцы, судейские, буржуа и другие лица, а не крестьяне. Тех было всего 29³⁴. Так что выкупные операции с сеньорами совсем не были характерны для крестьянской массы Приморской Шаранты.

Несколько иначе обстояло дело с выкупными действиями в отношении Нации. Они существенно облегчались возможностью раздельного выкупа фиксированных и случайных прав. Крестьяне обычно выкупали первые из них, ибо не собирались быстро продавать свои участки, избегая казуальных платежей. Контакты с государством, стремившимся срочно обеспечить приток средств в казну, были куда проще, чем

³¹ Там же. С. 26–29.

³² *Luc J.-N.* Le rachat des droits féodaux dans le département de la Charente – Inférieure (1789-1793) // *Contributions à l'histoire paysanne de la Révolution française...* P.316.

³³ *Ibid.* P. 330.

³⁴ *Ibid.* P. 324, 333.

с сеньорами, к которым крестьяне имели к тому же массу претензий, в том числе материальных.

Отсюда – заметно большее количество выкупов в отношении Нации. По отдельным дистриктам количество выкупных операций по прежним повинностям сильно разнилось. В Ларошели платежи были внесены 127 вассалами, в дистрикте Сен-Жан о желании откупиться объявили 583 человека, но не все эти дела были доведены до уплаты. Самым высоким показателем отмечен Сен-Мартэн-де-Пе – 1107 (но эта цифра включала выкупы не только сеньориальных, но и обыкновенных поземельных рент). Но и выкупные действия по сеньориальным правам в отношении Нации не получили ни повсеместного распространения, ни впечатляющего размаха. В доходы департамента от различных сделок с национальными имуществами (их продаж, сдачи в аренду, сбора бестелесных прав) они внесли скромную лепту, составив в 1791 г. 5,1%, а в 1792 г. – 10%. Показательно, что даже на острове Пе, известном наивысшей частотой выкупных операций, сумма выкупленного по правам на долю урожая составила 15% от всех существовавших на землях дистрикта подобных прав, а сумма уплаченного в соответствии с такой повинностью, как ценз – 25%³⁵.

Если в Приморской Шаранте выкупная кампания была все же вполне зримой, то в ряде областей она оказалась малозаметной. В работе Ф. Гужара об уничтожении феодализма в дистрикте Нёфшатель (Нижняя Сена) отмечается редкость выкупа бывших сеньориальных повинностей. У частных лиц данные права выкупили 35 человек, причем совокупно заплатили за это всего 2155 ливров, а у государства – лишь четверо. Автор приводит цифры по другим дистриктам департамента, и они схожи с полученными по рассматриваемому им району. Выкуп непосредственно у бывших сеньоров в дистрикте Гурне произвел 21 человек, в Дьеппе – таких было 22, а еще в трех округах освободили свои земельные участки по 4 вассала в каждом. Выкуп в отношении Нации осуществили 4 человека в Кани, 10 – в Дьеппе, 24 – в Кодебеке и только в Монтвийе – 60³⁶. Любопытна хронология выкупных операций: как и в Нижней Шаранте, их пик приходился на первую половину 1792 г., когда реальная стоимость ассигната упала на 1/3.

Еще более удивительные цифры получены в департаменте Верхняя Вьенна. Это близко расположенный к Нижней Шаранте район преж-

³⁵ Ibid. P. 330–332.

³⁶ Goujard Ph. Op. cit. P. 367, 369.

ней провинции Лимузен. Здесь совсем не обнаружены выкупы сеньориальных прав у частных лиц, а у Нации таковых насчитали меньше двадцати³⁷.

В чем же причины относительной неудачи выкупной кампании? Конечно, для многих крестьян операция представлялась чересчур дорогой, особенно в отношении частных лиц, поскольку не предусматривала ни раздельного выкупа, ни рассрочки. У зажиточных «пахарей» был другой мотив для отказа от выкупных сделок. Они стремились расширить земельные угодья, прикупив национальных имуществ. Именно на это крепкие крестьяне готовы были потратить средства, а не на выкуп того, что и так считали своим. Показательно, что нормальные поземельные ренты крестьяне охотно и без всяких протестов выкупали.

Крестьянское движение, развернувшееся в стране после 14 июля 1789 г., заставило депутатов Учредительного собрания поторопиться с решением аграрного вопроса. Содержание нового законодательства было обозначено уже декретом от 11 августа. Оно получило развитие в актах, принятых 15 марта и 3 мая 1790 г. Результатом стало падение иерархической системы землевладения и утверждение индивидуальной частной собственности на землю. Это расширяло возможности для социального прогресса. Одновременно благодаря секуляризации церковных владений и переходу к государству земель королевского домена сложился огромный фонд национальных имуществ, предназначенный для распродажи частным лицам. В связи с отменой церковной десятины и личных повинностей улучшилось материальное положение крестьянства. Принципиально иным сделалось и духовное самочувствие ставших равноправными людей.

Но значительная часть прежних сеньориальных повинностей сохранялась. Парламентарии рассматривали так называемые реальные права как обыкновенную частную собственность и поэтому их защищали. Отталкиваясь от этой твердой позиции, депутаты требовали неукоснительного выполнения бывших сеньориальных повинностей и установили высокую цену выкупных операций. Они приняли презумпцию в пользу прежних сеньоров.

Со своей стороны, крестьяне нередко бурно протестовали против таких законов и оспаривали установившуюся на их основе практику. Французское общество взрывали происходившие одна за другой «жа-

³⁷ *Garraud P.* Le rachat des droits féodaux et des dimes inféodées en Haute Vienne. Poitiers, 1939. P. 95–101.

керию». Многие селяне действовали иначе: предпочитали пассивную тактику, бойкотировав внесение ежегодных платежей. Ненависть направлялась прежде всего против сеньоров. Но постепенно и Учредительное собрание стало раздражать крестьянство. Подавление сельских выступлений воинской силой существенно осложнило и без того непростые отношения деревенской массы с новой властью. Это подрывало позиции Ассамблеи и сыграло определенную роль в крушении планов направить революцию в мирное русло на основе конституционной либеральной монархии.

Список литературы

- Адо А.В.* Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. [*Ado A.V. Krest'jane i Velikaja francuzskaja revoljucija.* М., 1987].
- Блуменау С.Ф.* Правовые отношения вокруг сеньории во Франции Старого порядка // *Право: история, теория, практика.* Выпуск 3-й. Брянск, 1999. [*Blumenau S.F. Pravovye otnoshenija vokrug sen'orii vo Francii Starogo porjadka // Pravo: istorija, teorija, praktika.* Выпуск 3-й. Врjansk, 1999].
- Документы истории Великой французской революции. М., 1992. Т. 2. [*Dokumenty istorii Velikoj Francuzskoj revoljucii.* М., 1992. Т. 2].
- Кареев Н.И.* Великая французская революция. М., 2003. [*Kareev N.I. Velikaja francuzskaja revoljucija.* М., 2003].
- Шартье Р.* Культурные истоки Французской революции. М., 2001. [*Chartier R. Kul'turnye istoki Francuzskoj revoljucii.* М., 2001].
- Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1787–1799).* P., 1862–1913. Т. 1–82.
- Garraud P.* Le rachat des droits féodaux et des dimes inféodées en Haute Vienne. Poitiers, 1939.
- Goujard Ph.* L'abolition de la féodalité dans le district de Neufchâtel (Seine-Inférieure) // *Contributions à l'histoire paysanne de la révolution française.* P., 1977.
- Lefebvre G.* La Grande Peur. P., 1932.
- Lemarchand G.* La Fin du féodalisme dans le pays de Caux. P., 1989.
- Luc J.-N.* Le rachat des droits féodaux dans le département de la Charente – Inférieure (1789-1793) // *Contributions à l'histoire paysanne de la révolution française.* P., 1977.
- Taylor G.* Les cahiers de 1789: Aspects révolutionnaires et non-révolutionnaires // *Annales. Économies. Sociétés. Civilisations.* 1973. № 6. P. 1513.

*Б. Бачко**

ХОРОШИЕ НОВОСТИ О ТЕРМИДОРЕ. АНРИ МЕЙСТЕР ПОСЕЩАЕТ ПАРИЖ

Статья посвящена Жаку-Анри Мейстеру – уроженцу германских земель, писателю, журналисту, активному деятелю эпохи Просвещения. На протяжении многих лет он издавал начатую Гриммом «Литературную корреспонденцию», встречался с Вольтером и Руссо, дружил с Дидро, Неккером и мадам де Сталь. В 1795 г. Мейстер посетил термидорианский Париж, еще не оправившийся после террора, и по итогам этой поездки написал книгу «Воспоминания о моем последнем путешествии в Париж». Внимательный наблюдатель, Мейстер с удовольствием описывает мельчайшие детали парижской жизни, делая при этом глобальные выводы. Его потрясает, насколько быстро Париж смог зажить обычной жизнью, забыв про все раны, нанесенные Революцией: оживление на улицах, переполненные театры, жертвы и палачи, сидящие рядом в одном кафе, все его изумляет. И одновременно он приходит к выводу о том, что Революция не смогла полностью разорвать связь времен, и в термидорианском Париже, как и в национальном характере французов, очень многое осталось от Старого порядка.

Ключевые слова: Французская революция, Жак-Анри Мейстер, Просвещение, Париж, Террор, Термидор

«Как обычно, прогуливаясь по Парижу летящей походкой, глаза по сторонам, я стремился вновь увидеть как можно больше мест, с которыми меня связывали нежные воспоминания (к одним я по-прежнему сохранил интерес, с другими – в силу привычки), и не мог избавиться от поразительного чувства удивления и грусти».

«Я обещаю не рассказывать вам, что надеялся здесь увидеть; но, увы, мы можем смотреть на мир лишь своими глазами, то есть всегда с предубеждением, меняющим все, на что мы взираем и изучаем».

** Бронислав Бачко, доктор наук, почетный профессор Женевского университета, доктор honoris causa Страсбургского и Турского университетов.*

Философствующий путешественник, так начавший свой рассказ о посещении Парижа, – Жак-Анри Мейстер. А Париж, в который он приехал, – это город осени 1795 г. или конца III – начала IV года Республики

В 1795 г. Мейстеру уже исполнилось 50 лет (он родился в 1744 г.); позади осталась блестящая карьера парижского литератора, серьезно нарушенная Революцией. Писатель, журналист, он был главным образом «культурным посредником», «проводником», если воспользоваться этим модным термином.

Сын пастора, абсолютно двуязычный – он считал французский своим родным языком, – Мейстер после учебы в Эрлангене и Цюрихе готовился к протестантскому служению, и еще в молодости он обратил на себя внимание своими первыми проповедями. В 1764 г. по приглашению Поля Мульту Мейстер в течение нескольких недель жил в Женеве. Еще в Цюрихе он прочитал немало французских авторов, а благодаря Мульту познакомился в Фернее с Вольтером и съездил в Мотьер, где встретился с Руссо. Во время пребывания в Женеве он часто посещал двух молодых женщин – Жермену де Вермену и Сюзанну Кюршо. В то время в парижских салонах об их истории только и говорили. Жермена де Вермену была богатой, молодой (25 лет) и очень красивой вдовой, как о том свидетельствуют великолепный бюст работы Гудона и прекрасный портрет Лиотара. В возрасте семнадцати лет она вышла замуж за богатого торговца, которому через год после свадьбы пришла в голову прекрасная мысль умереть и оставить ей наследство и сына (в 1764 г. мальчику было семь лет). Сюзанн Кюршо, дочь лозаннского пастора, была нанята мадам Вермену в качестве гувернантки сына. В то время за мадам Вермену ухаживал Жак Неккер, компаньон крупного женевского банкира Теллюссона. И пока Жермена де Вермену привередничала и не решалась вновь выйти замуж, Неккер к ее большому удивлению объяснился с гувернанткой и женился на ней. Место гувернера освободилось, мадам де Вермену наняла Мейстера и привезла его в Париж, где тот старался обучать своего ученика согласно принципам «Эмиля», а сам стал любовником его матери.

В 1768 г. в Цюрихе Мейстер опубликовал брошюру «О происхождении религиозных принципов», в которой утверждал, что все религиозные идеи имеют природные и общечеловеческие корни и что священники разных столетий добавили к ним немало заблуждений. Анонимная брошюра вызвала скандал: ее автор был быстро вычислен,

книжка сожжена на городской площади, виновника навсегда изгнали, а его имя вычеркнули из списка граждан. В XVIII в. скандал был важной частью литературной жизни: Вольтер и Дидро встали на защиту молодого автора, жертвы нетерпимости. Таким образом, Мейстер сделал себе имя, а скандал способствовал его карьере в Париже, где он окончательно обосновался у мадам де Вермену. Вскоре его положение в обществе значительно улучшилось: из гувернера-наставника, типичного социокультурного персонажа XVIII в. он превратился в признанного литературного деятеля, а это был уже совершенно другой социокультурный тип той эпохи. Успехом он был обязан не только своему таланту и работе, но и завязавшимся знакомствам и дружеским отношениям в кругах парижских салонов и литературного мира. У самой Жермены де Вермену тоже был салон, где молодой Мейстер познакомился с Гриммом, д'Аламбером, Морелле и многими другими. Мадам де Вермену ввела Сюзанну Неккер в литературные круги и также помогла ей открыть свой собственный салон, который в скором времени превратился в один из самых крупных парижских салонов. Эти две женщины остались друзьями: мадам де Вермену стала крестной матерью дочери Неккеров, названной в честь нее Жерменой. Мейстер, конечно, посещал салон мадам Неккер, где подружился с Дидро. Молодой воспитатель обладал талантом завязывать дружеские связи с детьми своих друзей: он так и останется верным другом Жермены Неккер, будущей мадам де Сталь, и Анжелики Дидро, в замужестве Вандель.

В 1770 г. благодаря мадам де Вермену Мейстер начал сотрудничать с «Литературной корреспонденцией» Гримма. Это была довольно необычная затея: рукописный журнал, выходивший дважды в месяц, каждый номер которого изначально состоял из тетради и одного журнального листа (шести страниц), а с 1759 г. в среднем из двух журнальных листов. Он предназначался для полутора десятков подписчиков, среди которых были Фридрих II, Екатерина II, Станислав Август Понятовский, Луиза Ульрика, королева Швеции, Леопольд, великий герцог Тосканы, герцогиня Вюртембергская, герцог Брауншвейгский, герцог Саксен-Готтский и т.д. В журнале сообщались литературные новости, информация о спектаклях и музыкальной жизни, парижские и придворные слухи, а также новости, поступающие из Фернея; кроме того, в нем публиковались многие тексты Вольтера. Гримм создал сеть сотрудников, среди которых были Дидро, мадам де Вермену и мадам д'Эпине. В этой «Европе, которая говори-

ла по-французски» и которой Марк Фумароли посвятил свою прекрасную книгу, «Корреспонденция» стала наиважнейшим культурным посредником¹.

С 1773 по 1813 г., то есть в течение сорока лет с небольшим перерывом в период между 1791 и 1793 гг., «Корреспонденцию» составлял и редактировал Мейстер, которому Grimm передал это дело. Так Мейстер нашел свое призвание: космополит, настоящий европеец, культурный посредник между Францией и культурными элитами Германии, России, Швеции и других стран. Количество читателей «Корреспонденции» сложно подсчитать: ее читали не только знаменитые подписчики, но и их окружение. Мейстер унаследовал от Grimma всю сеть сотрудников, переписчиков и, конечно, приличный доход, который обеспечил ему материальный достаток (ок. 9 000 ливров, затраты на копирование и пересылку достигали около 3000 ливров). Мейстер был полностью интегрирован в парижский литературный мир, он невероятно легко писал и к тому же обладал замечательной работоспособностью. Он заручился согласием Дидро на постоянное сотрудничество, в частности, на страницах «Корреспонденции» были опубликованы «Салоны», «Жак-фаталист», «Монахиня» (после смерти Дидро, Анжелика предоставила Мейстеру доступ к бумагам Дидро и многие тексты философа были опубликованы уже посмертно). «Корреспонденция» знакомила также с текстами Вольтера, Гольбаха, Рейналя и многих других. Сам Мейстер исписал тысячи страниц, ставших настоящей летописью культурной жизни того времени, в которой знаменитые авторы соседствовали с анонимами, а признанные шедевры – с написанными по случаю брошюрками. Его «рефераты» в форме коротких заметок или длинных статей представляют собой тщательный и тонкий пересказ произведений, о которых он пишет, а также его критические замечания.

¹ Лучшее доступное издание «Корреспонденции» – это 16-томное издание Мориса Турне: *Correspondance littéraire, philosophique et critique, par Grimm, Diderot, Meister, etc.* P., 1878, которое охватывает 1753–1790 гг. (издание неполное: издатель, в частности, опустил тексты Вольтера и Дидро, с тех пор опубликованные отдельно). Остается неизданным продолжение «Корреспонденции», возобновившейся с 1793 г. и продолжавшееся еще 20 лет. Благодаря Улле Келвинг и Жанне Карриа в нашем распоряжении имеется прекрасный *Inventaire de la Correspondance de Grimm et de Meister*. Oxford, 1984. 4 vols., составленный на основе рукописей, рассеянных по всей Европе. Самый полный экземпляр находится в научной библиотеке в замке Фриденштайн в Готе. В наше время, когда вновь признана важность изучения культурных связей, «Корреспонденция», без сомнения, заслуживает того, чтобы на нее обратили внимание и изучили заново.

В 1776 г. Неккер был назначен контролером финансов, и, стало быть, Мейстер оказался в центре политической жизни. Салон мадам Неккер стал привилегированным местом, где формировалось общественное мнение и циркулировали слухи, где создавалась и разрушалась литературная слава. В 1789 г. Мейстер с воодушевлением принял Революцию, но быстро в ней разочаровался, особенно после падения Неккера осенью 1789 г. Он остался в Париже, продолжил выпускать «Корреспонденцию» и посещать салон мадам де Сталь вплоть до свержения монархии и убийств в тюрьмах в сентябре 1792 г. Напуганный, он почувствовал прямую угрозу для себя. И действительно, среди его подписчиков значился герцог Брауншвейгский, который в 1792 г. стал главнокомандующим армией коалиции и в своем манифесте угрожал покарать Париж, – достаточная причина для того, чтобы человек, состоящий с ним в переписке, был арестован. При совершенно невероятных обстоятельствах Мейстер бежал в Англию, где оставался до 1794 г. Затем он вернулся в Цюрих – там грехи молодости были к тому времени уже прощены – и возобновил «Корреспонденцию». Совершенно самостоятельно, без помощи переписчиков, вплоть до 1813 г., то есть почти 20 лет, он с различным количеством подписчиков нес это бремя.

Осенью 1795 г. по предложению Анжелики Вандель Мейстер решил совершить путешествие в Париж. На то у него было множество причин: он хотел вернуть свою прекрасную библиотеку и свои бумаги (он оставил их во время бегства и опасался, что его книги могли конфисковать как имущество эмигранта), а также хотел восстановить и вновь завязать знакомства, чтобы подпитать ими свою «Корреспонденцию». Но больше всего его интересовал сам Париж, выходящий из Террора. И вот 22 сентября 1795 г. Мейстер прибыл во Францию и провел в Париже около двух месяцев (до середины ноября). С декабря 1795 г. и на протяжении всего 1796 г. он публиковал в «Корреспонденции» свой роман-фельетон о термидорианском Париже. В первую очередь эти тексты предназначались для ограниченного числа подписчиков «Корреспонденции» и их окружения. Информация была тем более ценной, что при Терроре иностранные путешественники в Париже появлялись редко. Таким образом благодаря Мейстеру вся просвещенная европейская элита узнавала о парижской жизни после Террора. Своим читателям Мейстер предлагал философский, социологический и политический репортаж. Он вновь начал играть роль интеллектуального проводника, но на этот раз между читателями-аристократами и термидорианской Франци-

ей. В тех же выпусках читатели, среди прочего, находили рецензии на последние французские издания. Лишь летом 1797 г. Мейстер отредактировал свои тексты и опубликовал их отдельно – в виде, доступном широкой публике. Он дал им название «Воспоминания о моем последнем путешествии в Париж»².

Рассказ о дальнейшей жизни Мейстера (он умер в 1826 г. в возрасте 82 лет) я позволю себе опустить: после своего путешествия 1795 г. он много писал и публиковал и потом еще не раз возвращался в Париж. Мейстер сыграл и определенную политическую роль, в частности, в 1803 г. во время французского посредничества в Швейцарии. Наполеон, судя по всему, ценил его сочинения о Швейцарии. В автобиографическом неизданном тексте «Моя тщета» («*Mes vanités*») Мейстер рассказывает, что в 1806 г., услышав слухи о скорой аннексии Швейцарии, он написал императору докладную записку, объясняющую, что подобное действие было бы бессмысленным и несправедливым. Наполеон весьма благосклонно принял его доводы³. Мейстер поддерживал тесные дружеские связи с мадам де Сталь и неоднократно останавливался у нее в Коппе. Мадам де Сталь посылала ему все свои произведения и не боялась просить его о многочисленных услугах и сведениях: например, о местонахождении монастыря в окрестностях Цюриха, где в конце своего романа «Дельфина» она решила заточить героиню. В свою очередь Мейстер в «Корреспонденции» предоставлял ей место на выбор не только для публикации неизданных произведений и презентации ее книг, но и для путевых заметок, рассказов о злоключениях и даже для небольших анекдотов. Таким образом, для всей просвещенной европейской элиты он стал, если можно так сказать, агентом по общественным связям этой «известной дамы». Несмотря на все свое восхищение авто-

² Произведение, переведенное на итальянский и немецкий языки, познало настоящий успех. В 1910 г. оно было переиздано с многочисленными дополнениями: *Meister H. Souvenirs de mon dernier voyage à Paris (1795)*. Publiés pour la Société d'histoire contemporaine par Paul Usteri et Eugène Ritter. P., 1910. Далее «Воспоминания» цитируются по данному изданию, в тексте статьи указывается в скобках номер страницы. Две цитаты, с которых начинается статья, взяты, соответственно, со страниц 92 и 43.

³ См.: Bibliothèque publique et universitaire de Genève, ms, fr. 2584, enveloppe 3. «Из всех моих сочинений я небезосновательно осмеливаюсь радоваться именно этому, по всяком случае, тем суждениям, которые оно породило, и тому успеху, которое ему удалось завоевать». Вышеупомянутая докладная записка Мейстера находится в том же фонде: Ms. Fr. 2585, env. 9.

ром «Коринны», Мейстер сохранил независимый характер и в свои, как правило, восторженные, рецензии добавлял также замечания и критические наблюдения, часто весьма существенные⁴.

В 1795 г. Мейстер приехал в Париж в беспокойное время: «декреты о двух третях», устанавливавшие, что две трети членов новых законодательных Советов должны быть в обязательном порядке избраны из числа депутатов Конвента, вызвали сильное раздражение сторонников умеренных взглядов и были по большей части отклонены во время референдума парижскими секциями. В начале октября протестное движение, возглавляемое роялистами, превратилось в *journalée* – вооруженное восстание революционного типа, но на этот раз оно было направлено против революционной власти. Для противодействия повстанцам Конвент прибег к помощи войск, а также «террористов», арестованных после термидора, освобожденных из тюрем и вновь вооруженных («резервная армия» Конвента, как назвал их Констан). Баррасу было поручено командование силами Конвента. На деле же большинство операций проводилось молодым генералом с плохой якобинской репутацией: 5 октября (13 вандемьера IV г.) Бонапарт без угрызений совести приказал доставить пушки и расстрелял из них повстанцев. В первый раз армия справилась с политическим кризисом. С каждой стороны оказалось примерно по 300 человек убитых и раненых, а Бонапарт долгое время не мог избавиться от прозвища «генерал вандемьер». Внимательно наблюдая за этими событиями, Мейстер не ограничивался исключительно политическими новостями. Он ходил по улицам и посещал спектакли; у него был дар наблюдателя за повседневной жизнью, любившего жанровые сценки; особенно его привлекали люди и идеи. В своих репортажах он через конкретику искал ответы на самые общие вопросы. Чем стал Париж через год после Термидора и окончания Террора? Закончилась ли уже Революция? Есть ли будущее у нового режима Директории? И какое будущее он несет Франции? Иными словами, его текст представлял собой игру отражений: между живописными деталями и политическим анализом, между воспоминаниями о прошлом и наблюдениями за настоящим. Мейстер остался человеком Старого порядка, но пытался понять новые политические и культурные реалии и объяснить их своим читателям.

⁴ О творчестве и идеях Анри Мейстера см. примечательную монографию: *Moog-Grünewald M. Jacob Heinrich Meister und die «Correspondance littéraire»*. В., 1989.

Так какие же новости поступали из этого термидорианского Парижа? Неожиданные, очень противоречивые, но в целом обнадеживающие. Одним словом, хорошие новости.

Истерзанный Париж

«Я ненавижу и всегда буду ненавидеть революции. Зло, которые они порождают, несомненно, а благо, которое может из них восследовать, зависит от целого ряда случайностей, слишком опасных и не поддающихся предвидениям нашей мудрости и проницательности» (с. 44), – таково кредо Мейстера, его символ политической веры, его «предупреждение» и убеждение, через призму которого он наблюдает за парижскими реалиями. Это случилось, констатирует он, революция уже состоялась. Спрашивать себя, стоило ли ее начинать, жалеть о прошлом, которому она положила конец, – вполне естественное желание разума, однако с точки зрения политики – довольно бесплодное занятие: «Особенно в политике, где никогда нельзя оттолкнуться от какой-либо иной точки, кроме той, в которой мы сейчас находимся» (с. 45). Вот реалистичная позиция, которую нужно принять по отношению к власти, возникшей во время Революции. Это также правило, вынуждающее автора быть как можно более беспристрастным. Чем строже он это правило соблюдает, тем более душераздирающей выглядит эта картина.

Последствия революционных потрясений и в особенности травма Террора оставили свой след в мыслях людей и наложили отпечаток на саму ткань городской жизни. Термидорианский Париж – это израненный город.

На каждом шагу путешественник замечал следы вандализма, разрушений, которым подверглись красивейшие парижские памятники. Какое удивление и какую боль испытал он через несколько дней после своего приезда, когда проходил мимо Дома инвалидов, «этого великолепного дома божьего, с которым поступили, как будто он был жилищем аристократа или эмигранта. День подходил к концу, и я заметил на внешнем дворе Дома большую группу огромных и ослепительно белых фигур, прижатых друг к другу, как если бы их согнали в овчарню. Я сначала не догадался, что это такое, но, приблизившись, узнал грандиозные статуи мраморных святых, которые ранее украшали ниши этого великолепного храма. Они, без сомнения, были выставлены на продажу, как и множество других всевозможных вещей,

которые можно увидеть повсюду, если можно так выразиться, на всех улицах. Но эти бедные святые! Кто бы их захотел или кто бы осмелился их купить?» (с. 81)⁵.

В квартале Сен-Жермен, на главных фасадах больших особняков крупными красными и черными буквами выведено «Национальная собственность, продается». Степень их обветшания устрашает. «Всюду, куда проникли революционные комитеты, можно увидеть следы разрушительного прохода армии гуннов или вандалов» (с. 79). Все было разграблено: мебель, зеркала, оконные стекла, обшивка стен. Под предлогом изъятия свинца с крыш и селитры из подвалов для изготовления пушек и пороха уничтожили все резные деревянные панели, оставив голые стены. Платя ассигнатами, можно было за бесценок купить прекрасный особняк. Однако случайные покупатели приобретали их лишь для того, чтобы с выгодой перепродать. И впрямь, ремонт особняка превысил бы стоимость покупки в двадцать раз. Эти варварски раз-

⁵ Статуи, лежащие перед Домом инвалидов, не привлекли внимания Луи-Себастьяна Мерсье, неутомимого любителя прогулок по Парижу. Зато он был впечатлен судьбой других колоссальных статуй, сваленных в кучу за собором Парижской Богоматери. «Помните ли вы, читатели, королей с портала Нотр-Дам, эти бесформенные глыбы, похожие на огромных слонов, расставленные вдоль длинного карниза в нишах главного фасада первого храма столицы? Здесь стояли все Меровинги, довольно сильно почерневшие с течением времени. Но еще можно было различить каменных монархов, современников ушедших веков, которые вдруг оказались сброшенными на землю. Знаете ли вы, что с ними случилось? Они, сваленные за церковью один на другого, погребены в самых отвратительных нечистотах. Их чудовищные формы привлекают взгляд. И когда вновь их видишь, с огромными скипетрами в руках, нелепо покалеченных, улыбаешься от жалости, но потом начинаешь размышлять о своеобразном приговоре времени и о странных ударах судьбы. Конечно, скорее случайность, чем злой умысел, привела к такому гротеску и унижительному падению. Но ни к чему оскорблять зрение наравне с обонянием; их история уже сама по себе безрадостна.

Гренадер с трубкой во рту вскарабкался на круглое брюхо Карла Великого и, без страха и упрека, стукнул по большому носу императора: <...> Его приятель сделал то же самое и даже не позаботился узнать имя лица, которое он попирал и осквернял! <...> Таков сегодня в Париже новый Сен-Дени [место захоронения королей Франции] или, скорее, музей этих древних королевских статуй. Любопытствующий, проходя мимо, зажимает нос и опасается, как бы эти статуи, более зловонные, чем трупы, не вызвали бы чумы». — *Mercier L.-S. Le nouveau Paris / Ed. établie sous la direction de J.-Cl. Bonnet. P., 1994. P. 835–836.*

Мерсье, как и его современники, считал, что монументальные статуи с опор арок портала Святой Анны, а также 28 статуй галереи, венчающей три портала фасада, представляли собой королей Франции, в то время как на самом деле они изображали иудейских царей. В 1792 г. с них сняли короны; в 1793 г. Генеральный совет Парижской коммуны решил их снять. Место их хранения скоро превратилось в выгребную яму, и в 1796 г. они были, наконец, проданы с молотка. В 1977 г. нашлись головы некоторых статуй, сейчас они выставлены в музее Клоньи.

рушенные особняки могли послужить символом как нивелирующего равенства, так и новых революционных нравов. «Что общего между традиционной элегантной учтивостью француза и грубостями якобинского поведения, революционных нравов? Между самой плодородной почвой Европы и республиканским режимом экономии? Между блистательной деятельностью гордой и предприимчивой нации и смутными принципами равенства, разрушившими всю промышленность, всякую конкуренцию и даже, пожалуй, общественные добродетели» (с. 80). Мадам де Сталь, пораженная этим же феноменом грубости нравов, попыталась дать им какое-то определение и придумала неологизм: «вульгарность».

Париж стал городом, где все не на своем месте: «ничего стабильного, ничего основательного, почти ничего, чтобы находилось бы в своем естественном состоянии» (с. 92). Это касается и связи между интерьером и экстерьером, между частным пространством и публичными местами, между внутренним и внешним, столь много стало контрастов и перевертышей. «Все, что ранее было внутри апартаментов, вдруг разом оказалось выставленным на улицах. Мировая столица стала похожа на огромный магазин по продаже требухи» (с. 83). Все пространство перед домами, а также широкие аллеи превратились в магазины, где продавались мебель, картины, гравюры. Изделия, которые раньше можно было найти на мосту Сен-Мишель или на крытых рынках, теперь вдруг заполнили улицы. На каждом шагу сталкиваешься с людьми разного пола, возраста, статуса, которые несут под мышкой какой-либо сверток: это образцы кофе, сахара, сыра, мыла. Часто расставались с последней мебелью лишь бы купить продукты для семьи. Париж, огромный магазин требухи, был охвачен «исступленным желанием торговать старьем и играть на бирже», неистовством, которое подпитывалось как чрезмерной нищетой, так и избытком жадности, «неизменной заботой о сиюминутном богатстве» (с. 83).

Париж стал городом контрастов, крайней бедности и вызывающей роскоши. Следовало бы ожидать, что после Революции во Франции останется меньше и того, и другого. Но ничего подобного не произошло: революция отнюдь не обернулась на пользу беднякам. Парижской нищете Мейстер посвятил несколько прекрасных страниц. Продажа хлеба была нормирована, и государство субсидировало его стоимость. Монетами он стоил шесть су за фунт, в то время как «секционный хлеб, как его называют, продавался за три су (ассигнатами), то есть почти бесплатно. Но что это был за хлеб! Ни особо полезный, ни осо-

бо вкусный, из муки грубого помола, черный и весьма клейкий, потому что в него добавляли слишком много картофеля, фасоли, кукурузы и проса, да к тому же недостаточно хорошо пропекали» (с. 87). Мясо, рис, масло, свечи, уголь также продавались по умеренным и нормированным ценам. В итоге булочников, бакалейщиков и мясников «по полдня осаждали толпы мужчин и детей, зажимавших в руке карточку своей секции; можно было увидеть, как они терпеливо стоят, тесно прижатые друг к другу, будто нищие перед дверью богадельни. И это, по моему мнению, одно из достаточно удивительных чудес, которые сотворила революционная империя. Это называют “стоять в очереди” (*être à la queue*)» – любопытное новое выражение (с. 87). Те, кому удавалось купить хлеб, затем его перепродавали, а тот же самый хлеб, купленный в розницу, биржевые спекулянты, наживающиеся на голоде и нищете, в свою очередь перепродавали оптом и сколачивали себе значительные состояния. Чтобы защититься от голода, парижане прибегали к самым разным средствам. И поэтому в центре Парижа нередко можно было увидеть у дверей дома то клетку с кроликами, то козу. У всех, кто, как и сам Мейстер, был поклонником идиллий Гесснера, вид этих бедных коз на парижских улицах вызывал приливы меланхолии и жалости.

Так кто же выиграл от Революции? «Обогатившийся класс» был гораздо менее многочисленным, чем обычно считается: «В действительности он состоял лишь из биржевых игроков, дельцов, армейских поставщиков, их подчиненных, нескольких отдельно взятых правительственных чиновников, фермеров, которые обогатились благодаря новым приобретениям и которые были достаточно тверды и предусмотрительны, чтобы спрятать свое зерно, закопать свое золото и не принимать к оплате ассигнации» (с. 71). Настоящей французской аристократией, которой люди имели полное право возмущаться, были как раз такие крупные фермеры, «опьяненные своим богатством» (с. 63–64).

Что представляли собой парижские улицы? «Как здесь обрисовать всю пестроту, все разнообразие жителей, заполняющих сегодня улицы этой огромной столицы? Разодетые в пух и прах женщины под руку с настоящими санкюлотами; другие женщины, идущие в полном одиночестве, но с большим трудом, смущавшиеся от необходимости приподнимать свои элегантные платья до середины икр, чтобы не испачкаться; или женщины, одетые гораздо проще, иногда даже с явными признаками бедности, но все еще легко выделяющиеся из толпы в силу благороднейшей манеры держать себя на людях. Старые аббаты

с подстриженными кружком остатками волос, смиренно терпящие в своих лачугах боль от ударов, которые получили от секционного булочника. <...> Множество новых воителей, чей неслыханный успех совсем недавно грозил захватом всему миру, а теперь бледных и оборванных. Неизвестные мужчины, которые, казалось бы, с высоты своей трибуны диктуют сегодня законы всей Европе, в самых грязных и неопрятных костюмах, что только подчеркивала трехцветная перевязь с золотой бахромой, они пытаются скрыться в толпе и не всегда ускользают, несмотря на их неприметность, от оскорблений и даже от проклятий прохожих» (с. 94–95; в этом описании можно узнать одежду членов Конвента).

Улицы были менее загроможденные, чем раньше, так как на них стало меньше экипажей. Впрочем, и сам ритм жизни сильно изменился. После десяти часов вечера, то есть после окончания театральных спектаклей, «гробовая тишина царила во всех кварталах». Встретить в это время экипаж – целое событие; редко столкнешься даже с прохожим, разве что с патрулями. Для них улицы и освещались, тогда как раньше они были заполнены разодетыми людьми. К тому же днем эти патрули были повсюду (вспомним, что Париж находился в разгаре политического кризиса). Переходя из секции в секцию, нужно было предъявлять свой паспорт или карточку, чтобы не подвергнуть себя риску ареста. «Это такое своеобразное напоминание, что мы находимся в самой свободной стране мира» (с. 96). Но не только ритм жизни изменился, перемены коснулись и ритуала смерти. Похоронные процессии, ранее мешавшие движению по улицам, исчезли. Похороны теперь «ограничиваются жалким гробом, покрытым трехцветным флагом, который несут один или два человека, а за ним следует только родственник или офицер полиции» (с. 95). Траурные одежды были запрещены: в этом городе, где воспоминания о Терроре все еще были живы, где столько семей оплакивали своих исчезнувших родственников, это была мудрая мера для успокоения и забвения (к этому мы еще вернемся).

Как одевались парижане? «Мужчины в основном довольно просто, довольно разумно, однако еще можно увидеть много жилетов и длинных кюлотов, одежду, которая, может быть, весьма удобная, но, тем не менее, слишком пошлая, слишком домашняя. Можно также наблюдать большое количество рединготов, доходящих до каблуков и застегнутых до колен, а кроме того – огромные сабли, подвешенные на очень узкие перевязи, а также галстуки, похожие на обернутые вокруг шеи простыни, и усы, достойные этих благородных одежд террористов.

Женщины одевались со вкусом и достаточно элегантно: обувь на плоской подошве делает их походку более уверенной, но при этом она не становится менее изысканной или менее легкой. В поясах под грудью есть что-то простое и античное; они позволяют стройным фигурам демонстрировать свою гибкость; они скрывают некоторые недостатки и, без сомнения, подчеркивают те качества фигуры, которые прощались лишь крупным женщинам, однако так как сегодня почти все женщины выглядят имеющими пышные формы, в том числе самые молодые или самые уродливые, то это всего-навсего означает, что они следуют моде» (с. 92–93).

Все путешественники с удивлением отмечали, что они никогда не видели в Париже такого количества беременных женщин, как в те дни. Из этого не следует делать заключение, что любовь во Франции стала более нравственной. Напротив, общая распущенность воззрений и нравов, закон о разводе, домашняя независимость, столько рухнувших преград, столько уничтоженных предрассудков не могли не привести к увеличению количества непрочных союзов, пришедших на место брака, и благоприятствовать таким образом росту нового населения. В тюрьмах при Терроре также зарождались «истинная и великая любовь, как, впрочем, и обращение к Богу». Одним словом, на всех спектаклях и на всех бульварах можно было встретить «толпы плодородных красавиц», которые даже не скрывали своей беременности.

Живой Париж

Эти «плодородные красавицы» могли бы символизировать жизнь, которая берет свое и продолжается. Так как Париж, пусть и истерзанный, отнюдь не стал мертвым городом или городом, находящимся в плену мучительных воспоминаний. Он оставался живым городом, обращенным в будущее, политической и культурной столицей большой империи.

Мейстер прибыл в Париж через предместье Сен-Лоран, со стороны Шоссе-д-Антан. Однако, несмотря на зловещие предчувствия, к своему огромному облегчению он нашел «внешний облик этого огромного города, несмотря на все угрожавшие ему бури, несмотря на продолжавшие извергаться вокруг него вулканы, таким, каким он его оставил <...>, в некотором смысле даже еще похорошевшим» (с. 77). Квартал Шоссе-д-Антан являл собой образ нового города. Здания, которые, как он видел три года назад, только начинали строиться на бульварах, уже

достроили; теперь это был лучший квартал города, к тому же самый населенный. Свободные квартиры там были редки и весьма дороги, так как квартал был весьма удачно расположен: Шоссе-д'Антан не страдал от неудобств и шума центра города, но при этом находился вблизи от всего: от Пале-Рояля, Тюильри, а значит и от Конвента, а также от «контор, которые чаще всего посещали». На этой «ограниченной территории, от бульвара до бывшей площади Пале-Рояль», которую можно было объехать за четверть часа, находилось четыре театра: старая Комеди-Франсез, новая, Комеди-Итальян, Опера, «не считая пяти или шести маленьких недавно основанных театров, в частности, театра Водевиль» (с. 78).

Перед тем как перейти к спектаклям, надо сказать еще несколько слов о населении Парижа в целом. Из-за наплыва людей, заметного в некоторых кварталах, на бульварах и особенно в театрах можно было бы подумать, что парижское население увеличилось. Однако самые точные подсчеты, основанные прежде всего на «обычном потреблении предметов первой необходимости», доказывают обратное. Количество прислуги и людей, занятых в сфере производства предметов роскоши, уменьшилось на три четверти; иностранцев также стало гораздо меньше; кроме того, Париж снабжал 150 000 солдат. Вновь прибывшие люди, в частности, спекулянты и иностранцы, большинство которых были политическими польскими и итальянскими эмигрантами, не заметили всех уехавших (с. 53).

В Париже Мейстер активно посещал спектакли (два года спустя Вильгельм фон Гумбольдт все еще считал театры самым важным культурным развлечением столицы⁶). «Во многих отношениях во Франции со времен Революции ничто не изменилось в меньшей степени, чем спектакли. <...> Никогда в Париже не было такого числа представлений, как в это время, и никогда они не привлекали такого количества публики» (с. 122, 124). Конечно, театр – своего рода наркотик: чем чаще посещаешь спектакли, тем больше в них нуждаешься. Но это не единственная причина огромного наплыва зрителей. В Париже никогда не было столько праздных и ничем не занятых людей: биржевые игроки, «дельцы, сколачивающие состояния», осаждавшие Конвент просители из всех департаментов, военные (проездом), депутаты – весь этот пестрый люд встречался на спектаклях. Другая причина наплыва людей: театр был дешев. Места оплачива-

⁶ См.: *Humboldt W. fon. Journal parisien (1797–1799)*. P., 2001. P. 39–40.

лись обесцененными ассигнатами, «этими чудесными деньгами, которые так легко создавались, зарабатывались и тратились». Лучшие места в Опере шли по 30 франков, то есть по цене большого куска хлеба. В результате отправиться в театр, как это ни парадоксально, означало сэкономить: посещение театра стоило меньше, чем плата за свет и тепло дома. По всем этим причинам публика была совсем не такой, как раньше: менее блистательная, наделенная меньшим воображением и более вульгарная. Определенная утонченность исчезла вместе с двором, самым изысканным в Европе, где формировался вкус к удовольствиям. Во время Террора из репертуара были изъяты лучшие театральные пьесы под предлогом их аристократизма. На сцене «не осмеливались произносить имя короля, как если бы оно было волшебным и могло навлечь беду». Но к тому времени «Федру» и «Британика» вновь стали ставить без смехотворных исправлений, прекратили «республиканизировать» пьесы и говорить «гражданин» вместо «месье». На сцену вернулись великие актеры: Тальма, мадемуазель де Конта. На улице Ришелье, в том месте, где раньше находился отель де Лувуа, построили «красивейший театральный зал, который когда-либо был во Франции, способный, со всеми удобствами, принять в своих стенах самое большое количество зрителей. Подступы к нему и выходы были удобные, хотя главный фасад был обращен к весьма оживленной улице» (с. 133).

Другой примечательный культурный центр – Национальный музей. Граф д'Анживилье хотел его закончить, и кто знает, быть может, хватило бы одной двадцатой тех денег, что пошли на украшение «унылого Рамбуйе», чтобы этот музей, выполненный со всем великолепием, с которым он изначально задумывался, даже мог бы спасти в свое время монархию. Он мог бы дать более величественное представление о ее целях и задачах, он объединил бы на пользу Старого порядка литературу и искусство и смог бы отвлечь беспокойные умы. Однако именно революционное правительство создало этот удивительный музей. Конечно, многое там было еще далеко от совершенства: залы были освещены не так, как того желали художники, а председатель Комитета общественного образования, на которого Конвентом была возложена задача присматривать за музеем, менялся каждые три месяца, и всякий новый хотел совершить свою маленькую «революцию». В залах висели безобразные плакаты, напоминающие об уважении к собственности. «Разве эти плакаты не похожи на многочисленные объявления о средствах против сифилиса? Лучше всего они демонстри-

ругую, без сомнения, лишь то, насколько эта болезнь, от которой хотят излечиться либо защититься, распространена» (с. 119).

И все же это была превосходная галерея, где были собраны шедевры, ранее спрятанные в стенах Версаля, Трианона, Сен-Клу, Люксембургского дворца, а также в некоторых столичных и провинциальных церквях, не считая всего того, что накопилось на чердаках Королевского интендантства зданий. С некоторых пор там также можно было лицезреть прекрасные полотна, «изъятые у штатгалтера». Совсем недавно, во время Террора, коллекции были еще богаче, так как в Лувре выставляли картины, конфискованные у частных лиц, осужденных за эмиграцию или осужденных революционными трибуналами. Но термидорианское правительство вернуло похищенное добро «жертвам тирании». Вскоре образовавшиеся пустоты будут заполнены «завоеваниями Итальянской армии». Наш путешественник не высказывал никакого осуждения по поводу расхищения итальянских произведений искусства и их насильственного вывоза из традиционной культурной среды. Мейстер также посетил выставку конкурсных картин III года и был поражен большому количеству произведений женщин-художниц; он также отметил картины Жирарде, но ему совсем не понравилась странное полотно Реньо «Свобода или смерть».

Музей был открыт для широкой публики три дня в декаду, и каждый день там толпилось много народу. Другие дни резервировались за художниками, и «тогда туда можно было войти лишь благодаря частной протекции». И вот тут-то настоящий любитель мог воспользоваться моментом и в свое удовольствие полюбоваться картинами. «Там также можно было наблюдать еще более интересные сцены – различных учеников и учениц, которые предавались размышлениям или копировали прекрасные творения гения и образцы высокого искусства. Как не поверить, что переносишься в этот момент в самый счастливый период в истории Греции?» (с. 119).

Центр искусств, новые Афины, Париж также представлял собой политическую столицу большой и самой могущественной на континенте страны. Мейстер посетил Тюильри, где заседал Конвент. «В то время, когда я прибыл в Париж, Тюильри был все еще прекрасен. Партер над террасой Фейянов был украшен превосходными апельсиновыми деревьями; ниши и галереи, выходящие в сад, начали украшать бюстами и статуями» (с. 100). Всего через несколько дней этот сад превратился в военный лагерь. Конвент вызвал войска, чтобы бороться с восстав-

шими парижскими секциями, и теперь в саду виднелись лишь пушки, повозки и солдатские бивуаки.

Внутри Тюильри полностью преобразился, хотя перемены, которые там произошли, коснулись лишь деревянной резьбы и полотен. В целом, весь этот декор был подобран со вкусом. «Комнаты перед залом заседаний Конвента, так же как и он сам, выглядели, надо признать, простыми, в античном стиле и величественными». За большинством этих работ легко было увидеть гений Давида. Посреди одного из залов стояла огромная статуя Свободы; в другом зале храм Свободы находился на вершине скалы, с которой били молнии, низвергая всех демонов деспотизма и призраков рабства. Сам зал Конвента, где нижняя часть стен была отделана под мрамор, украшен большими гипсовыми статуями, раскрашенными «под бронзу» и представлявшими самых великих античных философов и законодателей: Нуму, Ликурга, Платона, Пифагора, Камилла, Брута. Зал был превращен в просторный овальный амфитеатр, где заседали депутаты. Там располагались лишь две ложи: первая предназначалась для особых посетителей, в частности для послов; другая была отведена дамам или, если угодно, «выдающимся гражданам». Трибуны использовались широкой публикой. Сам Мейстер посещал Конвент в то время, когда, опасаясь беспорядков со стороны находившихся в оппозиции парижских секций, Комитет общественного спасения заполнял трибуны своими приверженцами. Поэтому все трибуны и соседние помещения были заняты «длинными рединготами, большими саблями, внушительными усами, и все они выражением лиц и костюмами походили на переживших бурю капитанов или на содержателей притонов» (с. 102).

По поводу порядка и активной деятельности, царившие в кабинетах Комитета общественного спасения, можно было бы сказать и побольше добрых слов. Мейстеру требовалось уладить одно личное дело, и служащие быстро нашли «в грудях папок и бумаг» нужный документ. Очевидный контраст по сравнению с эпохой Террора, когда в тех же самых кабинетах царил беспорядок и страх, а честный человек был уверен, что его оттуда бесцеремонно выпровадят. «Подчеркнуто грубые и варварские манеры зачастую преследовали лишь одну цель – завуалировать крайнее невежество негодяев и дураков, к которым приходилось обращаться» (с. 111–112). И как в таком случае не восхищаться эффективностью и энергией революционного правительства, совершившего, конечно, ужасные преступления, но построившего «все эти огромные военные мастерские, которые расположились поблизости от

бывшей Королевской площади, а также на обширной территории Дома инвалидов – здания, выстроенные почти сразу же после того, как были задуманы; все эти величественные чудеса вырастали из земли как по мановению волшебной палочки» (с. 113). Революционной Франции также удалось учесть недавние замечательные изобретения и поставить их на службу армии. Аэростаты способствовали военным успехам, а оптический телеграф, установленный в старом Лувре на павильоне Мазарини, обеспечил победу при Флерюсе. В скором будущем ему найдется поразительное применение и в мирных целях. Случится так, что он станет техническим ответом на важный политический вызов, с которым столкнется новый режим: на вопрос, как в большой современной стране установить постоянную и эффективную связь между народом и правительством, между представляемыми и представителями, между департаментами и столицей. И телеграф сможет обеспечить для работы выборного правительства «довольно быстрый и надежный эффект в такой большой стране, как Франция» (с. 115–116).

Военные нужды, а также некоторые предпосылки создания правового государства с отлаженной системой правосудия быстро покончили с жестокостью революционных трибуналов. Мейстер побывал у мирового судьи. В ходе судебного заседания он был впечатлен мудростью и терпением, с которым «судья всех слушал, упрощая предмет каждого спора до самых понятных терминов». И хотя это был простой упаковщик, он занимал эту интересную должность больше года (с. 110).

Революционная буря и национальный характер

Как уже говорилось, Мейстер ненавидел Революцию, однако был восхищен победами революционных армий. И не мог не отметить, что Франция была обязана ими именно революционному правительству. «Я не думаю, что деспотизм порождает когда-либо в аду ли, на земле ли более величественное и ужасное чудовище, чем революционное правительство. <...> Весь ужас, который вызывает эта отвратительная тирания, не смог бы пересилить восхищения перед удивительной энергией такой громадной власти. И какой бы ни была судьба Франции в будущем, невозможно забыть, чем она обязана 1793 году и чем она обязана сегодняшнему дню, этому небывалому сплочению всех сил и всех ресурсов» (с. 150). Союзные государства проводили лживую политику: под предлогом ведения войны против Революции «государи на самом деле вели войну против Франции» (с. 113). В результате эта ошибочная политика облегчила

триумф Революции и укрепила могущество Франции. Нельзя отрицать, что, пожертвовав счастьем нынешнего поколения, ужасные революционные потрясения парадоксальным образом лишь увеличили политическую силу старой империи. Конечно, частично таких достижений добились путем преступлений и насилия. Но как, однако, не признать результаты военной экономики, применяемой в доселе невиданных масштабах и поддерживаемой усилиями всей нации? Как не вспомнить, что в конце 1793 г. этот народ опустошил все пороховые склады, израсходовал все запасы селитры и что в течение нескольких недель «ему удалось собрать до последних крупинок (если можно так сказать) это вещество, рассеянное по всей Франции, и благодаря рвению, с которым этот народ решился все это задумать и осуществить, нашел внутри страны больше ресурсов, чем казалось до того момента» (с. 114).

С этой точки зрения даже ассигнаты и, следовательно, ужасная инфляция, которая разрушила страну и уничтожила личные сбережения самого Мейстера, даже это бедствие обернулось выгодой для ведения военных действий. Правительство финансировало войну благодаря необыкновенной «феерии ассигнатов». Ассигнаты также способствовали более быстрому обороту богатств, реальных или фальшивых, но в любом случае это приносило выгоду правительству. Ассигнаты в некотором смысле превратились в налог, взимаемый со всей страны, а значит и со всей Европы. Благодаря мужеству солдат, талантам генералов и мобилизации нации Франции удалось отбиться от всех врагов. После трех лет войны у нее все еще оставались многочисленные армии, лишённые предметов первой необходимости, но зато опьяненные славой и успехом. Франция не только не уступила ни пяди своей земли, но и «отважилась расширить свои границы дальше, чем когда-либо осмеливался мечтать Людовик XIV» (с. 115).

Эта удивительная преемственность между мечтами Людовика XIV о могуществе и завоеваниями революционных армий дает пищу для размышлений. Ведь она подтверждает основную идею Мейстера: какими бы тяжелыми ни были революционные потрясения, в частности, нанесенная Террором травма, однако вопреки революционным лозунгам, провозглашающим появление «нового народа», французский национальный характер не изменился. «Какие бы новые формы ему ни старались придать, национальный характер остается все тем же. Да и существует ли такая нация, чей характер мог бы быть переплавлен в период, ограниченный всего несколькими годами? Какой национальный характер смог бы дольше сопротивляться властному общественному мнению,

жесточайшим испытаниям, если не тот, чья сила состоит прежде всего в его гибкости, которая делает его одновременно и таким легким, и таким подвижным? Французы во времена Жакерии, Католической лиги, Фронды, тирании Робеспьера внешне отличаются друг от друга, но разве внимательный наблюдатель не узнает в них все тех же потомков древних галлов, которых столь прозорливо описывали Тацит и Цезарь? <...> Мы говорим о патриотизме и свободе; но [всегда] желаем власти и богатства, нас опьяняют слава и тщеславие. У нас случаются приступы мстительности и ярости, подобные ярости и свирепости тигра. Но по своей природе мы подобны лишь обезьяне: в нас ее тревоги и насмешливость, ловкость и нетерпение. При обладании умением потакать фантазиям этого народа и их ему навязывать, нет ничего невозможного для его живого ума и блистательной храбрости» (с. 122–123).

Признание неизменности с течением веков национальных стереотипов – общее место в культуре Просвещения; иначе говоря, эти «характеры» образуют связь между ученой и народной культурами: примерно одни и те же шаблоны можно найти и в произведении Монтескье, и в альманахах для простонародья. Ссылки на «национальный характер» французов как на движущую силу Революции (как это делает Мейстер) успокаивали – это все равно как найти знакомый ориентир во время бури. Согласно Мейстеру, эта Революция, провозглашавшая абсолютный разрыв с прошлым, своими деяниями вписывалась в историческую преемственность. Секрет этого необыкновенного потрясения состоял в том, что, по своей сути, оно было и оставалось французским. Эта Революция не была такой, как другие, и, однако, от начала и до конца это *французская* революция. С одной стороны, революционное правительство взяло на себя заботу об исконных интересах Франции, а с другой, французский национальный характер сохранился вне зависимости от революционных перипетий.

В Европе века Просвещения, настаивает Мейстер, эти неизменные национальные идентичности, «самобытные характеры» наций становятся все труднее различить, и это мешает сохранению уникальности различных европейских народов. «Все смешалось, все друга на друга походят. Нравы, политика, философия развиваются во всех государствах Европы более или менее одинаково, в рамках общей системы. Настроения, доминирующие в главных столицах, склонность к путешествиям, к чтению и в особенности к коммерции сформировали, если можно так сказать, из всех народов Европы один». Между методами изучения древних народов и современные нации возникла огромная

разница. Для понимания древних достаточно было знать их законы, обычаи и религии. «А если бы о нас знали только это, то понимали бы нас совсем плохо. Наши законы, наши обычаи, наша религия стали нам практически чуждыми; по крайней мере, наши нравы и философия сильно ослабили их влияние на наш образ мыслей». Что касается современников Мейстера, то об их национальных особенностях лучше судить по духу театров, по стилю романов, по тону острот, а не по законам, богослужению или принципам правления. Чтобы оценить, применимо ли это наблюдение также и к революционной Франции, неплохо было бы разобраться, изменили ли за двадцать лет следовавшие друг за другом революционные конституции французский характер или «не изменит ли скорее наш характер конституцию»⁷.

Какой бы ни была долгосрочная политическая эволюция Франции, в настоящее время после всех испытаний она особенно нуждалась в порядке и успокоении. Отсюда отношение Мейстера к политическому кризису, свидетелем которого он был во время своего пребывания в Париже. Умеренная монархия и ее сторонники, конечно, вызывают гораздо больше симпатии, чем находящиеся у власти цареубийцы, однако политический здравый смысл говорит ему, что нужно примкнуть к нынешнему правительству. Мейстер присоединяется к позиции, которая была довольно близка к взглядам мадам де Сталь и Бенжамена Констана: только правительство, появившееся в ходе Революции, способно защитить страну от возвращения Террора и Революцию закончить. Попытки восстановить Старый порядок и монархию неизбежно приводят к резким ответным действиям со стороны республиканского правительства, и в результате ему не остается ничего иного, кроме как вновь начинать Революцию, погружающую страну в анархию. Парадоксальным образом вещи поменялись местами. Республиканское правительство, рожденное Революцией, превратилось в консерватора, гаранта порядка и внутреннего мира, в то время как проводники контрреволюции стали причиной беспорядков и рисковали лишь продлить революционную бурю⁸.

⁷ См. *Meister H. Souvenirs de mon voyage en Angleterre*. Zurich, 1795. Т. 1. P. 182–186.

⁸ Выпуск «Литературной корреспонденции» от июня 1796 г. предоставляет своим именитым подписчикам не только два фрагмента «Моего последнего путешествия в Париж», но и подробную и благосклонную рецензию на брошюру Констана «О силе нынешнего правительства Франции и о необходимости к нему присоединиться» (см.: *Kölvig U., Carriat J. Inventaire de la «Correspondance littéraire» de Grimm et Meister*. [2004]. Vol. 4. P. 213). Однако Мейстер упрекает Констана в том, что тот относится безразлично к жертвам Террора и забывает о них, но при этом настроен слишком снисходительно к виновникам Террора.

Поэтому нужно примириться с реальностью и приспособиться к обстоятельствам, принять историю, которая никогда не поворачивает вспять. А так как Мейстер ненавидит революцию и хочет избежать ее возвращения, то он выступает за принятие нового политического порядка – порядка, фатально запятнанного революцией, но все же порядка. Недавно принятая новая конституция говорит в его пользу. Конечно, она не совершенна; в частности, Мейстер считает признаком нестабильности режима необходимость ежегодно обновлять треть депутатов обоих Советов. Стоит ли ремонтировать механизм каждый год, особенно у «столь вспыльчивого, столь легко воспламеняющегося, столь переменчивого народа, как французский?» (с. 153). Однако так как эта конституция ближе всего к принципам представительного правления, она лучше, чем две предыдущие. И потому здравый смысл призывает поддерживать правительство, а не дестабилизировать его.

В долгосрочной перспективе новый режим должен столкнуться со сложной культурной проблемой: «Как прочно установить новый политический режим и новые правила морали у народа, чей язык и литература достигли такого высокого уровня совершенства, какой, судя по всему, вообще можно только достичь» (с. 129). Так как революция – это не только разрыв, но и преемственность, новый режим неизбежно вынужден примириться с культурным наследием прошлого. В театрах, к счастью, вновь играют Расина и Вольтера, Мольера и Корнеля. Однако столь совершенный язык и написанные на нем литературные шедевры неизбежно несут отпечаток Старого порядка и прежних нравов. Если нивелировать неравенство и все социальные различия, что станет с изяществом стиля Расина и Фенелона, с вольтеровским духом, с утонченным красноречием Боссюэ и Мабийона? Как не жалеть об обломках той эпохи, когда гений породил столь утонченное чудо? Эти сожаления, вероятно, были бы не столь сильными, если бы революционная Франция воспитала гений, сравнимый с гением Корнеля или Расина. Однако к тому моменту революция многое разрушила и не создала ни одного шедевра, который был бы достоин шедевров прошлого, не считая Марсельезы. Можно даже сказать, что Революции особенно не хватало именно литературного гения.

Таким образом, несмотря на революционные потрясения, Франция осталась Францией, и это была первая хорошая новость Термидора. Раненый, изменившийся Париж все же остался Парижем, такова была вторая хорошая новость. Город сохранил свою идентичность благодаря своей необыкновенной способности забывать.

Воспоминания о Терроре все еще видны повсюду, и все будто бы находится во временном состоянии. «Что меня больше всего поразило в Париже, так это странный характер неуверенности, переходного периода, заметный почти на всех лицах, люди выглядят тревожными, подозрительными, беспокойными, часто даже растерянными и нервными» (с. 90). Всего год назад Париж представлял собой огромную тюрьму, а сегодня прежние жертвы обязаны соседствовать с бывшими палачами. В качестве примера Мейстер рассказывает следующий анекдот. Мужчина выходит из кафе. «Так вот, – говорит один из моих соседей другому, – мужчина, который только что вышел, погубил 22 человека из моих знакомых. – Однако вы только что хорошо с ним разговаривали. – Увы, он действительно чудовище, но в те времена он оказал мне большую услугу. – А, ну тогда ясно». И затем Мейстер комментирует: «Представляете, какое впечатление этот маленький диалог произвел на сердце вашего бедного швейцарца?» (с. 90–91).

Париж, конечно, большой город, где одно впечатление сменяется другим, где беспрестанно встречаются новые лица, где вечерний спектакль заставляет забыть о дневных заботах⁹. Иными словами, быстрый ритм городской жизни способствует забвению: пережив ужасную революцию, большой город, тем не менее, легко о ней забывает. Революционные события следуют одно за другим с необычайной скоростью и не оставляют никому досуга, чтобы задержаться в прошлом и оценить величину своей беды и своих утрат. «Ничто не способствует лучшему забвению о большой опасности и великих страданиях, чем счастье оказаться спасенным». В череде тяжелых буден совсем нет времени задерживаться на воспоминаниях. Нищета, а часто голод, необходимость защитить себя от новых опасностей, столкновения с «настоятельными потребностями каждого дня, каждого момента» поглощают все силы души. И лекарство заключено именно в этих бедах; бедствия великой

⁹ Мейстер восхищался идиллиями Гесснера, которые он сам переводил, но при этом он ощущает себя горожанином и космополитом. «На подступах к этой пышной столице (Лондону) я испытал чувства радости, счастья и безопасности, которые всегда вызывает у меня вид города через несколько дней путешествия или отсутствия в нем. Я очень хорошо знаю, что подобные эмоции не являются ни романтическими, ни поэтическими, ни пасторальными. <...> К счастью или нет, но я считаю себя в большей степени космополитом, чем гражданином, и большие города кажутся мне родиной для всех независимых и культурных людей; это центр, куда стекаются все таланты, все искусства, все знания, все ресурсы Нации. Именно из этого очага просвещения и активной деятельности беспрестанно распространяются все блага, которые гению и цивилизации угодно изливать на человеческий род». – *Meister H. Souvenirs de mon voyage en Angleterre*. I. с. Т. I. P. 22–23.

революции в некотором смысле помогают благодаря той скорости и даже беспощадности, с которой они сменяют друг друга, возродить мужество и терпение, необходимые, чтобы им противостоять. Раненый и искалеченный Париж, переживший Террор, на каждом шагу демонстрировал бурлящую жизнестойкость. В поисках образа, который мог бы послужить его воплощением, «представить в себе все население этого огромного города», Мейстер вспоминает о бедном создании, хорошо известном всем парижанам:

«Когда посреди столь мрачных и мучительных сцен я вижу еще и столько роскоши и спеси, столько странных причуд и легкомыслия, то не могу удержаться от того, чтобы не представить весь народ этого огромного города в виде того несчастного марсельца, которого тогда можно было увидеть в самых разных местах и при виде которого я никогда не мог сдержать удивления. Хотя все члены его были искалечены, одна нога привязана к плечу, а под культей второй ноги приспособлена кожаная подушечка, он все же весело передвигался по улицам и перекресткам, опираясь на подушечку и на свои кулаки, дерзко глядел на всех и распевал во все горло патриотические песни.

Эту нацию сильно измучили во всех смыслах этого слова, навязав ей совершенно противный ее вкусам и естественным склонностям образ жизни, но она все равно сохранит и ту пламенную живость, благодаря которой она все еще существует, и ту счастливую веселость, благодаря которой она развлекается и утешается» (с. 99).

Так, одновременно и драматично, и оптимистично, можно было бы и закончить этот рассказ о визите в Париж Анри Мейстера в 1795 г. Однако книга заканчивается длинной главой о салонах, существовавших еще до Революции, грустными и подробными воспоминаниями о навсегда утраченном мире. Эти прекрасные страницы, помимо лирических откровенностей и салонных бесед, можно расценить как один из первых *социологических анализов салона в качестве культурного института*. Остановимся на нескольких мыслях о социальности равных, на роли женщин, на искусстве нравиться и на подъеме литературы:

«Труднее всего из всей прежней Франции, прежнего Парижа не жалеть об утрате обаяния общества, какого никогда доселе не было и которое, возможно, никогда уже не поднимется на столь высокий уровень, по крайней мере, таким образом».

Это общество появилось в результате уникального стечения обстоятельств, достоинств и недостатков, злоупотреблений и преимуществ,

просвещения и предрассудков, соединение которых было одновременно весьма естественным и в то же время совершенно особенным. Салон был социальным и культурным институтом, возникшим из-за социального неравенства, то есть из существования праздного «класса общества», которое благодаря «хорошо или плохо установленным социальным различиям» было окружено одними увеселениями, почетом, вниманием и уважением. Подобный образ жизни не мог не оставить на всех привычках этого привилегированного класса определенный отпечаток благородства и утонченности, которые, пусть даже непреднамеренно, всегда характеризовали его поведение и язык. Самый близкий к ним социальный класс был классом литераторов и художников, которые благодаря своим талантам также возвышались над обыденностью, а благодаря своему воображению и мечтам переносились в идеальный мир. В отношениях между этими двумя классами порой была заметна некая отчужденность, однако они постоянно чувствовали взаимное притяжение друг к другу в силу своих общих потребностей, увеселений и полезных затей. Кроме того, в Париже все привилегии статуса, места, рождения исчезали при светском общении и прощались приятному человеку; в салоне ценились лишь вкус, талант, остроумие, и тем самым он способствовал внедрению равенства в социальность:

«Таким образом, во времена Старого порядка, так глупо оболганного невежеством и духом соперничества, в собраниях, куда стремились более всего, можно было найти людей самого разного социального статуса, и все там в полной мере обладали равными правами, поскольку все старались привлечь внимание и понравиться» (с. 165).

Однако салон не был пространством социального смешения: каждый самым естественным образом занимал свое место, никому не приходилось напоминать о том, где им следовало бы быть. Людям, которых часто можно было встретить в одном и том же салоне, никто не предлагал собираться вместе только потому, что у них были общие деловые интересы или какие-либо чувства друг к другу:

«Единственная цель, которая побуждала их встречаться, была потребность, столь распространенная в каждом огромном городе, переполненном множеством бездельничающих богачей, – потребность более настоятельная, чем можно себе представить, – занять праздный ум или же принять участие в какой-либо активной деятельности за их собственный или за чужой счет» (с. 166).

Одно из самых знаменательных преимуществ этих объединений людей столь разных характеров и состояний выражалось в том, что те,

кто хотел достичь там успеха, вынужден был говорить на языке, который был бы услышан всеми; представлять те факты и идеи, которые позволяли бы вести беседу; иными словами, ни на чем подробно не останавливаться, подхватывать чужие удачные мысли, чтобы еще больше обратить на себя внимание, давать слово другим и рассуждать не только живо и быстро, но ясно и ярко.

Беседа – обязательный элемент салона, а женщины являлись его душой и хозяйками. Без сомнения, доминирующее влияние женщин поддерживало склонность к фривольностям, ту легкость отношений, которая столь часто ставилась в упрек французской нации. Но никакие предрассудки не должны заставить забыть преимущества, которым мы обязаны женскому обществу. «Без женщин политическое и нравственное общество в широком смысле слова никогда бы, без сомнения, не существовало». Как общество парижских салонов «могло бы без женщин обладать таким очарованием, такой увлекательностью, которые превращали его в одно из самых приятных удовольствий?» (с. 174). Быть известной хозяйкой салона – это уникальный талант, который не ограничивался лишь тем, чтобы собрать у себя подходящих друг к другу людей. Требовалось также, чтобы хозяйка дома умела разглядеть, что интересного каждый из них мог привнести в разговор; чтобы она умела обращаться ко всем по очереди и побуждать, избегая бестактности и притворства, одного говорить, а другого замолчать; чтобы попросить кого-то, кто мог это сделать лучше всех, рассказать анекдот, а у другого спросить его мнение по поводу какого-либо произведения или события; чтобы она была уверена, что этот человек выскажет наиболее точное суждение или, по крайней мере, наиболее искусное и остроумное:

«Я бы охотно сравнил талант этих хозяек дома с талантом музыканта, который, чтобы управлять большим оркестром, слушает всех и смотрит за всеми, умеет сдерживать темп одних исполнителей, но увеличить его у других, предугадать как можно раньше любой возможный диссонанс и постоянно придерживается той золотой середины, без которой лучшая в мире музыка перестает производить впечатление» (с. 171).

Конечно, это талант, но также и искусство, которому учатся, совершенствуют и передают и которое в то время достигло самого высокого уровня. Мастер воскрешает в памяти великих хозяек салонов той эпохи, из поколения в поколение передававших друг другу эстафету: мадам де Тансен, мадам Жофрен, Жюли де Леспинас и, наконец,

мадам Неккер¹⁰. Общение с этими женщинами учило большому, нежели пустому умению говорить с изяществом и умом милые пустяки, которые занимают так много места в обычных разговорах:

«Именно у них можно было научиться выражать разумные и важные идеи как можно более ясно, так как только при этом единственным условии можно было надеяться, что их услышат. У хозяек салонов также учились преподносить мысли с большим изяществом и простотой, так как только при этом условии можно было бы льстить себя надеждой, что вас выслушают» (с. 175).

Разнообразие мнений и совершенная свобода выражения обеспечивали яркий и живой разговор; присутствие хозяйки дома позволяло его смягчить и обуздать. Конечно, среди завсегдатаев были свои исключения, например, Дидро, чье изобилие знаний, масштабность идей, жар красноречия выходили за пределы негласно принятых норм, и только он один мог говорить без остановки: не сказал ли Вольтер, который увидел его первый раз в 1778 г. во время своего пребывания в Париже, покидая город: «Вот человек удивительного ума, но он не умеет выходить из режима монолога». Однако салонное общество умело также быть терпимым по отношению к великим людям.

Искусство ведения беседы, искусство рассказывать и слушать дополняли в салоне друг друга. Искусство и природа диалога, одного из высших достижений французского театра, испытали на себе счастливое влияние салона. Да и не только диалога! Как не признать, что эта уникальная атмосфера и удивительный культурный тренд повлияли на то, что теперь ставится в заслугу писателям Франции XVIII в.:

«Конечно, именно они более всего поспособствовали освобождению науки от того, что могло бы превратить ее в утомительное и возмутительное занятие; это они сделали ее доступной для всех умов, они превратили ее, я бы не сказал в популярное, потому что мы слишком злоупотребляем этим словом, но в более общественное занятие» (с. 180).

С исчезновением определенного образа жизни этот культурный тренд и литературный стиль, с ним связанный, также подошли к концу. Однако новая литература, которая должна бы была прийти им на смену, заставляла себя ждать.

¹⁰ Мейстер не упоминает ни мадам де Сталь, ни ее салон. Подразумевает ли он, что ее салон, получивший известность накануне Революции, уничтоженный революционными превращениями, едва восстановленный в начале Директории после возвращения мадам де Сталь из Коппе в Париж, что ее салон уже принадлежал к иной социальной и культурной формации, нежели прежние салоны Старого порядка?

Как не ностальгировать по этому миру, такому близкому и уже такому далекому, который сгинул и никогда уже не появится вновь? Сюар написал Мейстеру в благодарность за его книгу:

«Ваше прекрасное сочинение о том обществе, которые вы наблюдали и которого уже никогда нам не видать, – самое исключительное литературное произведение, и пусть люди со вкусом полюбят его перечитывать, а люди с чувствительной душой полюбят вновь смотреть на портрет приятного человека, о потере которого они будут сожалеть вечно»¹¹.

Постскриптум

Через пять лет, в апреле 1800 г., другой путешественник после девяти лет отсутствия вновь увидел Париж. Шатобриан въехал с западной стороны, через заставу Этуаль. Как и Мейстер, он был удивлен оживленными улицами, бурлением города, однако с первого момента он был поражен тем странным спокойствием, которое ускользнуло от внимания Мейстера, обладавшего тонким слухом, но бывшего умеренным протестантом. Было воскресенье, и Шатобриан услышал тишину. «Несмотря на веселье улицы, колокольни были немые; мне показалось, что я вернулся в день великой скорби, в день Страстной Пятницы». Как и Мейстера, Шатобриана поразила удивительная способность забывать, проявившаяся у парижан. Площадь Согласия, ранее называвшаяся площадью Революции, где погибли их близкие и где сложил голову Людовик XVI, стала для него местом паломничества; писатель обнаружил, что там все еще возвышается «кровавая машина», и побоялся «наступить на кровь, от которой не осталось ни следа». Голая и пустая, эта площадь «обветшала, она имела унылый вид старого амфитеатра»; прохожие пересекали ее быстро, не уделяя ей особого внимания. Однако вскоре он тоже привык к новому городу; он нашел в нем особый дух, похожий на тот, который, по мнению Мейстера, был окончательно утерян:

«Понемногу я начал находить вкус во французской общительности, этом прелестном, легком и быстром обмене мнениями, этом отсутствии всякого чванства и всяких предрассудков, этом невнимании к богатству и именам, этом врожденном равнодушию к титулам и чинам, этом равенстве умов, которое делает французское общество не-

¹¹ Suard à Meister, lettre du 8 septembre 1797 // Bibliothèque publique et universitaire de Genève. Ms. fr. 2485. Enveloppe 6.

подражаемым и искупает наши недостатки: стоит провести среди нас несколько месяцев, и вы почувствуете, что не можете жить нигде, кроме Парижа»¹².

Список литературы

- Chateaubriand R.* Mémoires d'outre-tombe / Ed. de J.- P. Clément. P., 1997. Correspondance littéraire, philosophique et critique, par Grimm, Diderot, Meister, etc. P., 1878.
- Inventaire de la Correspondance de Grimm et de Meister. Oxford, 1984. 4 vols.
- Humboldt W. fon.* Journal parisien (1797-1799). P., 2001.
- Kölvig U., Carriat J.* Inventaire de la «Correspondance littéraire» de Grimm et Meister. [2004]. Vol. IV.
- Meister H.* Souvenirs de mon dernier voyage à Paris (1795). Publiés pour la Société d'histoire contemporaine par Paul Usteri et Eugène Ritter. P., 1910.
- Meister H.* Souvenirs de mon voyage en Angleterre. Zurich, 1795. T. I.
- Mercier L.-S.* Le nouveau Paris / Edition établie sous la direction de J.- Cl. Bonnet. P., 1994. P. 835–836.
- Moog-Grünwald M.* Jacob Heinrich Meister und die «Correspondance littéraire». Berlin, 1989.

¹² *Chateaubriand R.* Mémoires d'outre-tombe / Ed. de J.- P. Clément. P., 1997. T. 1. P. 753–757. Русский перевод: Шатобриан Ф.П. де. Замогильные записки / Пер. с фр. О. Гринберг и В. Мильчиной. М., 1995. С. 177.

*Д.В. Зайцева**

ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПАРИЖЕ ТЕРМИДОРИАНСКОГО ПЕРИОДА

В статье раскрываются специфические особенности публичного пространства термидорианского Парижа на основе анализа ежедневных донесений полицейских агентов, опубликованных французским историком А. Оларом в конце XIX в. Автор, в частности, исследует общественные настроения парижан, анализируя темы их разговоров в наиболее посещаемых публичных местах города – кафе и театрах. Кроме того, в работе рассматривается влияние значимых общественно-политических событий на тематику публичных дискуссий.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., термидорианский период, публичное пространство.

XVIII век стал поистине переломным для западной цивилизации. Это – период переоценки ценностей, растущих сомнений в необходимости христианской религии, время, когда еще недавно казавшиеся непоколебимыми истины подверглись сомнению; это эпоха господства рационализма, когда просвещенные элиты поверили в то, что с помощью разума можно изменить мир, придумать совершенно новый общественный порядок и воплотить его в жизнь.

В то время менялось не только сознание общества, но и само общество. Помимо официальной власти появилась новая, могущественная сила, имя которой – общественное мнение. Именно в XVIII в. этот феномен стал «мощным и влиятельным интеллектуальным, а порой и политическим фактором»¹. Любые изменения в социально-политической жизни государства тут же находили отклик в общественном сознании. Особую роль общественное мнение играло во Французской

* *Дарья Владимировна Зайцева, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.*

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 14-18-01116.

¹ *Тортароло Э. Общественное мнение / Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 286.*

революции, когда общество «приобрело себе право свободно думать и говорить, понемногу утраченное монархом»². Происходил поиск новых форм социальности – повсюду, где имело место распространение идей: «в театрах, изменивших свое предназначение после падения прежней власти; в доступных для публики общественных местах, вроде праздничных эспланад; в таких недавно созданных и политически закрытых сообществах, как народные клубы. Но сюда же можно с полным основанием отнести кабаки, улицы и площади (где производились смертные казни), секционные собрания и комитеты бдительности»³. С началом якобинского Террора общественное мнение было поставлено под жесткий государственный контроль и лишь после переворота 9 термидора и ликвидации режима революционного правления смогло вновь заявить о себе.

Термидорианский период – это переходное время, характеризующееся «сочетанием разрыва и преемственности»⁴: с одной стороны, шло решительное отмежевание от прошлого, от наследия революционной диктатуры, с другой – происходил переход к конституционному способу управления государством и «закладывались основы политической системы Франции на следующие четыре года»⁵. Это был период, когда новая власть стремилась вывести страну из Террора⁶, а общество шаг за шагом возвращалось к мирной жизни и относительной свободе слова. По мере постепенного демонтажа революционной диктатуры происходило всё большее оживление активности прежних институтов общественного пространства. В кафе, театрах, клубах, светских салонах вновь закипели дискуссии о текущих событиях политической и общественной жизни.

Какие именно темы казались тогда наиболее актуальными? Как в рамках публичного пространства формировалось о них общественное мнение? На эти вопросы я попытаюсь ответить, проанализировав, как в термидорианском Париже функционировали наиболее демократичные и массовые институты публичного пространства – кофейни и театры. Основным источником исследования послужит опубликованное в конце

² Бурден Ф. Революционная аккультурация: борьба за новую социальность // ФЕ 2001. М., 2001. С. 201.

³ Там же. С. 201–202.

⁴ Подробнее см.: Бачко Б. Культурный поворот III года Республики // ФЕ 2000: 200 лет Французской революции 1789–1799 гг.: Итоги юбилея. М., 2000.

⁵ Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005. С. 5.

⁶ См.: Бачко Б. Как выйти из Террора? Термидор и революция. М., 2006.

XIX в. А. Оларом собрание донесений полицейских осведомителей, ежедневно посещавших места массового скопления горожан и докладывавших начальству обо всем там увиденном и услышанном⁷.

* * *

После 9 термидора парижские кофейни – это прежде всего популярное место встреч, куда приходят отдохнуть после работы, в первую очередь ремесленники и рабочие, место, где «играют, ссорятся, заключают пари, разговаривают о делах, ищут работу или жилье, поют, громко болтают, распространяют новости и запрещенные тексты, а при случае решают устроить забастовку»⁸. Судя по донесениям полицейских агентов, чаще всего парижане в кофейнях да и в прочих публичных местах говорили о политике.

В конце 1794 г. наиболее обсуждаемой темой был суд над Ж.-Б. Каррье и его пособниками. Член Конвента Каррье снискал себе славу одного из наиболее кровавых и беспощадных деятелей времен Террора. Во время своего пребывания в Нанте в качестве «проконсула» – так называли представителей Конвента на местах, наделенных практически неограниченными полномочиями, – он использовал для борьбы с «противниками Республики» такой способ казни, как массовые «потопления», за что после Термидора был призван к ответу. «Дело Каррье» широко освещалось в печати и, как докладывали полицейские агенты, активно обсуждалось публикой.

В донесении от 23 октября 1794 г. говорится, что «народ настойчиво требует ареста Каррье и предания его Революционному трибуналу»⁹. Добавлялось также, что «каждый по утрам ожидает увидеть его в числе осужденных»¹⁰. Вскоре Каррье был действительно отдан под суд, который 16 декабря 1794 г. приговорил его к смертной казни. Эта новость была с одобрением встречена парижанами, которые радовались судебному постановлению, вынесенному Каррье и его соучастникам¹¹. Случалось, что и сами участники процесса заходили в эти кофейни. Так, сообщалось, что однажды в кафе «Ка-

⁷ *Aulard A.* Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. P., 1898. T. 1–2.

⁸ *François E., Reichard R.* Les formes de sociabilité en France du milieu du XVIIIe siècle au milieu du XXe siècle // *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine.* 1987. № 3. Juillet-septembre. P. 453.

⁹ *Aulard A.* Op. cit. T. 1. P. 194.

¹⁰ *Ibid.* P. 204–205.

¹¹ *Ibid.* P. 319.

нонье» ужинал Жан Жак Гуллен, один из главных членов революционного Комитета Нанта, который незадолго до этого был оправдан судом, но публика узнала его и прогнала со словами: «То, что он был оправдан Революционным трибуналом, еще не значит, что его оправдало общественное мнение»¹². Помимо того, «одобряя приговор, вынесенный Каррье и двум его сообщникам, народ недоволен освобождением остальных нантцев. Последние обедали вчера у Мео в Пале-Эгалите, а вечером в кафе Фуа, Каво и других. Ропщут главным образом против судей, которые их оправдали. В десять часов вечера в кафе Каво распространилась новость, что Комитет общей безопасности хочет задержать нантцев, но установить ее источник не удалось»¹³.

Еще одна персона, вызывавшая живой интерес у парижан, – депутат Конвента Жан-Ламбер Тальен. Правда, в первые дни после переворота его имя в полицейских донесениях практически не встречается, хотя 9 термидора именно он первым выступил против Робеспьера. Но, когда в ночь с 9 на 10 сентября 1794 г. на него произошло покушение, слух о смерти депутата моментально разнесся по Парижу и стал одной из самых обсуждаемых тем. В газетах писали о том, что народный представитель якобы убит и событие это «является предметом всех разговоров»¹⁴. Пресса именвала Тальена «смелым депутатом»¹⁵, отмечая, что «народ принимает величайшее участие в том, кто первым осмелился выступить против Робеспьера»¹⁶. Покушение обеспечило головокружительный взлет популярности Тальена. Вот что об этом пишет политический деятель того времени Этьенн Паскье:

«Я видел его, когда спустя несколько дней вновь появился в театре Одеон. Все знали, что он [Тальен] должен прийти сюда, и ждали его. Никогда еще зрительный зал не был так полон. Места всем не хватало: лестницы были заполнены, также как и партер. Одним словом, какой прием! Мужчины, женщины – все поднимались на скамьи, чтобы как следует его рассмотреть.

Схожие сцены повторялись в течение всего конца этого года. Еще ни одна оказанная [обществу] услуга, какой бы значимой она ни была,

¹² Ibid. P. 322.

¹³ Ibid. P. 319.

¹⁴ Ibid. P. 93.

¹⁵ Ibid. P. 93.

¹⁶ Ibid. P. 93.

не вызывала такого признания, не вознаграждалась такой пылкой и трогательной благодарностью...»¹⁷

Однако сиюминутная вспышка народной любви вскоре угасает, и в публичных разговорах начинают обсуждаться и темные пятна в биографии Тальена, прежде всего его предполагаемой роли одного из организаторов сентябрьских убийств 1792 года: «Вчера в кафе дю Каво бурно выступали против представителя Тальена, и несмотря на его мнимые доказательства невинности, его осуждали как одного из главарей убийств первых дней сентября 1792 г.»¹⁸ Подобные обвинения звучали неоднократно. В донесении от 1 сентября 1795 г. говорится, что в кафе молодые люди обсуждали народных представителей, включая Тальена, и «приводили в этой связи такие факты, которые вызывали достаточно язвительные эпитеты»¹⁹.

Очень часто общественное недовольство высказывалось против якобинцев: в течение всего термидорианского периода эта тема муссировалась в разных кофейнях и других публичных местах. Например, в одном из донесений от 7 января 1795 г. можно прочесть: «В кафе Канонье <...> поносят Марата и перевозносят Корде. По словам Готье, одного из наших служащих, посетители названного кафе намереваются отправиться на площадь Единения (Réunion) с кирками и рабочими инструментами и снести воздвигнутый ему памятник»²⁰.

Якобинцев винили во многих неприятностях и повторяли, что они – причина всех бед²¹. Нападки на них зачастую сопровождалась пением «Пробуждения народа» – своего рода гимна Термидора. Также, согласно одному из донесений, «большая толпа молодых людей расхаживала по кофейням с возгласами «Долой якобинцев!», неся с собой бюст Марата, который в конце концов выбросила в фонтан Национального сада, распевая при этом «Пробуждение народа» и выкрикивая «Да здравствует Конвент!»²².

Много говорилось и о политике термидорианского Конвента. Если на первых порах звучали в основном восхищенные отзывы, то на исходе 1794 г. все чаще в полицейских донесениях можно найти свиде-

¹⁷ Mémoires du chancelier Pasquier, publiée par M. le duc d'Audiffret-Pasquier. P., 1893. T. 1. P. 113.

¹⁸ Aulard A. Op. cit. T. 2. P. 254.

¹⁹ Ibid. P. 212.

²⁰ Ibid. T. 1. P. 372.

²¹ Ibid. P. 372.

²² Ibid. P. 526.

тельства народного недовольства мерами Конвента и экономическим положением в целом.

Едва придя к власти, термидорианцы спешили поскорее порвать с прошлым. Один из первых декретов термидорианского Конвента отменял закон от 22 прериаля II года (10 июня 1794 г.) об упрощенной процедуре судопроизводства, который в свое время открыл дорогу Великому террору. С отменой его в начале августа 1794 г. по всей Франции прокатилась волна освобождений людей из тюрем. Эта мера вызвала бурю восторга у населения, свидетельства чего встречаются в полицейских донесениях практически ежедневно: «Общественное мнение по-прежнему имеет тенденцию к улучшению. Радость, появившаяся на многих лицах, кажется, укрепляет узы братства и возвещает о том, что многим гражданам была дана свобода <...>. Множество людей стекается к тюремным воротам, чтобы поздравить освобожденных граждан; величайшее спокойствие, величайший порядок и величайшая радость царят повсюду»²³. В последующие дни, 7 и 8 августа 1794 г., появляются аналогичные отчеты: «Общественное мнение по-прежнему соответствует истинным революционным принципам. Граждане заняты обсуждением многочисленных успехов наших войск, недавним торжеством свободы над тиранией»²⁴; «общественное мнение все еще сохраняет прежнюю энергию. Сердца, исполненные радости, позволяют выплеснуться чувствам, которые их наполняют. Они недвусмысленно выражают свое удовольствие от того, как Конвент идет к счастью Республики путем строгости, справедливости и гуманности»²⁵.

Вместе с тем едва ли не самой распространенной темой разговоров в парижских кофейнях была нехватка продовольствия и дороговизна товаров. Революция и война вызвали тяжелейший экономический кризис. Отвечая на требования беднейших слоев населения, Конвент 4 мая 1793 г. принял первый закон о «максимуме» – твердых ценах на зерно. Спустя несколько месяцев, 29 сентября, был издан декрет о всеобщем «максимуме», установивший не только твердые цены на продовольствие и предметы первой необходимости, но и верхний предел заработной платы наемных работников. В марте 1794 г. был принят очередной закон о максимуме, по которому верхняя планка цен повышалась, тогда как такса на заработную плату оставалась без изменений.

²³ Ibid. P. 22.

²⁴ Ibid. P. 23.

²⁵ Ibid. P. 26.

Со временем закон о максимуме показал свою неэффективность. Государственное нормирование цен в течение некоторого времени еще номинально сохранялось, но все более нарушалось на практике. Уже осенью 1794 г. закон о максимуме почти перестал соблюдаться, а декретом от 24 декабря 1794 г. были отменены все законы, касающиеся установления максимума цен на продовольствие и товары²⁶. Однако отмена максимума спровоцировала всплеск инфляции, во время которого биржевая спекуляция на ассигнациях и бумагах достигла невероятных размеров. В одном из донесений сообщалось, что «жадность торговцев в настоящее время находится вне всяких границ; цены на все товары установлены таким образом, что сто ливров бумажными деньгами стоят не больше десяти франков»²⁷.

Огромные состояния наживались на изменениях курса денег, на спекуляциях монетой и дефицитными товарами, на обмане во время поставок в армию, на воровстве государственного имущества и т.д. Все это вкупе с нехваткой продовольствия вызвало рост недовольства населения. С начала 1795 г. недовольство парижан Конвентом неуклонно усиливалось: в кофейнях и на улицах все чаще слышались жалобы на его политику. Особое раздражение вызывали многочисленные спекулянты, деятельность которых приняла массовый характер: «Чем более падали ассигнации, чем дороже становились продукты и товары, чем ужаснее была нужда – тем более занимались спекуляцией»²⁸. Граждане высказывались против спекулянтов, «алчность которых не знает границ»²⁹, а также говорили, что было бы неплохо, если бы правительство приняло карательные меры против биржевых игроков, которые делают все возможное, чтобы увеличить свои доходы³⁰.

Парижские рантье в свою очередь много жаловались на свое положение и говорили, что Конвент приносит их в жертву ради того, чтобы расточать свои милости фермерам, которые постоянно ими злоупотребляют и не прекращают раздражать общество своей бесчеловечностью и скупостью³¹.

²⁶ Документы истории Великой французской революции / Под. ред. Адо А.В. М., 1992. Т. 2. С. 143.

²⁷ *Aulard A.* Op. cit. Т. 1. Р. 636.

²⁸ *Добролюбовский К.П.* Экономическая политика термидорианской реакции. М.-Л., 1930. С. 186.

²⁹ *Aulard A.* Op. cit. Т. 2. Р. 7.

³⁰ *Ibid.* Р. 16.

³¹ *Ibid.* Р. 26.

Постоянно в публичных местах не стихали жалобы на голод. Практически каждый день появлялись сообщения о катастрофической нехватке продовольствия и самоубийствах среди граждан на этой почве. В донесении от 12 января 1795 г. сообщалось, что в кофейнях и кабаке «все те же разговоры о нехватке дров и угля. Деревенские жители грозятся больше не привозить съестные припасы, раз им мешают производить хлеб»³².

Недовольство экономическим положением привело весной 1795 г. к восстаниям в Париже. 1 апреля народ потребовал пересмотра политики властей, улучшения качества жизни и принятия Конституции 1793 года. Однако правительство на следующий же день с помощью армии разогнало восставших, которые не сумели скоординировать свои действия³³.

Власти не предприняли никаких действий, чтобы удовлетворить требования населения. Положение в стране продолжало ухудшаться: за месяц цены на хлеб вновь возросли, и, как следствие, в конце мая народ Парижа снова взбунтовался. На сей раз повстанцы вторглись в здание Конвента и убили одного из депутатов. Вскоре власти стянули в Париж войска и разоружили жителей предместий, а зачинщики и наиболее активные участники беспорядков были отправлены под суд³⁴. После апрельского восстания отношения к Конвенту ухудшилось. Все чаще в донесениях встречаются сообщения о критике Конвента и его политики: «В кафе Тюильри и Пале-Эгалите нехватка продовольствия вызвала очень дурные разговоры против Конвента, который, говорят, оказался в затруднительном положении из-за своей ошибки»³⁵. В донесениях от 2 апреля 1795 г. сообщается, что в кафе «Шартр» «один роялист высказался, что Франция слишком огромна, чтобы быть Республикой, и что мы не сможем обойтись без короля. Его попытались арестовать, но он скрылся в толпе»³⁶. В другом донесении того же периода говорится о другом субъекте, который «прокричал: «Да здравствуют якобинцы! Ко мне, патриоты!» Он был арестован и сопровожден в Комитет общей безопасности»³⁷.

³² Ibid. P. 30.

³³ Подробнее см.: *Тарле Е.В.* Жерминаль и прериаль // Тарле Е.В. Сочинения в двенадцати томах. М., 1959. Т. 6.

³⁴ *Чудинов А.В.* Французская революция: история и мифы. М., 2007. С. 305.

³⁵ *Aulard A.* Op. cit. T. 2. P. 99.

³⁶ Ibid. P. 631.

³⁷ Ibid. P. 631.

Будущая Конституция зачастую тоже подвергалась критике со стороны публики. Агент Компер докладывал, что слышал в кафе «Парнасс», «Манури» и «Режанс», как граждане «неблагоприятно отзывались о Конституции» и что «несмотря на старания правительства успокоить народ, давая ему немного больше хлеба и обещая прочие блага, <...> в некоторых департаментах и даже в наших войсках говорят о короле и желают короля»³⁸. Возмущались также депутатами, которые «с их жалованьем в 40 ливров в день не могут управлять нынешней системой и восполнять непомерные расходы, которые они производят каждый день», то есть «почти не занимаются нашими финансами и уменьшением наших несчастий»³⁹.

* * *

Еще одним важным местом формирования общественного мнения в период Термидора были театры. В донесениях, как правило, фигурируют наиболее популярные из них в то время – Фейдо, Искусств, Водевиль и прочие. Здесь, помимо спектаклей, обсуждали и общественно-политические события.

В первые месяцы термидорианской власти в донесениях из театров почти не содержится каких-либо значимых сведений. Агенты сообщали, что в многочисленных парижских театрах царит спокойствие, а «любовь к свободе и ненависть к тиранам – это два чувства, составляющие на сегодняшний день основу общественного мнения»⁴⁰.

Впрочем, и в театрах, как и везде, жаловались на вездесущих спекулянтов, которые наживались в том числе и на театральных билетах. Сообщалось, что перекупщики продают билеты по завышенным ценам, и с этим явлением очень сложно бороться. В донесении от 26 декабря 1794 г. говорилось: «Торговля билетами шла вчера весьма активно у входа в театр Искусств; арестовали семерых торговцев, которых сопроводили в полицию»⁴¹.

Бурное недовольство населения вызывало бронирование лож: люди с билетами, купленными в кассе, не находили себе свободного места, в то время как ложи пустовали. В этом видели «остаток прежних привилегий богатых, совершенно противоречащий господству

³⁸ Ibid. P. 190.

³⁹ Ibid. P. 266.

⁴⁰ Ibid. T. 1. P. 304.

⁴¹ Ibid. P. 340.

свободы»⁴². В театре Искусств, который являлся государственной собственностью, протестовали против бронирования лож особенно пылко, говоря, что это «нарушение принципа равенства и что никакие причины не могут оправдать эту привилегию для тех, кто хочет обеспечить себя местами заранее, оплачивая их по более высокой цене»⁴³. Как отмечает Луи-Себастьян Мерсье, бронирование лож – «это новейший плод распущенных нравов, непристойный обычай, приносящий как спектакль, так и публику в жертву двум-трем сотням высокомерных женщин, которые от нечего делать закрывают доступ в театр всем честным гражданам, ищущим в театре полезный отдых и не имеющим возможности позволить себе столь дорогое удобство. <...> Публика, не получив билетов, толпится у дверей залы, держа деньги в руках, и все это из-за лож, абонированных на целый год и пребывающих часто пустыми, к великому огорчению любителей, которые бегут искать утешения на бульварах, потеряв всякую надежду побывать в национальном театре»⁴⁴.

Сказывалась на театральной жизни и нехватка предметов первой необходимости. В донесении от 18 января встречается следующее сообщение: «Вчера в секции Бон-Консей говорили, что нужно прекратить спектакли из-за большого расхода в них дров и свечей»⁴⁵.

Вместе с тем театры были местом открытого выражения публикой тех или иных политических настроений. Доминирующим же настроением в первые месяцы после 9 термидора было отторжение всего, что напоминало об ушедшей в прошлое эпохе Террора. В частности, это проявлялось в упорном нежелании многих парижан носить кокарду. В сознании населения кокарда прочно ассоциировалась с якобинской эпохой, но носить ее по-прежнему обязывал закон. Согласно декрету о мерах, принимаемых, когда отечество находится в опасности, от 4–8 июля 1792 г.⁴⁶, каждый мужчина, проживающий на территории Франции или проезжающий по ней, был обязан носить национальную кокарду, за исключением послов и полномочных представителей иностранных держав, а 21 сентября 1793 г. был издан декрет, предписывающий ношение национальной кокарды и женщинам. Олар отмечает, что «ношение кокарды оставалось по-прежнему обязательно по закону,

⁴² Ibid. P. 304.

⁴³ Ibid. P. 321.

⁴⁴ Мерсье Л.-С. Картины Парижа. М., 1995. С. 184–185.

⁴⁵ Aulard A. Op. cit. Т. 1. P. 403.

⁴⁶ Документы истории Великой французской революции. Т. 1. С. 495.

но женщины старались подорвать к ней уважение, и полиции беспрестанно приходилось вмешиваться, чтобы заставить носить ее»⁴⁷. В полицейских донесениях встречаются многократные подтверждения этому. Кокарды старались носить незаметно, пряча под лентами или же вовсе не надевали. В донесениях встречается информация, что однажды три гражданки попытались войти в театр Монтань без кокард, а на предложение надеть их женщины ответили отказом. Тогда билетерше запретили их впускать, и дамы «предпочли лишиться своих билетов, чем подчиниться, и ушли, не произнеся ни слова»⁴⁸. Еще в одном донесении упоминается о случае в театре Искусств, где инспектор, заметив, что несколько актрис не имели кокард, зашел в театр, чтобы приказать им надеть их. Только двое согласились, остальные ответили, что кокарды носили только якобинцы⁴⁹. На требования полицейских надеть кокарду парижане зачастую отвечали отказом и проклятиями в адрес якобинцев, говоря, что те сделали ношение этого символа обязательным, а поскольку сами они не причисляют себя к таковым, то и не намерены его носить⁵⁰.

Ненависть к якобинцам здесь выражалась и в надругательстве над бюстами якобинских деятелей, которыми были украшены театральные залы. Особую неприязнь публика испытывала к Марату, ставшему одним из символов якобинского правления. В донесении от 3 февраля говорится, что в театре Лувуа бюст Марата был низвергнут, после чего «в театре зажгли ладан, чтобы очистить то место, куда этот бюст упал»⁵¹.

Порою театры становились местом различного рода выходок «золотой молодежи», демонстрировавшей свое негативное отношение к недавнему периоду революционного правления. Так, в одном из донесений можно прочесть: «В театре Монтань молодые люди поместили бюст Жан-Жака на пьедестал, где прежде стоял бюст Марата, со словами: «Добродетель сменяет злодейство». Затем они водрузили гражданский венец на голову Руссо и в знак искупительного жертвоприношения подожгли газету Бабёфа, что было с живостью одобрено присутствующими»⁵². Неизменными были и песни против террористов,

⁴⁷ Олар А. Политическая история Французской революции. Пг., 1918. С. 357.

⁴⁸ Aulard A. Op. cit. Т. 1. P. 364.

⁴⁹ Ibid. P. 654.

⁵⁰ Ibid. P. 312.

⁵¹ Ibid. P. 499.

⁵² Ibid. P. 468.

которые распевались на всех спектаклях и повсеместно горячо приветствовались⁵³.

Не только якобинцы подвергались нападкам со стороны населения, но нередко и действующая власть. Время от времени встречаются донесения наподобие следующего: «Вечером, при выходе со спектакля, один тип прокричал на углу улиц Луа и Оноре: “Мнения свободны и я заявляю, что и якобинцы, и Конвент — мошенники, которые погубили Францию!” – и скрылся так живо, что его не смогли поймать»⁵⁴. Иногда споры принимали весьма нешуточный оборот: «Бурная ссора возникла на спектакле в «Амбигю-комик»; за кулисами обсуждали якобинцев, за и против; этот спор был настолько бурным, что без вмешательства должностных лиц ссора могла бы стать серьезной»⁵⁵.

В театры зачастую подбрасывали подстрекательские листки, направленные обычно против якобинцев. Один из полицейских доносил, что «в театре Республики была брошена листовка, и после ее прочтения раздался крик: “Долой Марата!” Суматоха продолжалась около четверти часа; в конце пьесы в театр подбросили еще одну листовку, которую не захотели зачитать». Вскоре появляется донесение из театра «Водевиль», где «публика весьма расшумелась; волнение началось из-за того, что комиссар не позволил публично прочесть две записки, которые были подброшены в театр; он говорил от имени закона, но его не захотели слушать. Вскоре один актер спел песни против якобинцев и вновь поднялся шум; опять попросили прочесть записки; комиссар был вынужден появиться вновь и сказать, что он поклялся защищать закон и не может позволить зачитать ее публично; наконец спокойствие было восстановлено»⁵⁶. Спустя несколько дней в театре «Фейдо» подбросили несколько листовок; из них прочли только одну, «принципы которой показались очень опасными и которая содержала призыв к убийству террористов, чтобы отомстить за души невинных жертв, убитых их жестокой группировкой»⁵⁷.

Вместе с тем в отличие от обсуждений в кофейнях, где виден ментальный отклик на злободневные события, театральная жизнь не была столь непосредственно связана с текущей политикой. Так, весьма бурные в политическом плане лето и осень 1795 г. оказались для теа-

⁵³ Ibid. P. 478.

⁵⁴ Ibid. P. 120.

⁵⁵ Ibid. P. 234.

⁵⁶ Ibid. P. 434.

⁵⁷ Ibid. P. 449.

тров периодом относительно спокойным: порядок там лишь изредка нарушался мелкими происшествиями вроде краж часов и бумажников⁵⁸. Большая часть донесений из театров за тот период предельно кратки: «Ничто не нарушает порядка и общественного спокойствия»⁵⁹.

* * *

Таким образом, анализ донесений полицейских агентов за период с июля 1794 г. по октябрь 1795 г. позволяет составить общую картину умонастроений парижан, выявить центральные темы их разговоров в публичных местах и на основе анализа таких бесед проследить эволюцию отношения общества к тем или иным социально-экономическим и политическим процессам. Как мы могли убедиться, общественное мнение достаточно чутко реагировало на важнейшие события политической жизни того времени. Так, и в кафе, и в театрах указанного периода самыми обсуждаемыми темами были суды над деятелями Террора, нехватка продовольствия и постоянные спекуляции, проводимые правительством реформы; позже к этим разговорам присоединилось недовольство политической Конвента. Однако лейтмотивом разговоров на протяжении всего термидорианского периода была ненависть к якобинцам, которую выражали любыми доступными способами: от уничтожения бюстов якобинских лидеров до отказа носить кокарды. И хотя иногда в кафе и театрах все же звучали голоса в поддержку бывших деятелей Террора, такие случаи носили исключительный характер. Формировавшееся в публичном пространстве термидорианского Парижа общественное мнение имело ярко выраженную антиякобинскую окраску и, очевидно, не могло не оказывать соответствующего влияния и на политику властей, подгоняя их по пути демонтажа наследия эпохи Террора.

Список литературы

- Бачко Б. Как выйти из Террора? Термидор и революция. М., 2006. [Bachko B. Kak vyjti iz Terrora? Termidor i revolyutsiya. M., 2006].
- Бачко Б. Культурный поворот III года Республики // ФЕ 2000: 200 лет Французской революции 1789–1799 гг.: Итоги юбилея. М., 2000. [Bachko B. Kul'turnyj povorot III goda Respubliki // FE 2000: 200 let Frantsuzskoj revolyutsii 1789–1799 gg.: Itogi yubileya. M., 2000].

⁵⁸ Ibid. P. 292.

⁵⁹ Ibid. T. 2. P. 117.

- Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005. [Bovykin D.Y. Revolyutsiya okonchena? Itogi Termidora. M., 2005].
- Бурден Ф. Революционная аккультурация: борьба за новую социальность // ФЕ 2001. М., 2001. [Bourdin Ph. Revolyutsionnaya akkul'turatsiya: bor'ba za novuyu sotsiabel'nost' // FE 2001. M., 2001].
- Добролюбский К.П. Экономическая политика термидорианской реакции. М.-Л., 1930. [Dobrolyubskij K.P. Economicheskaya politika termidorianskoj reaksii. M.-L., 1930].
- Документы истории Великой французской революции. Том 2 / Под ред. А.В. Адо. М., 1992. [Dokumenty istorii Velikoj frantsuzskoj revolyutsii. Tom 2 / Pod. red. A.V. Ado. M., 1992].
- Мерсье Л.-С. Картины Парижа. М., 1995. [Mersier L.-S. Kartiny Parizha, M., 1995].
- Олар А. Политическая история Французской революции. Пг., 1918. [Olar A. Politicheskaya istoriya Frantsuzskoj revolyutsii. Pg., 1918].
- Тарле Е.В. Жерминаль и прерияль // Тарле Е.В. Сочинения в двенадцати томах. М., 1959. Т. 6. С. 321–563. [Tarle E.V. Zherminal' i prerial' // Tarle E.V. Sochineniya v dvenadsati tomah. M., 1959. T. 6. S. 321–563].
- Тортароло Э. Общественное мнение // Мир Просвещения. Исторический словарь под редакцией В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. [Tortarolo E. Obshchestvennoe mnenie // Mir Prosveshcheniya. Istoricheskij slovar' pod redaktsiej V. Ferrone i D. Rosha. M., 2003].
- Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007. [Tchudinov A.V. Frantsuzskaya revolyutsiya: istoriya i mify. M., 2007].
- Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. P., 1898. Т. 1–2.
- François E., Reichard R. Les formes de sociabilité en France du milieu du XVIIIe siècle au milieu du XXe siècle // Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine. 1987. № 3. Juillet-septembre.
- Mémoires du chancelier Pasquier, publiée par M. le duc d'Audiffret-Pasquier. P., 1893. Т. 1.

*М.Ю. Чепурина**

ЗАГОВОР БАБЁФА В ВОСПРИЯТИИ ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА XVIII ВЕКА

В статье анализируется реакция французского общества на пропаганду сторонников Бабёфа и разоблачение их заговора весной 1796 г. Источниками исследования послужили донесения правительственных агентов, выдержки из газет, а также доносы и прошения рядовых французов. Автор приходит к выводу, что обществу было известно о заговоре, но оно оказалось не в состоянии адекватно оценить его масштабы и цели. Отчасти это стало результатом деятельности самого Бабёфа.

Ключевые слова: Французская революция, период Директории, коммунизм, Бабёф.

Франсуа-Ноэль Бабёф (1760–1797), именовавший себя Гракхом, оставил след в истории благодаря организованному им годы Директории заговору. Заговор этот, имевший целью свержение правительства и установление коммунистического порядка, или, выражаясь словами самого Бабёфа, “общества совершенного равенства”, провалился еще до попытки его реализации: бабувистов выдал один из их сторонников, и они были арестованы. После суда самого Бабёфа и его ближайшего соратника О. Дарте казнили, а остальных заговорщиков приговорили к ссылке.

Этот крошечный эпизод истории Французской революции, который мог бы совершенно потеряться на фоне грандиозных событий эпохи, поначалу действительно быстро забылся. Но чем больше десятилетий проходило, чем острее становился рабочий вопрос, чем больше шума производил бродящий по Европе призрак коммунизма, тем больше начинала интересовать исследователей фигура Бабёфа. К середине XX в., когда число марксистов среди историков Французской революции сде-

* Мария Юрьевна Чепурина, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 14–18-01116.

лалось более чем существенным, Грахх и вовсе стал излюбленным персонажем своей эпохи. В постперестроечный период интерес к человеку, стоявшему у истоков европейского коммунистического движения, практически иссяк. Тем не менее к этому времени уже была досконально изучена биография Бабёфа¹, изданы, и в том числе по-русски, его труды², исследованы эволюция его взглядов³, личности его соратников⁴, различные аспекты его деятельности...⁵ И все-таки одна из сторон истории «заговора во имя равенства» до сих пор не только не получила достойного освещения, но и вообще практически не затрагивалась. Это вопрос о взаимоотношениях между бабувистами и французским обществом, вопрос о том, как воспринимал «равных» простой народ, политические активисты разных мастей и власти предрержащие. Между тем ответ на него может позволить оценить и истинные масштабы заговора, и его возможные перспективы, и стратегию Бабёфа, и то, какое место он занимал на политическом ландшафте Франции 1796 г.

Предложенная нами тема может показаться странной, ведь само слово «заговор» указывает на секретность предприятия, которое, таким образом, не предполагает никаких «связей с общественностью». Однако использование термина «заговор» применительно к деятельности, которую развернули Бабёф и его приверженцы весной 1796 г., – это во

¹ *Advielle V.* Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme. P., 1990 Т. 1–2; *Coët E.* Babeuf à Roze. Péronne, 1865; *Далин В.М.* Грахх Бабёф накануне и во время Великой Французской революции (1785–1794). М., 1963; *Черткова Г.С.* Грахх Бабёф во время термидорианской реакции. М., 1980 и др.

² Pages choisies de Babeuf. P., 1935; *Бабёф Г.* Сочинения. М., 1975–1982. Т. 1–4. и др.

³ *Bruhat J.* Gracchus Babeuf et les égaux, ou le premier parti communiste. P., 1978; *Dautry J.* Le pessimisme économique de Babeuf et l'histoire des utopies // AHRF. 1961. № 33; *Rose R.B.* Gracchus Babeuf. The first revolutionary communist. Stanford, 1978; *Schiappa J.-M.* Gracchus Babeuf avec les égaux. P., 1991; *Tonnesson K.* L'ан III dans la formation du babouvisme // AHRF. 1960. № 162. P. 411–425; *Жбанков Л.* История «Заговора равных». М., 1905; *Далин В.М.* Грахх Бабёф накануне и во время Великой французской революции; *Черткова Г.С.* Указ. соч. и др.

⁴ См., например: *Serna P.* Antonelle. Aristocrate révolutionnaire. 1747–1817. P., 1997; *Далин В.М.* «Агент связи» Бабёфа – Дидье-Журдейль // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957. С. 244–257; *Киясов С.Е.* С. Марешаль: политическая биография. Саратов, 1987; *Летчфорд С.Е.* Клуб Пантеона и его место в оформлении бабувистской организации // Новая и новейшая история. Межвузовский сборник. Саратов. 1986. С. 56–86; *Летчфорд С.Е.* Бабёф и Друэ // ФЕ. 2009. М., 2009. С. 65–82. *Собуль А.* Секционеры и бабувисты, их социальный состав // ФЕ. 1960. М., 1961.

⁵ Напр.: *Великовский С.* Поэтическое наследие участников «заговора равных» Г. Бабёфа // Вопросы литературы. 1959. № 2. С. 197–208; *Фрумов С.А.* Революционная программа воспитания (к 200-летию со дня рождения Бабёфа) // Советская педагогика. 1960. № 12. С. 79–91 и др.

многим лишь дань традиции. Организация бабувистов действительно была законспирированной. Но план их, вопреки еще встречающемуся мнению, не предполагал захвата власти силами узкой группы лиц без связи с народом. Напротив, «равные» пытались поднять новое народное восстание, подобное тем, что имели место 14 июля 1789 г. или 10 августа 1792 г. Доказательству того, что их предприятие было не заговором, а движением, советские историки посвятили не одну работу⁶. Нам же кажется обоснованным мнение Г.С. Чертковой, пришедшей к выводу, что оно имело черты и того, и другого⁷.

Как бы там ни было, бабувисты вели активную агитацию. Бабёф издавал газеты – *Le Tribun du Peuple* под собственным именем и *L'éclaircur du peuple* под псевдонимом Лаланд. Из-под пера членов «Тайной директории общественного спасения» – центрального органа заговорщиков – выходили различные листовки и афиши, расклеиваемые и раздаваемые в Париже. Кроме того, у организации были агенты во всех округах Парижа и в расквартированных в столице военных частях. На них лежала миссия не только сообщать об имеющихся на подведомственной территории материальных и людских ресурсах, но и осуществлять устную агитацию, готовить народ к выступлению, не допуская, однако, восстания раньше времени. Кроме того, агенты должны были ежедневно вести записи о состоянии общественного мнения – этого «беспристрастного арбитра», которого так превозносили просветители и чья значимость была осознана властями еще во времена Людовика XV⁸.

О необходимости распропагандировать массы, внушить им «правильные идеи» регулярно писал и сам Бабёф в своем «Трибуне народа». Стремясь привлечь в свои ряды максимум сторонников, он стал затуманивать наиболее радикальные моменты своей программы, касающиеся полного равенства и обобществления имущества, и выдвинул на

⁶ См. напр. : *Щеголев П.П.* Гракх-Бабёф. М., 1933. С. 91; *Mazauric C.* Babeuf et la conjuration pour l'égalité. P., 1962. P. 133; *Riviale Ph.* La ballade du temps passé. Guerre et insurrection de Babeuf à la Commune. P., 1977. P. 63–64; *Bruhat J.* Op. cit. P. 7–8; *Черткова Г.С.* Указ. соч. С. 113.

⁷ *Черткова Г.С.* От Бабёфа к Буонарроти: движение во имя равенства или заговор равных? // Памяти профессора А.В. Адо. Современные исследования о Французской революции конца XVIII в. М, 2003. С. 265–266. См. также: *Tchertkova G.* De la place du Babouvisme dans l'histoire du mouvement révolutionnaire européen // *Les Historiens russes et le Révolution française après le Communisme.* P., 2003. P.155–158.

⁸ Об этом см.: *Строев А.Ф.* «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998.

первый план популярный в то время лозунг возвращения к идеалам периода якобинской диктатуры и Конституции 1793 года. По сути, агитация была основным направлением деятельности «равных» на протяжении всего существования их организации – с 30 марта по 10 мая 1796 г.

Как же воспринималась эта агитация обществом? Что оно знало о бабувистах? Чувствовал ли Париж, что в подполье готовится захват власти? Как он воспринимал листовки «равных» и как отнесся к новости об их аресте?

Важнейшей группой источников, способных помочь нам найти ответы на эти вопросы, являются документы о Париже эпохи Директории, изданные в конце XIX в. А. Оларом. В основном это ежедневные донесения правительственных агентов, которые докладывали о настроении публики в очередях, политических кафе, театрах, парках и других местах общественных дискуссий. Кроме того, эти агенты периодически готовили обзоры прессы, откуда тоже порой можно почерпнуть сведения о том, как воспринимали «равных» общественность и власти.

Если в марте 1796 г., судя по изданным Оларом текстам, бабувисты обращали на себя не слишком много внимания, а осведомителей больше беспокоили роялисты, шуаны и иностранцы, то в апреле, когда возникла Тайная директория, следы деятельности «равных» стали появляться в донесениях и в прессе все чаще.

Так, 3 апреля одна из газет сообщила о распространении бабувистских листов в солдатской среде: благонамеренные гренадеры 38-й полубригады отдали их генералу⁹. 7 апреля агент Мезонсель (Maisoncelle) отрапортовал об установлении личности и адреса оратора, читавшего толпе «Трибун народа»¹⁰. 10 апреля, в день выхода из печати № 5 «Провосветителя народа» агенты уже были осведомлены о содержащемся в нем призыве сплотиться вокруг Конституции 1793 г.; обнаружили они и расклеенные во многих кварталах Парижа афиши «Анализ доктрины Бабёфа» с такими же лозунгами¹¹. День спустя текст этого произведения соратника Бабёфа М. Буонарроти был распространен уже по всему Парижу: в Сент-Антуанском предместье плакат с ним привлек значительную толпу народа; чуть подальше женщина читала издание маленького формата, а когда правительственный агент вырвал сочинение из ее

⁹ Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. P., 1898. T. 3. P. 95.

¹⁰ Ibid. P. 103.

¹¹ Ibid. P. 108.

рук, это вызвало негодование окружающих. Согласно очередному рапорту, в ночь на 12 апреля «Анализ доктрины Бабёфа» снова появился на стенах домов Сент-Антуанского предместья, но уже утром часть афиш была сорвана; тем не менее в большинстве случаев этот текст вызывал одобрение, если его читали вслух, особенно в рабочей среде¹². 17 апреля «Анализ доктрины Бабёфа» был расклеен на рынке¹³.

Излюбленными местами встреч приверженцев Бабёфа и других леворадикальных элементов были в то время кафе Кретьена и кафе Китайских бань. За последним пристально следил Мезонсель: сначала он сообщил о пении там антиправительственной песни Марешаля, потом о возмущении посетителей законом от 27 жерминаля, запрещающим политические сборища и карающим смертью за критику Директории, а также о том, что собравшиеся «с жаром говорили о Конституции 1793 года»¹⁴.

Успех распространяемых в Париже агиток заставил газетчиков говорить о тех, кого мы сейчас называем бабувистами; в то время они так не воспринимались и именовались по-разному. Антиякобинский *Courrier republicain* аббата Понселена сообщил о том, что «Пантеонисты»¹⁵ совсем осмелели, сбросили маски и хотят вернуть кровавый скипетр, вырванный у них 9 термидора»¹⁶. *Le gardien de constitution* Ж.Б.М. Жолливе отмечал, что крайние патриоты готовят новое восстание, свободоубийственный проект которого подготовлен редакторами *L'ami du peuple*, *L'Eclairer* и *L'Orateur plébéien*¹⁷. *Gazette de France* сделала вывод о слабости правительства, если оно ничего не предпринимает против Бабёфа, разве что срывает афиши с его именем¹⁸. *Courrier republicain* от 18 апреля сообщал: «Если правительство хочет убедиться в существовании нового якобинства или, вернее, нового кордельерства, пусть заглянет в кафе Китайских бань. Здесь вожди и агенты орлеанистской группировки раздадут свои инструкции»¹⁹. *Courrier*

¹² Ibid. P. 116.

¹³ Ibid. P. 124.

¹⁴ Ibid. P. 119, 121, 124.

¹⁵ Приверженцы Бабёфа собирались в тот период в клубе Пантеона.

¹⁶ *Aulard A.* Paris pendant la reaction thermidorienne et sous le Directoire. T. 3. P. 111.

¹⁷ Ibid. P. 113. На самом деле его издатель *L'ami du peuple* Р.Ф. Лебуа не принадлежал к бабувистам, но какое-то время издавался в одной типографии с Бабёфом, а потом развивал активность в клубе Пантеона. Что касается *L'Orateur plébéien*, то его автор А. Антонель действительно был одним из «равных».

¹⁸ Ibid. P. 114.

¹⁹ Ibid. P. 126.

republicain был не единственным органом, приписывавшим «равным» ложные политические взгляды. Так, судя по сообщению *Le Censeur des journaux*, бывший депутат Конвента Луве назвал *Le Tribun du Peuple* и *L'éclaireur du peuple* роялистскими газетами. *Le Censeur des journaux* оспаривал это мнение, однако считал указанные издания столь же опасными, как роялистские²⁰. Осведомители, готовившие отчет по газетам, выдвинули версию, что *Journal de Perlet*, не имеющая отношения к Бабёфу, вероятно, издается тем же автором, что и *L'éclaireur du peuple*²¹.

24 апреля личный состав правительственных осведомителей изменился: на смену Мезонселю и его коллеге Астье пришли Бреон и Лимуден. Это заметно отразилось на содержании отчетов: похоже, что новые агенты стремились скорее угодить начальству, а не ознакомить его с реальным положением вещей. Сторонники равенства на время исчезли из донесений, переполненных сообщениями о благонамеренных гражданах, поддерживающих Директорию.

Первое сообщение Бреона и Лимудена, относящееся к заговору «равных», появилось лишь 2 мая:

«Развратители общественного мнения, люди, называемые якобинцами, или пантеонистами, которые хотят устроить революцию, несмотря на авторитет закона, в другое время были бы достаточно наказаны презрением; но бдительность должна достигать их повсюду и предавать трибуналам. Их убежища скрыты, их эмиссары способны, кажется, уйти от любого расследования; это люди, которые вводят в искушение слабые умы, и восстание в полицейском легионе, очевидно, было делом их рук – по крайней мере, таково практически всеобщее мнение... Не менее опасны священники, пропагандирующие католический культ»²².

На следующий день агенты так описывали причины общественного недовольства богатством членов правительства:

«Здесь видно влияние тех, кто бежит от казармы к казарме... этих завсегдатаев кафе Кретьена и Китайских бань... В толпе говорят о том, что созревает какой-то заговор»²³.

7 мая агенты сообщили о появлении своеобразного филиала кафе Китайских бань в таверне на улице Гранд-Бательер, на Монмартре²⁴.

²⁰ Ibid. P. 132.

²¹ Ibid. P. 132.

²² Ibid. P. 162–163.

²³ Ibid. P. 165.

²⁴ Ibid. P. 174.

9 мая они зафиксировали еще одно происшествие:

«Вчера около половины десятого вечера на Новом мосту было найдено два экземпляра Конституции 1793 года, один неподалеку от другого: случайность это или умысел? В кафе, в местах общественных гуляний не сомневаются: правительство на месте, министерство бдит, вооруженные силы внушительны, и уверенность в сохранении порядка, хотя бы в личных интересах руководителей государства, успокаивает умы. Народ сознает, что многочисленные анархисты²⁵, рассеявшиеся и укрывшиеся в Париже, втайне делают свое дело, что у них тоже есть своя полиция, своя директория, свои бюро, но народ спрашивает себя – есть ли у них вооруженные силы, есть ли у них опора?»²⁶

До ареста бабувистов оставался один день...

* * *

Разоблачение и арест «равных» произошли после предательства одного из них – Ж. Гризеля. Однако он был не единственным информатором властей. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) хранится несколько копий документов из Национального архива Франции – сообщения от различных граждан, желавших предупредить правительство о готовящемся восстании. Эти доносы являются еще одним ценным источником сведений о том, как выглядел заговор «равных» в глазах парижан.

4 мая (15 флореаля) муниципальному офицеру 8 округа Пинатиллю (Pinatile) поступил донос от жены мебельщика Лера (Lerat) с улицы Маргарит: «Моя рука дрожит, описывая ужасы, которые вы сейчас узнаете. Постарайтесь помешать террористам или якобинистам реализовать их заговоры»²⁷. Внимание гражданки Лера привлекла совершенная 11 флореаля у некоего Фурнассе (Fournassé) с улицы Маргарит покупка жердей, на которые должны крепиться картонки с надписью «Конституция 1793 года или смерть». Лера сообщала, что заговорщики, которые обычно заседают в кафе Китайских бань, должны собраться ближайшей ночью в 3 часа в Сент-Антуанском предместье. Их число она определяла в 15 000 человек, а вождем

²⁵ В эпоху Термидора и Директории «анархистами», как правило, называли сторонников якобинизма и революционного правительства II года. См.: *Бовыкин Д.Ю.* Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005. С. 123.

²⁶ *Aulard A.* Op. cit. P. 176–177.

²⁷ Оригинал: «Ma main tremble en vous faisant le recit des atrocités qui vont de connaitre. Faites vos efforts pour empêcher les terroristes, ou jacobinistes d'executer les complots».

считала некоего Вакре (Vacrét), чулочника со все той же Маргарит (видимо, кругозор доносицы не простирался дальше ее собственной улицы). Заговорщики ударят в набат, перебьют директоров и восстаноят Комитет общественного спасения, предупреждала она²⁸. Из всей этой информации соответствуют действительности лишь место сбора и плакаты, которые действительно должны были заказать бабувистские агенты.

Двумя днями спустя датируется анонимный рапорт о существующем плане восстания против правительства. Его автор рассказывал, что заговорщики планируют перебить директоров, министров и часть членов Советов: так, чтобы от них осталось около 100 человек. В дополнение к Военному комитету, который уже есть у заговорщиков, будет воссоздан Комитет общественного спасения. Места, где соберутся бунтовщики, уже намечены, будущие правители и военачальники выбраны. На следующий день должны вернуться уполномоченные, отправленные узнать обстановку на местах. Вождями заговора автор рапорта считал бывших депутатов Конвента П. Л. Бантаболя, Д.Т. Лесажа-Сену (Le Sage-Senout) и Л. Лекуантра из Версаля, сын которого якобы должен возглавить войска инсургентов. Далее сообщался еще ряд подробностей, касающихся будущего восстания, и излагался вероятный расклад сил. Среди заговорщиков автор называл некоего Шамборана (Chambo-rand), Ф. Лепелетье и жену герцога Орлеанского²⁹. Доказательствами близости к бабувистам никого из перечисленных лиц, кроме Лепелетье, мы не располагаем.

«Друг ваш и родины» – так подписался некий сторонник правительства, оставшийся нам неизвестным. Он тоже составил донос 6 мая, отправив его затем директору Ларевельеру-Лепо. Якобинцы, предупреждал автор письма, собираются вернуть себе власть. Место их собраний – кафе Китайских бань. С ними заодно военные всех званий, расквартированные в Париже и в Гренельском лагере. Заговорщики распространяют газету *L'éclairer du peuple*, издаваемую Бабёфом. Отметим, что доносчик знал, кто скрывается под псевдонимом Лаланд, но самого Бабёфа не называл вождем или участником заговора. Единственная фамилия, которая фигурирует в доносе, – некто Боверсен (Beauversin), занимающийся вербовкой солдат³⁰.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 8. Л. 69–71; Ф. 223. Оп. 4. Д. 160. Л. 41.

²⁹ Там же. Л. 83–84.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 162. Л. 21–22.

Информация еще об одном доносе дошла благодаря сохранившемуся письму министра юстиции Ф. А. Мерлена (из Дуэ) министру полиции Кошону. Мерлен сообщал о том, что от служащего бюро по фамилии Гуйо (Guyot) поступили сведения о людях, занимающихся агитацией в казармах и планирующих через 8 дней, то есть 14 мая, свергнуть Директорию³¹.

Муниципальная администрация г. Майенн, 26 апреля обнаружившая посылку с бабувистскими изданиями, 6 мая проинформировала об этом Директорию, сравнив в своем донесении Бабёфа с шуанами³².

Автор еще одного анонимного рапорта, датированного 8 мая (19 флореаля), писал, что заговорщики отказались от своего плана, ряд пунктов которого сочли неосуществимыми. Однако план уже распространен: надо искать его в Сент-Антуанском предместье. Среди заговорщиков – Казен и Дерэ; также следует обратить внимание на бывшего депутата Конвента П.Л. Бантаболя³³. Двое первых действительно были бабувистскими агентами в округах Парижа, в отличие от Бантаболя, свидетельств участия которого в заговоре не обнаружено.

Таким образом, содержание ни одного из данных доносов не подтверждается на сто процентов другими источниками. Их путаные сведения вполне перекликаются со слабо соответствующими действительности представлениями о бабувистах парижской публики.

* * *

4 мая (15 флореаля) 1796 г. агент «равных» в Гренельском лагере Гризель донес председателю Директории Л. Карно о готовящемся заговоре. Два дня спустя он имел разговор с министром полиции Кошоном, после чего власти начали готовить арест бабувистов. Первая его попытка состоялась 8 мая: полиция опоздала, явившись на конспиративную квартиру, когда заговорщики уже разошлись. Вторая была удачнее: 10 мая (21 флореаля) полиции удалось схватить две группы бабувистов – одну, заседавшую у столяра Дюфура, и вторую, собравшуюся у портного Тиссо на улице Гранд-Трюандери и включавшую самого Бабёфа³⁴.

³¹ Там же. Л. 18–20.

³² РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 8. Л. 2–5.

³³ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 160. Л. 81–82.

³⁴ *Schiappa J.-M.* Op. cit. P. 158–160.

Немецкий путешественник Ф. Мейер, побывавший во Франции в 1796 г., написал о том, что после разоблачения заговорщиков парижская полиция задержала и допросила всех иностранцев³⁵. Очевидно, правительство допускало, что бабувисты каким-то образом связаны с границей. Очевидно, власти, несмотря на то, что о заговоре им было известно не первый день, довольно плохо представляли себе характер и цели Тайной директории и ее учредителей. Также Мейер отметил, что арест бабувистов не произвел особого впечатления на парижан³⁶. Однако отчеты правительственных агентов Бреона и Лимудена говорят совсем о другом.

В день ареста бабувистов Бреон поместил в своем донесении прогноз реакции общественного мнения на это событие: добрые граждане обрадуются и восславят Директорию, анархисты станут говорить о «контрреволюции», роялисты будут довольны, что за решеткой оказался арестовавший короля Друэ³⁷. Однако последующие дни показали, что такой прогноз излишне упрощал ситуацию. Уже в отчете за 11 мая отмечалось:

«Нет ничего более непостоянного, более противоречивого, чем мнение об обнаруженном и раскрытом заговоре. Одни сомневаются в его реальности, но в то же время заявляют, что Бабёф на допросе сделал признания, точно указывающие на существование намерения и даже плана свержения нынешнего порядка; другой, дабы убедить, что заговора не существовало, разглагольствует о глупости, невежестве и трусости Бабёфа, который фигурирует как главное действующее лицо заговора. В одном кафе говорят, что Баррас не чужд этому заговору, в другом – что министр внутренних дел... измыслил сей заговор, дабы раздавить патриотов»³⁸.

Предместья молчат, отмечал агент, но от того ли, что доверяют правительству, или от того, что постоянно патрулируются вооруженными силами? Просвещенные люди ждут документальных доказательств вины бабувистов³⁹.

К донесениям Бреона и Лимудена близко послание некоего военачальника, копия которого хранится в фонде 223 РГАСПИ, но, к сожалению, не содержит имен ни автора, ни адресата. Письмо начинается

³⁵ Meyer F.J. L. Fragments sur Paris. Hambourg, 1798. Т. 1. P. 275–277.

³⁶ Ibid. P. 274.

³⁷ Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. Т. 3. P. 178–179.

³⁸ Ibid. P. 181.

³⁹ Ibid.

обращением «Гражданин министр!». Автор полагал, что заговорщики подавлены, но не уничтожены:

«Моя маленькая армия провела всю прошлую ночь под открытым небом. Я организовал патрули для поддержки правительства. Рабочие предместья Антуан демонстрируют лучшие принципы и сидят тихо. Хотя в этом же предместье арест современных катилин произвел большую сенсацию»⁴⁰.

Но вернемся к Бреону и Лимудену. «Наконец-то люди начинают раскрывать глаза, заговор больше не сказка и не роман»⁴¹, – говорится в донесении Бреона от 12 мая. По мнению агента, больше всего радости в связи с арестом Бабёфа выказывали якобинцы; равнодушные просто отмечали, что правительство исполнило свой долг; мерзавцы, не имеющие смелости поднимать голос против республики, ограничились тем, что сочли арест заговорщиков не вполне конституционным. И снова упоминание о Баррасе: «говорят потихоньку, но так, чтобы было слышно, о том, что Баррас вызывает подозрение у своих коллег»⁴².

Спустя еще день те же агенты сообщали: «Не похоже, чтобы в реальности заговора все еще сомневались»⁴³. Многочисленные патрули и слухи о том, что аресты радикалов продолжаются, заставляют парижан сидеть смиренно. И слухи не напрасны: арестован Морель, распространявший газеты *Le Tribun du Peuple* и *L'éclaireur du peuple*⁴⁴.

14 мая *Moniteur* опубликовал ряд документов, захваченных при аресте у Бабёфа, и Бреон доложил о том, с какой жадностью их читают: сомнений в реальности заговора не остается совершенно⁴⁵. На следующий день, по сообщению Лимудена, внимание парижан все еще приковано к этим документам: одни читатели *Moniteur* испуганы перспективой анархии и резни, другие же боятся, как бы раскрытие заговора не бросило тень на них самих. Нервозности обстановке добавляет слух о составленных заговорщиками проскрипционных спи-

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 8. Л. 46–47. Оригинал: «Ma petite armée a bivouaqué toute la nuit dernière. J'ai fait des patrouilles pour le soutien du gouvernement. Les ouvriers du faubourg Antoine sont dans les meilleurs principes, et ils ne remuerent pas. Même faubourg l'arrestation des catilinas modernes a fait grande sensation».

⁴¹ *Aulard A.* Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. Т. 3. Р. 182.

⁴² *Ibid.* P. 183.

⁴³ *Ibid.* P. 184.

⁴⁴ *Ibid.* P. 185.

⁴⁵ *Ibid.* P. 185–186.

сках⁴⁶. В отчете от 16 мая снова отмечается, что неверие в заговор сменилось страхом перед анархистами и грабителями и что, по мнению рабочих, «лучше жить как жили, а этих мерзавцев отправить на эшафот»⁴⁷. Общественное мнение склонялось в пользу казни бабувистов⁴⁸.

В течение нескольких следующих дней страх сменился любопытством и состраданием. Если верить отчету от 17 мая, Друэ – единственного из заговорщиков, кто, кроме Бабёфа, был знаком публике, жалеют, хотя и не уверены в его невиновности⁴⁹. 18 и 19 мая на улице говорят о безумии обоих революционеров⁵⁰.

С 20-х чисел мая заговор бабувистов уже меньше занимал парижан. В связи со скорой отменой ассигнатов цены взлетели неимоверно. Хлеб, и без того дорогой, за несколько дней подскочил в цене с 37 до 80 и даже 100 ливров за фунт, а потому отчеты Бреона и Лимудена наполнились сводками с рынков и сообщениями о том, как повсюду осуждают только стоимость продуктов⁵¹. Мнения о Бабёфе еще находили отражение в отчетах, но, несмотря на попытки агентов обобщать сказанное, теперь такие мнения выглядели разрозненными и были одно диковеннее другого. Несколько раз сообщалось о том, что заговорщиков осуждают⁵² и слово «Бабёф» даже стало обидным эпитетом⁵³. За последователями Бабёфа предлагалось установить слежку⁵⁴. В то же время поднимались голоса, хотя и реже, в защиту Бабёфа и его сообщников: велись разговоры о том, чтобы их освободить; вышла брошюра в поддержку Бабёфа⁵⁵; в действиях Друэ не видели явного состава преступления⁵⁶. Продолжали ходить слухи о связи заговорщиков с кем-то из высокопоставленных лиц⁵⁷. Некоторые считали Бабёфа роялистом⁵⁸ и даже английским агентом⁵⁹. Несколько раз Бреон и Лимуден

⁴⁶ Ibid. P. 186.

⁴⁷ Ibid. P. 189.

⁴⁸ Ibid. P. 190.

⁴⁹ Ibid. P. 192.

⁵⁰ Ibid. P. 194, 196.

⁵¹ Ibid. P. 200–220.

⁵² Ibid. P. 202, 211, 224.

⁵³ Ibid. P. 245.

⁵⁴ Ibid. P. 217.

⁵⁵ Ibid. P. 209.

⁵⁶ Ibid. P. 252–253.

⁵⁷ Ibid. P. 199, 211.

⁵⁸ Ibid. P. 205.

⁵⁹ Ibid. P. 257.

сообщали, что Бабёфом перестали или почти перестали интересоваться, но его имя вновь и вновь появлялось на страницах отчетов. В течение всего прериала парижане продолжали говорить и строить домыслы о заговоре «равных».

* * *

Еще более красноречиво о «заговоромании» и «арестомании», охвативших Францию в конце весны – начале лета 1796 г., говорят полицейские документы, копии которых хранятся в фонде 223 РГАСПИ. Разделю их на две группы.

Первая – доносы. Множество французов, в том числе, вероятно, не всегда психически здоровых, возжелали помочь Директории и полиции разделаться с врагами Отечества.

Некто Лапейр (La Peure) 11 мая написал министру полиции, рекомендуя обратить внимание на торговца Мерсье (Mercier) с улицы Орти⁶⁰, который настроен против правительства и в пользу Конституции 1793 г. Лапейр считал, что он причастен к заговору. Особенно подозрительным доносчику казалось то, что Мерсье уже несколько дней не появляется в лавке. Далее Лапейр сообщал о Боссеё (Bosséyé), офицере из Каркассона, поклоннике Старого порядка⁶¹. Очевидно, доносчик не видел большой разницы между потенциальным участником заговора «равных» и роялистом.

В тот же день гражданин Жанфр (Genfre) уведомил министра полиции о подозрительных собраниях, которые ежедневно происходят на улице Герен Буассо, у некоего Батиста с 5 до 6, а потом с 10 до 11 вечера⁶².

Обращает на себя внимание письмо, направленное 13 мая Л. Карно, председателю Директории, неким Паразолом (Parasol, затем Parazol), заключенным тюрьмы Бисетр. Оно озаглавлено «Собрание в доме в окрестностях Парижа большого числа террористов, неприсягнувших священников, роялистов, эмигрантов или лиц, настроенных в пользу эмиграции, многочисленных бывших террористов с юга и из Марселя». Если верить Паразолу, то чуть ранее к нему пришел портье его дома и рассказал о раскрытии заговора Бабёфа, а также о том, что в их доме живут четыре террориста; раньше об этом он боялся

⁶⁰ Rue des Orties, ныне не существует. – *Прим. ред.*

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 160. Л. 1–2.

⁶² РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 159. Л. 2.

и заикнуться. Также визитер рассказал о разговоре с другим портье, в доме которого тоже собираются злоумышленники: тот так возмущен их еженочными заседаниями, что собирается оставить свою должность – до того ему надоели эти заговоры против Республики. Затем Паразоль приходит к довольно неожиданному выводу: помимо четырех террористов, обитающих в его доме, существуют еще 20 террористов, живущих еще в 5 домах по 4 человека в каждом. Далее он расписывал подробности жизни заговорщиков, их распорядок дня, советовал, когда лучше устроить облаву, и просил о личной аудиенции⁶³. Письмо не оставляет сомнений в том, что Паразоль оказался в Бисетре неспроста – там, помимо преступников, содержали и умалишенных, к каковым он, очевидно, и принадлежал. Вероятно, так же подумал и Карно, оставивший это письмо без ответа. Тогда 15 мая Паразоль вновь написал Карно, настаивая на существовании 24 террористов⁶⁴. Судя по всему, автор был неграмотен: его письма написаны разным почерком, вероятно, под диктовку, и даже орфография его фамилии в них различается. Любопытна «симметричная» структура воображаемого Паразолем заговора: она очень соответствует рациональному духу XVIII в. Возможно, Паразоль был одним из тех, кого исследователь истории безумия М. Фуко вслед за писателем С. Мерсье назвал «помешанными на уме» – нахватавшихся идей Просвещения проектеров, живущих в своем маленьком «геометрическом» мире из вымышленных принципов⁶⁵.

Комиссар Директории по 8 округу Парижа (подпись неразборчива) написал 12 мая директору Ребелю о том, что некий чулочник Кадро (Cadros) прячет у себя дома четырех генералов, в том числе участника заговора Ф. Россиньоля. Генералы, по слухам, готовятся поднять восстание следующей ночью. Опасным комиссар счел и генерала А. Санterra (на самом деле не имевшего отношения к бабувистам): тот вызвал его подозрение тем, что стал слишком часто появляться на улицах предместий, где прежде не имел привычки гулять⁶⁶.

13 мая о раскрытии заговора уже знали в Суассоне. Художник А.Ж. Маршан (Marchand) поспешил засвидетельствовать свою лояльность местным властям. Послание он начал с того, что, используя риторику II года, восславил рвение и неустанную работу Директории

⁶³ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 160. Л. 53–56.

⁶⁴ Там же. Л. 57–60.

⁶⁵ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. С. 353–354.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 8. Л. 48–49.

и выразил желание поскорей увидеть за решеткой «всех тех мерзавцев, кто хочет превратить Францию в большое кладбище». Маршан доносил о поступлении по почте пакетов с подстрекательскими текстами, среди которых сочинение Бабёфа «Окрик французского народа своим угнетателям». Кроме того, он сообщал, что подозревает некоего Жорре (Jorgé) в симпатии к террористам⁶⁷.

В тот же день, 13 мая, некто Жубан (Jouben) доносил Кошону о подозрительном поведении своего знакомого Тевено (Thevenot), приложив в качестве доказательства записку того со словами о близости счастья и призывами быть смелыми⁶⁸.

Интересен написанный также 13 мая донос Кошону Ж.-Б. Армана из Мезы, прежде депутата Конвента, а теперь члена Совета старейшин. Арман сообщал, что за 2 или 3 дня до раскрытия заговора его кухарка встретила человека в гражданской одежде, которого прежде видела в форме полицейского легиона. На вопрос «Почему он так одет?» тот ответил, что легион был расформирован и выдворен из Парижа, но более тысячи полицейских вернулись, укрылись у якобинцев и получили от них гражданскую одежду. Бывший легионер поведал кухарке, что он и его товарищи поднимут восстание через несколько дней и перебьют депутатов с министрами, не пощадив никого. Как бы заранее оправдываясь, Арман писал, что поделился этой историей уже со многими коллегами, вот только сообщить министру полиции никак не получалось. Далее он добавлял, что бывший мэр Парижа Паш, по словам их общего знакомого, тоже высказывается в пользу Конституции 1793 г.⁶⁹

Странное письмо отправил 14 мая министру полиции некто Фуркад. Он заявил, что знает, каков был план заговорщиков: они якобы планировали рассеяться по городу без документов (*cartes de sureté*), быть арестованными, собраться в большом количестве под крышей одной тюрьмы, а потом перерезать охрану и начать тем самым восстание. Исходя из вышесказанного, Фуркад советовал Кошону помещать не имеющих документов в разные тюрьмы⁷⁰. Не исключено, что эта идея, автор которой, как и Паразоль, мог быть не совсем психически здоровым человеком, является отголоском слухов о тюремных заговорах 1792 г., когда подобный слух породил сентябрьскую резню заключен-

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 161. Л. 15–17.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 162. Л. 29–30.

⁶⁹ Там же. Л. 25–26.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 8. Док. 21.

ных, и 1794 г., когда по сфабрикованным обвинениям в тюремных заговорах были казнены многие «подозрительные». По сообщению М. Фуко, вторая половина XVIII в. вообще была отмечена своеобразной «эпидемией страха» перед обитателями тюрем, больниц и домов для умалишенных⁷¹.

В тот же день гражданин Загу (Zagu) после беседы со своим знакомым Брюне (Brunet) пришел к убеждению, что тот пособник заговорщиков, о чем Загу немедленно отписал Кошону⁷².

Гражданин Наверре (Naverréz) 15 мая сообщил Директории, что, стараясь послужить родине, он по собственной инициативе ходит подслушивать разговоры по кафе и паркам. В своем длинном доносе он не называл ни одного имени, но смешал воедино иностранцев, роялистов и «анархистов»⁷³.

В тот же день, 15 мая, гражданин Фрамуа (Framois) доносил Кошону, что на подозрительном собрании в доме возле Тюильри, напротив бывшего Комитета общей безопасности, участники обсуждали недавно раскрытый заговор и хвалили Конституцию 1793 г. Руководителем антиправительственной группы Фрамуа считал Шарля Шеврийона из департамента Ньевр⁷⁴.

Доносы шли не только от рядовых граждан, но и от представителей власти на местах. 16 мая Кошону написали администраторы департамента Сена и Уаза, приложив к письму документы, якобы доказывающие связь с заговорщиками комиссаров Директории в коммунах Фонтенбло, Море и Немур. Вожаком местных бунтовщиков назывался некий Феррю (Ferru), который несколькими днями ранее был в Париже и председательствовал на собрании в кафе Кретьена. Но главное, по мнению доносчиков, все местные заговорщики были знакомыми (familiers) бывшего депутата Конвента Л. Бурдона. Кроме того, в близости к левой оппозиции авторы письма подозревали и Л. Лекуантра⁷⁵.

Нашелся бдительный гражданин и в Санлисе: 16 мая аноним общал Кошону, что некто Мотле (Motelet) подозрительно часто ездит в Париж, а некто Кэн (Quint) – якобинец, и посему оба могут быть причастны в заговору⁷⁶.

⁷¹ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. С. 355–356.

⁷² РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 160. Л. 86.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 162. Л. 36–39

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 161. Л. 28–29.

⁷⁵ Там же. Л. 32–33.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 159. Л. 4–6.

Гражданин Крон (Cronc), общественный обвинитель департамента Па-де-Кале, сообщил 19 мая Кошону, что раскрытый заговор имел ответвления и на подведомственной ему территории. Он информировал министра полиции о многочисленных собраниях «сподвижников Лебона» в Аррасе, Бетюне и Сент-Омере, о коих стало известно еще три месяца назад. Теперь же, докладывал Крон, злодеи совсем обнаглели и нападают на мирных граждан. Протоколы полиции, наблюдавшей за ними, свидетельствуют, что эти люди провозглашали возвращение террора, эшафоты, убийства должностных лиц. Обвинитель называл фамилии Таффуро, Тулотт (Toulotte) и Кош (Coches). В заключение он не забыл добавить, что направляет письмо министру, руководствуясь не партийным духом, а любовью к родине⁷⁷.

В тот же день к Кошону обратился Мало (Malo), начальник эскадрона, командир 24-го полка драгун – бывшего полицейского легиона (chef d'Escadron commandant le 24 régiment de Dragons, cydevant Legion de police générale). Он сообщил о том, что накануне вечером повстречал трех человек: бывшего секретаря Комитета общей безопасности, облаченного в форму Национальной гвардии секретаря Приёра из Марны и некоего человека в сером рединготе. Они пытались вовлечь Мало в ряды сторонников Конституции 1793 года, но тот не поддавался. В своем доносе он сообщал все имевшиеся у него сведения о подозрительной троице, называя этих людей «анархистами»⁷⁸.

Герен (Guérin), капитан легкой пехоты, вышедший в отставку и только что прибывший в Париж из Итальянской армии, сообщил 19 мая Кошону, что население от Ниццы до Осера отнюдь не преисполнено любовью к родине. Все, кого он встретил по дороге с фронта, роптали на правительство и особенно на мандаты – новые денежные единицы, выпущенные в связи с обесцениванием ассигнатов и так же быстро утратившие ценность. Хозяйка одного из трактиров, где Герен остановился вместе с товарищем, узнав, что они покинули армию и едут в Париж, видимо, приняла их за кого-то другого и предложила остаться вместе со 150 волонтерами, у которых здесь сборный пункт. Отставные военные не восприняли эту информацию всерьез, но теперь, узнав о раскрытом заговоре, Герен подумал, что трактирщица могла быть с ним связана, и поспешил уведомить о том власти⁷⁹.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 161. Л. 36–37.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 158. Л. 22–23.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 158.

К концу мая поток сообщений о пособниках заговорщиков – настоящих и мнимых – ослаб, но не иссяк. 25 мая мировой судья Этампа переслал Кошону документы о предпринятом там преследовании шести человек, уличенных в получении на почте пакетов с бабувистскими сочинениями⁸⁰.

28 мая гражданин Боном (Bonhomme) обратил внимание Кошона на некоего Дюмулена из секции Бонконсей, который по ночам устраивает у себя собрания, чтобы попытаться продолжить дело Бабёфа⁸¹. 17 дней спустя Кошон передал это письмо председателю суда кантона Парижа, отметив, что оно может пролить свет на заговор «равных»⁸².

Многочисленность поступавших в полицию доносов, связанных с заговором «равных», могла создать впечатление, будто сеть подпольной организации раскинулась по всей Франции. По-видимому, у правительства такое впечатление и сложилось: за волной доносов последовала волна арестов. Соответственно вторая обширная группа источников в фонде 223 РГАСПИ, освещающих общественную реакцию на разоблачение «равных», это – обращения к властям тех, кого справедливо или несправедливо заподозрили в содействии Бабёфу.

13 мая некто Гарен (Garein), назвавшийся дивизионным генералом⁸³, узнав, что его имя включено в список людей, намеченных к аресту в качестве пособников Бабёфа, сразу же написал в Директорию. Гарен возмущенно заявил, что и понятия не имел о заговоре, потребовал от донесших на него представить хоть малейшее доказательство его вины, описывал свое бедственное положение, отмечая, что у него нет даже сапог, и, наконец, выражал надежду на восстановление справедливости⁸⁴.

7 июня похожая история произошла с неким Лербонем (L^hHerbon). Он узнал, что его имя обнаружено в каком-то бабувистском списке рядом с именем земляка Бабёфа, прокурора-синдика департамента Эн П. Потофе, который подозревался в участии в заговоре. Лербон также писал в Директорию, заявляя, что не причастен к комплоту, поскольку

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 161. Л. 67.

⁸¹ Там же. Л. 54–55.

⁸² Там же. Л. 96–97.

⁸³ Установить личность этого человека затруднительно. В словаре генералов и адмиралов времен Революции и Империи фамилия Garein не фигурирует. См.: *Six G. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la révolution et de l'empire*. P., 1934. T. 1. P. 539.

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 8. Л. 50–51.

«ярый враг роялизма и анархии», как и его жена, и поскольку оба были жертвами «тирании Робеспьера и Сен-Жюста»⁸⁵.

20 мессидора к Директории обратился учитель пения Феликс (Felix). Он писал, что не понимает, почему в конце флореаля был выдан ордер на его арест в связи с делом Бабёфа. Феликс клялся, что не знаком ни с кем из заговорщиков и не занимался ничем, кроме музыки, что могут подтвердить его ученики⁸⁶. Это письмо попало к Кошону, а тот переслал его директору обвинительного жюри Парижа⁸⁷ А. Жерару с пометкой, что ничего не слышал об ордере на арест Феликса⁸⁸. Очевидно, учитель пения стал жертвой чьей-то злой шутки или был захвачен общей манией разоблачений и арестов.

Нечто подобное можно сказать и о гражданине Коломбе (Colomb). Он обратился к Кошону с прошением, заявив, что несправедливо обвинен в связи с Бабёфом, и попросив отменить ордер на свой арест⁸⁹. Министр переслал прошение председателю обвинительного жюри департамента Сена, но тот ответил, что ничего не знает об этом ордере⁹⁰.

Обвиняемый в связи с заговором Филипп (Philippe) из Нанси подготовил специальный мемуар, чтобы оправдаться. Он не ограничился заявлением, что далек от идей «равных», а подробно расписал, чем занимался в последнее время, и составил список свидетелей⁹¹. К сожалению, нам неизвестно, был этот человек действительно связан с «равными» или тоже пал жертвой той лихорадки разоблачений, которая охватила Париж и всю Францию после разгрома бабувистов.

После ареста к бабувистам пришло горькое осознание того, что им не удалось «достучаться» до народа. «Ваш арест не возымел эффекта, которого ожидали», – сообщала бабувисту Дидье его жена, остававшаяся на воле. То же, по ее словам, касалось афиш и прокламаций⁹². «Они... изображали меня жалким и безумным мечтателем или тайным орудием врагов народа»⁹³, – писал Бабёф об оставшихся на свободе

⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 162. Л. 66–67.

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 161. Л. 105.

⁸⁷ В то время уголовные трибуналы в департаментах состояли из двух жюри: обвинительное принимало решение о предании суду, а судебное выносило приговор.

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 161. Л. 113.

⁸⁹ Там же. Л. 124–125.

⁹⁰ Там же. Л. 108–109.

⁹¹ Там же. Л. 118–121.

⁹² РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 160. Л. 23–24. Оригинал: «votre arrestation n'a pas eu l'effet que l'on attendoit... les affiches, les proclamations n'a pas eu l'effet».

⁹³ Бабёф Г. Сочинения. Т. 4. С. 298.

соротниках, довольно точно воспроизводя то восприятие его самого и его заговора, которое нашло отражение в отчетах правительственных агентов.

И все же нельзя сказать, что пропаганда «равных» оказалась бесплодной – некоторые их сочинения наделали довольно много шума и получили широкое одобрение. В обществе явно знали о подготовке нового революционного *journal*. Но это не значит, что парижане поддерживали заговорщиков или хотя бы четко понимали, кто те и чего хотят. Бабёфа и его сторонников считали якобинцами, анархистами, шуанами, орлеанистами, роялистами, но только не теми, кем они на самом деле являлись. К ним причисляли случайных людей или переоценивали роль мелких участников предприятия. Масштабы заговора, силы заговорщиков частенько переоценивались. Особенно заметным это стало после ареста членов «Тайной директории». Тогда общество охватила своего рода мания: одним казалось, что бабувисты повсюду, другим – что их самих незаслуженно причисляют к таковым.

Отчасти это было результатом необразованности масс, отчасти – пестроты политических сил, действовавших во Франции на протяжении всей революции. Но несомненна и «вина» самого Бабёфа: в стремлении усилить свой политический вес и обрести союзников, ему приходилось сглаживать острые углы своей коммунистической программы, из-за чего он и затерялся среди многочисленных противников Директории – правых и левых, идейных и стихийных. Стремление Бабёфа создать широкую коалицию оппозиционных сил привело к тому, что в конце концов специфика его собственной организации в этой коалиции растворилась.

В нагнетании обстановки после ареста «равных» не обошлось и без роли правительства: ведь именно его сообщения о раскрытии «страшного заговора» вызвали обострение у сидельцев Бисетра и заставили бдительных граждан смотреть друг на друга с большей подозрительностью, чем обычно⁹⁴. А далее всё шло по кругу: приходящие доносы наводили правительство на мысль о большем, чем ему казалось, масштабе заговора, оно подавало соответствующие сигналы обществу, а то, в свою очередь, снова строчило доносы.

Рядовые французы XVIII века не поддержали «заговор во имя равенства». Но в том, каким он остался в истории, есть и их заслуга.

⁹⁴ Подробнее об этом см.: *Сюрато Ж. П.* Бабувисты, «красная опасность» и пропаганда Директории (1796–1798) // ФЕ. 1960. М., 1961. С. 95–120.

Список литературы

- Бабёф Г. Сочинения. М., 1975–1982. Т. 1–4. [*Babeuf G. Sochinenija. M., 1975–1982. T. 1–4.*]
- Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005. [*Bovykin D.Ju. Revoljucija okonчена? Itogi Termidora. M., 2005.*]
- Великовский С. Поэтическое наследие участников «заговора равных» Г. Бабёфа // Вопросы литературы. 1959. № 2. [*Velikovskij S. Pojeticheskoe naslednie uchastnikov «zagovora ravnnyh» G. Babjofa // Voprosy literatury. 1959. № 2.*]
- Далин В.М. «Агент связи» Бабёфа – Дидье-Журдейль // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957. С. 244–257. [*Dalin V.M. «Agent svjazi» Babjofa – Did'e-Zhurdej'l' // Iz istorii obshhestvennyh dvizhenij i mezhdunarodnyh otnoshenij. M., 1957. S. 244–257.*]
- Далин В.М. Грахх Бабёф накануне и во время Великой Французской революции (1785–1794). М., 1963. [*Dalin V.M. Grakh Babjof nakanune i vo vremja Velikoj Francuzskoj revoljucii (1785–1794). M., 1963.*]
- Жбанков Л. История «Заговора равных». М., 1905. [*Zhbankov L. Istorija «Zagovora ravnnyh». M., 1905.*]
- Киясов С.Е. С. Маршалль: политическая биография. Саратов, 1987. [*Kijasov S.E. S. Mareshal': politicheskaja biografija. Saratov, 1987.*]
- Летчфорд С.Е. Клуб Пантеона и его место в оформлении бабувистской организации // Новая и новейшая история. Межвузовский сборник. Саратов. 1986. [*Letchford S.E. Klub Panteona i ego mesto v oformlenii babuvistskoj organizacii // Novaja i novejschaja istorija. Mezhvuzovskij sbornik. Saratov. 1986.*]
- Летчфорд С.Е. Бабёф и Друэ // ФЕ. 2009. М., 2009. [*Letchford S.E. Babjof i Druje // FE. 2009. M., 2009.*]
- Собуль А. Секционеры и бабувисты, их социальный состав // ФЕ. 1960. М., 1961. [*Soboul A. Sekcionery i babuvisty, ih social'nyj sostav // FE. 1960. M., 1961.*]
- Строев А.Ф. «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998. [*Stroev A.F. «Te, kto popravljaet fortunu». Avantjuriisty Prosveshhenija. M., 1998.*]
- Сюрато Ж. Р. Бабувисты, «красная опасность» и пропаганда Директории (1796–1798) // ФЕ. 1960. М., 1961. [*Suratteau J. R. Babuvisty, «krasnaja opasnost'» i propaganda Direktorii (1796–1798) // FE. 1960. M., 1961.*]
- Фрумов С.А. Революционная программа воспитания (к 200-летию со дня рождения Бабёфа) // Советская педагогика. 1960. № 12. [*Frumov S.A. Revoljucionnaja programma vosпитания (k 200-letiju so dnia roždenija Babjofa) // Sovetskaja pedagogika. 1960. № 12.*]

- Revolucionnaja programma vospitanija (k 200-letiju so dnja rozhdenija Babjofa) // Sovetskaja pedagogika. 1960. № 12].
- Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. [*Foucault M. Istorija bezumija v klassicheskuju jepohu. SPb., 1997*].
- Черткова Г.С. Гракх Бабёф во время термидорианской реакции. М., 1980. [*Chertkova G.S. Grakh Babjof vo vremja termidorianskoj reakcii. M., 1980*].
- Черткова Г.С. От Бабёфа к Буонарроти: движение во имя равенства или заговор равных? // Памяти профессора А.В. Адо. Современные исследования о Французской революции конца XVIII в. М, 2003. [*Chertkova G.S. Ot Babjofa k Buonarroti: dvizhenie vo imja ravenstva ili zagovor ravnyh? // Pamjati professora A.V. Ado. Sovremennye issledovanija o Francuzskoj revoljucii konca XVIII v. M, 2003*].
- Щеголев П.П. Гракх-Бабёф. М., 1933. [*Shegolev P.P. Grakh-Babjof. M., 1933*].
- Advielle V. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme. P., 1990 T. 1–2.
- Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. P., 1898. T. 3.
- Bruhat J. Gracchus Babeuf et les égaux, ou le premier parti communiste. P., 1978.
- Coët E. Babeuf à Roze. Péronne, 1865.
- Dautry J. Le pessimisme économique de Babeuf et l'histoire des utopies // AHRF. 1961. № 33.
- Mazauric C. Babeuf et la conjuration pour l'égalité. P., 1962.
- Meyer F.J. L. Fragments sur Paris. Hambourg, 1798. T. 1.
- Pages choisies de Babeuf. P., 1935.
- Riviale Ph. La ballade du temps passé. Guerre et insurrection de Babeuf à la Commune. P., 1977.
- Rose R.B. Gracchus Babeuf. The first revolutionary communist. Stanford, 1978.
- Schiappa J.-M. Gracchus Babeuf avec les égaux. P., 1991.
- Serna P. Antonelle. Aristocrate révolutionnaire. 1747–1817. P., 1997.
- Six G. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la révolution et de l'empire. P., 1934. T. 1.
- Tchertkova G. De la place du Babouvisme dans l'histoire du mouvement révolutionnaire européen // Les Historiens russes et le Révolution française après le Communisme. P., 2003.
- Tønnesson K. L'an III dans la formation du babouvisme // AHRF. 1960. № 162.

*А.В. Чудинов**

ВТОРОЕ КАИРСКОЕ ВОССТАНИЕ

20 марта – 21 апреля 1800 г.

Статья посвящена истории наиболее масштабного и продолжительного эпизода вооруженного сопротивления жителей Египта французской оккупации 1798–1801 гг. Автор, опираясь на широкий круг источников, включающий в себя публикации французских официальных документов, воспоминания участников событий, арабские хроники и архивные материалы, анализирует механизм перехода массового недовольства египтян в насильственные действия стихийного характера, а затем в организованные формы вооруженной борьбы. Хроника возникновения, развития и подавления восстания рассматривается по дням через перекрестное сопоставление свидетельств с обеих сторон конфликта.

Ключевые слова: Франция, Египет, массовое движение протеста, Египетский поход 1798–1801 гг., Второе каирское восстание 1800 г., Клебер.

Это были дни непрерывных волнений, горестей, тревог и бедствий, сражений, убийств и грабежей. В эти дни верховодили злодеи, а благородные люди испытали бесчестие.

Абд ар-Рахман ал-Джабарти

Три счастливых месяца, три горестных года

Афористичная формулировка, вынесенная в заголовок этого параграфа, была встречена мною у французского военного историка Г. Жислен де Бонтена¹. На мой взгляд, она как нельзя лучше характеризует

* *Александр Викторович Чудинов, доктор исторических наук, руководитель лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой исторического регионоведения ГАУГН.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

¹ *Gislain de Bontin G. Trois mois heureux, trois ans amers // La campagne d'Égypte, 1798–1801: mythes et réalités / Actes du colloque des 16 et 17 juin 1998. P., 1998. P. 77–92.*

ход Египетской экспедиции, предпринятой Наполеоном Бонапартом в 1798 г. Увлеченный «восточным миражом», созданным литераторами эпохи Просвещения², и достаточно слабо представляя себе реальное положение дел в Египте, молодой генерал во главе Восточной армии отправился завоевывать эту страну под предлогом освобождения ее от мамлюков.

Появление французов 1 июля 1798 г. у Александрии застало врагсплох власти Османской империи, в состав которой входил Египет, поскольку они просто не ожидали подобного вероломства от своих традиционных союзников. Арабское же население Египта было сбито с толку декларацией Бонапарта о том, что он действует против мамлюков якобы с ведома и согласия турецкого султана. Таким образом, на первых порах Восточной армии приходилось сражаться лишь против отрядов мамлюкских беев да отдельных бедуинских племен, над которыми она довольно легко одерживала верх благодаря своему подавляющему превосходству в организации и вооружении. После трех месяцев блестящих побед большая часть Египта была завоевана. Но на этом счастье закончилось, и пришел черед горестей.

Впрочем, первый тревожный звонок прозвенел еще раньше: 1–2 августа английская эскадра адмирала Г. Нельсона уничтожила французский флот на рейде Абукира, перерезав сообщение Восточной армии с метрополией. Однако даже эта катастрофа не шла ни в какое сравнение с теми бедствиями, которые начались для французов, когда в Египет пришло известие, что султан объявил войну Франции и провозгласил джихад против неверных. Непосредственной реакцией на эту весть стало Первое каирское восстание 21–23 октября 1798 г. Хотя оно было жестоко подавлено французами, отныне и до самой своей капитуляции 30 августа 1801 г. им в Египте предстояло иметь дело с постоянным сопротивлением местного населения, выразившимся в различных формах: от нападений на одиночных солдат и локальных стычек до массового повстанческого движения и городских бунтов. Помимо этой напасти Восточную армию ожидало и множество иных: вторжения турок и англичан, чума и другие тяжелые болезни, постоянный дефицит предметов первой необходимости, угнетающее воздействие климата пустыни, – однако до поры до времени французы будут находить способы более или менее успешно справляться со всеми ни-

² Подробнее см.: *Прусская Е.А.* Египет в сочинениях французских путешественников К.-Э. Савари и К. Ф. Вольнея в конце XVIII в. // *ВИ.* № 1. 2012. С.111–121.

ми, кроме неприятия оккупации местными жителями. Подавленное в одном месте, сопротивление египтян тут же будет прорываться наружу в другом. Наиболее масштабным и продолжительным эпизодом их борьбы против оккупантов стало Второе каирское восстание 1800 г., о котором и пойдет речь далее.

Историография и источники

В исторической литературе Второму каирскому восстанию неизменно уделялось существенно меньше внимания, чем Первому, правда, отнюдь не в силу его меньшей значимости. Как раз напротив, Второе восстание намного превзошло Первое по размаху и упорству борьбы. Просто оно случилось уже после отъезда Бонапарта во Францию, при его преемнике на посту командующего Восточной армией – Жане-Батисте Клебере, а львиную долю внимания исследователей Египетской экспедиции, как мне ранее приходилось отмечать в другой связи, традиционно притягивает к себе именно ее наполеоновский период³.

Тем не менее данное событие отнюдь не является «белым пятном» для историографии. Достаточно пространные описания происшедшего можно найти и в многотомной «Научной и военной истории Египетского похода», подготовленной его участниками⁴, и в наиболее подробной биографии Ж.Б. Клебера⁵, написанной в XIX в. графом Ш.П.В. Пажолем, и в недавно вышедшей книге французского военного историка Ф. Делэтра «Сражение при Гелиополисе»⁶. Отдельную статью обоим Каирским восстаниям посвятил также известный советский востоковед И.М. Фильштинский⁷.

Однако при ознакомлении со всеми этими текстами бросается в глаза ярко выраженный моноцентризм использованной их авторами базы источников. Авторы «Научной и военной истории» так же, как Пажоль, черпали сведения о Втором каирском восстании пре-

³ См.: Чудинов А.В. Сражение при Гелиополисе, или Забытая победа // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 128–129.

⁴ Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. P., 1830–1836. Т. 7. P. 396–461.

⁵ Pajol Ch.-P.-V., le comte. Kléber, sa vie, sa correspondance. P., 1877. P. 474–482.

⁶ Delâtre F. La bataille d'Héliopolis: 20 mars 1800. Allonzier-la-Caille, 2011. P. 57–78.

⁷ Фильштинский И.М. Каирские восстания 1798–1800 гг. и описание их в хронике Абд ар-Рахмана ал-Джабарти // Советское востоковедение. 1958. № 3. С. 46–56.

имущественно из «Доклада французскому правительству о событиях, произошедших в Египте, начиная с заключения договора в Эль-Арише по прериаль VIII года» (далее – «Доклад»). Этот документ, составленный наполовину Клебером, наполовину – начальником его штаба генералом Ф.-Э. Дама, был после смерти Клебера отправлен в Париж и одновременно напечатан в Каире типографией Восточной армии⁸.

Ф. Делэтр в качестве основного источника использовал написанные в 1828 г. заметки своего далекого предка, генерала Шарля Делэтра, некогда воевавшего в чине капитана под знаменами Клебера. Впрочем, при ближайшем рассмотрении воспоминания этого участника событий выглядят не слишком оригинальными. В своем описании восстания он, как и многие другие авторы мемуаров из числа бывших военнослужащих Восточной армии, всего лишь воспроизвел содержание вышеупомянутого «Доклада».

И, наконец, И.М. Фильштинский, как показывает уже сам заголовок его статьи, опирался преимущественно на хронику каирского шейха Абд ар-Рахмана ал-Джабарти, хотя, справедливости ради заметим, был прекрасно знаком и с широким кругом французских источников, о чем свидетельствует его пространное предисловие к русскому переводу текста ал-Джабарти⁹.

Естественно, подобный моноцентризм в выборе источников ведет к созданию несколько односторонней картины происшедшего. Так, шейх ал-Джабарти, при всей бесспорной ценности его хроники для понимания ситуации внутри восставшего Каира, мало что знал о положении по ту сторону фронта и уж тем более не мог судить о мотивах тех или иных действий французов. «Доклад» же являет собою в данном отношении диаметрально противоположность: его авторы были хорошо информированы о происходившем у французов и лишь очень приблизительно – о положении в неприятельском лагере. Впрочем, даже в том, что касается действий французских войск, содержащиеся в этом документе сведения нуждаются в верификации данными других источников. Поскольку «Доклад» составлялся для публикации, то не удивительно, что его авторы, как я уже отмечал в отношении их рассказа о сра-

⁸ Rapport fait au Gouvernement français des événemens qui se sont passés en Egypte, depuis la conclusion du traité d'El-A'rych, jusqu'à la fin de prairial an VIII. Kair, s.d.

⁹ Фильштинский И.М. Предисловие // Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта. М., 1962. С. 3–44.

жении при Гелиополисе¹⁰, могли сглаживать или обходить молчанием те моменты, которые способны были повредить командованию Восточной армии в глазах широкой публики и тем более Первого консула – Наполеона Бонапарта.

Указанные особенности освещения Второго каирского восстания в существующей к настоящему моменту научной литературе делают актуальным продолжение исследований этой темы, но теперь уже с привлечением максимально широкого круга источников как официального, так и частного происхождения. В предлагаемой далее вниманию читателей реконструкции этих событий я опирался на следующие источники: на переписку Клебера¹¹; на оригинальный текст «Доклада», опубликованный А. Лорансом по находящейся в Военном архиве (Венсенн) рукописи¹²; на хранящиеся там же в Венсенне документы Восточной армии¹³; на отчет о военных действиях, составленный офицером штаба Восточной армии А.Э. Мишо по горячим следам событий и предназначенный для служебного пользования¹⁴; на арабские хроники ал-Джабарти и Никулы ат-Турка¹⁵; на свидетельства французских офицеров – участников осады – начальника штаба артиллерии Ж.П. Догеро¹⁶, гусара Н.Ф. Девернуа¹⁷; офицера полка дромадеров Ш. Франсуа¹⁸, артиллеристов Ш. Ришардо¹⁹ и Л.Ж. Брикара²⁰, пехотных офи-

¹⁰ Чудинов А.В. Указ. соч. С. 148–155.

¹¹ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р., 1995.

¹² Rapport fait au gouvernement français des événements qui se sont passés en Égypte, depuis la conclusion du traité d'El-Arych, jusqu'à la fin de prairial an VIII // Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Далее – Rapport.

¹³ Service Historique de la Defense. Département de l'armée de terre (SHD/DAT).

¹⁴ [Michaux A.-E.] Rapport détaillé sur la bataille d'Héliopolis et sur la siège du Kaire – SHD/DAT. В° 42. Далее указанный документ цитируется по изданию: L'état-major de Kleber en Égypte: 1798-1800 : d'après leurs carnets, journaux, rapports et notes / Éd. établie par S. Le Couëdic. Р., 1997.

¹⁵ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч.; Turc N. Chronique d'Égypte 1798-1804/ Ed. et tr. par G. Wiet. Le Caire, 1950. Подробную характеристику этих источников см.: Прусская Е.А. Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта // ФЕ 2010. Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохе Наполеона. М., 2010. С. 274–290.

¹⁶ Doguereau J.P. Journal de l'expédition d'Égypte / Éd. de C. de La Jonquière. Р., 1997.

¹⁷ Desvernois, général baron. Avec Bonaparte en Italie et en Égypte. Р., 2012.

¹⁸ Journal du capitaine François, dit le dromadaire d'Égypte / Établie par Charles Grolleau. Р., 2003.

¹⁹ Richardot Ch., le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires sur l'armée française en Égypte et en Syrie. Р., 1848.

²⁰ Journal du canonier Bricard. Р., 1891.

церов Ж.М. Муаре²¹ и Ф. Виго-Руссильона²², а также типографа А. Галлана²³ и английского дипломата Дж.П. Морье²⁴.

Накануне

Несмотря на постоянно существовавшую в период Египетского похода напряженность в отношениях между французами и населением Каира, особенно низшими слоями населения, недовольство египтян оккупацией долгое время носило латентный характер и после октября 1798 г. не выливалось на протяжении полутора лет в какие-либо насильственные действия. Быстрое и решительное подавление Бонапартом Первого каирского восстания стало для жителей египетской столицы жестоким уроком, надолго отбившим охоту к повторению подобного опыта. Однако их настроение стало быстро меняться, когда они узнали, что генерал Клебер и великий визирь Османской империи Юсуф-паша заключили 23 января 1800 г. Эль-Аришское соглашение об эвакуации французов из Египта²⁵.

По этому соглашению французская армия должна была через три месяца покинуть Египет на турецких судах, которым предстояло доставить ее со всем вооружением во Францию. На время подготовки французов к эвакуации объявлялось перемирие. Документ предусматривал четкий график передачи турецкой стороне населенных пунктов по всему пути следования армии визиря от сирийской границы до Каира: саму же египетскую столицу французы должны были покинуть на 40-й, в крайнем случае на 45-й день после ратификации документа. Однако уже с самого начала переходного периода турецкая администрация получала право собирать налоги по всему Египту, выплачивая в свою очередь, французам для содержания их войск оговоренные в соглашении суммы.

28 января Клебер прибыл в Каир из военного лагеря в Салихии, привезя с собой турецкого военачальника Мухаммада Ага, которому визирь и поручил наладить сбор налогов. Уже один только вид пред-

²¹ *Moiret J.-M. Mémoires sur l'expédition d'Égypte. P., 1984.*

²² *Vigo-Roussillon F. Journal de la campagne (1793–1837). P., 1981.*

²³ [*Galland A.*]. *Tableau de l'Égypte pendant le séjour de l'Armée française. T. 1. P., an XI (1803).*

²⁴ *Morier J.P. Memoir of a Campaign with the Ottoman Army in Egypt from February to July 1800. L., 1801.*

²⁵ Текст его неоднократно публиковался в научной литературе. См., например: *Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P. 541–547.*

ставителя Османской империи вызвал, по свидетельству ал-Джабарти, настоящий ажиотаж у горожан, хотя те и не знали о цели его приезда: «Жители собирались в большие толпы, чтобы посмотреть на него, шумели и кричали. Некоторые забрались на *мастабы* лавок и крыши. Женщины приветствовали его пронзительными радостными возгласами из окон домов»²⁶. А когда на следующий день Мухаммад Ага огласил фирман великого визиря о том, что поставлен начальником над городскими таможенными и что комендантом Каира до прибытия визиря временно назначен находившийся в плену у французов Мустафа-паша, каирцы исполнились надежды, что ненавистная оккупация и вправду подходит к концу. Даже весьма значительная контрибуция, взывавшаяся с них новыми турецкими властями для передачи французам предусмотренной в соглашении суммы, не вызвала у горожан недовольства: «Каждый обложенный этой контрибуцией житель спешил с уплатой и приносил деньги от чистого сердца с радостной мыслью, что он ускоряет эвакуацию французов, и говорил: “Благословен тот день и час, когда неверные собаки уберутся”. Это говорилось в присутствии французов, те слышали и озлоблялись»²⁷.

Между тем во исполнение Эль-Аришского соглашения французы по графику сдавали туркам один укрепленный пункт за другим, и армия визиря поступенно приближалась к египетской столице: 7 февраля она вошла в Катю, 12-го – в Салихию, 19-го – в Бельбейс²⁸. По мере ее продвижения отношения в Каире между местными жителями и французскими военными всё более накалялись:

«Что касается жителей Каира и простого люда, то они были беспечны. Они смотрели на французов с презрением и всячески унижали их своим бесцеремонным обращением, насмешками, ругательствами и даже проклятиями. При этом, не думая о последствиях, к которым все это может привести, они лишали себя возможности какого бы то ни было примирения с французами в дальнейшем.

Дело дошло до того, что ученики, собранные своими школьными учителями, ходили толпами, громко, во весь голос выкрикивая в рифму: “Проклятие христианам, их начальникам и пособникам! Да ниспошлет Аллах победу султану и уничтожит неверных” и другие подобные сло-

²⁶ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 242. *Мастаба* (*араб.*) – каменная скамья.

²⁷ Там же. С. 244.

²⁸ Маршрут движения турецкой армии см.: *Morier J.P.* Op. cit. P. 42–70.

ва. Они думали, что с французами уже покончено, и не могли сдерживать свое нетерпение до окончания срока соглашения»²⁹.

Падение авторитета французских военных проявлялось порой даже на бытовом уровне. Гусар Девернуа позднее вспоминал, что именно в эти смутные дни ожидания эвакуации был дочиста обокраден собственным слугой, который со всем его имуществом бежал к себе на родину в Дарфур. Еще недавно такое было просто невозможно, а теперь французов уже никто не боялся³⁰.

Стало также расти напряжение между мусульманами и христианами среди самих горожан. В период пребывания французов в Египте местные христиане широко сотрудничали с оккупационной администрацией: копты, так же как при мамлюках, осуществляли сбор налогов, сирийские христиане и греки выполняли ее различные поручения, служили во вспомогательных войсках, а их женщины нередко скрашивали досуг французских военных. Всё это, естественно, раздражало мусульман, которым, однако, до поры до времени приходилось скрывать свое недовольство. Теперь же оно все чаще стало выплескиваться наружу. Представитель английского военного командования Джон Кейт, прибывший в Каир после установления перемирия, обратился 19 февраля с письмом к Клеберу, предупреждая, что «положение всех категорий христиан и франков [европейцев. – *А. Ч.*], живущих в этом городе, день ото дня становится все тревожнее с приближением срока эвакуации французской армии...»³¹

Бельбейс, где разбила свой лагерь огромная, насчитывавшая от 60 до 80 тыс. пштыков и сабель³², армия великого визиря, находился на расстоянии примерно десятичасового перехода от Каира, а селение Эль-Ханка, где стоял ее авангард, еще ближе – в четырех часах ходу³³. Впрочем, Юсуф-паша никуда не спешил и провел в Бельбейсе три недели в ожидании, пока французы в соответствии с соглашением эвакуируются из города. Однако его солдатам после изнурительного многодневного марша по пустыне было трудно усидеть на месте вблизи соблазнов большого города, и они небольшими группами начали проникать в Каир. Рядовой состав, отмечает следовавший с турецкой армией английский

²⁹ *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 244.

³⁰ *Desvernois, général baron*. Op. cit. P. 148–149.

³¹ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. P. 584.

³² Подробнее расчеты ее численности см.: *Чудинов А.В.* Указ. соч. С. 140–143.

³³ От Бельбейса до Эль-Ханки было 6 часов пешего хода (см. *Morier J.P.* Op. cit. P. 70), а от Эль-Ханки до Каира – еще 4 (см.: *Journal du capitaine François*. P. 357).

дипломат Морье, испытывал к концу похода нехватку продовольствия³⁴, а дисциплина у турок не отличалась большой строгостью. «Приказы великого визиря о предстоящих действиях, – пишет Морье, – сообщаются армии глашатаем и выглядят смешными по сравнению с нашими представлениями о военной системе. Накануне вечером они объявляются примерно так: “Завтра вечером вам предстоит идти десять часов, чтобы достичь вод Нила. Тот, кто хочет, может выходить уже сейчас”»³⁵. Не удивительно, что, оказавшись вблизи Каира, многие из солдат отправились туда «уже сейчас», не дожидаясь общего приказа.

Ал-Джабарти сообщает, что появившиеся в городе турки сразу же повели себя по-хозяйски и «начали навязываться владельцам кофеен и бань, цирюльникам, портным и так далее в качестве компаньонов для получения части доходов от ремесел и других занятий»³⁶. Это же отмечается и в отчете Мишо:

«Полиция работала плохо, да и караульная служба после возвращения [французской] армии [в Каир] осуществлялась небрежно. Безобразия всё множились. Османы облагали частными поборами купцов, которым писали на дверях домов “Я – твой компаньон”. Эти беспорядки продолжались до самого разрыва [Эль-Аришского] соглашения»³⁷.

Турецкий комендант Мустафа-паша, которому горожане пожаловались на бесчинства солдатни, ответил, что такова обычная практика османской армии³⁸. Однако местные жители были к турецким порядкам не приучены, поскольку до прихода французов власть султана над Египтом носила скорее номинальный характер, а реально страной управляли мамлюкские беи. Позже, во время восстания, подобные различия у турок и египтян в представлениях о допустимом и недопустимом станут одной из главных причин раскола среди повстанцев.

Прибыли в те дни к Каиру со своими отрядами и бывшие правители Египта – предводители двух самых влиятельных мамлюкских кланов Ибрагим-бей и Мурад-бей. Первый, бежавший в 1798 г. от Бонапарта в Сирию, теперь со своими людьми вернулся в составе армии визиря. Второй, почти два года сражавшийся против французов в Верхнем

³⁴ *Morier J.P.* Op. cit. P. 51.

³⁵ *Ibid.* P. 49.

³⁶ *Абд ар-Рахман ал-Джабарти.* Указ. соч. С. 245.

³⁷ [*Michaux A.-E.*] Op. cit. P. 76.

³⁸ *Абд ар-Рахман ал-Джабарти.* Указ. соч. С. 245.

Египте, разбил свой лагерь в стороне от турок – в ал-Адлие, ограничившись кратковременным визитом вежливости к визирю.

Не покидавшие Каира на протяжении всей оккупации жены и управляющие беев теперь отправились навстречу главам своих домов, спеша доставить им в походный лагерь всё необходимое для того, дабы скрасить им вынужденное пребывание в полевых условиях. Между Каиром и Бельбейсом установилось оживленное общение: утром и вечером слуги везли своим хозяевам в лагерь предметы роскоши и яства. Именитые люди города также побывали там, выразив уважение великому визирю³⁹. Именно он воспринимался теперь в качестве носителя верховной власти. И хотя французы еще никуда не ушли, горожане, похоже, все меньше принимали их во внимание.

Появление в Каире слабо дисциплинированных турецких солдат, к тому же еще и религиозно экзальтированных в священный месяц рамадан, повысило до предела градус напряженности в городе и усилило риск конфликтов. Те не заставили себя ждать. О первом из них глухо упоминается в записке Клебера командиру дивизии генералу Ж.Л.Э. Рейнье от 25 февраля:

«Примите, пожалуйста, самые строгие меры, чтобы обеспечить спокойствие в городе и чтобы ни один из солдат не выходил из казарм ни под каким предлогом. Необходимо также с текущего момента и на все три дня, пока длится праздник [окончания рамадана. – А.Ч.], удвоить посты. Французы только что совершили убийство, которое вызовет самые печальные последствия»⁴⁰.

Последствия, однако, так и не наступили. Возможно, убийство это, если оно действительно имело место, удалось скрыть, и оно не получило огласки в городе. Во всяком случае, никакие другие источники о нем не упоминают. Зато практически все они с разной степенью подробности сообщают о конфликте на городском базаре 3 марта. Правда, детали происшедшего в разных свидетельствах весьма разнятся. Официальную французскую версию изложил генерал Дама в письме турецкому коменданту города Мустафа-паше:

«Имею честь известить Ваше превосходительство о том, что патруль, обязанный поддерживать порядок в городе, только что подвергся нападению османов, открывших по нему огонь в кофейне, где тот

³⁹ Там же. С. 246–247; *Turc N. Op. cit.* P. 95.

⁴⁰ Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P. 595.

находился. Французский гренадер из 61-й полубригады погиб, другие получили ранения»⁴¹.

В отчете Мишо говорится о двух погибших гренадерах из 75-й полубригады без каких-либо подробностей столкновения⁴². Гораздо более яркую картину этого инцидента рисует арабский хронист Никула ат-Турк, христианин из Сирии, находившийся с наблюдательной миссией по заданию ливанского эмира при штабе Восточной армии:

«В один прекрасный день пятеро янычаров сидели на рынке и увидели проходящего мимо французского солдата. Один из янычаров кинулся к нему и уложил на месте ударом сабли по шее. Новость стала распространяться, как огонь по дорожке пороха, и взбудоражила французов. Все дома стали закрываться»⁴³.

Наиболее же масштабным этот конфликт выглядит в изложении ал-Джабарти:

«7 шаввала (3.III.1800) произошло столкновение между французскими и турецкими солдатами. Это была первая стычка между ними. Группа турецких солдат повздорила с группой французских солдат, и в стычке был убит один француз. Охваченные волнением и тревогой жители закрыли лавки. В ал-Джамалийе и в примыкающих к ней районах турки начали строить траншеи и укреплять их. В последовавшее за этой стычкой новым столкновении между французами и турками было убито с обеих сторон небольшое число солдат. События угрожали перерасти в настоящее восстание. Обе стороны провели ночь, готовясь к бою. Но высшие чины армии с обеих сторон вмешались в эти приготовления, удержали своих солдат и приказали разрушить траншеи»⁴⁴.

Это сообщение шейха созвучно показаниям ряда французских военных. Так, в дневнике канонира Брикара события 3 марта, стоившие, по словам автора, жизни одному из гренадеров, характеризуются термином «восстание» (*insurrection*). Более того, «маленькие восстания», пишет Брикар, имели также место и в последующие два дня⁴⁵. В воспоминаниях гусарского офицера Девернуа говорится о трех-четырёх столкновениях французов с янычарами на улицах Каира и приводится любопытная деталь: почувствовав, что уступают, турки забаррикадировались в одном из домов и принялись палить во все стороны⁴⁶.

⁴¹ Ibid. P. 608.

⁴² [Michaux A.-E.], Op. cit. P. 76.

⁴³ Turc N. Op. cit. P. 96.

⁴⁴ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 247–248.

⁴⁵ Journal du canonnier Bricard. P. 394–395.

⁴⁶ Desvernois, général baron. Op. cit. P. 152.

Как видим, расхождения в описаниях довольно существенные: от одиночной стычки до столкновений с довольно большим числом участников. Рискну предположить, что дело все же не ограничилось частным конфликтом, поскольку три дня спустя генерал Дама отправил рейс-эфенди (министру иностранных дел) Рашиду, находившемуся в ставке визиря, письмо с просьбой отсрочить на несколько дней вывод французский войск из Каира и среди факторов, не позволявших им эвакуироваться в те сроки, что были предусмотрены Эль-Аришским соглашением, на первое место поставил «кратковременные беспорядки, вызванные в Каире солдатами, покинувшими османскую армию»⁴⁷. Очевидно, что убийство в частной ссоре одного гренадера едва ли выглядело бы убедительным объяснением задержки эвакуации целой армии. Речь явно шла о более серьезном инциденте.

Гораздо больше единодушия в свидетельствах современников о мерах, которые по требованию французского командования Мустафа-паша принял против возмутителей спокойствия. Несколько участвовавших в конфликте янычаров были повешены на площади Эзбекский перед бывшим дворцом Эльфи-бея, где теперь располагалась штаб-квартира Клебера, а остальным турецким военнослужащим было запрещено входить в Каир с оружием. Данные источников расходятся только в отношении числа казненных: ат-Турк говорит о пяти повешенных, ал-Джабарти – о шести, Мишо – о пяти повешенных и пяти, которым отрубили головы⁴⁸. Решительные меры позволили прекратить столкновения, однако обстановка в городе все равно осталась взрывоопасной.

Тем не менее французы продолжали подготовку к эвакуации, вывозя из Каира свою тяжелую артиллерию и снаряжение. 8–10 марта пушки и содержимое складов из каирской Цитадели и расположенных возле города фортов были отправлены по Нилу в Розетту⁴⁹. Теперь Клебер ждал только прибытия частей из Верхнего Египта, чтобы двинуться к морским портам. Оставалось всего лишь два дня до полной эвакуации французских войск⁵⁰.

⁴⁷ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р. 609.

⁴⁸ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 248; Turc N. Op. cit. P. 96; [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 76. В сравнении с этими цифрами сообщение в мемуарах Девернуа о 150–200 казненных (*Desvernois, général baron*. Op. cit. P. 152) выглядит излишне преувеличенным, не находит подтверждения в других источниках и объясняется, вероятно, лишь тем, что эти воспоминания были записаны спустя годы после указанных событий.

⁴⁹ Journal du canonnier Bricard. P. 396; Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 246.

⁵⁰ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р. 622.

Однако 10 марта ситуация резко изменилась после того, как Клебер получил послание британского представителя в Восточном Средиземноморье командора С. Смита. Выступив ранее посредником при заключении Эль-Аришского соглашения, Смит считал для себя делом чести его точное исполнение, а потому предупредил Клебера о том, что командующий английским флотом на Средиземном море адмирал Кейт, руководствуясь старыми, еще ноябрьскими, инструкциями из Лондона, отказывается пропустить французскую армию на родину и готов вывезти ее личный состав из Египта только в качестве пленных. Копия соответствующего письма адмирала Кейта прилагалась⁵¹.

В тот же день, 10 марта, Клебер обратился к Юсуф-паше с предложением приостановить реализацию Эль-Аришского соглашения до тех пор, пока французы не получат разрешение адмирала Кейта на свободную эвакуацию⁵². Одновременно, не надеясь, вероятно, найти понимания у великого визиря, французский командующий отдал приказ своему начальнику артиллерии генералу Н.М. Сонжису вновь вооружить Цитадель и форты⁵³. И он оказался прав: на следующий день великий визирь в ответном письме, выразив готовность и далее соблюдать перемирие, подчеркнул необходимость точного соблюдения всех пунктов Эль-Аришского соглашения, включая сроки эвакуации французских войск из Каира⁵⁴. Подкрепляя эти слова демонстрацией силы, османская армия 12 марта⁵⁵ подошла к городу еще ближе: основные силы и ставка Юсуф-паши разместились в селении Эль-Ханка, на расстоянии четырехчасового перехода от Каира (4 лье), а турецкий авангард под командованием Насуф-паши⁵⁶ – в деревне Матария, в двухчасовом переходе от города (2 лье⁵⁷).

Стараясь выиграть время, Клебер отправил своего начальника штаба Дама и главного финансиста армии А. Глутье вести переговоры с представителями визиря, затянувшиеся до 18 марта. Параллельно шла активная военная и дипломатическая подготовка к возобновлению военных действий. Рассказывает ал-Джабарти:

«Французы использовали упомянутый восьмидневный период для того, чтобы стянуть свои войска из Верхнего и Нижнего Египта. Они

⁵¹ Ibid. P. 625–628.

⁵² Ibid. P. 621–622.

⁵³ Ibid. P. 623.

⁵⁴ Ibid. P. 636–638.

⁵⁵ *Morier J.P.* Op. cit. P. 70.

⁵⁶ В источниках и в исторической литературе его также называют Насиф-пашой или Насух-пашой.

⁵⁷ *Journal du capitaine François.* P. 357, 359. 1 сухопутное лье = 4445 м.

раскинули свои палатки вдоль берега Нила, и их лагерь растянулся по всему Каиру – от Старого Каира до Шубра. Они вновь заняли пустовавшую крепость и с лихорадочной поспешностью днем и ночью завозили туда на повозках боеприпасы, снаряды, военное оборудование, порох, ядра, бомбы и пушки. Жители удивлялись всему этому. Мустафа-паша, комендант, и его приближенные видели все это, но ничего не говорили»⁵⁸.

Одновременно по заданию Клебера секретарь дивана⁵⁹ Ж.Ж. Фурье тайно вступил через посредников в контакт с Мурад-беем, и тот обещал ему соблюдать нейтралитет в случае возможного столкновения между французами и турками⁶⁰.

Когда из Верхнего Египта прибыли ожидавшиеся французские части, а форты были вновь вооружены, Клебер 18 марта прекратил переговоры с турками, велел арестовать Мустафа-пашу и выпустил приказ по армии, в котором ознакомил ее личный состав с текстом письма адмирала Кейта, добавив от себя: «Солдаты, на такое дерзкое послание мы можем ответить только победами. Готовьтесь к бою»⁶¹. 19 марта он письмом известил великого визиря о разрыве перемирия и о том, что обе армии отныне находятся в состоянии войны⁶². В ночь на 20 марта французская армия выступила против великого визиря.

Расположение французских частей в Каире

Хотя Клеберу удалось стянуть для участия в генеральном сражении все находившиеся поблизости от Каира войска, на стороне противника был гигантский численный перевес: против 12,5–13 тыс. у французов турки имели от 60 до 80 тыс. бойцов⁶³. Естественно, французский командующий смог оставить в Каире лишь минимальное количество войск, состоявших к тому же в значительной степени из раненых, больных и выздоравливающих – тех, кто не мог полноценно сражаться в поле⁶⁴. В архиве Восточной армии сохранилась следующая таблица распределения находившегося в Каире личного состава по ключевым для контроля над городом пунктам.

⁵⁸ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 249.

⁵⁹ Диван – совещательный орган при оккупационной администрации, включавший в себя наиболее влиятельных жителей Каира, преимущественно шейхов мечети Аль-Азхар.

⁶⁰ Kléber en Égypte 1798-1800. Т. 4. Р. 641–644.

⁶¹ Ibid. Р. 680–681.

⁶² Ibid. Р. 681–682.

⁶³ Подробный анализ численности армий с обеих сторон см.: Чудинов А.В. Указ. соч. С. 134–143.

⁶⁴ См.: Moiret J.-M. Op. cit. Р. 146.

Список войск, оставшихся в Каире, фортах и в Гизе в тот период, когда армия ушла сражаться с великим визирем 29 вантоза (20 марта 1800 г.)⁶⁵

Имена комендантов фортов	Номера частей	Местопребывание	Численность личного состава	Примечания
<i>Цитадель</i> : Дюпа, шеф бригады	32 ^я и 85 ^я линейные полубригады	Цитадель	396	
<i>Форт Дюпюи</i> : Рафаелли, капитан	13 ^я линейная полубригада	Форт Дюпюи	24	
<i>Форт Сулковский</i> : Колле, капитан	Разные части	Форт Сулковский	402	Включая всех тех из 9 полубригад, кто не смог за ними последовать
<i>Ферма [Ибрагим-бея]</i> : Рест, капитан	32 ^я линейная полубригада	о. Рудах и Ферма	495	Включая пикет драгун
<i>Форт Акведука</i> : Борд, лейтенант	32 ^я линейная полубригада	Форт Акведука	10	
<i>Форт Камен</i> : Шпель, лейтенант	13 ^я линейная полубригада	Форт Камен	10	
<i>Форт Института</i> : Риззи, лейтенант	32 ^я линейная полубригада	Форт Института	10	
<i>Булак</i> : Жоливе, шеф эскадрона	25 ^я линейная полубригада	В Карантине	50	
	22 ^я легкая, 13 ^я и 9 ^я линейные полубригады	Главная штаб-квартира	120	Не считая гидов*
<i>Старый Каир</i> : Жирар, шеф батальона	32 ^я линейная полубригада	Старый Каир	50	

⁶⁵ SHD/DAT. B⁶ 189.

Имена комендантов фортов	Номера частей	Местопребывание	Численность личного состава	Примечания
Гиза: Фландрен, капитан	32 ^а линейная полубригада	Гиза	698	Включая 180 чел. из депо** 21 ^и [легкой] и 88 ^и [линейной] полубригад и 130 чел. из артиллерии
ИТОГО			1965	

Эта таблица, очевидно, была составлена в период работы Клебера над вышеупомянутым «Докладом». Судя по описанию, именно она упоминается в списке ответов штаба армии на вопросы, заданные тогда главнокомандующим:

«2. Какие войска я оставил в Каире под командованием генерала Вердье, помимо 32-й линейной полубригады и какова была их общая численность?

– 1965 чел. из различных частей, включая 32-ю линейную полубригаду, как в Цитадели, так и в Гизе, Старом Каире, штаб-квартире и во всех фортах. Соответствующий список прилагается.

3. Имена комендантов в различных фортах, городе и Гизе.

– В прилагаемом списке они указаны»⁶⁶.

Как видим, французские войска были весьма неравномерно распределены в ряде укрепленных пунктов по периметру и в окрестностях Каира (см.: Карта 1). Наиболее боеспособные силы располагались в Цитадели. Построенная еще Саладином, эта крепость доминировала над Каиром. Именно отсюда в октябре 1798 г. Бонапарт подверг город жестокой бомбардировке, позволившей ему быстро подавить Первое каирское восстание. Обладание ею позволяло контролировать артиллерийским огнем большую часть города восточнее канала Халидж.

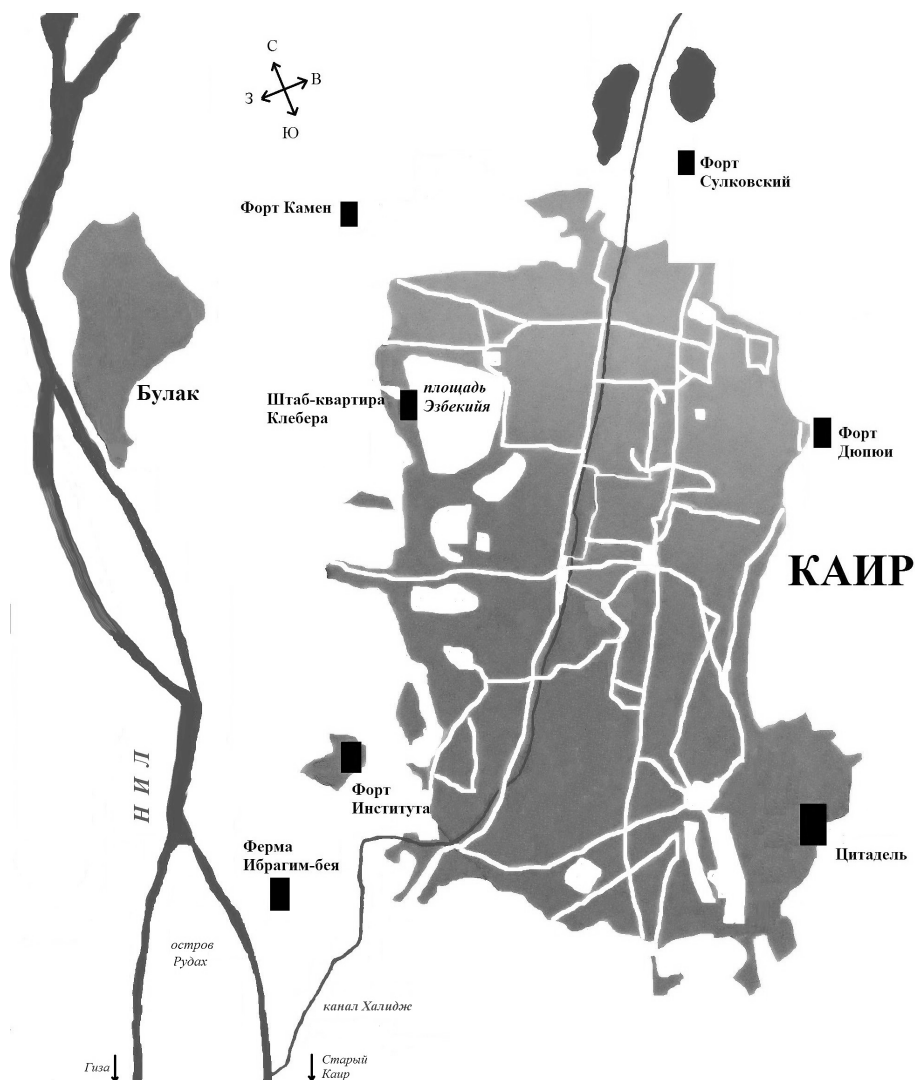
* Гиды – французская легкая кавалерия, составлявшая эскорт командующего армией в Итальянских 1796–1797 гг. и в Египетской кампаниях. В Восточной армии существовали также пешие гиды и батарея артиллерии гидов.

** Депо – учебные подразделения. В условиях Египетского похода, где приток новых рекрутов отсутствовал, использовались для восстановления военнослужащих, вернувшихся из госпиталей.

⁶⁶ L'état-major de Kleber en Égypte. P. 74.

Довольно значительная по численности группировка была сосредоточена также в бывшем загородном доме («ферме») Ибрагим-бея и на примыкавшем к ней о. Рудах – там размещались склады и госпиталь армии.

Карта 1

Еще одним местом скопления складов был пригород Каира – Гиза, расположенный выше по течению Нила, на его левом берегу. Расквартированная здесь французская группировка была наиболее многочисленной. К ней же можно отнести и отряд в Старом Каире, пригороде на правом берегу Нила прямо напротив Гизы. Впрочем, эти части, как и гарнизон форта Акведука, были по сравнению с остальными в наибольшей степени удалены от Каира и оказались на безопасном расстоянии от основного театра военных действий.

В городке же Булак, «речных воротах» столицы, оставались лишь пять десятков солдат, несших караульную службу в карантинной зоне порта.

Весьма неравномерно были распределены силы французов и по ранее построенным ими четырем фортам, три из которых – Сулковский, Дюпюи и Камен – носили имена офицеров Восточной армии, погибших во время Первого каирского восстания. Действительно значительная группировка оставалась лишь в форте Сулковский, контролировавшем дорогу, по которой осуществлялась оперативная связь с основными силами армии, выступившей против великого визиря. В остальных фортах численность гарнизонов колебалась от 10 до 24 человек, обслуживавших несколько артиллерийских орудий.

И, наконец, непосредственно в Каире находилась главная штаб-квартира французской армии, размещавшаяся, как уже выше отмечалось, в бывшем дворце Эльфи-бея. Впрочем, и она располагалась не в глубине городских кварталов, а на их окраине: сразу за садом дворца начиналась сельская местность – пригородные поля и посадки фруктовых деревьев. В «Докладе» численность гарнизона штаб-квартиры определена примерно в 200 чел.⁶⁷, что несколько выше цифр, приведенных в таблице. Очевидно, разница возникла из-за того, что в ней не учтены пешие гиды, также оставленные Клебером в Каире. Согласно данным на 25 мая 1800 г., то есть через месяц после окончания весенней кампании (более ранние сведения до нас не дошли), в Восточной армии находились в строю 98 пеших гидов (6 офицеров и 92 рядовых и унтер-офицера)⁶⁸, что примерно и соответствует указанной разнице.

⁶⁷ Rapport. P. 747.

⁶⁸ État de la situation des troupes composant l'Armée d'Orient au 5 praireal (sic!) an 8e Rep. – SHD/DAT. B⁶ 188.

И вот этим менее чем двум тысячам французских солдат и офицеров во главе с комендантом города бригадным генералом Ж.-А. Вердье предстояло держать в повиновении полумиллионную⁶⁹ столицу Египта.

Начало восстания

Согласно официальной французской версии, изложенной в «Докладе» и получившей затем распространение в историографии, Второе каирское восстание стихийно началось в Булаке, когда ушедшие из Каира основные силы армии Клебера вступили в сражение с войсками великого визиря:

«Несколько часов спустя после начала битвы при Гелиополисе восстание вспыхнуло в городе Булак; его жители под руководством небольшой группы османов подняли белые знамена⁷⁰, вооружились ранее припрятанными ружьями и саблями, вышли за городскую стену и яростно бросились на форт Камен, гарнизон которого насчитывал всего лишь десять человек. Комендант приказал открыть по ним артиллерийский огонь картечью, и они тут же рассеялись. Самые фанатичные упорствовали в нападении, пока отправленные генералом Вердье стрелки и энергичная вылазка из главной штаб-квартиры не вынудили их отступить. Тогда обитатели Булака ограничились стрельбой по французским войскам, с какой бы стороны те ни пытались бы войти в город»⁷¹.

Однако эта версия происшедшего не подтверждается независимыми свидетельствами французских участников событий. Так, офицер конной артиллерии Ришардо, вообще настроенный весьма критично к сведениям, изложенным в «Докладе» (он ознакомился с ним в приложении к воспоминаниям Л.-А. Бертье о Египетском походе⁷² и решил, что документ тоже вышел из-под пера маршала), замечает в своих мемуарах относительно вышеприведенного фрагмента: «Нет, жители ни Булака, ни Каира не “вооружились ранее припрятанными ружьями и саблями”! Припрятанное жителями оружие! Невозможно!»⁷³ Действительно, труд-

⁶⁹ См.: *Ture N. Op. cit.* P. 105.

⁷⁰ Согласно шариатским текстам, пророк Мухаммед сражался под белым знаменем (аль-Лива).

⁷¹ *Rapport.* P. 746.

⁷² *Mémoires du Maréchal Berthier.* Pt. 1: *Campagne d'Égypte.* P., 1827. P. 386–433.

⁷³ *Richardot Ch., le lieutenant-colonel.* Op. cit. P. 270.

но представить себе, что горожане могли сохранить у себя значительные запасы оружия при установленном французами жесточайшем полицейском режиме, из-за которого в городе царила атмосфера тотальной слежки и доносительства.

Не совпадает версия «Доклада» и с тем, что говорится о начале восстания в отчете Мишо. По его словам, детонатором бунта стало вступление в Каир остатков разбитого у деревни Матария авангарда армии визиря – отряда турок и мамлюков под командованием Насуф-паши и Ибрагим-бея:

«29 вантоза [20 марта] в Каире стали заметны первые искры того пламени, которое тлело с момента прибытия туда османов, бежавших или, скорее, посланных из лагеря визиря. Было проявлено так мало предусмотрительности, чтобы затруднить им проникновение [в город], и мер, чтобы изгнать их оттуда, что в день битвы при Матарии их там уже находилось изрядное количество.

От пяти до шести тысяч турок и мамлюков с Насуф-пашой, командиром авангарда визиря, и Ибрагим-беем во главе, избежав разгрома при Гелиополисе, <...> по частям проникло в Каир с разных сторон, в основном через ворота Баб ан-Наср, на протяжении 29–30 вантоза [20–21 марта]. 30 вантоза прозвучало несколько ружейных выстрелов на площади «Эзбекийя» и т.д.⁷⁴

Таким образом, согласно Мишо, первые боевые столкновения в Каире последовали лишь за приходом войск Насуф-паши, о событиях же в Булаке не говорится ни слова.

Однако почему мы должны отдавать предпочтение отчету Мишо перед официальным «Докладом»? Самого Мишо в момент начала восстания, скорей всего, в Каире не было, и он вместе с другими офицерами штаба сопровождал Клебера на поле боя. В пользу такого предположения говорит то, что его пространный рассказ о сражении при Гелиополисе содержит намного больше подробностей, чем довольно схематичное описание им первых дней восстания, сделанное, очевидно, с чужих слов.

Тем не менее в данном отношении служебный отчет Мишо внушает больше доверия, чем «Доклад», поскольку подтверждается показаниями непосредственных очевидцев начала бунта. Среди французов таковых, естественно, было немного: те из них, кому не повезло ока-

⁷⁴ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 83–84.

заться в тот день на улицах Каира, в большинстве своем не дожили до следующего дня. Но кое-кому все же удалось спастись, как, например, типографу Галану. Не предупрежденный заранее о разрыве перемирия, он, прихватив с собой лишь самое необходимое, едва успел сбежать из Европейского квартала, где уже начинался погром христиан,⁷⁵. Так вот Галан прямо связывает начало бунта с прибытием в город Насуф-паши: «Поддержанный беями, он вскоре поднял на восстание народ Каира, встретивший его с ликованием»⁷⁶.

Версия Мишо подтверждается также свидетельствами арабских очевидцев восстания. Ат-Турк 20 марта, скорей всего, находился в Каире, о чем, как и в случае Мишо, мы можем с большой долей вероятности судить, сравнивая описание им двух одновременно имевших место событий – сражения при Гелиополисе и начала Каирского восстания, ведь очевидцем можно было быть только одного из них. И вот, в отличие от Мишо, ат-Турк дает совершенно фантастическую картину битвы, даже отдаленно не схожую с тем, что мы знаем о ней из других источников. Зато его рассказ о происходившем в городе, напротив, вполне согласуется со свидетельством такого их непосредственного очевидца, как ал-Джабарти, о котором пойдет речь ниже. Соответственно гораздо более вероятным выглядит предположение, что в тот день ат-Турк все же находился в Каире. Правда, остается открытым вопрос: где именно? Для сирийского христианина, прикомандированного к штабу французской армии, пребывание непосредственно на улицах мятежного города могло оказаться фатальным. Но как бы то ни было, ат-Турк напрямую увязывает начало восстания с приходом в Каир турок Насуф-паши и мамлюков Ибрагим-бея:

«Насуф-паша и мамлюки <...> вступили утром в Каир через ворота Баб ан-Наср. Это был ужасный миг, самый страшный момент за время восстания, поскольку поднялся весь город»⁷⁷.

И, наконец, обратимся к наиболее авторитетному из свидетелей – ал-Джабарти. Для него, в отличие от французов и местных христиан, мятежная толпа не представляла угрозы: шейх мечети ал-Азхар, он принадлежал к числу наиболее уважаемых жителей города. Не удивительно поэтому, что именно его хроника дает наиболее подробную и нюансированную картину развития событий:

⁷⁵ [Galland A.]. Op. cit. P. 252–253.

⁷⁶ Ibid. P. 251.

⁷⁷ Turc N. Op. cit. P. 101.

«Между тем среди жителей Каира, услышавших пушечную стрельбу, начались всякие толки и пересуды, но никто из них не знал истинного положения дел. Жители заволновались, устремились на окраины города и убили нескольких французов, вышедших из города и направлявшихся к своим соотечественникам. Толпа каирского простонародья проникла во французский лагерь [откуда ночью ушла армия Клебера. – *А. Ч.*] и разграбила все, что там нашла, например изделия из дерева и меди и тому подобное».

Многие авторитетные люди города, пишет ал-Джабарти вышли за крепостные стены посмотреть, что происходит:

«За ними последовала большая толпа простонародья. Все собрались за Баб ан-Наср на холмах. Многие из них были вооружены дубинами и палками, некоторые имели оружие. Многочисленные группы простонародья, черни и бродяг с шумом и криками двигались по улицам и по окрестностям Каира, перебрасываясь по дороге всякими вздорными словами собственного изобретения. Таким образом все жители города поднялись, и многие из них вышли за пределы города.

<...> Так продолжалось до полудня, когда с криком и шумом появилась большая толпа тех самых жителей, которые ранее вышли из города, как мы об этом рассказывали выше. За этой толпой шел Ибрахим-бей. <...> Далее двигался Насух-паша с большим числом солдат.

<...> В это время Насух-паша, обращаясь к простонародью, сказал: «Убивайте христиан! Ведите священную войну с ними!□. Услышав эти слова, народ зашумел. Раздалось выкрики. Толпа двинулась, убивая попадавшихся на ее пути христиан – коптов, сирийцев и других...»⁷⁸

Таким образом, ал-Джабарти во всех деталях рисует процесс взoreвания восстания. Сначала – всеобщее смятение и замешательство, когда горожане поутру обнаружили, что ненавистная внешняя сила, заставлявшая их месяцами держать под спудом недовольство, вдруг исчезла, будто ее и не было. Ощущение вакуума власти. Смутные надежды, вызванные звуками канонады: в городе знают, сколь велика армия визиря по сравнению с силами «неверных», и верят в ее победу. В обстановке охватившего всех возбуждения ал-Джабарти особо выделяет роль городских низов («простонародья, черни и бродяг»). Маргинальные элементы представляли собою наиболее подвижную часть общества, постоянно балансирующую на грани правового поля и наи-

⁷⁸ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 250–251.

более легко ее преступавшую. Первые спорадические правонарушения не заставляют себя ждать: одиночные убийства французов и разграбление оставленного армией Клебера лагеря. Восстание еще не вспыхнуло, но, как выразился Мишо, первые искры уже появились. И все же огонь массового вооруженного бунта, согласно свидетельству ал-Джабарти, раздуло из этих искр лишь вступление в Каир отрядов Насуф-паши и Ибрагим-бея. Завершая же свое повествование о восстании, ал-Джабарти особо подчеркивает: «Все рассказанное выше произошло *из-за нарушения мира и прихода турок и их солдат в город*. Они заставили жителей совершить недостойные дела, в результате чего произошло все вышеизложенное»⁷⁹.

Таким образом, представленная в отчете Мишо версия возникновения Второго каирского восстания подтверждается данными других источников, а потому выглядит гораздо более убедительной, чем официальная версия, представленная Клебером в «Докладе».

Вероятно, в последнем изложении событий того дня подверглось такому же редактированию в политических целях, как и описание битвы при Гелиополисе. В своей статье об этом сражении мне уже приходилось отмечать, что прорыв турок и мамлюков к Каиру стал следствием допущенной Клебером ошибки: в начале боя он на мгновение позволил себе увлечься призрачной надеждой добиться путем переговоров ухода турецкой армии и, когда неприятель попросил прислать парламентаря, приказал остановить движение французских войск по охвату деревни Матария. В результате захлопнуть «котел» не удалось, из-за чего часть авангарда Насуф-паши и ушла полями к Каиру. Учитывая, что главным читателем «Доклада» должен был стать Первый консул Франции Наполеон Бонапарт, с которым у Клебера были весьма непростые отношения, не удивительно, что командующий Восточной армии постарался максимально смягчить впечатление от своей промашки и с этой целью изменил в отчете о сражении хронологическую последовательность событий⁸⁰. Ту же цель, очевидно, преследовало и стремление показать в «Докладе», что восстание вспыхнуло само по себе, а не из-за прибытия в Каир турок и мамлюков, ставшего прямым следствием допущенной Клебером ошибки.

⁷⁹ Там же. С. 276. Курсив мой. – А. Ч.

⁸⁰ См.: Чудинов А.В. Указ. соч. С. 152–155.

Впрочем, отсюда никоим образом не следует, что мятеж в Булаке был выдумкой автора «Доклада». Ал-Джабарти подробно рассказывает и об этом событии, относя его, однако, к чуть более позднему времени и не упоминая ни о каком «ранее припрятанном» оружии:

«Что касается Булака, то там восстали все как один. Хаджи Мустафа ал-Баштили и другие ему подобные были полны решимости и подняли народ. Булакцы заготавливали палки и оружие, ковали копья и щиты. Первым делом восставшие отправились на берег Нила к палаткам, которые оставили там французы [возможно, речь идет об упомянутой выше припортовой карантинной зоне. – А. Ч.]. Около этих палаток находилась французская охрана. Восставшие перебили всех попавшихся им французов и разграбили все, что там находилось: палатки, имущество и так далее. Затем они вернулись в город, открыли принадлежавшие французам склады с зерном и имуществом и забрали там все, что хотели. После этого они соорудили вокруг города траншеи и баррикады и приготовились к священной войне»⁸¹.

Не исключено даже, что описанная в «Докладе» неудачная попытка булакцев захватить форт Камен действительно имела место, но лишь как один из эпизодов восстания, а не его пролог. Если так, то, стало быть, Клебер в своем отчете о происшедшем, ничего не додумывая от себя, опять лишь поменял последовательность фактов, в результате чего роль детонатора Второго каирского восстания оказалась отведена спонтанному мятежу жителей Булака, а не прибытию в египетскую столицу упущенных из Матарии турок Насуф-паши и мамлюков Ибрагим-бея.

К сожалению, имеющиеся у нас источники не дают четкого ответа на вопрос: сколько турок и мамлюков приняли участие в восстании? Ранее мы видели, что Мишо оценил их число приблизительно в 5–6 тыс. По мнению ат-Турка, таковых было 15 тыс.⁸² Клебер в «Докладе» уверенно говорит о 10 тыс. турецкой кавалерии, 2 тыс. мамлюков и 8–10 тыс. вооруженных египетских крестьян⁸³, которых, замечу от себя, великий визирь действительно в массовом порядке призывал в ряды своей армии после вступления в Египет⁸⁴. И наконец,

⁸¹ *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 260.

⁸² *Turc N.* Op. cit. P. 105.

⁸³ *Rapport*. P. 746–747.

⁸⁴ Подробнее см.: *Чудинов А.В.* Указ. соч. С. 142–143.

турецкий министр Осман Катхода⁸⁵ в письме Мустафа-паше от 28 марта 1800 г. оценил общую численность турецких и арабских войск, оборонявших Каир, в 30 тыс. чел.⁸⁶ Правда, если учесть, что Мустафа-паша в тот момент находился в плену у французов и выступал посредником в заочных переговорах между Клебером и Насуф-пашой, то сообщенные ему Османом Катхой цифры вполне могли быть преувеличены в расчете на передачу их французам. Более же достоверными данными мы, увы, не обладаем. Тем более не поддается исчислению количество участвовавших в восстании жителей Каира. Если свидетельства очевидцев, говоривших о том, что это было практически всё взрослое мусульманское население полумиллионного города⁸⁷, верны хотя бы отчасти, то и тогда речь должна идти о десятках тысяч человек.

Впрочем, французские источники, как правило, не проводят различий в национальной принадлежности защитников города и называют их всех «турками», из-за чего трудно оценить вклад каждой из названных групп участников восстания в общее дело обороны Каира.

Погром христиан

Стихийный характер восстания и отсутствие у его предводителей какого бы то ни было заранее подготовленного плана стали очевидны уже с первых часов выступления: взбунтовавшиеся жители Каира направили свою ярость не на тех, кто представлял для них реальную угрозу, – еще остававшихся в городе французских военных, а на тех, кто был ближе и наименее защищен, – на обитавших в Каире европейцев («франков») и местных христиан. В описании произошедшего погрома свидетельства французских и арабских источников примерно совпадают. Вот что об этом говорится в «Докладе»:

«Насуф-паша немедленно направился в Европейский квартал, чернь последовала за ним. Он приказал открыть ворота, и хотя двое купцов припали к его стопам, показывая охранную грамоту от великого визиря, солдаты и чернь ринулись внутрь. Они выламывали двери домов, лавок и контор; обитателей убивали, не обращая внимания на возраст, пол

⁸⁵ Катхода или кяхья – в мусульманском Египте заместитель должностного лица. Осман Катхода занимал в иерархии турецкого командования в Каире второе место после Насуф-паши.

⁸⁶ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р. 781.

⁸⁷ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 255.

и национальность, и бросали тела в канал Халидж. Все имущество торговцев подверглось разграблению меньше чем за час, а квартал был подожжен.

<...> Пока одни поднимали белые знамена, муэдзины слали проклятия неверным, мамлюки и янычары рыскали по городу, чернь с ужасными криками следовала за ними, а женщины и дети улюлюкали, что является обычным способом выражения радости. Дома коптов, греков, сирийских христиан подверглись нападению; и множество этих несчастных, не имея никакой защиты, было перебито; их тела, выброшенные на улицу, лежали там на протяжении всей осады, подвергаясь поруганию»⁸⁸.

Правда, уже известный нам скептический мемуарист Ришардо ставит под сомнение нарисованную в «Докладе» картину происшедшего, называя ее плодом «пылкого воображения» автора, каковым, напомним, он считал маршала Бертье. И хотя сам Ришардо 20 марта находился на поле боя под Гелиополисом и происходившего в Каире не видел, он, по его собственному утверждению, нашел после окончания осады Европейский квартал точно в таком же состоянии, как до прихода турок. А встреченные им там знакомые заверили его, что под властью турок не терпели никаких притеснений, кроме денежных поборов⁸⁹. На это можно заметить только то, что знакомым Ришардо, видимо, просто повезло, поскольку в данном отношении сведения столь нелюбимого им «Доклада» полностью подтверждаются арабскими источниками, в том числе хроникой ал-Джабарти, наблюдавшего за происходившим с другой стороны фронта:

«...Толпа двинулась, убивая попадавших на ее пути христиан – коптов, сирийцев и других. Одна группа направилась в христианские кварталы, к домам христиан в районе Байна-с-Сурайн, Баб аш-Ша'рийа и в квартале ал-Муски. Они врываются в дома, грабили, убивали или захватывали попадавших им мужчин, женщин и детей. Так они поступали и с жившими по соседству мусульманами»⁹⁰.

Еще подробнее о страданиях своих единоверцев-христиан рассказывает ат-Турк:

«Население не нашло другого объекта для осуществления своей мести, как несчастных, беззащитных христиан. Чернь поспешила сна-

⁸⁸ Rapport. P. 746–747.

⁸⁹ Richardot Ch., le lieutenant-colonel. Op. cit. P. 270–271.

⁹⁰ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 251–252.

чала в Европейский квартал, где жили французские купцы, уже за многие годы до того обосновавшиеся в Каире. Там находилось человек пятьдесят: мужчин, женщин, детей – мальчиков и девочек. Ворота квартала были выломаны, что вызвало подле них толчею. Обитателей резали, как баранов; женщин и девушек обращали в рабство; мальчиков отправляли на продажу; и лишь немногим из мужчин удалось избежать этой бойни; стоимость расхищенных денег и вещей оценивается примерно в 2 тыс. «кошельков»⁹¹. Мусульманская часть населения словно с цепи сорвалась: она врывается в христианские кварталы, чтобы убивать и грабить. Тот четверг показал христианам, какие муки ожидают их в час Страшного суда. Многие умерли просто от потрясения»⁹².

В отличие от автора «Доклада», ат-Турк считал, что вся эта бойня христиан не только не инспирировалась пришедшими в город высокими должностными лицами Османской империи, но и не одобрялась ими. Он даже вложил в уста Османа Катходы назидательный монолог о том, что «убийство христианских подданных и разграбление их имущества запрещены всеми религиями». Осман Катхода, по словам ат-Турка, отправил в христианские кварталы стражу, чтобы прекратить погром, а повстанцев призвал к нападению на французские позиции именно для того, чтобы отвлечь их от истребления местных христиан. Ал-Джабарти же свидетельствует, что истребление христиан, напротив, и возглавлялось, и материально поощрялось турецкими сановниками, причем не только в первые часы восстания, но в последующие дни:

«Осман Катхода постоянно находился в торговом дворе Зу-л-Факара в ал-Джамалийе, и всякий, кто хватал христианина, еврея или француза, отводил его в ал-Джамалийу, где находился Осман Катхода, и получал за это награду. Некоторых людей посадили в тюрьму для установления их вины, а некоторых невиновных убили. Возможно, что и простой народ тоже кое-кого убивал. Головы убитых приносились для получения награды. Таким образом, каждый, отрубивший голову фран-

⁹¹ «Кошелек» (*франц.* bourse) – принятая в Египте мера для подсчета больших сумм денег. Так, необходимая для существования всей Восточной армии в течение трех месяцев перемирия и подготовки к эвакуации сумма насчитывала, согласно Эль-Аришскому соглашению, 3 тыс. «кошельков» по 500 турецких пиастров в каждом, выплатить которые обязывалась турецкая сторона. – Kléber en Egypte 1798–1800. Т. 4. Р. 545.

⁹² *Turc N. Op. cit.* P. 101.

цузу, приносил ее или Насух-паше в ал-Азбакийу, или Осману Катходе в ал-Джамалийу и получал за это деньги»⁹³.

Жертвами погрома стали не только иноверцы, но и мусульмане, сотрудничавшие с французской администрацией. Секретарь дивана Абу ибн Ибрагим Сабах Аккауи, пишет ат-Турк, «был зарезан на пороге собственного дома»; убит за свои симпатии к французам некий Абд ал-Кадер Багдади; «были перебиты также все слуги-мусульмане, которых заподозрили в услужении французам»⁹⁴. Дом шейха ал-Бакри, обвиненного в сочувствии оккупантам, был, по свидетельству ат-Турка и ал-Джабарти, разграблен солдатами и простонародьем, а сам шейх подвергся поруганию и был спасен только вмешательством Османа Катходы⁹⁵. Наиболее же ненавистный из «коллорабационистов» – начальник полиции Мустафа Ага – был захвачен турецкими солдатами и доставлен к Насуф-паше, который приказал его, по версии Клебера, посадить на кол, по свидетельству ат-Турка – повесить, а по словам ал-Джабарти – задушить и выбросить тело в помойную яму⁹⁶.

В связи с эпизодом ареста начальника полиции Клебер в «Докладе» приводит довольно любопытную историю. У Мустафы Ага в доме скрывались восемь французских солдат с сержантом Кламом (Klam) во главе. Обнаруженные повстанцами, они сами атаковали их, положив нескольких на месте и заставив остальных держаться на расстоянии. Более одного лье (около 5 км) отважная восьмерка шла по улицам города до Цитадели, преследуемая неприятелем. Трое из ее числа получили ранения, но с помощью товарищей добрались до своих⁹⁷. Столь чудесное спасение, вероятно, стало возможным не только благодаря хладнокровию и боевой выучке французских военных, но в немалой степени и тому, что в самом начале восстания жители Каира еще испытывали перед ними трепет, который с накоплением боевого опыта вскоре пройдет. Обретение же такого опыта не заставило себя ждать.

⁹³ *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 254.

⁹⁴ *Turc N. Op. cit.* P. 102, 106.

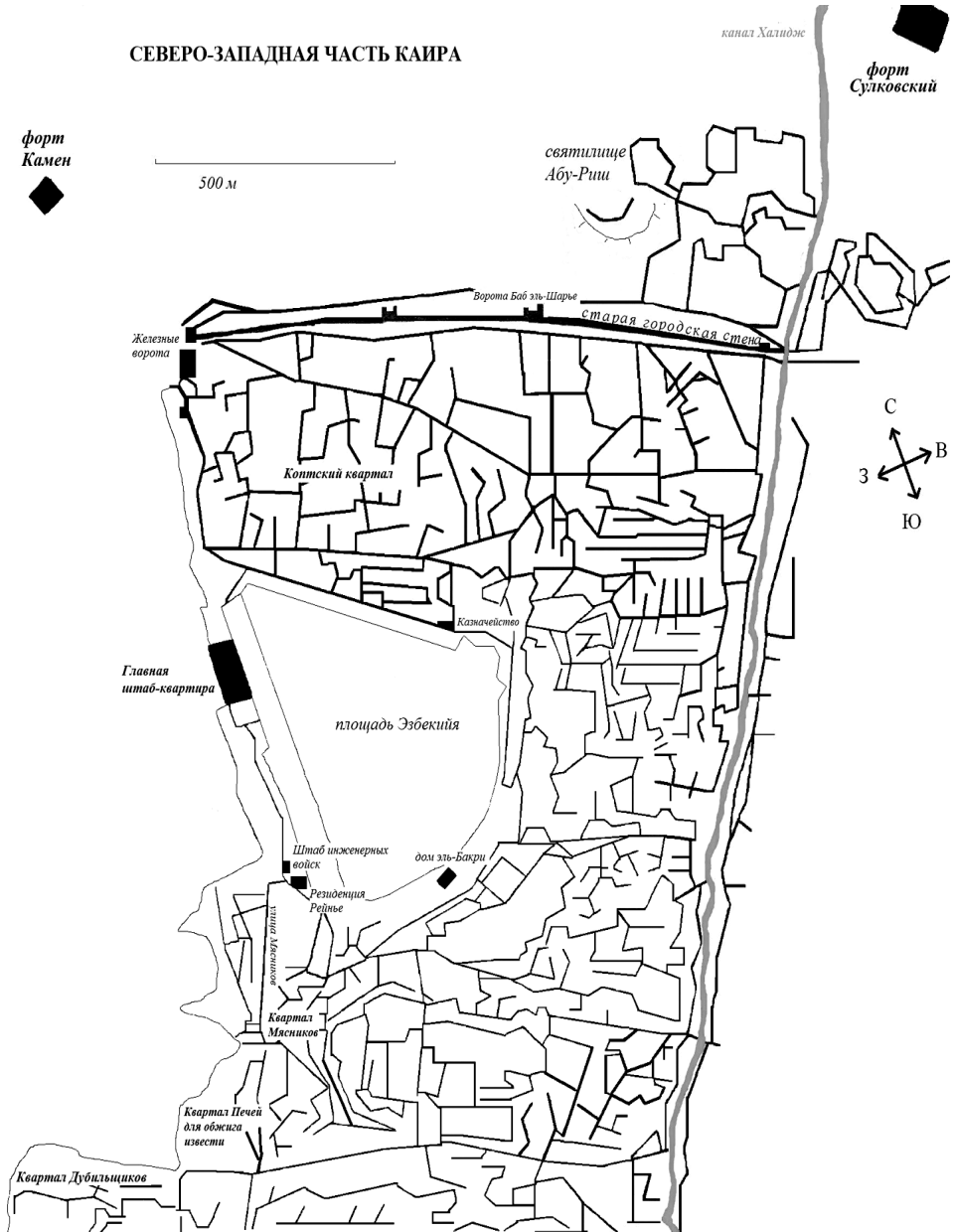
⁹⁵ *Ibid.*; *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 256.

⁹⁶ *Rapport*. P. 747; *Turc N. Op. cit.* P. 105; *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 262.

⁹⁷ *Rapport*. P. 747–748. По словам ал-Джабарти, который, правда, не приводит в этой связи никаких цифр, большинство обнаруженных в доме Мустафы Ага французов было все же убито, а спастись удалось только нескольким. – *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 262.

Карта 2

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ КАИРА

Осада главной штаб-квартиры

О том, когда именно турецким и мамлюкским военачальникам удалось взять под контроль стихию народного бунта и направить ее против французских войск, – в день начала восстания 20-го или уже 21 марта – сведения источников рознятся. По словам авторов «Доклада» и ат-Турка, это произошло уже в первый день восстания⁹⁸. Мишо утверждает, что бои на площади Эзбекийя начались только в пятницу 21-го⁹⁹. Однако если учесть, что отправленный Клебером из Эль-Ханка отряд генерала Ж. Лагранжа прибыл в главную штаб-квартиру 21 марта после полудня, когда бои в городе шли уже два дня¹⁰⁰, предпочтение явно следует отдать первой версии и датировать начало военных действий в городе **20 марта**.

Здание главной штаб-квартиры Восточной армии было удачно расположено для обороны (см. Карта 2). С востока оно выходило на площадь Эзбекийя, представлявшую собою открытое, хорошо простреливаемое пространство. С севера приблизиться к дворцу можно было лишь через Коптский квартал, оказавшийся для повстанцев, как мы увидим далее, непреодолимой преградой. С запада дворцовый сад выходил на открытую сельскую местность. Наиболее доступным для атакующих был подход с юга, через квартал больших, богатых домов на площади Эзбекийя. Однако некоторые из этих зданий и прежде всего наиболее значительные из них – штаб инженерных войск и резиденция генерала Ренье, были также заняты французской пехотой. Как только началось восстание, французы принялись спешно укреплять свои позиции, используя подручные материалы. У выходящих на площадь Эзбекийя ворот дворца был для защиты от пуль устроен импровизированный бруствер из сваленных в кучу матрасов и подушек (в дальнейшем его заменят грунтовым бруствером), за которым поставили артиллерийское орудие. Улицу, ведущую к штаб-квартире с юга, перекрыли баррикадой¹⁰¹.

Восставшие не решились наступать на главную штаб-квартиру по открытому пространству площади, а, как отмечает Мишо, попытались подобраться к ней через жилые кварталы с севера и с юга:

«Дом главнокомандующего стал убежищем, где все оставшиеся в Каире французы укрылись в ночь перед сражением при Матарией. Враг, овладев городом, захотел выбить французов также из этого здания. Сначала он попытался занять дома, окружавшие площадь: от дома ге-

⁹⁸ Rapport. P.747; *Turc N. Op. cit.* P. 102.

⁹⁹ [*Michaux A.-E.*]. *Op. cit.* P. 84.

¹⁰⁰ Rapport. P.748; *Turc N. Op. cit.* P. 104; *Moiret J.-M. Op. cit.* P. 146.

¹⁰¹ [*Michaux A.-E.*]. *Op. cit.* P. 84.

нерала Рейнье до штаб-квартиры и от него же, в обход всей площади, до самого Казначейства»¹⁰².

Южнее штаб-квартиры наступающие наткнулись на вышеупомянутую баррикаду и, по словам Мишо, потеряли в бою одного из военачальников – кашифа¹⁰³.

На другой день, **21 марта**, бои возобновились с новой силой. Насуф-паша, по свидетельству ал-Джабарти, в пятницу с утра отправил людей в деревню Матария, откуда днем ранее бежал от Клебера, и они привезли в город три брошенные там турецкие пушки: французы оставили их на поле боя, заклепав стволы. Орудия исправили, после чего восставшие направились к площади Эзбекийя:

«Тогда Насиф-паша встал, засучил рукава, подпоясался и двинулся вперед. Его сопровождали пешком мамлюкские беи. Впереди волокли три пушки. Установив их в ал-Азбакийе, открыли огонь по дому ал-Алфи [Эльфи-бея], в котором находился отряд французских солдат. Те открыли ответный огонь из пушек и ружей. Бой продолжался весь день и утих только к вечеру»¹⁰⁴.

Заметим, правда, что французские источники фиксируют начало приращения повстанцами артиллерии тремя днями позднее – 24 марта¹⁰⁵.

Севернее штаб-квартиры повстанцам преградили путь жители квартала коптов. Ими руководил один из наиболее влиятельных лидеров коптской общины Якуб Сайиди. До прихода Восточной армии он, как сообщает ат-Турк, служил секретарем у мамлюкского бея Сулеймана, но затем перешел к французам и в составе корпуса генерала Дезе участвовал в покорении Верхнего Египта: «Это был храбрый в бою человек, надежный, как скала. Очень богатый, он накопил много оружия и возглавил оборону»¹⁰⁶. Практически в тех же выражения о нем отзывается и ал-Джабарти – редкий для имеющихся у нас источников случай полного совпадения оценок: «Что касается Йакуба, то он, собрав солдат и много оружия, укрепился в своем доме на Дарб ал-Васи, в районе ар-Рувайи и в своей крепости, которую он соорудил после первого сражения [т.е. после Первого Каирского восстания 1798 г.]»¹⁰⁷.

Трагизм положения французов, оборонявшихся в главной штаб-квартире, усугублялся тем, что и на второй день осады они все еще

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Ibid. Кашиф – губернатор провинции в османском Египте.

¹⁰⁴ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 252.

¹⁰⁵ Moiret J.-M. Op. cit. P. 147; [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 84.

¹⁰⁶ Turc N. Op. cit. P. 104.

¹⁰⁷ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 261.

ничего не знали об исходе генерального сражения: если бы Клебер потерпел неудачу, помощи им ждать было бы неоткуда. Ат-Турк, который, судя по его подробному описанию происходившего во дворце Эльфи-бея, находился в главной штаб-квартире, так передает драматизм ситуации:

«Эти два дня, четверг и пятница, оказались очень тяжелыми для обитателей [дома на площади] Эзбекия, осажденных тысячами разъяренных людей. Они и впрямь полагали, что настал их последний час. Восемьдесят солдат, составлявших охрану [дома] главнокомандующего, сдерживали ожесточенный натиск, будучи окружены со всех четырех сторон. Отчаявшись, они уже обсуждали, как в ночь с пятницы на субботу укрыться во дворце Каср эль-Айни¹⁰⁸, чтобы затем переправиться на другой берег [Нила] в Гизу. <...> Однако после полудня к ним прибыл кавалерист, который сообщил, что следом за ним движутся еще триста кавалеристов, что армия великого визиря бежит в Газу и что французские войска мало-помалу вскоре будут возвращаться в столицу. Эта весть обрадовала их и воодушевила»¹⁰⁹.

Строго говоря, за гонцом, принесшим добрую весть, следовало не триста кавалеристов, а сводный отряд пехоты под командованием бригадного генерала Ж. Лагранжа. Одержав победу под Гелиополисом, армия Клебера вечером 20 марта остановилась на ночлег в захваченном ею лагере великого визиря в Эль-Ханка. Отсюда Клебер в час ночи отправил в Каир два батальона 25-й линейной полубригады, один – 61-й линейной полубригады, один – 75-й линейной полубригады и с ними четыре орудия¹¹⁰, что должно было составлять примерно 1200 чел. Ж.-М. Муаре, офицер 25-й полубригады, попавший в отряд Лагранжа так описывал их переход:

«Едва мы прибыли на [равнину] Куббэ, как увидели направляющуюся к нам многочисленную кавалерию. Вместо того чтобы развлечься, сразившись с нею, мы постарались от нее уклониться и продолжили свой путь к Каиру. Однако она насканивала на нас, и мы были вынуждены время от времени отбрасывать ее ружейным огнем. Это неудобство не помешало нам прибыть в главную штаб квартиру в три часа пополудни»¹¹¹.

¹⁰⁸ Французы его называли «фермой Ибрагим-бея».

¹⁰⁹ *Turc N.* Op. cit. P. 104.

¹¹⁰ *L'état-major de Kleber en Égypte.* P. 74 ; *Moiret J.-M.* Op. cit. P. 145.

¹¹¹ *Moiret J.-M.* Op. cit. P. 145-146. Содержащееся в отчете Мишо утверждение о том, что «Генерал Лагранж, выйдя из лагеря в Эль-Ханка 30 вантоза [21 марта], прибыл в Каир 2 жерминаля [23 марта]» (*Michaux A.-E.*). Op. cit. P. 84), представляется явно ошибочным. Трудно представить себе, что для преодоления 18 км, отделяющих Эль-Ханка от Каира, Лагранжу потребовалось бы три дня.

Прибытие Лагранжа оказалось как нельзя вовремя и фактически спасло защитников главной штаб-квартиры, что признает в «Докладе» и Клебер:

«Основной целью Насуф-паши был захват главной штаб-квартиры, но он не смог этого сделать: двести французов выдержали небывалую осаду против объединенных сил мамлюков, османов и мятежников. Они даже заняли несколько соседних домов, откуда их стали активно теснить, когда показалась колонна генерала Лагранжа, прибывшая из Эль-Ханка. Перед ней появился отряд в 4 тыс. кавалеристов, как османов, так и мамлюков. Генерал Лагранж построил свои четыре батальона в каре и приготовился встретить атаку. Ружейный огонь и несколько артиллерийских выстрелов рассеяли нападавших, наши войска продолжили марш, и около двух часов пополудни 30-го [вантоза (21 марта)] генерал Лагранж вступил в штаб-квартиру. Он оказал помощь столь же необходимую, сколь и неожиданную, и принес первую весть о победе [при Гелиополисе]»¹¹².

Хрупкое равновесие

Прибытие отряда Лагранжа хотя и позволило французам удержать штаб-квартиру, но отнюдь не переломило ситуацию. На стороне восставших по-прежнему оставался огромный численный перевес, и они были исполнены решимости продолжать борьбу. «Ночь, – сообщает ал-Джабарти, – жители города провели возле укреплений. Когда стемнело, французы открыли артиллерийский огонь из Цитадели и фортов по городу, прежде всего по кварталу ал-Джамалия, где собралась большая часть жителей»¹¹³. Вместе с тем, свидетельствует Галан, из-за недостатка боеприпасов эта бомбардировка велась медленно и с большими интервалами¹¹⁴.

С утра **22 марта** военные действия вокруг дворца Эльфи-бея продолжались. В них, по свидетельству ал-Джабарти, участвовали уже не только профессиональные военные – турецкие солдаты и мамлюки, но и тысячи вооруженных чем придется горожан:

«Когда наступила суббота, военачальники, солдаты и жители Каира, за исключением больных, которые не имели сил участвовать в войне, приготовились к борьбе. Большая их часть направилась в сторону ал-

¹¹²Rapport. P. 747; *Ture N.* Op. cit. P. 102.

¹¹³*Абд ар-Рахман ал-Джабарти.* Указ. соч. С. 252–253.

¹¹⁴[*Galland A.*] Op. cit. P. 256.

Азбакийи. многие расположились в пустых домах, а некоторые – за баррикадами.

Они взяли с собой, кроме трех, упомянутых выше, еще несколько пушек, которые были найдены закопанными в домах эмиров, а также забрали из лавок торговцев пряностями каменные и железные гири, которыми взвешивали товары, и, используя их вместо ядер, начали обстреливать дом Верховного главнокомандующего в ал-Азбакийе»¹¹⁵.

В тот же день, в субботу 22 марта, французы, получившие накануне подкрепление, попытались перехватить инициативу. С утра, пишет Муаре, его батальон занял позицию на площади Эзбеккийя. Сначала все было спокойно, но как только в 8 часов французы попытались, видимо, через площадь, продвинуться в сторону Европейского квартала, чтобы оказать помощь его обитателям, они столкнулись «с весьма упорным и хорошо организованным сопротивлением» защитников баррикад, перекрывавших соседние улицы. Когда командир батальона, несколько офицеров и солдат получили серьезные ранения, французам пришлось отступить. Повстанцы «с быстротой орла» бросились через площадь в контратаку, но попали под ураганный огонь неприятеля. «Неоднократно раз повторявшиеся и удачно попавшие ружейные и орудийные залпы, – пишет Муаре, – серьезно проредили их ряды; и после нескольких отчаянных попыток те, кому не пришлось грызть землю, поняли, что для них же будет лучше не лезть на нас с фронта»¹¹⁶.

Гораздо более эффективными, по признанию того же Муаре, оказались попытки восставших приблизиться к штаб-квартире через жилые кварталы: «Целая толпа других [повстанцев], не менее бесстрашных, пробиралась из дома в дом, дырявя смежные стены, и добралась до тех [зданий], которые оборонялись нашими. Последние были вынуждены отступить перед превосходящими силами и потеряли несколько человек». Наступление повстанцы вели одновременно со стороны резиденции Рейнье и через Коптский квартал. «Таким образом, они смогли бы атаковать главную штаб-квартиру. Дабы им воспрепятствовать, – сообщает Муаре, – мы вели огонь направо и налево, что вскоре остановило их продвижение и в немалой степени охладило их пыл»¹¹⁷.

В ночь с 22 на 23 марта, по свидетельству Мишо, французы отбили у противника занятые им накануне дома близ площади и в наи-

¹¹⁵ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 252–253.

¹¹⁶ Moiret J.-M. Op. cit. P. 147.

¹¹⁷ Ibid. P. 146–147.

более важных из них оставили охрану. Однако утром **23 марта** повстанцы проникли сначала в пустые здания, а затем, передвигаясь из одного в другое, вновь выдавили французов отовсюду, кроме резиденции генерала Рейнье и штаба инженерных войск¹¹⁸. Днем 23-го, пишет Муаре, «они нас вновь атаковали таким же образом [как днем ранее], но с еще меньшим успехом, чем накануне»¹¹⁹.

В ночь с 23 на 24 марта, по свидетельству канонира Брикара, бедуины подошли к самой Гизе, решив очевидно, воспользоваться общей неразберихой и разжиться добычей если не у французов, то у местных крестьян:

«...Часовой поднял тревогу на укреплениях Гизы. Стояла такая темнота, что невозможно было различить равнину. Несколько пушечных и с полсотни ружейных выстрелов наугад обратили арабов бегство. Утром мы увидели в поле множество людей, бежавших из деревень со своим скотом, который арабы хотели у них угнать»¹²⁰.

Хотя за первые четыре дня восстания ни одна из сторон не смогла склонить чашу весов на свою сторону, общий итог борьбы в указанный период был все же скорее в пользу повстанцев. Это касается и организационной, и военной стороны дела.

Турецкому командованию и мамлюкам удалось взять народную стихию под свой контроль и наладить достаточно эффективную систему управления военными операциями. Как свидетельствует ал-Джабарти, по всем стратегически важным пунктам города были распределены отряды турецких солдат и мамлюков, возглавляемые турецкими командирами и мамлюкскими беями. Каждый из таких отрядов фактически становился тем боевым ядром, вокруг которого группировалась многочисленная, но менее организованная масса вооруженных жителей соответствующего района. Подобная децентрализация командования позволяла быстро реагировать на возникавшие угрозы, поскольку конкретные тактические решения принимались на месте. Вместе с тем существовал и своего рода стратегический резерв: «Часть турецких солдат и присоединившихся к ним жителей находилась в квартале ал-Джамалийа, и если к ним присылали за подкреплением гонца из какого-либо района, они посылали туда часть своих людей».

¹¹⁸ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 84.

¹¹⁹ Moiret J.-M. Op. cit. P. 146–147.

¹²⁰ Journal du canonnier Bricard. P. 495.

Как мы уже видели, все французские источники едины в констатации высокого боевого духа повстанцев. О том же пишет и ал-Джабарти: «Все жители Каира днем и ночью находились либо на улицах города – кто не мог воевать, либо на окраинах за баррикадами – кто обладал отвагой и мог сражаться. Никто не спал дома, кроме больных и трусов»¹²¹.

Восставшие старались по возможности нейтрализовать те два основных фактора, что с начала Египетской экспедиции обеспечивали победы французской армии над местными воинскими формированиями, – превосходство в артиллерии и в организации. Что касается артиллерии, то в Каире были налажены ремонт и производство артиллерийских орудий:

«Осман Катхода устроил мастерскую для производства боеприпасов в доме Каида Ага на улице ал-Хурунфиш. Сюда привели также оружейников, тележников, кузнецов и литейщиков и заставили их изготавливать пушки и бомбы, исправлять пушки, найденные в некоторых домах, делать колеса, ядра и так далее. Им доставляли все то, в чем они нуждались: дерево, ветки, железо. Сюда собрали также кузнецов, литейщиков и различных ремесленников, которые умели изготавливать военное снаряжение. <...> Осман Катхода уделил этой мастерской много внимания и израсходовал на нее большие средства. Привезли и остальные пушки, находившиеся в Матарийе, и всякий раз, когда подвозили пушку, за ней с криком и воплями следовала большая толпа черни и детей. Они выкрикивали: “Аллах! Дай победу султану! Погуби неверных!” и подобные этому слова»¹²².

Преимущество же французской армии в военной организации существенно нивелировалось условиями городской войны. Если в поле отработанные до автоматизма навыки быстрого перестроения и ведения беглого огня позволяли французам одерживать верх над многократно превосходившим их по численности полчищами восточных воинов, то в городе противникам приходилось сражаться в ближнем бою на ограниченном для маневра пространстве. После окончания восстания Клебер рассказывал генералу Ланюсу: «Это совершенно адская война – война в водостоках и на баррикадах; наши солдаты первое время не хотели в нее ввязываться...»¹²³ И повстанцы это быстро поняли. Как

¹²¹ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 255.

¹²² Там же.

¹²³ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р. 849.

мы могли заметить, они после неудачи во фронтальных атаках стали предпочитать им постепенное перетекание из дома в дом, где в скоротечных рукопашных схватках французам не могли помочь отточенные годами умения слаженно маневрировать и вести огонь залпами.

Подводя в «Докладе» промежуточный итог первым четырем дням боев, Клебер фактически признает, что, хотя приход Лагранжа и позволил временно стабилизировать ситуацию, перспективы ее дальнейшего развития не сулили французам ничего хорошего:

«Позиции вокруг штаб-квартиры вскоре стали непреодолимыми: артиллеристы и саперы соревновались между собой в организации этой доблестной защиты, приведшей врага в замешательство. Цитадель и форт Дюпой продолжали бомбардировки города, начатые еще в первые часы восстания. Однако нам пришлось оставлять один за другим дома, которые мы занимали у площади. Инсургенты продвинулись также и на нашем левом фланге в глубь Коптского квартала. Они заняли наиболее удобные позиции для того, чтобы перехватывать все наши коммуникации и поддерживать свои с внешним миром»¹²⁴.

Даже после прибытия Лагранжа французы по-прежнему находились в осаде.

Перемена ролей

Утром **24 марта** повстанцы возобновили наступательные действия при поддержке артиллерии. «Мы не слишком удивились, – пишет Муаре, – увидев, что на третий день¹²⁵ они вернулись с пушками. Это были те орудия, которые мы захватили и беспечно бросили в Матарие, даже не заклепав¹²⁶. Подобная недалёковидность могла оказаться для нас губительной...»¹²⁷ Мишо также констатирует, что утром этого дня восставшие открыли огонь по главной штаб-квартире из пушек, доставленных ранее из Матарии и установленных теперь на другой стороне площади:

«На этот не слишком интенсивный обстрел мы ответили огнем батареи из трех пушек: одна была установлена на минарете возле главной штаб-квартиры, другая у ворот квартала, третья – на оружейной площадке возле входа во двор»¹²⁸.

¹²⁴Rapport. P. 749.

¹²⁵Третий день после прибытия отряда Лагранжа.

¹²⁶Муаре ошибается: согласно другим свидетельствам, в частности ал-Джабарти, эти орудия были заклепаны французами, но отремонтированы повстанцами.

¹²⁷Moiret J.-M. Op. cit. P. 147.

¹²⁸[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 84.

Вскоре после начала перестрелки французы, осажденные в главной штаб-квартире, получили неожиданное подкрепление.

Клебер, преследуя армию великого визиря, разбил ее арьергард у Бельбейса 21 марта и на другой день отправил в Каир под командованием генерала Л. Фриана два батальона 9-й, два 61-й и один 25-й линейных полубригад с несколькими расчетами легкой артиллерии – итого 1600 чел.¹²⁹ Утром 24-го отряд Фриана подошел к Каиру и с ходу вступил в бой. Это прибытие подкреплений, по свидетельству Мишо, позволило остановить продвижение неприятеля и местами даже оттеснить его:

«Дивизионный генерал Фриан прибыл утром с двумя полубригадами¹³⁰. Враг по-прежнему пытался подобраться к нам справа. Чтобы оттеснить его, был предан огню весь квартал от штаба инженерных войск до главной штаб-квартиры. Попытки неприятеля выйти через улицу Мясников тылами на Булакскую дорогу также не увенчались успехом. Его выбили с баррикады в начале этой улицы»¹³¹.

Однако несмотря на удачный исход контратаки Фриана, она, как отмечает Клебер в своем «Докладе», продемонстрировала явную неспособность французов добиться кардинального перелома ситуации имевшимися силами:

«Тем временем прибыл генерал Фриан с пятью батальонами. Он отбросил противника по всем направлениям, но достигнутые им успехи показали, сколь трудно будет проникнуть внутрь города. Куда ни обратиться, на каждой улице и, можно сказать, на каждом шагу встречались баррикады из камней, поднимавшиеся на 12 футов и снабженные двумя рядами бойниц. Жилые помещения и террасы соседних домов были заняты османами, которые защищали их с величайшей отвагой»¹³².

И всё же с прибытием отряда Фриана в положении сторон наметилась определенная тенденция к перемене ролей. Дополнительные войска позволили не только усилить гарнизон главной штаб-квартиры и надежно обеспечить коммуникации между ней и фортами, но и приступить к постепенному установлению контроля над подступами к самому Каиру. Если ранее в осаде находился французский гарнизон двор-

¹²⁹ L'état-major de Kleber en Égypte. P. 74; Rapport. P. 742.

¹³⁰ Неточность: сводный отряд Фриан состоял из 5 батальонов, а в двух полубригадах их было бы 6.

¹³¹ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 84.

¹³² Rapport. P. 749.

ца Эльфи-бея, то теперь, консолидировав свои прежде разрозненные силы, французы приступили к организации осады города в целом. Подход подкреплений к повстанцам, ранее свободный, был отныне затруднен расположившимися возле города французскими войсками, как показывает эпизод, описанный ал-Джабарти:

«В это время возвратился отряд французских солдат. Они прибыли из своего лагеря на помощь своим соотечественникам в Каире. Это подкрепление усилило французов, находившихся в Каире. Часть прибывших расположилась за Баб ан-Наср, а другая – за Баб ал-Хусаннийя. <...> Тем временем прибыло около пятисот солдат-арнаутов, тех самых, которых везир послал по деревням для сбора налогов и податей. Когда они приблизились к Каиру, им преградили путь французские солдаты, находившиеся на холмах за городом. Арнауты стали защищаться, сумели отбиться от французов и прорвались в Каир»¹³³.

В последующие несколько дней стороны вели изнурительные позиционные бои, где атаки чередовались с контратаками. Мишо в своем отчете излагает по дням хронику этой городской войны.

В ночь на **25 марта** французы укрепили позиции вокруг главной штаб-квартиры. На небольшую возвышенность под деревьями на площади Эзбекийя была вынесена артиллерийская батарея, связанная со штаб-квартирой ходом сообщения. Французские солдаты продолжали также жечь дома в квартале Мясников и разрушать стены садов, которые могли бы послужить укрытием для неприятеля. У Булакских ворот был возведен редан, чтобы контролировать подходы к ним со стороны квартала Мясников. С наступлением дня турки усилили артиллерийский обстрел и атаковали Коптский квартал, сбив французов с их позиции. Те предприняли контратаку и отбили утраченное. Чтобы предотвратить новое нападение на Коптский квартал, французы подожгли примыкающие к нему дома.

На правом фланге повстанцы готовились предпринять атаку через площадь Эзбекийя и скапливались за стенами цистерны, расположенной перед домом шейха ал-Бакри, но французы рассеяли их стремительной контратакой, убив несколько человек, включая одного мамлюкского бея.

В ночь на **26 марта** французы разрушили стены этой цистерны, чтобы предотвратить новые вылазки со стороны дома ал-Бакри. Правее штаб-квартиры была установлена еще одна артиллерийская батарея,

¹³³ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 259.

призванная контролировать подходы к дворцу Элфи-бея со стороны захваченной повстанцами резиденции Рейнье. Днем наиболее ожесточенные бои разгорелись на правом фланге. Французы, предприняв контратаку, заставили неприятеля отступить в резиденцию Рейнье, но при этом потеряли ранеными двух старших офицеров, имевших звание шефа бригады. Дабы воспрепятствовать новым нападениям с этой стороны, был подожжен квартал Мясников.

В ночь на **27 марта** французские войска продолжили расширять зону своего контроля вокруг главной штаб-квартиры. Они установили еще одну батарею западнее дворца Элфи-бея, на самой окраине города, чтобы держать под огнем сады, примыкающие к кварталу Мясников. На самой же площади Эзбекия они выбили неприятеля из траншеи, ведшей от дома ал-Бакри к ранее разрушенной цистерне.

С наступлением дня центр боевых действий переместился в квартал Мясников, где дома по несколько раз переходили из рук в руки. Сражение было в самом разгаре, когда на равнине Куббэ показались направляющиеся к городу каре¹³⁴ основных сил Восточной армии с самим Клебером во главе¹³⁵. Битва за Каир вступила в решающую фазу.

Divide et impera

Клебер завершил преследование великого визиря 24 марта в Салихии. Оттуда турки бежали от французов через пустыню в Сирию, но, лишившись при отступлении припасов и палаток, стали в подавляющем своем большинстве жертвами голода, жажды и кочевников-бедуинов. Изгнав армию визиря, Клебер отправился в Каир с 88-й линейной полубригадой, двумя ротами гренадеров из 61-й линейной полубригады, тремя кавалерийскими полками – 7-м гусарским, 3-м и 14-м драгунскими – и легкой артиллерией¹³⁶. В Салихии осталась дивизия генерала Рейнье, чтобы предотвратить возвращение визиря. 21-я легкая полубригада под командованием бригадного генерала О.Д. Бельера была отправлена в Дельту, чтобы выбить турок из Дамьетты и форта Лесбех¹³⁷.

¹³⁴По свидетельству Догеро, начальника штаба артиллерии, при подходе Каиру армия перестроилась из колонн в каре в ожидании возможных атак неприятеля. – *Dogueron J.P. Journal de l'expédition d'Égypte / Éd. de C. de La Jonquière. P., 1997. P. 166.*

¹³⁵[*Michaux A.-E.*]. Op. cit. P. 84–85.

¹³⁶L'état-major de Kleber en Égypte. P. 74

¹³⁷[*Michaux A.-E.*]. Op. cit. P. 82–83.

27 марта войска Клебера подошли к Каиру и заняли позиции на подступах к нему: от форта Сулковский до форта Камен и далее на юг до квартала Дубильщиков¹³⁸.

Общая численность личного состава прибывших с Клебером частей не превышала 2500 чел.¹³⁹, тем не менее они существенно – примерно в 1,5 раза – усилили группировку французских войск, позволив гораздо более плотно прикрыть подходы к Каиру и блокировать мятежный Булак. «Французские солдаты, – сообщает ал-Джабарти, – окружили Каир и Булак и не давали никому входить и выходить из города. Таково было положение через восемь дней после начала восстания. Французы, окружив оба города плотным кольцом, наподобие браслета, не допускали никакого подвоза продуктов»¹⁴⁰. Тем не менее у Клебера было явно недостаточно сил для того, чтобы взять город штурмом.

Гораздо важнее, на мой взгляд, было появление на театре военных действий самого главнокомандующего: только он обладал необходимыми полномочиями для тех политических шагов, которые при невозможности подавить восстание сугубо военным путем могли иметь решающее значение. Сам Клебер признает в «Докладе», что, ознакомившись по прибытии в главную штаб-квартиру с ситуацией, счел нужным прибегнуть к сочетанию политических и военных методов, убедившись в недостаточности одних лишь последних:

«У нас было слишком мало боеприпасов, особенно бомб и артиллерийских гранат¹⁴¹. Считая слишком опасной любую частную операцию, я решил дожидаться возвращения нашего снаряжения, войск генерала Бельяра, которые должны были подняться [по Нилу] в Каир сразу же после занятия Дамьеты, и вызванной мною [сюда же] дивизии Рейнье. Пока же я ждал объединения наших сил, я приказал совершенствовать наши укрепления, оборудовать новые батареи и готовить зажигательные материалы. Эту паузу, необходимую для успеха наших военных операций, я использовал, чтобы посеять раскол в рядах по-

¹³⁸ Ibid. P. 85.

¹³⁹ Подробнее о численности воинских частей в составе Восточной армии см.: Чудинов А.В. Указ. соч. С. 134–140.

¹⁴⁰ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 260.

¹⁴¹ Ср.: «Мы вынуждены были отвечать на огонь этих бандитов и использовали почти все боеприпасы. У нас осталось очень мало ядер и стало не хватать гранат для гаубиц. Пришлось прекратить огонь в ожидании прибытия артиллерийского парка, который должен был подняться по Нилу, как только генерал Бельяр возьмет Дамьету». – Journal du capitaine François. P. 371.

встанцев путем корреспонденции и переговоров и чтобы напугать их, сообщив всем о поражении великого визиря»¹⁴².

Последний момент следует отметить особо. Боевой дух повстанцев, по свидетельству ал-Джабарти, во многом поддерживался ожиданием скорого прихода к ним на помощь армии великого визиря. Насуф-паша и другие военные руководители восстания на протяжении всей первой его недели тщательно скрывали от жителей Каира правду о результатах сражения при Гелиополисе:

«Когда паша и эмиры, осажденные в Каире, узнали об этих событиях, они скрыли это известие от жителей, стремясь поддержать их решимость в борьбе, и распространили слухи, противоположные полученным сведениям. Паша продолжал делать вид, будто он отправляет гонцов с письмами, в которых требует подкрепления и помощи. Время от времени паша и эмиры сочиняли ответы, якобы полученные на эти письма. Распространяясь среди жителей, эти ответы успокаивали доверчивых людей. Паша и эмиры постоянно твердили жителям, что господин великий везир прилагает все силы в войне с французами и что через день или два после того, как он отрежет противника от города, он двинется с солдатами в Каир. А когда он придет, наступит окончательная победа»¹⁴³.

Между тем высокий боевой дух являлся, пожалуй, главным ресурсом повстанцев в условиях подавляющего превосходства противника в выучке и военном снаряжении. Их артиллерия, несмотря на все усилия горожан по ее пополнению, не могла соперничать с французской ни в количественном, ни в качественном отношении. Когда по окончании восстания она в соответствии с условиями капитуляции будет сдана французам, то Мишо насчитает в ее составе лишь 30 пушек калибром от 2 до 4 фунтов и одну гаубицу, отлитую жителями Каира уже во время осады¹⁴⁴. Для сравнения замечу, что по данным на ноябрь 1799 г. в одной только Цитадели французы имели 40 орудий калибром от 4 до 14 фунтов¹⁴⁵.

Надежда на скорый приход помощи извне позволяла также до определенной степени сглаживать внутренние противоречия в весьма неоднородных рядах защитников Каира. Ал-Джабарти, наблюдавший си-

¹⁴² Rapport. P. 750.

¹⁴³ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 259.

¹⁴⁴ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 97.

¹⁴⁵ Situation du personnel et du materiel de la direction d'artillerie du Kaire au 30 brumaire an 8 – SHD/DAT. B⁶ 189.

туаацию изнутри, сообщает о нескольких видах таких противоречий. Прежде всего – между горожанами и турецкими военными. Ранее уже отмечалось, что еще до начала восстания появившиеся в городе турецкие солдаты прибегали к откровенному произволу по отношению к местным жителям. С блокированием же французами подступов к Каиру и возникновением в городе дефицита продовольствия подобное поведение турок стало носить и вовсе вызывающий характер:

«В городе начала ощущаться нехватка продовольствия и поднялись цены на товары. Стали исчезать с рынков продукты питания: зерно и хлеб. Исчезли разносчики хлеба на лотках. Находившиеся в городе солдаты отнимали у жителей пищу и питье»¹⁴⁶.

Если в критике турок ал-Джабарти еще достаточно сдержан (хроника писалась уже после восстановления ими власти над Египтом), то о противоречиях между городской верхушкой, к которой принадлежали влиятельные шейхи мечети аль-Азхар, включая его самого, и «низамии» он пишет много и охотно, не скрывая своей антипатии к последним. Во время восстания, как это часто случается в периоды разлада устоявшегося общественного порядка, маргинальные элементы, среди которых было немало пришлых, приобрели в городе большое влияние благодаря своей мобильности и постоянной готовности прибегнуть к насилию. Более того, сплотившись вокруг самозванных лидеров, они присвоили себе часть функций власти. Под предлогом борьбы с «пришпешниками неверных» маргиналы по своему произволу лишали имущества и жизни тех, кого сами же и обвиняли в подобном преступлении. Особое негодование ал-Джабарти вызывал один из неформальных лидеров «черни» – некий магрибинец:

«Прибыл также один магрибинец, о котором говорили, что это был тот самый, который прежде сражался с французами в провинции ал-Бухайра. Вокруг него сплотилась группа местных магрибинцев и группа хиджазцев из числа прибывших до этого <...>. Этот магрибинец совершал дела, заслуживающие порицания, так как большая часть грабежа и убийств невинных людей в основном была делом его рук. Он следил за домами, в которых находились французы и христиане, и нападал на них. С ним действовал отряд, состоящий из черни и солдат. Они убивали всех, кто попадался им под руку, грабили дома, хватили женщин и отнимали у них украшения и одежду»¹⁴⁷.

¹⁴⁶ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 261.

¹⁴⁷ Там же. С. 256.

Ал-Джабарти в своей хронике еще неоднократно упоминает об аналогичных деяниях «магрибинца» и ему подобных, причем каждый раз с резким осуждением, демонстрируя то крайнее отвращение, которое у именитых людей города вызывал разгул «черни».

На всех этих противоречиях и решил сыграть Клебер, чтобы ослабить сплоченность рядов противника.

28 и 29 марта французы продолжали обустривать свои позиции в районе главной штаб-квартиры и постепенно стягивали кольцо блокады вокруг Булака. Вместе с тем, судя по отчету Мишо, интенсивность боевых действий в эти дни существенно ослабла¹⁴⁸. Основные события разворачивались на дипломатическом фронте. 28 марта находившийся в плену у французов Мустафа-паша написал Осману Катходе письмо, сообщив о предложении французского главнокомандующего всем туркам, а если захотят мамлюки, то и мамлюкам, покинуть на другой день город и отправиться в Сирию к великому визирю. Всем уходящим Клебер обещал свободный пропуск, необходимые для путешествия припасы на 60 верблюдах и военный эскорт до границы. Осман Катхода отклонил это предложение, сославшись на то, что при существующем огромном численном превосходстве турок, мамлюков и арабов над французами подобная договоренность не будет понята и принята его же собственными войсками. В свою очередь он предложил Клеберу заключить перемирие при условии, что французы оставят главную штаб-квартиру на площади Эзбекийя и уйдут в Гизу¹⁴⁹. Однако уже 29 марта Осман Катхода изменил свою позицию на диаметрально противоположную. Едва ли его переубедил краткий ответ Клебера: французский главнокомандующий лишь вновь обещал туркам, если решат уйти, дать эскорт до Салихии, после чего начать с великим визирем переговоры о мире. В случае отказа он пригрозил возобновить военные действия. Вряд ли на перемену мнения турецкими военачальниками повлияла и военная обстановка, поскольку на фронте, о чем уже было сказано, за эти сутки активных действий не велось. Возможно, решающую роль здесь сыграли те самые внутренние противоречия в лагере восставших, на которых и пытался сыграть Клебер. Одновременно с Османом Катхой генерал, как сообщается в «Докладе», связался с шейхами и с другими наиболее влиятельным в городе людьми, очевидно, пытаясь склонить их к миру. «Мамлюки, народ Каира и османы

¹⁴⁸[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 85.

¹⁴⁹Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P. 779–782.

имели слишком разные интересы, чтобы долго сохранять единство», – поясняет Клебер¹⁵⁰. Как бы то ни было, Осман Катхода в письме от 29 марта снял прежнее требование к французам оставить главную штаб-квартиру и попросил прислать парламентаря, уполномоченного обговорить условия турецкой капитуляции¹⁵¹.

30 марта стороны через переписку согласовывали кандидатуру такого парламентаря. Приближенные Насуф-паши наотрез отказались идти к французам, заявив, что не доверяют тем, кто уже однажды нарушил международное право. Очевидно, имелся в виду разрыв Эль-Аришского соглашения. В результате, обоюдный выбор пал на турецкого чиновника Хассана Ага Незлимини. Ранее назначенный визирем на должность генерального директора почт в Египте, он после начала военных действий находился в плену у французов вместе с Мустафа-пашой.

Утром **31 марта** на площади Эзбекия возле особняка ал-Бакри был поднят флаг, сигнализовавший о прекращении огня и начале переговоров. Хассан Ага отправился туда с предложенными Клебером условиями капитуляции¹⁵². Сохранились записки, в которых он сообщал о ходе переговоров Мустафа-паше, находившемся все это время при французском главнокомандующем в главной штаб-квартире. Несмотря на взаимную заинтересованность сторон в соглашении, дело шло не слишком споро. Насуф-паша и Осман Катхода поддерживали идею Клебера о встрече с ним влиятельных каирских шейхов ал-Махди, ал-Шаркави, ал-Файюми и Моххамеда ал-Эмира. Эти почитаемые в городе люди пользовались уважением французов и до восстания входили в диван. Предполагалось, что Клебер лично обещает им, что при капитуляции ни уходящим, ни остающимся не будет причинено никакого вреда¹⁵³. Однако шейхи жили в разных кварталах, и чтобы собрать их, потребовалось время. Еще больше его ушло на то, чтобы их уговорить: после всего происшедшего в Каире шейхи боялись идти к Клеберу. В результате Насуф-паша, Осман Катхода и Ибрагим-бей сами написали французскому главнокомандующему о том, что согласны на его условия почетной капитуляции и готовы эвакуировать свои войска из города¹⁵⁴. Впрочем, визит шейхов к французскому глав-

¹⁵⁰ Rapport. P. 750.

¹⁵¹ Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P. 784–785.

¹⁵² Ibid. P. 786–787.

¹⁵³ Ibid. P. 789–790.

¹⁵⁴ Ibid. P. 790.

нокомандующему, по свидетельству ал-Джабарти, все же состоялся¹⁵⁵, и, очевидно, в тот же самый день, поскольку заключенное между Клебером и Насуф-пашой соглашение об условиях капитуляции турок датировано именно 31 марта.

Документ этот сам по себе весьма примечателен и полностью подтверждает ранее приводившееся мнение Клебера о несходстве интересов разных групп повстанцев. В пяти пунктах соглашения подробно оговариваются обязанности турок и французов по отношению друг к другу: 1 апреля французский офицер должен прийти с белым знаменем к дому ал-Бакри и вместе с турецким представителем осуществить передачу французам всех турецких позиций вокруг площади Эзбекия; османские войска покидают Каир до полудня 2 апреля и на пятый день после этого выходят к границе с Египтом в Катии; французы предоставляют 50 верблюдов с провиантом на время перехода и обязуются ухаживать за остающимися турецкими ранеными как за своими; сразу же после подписания документа устанавливается перемирие¹⁵⁶. Но в документе нет ни слова о дальнейшей судьбе египтян, сражавшихся бок о бок с турками на протяжении предыдущих дней, – никаких гарантий их дальнейшей безопасности.

Между тем местные жители прекрасно помнили о тех жестоких репрессиях, которые обрушились на них после Первого каирского восстания, и опасались их повторения. Это сразу же подметил Хассан Ага, едва только прибыл для переговоров на территорию, контролируемую повстанцами. Он сообщил Мустафа-паше: «Убежден, что если обеспечить горожанам ощущение безопасности, то они позволят турецким войскам уйти; но я также вижу, что если у них не будет полнейшей уверенности в отсутствии поводов для беспокойства, они воспрепятствуют их уходу»¹⁵⁷. Соглашение в той форме, в которой оно было заключено, едва ли могло развеять подобные сомнения.

В ночь на **1 апреля** горожане взбунтовались против своих предводителей. Утром Хассан Ага рассказал о происшедшем в письме Мустафа-паше:

«На протяжении этой ночи город пребывал в состоянии ужасного беспорядка. Мы вышли из дома и, для того чтобы достичь жилища Кьяйя-бея [Османа Катходы] и Сераскера [Насуф-паши], подвергли се-

¹⁵⁵ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 267–268.

¹⁵⁶ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р. 792–793.

¹⁵⁷ Ibid. Р. 790.

бя тысяче опасностей. Сегодня мне невозможно прибыть к Вашей светлости. Здесь множество вооруженных людей; народ ни чуточки не верит обещаниям амнистии. Они бросались на Кьяйя-бея и Насуф-пашу и едва не разорвали их на части за желание покинуть город. Все жители и даже женщины кричали: “Зачем бездействовать? Как можно доверять этим людям?!” Обо мне тоже злословили. Да спасет меня Аллах!»¹⁵⁸

В мгновение ока были низвергнуты все прежние авторитеты. По свидетельству ал-Джабарти, досталось и шейхам, а на первый план вышли вожаки толпы:

«Когда шейхи вернулись и передали эти слова янычарам и жителям, те накинулись на них, ругали и поносили их, а шейхов аш-Шаркави и ас-Сирси избili, сорвали с них чалму и обругали их. Они говорили: “Эти шейхи отступили от веры и действуют заодно с французами, а цель их – добиться поражения мусульман. Они получили от французов деньги”. Подобный несуразный вздор исходил от черни и всякого сброда. Особенно в этом деле усердствовал окруженный толпой магрибинец. Он кричал от своего имени: “Мир расторгнут! Вы должны вести священную войну, а кто отступится – тому отрубят голову!”»¹⁵⁹

Сложилась патовая ситуация: несмотря на желание командующих обеих сторон прекратить военные действия, подписанное соглашение о капитуляции осталось всего лишь клочком бумаги. В тот же день Насуф-паша сообщил Мустафа-паше:

«Совершенно верно то, что вы сказали: с подписанием договора надо исполнять его положения, – но с нашей стороны это совершенно невозможно. После происшедшего этой ночью брожение, охватившее город, достигло столь крайней степени, что я не в силах сие описать. Все войска пришли, чтобы напасть на меня. Не сумев погибнуть на поле боя, я не хотел встретить мученическую смерть у себя дома. Солдаты говорили только о том, чтобы разорвать на клочки своих предводителей. С утра все обитатели Каира, включая женщин и детей, заполнили улицы, крича, что не позволят никому уйти»¹⁶⁰.

Оставалось только, как написал Хассан Ага Мустафа-паше, надеяться на то, что при сохранении перемирия страсти за пару дней улягутся и можно будет приступать к реализации соглашения¹⁶¹. Однако надежда эта быстро испарилась, поскольку утром 1 апреля турецкие солдаты,

¹⁵⁸ Ibid. P. 794.

¹⁵⁹ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 268.

¹⁶⁰ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. P. 796.

¹⁶¹ Ibid. P. 795.

очевидно по собственной инициативе и без санкции командования, открыли интенсивный артиллерийский и ружейный огонь по французским позициям, о чем генерал Фриан не замедлил сообщить Клеберу¹⁶².

Хотя попытка французского главнокомандующего восстановить контроль над Каиром дипломатическим путем и не увенчалась успехом, она оказалась далеко не безрезультатной. История с несостоявшейся капитуляцией показала, что турецкие военачальники отнюдь не собираются класть свои жизни за египетскую столицу, а готовы при случае сдать ее на приемлемых для себя условиях. Таким образом, своим демаршем Клебер сумел внести раскол в прежде сплоченные ряды повстанцев и посеять у них недоверие к предводителям. И это стало серьезным достижением: при явной недостаточности имевшихся у французов сил для подавления восстания сугубо военным путем методы психологического воздействия на неприятеля приобретали решающее значение.

Кнут и пряник

Пауза в военных действиях была использована французами для подготовки к новым боям. Прибытие с Клебером дополнительных сил давало возможность попытаться перехватить инициативу. Если до того, как отмечается в отчете Мишо, все усилия французов были направлены скорее на удержание главной штаб-квартиры и Коптского квартала, нежели на расширение контролируемой ими территории, то теперь появились ресурсы и для наступательных действий. «Необходимо было, — пишет Мишо, — убедить врага, что не страх и не наша слабость удерживали нас от действий против него»¹⁶³. Иначе говоря, для предстоящих операций во многом определяющее значение имел именно психологический фактор.

Пока велись переговоры о турецкой капитуляции, французы доставили из Александрии боеприпасы для артиллерии, в которых до того времени испытывали серьезный дефицит. Это позволило начать регулярные бомбардировки жилых кварталов города:

«Из Цитадели, из форта Дюпюи, из фортов Сулковский и Института, из главной штаб-квартиры и с холмов возле квартала Дубильщиков по городу велся огонь настолько интенсивный, насколько позволяли наши ограниченные возможности»¹⁶⁴.

¹⁶²Ibid. P. 793.

¹⁶³[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 87.

¹⁶⁴Ibid.

Не имея большого военного значения, подобная непрерывная бомбардировка носила изматывающий характер и была направлена прежде всего на ослабление у жителей Каира воли к сопротивлению.

Кроме того, воспользовавшись временным затишьем, французы установили на дистанции прямого выстрела от занятого турками штаба инженерных войск тяжелое 8-фунтовое орудие и, как только перемирие было нарушено, открыли из него огонь, пробив к следующему дню брешь в стене особняка. **2 апреля** отряд карабинеров выбил турок из этого стратегически важного здания, но под интенсивным ружейно-артиллерийским обстрелом из соседних домов вынужден был поджечь его и отступить. В тот же день было отбито у неприятеля, а затем сожжено несколько домов Коптского квартала.

Очевидно, тогда же, 2 апреля, на помощь к осаждающим Каир войскам подошла из Салихии дивизия генерала Рейнье в составе 9-й линейной и 22-й легкой полубригад общей численностью чуть более 1800 чел.¹⁶⁵ Хотя Мишо и фиксирует ее прибытие к Каиру лишь два дня спустя, Рейнье уже 2 апреля получил от Клебера приказ осуществить диверсию в районе ворот Баб эн-Наср¹⁶⁶, что подтверждает его появление под Каиром именно к этому сроку. Войска Рейнье расположились между фортами Камен и Сулковский, протянув далее линию постов по гребню возвышенности от форта Сулковский до Цитадели¹⁶⁷.

* * *

Прибытие дополнительных сил дало возможность Клеберу заняться проблемой Мурад-бея. Выше уже отмечалось, что этот наиболее влиятельный, наряду с Ибрагим-беем, мамлюкский лидер, неумоимо ведший на протяжении полутора лет в Верхнем Египте борьбу против французов, после заключения Эль-Аришского соглашения и прибытия великого визиря занял особую, достаточно независимую позицию. Условившись с Клебером о нейтралитете в канун возобновления военных действий, Мурад-бей в дальнейшем строго следовал этой договоренности. Хотя во время битвы при Гелиополисе он находился со своим отрядом возле поля боя, наблюдая за происходившим, в сражение он так и не вступил. Не прибыл он в Каир, в отличие от других мамлюкских беев, и с началом восстания. Вместе со своими людьми он рас-

¹⁶⁵ См.: Чудинов А.В. Указ. соч. С. 135.

¹⁶⁶ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р. 798–799.

¹⁶⁷ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 87.

положился в нескольких километрах от Старого Каира в местечке Дайр ат-Тин, по-прежнему не примыкая ни к одной из сторон¹⁶⁸. По свидетельству ал-Джабарти, мамлюкские лидеры восстания не раз обращались к нему с просьбой о помощи, но он отвечал им призывами к компромиссу с французами, подрывая тем самым их решимость к сопротивлению:

«Осажденные в городе повстанцы отправили Мурад-бею посланца с просьбой, чтобы он либо сам прибыл на помощь, либо прислал своих беев и солдат. Мурад-бей отказался выполнить эту просьбу, сославшись на то, что он должен защищать район, в котором находится. Тогда к нему вновь направили гонца с просьбой сообщить о положении армии везира. Мурад-бей ответил, что он примерно за десять дней до этого отправил на восток солдата верблюжьей кавалерии, но посланный до сих пор не вернулся, и что французы, победив турок, не будут их убивать и бить. “И вас с ними также, – писал он, – Примите мой совет: просите мира – и уйдете невредимыми”. <...> Ибрахим-бей посоветовал отправить обратно ал-Бардиси¹⁶⁹ в сопровождении Осман-бея ал-Ашкара для того, чтобы последний передал Мурад-бею то, что нужно. Когда ал-Ашкар, повидавшись с Мурад-беем, возвратился в Каир, он относился к создававшемуся положению уже не так, как до отъезда. Решимость его ослабла, и он склонялся к тому мнению, которого придерживался Мурад-бей»¹⁷⁰.

Вместе с тем неопределенность позиции влиятельного мамлюкского вождя не могла не беспокоить Клебера. Их не связывали никакие обязательства, кроме прежней устной договоренности, достигнутой накануне возобновления военных действий через жену Мурад-бея. Пребывание же в тылу французской армии вооруженного отряда в несколько тысяч человек могло оказаться опасным, если бы его предводитель надумал выступить на стороне противника. В «Докладе» Клебер сообщает, что решил возобновить контакты с Мурад-беем сразу после вынужденного отказа лидеров восстания от уже подписанной капитуляции¹⁷¹. По свидетельству Догеро, вскоре после прибытия французского главнокомандующего к Каиру в его лагере появился посланник Мурад-бея – кашиф Хуссейн, персонаж сам по себе интересный. Этот человек служил Мурад-бею еще до прихода французов, но с их появ-

¹⁶⁸ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 258–259.

¹⁶⁹ Мажордом Мурад-бея.

¹⁷⁰ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 264–265.

¹⁷¹ Rapport. P. 750.

лением поступил к ним на службу и командовал ротой мамлюков в составе Восточной армии. С заключением Эль-Аришского соглашения кашиф Хуссейн вернулся к прежнему хозяину. И вот теперь именно его Мурад-бей и прислал к Клеберу. После разговора с французским главнокомандующим Хуссейн отправился обратно к своему патрону¹⁷².

Ожидание ответа затянулось на два дня. Клебер начал готовить меры на тот случай, если договориться не удастся. 2 апреля он написал Рейнье:

«Я прикажу завтра атаковать Мурад-бея; его отряд насчитывает больше тысячи человек, не считая двух тысяч крестьян, собравшихся на правом берегу и ожидающих только сигнала, чтобы вступить, или артиллерийского залпа, чтобы разбежаться»¹⁷³.

Впрочем, к крайним средствам прибегать не пришлось: в тот же день, 2 апреля, к Клеберу приехали посланцы Мурад-бея с мирными предложениями – все тот же кашиф Хуссейн и бей ал-Бардиси, мажордом Мурад-бея. «Конференции, в которых участвовали переговорщики с той и другой стороны, – сообщает Клебер в «Докладе», – проходили в моей штаб-квартире и часто прерывались артиллерийским огнем из города»¹⁷⁴. Тем не менее дело спорилось, и уже 5 апреля стороны подписали договор, по которому Французская республика признала Мурад-бея правящим Принцем (Prince gouverneur) Верхнего Египта. Взамен он обязался платить французам ежегодную подать (мири) и предоставлять вспомогательные войска¹⁷⁵. Некогда опасный противник был превращен в сильного и полезного союзника.

* * *

Между тем после прекращения перемирия военные действия в городе развернулись с новой силой. **3 апреля**, как сообщает Мишо, на правом фланге от главной штаб-квартиры продолжались позиционные бои вокруг бывшей резиденции Рейнье. Основной удар восставшие нанесли слева, атаковав по большой улице, шедшей севернее Коптского квартала к Железным воротам. В ходе этого наступления повстанцы, так же как французы, использовали массовые поджоги домов, чтобы изгнать оттуда неприятеля. В ночь на **4 апреля** французские войска

¹⁷²См.: *Doguerneau J.P.* Op. cit. P. 170.

¹⁷³*Kléber en Égypte 1798–1800.* Т. 4. P. 798–799.

¹⁷⁴*Rapport.* P. 750–751.

¹⁷⁵*Kléber en Égypte 1798–1800.* Т. 4. P. 803–806.

встречной атакой по той же улице отбросили повстанцев и укрепились в четырех рядом расположенных мечетях:

«Для этой атаки отрядили генерал-адъютанта Альмераса с ротой карабинеров из 4-й легкой [полубригады], ротой из 75-й [линейной полубригады], 100 чел. из 61-й [линейной полубригады] и 20 саперов. У них было также одно орудие. У первой вражеской баррикады погиб капитан карабинеров, и вся его рота отступила назад; ее вновь повели в бой, и она погнала неприятеля до самой мечети. Все дома справа и слева [по этой улице] до самой мечети были взломаны, и все турки, найденные там с оружием в руках, перерезаны. Враг, защищавший здания перед мечетью, вел интенсивный огонь, но это не помешало нам поджечь дома перед своими позициями и забаррикадировать улицу. Была установлена связь с Коптским кварталом. Мы потеряли в этой атаке 3 чел. убитыми и 12 ранеными. Противник должен был потерять много народа. 14 [жержиналя (4 апреля)] наши войска утратили позиции, занятые предыдущей ночью. Они были напуганы, увидев несколько турок, просочившихся к ним на фланги, и отступили в беспорядке. Позицию восстановить не удалось, и пришлось забаррикадироваться позади первой из мечетей. Мы потеряли несколько человек, которые не успели из нее выскочить»¹⁷⁶.

Сведения доклада Мишо подтверждаются свидетельством Муаре, лично участвовавшим в той операции:

«13-го [жержиналя (3 апреля)] в 11 вечера мы атаковали квартал, расположенный позади Коптского квартала. Огонь врага был ужасным и смертоносным; нашей колонне пришлось отступить, но вскоре после этого она с удвоенной храбростью понесла страх и смерть в ряды неприятеля и захватила территорию. Она добилась бы и большего, если бы приказ сверху не остановил ее продвижение. А поскольку победу от поражения часто отделяет лишь один шаг, на другой день наша колонна была атакована превосходящими силами неприятеля и вынуждена была оставить часть завоеванного. Несколько наших солдат погибло, несколько гренадеров оказались в плену и потом были возвращены (что необычно для варварских народов)»¹⁷⁷.

Генерал Дама в своей части «Доклада» описывает происшедшее в ту ночь примерно так же, допустив лишь одно небольшое, но принципиальное отличие: его рассказ об этом тяжелом, длившемся восемь часов

¹⁷⁶[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 87.

¹⁷⁷Moiret J.-M. Op. cit. P. 148.

бое заканчивается констатацией того, что французы успешно выбили турок с их позиций и отразили все контратаки неприятеля¹⁷⁸. О последовавшем же за этим успешном контрнаступлении повстанцев Дама, в отличие от Мишо и Муаре, ни словом не упоминает, что еще раз свидетельствует о необходимости весьма осторожно относиться к сведениям официальной версии событий, предназначавшейся для публикации.

В последующие несколько дней, с 5 по 11 апреля, стороны, как сообщает Мишо, вели позиционные бои местного значения: «Все действия неприятеля были направлены на то, чтобы поджечь дома, занимаемые нашими войсками, и тем самым оттуда их выгнать. Мы постоянно отражали эти удары, тушили пожары и препятствовали продвижению турок»¹⁷⁹. Однако и в этих мелких стычках, не дававших французам никаких существенных преимуществ, тем приходилось нести потери. Капитан полка дромадеров Франсуа записал в своем дневнике 10 апреля:

«Небольшая перестрелка в разных местах города. В Булаке, где я находился в пешем строю, огонь был весьма интенсивным, но мы потеряли только 5 человек убитыми и 14 ранеными. Захвачено несколько позиций»¹⁸⁰.

Впрочем, основные события в тот период разворачивались за пределами Каира. В описании их сведения «Доклада» и отчета Мишо полностью совпадают. В обоих документах подчеркивается, что альянс с Мурад-беем очень быстро принес прямую выгоду. Новоиспеченный принц Верхнего Египта взялся помогать своему новому сюзеру не за страх, а за совесть. Он выдал французам всех турок, искавших убежища у него лагере, и передал французским войскам то продовольствие, что было ранее собрано по распоряжению великого визиря¹⁸¹. Через своих приближенных Мурад-бей пытался также повлиять на мамлюкских вождей в Каире, склоняя их к капитуляции. Свидетельствует ал-Джабарти:

«В это время то и дело являлись посланцы от французов (это были то Осман-бей ал-Бардисси, то Мустафа Кашиф Рустам – оба из числа приближенных Мурад-бея). Они вели переговоры о мире и об уходе турецких войск из Каира. Они говорили, что город будет сожжен и раз-

¹⁷⁸Rapport. P. 754–755.

¹⁷⁹[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 89.

¹⁸⁰Journal du capitaine François. P. 373.

¹⁸¹Ibid. P. 88; Rapport. P. 753.

рушен, если их миссия не увенчается успехом. Они упорно пытались добиться своего»¹⁸².

Однако, пишет Клебер о Мурад-бее, поскольку «его влияние в Каире не дало того эффекта, на который он рассчитывал, он предложил мне поджечь город и некоторое время спустя прислал барки, груженные тростником»¹⁸³. Позднее капитан дромадеров Франсуа отметит в своем дневнике: «Факелы, которые несли мы, дромадеры, и другие [солдаты] и которые использовались для освещения улиц и поджога домов, нам, как мы узнали, прислал наш друг Мурад-бей»¹⁸⁴.

Также именно Мурад-бей лишил восставших последней надежды на помощь извне, помешав подходу корпуса Дервиш-паши. Последнего великий визирь еще возобновления военных действий отправил в Верхний Египет исполнять обязанности наместника. С началом восстания Дервиш-паша набрал из местных крестьян и кочевников десяти тысячное войско, двинулся на помощь повстанцам и находился лишь в нескольких дневных переходах от Каира. «Я потребовал от Мурад-бея, – сообщает Клебер, – чтобы он выступил против него [Дервиш-паши]. Но принц меня опередил и сообщил, что уже отдал необходимые приказы, вследствие которых пашу покинули две трети его людей. “Что касается остального, – сказал он [Мурад-бей], – то дайте мне только знать, хотите ли вы его голову или только того, чтобы он покинул Египет”. Дервиш-паша немедленно отправился в Сирию»¹⁸⁵.

В отношении же самого Каира Клебер продолжал политику кнута и пряника. Те, кто сохранил лояльность французам, получали поощрение. Так, 7 апреля Клебер издал приказ о компенсации жителям Коптского квартала, потерявшим жилища в ходе боев. Согласно тому же приказу, Муалем Якуб получил титул «Ага коптской нации». Для его охраны и поддержания его власти выделялись 30 французских солдат¹⁸⁶.

Уделом же непокорных горожан были непрерывные артиллерийские бомбардировки и блокада, которая стала причиной все более обострявшегося дефицита продовольствия. Вот как ал-Джабарти описывает усугублявшуюся день ото дня ситуацию в Каире:

«Горести и невзгоды усилились. Из фортов на дома и жилища падали бомбы. Разрушения и пожары продолжались. В домах женщины

¹⁸² *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 266–267.

¹⁸³ *Rapport*. P. 753. См. также: [*Michaux A.-E.*]. *Op. cit.* P. 88.

¹⁸⁴ *Journal du capitaine François*. P. 377.

¹⁸⁵ *Rapport*. P. 753. См. также: [*Michaux A.-E.*]. *Op. cit.* P. 89.

¹⁸⁶ *Kléber en Égypte 1798–1800*. Т. 4. P. 807–808.

и дети кричали от страха и тревоги. Жители терпели голод, потому что не хватало пищи и питья, лавки, мельницы и пекарни бездействовали, торговля замерла, к тому же население разорилось и не имело средств на расходы даже в тех случаях, когда что-либо можно было купить.

Огонь из пушек и ружей продолжался непрерывно, так что ни днем ни ночью людям не было ни сна ни покоя. Они не имели времени, чтобы хоть на мгновение присесть, постоянно находясь в переулках и на улицах, и замерли в тревожном ожидании. Что же касается женщин и детей, то они отсиживались в подвалах зданий, складов, под сводами и тому подобным»¹⁸⁷.

С этим свидетельством перекликаются показания ат-Турка:

«Французы начали ночные бомбардировки города со всех четырех сторон, что вызывало многочисленные пожары, в то время как форты продолжали бросать бомбы. Кому доведется вспомнить ужас этих дней? Чтобы защититься от бомбардировки, женщины и дети в страхе бежали укрываться под каменными сводами. Бомбы весом в 32 ока¹⁸⁸ разрушали дома, в которые попадали. Каждую ночь слышался крик женщин и детей. Пожары вспыхивали во всех частях города»¹⁸⁹.

Всё это должно было подорвать боевой дух повстанцев и ослабить их волю к сопротивлению перед тем, как французские войска соберутся начать генеральное наступление.

Проба сил

После недели относительного затишья, в ходе которого французская армия подготовила все необходимые внешние и внутренние условия для начала активных наступательных действий, она в ночь с **11 на 12 апреля** нанесла неожиданный удар по неприятелю южнее генеральной штаб-квартиры. Вот как эта операция описывается в отчете Мишо:

«21-го [жерминаля (11 апреля)] генерал приказал выбить турок из здания штаба инженерных войск, откуда они еще не были изгнаны. Эта атака была поручена дромадерам, поддержанным ротой гренадеров из 25-й и отрядом из 88-й [линейных полубригад]. Через брешь, пробитую 12-го [жерминаля (2 апреля)], они проникли внутрь здания, быстро распространились по всем помещениям, обращая турок в бегство, и затем всю ночь возводили в окнах и дверях необходимые баррикады, чтобы

¹⁸⁷ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 265–266.

¹⁸⁸ Ока – мера веса в Турции и Египте, равная примерно 1,2 кг.

¹⁸⁹ Turc N. Op. cit. P. 107.

обезопасить свою позицию. Неприятель досаждал им, как мог, с террас и верхних этажей бывшей резиденции Рейнье и со своей батареей в саду шейха ал-Баكري. Наши убили у него несколько человек возле бойниц дома Рейнье и на террасах, что заставило остальных укрыться позади этого дома»¹⁹⁰.

Капитан Франсуа рассказывает об этой же атаке с точки зрения участника:

«Около пяти часов вечера главнокомандующий отправил нас, драматеров, с гренадерской ротой из 25-й линейной [полубригады] атаковать здание штаба инженерных войск, расположенное справа [от главной штаб-квартиры] на площади Эзбекийя, где укрепилось множество турок. Мы в количестве около 200 человек проникли внутрь сквозь брешь, пробитую артиллерийским огнем, и убили много врагов из ружей и пистолетов. Неприятель бежал, оставив от 600 до 700 человек убитыми и ранеными, а мы заняли этот дом. У нас оказалось 7 человек убитыми и 14 ранеными. Ночью мы работали над тем, чтобы обеспечить себе безопасность и удержать позицию. Недостаток боеприпасов не позволил развить успех дня. Враги, догадавшись об этом обстоятельстве, надеялись, что нам придется отступить. Жители и солдаты нас оскорбляли, пели, танцевали, их веселье достигло предела. Имамы с высоты минаретов поддерживали боевой дух, обращая молитвы к своему пророку. Эмиссары великого визиря заверяли народ в скором прибытии помощи. Исполненные ярости от того, что нас оскорбляют, а мы не можем отомстить, мы провели на этой позиции без еды и питья тридцать два часа»¹⁹¹.

Заметим, что соотношение потерь сторон выглядит у Франсуа крайне преувеличенным. В приказе, которым Клебер выразил благодарность принимавшим участие в операции, говорится, что неприятель в этом деле потерял 20 человек убитыми и примерно столько же ранеными¹⁹².

Согласно отчету Мишо, днем 12 апреля активных действий французы не вели, однако в ночь на **13 апреля** нанесли столь же неожиданный удар в на другом фланге. По приказу генерала Рейнье, через час после захода солнца бригадный генерал А.Ж. Робен с двумя ротами гренадеров 9-й линейной полубригады и двумя ротами карабинеров 22-й легкой полубригады атаковал святилище (santon) Абу-Риш, рас-

¹⁹⁰[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 89.

¹⁹¹Journal du capitaine François. P. 374.

¹⁹²Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P. 820.

положенное на высотах западнее форта Сулковский. Укрепившиеся там турки серьезно осложняли коммуникации этого форта и лагеря Рейнье с главной штаб-квартирой. Судя по описанию Мишо, противник оказался застигнут врасплох и не успел оказать реального сопротивления:

«Пятьдесят гренадеров взяли приступом святилище и отбросили врага в город, а затем проделали бойницы в стене, обращенной к городу, и укрепили траншеей вершину холма, на которой оно находилось. Одновременно с этой атакой три другие роты и отряд саперов, вооруженных топорами, захватили несколько отдельно стоявших домов между святилищем и фортом Сулковский и подожгли их. Не тронули только один дом слева от святилища, чтобы он прикрывал его с фланга, и связали эту оборонительную позицию с захваченной поблизости мечетью.

Около полуночи неприятель предпринял контрнаступление, стремительно приблизился к нашей позиции на расстояние в двадцать шагов и заставил наших рабочих покинуть траншею, но был вынужден отступить. Интенсивная перестрелка продолжалась здесь до утра 23-го [жерминаля (13 апреля)]»¹⁹³.

Здесь отчет Мишо вновь несколько отличается от версии «Доклада», представленной Дама. Согласно последнему, обе атаки состоялись одновременно – в ночь с 11 на 12 апреля. Дама представляет их своего рода репетицией общего комбинированного наступления с флангов по сходящимся направлениям внутрь города¹⁹⁴. Однако в упомянутом выше приказе Клебера от 13 апреля с благодарностью войскам за успех, достигнутый в ночь с 11 на 12 апреля, о захвате святилища Абу-Риш не упоминается, что косвенно свидетельствует все же в пользу версии Мишо. Очевидно, в заключительной части «Доклада» Дама старался следовать той же тональности, которую ранее для изложения официальной версии происшедшего избрал Клебер, – убеждать читателей, что на протяжении всей кампании он постоянно держал ситуацию под контролем и планомерно осуществлял избранный план, не оставляя места для случайностей.

Между тем положение Восточной армии, несмотря на ряд тактических успехов, оставалось весьма сложным. Хотя в результате двух ночных атак 11–13 апреля французские войска добились поставленных целей, эти достижения, отмечает Мишо, оказались слишком скромны-

¹⁹³[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 89.

¹⁹⁴Rapport. P. 756.

ми по сравнению с тем, какими потерями пришлось заплатить за них¹⁹⁵. К тому же за несколько дней интенсивных боевых действий французская армия, по свидетельству Дама, потратила столько боеприпасов, что вновь ощутила их недостаток¹⁹⁶. И самое главное, французам не удалось сломить боевой дух повстанцев, который руководители обороны поддерживали на высоком уровне самыми разными способами. В частности, они сообщали о якобы присланных великим визирем письмах с обещанием прийти на подмогу. Использовалась, по словам ал-Джабарти, и своего рода наглядная агитация:

«В это время ал-Алфи [Эльфи-бей] пришел к Осману Катходе с предложением, которое у него возникло и которое он считал правильным. Его мысль состояла в том, чтобы на полумесяцах минаретов днем вывесить флаги, а ночью зажечь фонари, чтобы подходящее войско, увидев это, поняло, что город находится в руках мусульман и что они берут верх над противником. Это сделали также и жители Булака, так как они были уверены в том, что им на помощь приближается войско»¹⁹⁷.

Тем самым в народе поддерживалась надежда на скорую помощь извне. А вот как по описанию Дама это выглядело с другой стороны фронта:

«Минареты были освещены, муэдзины (общественные глашатаи, созывающие в определенные часы народ на молитву) славили радостными песнопениями то состояние бессилия, в которое, как они думали, мы впали»¹⁹⁸.

Война нервов продолжалась.

Гибель Булака

Попытки наступательных действий 11–13 апреля показали командованию французской армии, что на постепенное, шаг за шагом, сжимание кольца осады посредством захвата отдельных стратегически важных пунктов у французов может просто не хватить сил и средств. Поэтому, сообщает Мишо, была начата подготовка к общему штурму города. А чтобы произвести на неприятеля наибольший психологический эффект, было решено начать генеральное наступление с взрыва

¹⁹⁵[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 89–90.

¹⁹⁶Rapport. P. 756.

¹⁹⁷Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 271.

¹⁹⁸Rapport. P. 756.

мины под одним из ключевых пунктов обороны повстанцев. В качестве подобной цели выбрали бывшую резиденцию генерала Рейнье, которую всего лишь несколько десятков метров отделяло от здания штаба инженерных войск. В ночь на **14 апреля** саперы заложили в одном из хозяйственных помещений этого здания колодец глубиной 12 футов (около 4 м) и повели из него мину в сторону резиденции Рейнье. Работа шла ночью и днем. Гарнизон здания штаба инженерных войск прикрывал ее, находясь под интенсивным артиллерийским огнем неприятеля из особняка ал-Багри.

В тот же день, 14 апреля, ожесточенные бои развернулись и возле святилища Абу-Риш, которое повстанцы пытались вернуть под свой контроль¹⁹⁹.

Чтобы обеспечить тыл своей армии во время штурма Каира, Клебер еще в предыдущие дни предпринял несколько попыток замирить мятежный Булак, предлагая его жителям сложить оружие и обещав взамен всеобщую амнистию. Так, в его обращении к населению Булака от 10 апреля говорилось:

«Бог всемогущий и милосердный желает, чтобы тот, кому Он дает победу, пользовался ею, проявляя великодушие и милость. Поэтому генерал Клебер дарует общее и частное прощение жителям Булака, которые в период пребывания османской армии вооружились и предпринимали наступательные или оборонительные действия против бесконечно победоносных французских войск, и надеется, что этот акт гуманности еще сильнее привяжет большинство жителей к французскому правительству, ибо судьбе угодно сохранить его власть над этой страной. Главнокомандующий поручает шейхам и улемам довести настоящее распоряжение до всех обитателей Булака и велит каждому мирно заниматься своими трудами и заботами»²⁰⁰.

По словам Мишо и Дама, Клебер трижды делал жителям Булака подобные предложения; ал-Джабарти насчитал их пять, ат-Турк – целых восемь, но все эти авторы сходятся в том, что повстанцы сочли мирные инициативы французского главнокомандующего свидетельством шаткого положения его армии (как мы видели, зерно истины в таких представлениях все же имелось) и отклонили их²⁰¹. Тем самым судьба Булака оказалась решена: на его усмирение сил у французов хватало. Эта

¹⁹⁹[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 90.

²⁰⁰Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P. 811.

²⁰¹[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 90; Rapport. P. 757; *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 271; *Turc N.* Op. cit. P. 106.

операция, по признанию Дама, была задумана как показательный акт устрашения, который должен был продемонстрировать повстанцам Каира возможности французской армии и дать понять им, что ждет их самих в случае дальнейшего неповиновения: «Взятие Булака должно было ускорить взятие столицы, жители которой считали нас слишком слабыми, чтобы подчинить этот первый город. Его пример должен был повлиять на поведение командиров турецкой армии, которых шейхи Каира призывали капитулировать»²⁰².

Прибытие 13 апреля из Дельты 21-й легкой полубригады генерала Бельяра, насчитывавшей в своих рядах немногим более 1300 чел.²⁰³, и артиллерийского парка из Розетты позволило Клеберу осуществить штурм Булака, практически не снимая дополнительных войск с фронта. После того как 14 апреля жители Булака отклонили последний ультиматум, на следующее утро, **15 апреля**, был назначен штурм города, общее руководство которым осуществлял генерал Фриан. Кроме войск Бельяра, в нем принимали участие две роты гренадеров из 32-й линейной полубригады, легкая артиллерия дивизии Фриана и отряд саперов²⁰⁴.

Отмечая упорную оборону защитников Булака в тот день, официальные французские источники весьма скупы на подробности происходившего. Однако и они вскользь упоминают об «ужасах», выпавших на долю обитателей этого города. Наиболее лаконичен рассказ о штурме в отчете Мишо:

Французские войска, пишет он, «на заре ринулись по улицам, защищаемым неприятелем, атаковали и захватили множество баррикад, с которых турки вели самый интенсивный огонь, убили всех, у кого нашли оружие, и подожгли те дома, которые не смогли захватить. В Булаке имели место все те ужасы, которые случаются, когда город берут приступом. Генерал Фриан приказал положить им конец, как только убедился, что город взят. Наиболее влиятельные горожане бросились перед ним на колени, прося милости для остатков от этого несчастного города. Им было даровано прощение»²⁰⁵.

Чуть более подробностей приводит генерал Дама в «Докладе»:

«Город подвергли интенсивной бомбардировке, чтобы испытать еще и такое средство принуждения к покорности, прежде чем свергнуть

²⁰²Rapport. P. 757.

²⁰³См.: Чудинов А.В. Указ. соч. С. 135.

²⁰⁴[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 90.

²⁰⁵Ibid.

его в хаос, возникающий при штурме живой силой. Однако мятежники продолжали сопротивление, ведя интенсивный огонь из домов, в которых укрепились, и через бойницы баррикад, защищавших подступы и перекрывавших проходы. Тогда артиллерийским огнем была проделана брешь, прозвучал сигнал к атаке и солдаты одновременно ринулись ко всем укреплениям. Большинство было взято приступом, некоторые продолжали сопротивление. Неприятель защищался с величайшим упорством. Каждый дом становился для него новой Цитаделью, уничтожить которую могло только пламя. Это вызвало ожесточение солдат. Они поджигали все дома, которые не смогли захватить. Вскоре уже повсюду можно было услышать вопли ярости и отчаяния. Среди такого хаоса этим неистовым людям было вновь предложено прощение, но они его вновь отвергли. Стрельба возобновилась, вновь полилась кровь, и пламя пожрало большую часть этого густонаселенного города, пока, наконец, побежденные не воззвали к милости победителей.

Главы всех корпораций предстали перед генералом Фрианом с выражением покорности. В тот же миг беспорядок прекратился, военные действия остановились, с высоты минаретов и на всех площадях было оглашено прощение. Главнокомандующий немедленно его подтвердил»²⁰⁶.

Картина немедленного прекращения насилия по мановению руки генерала Фриана выглядит излишне театральной. По словам ат-Турка, остановить бесчинства оказалось далеко не так просто:

«Жители попросили пощады у генерала Бельяра, тот приказал прекратить резню, но солдаты грабили дома, лавки, конторы и склады, овладевали женщинами и юными девами. Складированное в Булаке имущество христианских и мусульманских торговцев – хлопок, рис, кофе, кошельки с деньгами – составляло огромную ценность общей стоимостью в 20 тыс. «кошельков». И всё оно было утрачено во время тех событий, а треть Булака – сожжена»²⁰⁷.

А вот как происшедшее в Булаке описывается шейхом ал-Джабарти: «Французы овладели Булаком и предались грабежу и разбою, поступая с населением так, что при воспоминании об этом волосы седеют от ужаса. На всех дорогах и улицах валялась трупы. Здания были сожжены, особенно дома и дворцы, выходившие к Нилу и расположенные на окраинах Булака.

²⁰⁶Rapport. P. 758.

²⁰⁷Turc N. Op. cit. P. 107.

Многие жители, убедившись в победе французов, спасаясь, бежали в Верхний Египет. Но французы окружили город и не давали никому выходить из него. Они захватили лавки, торговые дворы и склады, завладели хранящимся там имуществом и товарами, заняли дома и захватили находившиеся там вещи и деньги, женщин, служанок, мальчиков и девочек, склады с зерном, сахаром, льном, хлопком, семенами, рисом, жирами, благовониями – одним словом, захватили столько, что всего не описать ни в каких строках и не охватить никакой книгой»²⁰⁸.

Справедливости ради заметим, что ал-Джабарти не присутствовал при описываемых событиях и мог рассказывать о них только с чужих слов. Тем не менее его изложение происшедшего полностью подтверждается показаниями французских очевидцев и участников штурма. Например, свидетельством Муаре:

«25 жерминаля VIII года [15 апреля] мы с нескольких сторон атаковали дерзкий и несчастный Булак. Он защищался с упорством, но после нескольких часов боя мы выбили его ворота и ворвались внутрь. Как же этот бедный городок заплатил за свой неразумный бунт! Я видел там, что большинство жителей были заколоты штыками, множество домов сожжено и всё разграблено. После этой печальной и жестокой экзекуции те, кто видел Булак раньше, не могли его узнать»²⁰⁹.

Офицеру Ришардо, чьи орудия вели артиллерийскую подготовку к штурму, издали показалось, что сопротивление повстанцев было не слишком упорным. Однако и он ужаснулся тому, что пережил Булак после взятия его французами:

«Город, как можно догадаться, был подвергнут грабежу и опустошению. Несколько офицеров, пытавшихся воспрепятствовать хотя бы иным эксцессам, рисковали своей жизнью. Солдат в этих ужасных обстоятельствах уже не признает над собой никаких начальников. Дисциплина для него всего лишь безжизненное правило. Ему чуждо всякое чувство гуманности. Он руководствуется лишь чувством мести, которое всегда слепо в своем яростном иступлении. Нет ничего более печального, чем взятие города штурмом, ибо нет ничего страшнее, ужаснее, чем следующее за этим разграбление, которое никакая сила не способна остановить»²¹⁰.

²⁰⁸ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 273.

²⁰⁹ Moiret J.-M. Op. cit. P. 150.

²¹⁰ Richardot Ch., le lieutenant-colonel. Op. cit. P. 267.

Гренадерский офицер Виго-Руссильон, судя по его реакции на происшедшее, вполне мог быть среди тех командиров, кто тщетно пытался унять ярость своих подчиненных:

«...Чтобы устрасшить Каир, солдатам был разрешен грабеж, и они, совершив тысячу ужасных деяний, подожгли этот город. Я уже был ранее знаком с подобными сценами насилия, но не с такими эксцессами, которые, как я видел, совершались в Булаке. Это было омерзительно!

Солдаты пользовались и злоупотребляли так называемым правом завоевания, которое отдавало на их милость несчастных обитателей города, взятого штурмом. Булак был одним из наиболее богатых городов Египта, и наши солдаты взяли там огромную добычу, которую свалили в лагере возле Каира»²¹¹.

Однако наиболее откровенный и насыщенный деталями рассказ о трагической судьбе Булака мы находим в дневнике непосредственно о участника штурма – капитана Франсуа:

«На восходе генерал Фриан велел напасть на Булак и обстрелять его гранатами из гаубиц. Повстанцы продолжали сопротивление, ведя огонь с террас домов. В 7 часов в нескольких местах начался пожар, вызвавший большое смятение в городе, построенном из дерева. Также наша артиллерия пробила брешь в стене.

Поступил приказ войти в город. Барабаны пробили атаку. Мы ринулись во вражеские окопы, коля штыками их защитников. Их трупами мы заполняли рвы. Мы вошли в город и стали поджигать дома – единственное средство справиться с мятежниками, поливавшими нас огнем. Тем не менее нам удалось проникнуть внутрь города, повсюду устраивая пожары.

<...> При взятии Булака среди мятежников были обнаружены английские офицеры, а среди убитых – французские дезертиры. Попавшие в плен европейцы были расстреляны без суда. Я сам среди нескольких захваченных мною пленных признал одного англичанина по его речи. Чтобы удостовериться в этом наверняка, я заговорил с ним на арабском. Он не ответил. Тогда я спросил: “Вы англичанин?” Он мне ответил на немецком языке, смешанном с английским. Убедившись, что это действительно англичанин, я выстрелил ему в голову. Так я выразил свою ненависть к этой нации – причине всех наших бед.

²¹¹ *Vigo-Roussillon F. Op. cit. P. 110.*

<...> У врага было много убитых: штыками закалывали мужчин, женщин, детей. Невозможно установить точную цифру их потерь. У нас же из строя выбыли не более 200 человек, три четверти из них ранены. Среди последних – несколько генералов и старших офицеров.

Этот бой велся только штыками. Каждый боец нес в руке горящий факел, устраивая повсюду пожары. Почти половина города сгорела, включая значительное число складов, ведь Булак был кладовой каирской торговли. Однако несмотря на катастрофу, там нашлось множество ценных ресурсов, которые в дальнейшем были распределены между частями армии для оплаты жалованья и содержания»²¹².

В течение всего дня, пока защитники Булака вели неравную и безнадёжную борьбу, повстанцы Каира, видя с высоких зданий и слыша то, что происходило в пригороде, отчаянно атаковали французские позиции, пытаясь таким образом помочь своим соотечественникам. В отчете Мишо отмечается, что на правом фланге восставшие предприняли атаку из квартала Мясников, но были отброшены, после чего принялись обстреливать штаб инженерных войск, хотя и без большого успеха. Еще более ожесточенные боевые действия развернулись на левом фланге:

«Слева противник яростно атаковал святилище [Абу-Риш]. Батарея из двух орудий, стрелявших книппелями²¹³, обрушила его купол. Османы бросились к нам в окопы, выхватывали штыки у наших солдат и продвигались вперед с такой решимостью, что добрались до бойниц святилища. Хладнокровие наших гренадеров и ведение ими интенсивного огня заставили турок отступить. Те забрали с собою своих раненых и оставили мертвых»²¹⁴.

Несмотря на отчаянные усилия повстанцев Каира, им не удалось помочь защитникам Булака. Французам в тот день повсюду сопутствовала удача. В итоге они добились несомненного успеха: ликвидировали очаг сопротивления у себя в тылу и завладели большими материальными средствами, что имело далеко немаловажное значение при сложном финансовом положении Восточной армии. Вместе с тем успех этот носил сугубо тактический характер. Падение Булака, расположенного в отдалении от основного театра военных действий, не наносило пря-

²¹²Journal du capitaine François. P. 375.

²¹³Книппель (*франц.* boulet ramé) – артиллерийский снаряд из двух чугунных ядер, соединенных стержнем.

²¹⁴[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 91.

мого ущерба обороне собственно Каира. А то, насколько эффективной в психологическом плане оказалась акция устрашения, которую французы произвели с демонстративной жестокостью, могли показать только дальнейшие события.

Генеральный штурм

Пока в Булаке и Каире шли бои, французские саперы под землей не прекращали работы и к утру **16 апреля** подвели мину под бывшую резиденцию Рейнье. Именно с ее взрыва и должен был начаться генеральный штурм города в ночь с 16-го на 17-е. В преддверии его по армии было распространено следующее обращение главнокомандующего:

«Солдаты!

Вам предстоит атаковать несколько кварталов города Каира. Если вы будете грабить, то вы сами сделаете так, что каждый дом станет вашей могилой. Вы не останетесь без награды, это я вам обещаю; но сначала надо победить и уничтожить наших врагов. Поэтому я приказываю каждого, кто будет застигнут за грабежом, предать смертной казни.

*Клебер*²¹⁵

Почему появился такой приказ на другой день после того, что французы сделали с Булаком? Потому что в Каире французское командование преследовало принципиально иную цель. Если в Булаке ставилась задача произвести показательную экзекуцию – настоящий акт террора, призванный устроить защитников столицы и подавить их волю к сопротивлению, для чего и были дозволены все возможные эксцессы, то в Каире речь шла о принуждении турецкого командования и лидеров мамлюков к капитуляции, которую излишнее ожесточение борьбы могло только осложнить. В той партии психологической войны, которую вел Клебер, важны были любые нюансы.

В ходе штурма предполагалось вновь широко использовать поджог домов. «Разведчики, занимавшие передовые посты, получили просмоленные факелы, – сообщает капитан Франсуа. – Им первым предстояло войти в город»²¹⁶. Атака должна была начаться с наступлением темноты. Однако в тот день на стороне повстанцев оказались силы самой природы: с заходом солнца на Каир обрушился небывалый для тех мест ливень. «Это был первый ливень, который я увидел в Егип-

²¹⁵ Ibid.

²¹⁶ Journal du capitaine François. P. 376.

те», – отметил Франсуа в дневнике²¹⁷. Французы моментально лишились одного из своих главных средств ведения уличного боя – возможности поджигать здания. Наступление пришлось отменить²¹⁸. Одна из колонн дивизии генерала Рейнье, раньше других начавшая движение, была возвращена на исходные позиции уже после того, как вступила в огневой контакт с неприятелем. Она отступила, потеряв 5–6 человек ранеными²¹⁹.

Правда, по словам ал-Джабарти, боевые действия продолжались и в ливень²²⁰. Однако, согласно его версии, французы в тот день одновременно штурмовали и Булак, и Каир, что противоречит данным всех остальных источников. Очевидно, в данном случае арабский хронист смешал воедино события разных дней. Тем не менее зерно истины в его сообщении о жестоком сражении под дождем, возможно, все же есть. Мишо сообщает о развернувшихся у святилища Абу-Риш кровопролитных боях утром **17 апреля**, когда ливень, возможно, еще не закончился. Но там инициатива атаки исходила как раз от повстанцев. Днем ранее, 16 апреля, они, установив пушку перед святилищем, открыли по нему интенсивный огонь, пробив в стене здания брешь. В ночь на 17-е французы под дождем притащили в святилище тяжелое, 8-фунтовое орудие, из которого с утра начали обстреливать вражескую батарею. В ответ неприятель пошел в атаку, но был отброшен, потеряв до тридцати человек убитыми и ранеными.

На правом фланге повстанцы продолжали обстреливать здание штаба инженерных войск от особняка ал-Бакри из пушек, а от бывшей резиденции Рейнье из ружей. Французам приходилось заделывать бреши и отстреливаться²²¹.

18 апреля французские войска вновь получили приказ готовиться к общему ночному штурму города. Согласно отчету Мишо, дивизии Фриана предстояло наступать четырьмя колоннами с запада, дивизии Рейнье – тремя с севера. Сигналом к началу атаки должен был стать подрыв мины, уже два дня тому назад подведенной под бывшую резиденцию Рейнье. Рассказывает капитан Франсуа:

«В пять вечера мы взяли за оружие. Передовые посты и мы, драматеры, как и разведчики, имели с собой просмоленные факелы.

²¹⁷ Ibid. P. 376.

²¹⁸ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 91; Rapport. P. 759.

²¹⁹ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 91.

²²⁰ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 272–273.

²²¹ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 91–92.

В шесть часов мина взорвалась с большим успехом. Турки, набившиеся в этот дом, были погребены под руинами, а площадь Эзбекия оказалась усеяна частями тел вражеских солдат»²²².

А вот как это запомнилось Муаре:

«28-го [жерминаля (18 апреля)] с наступлением ночи взрыв мины поднял на воздух дом Рейнье, являвшийся для врага неприступным укрытием. Множество мятежников были погребены под обломками, других пожирало пламя, вырвавшееся из недр, отчего вокруг распространялся невыносимый запах»²²³.

После взрыва французские войска пошли на приступ. Капитан Франсуа со своими дромадерами действовал в составе дивизии Фриана, составлявшей центр и правый фланг французских порядков:

«Мы двинулись внутрь города, распространяя огонь повсюду, где шли. Мы убивали османов, мамлюков, турок, мужчин, женщин и детей. Нами командовали генералы Фриан, Бельяр и Донзело»²²⁴.

Однако если в поисках общей картины действий дивизии Фриана мы обратимся к «Докладу», то обнаружим, что Дама описывает события генерального штурма не многим более пространно:

«Взрыв мины, которую мы подводили в течение нескольких дней, стал сигналом к наступлению. С началом ночи она была очень удачно приведена в действие: множество османов и мамлюков, защищавших эту позицию, были погребены под развалинами. Немедленно повсюду начался бой. Дивизия Фриана составляла правый фланг и центр: генерал Донзело руководил атакой правого крыла, где находился и генерал Фриан; оно состояло из подразделений 61-й, 75-й и 88-й полубригад; генерал Бельяр руководил наступлением центральной группировки, состоявшей из 21-й легкой [полубригады] и отряда из состава 25-й линейной [полубригады] под командованием генерал-адъютанта Дюранто»²²⁵.

И всё!!! Даже некоторые бои местного значения освещены в «Докладе» более подробно, чем решающее сражение за город. Подобная лаконичность могла бы удивить, если бы мы ранее уже не констатировали стремление авторов «Доклада» сгладить или вообще обойти молчанием те неудобные моменты, которые они не хотели доводить до сведения широкой публики. Между тем, если судить по служебному

²²² Journal du capitaine François. P. 376.

²²³ Moiret J.-M. Op. cit. P. 150.

²²⁴ Journal du capitaine François. P. 377.

²²⁵ Rapport. P. 759.

отчету Мишо, хвастаться действительно было нечем: на участке дивизии Фриана штурм захлебнулся:

«Дивизия Фриана должна была наступать по четырем направлениям: по первому – на квартал Института, по второму – на квартал Дубильщиков, по третьему – на квартал Мясников, по четвертому – через площадь Эзбекийя на Коптский квартал.

<...> Шеф бригады Силли во главе 88-й [линейной полубригады] ринулся в квартал Института и не смог в него проникнуть.

Бригадный генерал Донзело, продвигавшийся в квартал Дубильщиков по Печной улице (Fours-à-chaux), обнаружил, что она перекрыта рвом шириною в 12 футов и глубиною в 6 футов. Дома справа и слева от канавы были заняты врагом, который встретил голову колонны градом пуль. Он [Донзело] не смог преодолеть такое препятствие и занял оборону на этой улице, забаррикадировав ее, и на возвышенности позади печей для обжига извести.

Генерал Фриан, руководивший основным наступлением, должен был проникнуть в город по улице, шедшей мимо бывшей резиденции Рейнье. Взрыв мины завалил эту улицу. Тогда генерал двинулся по улице Мясников через еще горящие руины домов и остановился возле перекрестка с Печной улицей, чтобы войти внутрь квартала левее него. Первым препятствием, которое ему предстояло преодолеть, были ворота квартала, восстановленные противником и заваленные грудой земли²²⁶. Дома по бокам от них были заняты противником, который начал кидать камни и произвел несколько ружейных выстрелов. Из-за отсутствия инструментов для того, чтобы выбить ворота, было решено их поджечь, а [солдатам] подняться внутрь этих не слишком высоких домов. Неприятель был выбит, дома взломаны, и разведчики приготовились штурмовать новую баррикаду из камня, высившуюся в 50 туазах [около 100 м] от сожженных ворот. Преодолев это новое препятствие, колонна подошла к разветвлению улиц, одна из которых спускалась к площади Эзбекийя, а другая ее огибала. Враг большими силами занимал дома по обеим этим улицам и встретил интенсивным огнем наши войска, которые не решались идти вперед. Колонны [Силли и Донзело], которые должны были прикрывать эту колонну справа, не смогли продвинуться [в глубь города], и генерал Фриан счел нужным отступить

²²⁶Кварталы Каира были огорожены стенами с запиравшимися на ночь воротами. Окупировав город, Бонапарт приказал снять все ворота между кварталами еще накануне Первого каирского восстания. Во время Второго восстания жители города эти ворота восстановили.

к перекрестку Печной улицы, приказав поджечь перед ним все дома квартала. Неприятель всю ночь интенсивно обстреливал наш правый фланг из ружей.

Атака бригадного генерала Бельяра через Коптский квартал завершилась неудачей. Улицы, по которым он должен был идти, были так хорошо забаррикадированы и защищены, что солдаты не смогли продвинуться»²²⁷.

В результате всех этих неудачных попыток дивизия Фриана потеряла убитыми одного офицера – капитана разведчиков – и десятков солдат, а ранеными – двух офицеров и пятьдесят нижних чинов. Особенно пострадала колонна генерала Бельяра, а сам он был тяжело ранен²²⁸.

Контраст между освещением генерального штурма в «Докладе» и в отчете Мишо еще более разителен при описании действий дивизии Рейнье на левом фланге. Изложенная в «Докладе» версия Дама коротка и бравурна:

«В то же время генерал Рейнье весьма успешно атаковал на левом фланге. Войска, которыми здесь командовал генерал Робен, включали в себя 22-ю легкую, 9-ю, 13-ю и 85-ю линейные полубригады. Повсюду бои шли с крайним ожесточением.

Дивизия генерала Рейнье, далеко продвинувшаяся в глубь города через ворота Баб эль-Шарье, подожгла немалую часть домов в этом квартале и убила много врагов»²²⁹.

Напротив, отчет Мишо и здесь не менее пессимистичен, чем ранее:

«На левом фланге дивизия Рейнье сформировала три колонны. Правая под командованием шефа бригады Гоге атаковала с позиций левее Коптского квартала. Она встретила упорное сопротивление и не смогла преодолеть турецкие позиции.

Вторая колонна под командованием бригадного генерала Робена ринулась от святилища на окопы противника, опрокинула его и гнала штыками до большой улицы Коптского квартала, где соединилась с третьей колонной, возглавляемой шефом бригады Пепеном, командиром 9-й линейной [полубригады]. Оба подразделения начали укрепляться на захваченных улицах. Однако когда генерал Рейнье узнал, что его правый фланг не прикрыт, он около часа ночи приказал отступить к святилищу, после того как занятый квартал будет подожжен»²³⁰.

²²⁷ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 92–93.

²²⁸ Ibid. P. 93.

²²⁹ Rapport. P. 759.

²³⁰ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 93.

В результате дивизия Рейнье потеряла убитыми с десятков человек, включая двух офицеров, и 60 ранеными, в том числе 15 саперов. Общие потери неприятеля за первый день штурма Мишо оценивает примерно в 200 человек убитыми и 80 пленными²³¹. Приведенные в «Докладе» цифры потерь противника больше в разы – до 800 человек убитыми²³². Правда, и они выглядят довольно скромными по сравнению с тем, как увиделись итоги дня находившемуся в передовых порядках капитану Франсуа:

«Более 500 домов было сожжено и убито более 2000 османов и мамлюков, включая многих командиров. Однако мы не знаем число тех повстанцев и жителей обоего пола и всех возрастов, которые сгорели в своих домах, но оно должно быть значительным, так как пленных мы не брали»²³³.

Относительно военных результатов первого дня штурма расхождение в оценках Дама и Мишо столь же существенны. Автор «Доклада» и здесь лаконичен: «С наступлением дня бой прекратился, мы заняли позиции, с которых выбили неприятеля»²³⁴. Напротив, Мишо, ранее уже рассказавший о том, что практически повсюду французы как раз и не смогли выбить неприятеля с его позиций, а там, где смогли, все равно вынуждены были потом отступить, делает акцент не столько на достаточно скромных военных результатах штурма, сколько на его психологическом значении: «В целом наша атака должна была наполнить город ужасом, но она стоила нам очень дорого, учитывая понесенные потери и то разочарование, которое испытали наши солдаты, видя, что отброшены назад во многих местах»²³⁵. О том же пишет и Муаре: «Мы потеряли много людей, хотя противник и потерял намного больше»²³⁶.

Несмотря на явно неудовлетворительный военный результат первого дня штурма, действия французов показали их готовность прибегнуть к самым решительным мерам для подавления восстания, что, несомненно, должно было произвести эффект на жителей Каира. И Клебер постарался этот эффект усилить, развернув вслед за военной атакой настоящее психологическое наступление. Как сообщает Мишо, главнокомандующий предпринял самые активные меры для распро-

²³¹ Ibid.

²³² Rapport. P. 760.

²³³ Journal du capitaine François. P. 377.

²³⁴ Rapport. P. 760.

²³⁵ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 93.

²³⁶ Moiret J.-M. Op. cit. P. 150.

странения в городе тревожных слухов о том, что Каир ожидает судьба Булака²³⁷. Дама отмечает, что на протяжении всех предшествующих дней Клебер поддерживал тайные связи с городской верхушкой²³⁸, которая, очевидно, в силу своего положения – ей-то было что терять – должна была оказаться наиболее восприимчива к подобным слухам и могла благодаря своему влиянию в городе способствовать их распространению.

Пацифизм каирских шейхов, помимо усталости от военных невзгод и опасений за свою собственность, которой могли в равной степени угрожать как французы, что было наглядно продемонстрировано в Булаке, так и городская чернь, приобретающая в военное время большое влияние, подпитывался также враждебным отношением арабского населения города к османам. Отмечавшиеся ранее противоречия между горожанами и турецкими военными переросли за время осады в настоящий антагонизм. «...Жителям, – пишет ал-Джабарти, – стало более невозможно выносить сумятицу, напряжение, пожары, бодрствование и днем, и ночью. На их долю выпало испытать голод, доводивший до гибели людей, особенно бедняков, и их скот, перенести обиды от солдат, которые забирали все, что находили. Поэтому жители хотели ухода солдат и возвращения французов, чтобы восстановить прежнее положение»²³⁹. Мишо также указывает, что Клебер пытался сыграть на недовольстве населения Каира турецкой армией: «Это разнузданное воинство творило в городе все возможные эксцессы»²⁴⁰.

Шейхи, по свидетельству Дама, «довели до сведения турецкого командования и их представителей жалобы народа на то, что более длительное сопротивление приведет к разрушению города без какой-либо выгоды для Великого визиря». И наконец, как последнее из искушений, в тот же самый день перед Насуф-пашой и Ибрагим-беем предстали уже известные нам доверенные лица Мурад-бея – Осман ал-Бардис и кашиф Хуссейн, предложившие выступить посредниками в мирных переговорах²⁴¹.

Психологическая атака Клебера оказалась успешнее военного наступления. Предводители восставших все же поддались на звучащие со всех сторон уговоры и отправили к французскому главнокомандую-

²³⁷ Ibid. P. 96.

²³⁸ Rapport. P. 760.

²³⁹ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 272.

²⁴⁰ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 96.

²⁴¹ Rapport. P. 760. Ср.: [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 96.

щему парламентаров – Османа ал-Ашкара из дома Ибрагим-бея и Атмана Ага, приближенного великого визиря²⁴².

Для того чтобы закрепить эту обозначившуюся у вражеского командования слабину, Клебер продолжал демонстрировать самые решительные намерения и приказал **19 апреля** вести наступление даже при свете дня, хотя обычно французы атаквали ночью. Правда, как бесстрастно констатирует Мишо, и в этот день удача была ничуть не более благосклонна к французским военным, чем накануне:

«29-го [журнала (19 апреля)] главнокомандующий приказал генералу Фриану занять мечеть выше дома Рейнье. Подобная атака не могла проводиться при полном свете дня. Была предпринята попытка подобраться к мечети через квартал Мясников, пробираясь из дома в дом, но неприятель, который тут был силен, открыл интенсивный огонь из мечети и близлежащих домов, вынудив наших саперов и наши войска к отступлению.

Войска, расположенные на возвышенности возле печей для обжига извести, испытывали большое неудобство из-за ружейного огня из квартала Дубильщиков»²⁴³.

Впрочем, исход сражения решался не на поле боя, а в зале переговоров. Дневное наступление Фриана служило своего рода фоном, на котором разворачивалось основное действие спектакля, блестяще сыгранного Клебером перед представителями вражеского командования. Рассказывает Дама:

«На другой день, 29-го [журнала (19 апреля)], главнокомандующий дал им публичную аудиенцию в присутствии всех своих генералов и штабных офицеров. дабы выслушать предложения, которые ему должны были представить.

Выслушав, он с презрением отверг их, сказав, что если сказанное станет известно армии, та исполнится негодованием, и всякие возможности для примирения будут утрачены навсегда.

В завершение главнокомандующий провел троих парламентаров [Османа ал-Ашкара, Атмана Ага и ал-Бардиса] в помещение, откуда можно было видеть Каир и Булак. Указав рукой на второй из этих городов, который еще продолжал гореть, он без помощи переводчика доступно объяснил им, что произойдет со столицей, если она не покорится французской армии. И наконец, он попросил их показать Ибра-

²⁴²Rapport. P. 760.

²⁴³[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 95.

гим-бею свой мирный договор с Мурад-беем, о котором они еще не знали. Это произвело именно тот эффект, на который главнокомандующий и рассчитывал. Он предвидел изумление этого бея, когда тот узнает [о договоре], и то, что он после этого попытается сделать командование турецкой армии более сговорчивым»²⁴⁴.

Парламентеры вернулись в город, а французская армия между тем продолжала попытки наступления, правда, без большого успеха. Впрочем, в той игре, что вел Клебер, сама по себе демонстрация активности была важнее полученных результатов. Согласно Мишо, в ночь с 19 на **20 апреля** генерал Фриан выделил отряд в 80 человек, включая 30 саперов, чтобы атаковать квартал Дубильщиков, откуда непрестанный обстрел досаждал его войскам на позиции возле печей для обжига извести. Атакующим удалось потеснить повстанцев и занять несколько домов, однако командовавший наступлением офицер главного штаба Фуассак был убит. Французам пришлось остановиться и прибегнуть к испытанному оружию – поджечь дома, отделявшие их от неприятеля.

На левом фланге войска генерала Рейнье, преодолев несколько баррикад, вновь выдвинулись к воротам Баб эль-Шарье, к которым они уже выходили двумя днями ранее, и стали укрепляться возле них, несмотря на интенсивный ружейный огонь противника²⁴⁵.

Днем 20 апреля, сообщает Дама, парламентеры от неприятеля были уже с гораздо более приемлемыми предложениями. Проявленная руководителями повстанцев готовность к компромиссу свидетельствовала о том, что Клеберу все же удалось психологически подавить неприятеля и за первыми уступками можно ожидать новых. Поэтому генерал не спешил принимать предложенный ему текст соглашения о капитуляции повстанцев, а внес в него дополнительную правку. Демонстрируя решительный настрой и уверенность в своих силах, он отказался заключать перемирие до тех пор, пока капитуляция не будет подписана. В качестве еще одной меры психологического воздействия он позволил парламентерам встретиться с турецкими офицерами, ранее захваченными в Дельте генералом Бельяром, и те подтвердили, что французы полностью восстановили свой контроль над Египтом и помощи Каиру ждать неоткуда. После этой беседы парламентеры отпра-

²⁴⁴Rapport. P. 761.

²⁴⁵[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 95.

вились обратно с теми условиями капитуляции, что предложил им французский главнокомандующий²⁴⁶. Клебер же коротко сообщил о происходящем находившемуся в Александрии генералу Ланносу: «Мы атаковали один из кварталов города, к чему добавилась удачно подведенная мина, вызвавшая большие потери у неприятеля. Сейчас опять идут переговоры»²⁴⁷.

21 апреля боевые действия продолжались и на военном, и на дипломатическом фронтах. Как сообщает Мишо, войска генерала Фриана опять попытались продвинуться вперед от бывшей резиденции Рейнье. На сей раз они делали это поверху – перекидывая мостики между окнами и переходя по ним из дома в дом. Таким образом им удалось занять несколько зданий возле той самой мечети, которую главнокомандующий приказал взять еще 19 апреля. Неприятель ответил контратакой, очевидно, достаточно массивной, если от огня в упор потерял до сотни человек убитыми. Общие потери французов Мишо не приводит, упоминая только о гибели капитана инженерных войск Роже. Закончилось же всё, как обычно: обе враждующие стороны подожгли тот квартал, за который сражались²⁴⁸.

Это был последний бой. В тот же день, 21 апреля, Насуф-паша, Осман Катхода и Ибрагим-бей подписали соглашение о капитуляции. Согласно этому документу, все подчиненные им вооруженные силы должны были 22 апреля в 7 часов утра оставить свои позиции и отступить на правый берег канала Халидж. 25 апреля на восходе турецкие войска и мамлюки обязаны были покинуть Каир и уйти в Сирию с вещами и личным оружием, оставив в городе всю свою артиллерию. Французы предоставляли им сто верблюдов с провиантом и фуражом для этого перехода. До Салихии, куда уходящие из Каира турки и мамлюки обязаны были прибыть на четвертый день, их должна была сопровождать дивизия Рейнье. Предусматривался обмен пленными всех на всех. Жителям Каира, принимавшим участие в восстании, объявлялась амнистия, но права уйти вместе с войсками Насуф-паши и Ибрагим-бея они не получили²⁴⁹. Вероятно, последним пунктом французы просто хотели предупредить массовый исход населения из Каира. На деле же тем представителям городских верхов, кто решил

²⁴⁶Rapport. P. 761.

²⁴⁷Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P. 836.

²⁴⁸[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 95.

²⁴⁹Ibid. P. 99–100.

уйти с турками, препятствия не чинились. Таковых, по свидетельству Франсуа, набралось 6–7 тыс.²⁵⁰

Бесспорно, это был феноменальный успех Клебера. Чередуя увещания и запугивание, он дипломатическим путем возвращал себе контроль над Каиром, вернуть который сугубо военными средствами шансов у него практически не было. Оставалось теперь лишь не спугнуть удачу и добиться реализации соглашения на практике, помешать чему могла любая нелепая случайность. Чтобы предотвратить ее со стороны своих подчиненных, Клебер издал следующий приказ:

«Солдаты! Дабы сберечь вашу кровь я одновременно с военными операциями вел переговоры. Самое трудное, с чем мне пришлось столкнуться, это было убедить жителей в том, что они не подвергнутся грабежу и разорению. Пример Булака, где я позволил вам на время утолить свою жажду мести, вселял в них ужас. Я сумел их разуверить. Я обещал безопасность и защиту им самим и их собственности, и только тогда они перестали чинить препятствия уходу османских войск.

Солдаты! Когда ваш командир берет на себя обязательства, ваш долг их выполнять. Я рассчитываю в данном отношении на ваше повиновение и на понимание вами ваших собственных интересов. Единственный эксцесс может превратить в ничто соглашение о капитуляции, которое я только что подписал. Не ограничивайтесь тем, что сами будете воздерживаться от малейших правонарушений, но не позволяйте их совершать и всему тому множеству людей, кто прятался в убежище, пока было опасно, и покинул его, лишь когда угроза миновала, дабы [постыдными делами] довершить свое бесчестие. А потому я запрещаю любой грабеж и напоминаю о соответствующем моем приказе от 27 жерминаля [17 апреля]»²⁵¹.

Немалые усилия для сохранения перемирия пришлось приложить и другой стороне. Если основная масса жителей Каира устала от войны и от присутствия турецких военных, то маргиналы, которым нечего было терять и которые чувствовали себя во время осады полноправными хозяевами города, желали продолжения военных действий. Сложности возникли уже на другой день после подписания капитуляции. Утром **22 апреля** стороны в качестве гарантии выполнения соглашения обменялись заложниками. От французов, пишет Дама, такими стали генерал-адъютант Рене и капитан Тиош. Однако едва они

²⁵⁰ Journal du capitaine François. P. 379.

²⁵¹ Ibid. P. 96–97.

покинули резиденцию Насуф-паши, чтобы последовать за Эльфи-беем, отвечавшим за их безопасность, как подверглись атаке черни. От гибели их спасла только решительность провожатого: Эльфи-бей запер их в ближайшей мечети и лично с саблей в руке охранял со своими мамлюками вход в нее до самого вечера, пока опасность не отступила²⁵². По словам же ал-Джабарти, в защите заложников принял участие даже лично Насуф-паша²⁵³.

Имели, по свидетельству ал-Джабарти, в период между подписанием капитуляции и уходом турок также и другие провокации:

«Магрибинец сел на коня, направился в ал-Хусайнийу и призвал к продолжению войны с французами. Тогда жители ал-Хусайнийн пришли к Осману Катходе и спросили его, должны ли они последовать за магрибинцем или им следует помешать ему в его намерениях. Насух-паша приказал остановить магрибинца и прекратить военные действия.

Тогда ал-Махруки²⁵⁴ сел на коня и поехал через Сук ал-Хашаб, а перед ним шел глашатай и объявлял о том, что мир нарушен и необходимо строить баррикады. Но его остановил турецкий интендант.

Затем открыли дверь торгового двора, и из него вышли солдаты с палками. Они разогнали толпу, а затем ушли, и наступило спокойствие»²⁵⁵.

О том, что в городе **23 апреля** имели место волнения недовольных капитуляцией, сообщается и в отчете Мишо. Судя по его же словам, **24 апреля** напряжение достигло предела: в ожидании новых провокаций французские посты повсюду были удвоены, а подступы к площади Эзбекиия дополнительно укреплены²⁵⁶. В тот же день капитан Франсуа побывал на другой стороне недавнего фронта:

«Я получил задание отвезти несколько распоряжений османо-турецким и английским руководителям. Это оказалось более чем опасно из-

²⁵²Rapport. P. 762.

²⁵³Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 275–276.

²⁵⁴Сейид Ахмад ал-Махруки, старейшина каирских купцов, в период оккупации пользовался у французов большим уважением, был членом дивана, а в декабре 1798 г. даже сопровождал Бонапарта в Суэц. Однако во время Второго каирского восстания принял активное участие в обороне Каира, потратив значительные средства на поддержку повстанцев и призывая к продолжению священной войны до победного конца. После заключения капитуляции он покинул Каир с турецкой армией, а его оставшееся в городе имущество было конфисковано. Однако в 1801 г. ал-Махруки с почетом вернется в Египет в составе новой армии великого визиря. Подробнее о нем см.: Там же. С. 75, 127–128, 243–244, 257, 266, 275, 285, 454, 467; *Turc N.* Op. cit. P. 109.

²⁵⁵Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 276.

²⁵⁶[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 97.

за постоянной угрозы со стороны черни. Однако постовые мамлюков меня защитили и проводили к самому Насуф-паше, который со мною хорошо обошелся и подарил от себя горсть золотых монет»²⁵⁷.

В конечном счете стремление обеих сторон к миру возобладавало:

«5 флореаля [25 апреля] турецкие войска, мамлюки Ибрагим-бея и некоторое количество жителей Каира, преданных вражескому делу, покинули город в 6 часов утра. Сопровождаемые дивизией Рейнье, они направились в Салихию»²⁵⁸.

Вместе с ними ушло в историю и Второе каирское восстание.

Заключение

Читая французские исторические работы, так или иначе затрагивающие тему Второго каирского восстания, трудно избавиться от ощущения полной безнадежности этой самой масштабной в период Египетского похода 1789–1801 гг. попытки египтян избавиться от ига иностранной оккупации. Выступление жителей Каира против французского господства представляется не более чем стихийным взрывом неконтролируемых эмоций, а последующая борьба слабо вооруженных повстанцев против отлаженной военной машины Восточной армии выглядит заранее обреченной на поражение. Затянувшуюся же на месяц осаду историки²⁵⁹ объясняют лишь осторожностью Клебера, стремившегося, как утверждал он сам в «Докладе», прежде всего сберечь город и жизни своих солдат²⁶⁰. При таком взгляде на происшедшее неизбежность победы французов сомнений не вызывает: речь, мол, шла лишь о стоявшем перед их командующим выборе наиболее оптимального пути к ней.

Преобладание подобного подхода вызвано, на мой взгляд, излишней доверчивостью исследователей в отношении версии, изложенной самим Клебером и его начальником штаба Дама в «Докладе», который до сих пор остается основным источником для освещения указанных событий. Однако перекрестная верификация данных, представленных в этом документе и в других свидетельствах современников и прежде всего в предназначавшемся для служебного пользования штабном отчете Ми-

²⁵⁷ Journal du capitaine François. P. 379.

²⁵⁸ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 97.

²⁵⁹ См., например: Laurens H. Op. cit. P. 375.

²⁶⁰ «Я решил использовать все средства, чтобы восстановить власть над Каиром иным путем, нежели штурмуя его войсками, и пожертвовал громом победы ради двух наиболее желанных для меня целей – сохранения армии и города, необходимого для утверждения в этой стране». – Rapport. P. 751.

шо, позволяет констатировать определенную тенденциозность текста Клебера и Дама, изначально готовившегося для публикации. Авторы «Доклада», отчитывавшиеся о своей деятельности во главе Восточной армии, старались убедить читателя в том, что выбиравшиеся ими решения всякий раз были наиболее оптимальными и ситуация постоянно находилась под контролем. Между тем мы видели, что исход кампании был далеко не столь однозначно предопределенным.

В отличие от Первого каирского восстания, целенаправленно готовившегося противниками французов внутри египетского общества, Второе восстание оказалось спровоцировано внешним фактором. Оно, бесспорно, имело свои внутренние причины, главной из которых было недовольство широких слоев египетского населения французской оккупацией. Однако в условиях жесткого контроля и непрерывного террора со стороны оккупационной администрации возникновение собственно в городе каких-либо центров организованного сопротивления французам было просто невозможно. И только прибытие в Каир значительных военных сил турок и мамлюков, сообщивших к тому же его жителям о победе великого визиря над французами, стало детонатором мощного социального взрыва.

Значительное присутствие внешних сил в среде восставших – это определяющая особенность Второго каирского восстания, которая обусловила и его силу, и его слабость. С одной стороны, турецкий военный контингент и отряды мамлюков стали тем организующим ядром повстанческих сил, вокруг которого объединились массы вооруженных горожан. Участие в защите Каира турецких военных, которых сами европейцы признавали блестящими специалистами оборонительного боя, по-настоящему цементировало ее, сделав невозможным стремительное наступление внутрь города, предпринятое Бонапартом в период Первого каирского восстания.

Кроме того, за полтора года после Первого каирского восстания соотношение сил существенно изменилось не в пользу французов: численность Восточной армии сократилась за прошедшее время почти вдвое, тогда как приход турок и мамлюков значительно умножил число ее противников в Каире. С учетом этого обстоятельства значительно бóльшая продолжительность Второго каирского восстания по сравнению с Первым выглядит и вовсе закономерной.

Причиной того, что восстание затянулось на столь долгий период, была отнюдь не какая-то особая гуманность Клебера, не желавшего штурмовать город, чтобы не разрушить его. Французы ежедневно разрушали

Каир, используя в уличных боях массовые поджоги домов. Да и сам Клебер в письме генералу Ланюсу от 16 апреля, как раз накануне генерального наступления, признавал, что в случае необходимости готов на самые решительные меры: «Исчерпав все средства убеждения и милосердия в отношении Булака, я вынужден был отдать приказ штурмовать его войсками, предав разграблению и пламени. Мне крайне претит использовать такое же средство против Каира, но *мне придется это сделать*, если голод, уже начавший свое дело, не вразумит его жителей»²⁶¹.

Второе каирское восстание продлилось так долго не потому, что Клебер избегал применять крайние средства, а потому, что у него *их просто не было*. Даже собрав воедино все имевшиеся у них в наличии силы, французы в ходе генерального штурма 18 апреля не добились успеха ни на одном из направлений своих атак. Благодаря специфическим условиям уличного боя, высокому боевому духу повстанцев и их большому численному перевесу оборона города оказалась непреодолима для французской армии. А какими-либо дополнительными ресурсами для того, чтобы усилить натиск, она уже не обладала.

Однако для массовых восстаний, где в отличие от действий профессиональных армий участвуют самые широкие и разнообразные слои населения со своими, далеко не схожими между собой интересами, политический фактор зачастую оказывается не менее, а то и более значимым, чем сугубо военный. Клебер в свое время прекрасно понял это, воюя против инсургентов Вандеи. И теперь, в условиях явной нехватки чисто военных средств, он попытался разыграть политическую карту, используя противоречия внутри повстанческого лагеря. Вот тут-то присутствие внешних элементов в среде повстанцев и обернулось слабостью восстания. Используя широкий диапазон методов психологического давления, сочетая посулы и запугивание, Клебер тонко провел свою партию, добившись политическим путем того, чего не смог достичь военным. А потому его последняя кампания – менее чем через два месяца он падет от руки убийцы – может считаться настоящим шедевром сочетания военных и политических средств.

Для египтян же опыт Второго каирского восстания стал своего рода уроком, показав, что без собственных национальных лидеров и армии они, несмотря на любые проявления героизма и самоотверженности, всегда будут только пешкой в игре внешних сил. Однако уже через несколько лет они обретут то и другое – в эпоху Муххамеда Али.

²⁶¹ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р. 832. Курсив мой. – А. Ч.

Список литературы

- Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Египет в период экспедиции Бонапарта. М., 1962. [*Abd ar-Rahman al-Dzhabarti*. Egiptet v period ekspedicii Bonaparta. М., 1962.]
- Прусская Е.А.* Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта // ФЕ 2010. Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохе Наполеона. М., 2010. С. 274–290. [*Prusskaya E.A.* Arabskie hroniki kak istochnik po istorii Egiptetskoj ekspedicii Bonaparta // Francuzskii ejegodnik 2010. Istochniki po istorii Francuzskoi revolyucii XVIII v. i epohe Napoleona. М., 2010.]
- Прусская Е.А.* Египет в сочинениях французских путешественников К.-Э. Савари и К. Ф. Вольнея в конце XVIII в. // ВИ. № 1. 2012. С.111–121. [*Prusskaya E.A.* Egiptet v sochineniyah francuzskih puteshes-tvennikov К.-Э. Savari i К. F. Vol'neya v konce XVIII v. // Voprosi istorii. № 1. 2012. S.111–121.]
- Чудинов А.В.* Сражение при Гелиополисе, или Забытая победа // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 122–165. [*Tchoudinov A.V.* Srazhenie pri Geliopolise, ili Zabytaya pobeda // Francuzskii ejegodnik 2014. Т. 2: Franciya i Vostok. М., 2014. S. 122–165.]
- Фильштинский И.М.* Каирские восстания 1798-1800 гг. и описание их в хронике Абд ар-Рахмана ал-Джабарти // Советское востоковедение. 1958. № 3. С. 46–56. [*Fil'shtinskii I.M.* Kairskie vosstaniya 1798-1800 gg. i opisanie ih v hronike Abd ar-Rahmana al-Dzhabarti // Sovetskoe vostokovedenie. 1958. № 3. S. 46–56.]
- Delaitre F.* La bataille d'Héliopolis: 20 mars 1800. Allonzier-la-Caille, 2011.
- Desvernois, général baron.* Avec Bonaparte en Italie et en Égypte. P., 2012.
- Doguereau J.P.* Journal de l'expédition d'Égypte / Éd. de C. de La Jonquière. P., 1997.
- L'état-major de Kleber en Égypte: 1798-1800 : d'après leurs carnets, journaux, rapports et notes / Éd. établie par S. Le Couëdic. P., 1997.
- [*Galland A.*] Tableau de l'Égypte pendant le séjour de l'Armée française. T. 1. P., an XI (1803).
- Gislain de Bontin G.* Trois mois heureux, trois ans amers // La campagne d'Égypte, 1798–1801: mythes et réalités / Actes du colloque des 16 et 17 juin 1998. P., 1998. P. 77–92.
- Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. P., 1830–1836. T. 7.
- Journal du canonnier Bricard. P., 1891.

- Journal du capitaine François, dit le dromadaire d'Égypte / Établie par Ch. Grolleau. P., 2003.
- Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P., 1995.
- Moiret J.-M.* Mémoires sur l'expédition d'Égypte. P., 1984.
- Morier J.P.* Memoir of a Campaign with the Ottoman Army in Egypt from February to July 1800. L., 1801.
- Pajol Ch.-P.-V., le comte.* Kléber, sa vie, sa correspondance. P., 1877.
- Rapport fait au Gouvernement français des événements qui se sont passés en Égypte, depuis la conclusion du traité d'El-A'rych, jusqu'à la fin de prairial an VIII. Kair, s.d.
- Richardot Ch., le lieutenant-colonel.* Nouveaux mémoires sur l'armée française en Égypte et en Syrie. P., 1848.
- Turc N.* Chronique d'Égypte 1798–1804/ Ed. et tr. par G. Wiet. Le Caire, 1950.
- Vigo-Roussillon F.* Journal de la campagne (1793–1837). P., 1981.

*А.А. Митрофанов, Н.В. Промыслов, Е.А. Прусская**

«РУССКАЯ УГРОЗА» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX В.

На протяжении Революции и эпохи Наполеона Франция и Россия не раз становились противниками на дипломатической арене и на поле боя, поэтому внимание к северному соседу во Франции не ослабевало в течение всего периода 1789–1814 гг. В эту эпоху сменявшие друг друга французские правительства активно использовали прессу для управления общественным мнением как внутри страны, так и в других государствах, поскольку франкоязычная пресса этого периода была одной из самых читаемых во всех уголках Европы. Данная статья основана на широком круге франкоязычных изданий периода 1789–1814 гг., включающих как парижскую прессу разной направленности, так и франкоязычные газеты соседних Франции государств, затем попавшие в сферу французского влияния. Концепция «русской угрозы», зародившаяся во французском общественном сознании в XVIII в., то оживала на страницах прессы в моменты напряженных отношений между двумя государствами, то исчезала – во время сближений и союзов (1800–1804 гг., 1807–1811 гг.). В основе «русской угрозы» на рубеже XVIII–XIX вв. лежали как устоявшиеся в литературе и философии представления о России, так и обширная памфлетная публицистика. В период дружбы Наполеона и Александра о России старались писать максимально нейтрально, но в кризисные моменты ее образ приобретал множество негативных черт и на страницах прессы непременно оживали архетипичные стереотипы о России и «русской угрозе».

Ключевые слова: французская пресса, Французская революция XVIII в., Наполеон, образ врага, пропаганда.

**Андрей Александрович Митрофанов, Николай Владимирович Промыслов, Евгения Александровна Прусская – кандидаты исторических наук, научные сотрудники лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» ИВИ РАН.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

На протяжении Революции и эпохи Наполеона Франция и Россия не раз становились противниками на дипломатической арене и на поле боя, поэтому внимание к северному соседу во Франции не ослабевало в течение всего периода 1789–1814 гг. Именно в эту эпоху возросла роль прессы как инструмента влияния на общественное мнение¹. В этот период происходило конституирование новой французской коллективной идентичности, и в этом процессе Россия сыграла важную роль. В последние десятилетия образ России, сложившийся в разных странах Европы в XVIII – начале XIX в., все более привлекает исследователей, при этом приоритетное внимание уделяется формированию представлений о России в исторической или общественно-публицистической литературе, а также дипломатических источниках². Периодическая печать до сих пор пользовалась заметно меньшим вниманием, хотя в конце XVIII – начале XIX в. она была важнейшим источником сведений о мире для широких слоев населения. Одновременно власть все больше старалась использовать прессу как инструмент воздействия на общественное мнение, в том числе в вопросах международных отношений. Между 1789–1814 гг. сменявшие друг друга французские правительства активно использовали прессу для управления общественным мнением как внутри страны, так и в других государствах, поскольку франкоязычная пресса этого периода была одной из самых читаемых во всех уголках Европы.

¹ См.: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003; *Malia M.* Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, 1999; *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*; *Belissa M.* La Russie mise en Lumières. Représentations et débats autour de la Russie dans la France du XVIIIe siècle. P., 2010. Общественное мнение в последней трети XVIII в. представляло собой фактор воздействия на идейную среду и на политическую жизнь. Оно являло собою не только «состояние умов», но и один из важных механизмов социального взаимодействия людей. Концепция «общественного мнения» была тесно связана с идеей о единстве политического тела нации, выразителем ценностей которой и служили наиболее известные авторы, обладавшие большим авторитетом в своей собственной профессиональной сфере и за ее пределами. Подробнее см.: *Baker K.M.* Au tribunal de l'opinion. Essai sur l'imaginaire politique au XVIIIe siècle. P., 1993.

² См., например: *Mohrenschildt D.S.* von. Russia in the intellectual life of eighteenth-century France. N.Y., 1936; *Anderson M. S.* Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. L., 1958; *McNally R.* The Origins of Russophobia in France 1812–1830 // *American Slavic East and European Review*. 1958. 17, April. P. 173–189; *Lortholary A.* Les «Philosophes» du XVIIIe siècle et la Russie: Le mirage russe en France au XVIIIe siècle. P., 1951; *Мезин С.А.* Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // *ВИ*. 2002. № 10. С. 150–155; *Вульф Л.* Указ. соч.

Настоящая статья основана на широком круге франкоязычных изданий периода 1789–1814 гг., включающих как парижскую прессу разной направленности (газеты *Moniteur*, *Journal des Débats* (с 1805 г. *Journal de l'Empire*), *Gazette de France*, *Journal de Paris*, *Mercure de France*, *Journal des hommes libres*, *Journal de la Montagne*, *Journal du soir de politique et de littérature de la rue de Chartres u m.д.*), так и франкоязычные газеты соседних с Францией государств, затем попавших в сферу французского влияния (*Gazette de Leyde*, *Journal de Francfort* (с 1811 г. – *Gazette du Grand-duché de Francfort*).

Формирование идеи «русской угрозы» в XVIII в.

Представления о русской армии как потенциально могущественном противнике возникают во французском общественном сознании в самом начале XVIII в. после ярких и во многом неожиданных побед Петра I над шведскими войсками. Эти победы нанесли значительный удар по традиционной для Франции схеме внешнеполитических союзов. К тому моменту Швеция, Речь Посполитая и Османская империя уже более ста лет рассматривались французской дипломатией в качестве важных внешнеполитических союзников. Изначально этот «восточный барьер» был ориентирован против Габсбургов, и потому появление на мировой арене нового сильного игрока, вступившего в борьбу с французскими союзниками, обеспокоило версальский двор. Эти перемены привели к распространению в европейской общественной мысли идеи «русской угрозы», которая была сформулирована сторонниками Швеции при версальском дворе еще в ходе Северной войны, а в дальнейшем поддерживалась французской дипломатией на протяжении почти всего XVIII в.³ Победы русской армии в ходе Северной войны показали ее силу, и потому у европейских политиков возникла необходимость получить как можно больше информации о ней. В XVIII в. европейские ученые, литераторы и публицисты немало внимания уделили российским вооруженным силам, которые, на их взгляд, олицетворяли собой угрозу со стороны ранее малоизвестного государства.

На протяжении большей части XVIII в. в противовес концепции «русской угрозы», которую развивали преимущественно дипломаты и министры французского двора, ряд философов и литераторов начал превозносить достоинства русской монархии, чем положил начало

³ См.: Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995.

формированию так называемого «русского миража», весьма популярного в середине – второй половине XVIII столетия⁴. Заметную роль в борьбе этих философско-политических концепций играла набиравшая тогда популярность пресса. Так, в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., как только стало очевидным превосходство русских, маркиз Э.Ф. Шуазель попытался преуменьшить в глазах общества успехи России. Для этого глава французской внешней политики поставлял в *Gazette de France* и другие печатные издания откровенную дезинформацию о положении дел на фронтах Русско-турецкой войны. Русский поверенный в делах во Франции Н.К. Хотинский замечал в июне 1769 г., что «парижские газеты с бесчинством пристрастие свое оказывают к туркам», и делал французскому министру соответствующие представления⁵.

Накануне заключения Кучук-Кайнарджийского мира летом 1774 г. теперь уже князь И.С. Бярятинский сообщал в Петербург о том, что *Gazette de France* продолжала давать искаженную информацию о ходе военных действий. На ее страницах трудно было вообще найти упоминания об успехах русской армии и флота. И даже спустя 2 месяца после заключения мирного договора между Турцией и Россией Париж наводняли слухи об успешной высадке турецкого десанта в Крыму, якобы разбившего находившуюся там армию князя Долгорукова. Источником их были французские дипломаты⁶. Таким образом, уже в 1760–1770-х гг. благодаря тесной связи с дипломатическим ведомством парижские газеты выступали своего рода орудием внешней политики.

В последней четверти XVIII в. Европа столкнулась с изменением системы международных отношений и новой ролью, которую после первого раздела Польши приобрела Россия. В обществе доминировало представление о России как о державе, чье господство на «Севере» представляло определенную угрозу для европейского «Юга». Российская империя продолжала расти и вступала в новые военные конфликты, в том числе в Европе. К концу 1780-х «русский мираж» заметно померк, и во французском обществе все большую популярность при-

⁴ Подробнее см. *Lortholary A.* Op. cit.

⁵ Черкасов П.П. Франция и Русско-турецкая война 1768–1774 гг. // НиНИ. 1996. № 1. С. 65.

⁶ Там же. С. 74.

обретало критическое отношение к Российской империи в целом. Даже заключение русско-французского торгового договора 1786 г. не перееломило этих настроений. Однако и идея непосредственной угрозы для Франции со стороны империи царей сохраняла совершенно мифический характер. Пространством же наиболее жарких столкновений внешнеполитических интересов Франции и России оставалась Речь Посполитая, переживавшая самые тяжелые годы в своей истории. И все же мало кто мог накануне 1789 г. всерьез предположить, что в недалеком будущем вторжение русской армии на территорию Франции приобретет реальные очертания.

Развитие концепции «русской угрозы» в годы Революции

С началом Революции на страницах французской прессы внешнеполитические темы заметно отходят на второй план по сравнению с событиями во внутренней жизни Франции. При общем падении популярности внешнеполитических сюжетов Россия сохраняла прежний уровень значимости в описаниях прессы по сравнению с другими европейскими державами. Образ России не имел четкой структуры и представляя собой скорее набор клише о далекой полуварварской стране с суровым климатом, в которой правит самодержавный деспот, мечтающий о новых завоеваниях. Однако в период Революции изменились условия применения этого образа. Из дипломатической практики и философских дискуссий устоявшиеся представления перетекали в новое политическое публичное пространство, сформировавшееся к 1789 г., где становились основой массовых стереотипов.

Сообщения с театров военных действий Русско-шведской и Русско-турецкой кампаний появлялись в парижской прессе регулярно. Изображение русской армии в прессе 1789–1791 гг. не поднималось выше уровня клише: помимо краткого описания воинских частей газеты ограничивались указанием на то, что русское войско будет состоять не только из россиян, но еще из «ужасных» татар и казаков⁷. Большой

⁷ *Moniteur*. № 115. 1792. 24 avril. Более подробные сведения о русской армии в газетах редки. Например, со ссылкой на дипломатическую корреспонденцию *Moniteur* печатала сведения о вооружениях России, в частности, о состоянии русского флота в трех северных портах (Архангельске, Кронштадте и Ревеле). – *Moniteur*. № 211. 1792. 29 juillet.

интерес у журналистов вызывали рекрутские наборы, чрезвычайные происшествия, эпидемии или голод в армии.

Неослабевающий интерес к Русско-турецкой войне во французском обществе объяснялся целым комплексом причин. В общественном мнении XVIII в. существовало представление о том, что российская культура многое переняла от своих азиатских соседей. Неудивительно, что Россию и Османскую империю часто рассматривали в сравнении. Если французские философы приписывали России цивилизующую роль по отношению к мусульманским народам Юга и видели в ней передовой бастион Европы против исходившей из Азии угрозы⁸, то французское правительство, напротив, считало Порту важной частью «восточного барьера», препятствующего продвижению России в Европу, и в споре двух империй оказывало поддержку Стамбулу⁹.

На протяжении 1789–1791 гг. обсуждение в прессе военного потенциала России постепенно принимает все более острое внешнеполитическое звучание. По мере того как меняется отношение европейских монархий к Революции, все явственнее возникает угроза войны между Францией и создаваемой коалицией европейских государств, и в связи с этим внимание к позиции России все возрастает. Связан с этим и вопрос о поддержке российским двором инициатив французских эмигрантов, а также тех, кто воевал в составе русских армий против султана¹⁰. Поэтому пресса первых лет Революции, как правило, также оказывалась на стороне турок, поскольку угроза, исходившая от России и выступавшей с ней в союзе Австрией по отношению к революционной Франции была очевидна, тогда как опасность войны против Порты едва ли кто-то мог рассматривать всерьез¹¹.

В 1791 г. в *Moniteur* все чаще звучало мнение о том, что войны с турками и шведами подорвали финансовое положение России. Рассказывая о празднествах в Петербурге, посвященных доставке трофеев, автор статьи замечал, что нынешняя война стоила России более 200 000

⁸ См.: Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 117–119.

⁹ Подробнее см.: Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. Гл. 8; Он же. Екатерина II и Людовик XVI. М., 2004. Гл. 6.

¹⁰ В 1791 г. *Moniteur* особо отмечал французских офицеров, воевавших в составе русской армии с турками. Речь шла о Ришелье, Дама и Ланжероне. См.: *Moniteur*. № 126. 1791. 06 mai.

¹¹ *Moniteur*. № 127. 1789. 27 décembre.

человек и значительных средств¹². Помимо падения обменного курса рубля, пресса констатировала осложнение отношений петербургского кабинета с европейскими кредиторами, подчеркивая, что без дополнительных субсидий невозможно вести войну на два фронта и содержать сразу две действующие армии и два флота¹³. Огромный государственный долг России увеличивается по мере дальнейшего ведения войн, подчеркивала газета: с 1786 г., государственным заемным банком, в который дворяне могли закладывать имения, роздано займов на 30 млн рублей, что вынуждало увеличивать количество бумажных денег в обращении¹⁴. Россия в освещении французской газеты представлялась военной державой, чьи интересы простираются далеко за пределы европейских владений Османской империи, но финансовое положение которой далеко не блестяще.

Война России со Швецией 1788–1790 гг. находила лишь фрагментарное отражение на страницах *Moniteur*. Как правило, о событиях на русско-шведском фронте сообщалось сухо и кратко, со ссылкой на сведения из Стокгольма. Принимая во внимание цензуру, установленную шведским королем в отношении новостей с фронта¹⁵, информация о реальном положении дел часто поступала в Париж окольными путями: из голландских или немецких газет или из дипломатической переписки.

Не приносившая шведам успеха война с Россией, инициатором которой являлся Густав III, серьезно осложнила состояние шведских финансов. Газета *Moniteur* обращала внимание на то, что колебания денежного курса в королевстве стали причиной беспорядка на шведской бирже и недовольства коммерсантов¹⁶. О поражениях шведов летом 1790 г. журналисты *Moniteur* писали со ссылкой на газеты Гамбурга¹⁷. Зато регулярно поступающие шведские репортажи даже о самых незначительных победах над русскими публиковались практически целиком¹⁸. Известный публицист С.-Н.-А. Ленге в *Annales politiques, civiles et littéraires* приветствовал поражения русского оружия и с большим сочувствием относился к шведам. Король Густав III, одерживающий по-

¹² *Moniteur*. № 34. 1791. 03 fevrier.

¹³ *Moniteur*. № 23. 1790. 23 janvier.

¹⁴ *Moniteur*. № 143. 1790. 25 mai.

¹⁵ См. об этом подробнее: *Boberg S. Kunglig krigspropaganda. Goteborg, 1967.*

¹⁶ *Moniteur*. № 69. 1790. 10 mars.

¹⁷ *Moniteur*. № 181. 1790. 30 juin.

¹⁸ *Moniteur*. № 154. 1790. 03 juin.

беды над «московитским флотом», представал в этом издании в образе подлинного исполнителя «небесных законов». Ленге задавался вопросом: что предпримет Густав после одержанной им победы на море? Ради спокойствия Европы, полагал журналист, было бы желательно, чтобы шведы смогли двинуться на Петербург и тем самым умерить честолюбие и надменность русских, обезопасив от них континент¹⁹. Тенденциозность в освещении Русско-шведской войны и проявившийся страх перед Россией в данном случае не были связаны с революционными событиями, а отражали некоторые из расхожих стереотипов. На этом фоне довольно необычным выглядело появление в двух июньских номерах *Moniteur* полного текста циркулярного письма российского вице-канцлера И.А. Остермана от 12 марта 1790 г., адресованного послан России при иностранных дворах²⁰. Остерман разъяснял российским дипломатам позицию относительно войн с Османской империей и Швецией и приводил на этот счет многочисленные исторические примеры. Журналист из *Moniteur* обрушивался на Остермана, чьи аргументы «ложные, лукавые и иллюзорные... не могут избежать прозорливого взгляда политиков». По мнению корреспондента, «беспристрастные газеты в точной и верной манере уже рассказывают обо всех амбициозных проектах императрицы и распутывают цепь ее тайных и непрерывных интриг против соседей, особенно против шведов, поляков и османов. Кто не знает о последних деяниях этой государыни в Швеции и об одиозных средствах, что используют ее министры, дабы посеять здесь повсеместные беспорядки и раздоры... Все призывают теперь шведского короля... решительно воспрепятствовать реализации коварных планов кабинета Петербурга»²¹.

По завершении Русско-шведской войны французская пресса продолжала трактовать события на севере Европы в невыгодном для России свете: «Россия привыкла рассматривать все государства Европы, что ее окружают, как своих вассалов и, кажется, составила план, который заставил вспомнить шведов об их старинных правах. Она надеялась занять короля Швеции делами у него дома, тогда как сама она

¹⁹ Lortholary A. Op. cit. P. 264.

²⁰ *Moniteur*: № 178. 1790. 02 juin; № 179. 1790. 28 juin.

²¹ *Moniteur*: № 205. 1790. 24 juillet. Под «коварными планами» Екатерины II здесь могли подразумевать готовившееся мирное соглашение между Стокгольмом и Петербургом. Заключенное в начале августа 1790 г. Верельское мирное соглашение между Россией и Швецией лишило Османскую империю союзника на Севере.

будет занята войной с турками»²². Однако с усилением опасности возникновения антифранцузской коалиции отношение революционной печати к шведскому королю также изменилось на негативное, ведь он был одним из активных сторонников создания такой коалиции и даже намеревался возглавить объединенные войска в походе против Франции. Теперь ему в Париже пророчили судьбу Карла XII, ибо, помогая эмигрантам, он рисковал «найти свою Полтаву или Фридрихсхалль»²³.

Ухудшение франко-российских отношений, меры, предпринимаемые царским кабинетом против французов, придавали дополнительный вес теме военной опасности, исходящей от России. На рубеже 1791 и 1792 гг. в прессе появился и надолго закрепился слух о вторжении «северных варваров». Основанием для этого страха послужили как скептические оценки процесса цивилизации в России, так и реальные свидетельства ее увеличившейся военной мощи, зримым доказательством которой служили победы русских войск над традиционными союзниками Франции – Османской империей и Швецией.

С началом в 1792 г. войны между Францией и европейскими монархиями тема возможной помощи Екатерины эмигрантам и антифранцузской коалиции начинает активно муссироваться в парижских газетах. Писали, что Россия обещает «помощь французским принцам в виде [войска из] 20 000 русских и татар; их переправят так быстро, как только это позволит сделать погода. Эмигранты лгутся радостью и удовольствием, ожидая этих ужасных воинов с таким же нетерпением, с каким бедные иудеи ожидают своего Мессию»²⁴. В июле 1792 г. *Moniteur* привел письмо из Петербурга, где утверждалось, что 15 000 русских после наведения порядка в Польше двинутся во Францию, дабы помочь делу контрреволюции. Там же было опубликовано «Сообщение относительно вооружения России, извлеченное из депеш поверенного в делах Франции в Петербурге, представленных Национальному собранию» Эдмона Жене, рассказывающее о военных приготовлениях России, в частности, о состоянии русского флота в Архангельске, Кронштадте и Ревеле²⁵.

Весной и летом 1792 г., под влиянием политических событий менялся тон даже умеренной *Gazette de France*. Письма из Польши ста-

²² *Moniteur*. № 395. 1791. 25 décembre.

²³ *Ibid.* Фридрихсхалль – крепость в Норвегии, при осаде которой 1 декабря 1718 г. был убит король Швеции Карл XII.

²⁴ *Moniteur*. № 115. 1792. 24 avril.

²⁵ *Moniteur*. № 211. 1792. 29 juillet.

вили под сомнение возможность участия русских в кампании против Франции: «Из армии князя Понятовского <...> Сообщают, что русская армия, возвратившись из Турции, находится в жалком состоянии. Кажется, что русские генералы, в течение многих лет удаленные от своих домов, лишённые чувства страха и повиновения, истратили в дебошах и играх все средства, предназначенные для войск, они посылали солдат добывать питание у крестьян Валахии и Молдавии, позволили превратиться униформе в лохмотья, а краденными лошадьми заменяют тех, которых лишились из-за падежа и вражеского оружия»²⁶. Такие описания призваны были смягчить страхи французского общества перед угрозой военного вторжения «северных варваров». Отметим, что авторы подобных сообщений для большего правдоподобия всегда ссылались на наблюдения очевидцев.

Окончательный разрыв дипломатических отношений между Россией и Францией в июле 1792 г. оказал заметное влияние на французское общественное мнение. С каждым новым известием о действиях коалиции взгляды обращались в сторону российской столицы: именно Екатерина II считалась ее активной вдохновительницей. И хотя слабеющий свет «русского миража» эпохи Просвещения еще находил время от времени отражение в публицистике, а некоторые авторы продолжали считать Екатерину II преемницей и продолжательницей планов Петра Великого²⁷, образ далекой империи, поднятой до высот цивилизации «Семирамидой Севера», неуклонно терял былую привлекательность.

Поворот, на который необходимо обратить внимание, происходил в сфере восприятия «русского варварства». Если раньше варварство считали причиной слабости русской армии, то теперь в нем же усматривали причину военных успехов. «Народ тем более опасный, что закаленный варварством и дисциплинированный игом рабства, он более годится для завоеваний и опустошений, чем для войн оборонительных, нечувствительный к смерти и несчастью»²⁸, – сообщал о русских анонимный французский публицист. Страхи и опасения перед «русской угрозой» в 1792 г. чаще всего находили выражение в предсказаниях о нашествии новых «кочевых варваров с Севера».

²⁶ *Gazette de France*. № 99. 1792. 4 juillet.

²⁷ См., например: [*Chantreau P.-N.*] *Voyage philosophique, politique et litteraire, fait en Russie pendant les années 1788 et 1789*. P., 1794. T. 1. P. 279.

²⁸ *Blanc S.* Histoire d'une fobie: le Testament de Pierre le Grand // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1968. Vol. 9. № 3–4. P. 281–282.

На страницах французских газет даже после заключения в 1791 г. Ясского мирного договора постоянно обсуждалась возможность новой русско-турецкой войны. Эта тематика была важна как из-за традиционных симпатий французских дипломатов по отношению к Порте, так и потому, что потенциальная война с Россией должна была помешать ей принять активное участие в войне против революционной Франции. По уверениям газет, и после 1791 г. Россия продолжала готовиться к новой войне против османов. *Moniteur* передавал слухи относительно завоевательных планов Екатерины II. Она якобы заставила армию двигаться к османским рубежам и одновременно тщательно готовила к войне свои порты. Далее сообщалось, что Англия обещала свою поддержку грандиозным планам России: «Настало наконец время, чтобы Европа уяснила для себя суть намерений двух дворов [Лондона и Петербурга], дворов, представляющих наибольшую опасность для независимости других наций»²⁹. Издания самых разных политических направлений стремились поддержать Османскую империю. На страницах якобинской *Journal des hommes libres* она приобретала отчетливые черты антипода России и бастиона на пути «деспотизма», а султан наделялся чертами просвещенного европейского монарха³⁰.

Тема военной угрозы со стороны России привлекала внимание журналистов на протяжении 1792–1794 гг. Слухи о скором вступлении России в войну против Франции стали распространяться особенно активно с середины 1792 г., когда из Петербурга был выслан поверенный в делах Франции Э. Жене и прямой канал информации из России был прерван. А в военной обстановке первой половины 1793 г., когда состояние французской армии было тяжелым, любые сообщения о планах антифранцузской коалиции читались с особым вниманием. *Moniteur* сообщал о надвигающейся русской армии во главе с А.В. Суворовым³¹. В то же время *Journal du soir* писал о неких письмах из Петербурга, в которых утверждалось, что Россия не будет принимать прямого участия в войне с Францией. Причиной тому стали приготовления к вой-

²⁹ *Moniteur*. № 238. 22 floréal, an III (1795. 17 mai).

³⁰ *Journal des hommes libres de tous les pays ou le Républicain*. № 387. 3 frimaire, an II (1793. 23 novembre).

³¹ «Настаивают, что нет никаких сомнений в том, что двадцать пять тысяч человек русских направляются к Рейну. Их путь пройдет, как говорят, через Богемию и Австрийскую Силезию, их поведет генерал Суворов». – *Moniteur*. № 25. 1793. 25 janvier.

не в Турции и ситуация в Швеции. Коалиция не должна рассчитывать на давно обещанную царицей помощь, а все, что пишут немецкие газеты о передвижениях русских войск, «есть не что иное, как ложь, оплаченная по два крейцера за строчку секретарями и советниками посольства, которые с помощью этих проделок желают вызвать у французов серьезное беспокойство»³².

Соперничество России с Османской империей считалось французами сюжетом, представляющим первостепенный интерес с точки зрения баланса сил в Европе. Только новое обострение польского кризиса в начале 1790-х гг. смогло отодвинуть в общественном сознании турецкий вопрос на второй план. Развитие польской темы давало публицистам возможность выразить свое отношение к России³³. Польша, как и двадцатью годами ранее для Руссо, Мабли и Рюльера, представляла собой удобный повод для изречения суждений как о жизни во Франции, так и о жизни в «деспотической» России, своеобразном антипode «свободолюбивой» Польши³⁴.

Газеты, спонсируемые монтаньярами, акцентировали внимание на массовости восстания в Польше, сравнивая его с революционными событиями во Франции, и даже намекали на возможность поддержки этого выступления со стороны других держав³⁵.

Пресса революционной Франции в 1793–1794 гг. оказалась в полной зависимости от мнений монтаньярских вождей. Решающее воздействие на общественное мнение оказала программная речь Робеспьера от 17 ноября 1793 г. о внешней политике. «Политика России властно определяется самой природой вещей, – утверждал он. – Эта страна представляет собой соединение жесткости диких орд и пороков цивилизованных народов. Правительство и знать России обладают большой властью и большими богатствами. У них есть вкус, понятие и стремление к роскоши, к искусству Европы, а правят они в суровом климате. Они испытывают потребность в том, чтобы им служили и их восхваляли афиняне, а имеют они подданными татар. Этот контраст в их положении заставил их обратиться к торговле, для приобретения предметов роскоши и искусства, к завоеванию соседних с ними пло-

³² *Journal du soir de politique et de littérature de la rue de Chartres*. № 146. 1793. 14 février.

³³ См.: например: *Garran-Coulon J.-Ph. Recherches politiques sur l'état ancien et moderne de la Pologne appliquées a sa dernière révolution*. P., 1795.

³⁴ См.: *Вульф Л.* Указ. соч. С. 351 и далее.

³⁵ *Journal de la Montagne*. № 12. 19 floréal, an IV (1795. 8 mai).

дородных земель на западе и юге. Петербургский двор стремится эмигрировать из печальных мест, в которых он обитает, в европейскую Турцию и в Польшу, так же как наши иезуиты и наши аристократы эмигрировали из теплого климата Франции в Россию»³⁶. Конечные цели политики русской императрицы, по мнению Робеспьера, грандиозны: «Она много способствовала созданию лиги королей, воюющих с нами, и она одна получает от этого пользу. В то время, когда соперничающие державы разбились о скалу Французской республики, императрица России приберегает свои силы и собирает средства, она с тайной радостью посматривает, с одной стороны, на обширные территории, подвластные оттоманскому господству, и с другой – на Польшу и Германию; и везде она видит легко осуществимые узурпации, или быстрые завоевания. Ей кажется близким момент, когда ее воля станет законом для Европы, по крайней мере, для Пруссии и Австрии, а при разделе земель, к участию в котором она примет двух компаньонов ее высочайших грабежей, кто помешает ей безнаказанно взять себе львиную долю?»³⁷

При освещении восстания в Варшаве 6 (17) апреля 1794 г. журналисты нередко ссылались на слухи или объявляли себя их очевидцами. *Journal de la Montagne* подчеркивала крайнюю жестокость восставших по отношению к русским солдатам, но оставалась на пропольских позициях, сообщая, что гибели избежали только те из солдат, кто смог сбежать из города с генералом Игельстрёмом³⁸. Позднее газета сообщала о том, что перебит был весь русский гарнизон, и, ожидая мести русских, польская столица, словно Париж в июле 1789 г., готовилась к решающим битвам за свободу³⁹. Журналисты предрекали Польше повторение французского пути, а России отводили роль душительницы польской вольности. Несколько позднее, в брюмере III года, газета *Journal de la Montagne* приветствовала успехи восстания, огонь которого перебрósился в Курляндию и докатился до границ Ливонии⁴⁰. После третьего раздела Польши *Moniteur* давал весьма резкую характеристику политике Екатерины в польском вопросе: «Русские достигли высшей степени наглости, присущей тиранам. Не удовлетворившись тем, что

³⁶ Робеспьер М. Избранные произведения. М., 1965. Т. 3. С. 64–65.

³⁷ Там же.

³⁸ *Journal de la Montagne*. № 22. 29 floréal, an II (1794. 8 mai).

³⁹ *Journal de la Montagne*. № 34. 11 prairial, an II (1794. 13 mai).

⁴⁰ *Journal de la Montagne*. № 16. 9 brumaire, an III (1794. 29 novembre).

унизили нацию, разрушили военные силы, заключили в тюрьмы или отправили в Сибирь самых честных и храбрых поляков, они теперь заняты тем, что по частям расхищают эту несчастную страну»⁴¹.

Девятое термидора ознаменовало окончание наиболее утопической и жесткой фазы Революции. Последствия Термидора, разработка новой конституции, переход власти к Директории – все эти изменения во внутрисполитической жизни оказали влияние и на внешнюю политику Франции. Печать термидорианского периода пестрит статьями о России, а в Конвенте наметилась острая полемика по международным проблемам⁴².

Отношение термидорианских лидеров к Российской империи определялось в первую очередь новыми дипломатическими задачами. Весной 1795 г., накануне заключения мирного договора с Пруссией, не прекращались споры о роли России в создании нового политического ландшафта. Успехи Парижа в переговорах (в апреле 1795 г. был подписан мир с Пруссией, в мае – с Голландией, в июле – с Испанией) не слишком изменили отношение к России. Более того, перемены во внешней политике породили на страницах газет и новые фобии. *Moniteur* публиковал новость, со ссылкой на письмо из Туруни, о возможном разрыве между Россией и Пруссией: «Многие новые сообщения заставляют предполагать скорым и неизбежным разрыв между Пруссией и Россией. Это будет война или повод к ее началу... Уже распространился слух о нескольких военных столкновениях между этими двумя державами»⁴³.

Негативное отношение к внешней политике русского кабинета, характерное для жирондистов и монтаньяров, сохранялось в термидорианской прессе. Идея исходящей от России опасности, которая циркулировала в дипломатических кулуарах, получила широкое распространение в обществе и стала одним из инструментов внешнеполитической пропаганды, становившейся все более прагматичной: революционные лозунги сохранялись, но только в качестве драпировки новых интересов Франции, связанных с военно-дипломатическими успехами 1794–1795 гг.

Образ агрессивной России подпитывался все новыми известиями с Востока. Буасси д'Англа с трибуны Национального Конвента напо-

⁴¹ *Moniteur*. № 232. 22 floréal, an III (1795. 11 mai).

⁴² См.: *Сопель А.* Французская революция и Европа. СПб., 1892–1906. Т. 4. Естественные границы. С. 127 и далее. См. об идеологии термидорианцев: *Бачко Б.* Как выйти из Террора? М., 2006. С. 292.

⁴³ *Moniteur*. № 297. 27 messidor III (1795. 5 juillet).

минал о завоеваниях России и призывал все нации Европы сплотиться против союза России и Британии, объединить усилия для борьбы с «наследниками Аттилы»: «Я знаю, мне могут обоснованно возразить, что Российская империя – это колосс на глиняных ногах, что порочность разъедает ее, что рабство лишает ее всякой энергии и движущих сил, что она огромна, но большую часть ее составляют пустыни, и при таких размерах ею очень трудно управлять; что, расширяясь, она тем самым готовит свое падение, и что каждое ее завоевание – это шаг к катастрофе. Я соглашусь со всем этим, но помните: этот гигант, прежде чем самому погибнуть, раздавит и вас! И падет на ваши останки, он не будет расчленен прежде, чем вы будете разорены, рассеяны и раздавлены. Датчане, шведы, немцы, пруссаки, османы, подумайте: время летит, и удар будет ужасен, собирается бурный московитский поток! Аттила приближается во второй раз, и вы погубите себя, если не объединитесь, пока еще есть время на то, чтобы остановить этот опустошающий бич!»⁴⁴ Призывы лидеров Конвента быстро подхватывались газетами, благодаря чему тиражировались на всем пространстве, где распространялась и читалась франкоязычная пресса⁴⁵.

Газета *Moniteur* подробно сообщала о планах России относительно Грузии и Персии. Рассказывая о поддержке, которую императрица намерена была оказать грузинскому царю Ираклию II, покинувшему родину из-за вторжения персов, газета отмечала, что хитрая Екатерина больше заботилась о благе своей страны, нежели о судьбе грузинского владыки⁴⁶. Спустя буквально две недели газета развивала тему: «Экспедиция, планируемая русскими против персидского захватчика в Грузии, на самом деле не более чем предлог, подходящий случай для того, чтобы реализовать замысел с далекими перспективами, направленный против столицы турецкой империи». В подтверждение этому сообщалось, что русские полки, покидая Польшу, направляются вовсе не в сто-

⁴⁴ *Moniteur*. № 133. 13 pluviöse, an III (1795. 1 février).

⁴⁵ Данная речь Буасси д'Англа не только публиковалась отдельной брошюрой, но и вызвала полемическую реакцию: *Epître du vieux cosmopolite Syrach a la Convention Nationale de France contenant l'examen du discours prononcé a la séance du 2 pluviöse de l'an III par citoyen Boissy d'Anglas. En Sarmatie, 1795*; *Mowa o polozeniu politycznym Europy, miana przez Boissy d'Anglas na sessyji konwencyi narodowej. Dnia 6 fructidoru. Roku III R.F. S.l., 1795.*

⁴⁶ *Moniteur*: № 100. 10 nivöse, an IV (1795. 31 décembre). Речь идет о вторжении персидского военачальника Ага-Мохаммед-хана в Грузию, произошедшем осенью 1795 г., в ходе которого был захвачен и разграблен Тбилиси. На самом деле командование русской армией, направлявшейся в Закавказье, было доверено генералу В. Зубову, а не Суворову.

рону Персии, а в Крым и Молдавию⁴⁷. В январе 1796 г. из Петербурга сообщали о том, что вооружается значительная русская эскадра, две русские армии общей численностью около 200 тыс. человек собираются на границах Турции, в то же время еще одна армия движется к Грузии и еще одна находится на шведской границе. Такая демонстрация российской военной мощи заставляла задуматься: «Каковы же планы Екатерины? До каких же пределов простирается ее непомерное честолюбие? Вся Европа об этом знает и вся эта ослепленная Европа ей никак не сопротивляется...», – с досадой заключал корреспондент *Moniteur*⁴⁸. Цитируемый пассаж из статьи в *Moniteur* не был случайным мнением рядового редактора. Как и во множестве других случаев, он был частью памфлета, написанного чиновником министерства внешних сношений Французской республики неким Гиродом и, следовательно, отражал мнение Директории⁴⁹.

Смерть Екатерины II совпала по времени с очередным ухудшением француско-российских отношений. Новый «восточный барьер», идея которого витала в дипломатических кругах при Директории, должен был возводиться против России, призванный защитить цивилизованную Европу от «наводнения варварами». По мысли творцов этой концепции, Франция должна окружить себя державами, способными удерживать в своих пределах поток, который угрожает разлиться по Европе, сдерживать рост Российской империи, которая неизбежно должна погибнуть из-за своего собственного расширения, но останки которой могут «раздавить Европу»⁵⁰. Вступление же России в открытое военное противостояние с Францией позволило без оговорок включить ее наряду с Австрией и Англией в число «непримиримых врагов республики».

В период Египетской экспедиции Бонапарта, летом 1799 г., художник и политик Жак-Луи Давид в обширной статье в *Moniteur* «О возможном завоевании Османской империи Бонапартом», обсуждая тему расчленения Порты и русской экспансии в Европу, выражал надежду на то, что Бонапарт продолжит свой поход и двинется прямо на Константинополь, чтобы, захватив древний восточный город, «повергнуть в ужас» Вену и Петербург. Это позволило бы разрушить планы господства России на

⁴⁷ *Moniteur*. № 111. 21 nivôse, an IV. (1796. 11 janvier).

⁴⁸ *Moniteur*. № 121. 1 pluviôse, an IV (1796. 21 janvier).

⁴⁹ *Memoire sur la Russie par le citoyen Guiraudet (décembre 1796)* // Archives Ministère des Affaires étrangères (далее – ААЕ). Mémoires et documents. Russie. T. XXXV. F. 101–106.

⁵⁰ *Rapport de Talleyrand du 2 floréal an VII (1799. 21 avril) sur les propositions du c-en Gutin* // ААЕ. Mémoires et documents. Russie. T. 31. Doc. 53. F. 388 v.

Босфоре и оживить очаги сопротивления деспотизму на севере и юге Европы. Особые надежды автор статьи возлагал на Польшу: «Кто знает, возможно, и Польша, увидев реюющие стяги свободы, опять поднимет знамя восстания против тиранов?»⁵¹

Пока парижские газеты соперничали в описаниях коварных завоевательных планов русского царя, якобы мечтавшего подчинить своей власти лучшие земли Европы, влияние России существенно возросло не только на суше, но и на море. Из Петербурга, Неаполя, Триеста, Венеции во франкоязычные газеты Голландии и Германии регулярно поступали известия о победах русского и русско-турецкого флота, а после взятия Корфу – и о первых шагах Республики семи островов. Следуя тексту официальных русских газет и с приведением цитат из них, сообщалось о взятии греческих островов Зант и Кефалония⁵². О героическом штурме русско-турецкой эскадрой французских укреплений на о. Кефалония и о. Санто-Мауро беспристрастно с сухим перечислением числа погибших, раненых и взятых трофеев рассказывала лейденская газета⁵³. В целом, Средиземноморская экспедиция Ф.Ф. Ушакова не менее, чем Итальянский и Швейцарский походы Суворова, привлекали внимание французской прессы и послужили доказательством наличия у России планов по продвижению в Европу.

В атмосфере политических, социальных потрясений и военных конфликтов прогрессистский миф о России, прочно связанный во французском сознании с мифом о фигуре, олицетворявшей его, – Петре I, обернулся своей противоположностью. В условиях противостояния между Францией и монархической Европой появился текст, впоследствии получивший название «Завещание Петра Великого», – новый миф, отразивший чувства вражды и страха перед «угрозой с Севера». Документ был создан в среде польских эмигрантов в последние годы XVIII в.,⁵⁴ и хотя полностью его опубликовал Ш. Лезюр

⁵¹ *Moniteur*. № 279. 9 messidor, an VII (1799 27 juin).

⁵² *Gazette de Leyde*. № XIV. Supplement. 1799. 15 février.

⁵³ *Ibid.*

⁵⁴ Историю создания «Завещания» см. в: *Борисовский Б.* Водевиль с подлогом // История. Научно-популярные очерки. М., 1985; *Данилова Е. Н.* «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института. 1946. Т. 2. С. 203–270; *Козлов В. П.* Тайны фальсификации. М., 1994. С. 77–89; *Мезин С.А.* Взгляд из Европы... С. 171 (и далее); *Павленко Н.И.* Три так называемых завещания Петра I // ВИ. 1979. № 2. С. 142–143; *Сироткин В. Г.* Наполеоновская война перьев против России // НиНИ. 1981. № 1. С. 143–144; *Яковлев Н.* О так называемом «завещании» Петра Великого // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 130; *Sokolnicki M.* Le Testament de Pierre le Grand (Origines d'un pré-

только в 1812 г.,⁵⁵ в нем отразились представления о «русской угрозе», распространенные во Франции именно на рубеже XVIII – XIX вв.

В общественном сознании 1799 г. доминировали стереотипы «полуварварской» России, грозящей вот-вот выплеснуть свои «орды» на плодородные земли Европы. В период Итальянского и Швейцарского походов австро-русских войск вчерашние размышления дипломатов обрели форму пропагандистских клише. Россия оставалась для французов не только «воображаемой» но и, в целом, «чужой» страной⁵⁶. С самого начала военной кампании 1799 г. французская пресса описывала продвижение войск коалиции как повторение древних варварских нашествий на Европу. Генерал Бернадот в воззвании к народу Германии, опубликованном в Мангейме, призвал объединиться для борьбы с общим врагом: «Присоединяйтесь к нам, немцы, поднимайтесь на бой с Австрией, поднимайтесь на бой с северными варварами, которые хотят наводнить вашу территорию»⁵⁷.

Депутат М.-Ж. Шенье обратил свой гнев против коварной политики Австрии и примкнувшей к ней России, подчеркивая внутренние противоречия «нелепой» коалиции: «...О, чудовищная война! Позор и бесчестье нашего философического века! Нелепая коалиция нескольких тиранов, столь известных своим безумием! Англия, превозносящая свой дух свободы, поднимается за дело деспотизма, наследник Магомета – за восстановление христианской веры, а император, исповедующий православие, провозгласил себя великим магистром католического ордена и хочет способствовать процветанию папского трона! Глупый осман шагает под одними знаменами со своими непримиримыми врагами, он забыл о своих сожженных флотах, своих некогда густонаселенных городах, разрушенных и утопленных в крови русскими, жаждущими резни, о намерениях московитов, которые уже около ста лет угрожают стенам, построенным Константином!»⁵⁸

tendu document historique) // Revue de sciences politiques. 1912. Т. 27. № 1. P. 88–98; Blanc S. Histoire d'une phobie: le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1968. Vol. 9, № 3–4. P. 265–293; Jourdan E. Le Testament apocryphe de Pierre le Grand, Universalité d'un texte (1794–1836) // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. № 18. Printemps 2004.

⁵⁵ Lesur Ch.L. Des progrès de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. P., 1812. P. 176–179.

⁵⁶ См. например памфлет времен Швейцарской кампании 1799 г.: [Fornerod]. Coup d'oeil sur l'état actuel de la Russie envisagée sous ses rapports physique, moral, économique, politique et militaire ou les Russes tels qu'ils sont. Par un ami de la Verité. Lausanne, 1799.

⁵⁷ Moniteur. № 192. 12 germinal, an VII (1799. 1 avril).

⁵⁸ Moniteur. № 265. 25 prairial, an VII (1799. 13 juin).

По мере приближения русских войск к границам Франции пресса анализировала и стратегию русского кабинета. В политике российского правительства усматривали наличие плана, сходного с «Завещанием Петра Великого»: «Вступление русских в Германию не может рассматриваться как простой каприз Павла I. Оно входит в широкий план, который начал разворачиваться в 1779 г., после заключения мира в Тешене... Сегодня Россия стремится заменить Францию в ее прежней роли гаранта и защитницы германской конституции»⁵⁹. Заметим, что стремительный бросок российской армии в Европу журналисты расценивали не только как поход против Франции и ее завоеваний в Италии, но и как агрессию против французских интересов в немецких землях.

Неоякобинцы в связи с приближением австро-русской армии добивались объявления «отечества в опасности». В клубе Манежа заявляли о грядущей «варварской» угрозе, возможной реставрации и гражданской войне. «В то время как роялизм заносит повсюду смертоносный клинок над головой республиканцев, Вандея возродилась из пепла, все земли между Гаронной и Пиренеями терзаемы распрями гражданской войны, – заявлял в клубе генерал Ожеро. – Тулуза, атакованная королевской армией, в то мгновение, когда я здесь выступаю, быть может, уже охвачена резней, и вторая Вандея распространяет свое опустошительное влияние на все южные департаменты, угрожая передать в руки кровожадных северных варваров эту лучшую часть империи!»⁶⁰

Таким образом, различные политические группы на протяжении десяти лет Революции, каждая на свой лад, использовали жупел «русской угрозы» для достижения собственных внутривнутриполитических и сиюминутных дипломатических задач, а газеты служили для трансляции различных политических установок. После выхода России из войны и из Второй коалиции страх перед вторжением русских во Францию постепенно отступил. В газетах даже появлялись сообщения о трудностях, которые испытывали русские войска в прошедшую кампанию, особенно в Швейцарии. Подобные публикации готовили почву для будущего примирения Парижа с Петербургом. Однако созданная в период Революции концепция «русской угрозы» будет еще не раз подниматься на щит французской прессой на протяжении следующих пятнадцати лет.

⁵⁹ *Moniteur*. № 337. 7 fructidor, an VII (1799. 24 août).

⁶⁰ *Moniteur*. № 333. 3 fructidor, an VII (1799. 20 août).

Россия и Франция: от войн к союзам

С первых же дней после прихода к власти Наполеона Бонапарта пропагандистская политика начала меняться. Текущее международное положение стали оценивать гораздо менее эмоционально, важнейшим принципом подачи информации стало соблюдение видимости беспристрастности. Некоторые особо значимые события старались даже освещать с двух сторон. Например, при описании крупных сражений газеты публиковали не только официальный бюллетень наполеоновской армии, но и донесение командующего армии противника. Но этот второй источник, как правило, старались подать таким образом, чтобы информация, исходящая от противника, только подтверждала истинность официальной точки зрения.

С первых месяцев правления Первому консулу пришлось заняться продолжающейся войной против Второй коалиции. После выхода из нее России главным противником на поле боя стала Австрия, чьи войска были усилены контингентами из ряда германских государств. Внешняя политика Бонапарта была направлена на то, чтобы как можно надежнее оторвать Россию от бывших союзников и даже, возможно, заключить с ней союз. Ради того, чтобы сблизиться с императором Павлом I, Наполеон даже готов был согласиться на подготовку совместного похода против Индии, хотя в реальность осуществления такого замысла он едва ли верил⁶¹.

В общественном мнении эпохи Консульства вновь возродился интерес к России как к возможному партнеру по торговле и внешней политике. Этот интерес выражался, в частности, в появлении сочинений, посвященных русской литературе и словесности. Переведенные тогда же на французский язык труды о России английских и немецких писателей рисовали гораздо более положительный образ этой державы, чем тот, который сложился в общественном мнении Франции к 1800 г.⁶² Не остались, впрочем, в стороне и французские авторы. Всплеск исторической публицистики о России приходится именно на период Консульства: дипломаты, литераторы и путешественники вновь открывали соотечественникам российскую действительность и вновь обсуждали

⁶¹ Подробнее см. *Безотосный В.М.* Наполеоновские планы Павла Петровича: несостоявшийся геополитический проект века // *Родина*. 2008. № 7. С. 45–51.

⁶² *Corbet Ch.* L'ère de nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe. P., 1967. P. 55–56.

идею необходимости союза с Россией, высказанную в предыдущие десятилетия⁶³. Официальная точка зрения французского МИД была не единственной, с которой могли ознакомиться читатели. Порою и частные мнения появлялись на страницах газет, причем весьма «вовремя». В июне 1802 г. польский эмигрант П. Малекевский настаивал в *Mercur de France* на срочной необходимости заключить с Россией особый договор о черноморской торговле. По его мнению, Франция благодаря своим особым отношениям с русским двором и сильным кредитным учреждениям сможет извлечь для себя немалую выгоду, так как теперь только Россия располагает на Черном море сильным флотом. Вместе с тем польский автор предлагал направить все усилия по налаживанию франко-русской торговли не французскими, а польскими товарами, которые, дескать, выгодно доставлять через Украину и Молдавию в черноморские порты и далее во Францию⁶⁴. Наконец, изменился тон сообщений о России в официальной печати: критика российского императора осталась в прошлом, теперь газета *Moniteur* старалась подчеркнуть его достоинства. Публиковалось немало красноречивых статей с одобрением действий царя и его министров, а негативная роль оставалась за Англией, которая в качестве вероломного и лукавого союзника убеждает царя «не отказываться от планов окружения Европы, присоединить к владениям в Крыму венецианские острова, даже Константинополь, Мальту, Минорку»⁶⁵. Распад Второй коалиции действительно послужил причиной для переговоров между Россией, Пруссией и Англией, но исход их не был predetermined, и потому в прессе появлялись публикации с неожиданными прогнозами: «Утверждают, как сообщает *Таймс*, что генерал Дюмурье представил императору России план четверного альянса в составе России, Франции, Испании и Пруссии. По этому договору будет предусмотрено, что прусский король станет обладать Нидерландами, Голландией, даже городом Гамбургом, отказавшись от своих приобретений в Поль-

⁶³ *Eshasseriaux (ainé)*. Tableau politique de l'Europe au commencement du XIXe siècle et moyens d'assurer la durée de la pays générale. P., an X (1802); *Fortia de Piles A.* Examen de trois ouvrages sur la Russie. Voyage de M. Chantreau. Révolution de 1762. Mémoires secrets. Par l'auteur du voyage de deux français au Nord de l'Europe. P., 1802; *Hauterive, A.-M. B. d'*. De l'Etat de la France, à la fin de l'an VIII. P., an IX; *La Messeliere*. Voyage à Petersbourg ou nouveaux mémoires sur la Russie. P., 1803; *Maréchal P.-S.* Histoire de la Russie, réduite aux seuls faits importants. L.-P., 1802; *Masson Ch.* Mémoires secrets sur la Russie. T. 1–4. P., 1800–1803.

⁶⁴ *Mercur de France*. № XLVIII. № 25. Floréal, an X. (1802. 15 mai).

⁶⁵ Journal de Paris. № 134. 4 pluviôse, an VII (1800. 24 janvier). P. 598.

ше, а Польское королевство будет восстановлено и великий князь Константин, второй сын Павла, станет его королем, царь уступит ему место великого магистра Мальтийского ордена, французы сохранят Мальту, а Корсику передадут России, что границы Франции будут окончательно установлены по левому берегу реки Рейн... Этот проект очень заинтересовал Павла, который назначил Дюмурье генерал-майором кавалерии и выделил ему пенсию в 10 000 рублей. Дюмурье по поручению Павла отправлен с миссией в Лондон и сейчас уже прибыл в Нижнюю Саксонию»⁶⁶. С радостью парижская пресса сообщала весной 1800 г., что по сведениям гамбургских газет удача отвернулась от английской дипломатии и Павел более не собирается идти навстречу предложениям лондонского кабинета⁶⁷. *Moniteur* зорко следил за придворными новостями, приветствуя отставку англофила вице-канцлера Н.П. Панина, и провал миссии английского военного представителя в российской столице⁶⁸. Альманах *Mercure de France* преподносил это событие и временную смену ориентиров в международной политике России как дипломатический переворот, хотя и указывал на личный фактор, т.к. «Панин слишком охотно выполнял просьбы английских коммерсантов»⁶⁹. С нескрываемым удовольствием *Moniteur* сообщал как о скором и неминуемом факте об отъезде из российской Митава Людовика XVIII со свитой и об очевидных раздорах между Венским и Петербургским дворами⁷⁰. Газета подчеркивала, что несмотря на «ужасные предубеждения», которые русский император испытывал раньше по отношению к французам, в своем теперешнем негодовании против австрийцев он готов даже пойти на заключение мира с Бонапартом⁷¹.

Наполеон Бонапарт с первых дней своего правления задумался о возможном союзе с Россией, гарантировавшем крах Второй антифранцузской коалиции и сулившем немало выгод в сфере международных отношений. Первый консул при поддержке Петербурга желал создать антианглийский союз, который бы втянул в свою орбиту государства не только Европы, но и Америки. В этом случае открылись бы

⁶⁶ *Journal de Paris*. № 237. 27 floréal, an VIII (1800. 17 mai).

⁶⁷ *Moniteur*. № 209. 29 germinal, an VIII (1800. 19 avril).

⁶⁸ *Moniteur*. № 212. 2 floréal, an VIII (1800. 22 avril).

⁶⁹ *Mercure de France*. № 14. 16 nivôse, an IX. (1801. 06 janvier).

⁷⁰ *Moniteur*. № 298. 28 messidor, an VIII (1800. 17 juillet).

⁷¹ *Moniteur*. № 212. 2 floréal, an VIII (1800. 22 avril).

перспективы вытеснения англичан из Азии и Индии. Он размышлял и о разделе османских владений между Францией и Россией, подчеркивая, что если Павел направит свои взгляды в эту сторону, их «интересы станут общими»⁷². В подобном заявлении видно то же стремление занять Россию войной подальше от границ Франции, только раньше журналисты писали об этом как о своем желании, теперь же Бонапарт пытался, опираясь на наладившиеся отношения с Россией, реализовать идею на практике.

По-прежнему критическим оставалось отношение к России в лагере республиканцев: язвительный юмор, гротеск и заявления о «русском варварстве» и «деспотизме» еще долго не исчезали со страниц левой, но уже далекой от прежнего радикализма, газеты *Journal des hommes libres de tous les pays*⁷³. Здесь сообщали, например, о том, что в России резко уменьшилось число типографий, и подчеркивали, что «так и должно быть в стране, где боятся прогресса просвещения»⁷⁴. Доставалось и русскому императору, провозгласившему себя магистром Мальтийского ордена: газета сообщала о том, что даже друзья по коалиции не желают признавать за православным монархом этого титула, и рассказывала читателям едкие анекдоты о «сумасбродствах» русского царя⁷⁵. Неудивительно, что Бонапарту и его окружению, считавшим заключение союза с Россией важнейшей задачей французской дипломатии, требовались немалые усилия для того, чтобы склонить общественное мнение Франции в пользу подобного изменения внешнеполитического курса страны.

Таким образом, идеологи политики Консульства пытались строить позитивный образ России как возможной союзницы Франции при помощи традиционных и в целом негативно окрашенных стереотипных представлений о Российской империи, существовавших еще с середины

⁷² Correspondance de Napoléon. P., 1861. Т. 6. P. 326. Наполеон интересовался самыми свежими данными о состоянии русских финансов, армии, флота, численности населения страны и, в частности, крупных городов. Эти сведения поступали к нему из министерства иностранных дел. – Ibid. P. 520.

⁷³ Республиканская *Journal des hommes libres de tous les pays*, являла собой полную противоположность квазиофициальному *Moniteur*. Однако власти оказывали на нее день за днем все большее давление, и к концу VIII г. новости о России в газете почти вовсе перестали появляться. См.: Fajn M. Le «Journal des hommes libres de tous les pays» // AHRF. 1975. № 220. P. 273–288.

⁷⁴ *Journal des hommes libres*. № 57. 3 pluviôse, an VIII (1800. 23 janvier).

⁷⁵ *Journal des hommes libres*. № 112. 28 ventôse, an VIII (1800. 19 mars).

XVIII в. Отличие было лишь в том, что теперь вместо устаревшей идеи сдерживания российской экспансии при помощи «восточного барьера» предлагали заключить союз с Российской империей, сохраняя при этом в душе прежний страх перед «северным колоссом». Повинуясь воле Первого консула, французские газеты на все лады старались обосновать военный, политический и торговый союз с Россией⁷⁶.

Изменение концепции «русской угрозы» в эпоху правления Наполеона

После смерти Павла I внешняя политика Франции в отношении России не претерпела заметных изменений⁷⁷. Осенью 1801 г. французская пресса сообщила о заключении мира между Республикой и императором Александром. Бонапарт на страницах печати сожалел о преждевременной кончине Павла, «который любил Францию и хотел мира в Европе, а особенно соблюдения свободы на море... Но теперь мир подписан и ничто не поколеблет отношений двух великих народов»⁷⁸. Правда, переговоры о заключении союза, направленного на сдерживание Англии, были отложены, но в остальном Россия по-прежнему рассматривалась как потенциальный союзник, и газеты, уже почувствовавшие на себе тяжелую руку нового правителя, продолжали писать о России с умеренно благоприятных позиций.

В период между войнами против Второй и Третьей коалиций французская пресса уделяла очень большое внимание перипетиям внешней политики. Газеты публиковали подробные отчеты о переговорах с Англией сначала о заключении мира, затем по вопросам, связанным с соблюдением всеми сторонами условий Амьенского договора. России в выстраивании новых конфигураций во внешней политике отводилась очень заметная роль.

⁷⁶ Та же тенденция прослеживается не только в центральных парижских изданиях, но и в армейской прессе. См.: Пруская Е.А. Образ России в прессе Восточной армии Бонапарта // НиНИ. № 4. 2012. С.176–182.

⁷⁷ Комментарии парижских изданий о смерти Павла I и восшествии на престол Александра I отражали официальную позицию русского двора, но явно указывали на Лондон в поисках виновников смерти царя: «Еще неизвестны подробности этой столь неожиданной и скоротечной смерти. Вот что читают в официальной газете за 25 жерминаля: “Павел умер в ночь с 24 на 25 марта!!! Английская эскадра прошла через Зунд 31-го!!! История еще покажет нам, как были связаны эти два события!!!”» (См. *Mercure de France*. № 21. 1 Floréal, an IX).

⁷⁸ *Mercure de France*. № 23. 1 Brumaire ,an X (1801. 23 octobre).

В начале 1803 г. Россия пыталась выступить как посредник в переговорах между Францией и Великобританией по вопросам, связанным с выполнением обеими сторонами условий Амьенского мира. Ключевым стал спор о принадлежности о. Мальта. По условиям Амьенского мира власть на Мальте должна была быть возвращена англичанами Мальтийскому ордену, но и к началу 1803 г. они ничего не сделали для передачи острова ордену. Отдавать такую стратегически важную базу англичане не собирались, они даже готовы были за это пожертвовать наследственными владениями английских королей в Ганновере, что было весьма разумным выбором, так как сил для защиты немецких владений у Великобритании было явно недостаточно, а вот Мальту у них отбить было бы крайне затруднительно. Россия выступала в этом вопросе еще одной заинтересованной стороной: поскольку в 1798 г. верховным магистром Мальтийского ордена стал Павел I, который гарантировал рыцарям независимость их государства, для Александра I было вопросом чести отстоять интересы рыцарей. Кроме того, у России также была собственная военная база в Средиземноморье – Республика семи островов. В случае войны России было бы непросто удерживать эту удаленную базу, а наличие неподалеку опорного пункта Великобритании противоречило интересам России. Переговоры по всем этим вопросам проходили в очень напряженном темпе, и газеты старались уследить за каждым их шагом. *Moniteur* сообщал о каждой встрече русского посла в Англии с министром иностранных дел этой страны⁷⁹, а также публиковал отчеты о дебатах в английском парламенте на эти темы⁸⁰.

Россия в тот момент была важным потенциальным союзником для Франции, поскольку обладала значительным военным флотом, а после бомбардировки Копенгагена для многих европейских государств вопрос о защите от нападений с моря стал чрезвычайно актуальным. Именно поэтому с таким вниманием французы отнеслись к походу российской эскадры в Росток⁸¹. Подобными сообщениями у французского читателя поддерживали представление о России как о сильном с военной точки зрения государстве, хотя на деле российский флот в начале XIX в. значительно уступал английскому и едва ли мог слу-

⁷⁹ См., например: *Moniteur*. № 297. 27 messidor, an XI (1803. 16 juillet).

⁸⁰ *Moniteur*. № 261. 21 prairial, an XI (1803. 10 juin).

⁸¹ *Moniteur*. № 313. 13 thermidor, an XI (1803. 1 août).

жить надежной защитой для прибрежных портов в случае атаки со стороны англичан.

Большой интерес проявляли газеты к развитию в России торговли и промышленности. Сообщалось о стимулировании российским правительством развития пивоваренной промышленности⁸², поддержке пострадавших от неурожая районов Новороссии путем отмены части налогов⁸³, а также об успешном строительстве речных каналов, которые способствовали развитию внутренних путей сообщений в империи⁸⁴.

В 1804–1805 гг. с помощью прессы Наполеон пытался дезориентировать англичан и их возможных союзников на континенте относительно предназначения войск, стоящих в лагерях на побережье Ла-Манша. Распускались слухи о том, что войска могут быть направлены на Гаити или в Индию. И если большой интерес прессы к событиям в Карибском бассейне объясняется длительными экономическими связями с этим регионом и той ролью, которую играла торговля с островами до Революции, то интерес к Индии и происходящим там столкновениям английских войск с Маратхской конфедерацией мог навести на мысль, что французы собирают сведения о будущем театре военных действий. Небывалой для периодической печати акцией стала публикация специального приложения к номеру *Moniteur* от 16 прериаля XIII года на 33 газетных страницах писем маркиза А. Уэлсли, будущего герцога Веллингтона, командовавшего войсками в Индии⁸⁵.

Поскольку Наполеон готовился к операции против Англии, никакой пропагандистской подготовки к войне против Австрии и России не велось, так как даже если подобная война и не исключалась полностью, император французов хотел сперва добиться своей главной цели – нанести поражение Великобритании, а потом уже выяснять отношения на континенте. Заняв осторожную позицию по отношению к России, Наполеон предпочитал умалчивать в прессе о неприятных для Парижа фактах и заниматься сбором сведений, которые могли бы пригодиться позднее. К примеру, *Mercur de France* публиковал оптимистичную для Парижа новость «С берегов Майна» (неточная ссылка иногда означала, что сообщение откорректировано в одном из парижских ведомств): «Переговоры, начатые с целью сближения между Францией и Россией,

⁸² *Moniteur*. № 104. 14 nivôse, an XI (1803. 4 janvier).

⁸³ *Moniteur*. № 136. 16 pluviôse, an XI (1803. 5 février).

⁸⁴ *Moniteur*. № 146. 26 pluviôse, an XI (1803. 15 février).

⁸⁵ *Moniteur*. № 256, 16 prairial, an XIII (1805. 5 juin).

продвигаются гораздо медленнее, чем ожидалось. Добавляют, что император Александр, кажется, желает, чтобы европейские дела решались на всеобщем конгрессе с участием всех европейских держав»⁸⁶. Наполеону нельзя отказать в трезвой оценке ситуации: в октябре 1804 г., давая указания министерству полиции о публикациях в газетах, он замечал: «В целом русский двор обладает скорее высокомерием, чем склонностью к интригам, и более тщеславием, нежели умом. Интриги же, которые имеют место, относятся только к чиновникам второго ряда, которые подкуплены англичанами и эмигрантами». Император французов требовал от министра полиции Ж. Фуше направить агента в Вильно, чтобы проследить за путешествиями, встречами и связями графа Лилльского в России⁸⁷.

Сам император не только давал указания Фуше, а затем и его премнику Савари о том, какие материалы о России необходимо печатать в газетах, но и на какой «источник» следует сослаться. Так, например, в августе 1804 г. он писал министру полиции, что «записки, которые вы мне передали относительно немощи России, составлены весьма рассудительным человеком... и я заметил одну вещь, которую очень редко встречаю в подобного рода сочинениях, ибо в нем нет ни слова, которое я бы мог осудить, и написано оно весьма легко. Сообщите мне имя автора. Я возвращаю вам эти записки, чтобы вы напечатали их в газете как перевод из английской газеты. Выберите для этого одну, имя которой малоизвестно...»⁸⁸ Ссылка на английскую печать (выдержки из которой при парижском дворе читали регулярно) придавала публикациям в официозе оттенок достоверности.

Тем временем создание Третьей антифранцузской коалиции было оформлено подписанием русско-английского союзного договора от 11 (23) апреля 1805 г., но император французов все еще рассчитывал внести разлад в ряды своих противников и потому в конце мая 1805 г. требовал от Фуше не менее изящных приемов пропаганды: «Прикажите напечатать в газетах побольше писем, якобы пришедших из Санкт-Петербурга и утверждающих, что французов там принимают наилучшим образом, двор и город ощущают необходимость сближе-

⁸⁶ *Mercur de France*. № 192. 18 ventôse, an XII (1804. 9 mars).

⁸⁷ Lettre à Fouche. 16 vendémiaire an XIII. 08.10.1804 // *Correspondance générale de Napoléon*. T. 4: Ruptures et fondation, 1803–1804. P., 2007. P. 929. (№ 9339).

⁸⁸ Lettre de Napoléon à Fouché, ministre de la police générale. 10 fructidor an XII [28 aout 1804] // *Ibid*. P. 840 (№ 9147).

ния с ними, что все убеждены: английская алчность есть истинная причина продолжения войны и, наконец, что на англичан смотрят хмуρο, а проект коалиции провалился, во всяком случае, Россия никак не собирается в нем принимать участие, далека от того, чтобы вмешиваться в него за свой счет каким-либо прямым и эффективным образом»⁸⁹.

Однако планы Наполеона были нарушены, и уже в октябре 1805 г. он начал войну против войск Третьей коалиции на территории Германии и Италии. В первых сообщениях об открытии боевых действий главным виновником войны объявлялся император Франц⁹⁰. Но уже в 9-м бюллетене Великой армии со ссылкой на генерала Макка вина за начало войны перелагалась на Россию, которая якобы заставила Австрию подписать союзный договор⁹¹. Такое изменение в пропагандистской политике было связано в том числе и с тем, что после поражения Макка Австрия уже не могла единолично вести войну против Франции и боевые действия продолжались исключительно благодаря присутствию на полях Германии армии Кутузова и ожиданию подкреплений из России. Таким образом, империя Александра I с ее бескрайними просторами и огромными ресурсами становилась главным препятствием на пути к миру, поэтому французская пресса начала понемногу актуализировать стереотипные представления о русской угрозе, немного забытые после походов Суворова. Но поскольку французские войска вели наступление в глубь территории противника и не было необходимости в мобилизации всех сил империи на борьбу с врагом, поэтому тон сообщений о русской армии был не столь резким, как в предыдущую кампанию.

В начале войны 1805 г. газеты довольно подробно следили за перемещениями русских войска на территории Российской империи, и их сведения были весьма точны. Так в *Journal de l'Empire* от 23/24 сентября 1805 г. сообщалось об отправке 30-тысячного корпуса в Ревель для того, чтобы на судах переправить их в шведскую Померанию. В дальнейшем газеты следили за продвижением основных русских сил

⁸⁹ Lettre de Napoléon a Fouché, ministre de la police générale. 6 prairial an XIII [26 mai 1805] // Correspondance générale de Napoléon. T. 5. Boulogne, Trafalgar, Austerlitz. 1805. P., 2008. P. 346 (№ 10133).

⁹⁰ *Moniteur*. № 21, 21 vendémiaire, an XIV. (1805. 13 octobre); № 22. 21 vendémiaire, an XIV (1805. 13 octobre).

⁹¹ *Moniteur*. № 34. 4 brumaire, an XIV (1805. 26 octobre).

через польские земли. Основным источником таких сведений, видимо, выступала европейская пресса, хотя точные ссылки на газету, из которой взята информация, встречаются не всегда.

В период войн 1805–1807 гг. французская пропаганда целенаправленно противопоставляла русских их союзникам. Во время кампании 1805 г. бюллетени пестрели заявлениями о грабежах со стороны русских войск и о недовольстве подданных императором Францем, который привел таких союзников, что наносят значительный ущерб землям германских государств: постоянно грабят, жгут и убивают. Уже в октябре 1805 г., когда кампания еще, по сути, только начиналась, 9-й бюллетень утверждал, что австрийские офицеры недовольны соседством с русскими войсками. Они считали, что нельзя было направлять в сердце Европы представителей народа, привыкшего жить в отсталой стране⁹². Затем в 14-м бюллетене уже сообщалось о грабежах мирного населения русскими войсками⁹³, а в 17-м утверждалось, что в районе Ламбаха и Риеля русские опустошили все и в некоторых деревнях убили 8 из 10 крестьян⁹⁴. Когда австрийскому императору пытались жаловаться на поведение русских войск, он якобы лишь заметил, что не отвечает за них, а его (австрийские) войска ведут себя спокойно⁹⁵.

Недовольство русскими, как следует из опубликованных в прессе бюллетеней, высказывали не только крестьяне, которые могли страдать от реквизиций всех армий, но даже и более состоятельные слои общества. Так, в ноябре 1805 г. один только слух о победах русских армий вызвал в уже занятой французами Вене панику⁹⁶. После Аустерлицкого сражения, когда кампания фактически закончилась, сообщалось о том, что крестьяне Моравии повсюду убивают оставшихся русских, если встречают их поодиночке, из-за чего императору французов приходится высылать конные разъезды, которые должны противостоять этим казням⁹⁷.

Во время зимней кампании 1806 г. сообщений о грабежах стало меньше, но больше усилий французская пропаганда стала тратить на

⁹² Ibid.

⁹³ *Moniteur*. № 47. 14 brumaire, an XIV (1805. 8 novembre).

⁹⁴ *Moniteur*. № 50. 20 brumaire an XIV (1805. 11 novembre).

⁹⁵ *Moniteur*. № 54. 24 brumaire, an XIV (1805. 15 novembre).

⁹⁶ *Moniteur*. № 67. 7 frimaire, an XIV (1805. 28 novembre).

⁹⁷ *Moniteur*. № 92. 2 nivôse, an XIV (1805. 23 decembre).

распространение представлений о разногласиях между союзниками. *Moniteur* сообщал посредством бюллетеней об этих разладах. Так, 41-й бюллетень от 14 декабря 1806 г. сообщал, что около деревни Брок дезертировал целый батальон, состоявший из поляков и пруссаков, сдавшиеся в плен солдаты якобы были возмущены отношением к ним со стороны союзников и считали, что король продал их русским⁹⁸. При этом не уточнялось, в чем именно состояло плохое отношение со стороны русских к своим союзникам. Специальная ссылка на то, что в составе этого батальона были поляки, должна была свидетельствовать о поддержке французов со стороны этого народа. Бюллетень № 44 утверждал, что у пруссаков дезертируют целые колонны, чтобы не быть в подчинении у русских⁹⁹. Идея о том, что русские были инициаторами войн Третьей и Четвертой коалиции, повторилась затем и в 1812 г. В так называемом «Ответе немца» на листовку Баркляя де Толли с призывом к немецким контингентам покинуть ряды Великой армии содержалось прямое обвинение России в том, что именно она втянула Пруссию в войну в 1806 г. и потому виновата во всех бедах Пруссии¹⁰⁰.

Зимой 1806–1807 гг. французская армия испытала все возможные трудности, связанные с ведением кампании в условиях зимы, и потому пресса старалась опровергнуть в своих сообщениях опасения родственников участников кампании, а также информацию о трудностях похода, которые могли доходить до Франции в частных письмах из армии. Так, в газетах часто публиковались сообщения о значительных запасах продовольствия, обнаруженных на оккупированной территории Пруссии, а все передвижения Великой армии в декабре-январе связывались с устройством зимних квартир¹⁰¹.

Поскольку война против Четвертой коалиции затягивалась, пресса освещала и внутреннее положение России в связи с этой войной. В частности, французы публиковали сообщения о проводимых в России рекрутских наборах, которые основывали на указах императора Александра. 7 января 1807 г. *Moniteur* со ссылкой на *Journal de Paris* сообщала о дополнительном наборе одного ратника с 500 мужских душ, в дополнении к ранее объявленному набору 4 человек с 500. При этом

⁹⁸ *Moniteur*. № 359. 1806. 25 decembre.

⁹⁹ *Moniteur*. № 3. 1807. 3 janvier.

¹⁰⁰ *Moniteur*. № 221. 1812. 8 août.

¹⁰¹ См., например: *Moniteur*. № 16. 1807. 16 janvier.

уточнялось, что были ослаблены требования к призывникам, минимальный рост снижен на полвершка (сколько это в понятных французам величинах – газета не уточняла), а возраст потенциального солдата повышен до 36 лет. Отмечалось, что указ можно будет выполнить только в европейской части империи и результаты скажутся не ранее, чем через три месяца¹⁰². Поспешность, с которой Александр издавал указ о дополнительном наборе, должна была показать, что русская армия находится не в лучшем состоянии, а тот факт, что армия получит подкрепление только через три месяца, вселял надежду, что французы сумеют закончить войну до этого момента. Кроме того, читатели, вероятно, понимали, что солдат без боевого опыта является менее опасным противником, чем закаленные в боях ветераны.

На протяжении войны против Четвертой коалиции в прессе подчеркивалось неустойчивое положение в самой России в связи с ее участием в боевых действиях. Так, *Moniteur* сообщал о том, что российская торговля терпит бедственное положение, торговцы с трудом избегают банкротства¹⁰³, о принятии очень строгих мер, запрещающих любые политические дискуссии¹⁰⁴, о жестком законе против иностранцев в России и союзников Франции, которые должны были либо покинуть страну, либо поклясться в отсутствии связей с родиной¹⁰⁵.

Кроме того, в негативном для России ключе освещались ее кампании против Османской империи и Персии. Так, в № 21 *Moniteur* от 21 января 1807 г. в новости из Константинополя говорилось о том, что российские агенты распускают слух о якобы скором заключении мира между двумя державами. Однако, как говорилось в заметке, Порты не собиралась мириться со своим заклятым врагом, более того, в статье описывалось незавидное положение России, из-за своих амбиций вынужденной сражаться сразу с тремя державами – Османской империей, Персией и Францией. В то же время в заметке подчеркивался дружеский характер отношений между французами и османами. Почти весь № 84 *Moniteur* от 25 марта 1807 г. посвящен Русско-турецкой войне: здесь был опубликован манифест Порты об объявлении войны России, с приложением перехваченных писем министра иностранных дел А.Я. Будберга. В № 90 от 31 марта сообщалось о неудачах русской

¹⁰² *Moniteur*: № 7. 1807. 7 janvier.

¹⁰³ *Moniteur*: № 58. 1807. 27 février.

¹⁰⁴ *Moniteur*: № 136. 1807. 16 mai.

¹⁰⁵ *Moniteur*: № 48. 1807. 17 février; № 50. 1807. 19 février.

армии в борьбе против османов. Очевидно, что все это делалось для демонстрации слабости России как противника французов¹⁰⁶.

Роль заклятого врага французского императора и союзника России по Четвертой коалиции – Великобритании – в изображаемом прессой ослаблении России также всячески подчеркивалась. В довольно жестком тоне в *Moniteur* говорилось о негативном влиянии Англии на Россию, отмечалось, что англичане преследуют всех, кто выступает против вовлечения России в «пагубную войну», а император Александр проявляет слабость и позволяет англичанам вести себя подобным образом¹⁰⁷. Завершалась данная статья обличением Англии и демонстрацией слабости России, выбравшей такого союзника: «Дела в Польше идут плохо, и, к тому же наши армии в Турции и Персии так ослаблены, что терпят поражения. И для чего это всё? Для Англии, которая уже несколько лет как диктует нам свои правила через предписания, исходящие из Петербурга». Что характерно, на следующей день эта заметка была перепечатана в *Journal de l'Empire*.

Таким образом, французская пресса в очередной раз продемонстрировала, что Россия действует не в своих интересах, и даже предрекала скорый разрыв между Россией и Англией – на смену их «казалось бы искренней дружбы», как писал *Moniteur*, придет жесткое соперничество¹⁰⁸.

Однако после того как Россия действительно сменила союзника, заключив Тильзитский мир с Францией в конце июня – начале июля 1807 г., из французской прессы исчезли новости о неудачах российской армии в войнах с Османской империей и Персией, и в целом образ России стал скорее позитивным. О боевых действиях России на Востоке теперь сообщалось со ссылкой на российские газеты, в которых подробно освещались победы России, тем более что Франция перестала помогать османскому султану. Более того, Наполеон дорожил союзом с Россией и старался всячески подчеркнуть его значимость. *Moniteur* писал, что новость о мире с Францией очень радост-

¹⁰⁶ В письме Ж.Ж. Камбасересу Наполеон прямо писал о новостях в *Moniteur* о войне Османской империи с Россией: «С этой стороны дела идут хорошо, русские, кажется, в высшей степени поставлены в затруднительное положение. Вполне вероятно, что они будут побеждены и вынуждены эвакуироваться из Валахии. Порта действует лучше, чем мы могли сметь надеяться». *Correspondance générale de Napoleon*. Т. 7. 1807. Tilsit, l'apogée de l'Empire. P., 2010. (№ 15089).

¹⁰⁷ *Moniteur*. № 107. 1807. 17 avril.

¹⁰⁸ *Moniteur*. № 167. 1807. 17 juin.

но встречена в России и сопровождается празднованиями¹⁰⁹, в газете появлялись заметки о балах у французского посла по различным поводам¹¹⁰. А в письме Фуше от 26 июля 1809 г., император приказывал арестовать и заключить под стражу редактора *Gazette de France*, поскольку тот опубликовал статьи, «которые могли поставить под сомнение союз Франции и России и оскорбить наших союзников»¹¹¹.

Дружба двух императоров подчеркивалась не только в центральной парижской прессе, но и в газетах государств-сателлитов Франции. Например, № 324 от 20 ноября 1810 г. *Journal de Francfort* со ссылкой на *Poste du Nord* сообщал о том, что российский посол в Париже А.Б. Куракин привез Александру I письмо от Наполеона, которое содержало «бесспорные свидетельства дружеских связей, существующих между двумя дворами, и нерушимого союза, объединяющего две империи». Более того, сомневающимся в искренности российско-французской дружбы рекомендовалось обратиться к газетам *Moniteur* (№ 270 от 27 сентября) и *Journal de l'Empire* (от 28 сентября) с целью опровержения слухов, «посеянных теми, кто хочет разрушить всеобщее спокойствие в Европе и кто предсказывает новую войну на Севере». Под последними подразумевались англичане, а сама заметка в российской прессе, как и упоминаемые сообщения из парижских газет, были вызваны согласием маршала Франции Жана-Батиста Бернадота стать наследником шведского престола, в то время как Россия только недавно выиграла войну у Швеции, что могло быть расценено как поддержка Францией противника России. По сообщению парижских газет, даже согласие маршала Бернадота стать кронпринцем Швеции никак не должно было повлиять на дружбу Наполеона и Александра, несмотря на «надежды Англии». «Император Наполеон уверен в России, так же как и Россия уверена во Франции», – гласили тексты в *Moniteur* и *Journal de l'Empire*.

Такое повышенное внимание к новостям о дружбе двух империй в прессе должно было убедить читателя франкоязычной прессы в том, что «русская угроза» сошла на нет.

Еще одна значимая для Наполеона тема, которая пристально освещалась прессой в период франко-русского союза, – соблюдение Росси-

¹⁰⁹ *Moniteur*: № 242. 1807. 17 août.

¹¹⁰ Например, *Moniteur*: № 120. 1807. 29 avril; *Moniteur*: № 175. 1810. 24 juin; *Moniteur*: № 257. 1810. 14 septembre.

¹¹¹ *Correspondence général de Napoleon*. Т. 8. Wagram. P., 2013. № 21631.

ей условий Континентальной блокады. На протяжении 1807–1810 гг. газеты сообщали о тщательном соблюдении блокады и различных действиях России против Англии. В *Moniteur* была напечатана декларация Александра I, в которой тот обвинял Англию в разжигании войны на континенте¹¹², текст указа о прекращении торговых отношений с Англией¹¹³, наложении эмбарго на английские товары¹¹⁴ и о способах предотвращения контрабанды¹¹⁵. На протяжении второй половины 1810 и начала 1811 г. в франкоязычной прессе не раз появлялись сообщения о задержанном корабле с Тенерифе, перевозившем контрабанду, груз которого был конфискован и распродан в пользу казны¹¹⁶. К концу 1811 г. подобные сообщения пропадают со страниц *Moniteur*, что могло служить для внимательных читателей верным предвестником надвигающегося конфликта.

События Русско-шведской войны 1808–1809 гг. также освещались французской прессой комплиментарно для России – подробные сводки о боевых действиях перепечатывались из петербургских газет, которые писали, естественно, об успехах русского оружия. Кроме того, французская пресса не уставала обвинять Великобританию в коварных действиях, отмечая, что англичане виновны в развязывании войны, но с ее началом фактически предали своих союзников шведов¹¹⁷. Присоединение Финляндии к России описывалось французскими изданиями в позитивных тонах: по утверждению *Moniteur* (со ссылкой на *Journal de l'Empire*), местное население было довольным поведением русских солдат, и отношением российского императора¹¹⁸.

Одной из характерных установок французской пропаганды эпохи союза Наполеона с Россией было стремление не писать о России и ее военных кампаниях негативно. Пока Россия была союзником, о поражениях российской армии не сообщалось, но в 1811 г., когда скорая война с Россией стала реальностью, французские газеты перестали сообщать об успехах России. Если про не вполне удачную для русских

¹¹² *Moniteur*. № 545. 1807. 11 décembre.

¹¹³ *Moniteur*. № 124. 1808. 3 mai.

¹¹⁴ *Moniteur*. № 547. 1807. 13 décembre; №№ 146, 148, 249. 1808.

¹¹⁵ *Moniteur*. № 217. 1808. 4 août.

¹¹⁶ *Journal de Francfort*. №№ 264, 352. 1810; №№ 2, 78. 1811; *Moniteur*. № 246, 270, 325. 1810.

¹¹⁷ *Moniteur*. № 117. 1808. 26 avril.

¹¹⁸ *Moniteur*. № 1. 1809. 1 janvier. *Journal de l'Empire*. 1808. 31 décembre.

операцию под Рушуком летом 1811 г., было написано подробно¹¹⁹, то о решительной победе там же осенью 1811 г., а также о заключении в мае 1812 г. мирного соглашения между Россией и Турцией французская пресса предпочла промолчать.

В 1811 г. постепенно отношения между двумя странами стали более настороженными, и это нашло отражение в прессе. В периоды военных конфликтов между Россией и Францией наполеоновская пропаганда активно использовала выработанные в прошлые эпохи стереотипы о русской армии, однако вынужденный переход от критики русской армии в период войны 1805–1807 гг. к сдержанной апологетике во время союза вынудил пропагандистскую машину впоследствии, при подготовке к новой кампании, заняться развенчанием положительных представлений о русской армии, как сильном и умелом противнике. Вновь были подняты на щит традиционные представления о русских, восходящие к архетипическим образам врага, как о диких кочевниках, варварах с Севера и Востока. На протяжении полутора лет, с начала 1811 г., жителей Франции постепенно готовили к будущему столкновению с Россией, объясняя, что Петербург ведет свою политику в ущерб собственным экономическим и политическим интересам. Немало статей в газетах было посвящено описанию российской армии. Описывалось строительство на Балтике новых кораблей¹²⁰, маневры сухопутных войск, и, наконец, сообщалось о новом рекрутском наборе на 1812 г.¹²¹ – всё это должно было свидетельствовать о том, что Россия активно вооружается и уже начала готовиться к войне.

В № 158 *Journal de Francfort* от 7 июня 1811 г. был опубликован проект и распоряжение Александра I об усилении контроля на западной границе Российской империи, поскольку «торговые связи и соответствующие законы, столь важные для сохранения общественного благосостояния, требуют особого внимания к охране границ и их правильной организации». Отмечалось, что это необходимо для того, чтобы на территорию страны не могли проникнуть люди без паспортов и с контрабандными товарами. Суть же «Положения о пограничной казачьей службе» – а именно так назывался этот документ¹²² – состояла в том,

¹¹⁹ *Moniteur*. № 216. 1811. 4 août.

¹²⁰ *Moniteur*: №№ 169, 188. 1811. 18 juin, 7 juillet.

¹²¹ *Moniteur*: № 339. 1811. 5 décembre.

¹²² *Соломешин А.Ю.* История таможенного дела и таможенной политики России. СПб., 2011. С. 133.

чтобы на границе были размещены на расстоянии 150 верст друг от друга казачьи полки, которые постоянно патрулировали бы территорию. В то же время данное сообщение, появившееся за год до начала боевых действий против России, когда постепенно возрастало напряжение между двумя империями, могло восприниматься и как проявление воинственных настроений. Тем более европейцев могло напугать появление больших масс казаков вблизи границ Российской империи.

Важнейшим доказательством враждебности по отношению к Франции служил российский таможенный тариф, опубликованный в *Moniteur* 31 января 1811 г. и в *Journal de Francfort* (№ 28–33 за 1811 г.), направленный в первую очередь против французских товаров. В целом, тематика российско-французской дружбы и активное противостояние России и Англии постепенно исчезает со страниц франкоязычной прессы в 1811 г.

Одновременно *Moniteur* старался показать военную слабость Российской империи в настоящий момент. Многочисленные сообщения о Русско-турецкой войне, в которых показывалась неэффективность действий российских войск, должны были свидетельствовать о невысоком уровне их подготовки. Газета давала понять читателям, что у русских, в том числе, нет достойных полководцев. Генерал Каменский умер, новый командующий российской армии в Румынии – М.И. Кутузов – действовал не очень успешно. Остальные генералы практически не упоминались. Символом ослабления современной российской армии по сравнению с эпохой Екатерины II стало сообщение о гибели генерал-майора графа А.А. Суворова, сына покойного фельдмаршала. Произошло это событие на берегу реки Рымник, «в тех самых местах, где его отец одержал славную победу»¹²³.

Характер сообщений о России заметно изменился с началом кампании 1812 г. Корреспонденция о внутренней жизни страны теперь практически не публиковалась, что можно объяснить трудностями военного времени. О ходе боевых действий французы узнавали из бюллетеней Великой армии, перепечатававшихся всеми парижскими газетами. Эти документы, несмотря на их тенденциозность, были важнейшим источником информации о войне для всей Европы, даже для Англии, хотя

¹²³ *Moniteur*. № 165. 1811. 14 juin. Подробнее о гибели А.А. Суворова см. *Бантыш-Каменский Д.М.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. Т. 1. С. 197.

там и не доверяли им полностью¹²⁴. Прочие сообщения из оккупированных французами районов чаще всего публиковались как новости из Литвы или герцогства Варшавского.

Читатели *Moniteur* оставались в неведении относительно истинных отношений между бывшими союзниками до 4 июля, когда был опубликован отчет о заседании сената, на котором зачитывали обращение императора о начале войны с Россией¹²⁵. К этому сообщению прилагались тексты союзных договоров с Австрией (от 14 мая 1812 г.) и Пруссией (от 24 февраля 1812 г.). Только теперь читатели могли достоверно узнать, что отношения между двумя бывшими союзниками испортились уже давно.

Российскую империю стали представлять единственным виновником начавшейся войны. «В Тильзите Россия обещала принять без оговорок мудрый план, предполагавший избавить континент от влияния Англии и заставить эту державу вернуться к принципам, наиболее согласным с правами наций, – сообщал граф Дарю сенату. – Россия тогда не замедлила согласиться с этой замечательной системой. Положение стало меняться в 1811 г. После известных событий переговоры оказались бесполезны, и император вынужден был предпринять меры в защиту своей чести и короны, интересов своего народа, имея в виду опасность такого союза»¹²⁶.

Ниже было опубликовано обращение министра иностранных дел герцога Бассано к Наполеону, в котором он продемонстрировал постепенный отход Александра I от союза с Францией. В качестве обвинений называлось и невыполнение Россией договора в 1809 г. во время войны с Австрией, и указ от 19 декабря 1810 г., разрушивший взаимную торговлю двух стран и разрешивший английским судам заходить в российские порты. Также в вину Российской империи ставилась подготовка в начале 1811 г. вторжения в герцогство Варшавское, за счет земель которого она хотела возместить убытки герцога Ольденбургского¹²⁷. На протяжении всего 1811 г., отмечал министр иностранных дел, Франция с помощью переговоров пыталась вернуть Россию к исполнению договора, но Александр I хотел возобновить торговлю с Англией, что

¹²⁴Anderson M.S. Britain's discovery of Russia. N.Y., 1958. P. 217.

¹²⁵*Moniteur*: № 186. 1812. 4 juillet.

¹²⁶*Ibid.*

¹²⁷В 1811 году герцогство Ольденбург было конфисковано Наполеоном, сам герцог, близкий родственник Александра I, был принят на российскую службу.

было неприемлемо для Франции¹²⁸. Аналогичные обвинения против России выдвигались и в 1-м бюллетене Великой армии, опубликованном в *Moniteur* 8 июля и перепечатанном на следующий день остальными парижскими газетами.

Во 2-м бюллетене Великой армии описывались попытки французов найти почву для переговоров с российским императором. «Еще 19 июня существовала небольшая надежда на взаимопонимание, когда для переговоров к Александру I был отправлен Лористон. Но под различными предложениями его миссия была быстро завершена и впервые посол не смог добиться аудиенции ни у государя, ни у его министра. После чего император отдал приказ перейти Неман»¹²⁹. Об ответной миссии российского министра Балашова к Наполеону в Вильно уже после начала боевых действий газеты предпочли умолчать.

Главным обвинением России в связи с начавшейся войной было непонимание Александром I собственных интересов. Россия по-прежнему стремится торговать с Англией, хотя, по мнению французской прессы, русским это невыгодно, ибо «только Континентальная система может спасти Европу от английского торгового рабства»¹³⁰. Еще накануне войны стали появляться сообщения о больших караванах судов, которые проходили через Зунд в Балтику¹³¹. Такие сообщения должны были наводить читателей на мысль, что Россия фактически уже отказалась от выполнения условий Континентальной блокады. В дальнейшем, уже в ходе войны, газеты неоднократно публиковали сообщения из Дании о торговых судах, проходящих мимо ее берегов из России в Англию и обратно.

Еще одним признаком «непонимания» Российской империей собственных интересов и проявлением угрозы с ее стороны по отношению к империи Наполеона изображалось то, что российские войска на протяжении 1811 и начала 1812 гг. группировались на границе герцогства Варшавского, вместо того, чтобы завершить победоносно войну с Османской империей¹³² и присоединить к России Молдавию и Валахию.

¹²⁸ *Moniteur*. № 186. 1812. 4 juillet.

¹²⁹ *Moniteur*. № 191. 1812. 9 juillet

¹³⁰ *Moniteur*. № 255. 1812. 11 septembre.

¹³¹ *Moniteur*. №№ 159, 171, 173, 174. 1812. 7 juin, 19 juin, 21–22 juin.

¹³² Надо отметить, что французская пресса так и не написала о заключении мира между Россией и Османской империей. По заведенной традиции пресса не сообщала о плохих известиях, и только косвенно, из сообщений, приходивших из Порты, можно было понять, что это государство уже не воюет с Российской империей.

В 1-м бюллетене Великой армии, в котором Наполеон высказал все обвинения в адрес России, прямо утверждалось: перевод дивизий «от Дуная в Польшу» означал, что Российская империя «пожертвовала Молдавией и Валахией»¹³³.

В *Moniteur* появились и пропагандистские статьи, призванные продемонстрировать читателям превосходство французов над русскими. 7 августа в газете была опубликована российская прокламация, обращенная к французским солдатам и обнаруженная, как пишет *Moniteur*, аванпостами на Двине 17 июля¹³⁴. В этой листовке вина за начало войны возлагалась целиком на Наполеона, «государя с ненасытными амбициями и совершенно не желающего мира и не жалеющего крови своих храбрецов». В тексте солдатам напоминали о большом расстоянии до Франции и несколько раз призывали возвращаться домой. В конце им предлагалось просить убежища в России, где их «никто не будет заставлять идти на войну» и они «забудут о сражениях и всей той армейской тирании, которая не дает вырваться из-под гнета»¹³⁵. Таким образом, французский император фактически обвинялся в тирании по отношению к собственным подданным. Следом за этой прокламацией в той же рубрике был опубликован ответ «французских гренадеров» на эту листовку, обращенный к российским солдатам, авторство которого традиционно приписывается Наполеону¹³⁶. Ответ составлен вполне в духе сложившихся в предыдущие эпохи стереотипов. Наибольшее место в заметке отведено характеристике военного положения Российской империи. «Французские гренадеры» констатировали невысокие боевые качества русской армии: «Сегодня мы видим то, что видели всегда: вы бежите перед нами. Вы бежали еще в Швейцарии, вы бежали после Аустерлица, будучи счастливы тем, что вам дали вернуться на родину, вы бежали после Фридланда, и вы до сих пор бежите! Мы этого ждали, и нас это не удивляет»¹³⁷. Кроме того, в статье отмечалось низкое качество командования в русской армии, и в завершение российских солдат прямо обвиняли в трусости: «Только трусы могут предлагать дезертирство»¹³⁸.

¹³³ *Moniteur*. № 190. 1812. 8 juillet.

¹³⁴ *Moniteur*. № 220. 1812. 7 août.

¹³⁵ *Ibid.*

¹³⁶ *Chuquet A.* 1812. *La Guerre de Russie. Notes et documents.* P., 1912. Т. 1. P. 35.

¹³⁷ *Moniteur*. № 220. 1812. 7 août.

¹³⁸ *Ibid.*

На протяжении войны пресса продолжала кампанию по дискредитации русской армии в глазах европейского общественного мнения, стараясь показать, что Россия не представляет собой военной угрозы. Газеты подчеркивали, что русские войска находятся в беспорядке и плохо управляются. Так, в конце августа *Moniteur* сообщал со ссылкой на прусские газеты, что Кутузов отказался принять командование над корпусом Витгенштейна, видя беспорядок, в котором находятся войска¹³⁹. Подобное сообщение преследовало сразу две цели: показать, что один из самых известных в Европе русских военачальников не принимает участия в войне, а также подтвердить плохое состояние русской армии, что должно поддержать надежду на скорое ее поражение.

Потери русской армии, согласно французским газетам, после каждого боя заметно превышали потери Великой армии. Так, после взятия Смоленска сообщалось, что один убитый француз приходился на 7–8 погибших русских¹⁴⁰. В Бородинском сражении, по версии 18-го бюллетеня, французы потеряли 2500 убитых, а русские – 12 000–13 000 убитыми и еще 5000 пленными¹⁴¹. Общую численность потерь российской армии в битве 7 сентября французская пропаганда оценивала в 50 000 человек¹⁴². Впрочем, подобные преувеличения были широко распространены среди военных всех стран, и российское командование в этом отношении не отставало от французского¹⁴³.

После того как французы начали отступать, *Moniteur* продолжал попытки дискредитировать русскую армию. Теперь газете необходимо было убедить читателей, что положение русской армии намного хуже французской и война по-прежнему идет в соответствии с планами императора Наполеона. Так, при описании Малоярославецкого сражения газета, как всегда, писала о больших потерях в русской армии, но специально указывала, что «среди убитых русских солдат много рекрутов, которые не прослужили и два месяца»¹⁴⁴. Все же передвижения Великой армии во второй период кампании назывались не иначе как «переходом на зимние квартиры», слово «отступление» не упоминалось.

¹³⁹ *Moniteur*. № 241. 1812. 28 août.

¹⁴⁰ *Ibid.* № 248. 1812. 4 septembre.

¹⁴¹ *Ibid.* № 271. 1812. 27 septembre.

¹⁴² *Ibid.* № 271, 277. 1812. 27 septembre, 3 octobre.

¹⁴³ См. например, донесения Кутузова Александру I о том же Бородинском сражении и операции на Березине. – *Кутузов М.И.* Документы. Т. 4. Ч. 1–2. Т. 5. М., 1955–1956.

¹⁴⁴ *Moniteur*. № 322. 1812. 17 novembre.

После катастрофической кампании в России в 1812 г. французская пропаганда впервые за время правления Наполеона столкнулась с необходимостью объяснять поражение. В этом отношении очень удачным оказалось то, что Наполеон, по сути, первым признал катастрофический итог войны, когда в Европе и тем более во Франции еще не знали всех подробностей кампании в России. Поэтому версия Наполеона о том, что в поражении виноват ужасный российский климат, была в целом принята обществом. Такое объяснение событий 1812 г. упрощало французам подготовку к новой кампании 1813 г., поскольку на сей раз боевые действия начинались в странах с более умеренным климатом, а главное – в начале довольно продолжительного теплого сезона. Поэтому французам было важно показать, что поражение в России незначительно сказалось на боевых качествах Великой армии. Например, описывая бои под Баутценом, *Moniteur* несколько раз подчеркнул, что новая французская кавалерия показала себя в боях очень хорошо и при равной численности всегда превосходила кавалерию противника¹⁴⁵. В действительности после катастрофического похода 1812 г., французская кавалерия с трудом восстанавливалась и к середине 1813 г. заметно уступала по численности кавалерии союзников, что, собственно, и не позволило Наполеону организовать полноценное преследование армии Барклая после победы под Баутценом.

Продолжая традиционную для наполеоновской эпохи тактику пропаганды, газеты убеждали европейских читателей в том, что французские войска одерживают победы во всех без исключения столкновениях. Чтобы показать, что войска противника не так уж многочисленны, *Moniteur* заявил, что ландвер и ландштурм существуют только на страницах газет, по крайней мере в этой местности (окрестности Баутцена) его нет. Кроме того, местное население не поддается на предложения русских сжигать свои дома и разрушать свою страну¹⁴⁶. Таким образом, *Moniteur* объяснял читателям, что применять скифскую тактику, как в России, у противника не получается.

Последняя попытка воспользоваться силой печатного слова была предпринята императором французов во второй половине 1813 – январе-феврале 1814 г. До того как войска антифранцузской коалиции подошли к старым границам Франции, газеты опубликовали множество

¹⁴⁵ *Moniteur*. № 150. 1813. 30 mai.

¹⁴⁶ *Moniteur*. № 153. 1813. 2 juin.

воззваний, подписанных администрацией французских городов, с призывом защитить славные завоевания последних 20 лет, все то, что было сделано путем героических усилий. И для этого жители, по уверениям местных властей, готовы пожертвовать жизнями своих сыновей, а также деньгами, если это потребуется¹⁴⁷. Некоторые из этих писем сопровождалась уверениями, что уже собрана некоторая сумма денег. Так, небольшой городок Провен под Парижем собрал 6000 франков¹⁴⁸. Интересно отметить, что до этого времени газеты нечасто упоминали о победах французских революционных армий, за исключением, может быть, Итальянского похода 1796–1797 гг.

На рубеже 1813–1814 гг. Наполеон требовал от министерства полиции публиковать в первую очередь сведения о храбрости своих воинов, о жестокости солдат союзников, цитировать письма очевидцев, чтобы вся Франция поднялась против завоевателей. Сообщения с границ империи должны были подать образцы патриотизма местного населения, достоинств французского воинства и варварской жестокости войск союзников, тем самым возрождая традиционные стереотипы описания, в первую очередь русских войск. Например, в декабре 1813 г. из Кольмара сообщали: «В нашем краю принимают французских солдат, словно родных братьев, и стараются удовлетворить все их потребности. Повсюду их продвижение отмечено прекрасной дисциплиной. Но того же нельзя сказать о наших врагах. К несчастью, подтверждаются сведения о том, что эти армии очень плохо снабжаются и в нескольких местечках они уже совершили ряд ужасных вещей. Несчастливая коммуна Сент-Круа (в 2 лье отсюда) в полной мере испытала на себе их звериную ярость. Баварцы здесь отличились жестокостями, они вместе с казаками грабили дома, унося все, что могли унести, истязали мужчин, насилывали женщин и т.д.»¹⁴⁹

Между тем союзники предпринимали откровенные «идеологические диверсии». Так, в начале января 1814 г. *Journal de Paris* сообщал, что декларация союзных монархов от 1 декабря, адресованная французскому народу, напечатана в *Gazette de Francfort* 6 числа того же месяца, была специально разбросана в большом количестве прямо на французских рубежах, к тому же многие французские читатели

¹⁴⁷См., например, показательное письмо от муниципального совета Монса императрице Марии-Луизе от 18.10.1813 г. *Moniteur*. № 295. 22 octobre 1813.

¹⁴⁸*Moniteur* № 292. 19 octobre 1813.

¹⁴⁹*Journal de Paris*. № 2. 1814. 02 janvier.

неожиданно получили тот же самый выпуск газеты по почте от неизвестных лиц¹⁵⁰. Демагогический комментарий к этой декларации показывал всю степень обеспокоенности, которую испытывали в Париже в связи со вступлением неприятеля в «естественные границы» Франции. Традиционные клише об агрессивных планах России возродились и тиражировались с новой силой. Александр I прямо обвинялся в нарушении международных договоров, предательстве интересов своей империи и даже всего человечества. Газета напоминала, что прежде чем верить обещаниям союзников, надо вспомнить о невероятном росте Российской империи, отправившей против Франции свои «несметные азиатские орды», всего лишь за век подавившей Швецию, разделившей Польшу, поглотившей Крым, угрожающей Кавказу, устанавливающей свои порядки в Саксонии и Пруссии и страстно желающей заполучить «древний трон Константина»¹⁵¹.

Другим свидетельством «лживости и вероломства» российского царя служили якобы перехваченные во время пленения французскими войсками адъютанта генерала Блюхера частные письма из Петербурга к русским генералам Васильчикову и Строганову, которые публиковались в газете целиком с комментарием о том, что единственной настоящей целью похода России с союзниками против Франции является не достижение всеобщего мира, а захват французских земель: «Вместо мира они несут с собой грабеж, насилие над собственниками, и эти миротворцы ведут себя как настоящие разбойники. Сейчас крик об отмщении раздастся из всех концов империи. Миллионы храбрецов уже поднялись!»¹⁵²

Пресса зимой и ранней весной 1814 года была переполнена сообщениями о зверствах, чинимых союзными войсками местному населению. Но добрая часть этих сообщений была заметно приукрашена журналистами. К примеру, описывался случай, произошедший где-то «между Люром и Везулем», который призван был воодушевить французов на борьбу с оккупантами. На один из сельских домов с целью грабежа напал казачий разъезд из десяти человек. Перед входом в дом они оставили лошадей и свои длинные пики. Увидев это, двое крестьян, ранее служивших в драгунских частях, не растерялись: они поломали почти

¹⁵⁰ *Journal de Paris*. № 5. 1814. 05 janvier.

¹⁵¹ *Ibid.*

¹⁵² *Journal de Paris*. № 34. 1814. 05 fevrier.

все копыа, пока казаки были заняты поиском добычи. Казаков охватила паника, и двое крестьян хладнокровно расправились с десятью грабителями при помощи всего двух казачьих пик. Как замечал *Journal de Paris*, крестьяне-драгуны были «неожиданно» вознаграждены: «Они обнаружили при казаках много денег, награбленных по пути от Базеля до Бефора»¹⁵³.

Другой случай подобного рода якобы произошел в Эльзасе. Один казак подъехал к дому в пригороде Сульгца и попросил фуража для лошади. Юная крестьянка отправилась в сенной сарай, но казак следовал за ней по пятам: «Казак бросился за ней, но наша новая Жанна д'Арк, не удивившись, с силой оттолкнула его рукой к углублению так, что он не имел времени прийти в себя, и сбросила его в конюшню. Тогда она позвала отца и братьев, взволнованных ее криками. Отец и дети, исполненные яростью, зарезали казака прямо в лошадиных яслях, где нашли его. И что самое любопытное в этом рассказе, отважный отец семейства отправился к мэру деревни с заявлением и повинной, так как боялся, по его словам, попасть под суд, поскольку убил казака не из огнестрельного оружия, а с помощью ножа»¹⁵⁴.

Такие известия из департаментов были особенно важны, когда парижская пропаганда вовсе не гарантировала подъем воинственного патриотизма среди французов, подчеркивалось, что таковы «примеры поступков, которым должны подражать все французы, если где-нибудь появятся эти варвары»¹⁵⁵.

Дополнительным фактором, призванным военной пропагандой на помощь, служили, как и прежде, переводы из английских газет и книг, которые должны были служить подтверждением некоей информационной объективности парижских изданий. Именно с этой целью *Journal de Paris* публиковала обширные выдержки из книги английского путешественника Грина, посвященные российской повседневности и особенно кровавым и шокирующим способам казни и пыток, принятым в России: битье кнутом, клеймение раскаленным железом и вырывание ноздрей¹⁵⁶.

Тем не менее военная кампания 1814 года оказалась скоротечной, и потому французская пропаганда не успела сыграть свою роль в мобилизации населения. Кроме того, к тому моменту в обществе уже на-

¹⁵³ *Journal de Paris*. № 8. 1814. 08 janvier.

¹⁵⁴ *Ibid.*

¹⁵⁵ *Ibid.*

¹⁵⁶ *Journal de Paris*. № 27. 1814. 27 janvier.

блюдалась усталость от постоянных войн, и потому всё, чего удалось добиться пропаганде, – это напугать население Франции, но не поднять его на защиту отечества. В период же оккупации союзными войсками части территории Франции местные власти даже вынуждены были опровергать распространенные в обществе представления о жестокости русских войск¹⁵⁷.

* * *

Таким образом, концепция «русской угрозы», зародившаяся во французском общественном сознании в XVIII в., то оживала на страницах франкоязычной прессы в моменты напряженных отношений между двумя государствами, то исчезала – во время сближений и союзов (1800–1804 гг., 1807–1811 гг.). Со времен победных для Франции кампаний II года пресса приобрела особое значение в политических и дипломатических маневрах. Пытаясь посредством газет управлять общественным мнением, власти определяли новые контуры политической идентичности французской нации.

В основе представления о «русской угрозе» на рубеже XVIII–XIX вв. лежали как существовавшие в литературе и философии традиционные стереотипы о России, так и образы, разрабатывавшиеся политической публицистикой. Сочинения Малле дю Пана, Лезюра, Парандье в годы Революции и Империи доказывали существование у русских императоров давних завоевательных планов, и эти утверждения тиражировались в прессе. Популярности этих постулатов способствовало и участие России во всех трех разделах Речи Посполитой, поскольку через восприятие польских событий европейские наблюдатели оценивали подлинную внешнеполитическую стратегию русского двора.

В период дружбы Наполеона и Александра о России старались писать максимально нейтрально, но в кризисные моменты ее образ приобретал множество негативных черт и на страницах прессы непременно оживали архетипичные стереотипы о России и «русской угрозе». При этом наблюдается разница в интенсивности использования традиционных устрашающих стереотипов относительно России и разница в расстановке

¹⁵⁷Губина М.В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2. С. 153–162.

акцентов в зависимости от того, где в данный момент протекают военные действия. Во время кампаний, не угрожавших границам французского государства, пропаганда подчеркивала невысокую квалификацию русских солдат в бою и их сосредоточенность на грабежах и насилии по отношению к местному населению. Но в моменты, когда надо было сплотить нацию против общего врага и стимулировать патриотический подъем среди французов, как в 1798–1799 и 1813–1814 гг., на страницы периодических изданий выплескивались все негативные стереотипы относительно реальной и потенциальной угрозы со стороны империи царей. Правда эффект от этой пропаганды оказался не столь значительным и в момент вторжения войск коалиции в пределы естественных границ Франции в 1814 г. выступления жителей против захватчиков происходили в основном на страницах газет, тогда как в реальности уставшее от постоянных войн население не развернуло масштабной народной войны против войск Англии, Австрии, Пруссии и России.

Список литературы

- Бантыш-Каменский Д.М.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. Т. 1. С. 197. [*Bantysh-Kamenskii D.M. Biografii rossiiskih generalissimusov i general-feldmarshalov.* М., 1991].
- Бачко Б.* Как выйти из Террора? М., 2006. [*Bachko B. Kak viity iz terroga?* М, 2006].
- Безотосный В.М.* Наполеоновские планы Павла Петровича: несостоявшийся геополитический проект века // Родина. 2008. № 7. С. 45–51. [*Bezotosnyj V.M. Napoleonovskie plany Pavla Petrovicha: nesostojavshijsja geopoliticheskij projekt veka* // Rodina. 2008. № 7. S. 45–51].
- Борисовский Б.* Водевиль с подлогом // История. Научно-популярные очерки. М., 1985. [*Borisovskij B. Vodevil' s podlogom* // Istorija. Nauchno-populjarnye ocherki. М., 1985].
- Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании Европы эпохи Просвещения. М., 2003. [*Wolf L. Izobretaya Vostochnuju Evropu*. М, 2003].
- Губина М.В.* Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2. С. 153–162. [*Gubina M.V. Osobennosti obraza Rossii i russkih v soznanii francuzskih sovremennikov v 1814–1818 gg.* // Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovosprijatija. М., 2002. Vyp. 2. S. 153–162].

- Данилова Е. Н. «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института. 1946. Т. 2. С. 203–270. [Danilova E. N. «Zaveshanie» Petra Velikogo // Trudy Istoriko-arhivnogo instituta. 1946. T. 2. S. 203–270].
- Козлов В. П. Тайны фальсификации. М., 1994. [Kozlov V. P. Tajny fal'sifikacii. M., 1994].
- Кутузов М.И. Документы. М., 1955–1956. Т. 4. [Kutuzov M.I. Dokumenty. M., 1955–1956. T. 4.].
- Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. [Mezin S.A. Vzgljad iz Evropy: francuzskie avtory XVIII veka o Petre I. Saratov, 2003].
- Мезин С.А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 150–155 [Mezin S.A. Stereotipy Rossii v evropejskoj obshhestvennoj mysli XVIII veka // Voprosy istorii. 2002. № 10. S. 150–155].
- Ноймани И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. [Nojmann I. Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej. M., 2004].
- Прусская Е. А. Образ России в прессе Восточной армии Бонапарта // НиНИ. № 4. 2012. С. 176–182. [Prusskaja E. A. Obraz Rossii v presse Vostochnoj armii Bonaparta // Novaja i novejschaja istorija. № 4. 2012. S. 176–182].
- Павленко Н.И. Три так называемых завещания Петра I // ВИ. 1979. № 2. С. 142–143. [Pavlenko N.I. Tri tak nazyvaemyh zaveshhanija Petra I // Voprosy istorii. 1979. № 2. S. 142–143].
- Робеспьер М. Избранные произведения. М., 1965. [Robespierre M. Izbrannye proizvedenija. M., 1965.]
- Сироткин В. Г. Наполеоновская война перьев против России // НиНИ. 1981. № 1. [Sirotkin V.G. Napoleonovskaja vojna per'ev protiv Rossii // Novaja i novejschaja istorija. 1981. № 1.]
- Соломеин А.Ю. История таможенного дела и таможенной политики России: Учебн. пособие. СПб., 2011 [Solomein A.Ju. Istorija tamozhennogo dela i tamozhennoj politiki Rossii: Uchebn. posobie. SPb., 2011]
- Сорель А. Французская революция и Европа. СПб., 1892–1906. [Sorel A. Francuzskaja revoljucija i Evropa. SPb., 1892–1906].
- Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995.

- [*Cherkasov P.P.* Dvuglavujy orel i korolevskie lilii. Stanovlenie rusko-francuzskih otnoshenij v XVIII veke. 1700–1775. M., 1995].
- Черкасов П.П.* Франция и Русско-турецкая война 1768–1774 гг. // НиНИ. 1996. № 1. [*Cherkasov P.P.* Francija i rusko-tureckaja vojna 1768–1774 gg. // NiNI. 1996. № 1.]
- Черкасов П.П.* Екатерина II и Людовик XVI. M., 2004. [*Cherkasov P.P.* Ekaterina II i Ljudovik XVI. M., 2004].
- Яковлев Н.* О так называемом «завещании» Петра Великого // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 128–133. [*Jakovlev N.* O tak nazyvaemom «zaveshhanii» Petra Velikogo // Istoricheskij zhurnal. 1941. № 12. С. 128–133].
- Anderson M. S.* Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. L., 1958;
- Baker K.M.* Au tribunal de l'opinion. Essai sur l'imaginaire politique au XVIIIe siècle. P., 1993.
- Belissa M.* La Russie mise en Lumières. Représentations et débats autour de la Russie dans la France du XVIIIe siècle. P., 2010.
- Blanc S.* Histoire d'une fobie: le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1968. Vol. 9. № 3–4.
- Boberg S.* Kunglig krigspropaganda. Goteborg, 1967.
- [*Chantreau P.-N.*] Voyage philosophique, politique et littéraire, fait en Russie pendant les années 1788 et 1789. P., 1794.
- Chuquet A.* 1812. La Guerre de Russie. Notes et documents. P., 1912. T.1.
- Corbet Ch.* L'ère de nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe. P., 1967.
- Correspondance de Napoléon. P., 1861. T. 6.
- Correspondance générale de Napoléon. T. 4. Ruptures et fondation. 1803–1804. P., 2007.
- Correspondance générale de Napoléon. T. 5. Boulogne, Trafalgar, Austerlitz. 1805. P., 2008.
- Correspondance général de Napoléon. Vol. 7. 1807. Tilsit, l'apogée de l'Empire. P., 2010.
- Correspondance général de Napoléon. Vol. 8. Wagram. P., 2013.
- Eshasseriaux (ainé).* Tableau politique de l'Europe au commencement du XIXe siècle et moyens d'assurer la durée de la pays générale. P., an X (1802).
- Epître du vieux cosmopolite Syrach à la Convention Nationale de France contenant l'examen du discours prononcé à la séance du 2 pluviöse de l'an III par citoyen Boissy d'Anglas. En Sarmatie, 1795.
- Fajn M.* Le «Journal des hommes libres de tous les pays» // AHRF. 1975. № 220. P. 273–288.

- [*Fornerod*] Coup d'œil sur l'état actuel de la Russie envisagée sous ses rapports physique, moral, économique, politique et militaire ou les Russes tels qu'ils sont. Par un ami de la Vérité. Lausanne, 1799.
- Fortia de Piles A.* Examen de trois ouvrages sur la Russie. Voyage de M. Chantreau. Révolution de 1762. Mémoires secrets. Par l'auteur du voyage de deux français au Nord de l'Europe. P., 1802
- Jourdan E.* Le Testament apocryphe de Pierre le Grand, Universalité d'un texte (1794–1836) // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. № 18. Printemps 2004.
- Garran-Coulon J.-Ph.* Recherches politiques sur l'état ancien et moderne de la Pologne appliquées à sa dernière révolution. P., 1795.
- Hauterive, A.-M. B. d'.* De l'Etat de la France, à la fin de l'an VIII. P., an IX.
- Lesur Ch.L.* Des progres de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. P., 1812.
- Lortholary A.* Les «Philosophes» du XVIIIe siècle et la Russie: Le mirage russe en France au XVIIIe siècle. P., 1951.
- Malia M.* Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, 1999.
- Maréchal P.-S.* Histoire de la Russie, réduite aux seuls faits importants. L., P., 1802.
- Masson Ch.* Mémoires secrets sur la Russie. T. 1–4. P., 1800–1803.
- La Messeliere.* Voyage a Petersbourg ou nouveaux mémoires sur la Russie. P., 1803.
- Mohrenschildt D.S. von.* Russia in the intellectual life of eighteenth-century France. N.Y., 1936.
- McNally R.* The Origins of Russophobia in France 1812–1830 // American Slavic East and European Review. 1958. 17, April. P. 173–189.
- Sokolnicki M.* Le Testament de Pierre le Grand (Origines d'un prétendu document historique) // Revue de sciences politiques. 1912. T. 27. № 1. P. 88–98.

ИСТОРИОГРАФИЯ

*В.А. Погосян**

ПИСЬМА СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ К А.З. МАНФРЕДУ

Данная публикация включает неопубликованные письма многочисленных советских историков, адресованных Альберту Захаровичу в 1959–1976 гг. Среди них такие выдающиеся ученые, как М.В. Нечкина, В.М. Далин, А.Р. Иоаннисян. Публикуемые письма, написанные также его коллегами, проживавшими в различных советских республиках (в Армении, Грузии, на Украине), красноречиво свидетельствуют о непререкаемом научном авторитете, которым по праву пользовался среди них А.З. Манфред как крупнейший знаток новой истории Франции. Уместно отметить, что некоторые публикуемые письма включают интересную информацию о его выдающейся роли как организатора советского франковедения, а также о перипетиях перевода его книги о Наполеоне Бонапарте на разные языки народов СССР.

Ключевые слова: А.З. Манфред, Французская революция XVIII в., Наполеон Бонапарт, историография.

Недавно мне предоставилась прекрасная возможность поработать в богатейшем личном архиве выдающегося советского историка Альберта Захаровича Манфреда (1906–1976), хранящемся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Одно лишь ознакомление с многочисленными описями архива дает представление об удивительной широте его разносторонних связей как в советском научном сообществе, так и за рубежом.

А.З., по свидетельству его коллег и учеников, был человеком старой закалки, что проявлялось в некоторой «старомодности» его манеры держаться, в его подчеркнутой галантности по отношению к окружа-

** Варужан Арамздович Погосян, доктор исторических наук, заведующий отделом геноцидологии Института арменоведческих исследований Ереванского государственного университета.*

ющим и прежде всего к представителям прекрасного пола¹. Ему, как и некоторым другим представителям его поколения, например таким известнейшим историкам, как В.М. Далин и А.Р. Иоаннисян, с которыми я работал и общался долгие годы, было также присуще трепетное отношение к поступающей корреспонденции.

Долгие годы работая под руководством В.М. Далина, я наблюдал за тем, с каким уважением этот маститый историк, находившийся уже в преклонном возрасте и широко признанный во всем мире, относился к своим корреспондентам, в том числе к незнакомым, начинающим исследователям. Он бережно хранил все поступавшие от них письма. Такое же отношение к корреспонденции в равной степени было характерно и для А.Р. Иоаннисяна, в чем я убедился после ознакомления с сохранившимися в его личном архиве многочисленными письмами его коллег, начиная с Ф. Броделя и А. Соболя и кончая незнакомыми ему людьми.

Богатый архив А.З. Манфреда свидетельствует о том, что и он в данном отношении ничем не уступал своим друзьям. Помимо крупнейших западных историков (Ф. Бродель, А. Соболю, Ж. Годшо, Ж.-Б. Дюрозель, В. Марков и др.), среди его многочисленных корреспондентов были видные французские политические деятели (М. Торез, Ж. Коньо, Ж. Дюкло), известные советские ученые (академики П.Л. Капица, И.Н. Векуа) и писатели (И.Г. Эренбург, К.М. Симонов).

В архиве А.З. Манфреда сохранились также многочисленные письма советских историков – как личного, так и научного характера. Среди его постоянных корреспондентов были академики М.В. Нечкина, И.И. Минц, В.М. Хвостов, С.Д. Сказкин, а также видные советские франковеды, работавшие не только в Москве, но и в союзных республиках, в частности в Армении, Грузии, на Украине. Поступавшие к А.З. Манфреду письма от его зарубежных и советских коллег свидетельствуют об огромном, непререкаемом научном авторитете, которым он заслуженно пользовался среди советских историков. В их посланиях неоднократно выражалась высокая оценка его книг. В целом, все эти письма косвенно подтверждают правоту его учеников, имевших все основания характеризовать А.З. как историка, стоявшего «наравне с самыми выдающимися умами в мировой исторической науке»².

¹ См., например: *Оболенская С.В.* Человек, обладавший даром привлекать сердца // ФЭ 1981. М., 1983. С. 158–165; См. также: *Погосян В.А.* В окружении историков. Ереван, 2011. С. 57.

² *Оболенская С.В.* Указ. соч. С. 163; *Намазова А.С.* К читателю // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М., 2002. С. 5.

Убедительным подтверждением тому являются публикуемые ниже письма академика М.В. Нечкиной, свидетельствующие о ее глубочайшем уважении и неподдельной симпатии к А.З. Манфреду как к замечательному человеку и авторитетному историку, мнением которого она дорожила. На заседании сектора Новой истории стран Западной Европы и Группы истории Франции, посвященном его памяти, М.В. Нечкина 9 февраля 1977 г. заявила: «Так хотелось бы сказать ему самые лучшие слова в глаза... Мы можем сказать, что Альберт Захарович не умер – он остался с нами потому, что навсегда останется его большой вклад в науку»³. По свидетельству В.А. Дунаевского, на выборах в АН СССР М.В. Нечкина не только всегда голосовала за кандидатуру А.З. Манфреда, но и тяжело переживала из-за его неудач на них. Не случайно, кончину А.З. Манфреда, последовавшую 16 декабря 1976 г., за четыре дня до очередных выборов в АН, скрывали от М.В. Нечкиной, находившейся тогда в санатории АН в Узком. Не будучи в состоянии из-за болезни присутствовать на этих выборах в Отделении истории, она 2 января 1977 г. записала в своем дневнике: «Ко мне возили урну, я голосовала в постели. Манфред! Манфред! Как ужасно. От меня скрыли, но я догадалась по отсутствию имени в бюллетене»⁴.

В свою очередь, сама М.В. Нечкина, крупнейший специалист по истории русского освободительного движения XIX в. и автор многочисленных научных трудов, была непререкаемым авторитетом для А.З. Ее мнением, по собственному признанию А.З. Манфреда, он очень дорожил⁵. Его вдова, ныне покойная Н.В. Кузнецова, мне рассказывала, что о Милице Васильевне он отзывался не так, как о других академках⁶. Ярким тому свидетельством является его письмо к М.В. Нечкиной от 30 июля 1976 г., в котором он приглашает ее к участию в издании сборника статей, намеченного к публикации совместно с видными французскими историками. «В конце мая я был в Париже, встретился с Фернаном Броделем, – писал он, – и с ним договорился (действуя по поручению нашего Института) об издании одновременно в Москве и в Париже, на русском и французском языках, совместного советско-

³ ФЕ 1976. М., 1978. С. 9, 11.

⁴ Дневники академика М.В. Нечкиной // ВИ. 2006. № 5. С. 138.

⁵ См.: письмо А.З. Манфреда к М.В. Нечкиной от 2 марта 1971 г.: Архив Российской академии наук (далее: АРАН). Ф. 1820 (М.В. Нечкина). Оп. 1. Ед. хр. 686. Л. 9.

⁶ О его отношении к М.В. Нечкиной см.: *Манфред А.З.* Милица Васильевна Нечкина – мастер исторического повествования // Проблемы истории общественной мысли и историографии. (К 75-летию академика М.В. Нечкиной). М., 1976. С. 22–28.

французского сборника. Примерное рабочее название этого общего сборника: Россия и Франция XVIII–XIX вв. Культурные связи. Речь идет о разных формах идейного, духовного, интеллектуального взаимодействия, или сотрудничества передовых людей обеих стран. Сборник должен выйти под грифом нашего Института всеобщей истории АН СССР и Парижского университета и Высшей школы социальных наук. Очень прошу Вас поддержать это важное – научно и политически – начинание своим участием в сборнике»⁷.

Сохранившиеся в архиве А.З. письма его советских коллег датированы 1950 – 1970-ми гг. Их изучение, с одной стороны, дает более полное представление о роли А.З. Манфреда в советской исторической науке, с другой – дополняет новыми штрихами еще не воссозданные нами полностью портреты ряда его коллег. В совокупности же они являются сегодня своего рода нерукотворным памятником ушедшей от нас эпохи, в которой мы когда-то жили и трудились бок о бок со многими из них.

Из этих многочисленных писем можно также узнать интересные подробности об истории переводов основного, по моему мнению, труда А.З. Манфреда о Наполеоне Бонапарте на другие языки. Его французские коллеги, в том числе Ж. Годшо, Ж. Брюа, К. Виллар, сразу же после выхода в свет этой книги заявили о необходимости ее перевода на французский язык (подробнее об этом ниже). Инициатором же такого перевода во Франции выступил его ближайший друг А. Собуль, а в ГДР ту же миссию выполнил академик В. Марков⁸. Интерес к новейшей биографии Наполеона, неоднократно переиздававшейся на русском, был велик и в других странах. Книга эта переведена на болгарский, словацкий, чешский, сербо-хорватский, немецкий, французский, венгерский, польский языки и высоко оценена нашими зарубежными коллегами. Причем на болгарском, чешском, словацком и немецком она выходила даже дважды⁹.

⁷ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Ед. хр. 686. Л. 19. Очевидно, такой сборник, к сожалению, так и не вышедший в свет, должен был продолжить ту совместную плодотворную работу советских и французских историков, результатом которой ранее стали совместные научные издания: *Век Просвещения*. М., Париж, 1970; *Au siècle des Lumières*. Moscou – Paris, 1970; *Франко-русские экономические связи*. М., Париж, 1970; *La Russie et l'Europe XVIe–XIXe siècles*. Moscou, P., 1970.

⁸ Об их бескорыстной дружбе См.: *Погосян В.А.* Письма А.З. Манфреда немецкому историку В. Маркову // *НиНИ*. 2014. № 5. С. 151–165.

⁹ См.: многочисленные рецензии на нее: *Библиография трудов А.З. Манфреда*. Составители С.Н. Гурвич, М.И. Ковальская, В.А. Погосян // *Грузия и страны Европы (политические, экономические, культурные связи)*. Т. 4. Тбилиси, 1989. С. 192–195.

В числе первых переводов «Наполеона Бонапарта» значится издание на армянском языке. Однако судьба армянского перевода книги оказалась столь же трудна, как и судьба самого автора, которому так и не суждено было увидеть его в опубликованном виде. Хотя эта работа и была включена в издательский план ведущего издательства АрмССР «Айастан» на 1973 г. (см. ниже), опубликована она была тиражом в 50 000 тыс. экземпляров все же лишь значительно позже и поступила в продажу в январе 1977 г., спустя месяц после кончины автора. Тем не менее в качестве года издания на ней указан 1975-й. Своевременному появлению ее выхода в свет препятствовали главным образом технические причины, о которых в письмах к А.З. Манфреду сообщает переводчик С.Т. Гаспарян (1917–1977)¹⁰.

Из публикуемых ниже писем можно узнать, что перевод «Наполеона Бонапарта» на армянский, к слову, осуществленный, по общим оценкам, на самом высоком уровне, был организован благодаря усилиям Абгара Рубеновича Иоаннисяна, в то время вице-президента АН АрмССР. В этом, вероятно, не последнюю роль сыграли его дружба и давнее плодотворное научное сотрудничество с А.З. Манфредом, научным творчеством которого он искренне восхищался. В письме от 10 ноября 1978 г. к Н.В. Кузнецовой А.Р. Иоаннисян писал: «Вы знаете, как я высоко ценил Альберта Захаровича как выдающегося и талантливейшего историка»¹¹. После того как А.З. нас покинул, Абгар Рубенович в беседах со мной всякий раз с глубокой болью отзывался о безвременной кончине своего друга и часто упоминал о своей давней дружбе. Показывая на телефон, он как-то сказал: «Я мог бы позвонить ему и сказать о Вас то, что нужно». Об этом свидетельствуют и сохранившиеся в личном архиве А.З. письма А.Р. Иоаннисяна, а также письма самого А.З., хранящиеся ныне в личном архиве Абгара Рубеновича в Национальном архиве Армении.

А.З. Манфред также относился к А.Р. Иоаннисяну с глубоким почтением. В единственном нашем с ним разговоре, в июле 1976 г., А.З. отметил, что находится с А.Р. Иоаннисяном «в очень дружественных отношениях». А в одном из своих писем к А.Р. Иоаннисяну он так высказался на сей счет: «Мы так давно связаны чувством дружбы и симпатии, как смею надеяться – взаимными, что позиционная война

¹⁰ См. его письма к А.З. Манфреду за 1973–1976 гг.: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее: НИОР РГБ). Ф. 772 (А.З. Манфреда). К. 43. Ед. хр. 29.

¹¹ Там же. К. 46. Ед. хр. 17. Л. 40 об.

обоюдных комплиментов нам в сущности не нужна»¹². Из письма А.З. Манфреда от 8 февраля 1974 г. следует, что именно возглавляемый им тогда сектор Истории Франции Института всеобщей истории АН СССР выдвинул книгу А.Р. Иоаннисяна «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции» на присуждение престижной премии имени В.П. Волгина: «Я докладывал об этом на Ученом совете, и Ваша книга, от имени Уч[еного] совета, выдвинута на соискание премии Волгина. Были выдвинуты также работы Б.Ф. Поршнева, [Г.С.] Филатова, [А.В.] Адо, но я в своем выступлении говорил, что Вы ближайший ученик В.П. [Волгина] и что Ваша работа продолжает цикл работ В.П. [Волгина]»¹³.

О том, как высоко ценил А.З. научную значимость этой книги, свидетельствует и его письмо к А.Р. Иоаннисяну от 14 июня 1975 г., в котором он сообщал о состоявшемся в ИВИ объединенном заседании трех секторов (Новой истории, Новейшей истории и Истории США) совместно с исторической редакцией издательства «Прогресс»: «Я председательствовал на этом заседании и во вступительном слове говорил о необходимости перевода на иностранные языки лучших работ наших ученых, назвал первой Вашу книгу – «Ком[мунистические] идеи во время [sic] Вел[икой] фр[анцузской] револ[юции]», удостоенную премии В.П. Волгина и т.д. В прениях эта идея получила полную поддержку: о вашей книге говорил[и] В.М. Далин, Н.Н. Болховитинов и др. Естественно, называли и некоторые другие работы, но Ваша книга получила наиболее полное одобрение, что признал, выступая позже, и зав[едующий] редакцией “Прогресса”. В итоге Ваша книга прошла на первом месте, с чем я рад Вас поздравить. Это было и большое общественное признание, и, надеюсь (я постараюсь за этим проследить), это получит практическую реализацию»¹⁴.

Позиция А.З. Манфреда в этом вопросе, несомненно, была обусловлена и хорошо известным ему неоспоримым авторитетом А.Р. Иоаннисяна среди зарубежных коллег. После возвращения в феврале 1973 г. из очередной научной командировки во Францию он писал ему: «Кста-

¹² См.: недатированное письмо А.З. Манфреда к А.Р. Иоаннисяну, написанное, судя по его содержанию, в сентябре 1969 г.: Национальный архив Армении (далее: НАА). Ф. 1169. Оп. 1. Д. 253. Л. 32.

¹³ НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257. Л. 42.

¹⁴ Там же. Л. 43. Усилия А.З. Манфреда не прошли даром, монография А.Р. Иоаннисяна в переводе на французский была опубликована издательством «Прогресс» в 1984 г. См.: Ioannessian A. Les idées communistes pendant la Révolution française. M., 1984.

ти сказать, я делал для французск[их] историков (в *Maison des sciences humaines*) доклад об изуч[ении] ист[ории] Франции у нас в СССР – подробно говорил о Ваших работах. К этому проявляют большой интерес, а Вас и Вашу книгу хорошо знают»¹⁵.

Считаю также желательным дать некоторые разъяснения относительно незавершенного перевода «Наполеона Бонапарта» на грузинский язык. В середине 1980-х гг. я обратился к И.М. Табагу (1918–2004), близкому другу А.З., с вопросом, не сможет ли он организовать перевод этой книги на грузинский язык. Несмотря на существовавшую между нами огромную разницу в возрасте и в положении, наши отношения с И.М. Табагу были искренними и непринужденными. Однако на этот раз Илья Максимович был немногословен: «Почти треть книги переведена, однако работа застопорилась». Судя по публикуемым ниже его письмам к А.З. Манфреду, можно предположить, что перевод книги на грузинский осуществлял именно он, хотя в разговорах со мной ни разу не обмолвился об этом. К сожалению, сохранившиеся письма И.М. Табагу не дают ответа на вопрос, по какой причине начатая им работа не была завершена.

Письма видных историков неизменно находятся в центре внимания ученых последующих поколений¹⁶, являясь ценным источником по истории развития нашей науки. И потому я считаю необходимым представить читателям «Французского ежегодника» наиболее интересные образцы корреспонденции А.З. Манфреда, с которыми мне удалось познакомиться¹⁷. Часть публикуемых в хронологическом порядке писем представлена полностью. Что касается ряда других, то я счел нужным опубликовать лишь выдержки из них. Все публикуемые письма хранятся в личном архиве А.З. Манфреда в НИОР РГБ (фонд 772). Ценным дополнением к письмам А.Р. Иоаннисяна являются сохранившиеся в его личном архиве письма А.З. Манфреда к нему, которые нами широко использованы в комментариях.

¹⁵ См.: недатированное письмо А.З. Манфреда к А.Р. Иоаннисяну, написанное, вероятно, в феврале 1973 г.: НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257. Л. 67.

¹⁶ См., например: Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981. С. 164–269; *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 110–419.

¹⁷ Письма Ж. Годшо к нему и к руководителям ФЕ я недавно представил вниманию читателей журнала *Annales historiques de la Révolution française*. См.: *Poghosyan V.* Les lettres de Jacques Godechot à Albert Manfred et aux responsables de l'Annuaire d'études françaises // ANRF. 2015. N° 380. P. 133–147.

1. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду, 5 октября 1959 г.¹⁸

Дорогой Альберт Захарович!

Получил Ваше письмо и спешу выразить Вам мою благодарность за Ваше внимание. Я, конечно, последую Вашему совету и если получу предложение написать рецензию на «Французский ежегодник», то сразу же напишу¹⁹. «Французский ежегодник» я уже прочел и должен сказать, что он произвел на меня весьма отрадное впечатление.

Пользуясь случаем, хочу поделиться с Вами также следующим. Я решил последовать и другому Вашему совету. Я вновь пересмотрел все собранные мной материалы о Ретифе и решил писать о нем монографию. Думаю, что такая монография вполне оправдывает себя, так как будет содержать много новых материалов по истории леворадикальных, демократических течений во Франции накануне и в период Французской революции²⁰.

Еще раз благодарю Вас за Ваше письмо. Только впредь прошу Вас не обижать меня и не писать на конверте «академику», каковым я себя, поверьте, не считаю.

Сердечный привет от меня и моей жены Вашей супруге. Моей жене также очень неприятно, что она не имела возможности познакомиться с Вами и Вашей семьей. Но, надеюсь, что это нетрудно будет исправить.

Уважающий Вас

[подпись]

2. И.М. Табагуа – А.З. Манфреду, 24 декабря 1961 г. [Париж]²¹

Многоуважаемый Альберт Захарович!

Поздравляю Вас и Вашу семью с Новым годом, желаю счастья и успехов в жизни и научной деятельности.

¹⁸ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Лл. 1–2. Рукопись.

¹⁹ На первый выпуск ФЕ за 1958 г., о котором идет речь, А.Р. Иоаннисян рецензию не написал. Впрочем, рецензий писать Абгар Рубенович вообще не любил и на протяжении своей долгой научной деятельности написал их только пять. См.: Библиография трудов А.Р. Иоаннисяна и литература о нем. Сост. В.А. Погосян // Французский ежегодник. – 2008, М., 2008. С. 259–266.

²⁰ Такой монографии А.Р. Иоаннисян не написал, но посвятил Ретифу де ля Бретону третью главу своего главного труда «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции» (М., 1966).

²¹ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 52. Ед. хр. 1. Л. 9. Рукопись.

Я хорошо устроился, работы много, но интересно. Ваши книги здесь имеются во всех библиотеках, все ученые историки Вас хорошо знают, что меня очень обрадовало.

С сердечным приветом
И.М. Табагуа

3. И.С. Галкин – А.З. Манфреду, 27 декабря 1961 г. (отрывок)²²

Дорогой Альберт Захарович!

Получил Ваши «Очерки истории Франции»²³, искренне благодарю за такой чудесный новогодний подарок. От всей души поздравляю Вас с выходом этой прекрасной книги и убежден, что Вы порадуете Ваших друзей еще не раз Вашими блестящими трудами.

Уважающий Вас
[подпись]

4. К.Д. Антадзе – А.З. Манфреду, 21 июля 1962 г.²⁴

Глубокоуважаемый Альберт Захарович!

Очень сожалею, что не смог встретиться с Вами и проконсультироваться по некоторым вопросам русско-французских отношений начала XIX века, что было бы для меня весьма желательно.

Не теряю надежды в следующий приезд увидеться с Вами и поговорить вокруг интересующих меня проблем. Ваши замечания были бы для меня особо ценными.

В ближайшем будущем смею надеяться при личной встрече выслушать для меня крайне важные Ваши соображения.

С уважением
[подпись]

5. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду, 31 декабря 1963 г.²⁵

Дорогой Альберт Захарович!

Получил письмо за подписью «бригадира 1 тома Чертковой» с предложением написать главу для «Великой французской буржуазной рево-

²² РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 43. Ед. хр. 23. Л. 26. Рукопись.

²³ *Манфред А.З.* Очерки истории Франции XVIII–XX вв. Сборник статей. М., 1961.

²⁴ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 41. Ед. хр. 23. Л. 1. Рукопись. Антадзе Коте Додоевич (1929–2006), доктор исторических наук, профессор Тбилисского государственного университета имени Джавахишвили.

²⁵ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Лл. 32–33. Рукопись.

люции XVIII века»²⁶ с «предупреждением», что выплата авторского гонорара не гарантируется. В общем, письмо написано так, что отказ от предложения принять участие в этом коллективном труде может быть истолкован как нежелание работать без гонорара.

Пишу поэтому Вам как руководителю этой работы и уверен, что Вы меня правильно поймете. Вы знаете, что я никогда не гнался за гонорарами и если вынужден отказаться от сделанного мне предложения, то только потому, что занят сейчас всецело своей книгой²⁷, которую обязательно должен закончить в ближайшие месяцы²⁸.

Когда я был в Москве, Вы мне предложили выступить с докладом на «французской группе». Я думаю, что это действительно нужно сделать, так как я уже несколько лет числюсь (насколько мне известно) членом этой группы, но до сих пор фактически не принимал участия в ее работах. В следующий мой приезд в Москву мы с Вами конкретно договоримся об этом.

От своего имени, а также от имени Анны Николаевны²⁹ поздравляю Дору Семеновну³⁰ и Вас с новым годом и желаю Вам здоровья и всяческих успехов. Особенно хотелось бы, чтобы Вам – как самому крупному в нашей стране специалисту по истории Франции – удалось в 1964 году поработать во Франции и осуществить Ваши творческие замыслы.

[подпись]

²⁶ Речь идет о замысле советских историков написать коллективную монографию в трех томах о Французской революции XVIII в. Проспект этой книги для обсуждения был разослан советским историкам в конце 1962 г. (См., например, письмо В.С. Алексеева-Попова к А.З. Манфреду от 19 января 1963 г. – РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 41. Ед. хр. 14. Л. 36). Однако по ряду причин, в том числе из-за разногласий концептуального характера, издание трехтомника не состоялось. Подробно см.: *Гордон А.В.* Великая французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 216–226.

²⁷ Речь идет о его книге «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции».

²⁸ А.З. Манфред с пониманием отнесся к отказу А.Р. Иоаннисяна, написав в ответном письме от 4 января 1964 г.: «В том же, что касается вопроса по существу – о Вашем участии в этом издании, то я должен, видимо, согласиться с Вашим решением. Конечно, завершение и издание Вашей книги – важнее всего – и для Вас, и для науки нашей». – НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257. Л. 16–17.

²⁹ Супруга А.Р. Иоаннисяна.

³⁰ Дора Семеновна (1896–1972) – первая супруга А.З. Манфреда.

6. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду, январь 1964 г.³¹

Дорогой Альберт Захарович!

Получил Ваше письмо от 9 января. Очень Вам признателен, что Вы согласны заслушать мой доклад на заседании «французской группы». Что касается темы доклада, то думаю, что интересней для группы будет тема: «Буассель в годы революции». Эту же работу можно было бы предусмотреть для «Ежегодника», но не знаю, позволит ли это ее размер³². Когда приеду в Москву еще сам точно не знаю. Сейчас усиленно работаю, и, как мне представляется, не зря.

Разрешите еще раз поблагодарить Вас за Ваше внимание ко мне.

Ваш

[подпись]

7. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду, 25 июня 1964 г.³³

Дорогой Альберт Захарович!

Пересылаю Вам маленькую статью для «Французского ежегодника»³⁴. Статью о Ретифе не посылаю по следующим причинам: а) получается слышком много, а сократить нецелесообразно [;] б) отдельные материалы мной уже опубликованы³⁵ [;] в) на ее завершение мне понадобилось бы месяца два – а срок 1 месяц. Я думал сперва прислать Вам статью из трех очерков – портретов: Кюбьер – Мерсье – Бонвиль, всех трех, связанных с «Социальным кружком», но потом решил, что вряд ли это подойдет для «Ежегодника».

Летом, очевидно, останусь здесь, но осенью надеюсь Вас повидать. Привет всей Вашей семье.

[подпись]

³¹ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Л. 41. Рукопись.

³² В письме от 26 января 1964 г. к нему А.З. Манфред одобрил эту тему: «Буассель в годы революции» – тема превосходная и для доклада на группе, и для статьи в «Ежегоднике». Будем считать, что мы по этому вопросу договорились; теперь остается уточнить сроки» (НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257. Л. 18). Отметим, что А.Р. Иоаннисян, тем не менее, ни разу не выступил с докладом на Французской группе: в отчетах о работе группы по изучению истории Франции за 1964–1967 гг., опубликованных в ФЕ, о его выступлении не упоминается. Да и такой статьи для ФЕ он не написал.

³³ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Л. 4. Рукопись.

³⁴ См.: *Иоаннисян А.Р.* Мишель Кюбер в годы революции // ФЕ 1964. М., 1965. С. 50–56.

³⁵ См.: *Иоаннисян А.Р.* Утопия Ретифа де ла Бретона // Известия АН СССР. 1931. VII серия. Отделение общественных наук. № 2. С. 171–200; № 7. С. 833–856; *Он же.* Ретиф де ла Бретон // Ретиф де ла Бретон. Южное открытие, произведенное летающим человеком, или Французский Дедал. М.-Л., 1936. С. V–LVIII; *Он же.* Ретиф де ла Бретон и французский реализм XIX века // Литературный критик. 1936. № 7. С. 41–70.

8. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду, 19 марта 1965 г.³⁶

Дорогой Альберт Захарович!

Пишу Вам в надежде, что Вы уже возвратились из Кисловодска. Я наконец полностью закончил свою монографию «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции». Остается лишь отпечатать ее на машинке, что, думаю, займет около месяца. Поэтому надеюсь, что в середине апреля смогу положить ее на стол. Не знаю, конечно, что получилось, но я, во всяком случае, вложил в эту работу очень большой труд и завершил ее, преодолевая очень большие препятствия и ценой большого морального ущерба. Здесь меня наши местные историки публично упрекали, что вместо того, чтобы заниматься историей армянского народа, я занимаюсь «французским социализмом». А что говорили за глаза – и передать трудно. Так что можете представить, в какой атмосфере мне приходилось работать. Я об этом не говорил до завершения работы, но теперь сказать могу.

Должен также сказать Вам вполне откровенно, что Вы единственный человек, на которого я могу надеяться как на историка-специалиста, который согласился прочесть мою монографию и дать ее объективную оценку. Вряд ли впредь я смогу что-нибудь еще написать, но очень хотелось бы, конечно, довести эту работу до конца, чтобы весь мой многолетний труд не прошел даром.

Анна Николаевна вот уже два с половиной месяца как лежит в постели, и поэтому, как Вы сами понимаете, настроение у меня совсем неважное. Ей, правда, сейчас немного лучше, и хочу верить, что с наступлением хорошей погоды она поправится.

Надеюсь, что у Вас все в порядке. Когда я сижу здесь долго, я бываю как бы отрезан от мира и не знаю никаких новостей ни о ком и ни о чем.

Прошу Вас передать мой сердечный привет Доре Семеновне.

[подпись]

9. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду, 1 апреля 1965 г.³⁷

Дорогой Альберт Захарович!

Получил Ваше письмо, которое меня очень обрадовало. Я никогда не сомневался в Вашем добром ко мне отношении и выражаю Вам еще раз свою признательность за Ваше намерение помочь мне в опубликовании

³⁶ Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Лл. 8–8 об. Рукопись.

³⁷ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Л. 10. Рукопись.

моей работы³⁸. Печатание на машинке идет хорошо и будет, очевидно, закончено к 15–20 апреля. Если я не смогу сразу же выехать в Москву, то вышлю Вам рукопись почтой, а сам подъеду через несколько дней. Для меня сейчас самое важное, чтобы Вы ее прочли. Я знаю, что Вы и так перегружены и для Вас это большой дополнительный труд, но я все же надеюсь, что Вы не откажете мне в этой просьбе. Ведь где бы и как бы моя книга не печаталась, редактором, как я твердо рассчитываю, будете только Вы³⁹. Кроме того, Ваш отзыв будет иметь решающее значение и без него вряд ли можно будет что-либо предпринять для включения ее в издательский план. А ведь сделать это нужно как можно скорее, не позже мая, так как иначе будет уже поздно. Если я и решаюсь столь настойчиво просить Вас об этом одолжении, то исхожу отчасти и из того, что тема моей работы не может не представлять для Вас интереса, как специалиста по истории Великой французской революции.

Очень благодарен также за Ваше предложение принять участие в коллективной «Истории Франции»⁴⁰. Оно, конечно, очень для меня

³⁸ Это письмо является ответом на недатированное письмо А.З. Манфреда к А.Р. Иоаннисяну, в котором, высказывая восторженные оценки его труда по истории коммунистических идей в годы Французской революции, А.З. сообщал также о предпринятых им шагах по организации издания этого труда Институтом истории АН СССР: «Прежде всего хочу Вас от всей души поздравить с завершением работы. Закончить книгу – это ведь большая радость; в наши годы – особенно! Судя по тому, что мне пришлось читать и что Вы мне рассказывали о собранных Вами материалах – эта книга будет большим событием не только в Вашей научной биографии, но и скажет новое слово и в науке – в истории социалистических идей XVIII века, в истории революции.

Могу Вам сообщить новость, которая будет Вам приятна. Еще до отъезда в Кисловодск я беседовал с Влад[имиром] Мих[айловичем] Хвостовым о Вашей книге, и мы договорились, что она пройдет через наш Ученый совет по всеобщей истории и будет выпущена как издание Института истории АН СССР.

Я думаю, что на заседании Совета я ее сам представлю от группы по истории Франции; но, понятно, что Ваше присутствие обязательно». – НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257. Л. 6–7.

³⁹ Книга А.Р. Иоаннисяна «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции» была опубликована без научного редактора. Отметим, что второе издание его книги «Шарль Фурье» (М., 1958) было опубликовано под редакцией А.З. Манфреда. Однако последующие его монографии по истории французской утопической и социалистической мысли не имели научного редактора. Как-то в разговоре со мной В.М. Далин так объяснил это: «Он не нуждается в редакторе».

⁴⁰ Как это выясняется из недатированного письма А.З. Манфреда к А.Р. Иоаннисяну, работы по написанию коллективного труда по истории Франции, опубликованного в 1972–1973 гг. в трех томах под редакцией А.З., были начаты еще в 1965 г. По предварительному замыслу, издание намечалось осуществить только в двух томах. А.З. Манфред, учитывая огромный научный авторитет Абгара Рубеновича, обратился к нему с просьбой принять участие в этой работе: «У меня к Вам просьба-предложение. Мы издаем (и довольно спешно) двухтомную «Историю Франции», в написании которой участвуют все наши крупней-

заманчиво со всех точек зрения. Но войдите в мое положение. Разве я могу взять на себя обязательство написать что-либо до сентября, когда все эти месяцы я буду возиться с моей работой – в апреле ее напечатать на машинке, в мае «проталкивать» ее в Москве, а затем, если все будет удачно, вести подготовительную работу для сдачи ее в печать, что, как Вы знаете, отнимает много времени. К тому же я не свободный человек. Моя судьба сложилась так, что я никогда не мог заниматься только научной работой, а вынужден был зарабатывать себе на жизнь, занимая различные административные должности. Вот и сейчас я назначен председателем РИСО нашей Академии. Я уже не говорю о том, что я чрезмерно устал и летом обязательно должен отдохнуть. Так что я лишен, к сожалению, возможности принять Ваше предложение, несмотря на все его соблазнительные стороны.

Анна Николаевна все еще больна, но сейчас ей значительно лучше. Я очень хочу вывезти ее в Москву, если только она сможет выехать. Что касается меня, то я при всех случаях приеду в Москву в конце апреля – начале мая.

Очень рад, что Дора Семеновна теперь поправилась. Анна Николаевна просит передать ей сердечный привет. Надеюсь, что и у Вас с давлением теперь все в порядке. Это – обычное явление при перемене высоты. Со мной это часто бывало при переездах из Еревана в Москву.

С наилучшими пожеланиями
[подпись]

10. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду [ноябрь 1966 г.]⁴¹

Дорогой Альберт Захарович!

Посылаю Вам для Вашего сведения рецензию на трехтомник Робеспьера, которую я отправил в «Вопросы истории»⁴². Если Вы с чем-либо несогласны, то я исправлю это, когда получу корректуру⁴³.

шие специалисты-франковеды: С.Д. Сказкин, Ф.В. Потемкин, В.М. Далин, А.Д. Люблинская, С.И. Павлова, [А.И.] Молок и друг[ие]. Мы не мыслим себе выхода этого издания без Вашего участия, и я (на меня возложены обязанности главного редактора) прошу Вас дать согласие написать нам главу о Франции XVIII века (до революции). Естественно, что главным в этой главе (главным в главе – стилистически нехорошо; прошу меня извинить) будет «Просвещение», предреволюционная идеология, и лучшим автором по этой главе можете быть Вы». – НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257. Л. 7–8.

⁴¹ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Л. 34. Рукопись.

⁴² См.: ВИ. 1967. № 2. С. 171–173.

⁴³ А.З. Манфред, несмотря на высказанные два незначительных пожелания, остался доволен этой рецензией: «Там все очень правильно, хорошо», – писал он в ответном письме от 25 ноября 1966 г. – НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257. Л. 23.

Я твердо надеюсь, что Вы уже совсем здоровы и чувствуете себе хорошо. Надеюсь в конце октября быть в Москве на пленуме РИСО и повидаться с Вами.

Привет всем Вашим. С наилучшими пожеланиями
[подпись]

11. К.Е. Джеджула – А.З. Манфреду, 3 мая 1966 г.⁴⁴

Здравствуйте, глубокоуважаемый Альберт Захарович!

Хочу сообщить Вам, что я очень опечален. Мне стало известно, что Вы не приедете на мою защиту. Эта весть меня и моих коллег, которые ожидали Вас, очень потрясла. Ваше выступление и Ваше мнение, с которым так считаются наши ученые, были бы решающим в моем деле. Ваш же отказ от выступления будет расценен здесь как отрицательное отношение к моей работе. Это обстоятельство, вне всякого сомнения, очень сильно повлияет на всех и поставит меня в исключительно затруднительное положение. Ваше желание помочь мне превратится в этих условиях в свою противоположность⁴⁵.

Альберт Захарович, если Вы не можете приехать в Киев и выступить официальным оппонентом, то пришлите, пожалуйста, хотя бы кратенький отзыв на мой автореферат. Это несколько сгладило бы то впечатление, которое будет вызвано Вашим отсутствием на защите, и несколько облегчило бы мое положение.

Что касается моей диссертации, то после обсуждения в Москве я еще очень много потрудился над ней, учел все полезные замечания, на одну треть сократил и значительно улучшил ее. Я довел ее до такого состояния, при котором никакой серьезной критики она вызывать не может.

Защита планируется на 16 мая. Я Вас очень прошу: пришлите Ваш отзыв к этому числу.

Простите, пожалуйста, за беспокойство.
С глубоким уважением
[подпись]

⁴⁴ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 44. Ед. хр. 1. Лл. 1–1 об. Рукопись.

⁴⁵ По свидетельству В.Г. Сироткина, А.З. Манфред и В.М. Далин остались не очень довольны первоначальным вариантом работы К.Е. Дджеджулы «Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII века». См.: копию отзыва В.Г. Сироткина на мою кандидатскую диссертацию по истории переворота 18 фрюктидора (личный архив В.А. Погосяна).

12. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду, [февраль 1967 г.]⁴⁶

Дорогой Альберт Захарович!

Получил Ваше письмо. Хотя я всегда знал о Вашем дружеском ко мне отношении, но все же я был глубоко тронут Вашей заботой о судьбе моей книги. А это действительно имеет для меня очень важное значение. Ведь 99% людей-неспециалистов судят о той или иной работе лишь по рецензиям. Уверен, что с Вашей помощью и под Вашим контролем все будет благополучно⁴⁷.

В настоящее время я конкретизировал план новой работы, которая, быть может, покажется Вам несколько неожиданной и о которой я поговорю с Вами, когда мы увидимся, так как прежде чем приступить к ней в широком масштабе, я хотел бы посоветоваться с Вами. С Парижем, видимо дело выходит, и, очевидно, я поеду туда в конце марта на три месяца, а до этого, конечно, приеду в Москву.

У нас в этом году стоит необычно мягкая, теплая зима, или вернее сказать – мы зимы почти не видели. Но это плохо, так как от этого различные болезни, в том числе грипп, которым и я переболел. Говорят, и в Москве сильный грипп – но надеюсь, что он уже кончился.

Итак, до скорого свидания, так как рассчитываю быть в Москве не позже марта. Анна Николаевна шлет Вам самый сердечный привет.

Ваш

[подпись]

⁴⁶ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Лл. 14–14 об. Рукопись.

⁴⁷ Письмо к нему А.З. Манфреда от 3 февраля 1967 г. свидетельствует об огромных усилиях, приложенных им для организации публикации в советских исторических изданиях квалифицированных рецензий на монографию А.Р. Иоаннисяна о коммунистических идеях в годы Французской революции: «Хотел Вам сообщить, что в определенной части дела улажены, так, как мы и говорили. Я беседовал с А.В. Адо, затем звонил в редакцию «В[опросов] и[стории]», и в итоге достигнута полная договоренность: А.В. Адо в ближайшее время напишет рецензию, и она будет помещена в журнале. Во втором журнале – «Н[овой] и[о]вейшей и[стории]» – дело несомненно сложнее. Когда я с ними подвел разговор на эту тему, мне сказали, что рецензия поручена Г.С. Кучеренко и Б.Ф. Поршневу; последнему она будет переслана в Париж. Что-либо изменить мне не удалось. Я смог лишь дать Кучеренко ориентирующие его соображения, и он обещал, что все будет как следует. Я буду наблюдать и за этим; Кучеренко ходит ко мне в сектор, и я думаю, что все будет как следует». – НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257. Л. 25. См.: рецензии Б.Ф. Поршнева и Г.С. Кучеренко в НиНИ (1967. № 5. С. 172–174) и А.В. Адо в ВИ (1968. № 8. С. 169–171).

13. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду, 14 января 1968 г.⁴⁸

Дорогой Альберт Захарович!

Ваше письмо, посланное 25 декабря, получил только вчера, 13 января. Извините поэтому, что отвечаю Вам с таким запозданием.

Я думаю, что для франко-советского сборника было бы желательно предусмотреть мою работу о Буасселе. Конечно, дать ее целиком нельзя. Поэтому думаю, что можно ограничиться наиболее интересным периодом его деятельности, а именно периодом Конвента, т.е. 1792–1795 гг. Статью можно было бы озаглавить: «François Boissel et l'idée socialiste pendant la Convention». Размер такой статьи был бы, однако, 3 печ[атных] листа, так как нужно дать весь конкретный материал, а иначе ее не стоит печатать⁴⁹.

Я надеюсь, что Вы теперь совершенно здоровы и чувствуете себя хорошо. Что касается меня, то время на административной работе летит быстро. Когда я был в ноябре в Москве, то Александр Андреевич⁵⁰ мне говорил, что первое заседание нового бюро Национального комитета историков (куда входим мы оба) состоится в январе. Но пока ничего об этом не слышно. Если такое заседание состоится в конце января или в феврале, то я обязательно приеду, так как в Москве у меня есть и другие дела. Кстати, я так ничего не знаю нового о франко-советской конференции историков, в частности какой ответ получен от французов⁵¹. Ведь сейчас уже самое время наметить конкретную тематику и докладчиков, а то будет поздно. Поэтому если в ближайший месяц заседание бюро Национального комитета не предполагается, то было бы желательно, чтобы меня вызвали в Москву для участия в работах созданной Отделением исторических наук комиссии (в которую входим мы с Вами вместе с А.А. Губером) с целью решения всех этих вопросов.

Прошу Вас от имени Анны Николаевны и меня лично передать самый сердечный привет Надежде Васильевне⁵².

С наилучшими пожеланиями

[подпись]

⁴⁸ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Лл. 17–18. Рукопись.

⁴⁹ См.: *Иоаннисян А.Р.* Франсуа Буассель и идея социализма в годы Французской революции // Век Просвещения. С. 289–304; *Ioannisian A.* François Boissel et l'idée du socialisme pendant la Révolution française // Au siècle des Lumières. P. 287–304.

⁵⁰ Академик А.А. Губер (1902–1971), председатель Национального комитета историков СССР с 1957 г.

⁵¹ Имеется в виду проведение предстоящей IV конференции советских и французских историков, состоявшейся в ноябре 1969 г. в Ереване.

⁵² Кузнецова Надежда Васильевна (1924–2008) – вторая супруга А.З. Манфреда.

14. И.И. Минц – А.З. Манфреду, 27 января 1968 г. (отрывок)⁵³

Дорогой Альберт Захарович!

Мне нечего добавлять, что я возвращаю Вам, как говорится, полной порцией Ваши пожелания и, разумеется, желаю прежде всего здоровья, ибо все остальное даст Вам Ваш талант.

15. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду, 4 октября 1968 г.⁵⁴

Дорогой Альберт Захарович!

Получил письмо от бригадира сборника⁵⁵ Г. Чертковой с просьбой выслать статью о Буасселе.

Я долго думал, что делать. Публиковать вторично главу или часть главы моей книги неудобно⁵⁶, так как сборник ведь выйдет не только на французском, но и на русском языке. Кроме того, размер был бы слишком большой. Поэтому в конце концов я решил выслать текст своего доклада в Париж, добавив лишь необходимые ссылки на источники. Доклад этот имеется во французском переводе, что тоже удобно – нет необходимости в новом переводе. Размер – всего один печатный лист.

Как раз в эти дни должна была состояться наша конференция. Погода стоит исключительно хорошая, и мне тем более жаль, что это дело не вышло и что мои московские друзья, и, разумеется, в первую очередь Вы и Надежда Васильевна, не находитесь сейчас в Ереване⁵⁷. Анна Николаевна просит также передать Вам и Надежде Васильевне свой сердечный привет.

С наилучшими пожеланиями
[подпись]

16. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду, [декабрь 1968 г.]⁵⁸

Дорогой Альберт Захарович!

⁵³ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 48. Ед. хр. 39. Л. 2. Машинопись.

⁵⁴ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Лл. 53–54. Рукопись.

⁵⁵ Речь идет о вышеупомянутом сборнике статей «Век Просвещения».

⁵⁶ Четвертая глава книги А.Р. Иоаннисяна «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции» посвящена Буасселю.

⁵⁷ А.Р. Иоаннисян был намерен организовать IV конференцию советских и французских историков в Ереване осенью 1968 г., однако Жан Шнейдер, председатель Французского комитета исторических наук, отклонил это предложение из-за возникшей в университете Нанси проблемы с избранием его преемника на пост декана факультета гуманитарных наук, которое, т.е. избрание, собирались провести как раз в октябре 1968 г. См.: его письмо к А.Р. Иоаннисяну от 22 июля 1968 г. – НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 256. Л. 13.

⁵⁸ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Лл. 47–48–48 об. Рукопись.

В декабре я был в Москве, звонил Вам, но Ваша дочь мне сказала, что Вы в Малеевке и что Надежда Васильевна также поехала к Вам туда. Очень жалею, что не смог с Вами тогда поговорить.

Пересылаю Вам фотокопию черновика отречения Наполеона от престола, которая хранится в Музее литературы и искусства Армении. История этого черновика такова. Он попал в руки русского генерала Астафьева, у внука которого и приобрел этот документ музыковед и коллекционер Василий Давидович Корганов⁵⁹. Я его хорошо знал – он был близок с моими родителями и часто у нас бывал. В.Д. Корганов приобрел этот документ накануне Первой мировой войны и широко его разрекламировал. Сообщения и статьи были опубликованы во французской, немецкой и русской прессе. Во Франции была выпущена даже открытка с воспроизведением этого автографа Наполеона.

Вернувшись в 20-х годах из Парижа в Советскую Армению, В.Д. Корганов занимал около десяти лет должность заместителя директора Публичной библиотеки.

Он передал в дар свою личную библиотеку⁶⁰ и свой архив, в том числе и черновик отречения Наполеона, который затем, вместе со всем его архивом, был передан Музеем литературы и искусства.

У меня лично пока никаких новостей нет. Дни и месяцы бегут быстро. Надеюсь, что Вы вполне здоровы и у Вас все обстоит хорошо.

Прошу Вас передать сердечный привет Надежде Васильевне от меня и Анны Николаевны.

С наилучшими пожеланиями
[подпись]

17. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду [январь 1969 г.]⁶¹

Дорогой Альберт Захарович!

Примерно месяц назад я выслал Вам фотокопию черновика отречения Наполеона от престола, которую Вы, надеюсь, получили.

⁵⁹ В.Д. Корганов (1865–1934) – видный армянский музыковед и общественный деятель, основатель издававшегося в Тифлисе в 1900–1904 гг. на русском языке научно-литературного журнала «Кавказский вестник», автор книг о Бетховене и Моцарте.

⁶⁰ В декабре 1975 г. в личной беседе со мной А.Р. Иоаннисян признал, что интерес к истории французской общественной мысли у него возник еще в годы его обучения в Ереванском университете после ознакомления в Публичной библиотеке АрмССР с книгами французских мыслителей XVIII столетия из личной библиотеки В.Д. Корганова.

⁶¹ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Лл. 36–37–37 об. Рукопись.

Я думал быть в Москве в начале февраля проездом в ГДР, куда приглашена делегация нашей Академии. Но наш президент В.А. Амбарцумян⁶² заболел, и поездка эта отложена.

Не имеете ли Вы каких-либо сведений о французах? Дело в том, что еще в конце года я получил письма от Шнейдера⁶³ и Глениссона⁶⁴ с выражением надежды, что франко-советская конференция историков состоится в недалеком будущем. В своих ответных письмах, в декабре, я тоже выразил эту надежду. Но дальше я ничего не знаю. Между тем нужно все же уточнить срок этой конференции, так, чтобы он был приемлемым для всех.

Как Вы себя чувствуете и как Ваше здоровье? Говорят, в Москве сильный грипп. Надеюсь, что Вы его избегли.

Сердечный привет Надежде Васильевне.

С наилучшими пожеланиями

[подпись]

Да, кстати, номер нашего дома изменился. Теперь это пр[оспект] Ленина 9, кв[ртира] 5, а не 39. Хотя письма приносят и по старому номеру. Лучше пока что писать пр[оспект] Ленина 9 (бывш[ий] 39), кв[ртира] 5.

18. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду, 22 июня 1969 г.⁶⁵

Дорогой Альберт Захарович!

Получил Ваше любезное письмо. Очень рад, что Вы сочли возможным включить статью в очередной том «Ежегодника». Я мог бы добавить и другие материалы, но боялся, что она получится слишком большой.

⁶² Академик Виктор Амазаспович Амбарцумян (1908–1996) занимал должность президента АН АрмССР и Республики Армения в 1947–1993 гг.

⁶³ Жан Шнейдер (1903–2004), член Института с 1968 г., был в конце 1960-х годов председателем Французского комитета исторических наук, деканом факультета гуманитарных наук университета Нанси. Этого письма Ж. Шнейдера в архиве А.Р. Иоаннисяна нам обнаружить не удалось. К слову, в письме от 30 декабря 1969 г. к А.З. Манфреду, касаясь приема, оказанного французской делегации в ноябре 1969 г. в Ереване, Ж. Шнейдер писал: «Время не стирает ту благодарную память, которую мы храним об оказанном нам в СССР превосходном приеме» (РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 53. Ед. хр. 10. Л. 3). То же констатировала в письме от 7 января 1970 г. к А.Р. Иоаннисяну супруга одного из членов французской делегации Жана Глениссона. См.: НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 256. Л. 20.

⁶⁴ Жан Глениссон (родился в 1921 г.) был директором Института исследований текстов и их истории в Национальном центре научных исследований Франции. Этого письма Ж. Глениссона в архиве А.Р. Иоаннисяна нам обнаружить не удалось.

⁶⁵ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Лл. 45–45 об. Рукопись.

Пересылаю резюме статьи⁶⁶. Что касается сопоставления текстов Дюливье и Дюкрюи, то думаю, что давать их в русском переводе не стоит, так как это было бы повторением того, что уже есть в тексте. Поэтому, быть может, лучше вообще снять это сопоставление, вместе со словами: «приведем для сравнения эти основные тезисы обоих авторов».

Надеюсь иметь возможность приехать в Москву в конце июля. Написал В.М. Хвостову относительно конференции в Ереване в сентябре⁶⁷. Думаю, что на этот раз это, наконец, окажется возможным осуществиться и что, будучи в Москве, окончательно договорюсь об этом.

Желаю Вам всего хорошего, а главное (если не отдыхали) хорошо летом отдохнуть. Привет Вашей супруге.

[подпись]

19. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду, 16 сентября 1969 г.⁶⁸

Дорогой Альберт Захарович!

Получив Ваше письмо, я был очень огорчен, что не смог повидать Вас проездом из Парижа. Дело в том, что я Вам звонил, даже два раза, но так как никто не подошел к телефону, я решил, что Вы в отпуску или на даче.

Прежде всего хочу выразить Вам самую сердечную и искреннюю благодарность за Вашу столь горячую поддержку моей работы. Откровенно говоря никакой надежды на присуждение ей премии я не питаю⁶⁹ хотя бы потому, что хорошо знаю, что Комитет по премиям в его теперешнем виде и составе провалит любую работу по общественным наукам, за исключением разве по археологии или по древнерусской тематике. Я сам был одно время членом этого Комитета и хорошо помню историю с «Парижской коммуной». Но дело не в этом. Я считаю, что уже получил большое моральное удовлетворение, поскольку все мои коллеги-историки, мнением которых я очень дорожу,

⁶⁶ Неясно, о какой статье идет речь, поскольку за эти годы А.Р. Иоаннисян ни одной статьи в ФЕ не опубликовал.

⁶⁷ Имеет в виду проведение IV конференции советских и французских историков в Ереване, состоявшейся с 12 по 18 ноября 1969 г. См.: о ней: Нарочницкий А.Л. Четвертая советско-французская конференция историков // НиНИ. 1970. № 3. С. 164–166.

⁶⁸ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Лл. 56–56 об. Рукопись.

⁶⁹ Речь идет о выдвигении в 1969 г. на присуждение Государственной премии СССР монографии А.Р. Иоаннисяна «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции». Академик Б.Б. Пиотровский говорил мне, что это он выступил инициатором выдвижения. Однако, признал Борис Борисович, к положительному результату это не привело из-за «неактуальности темы».

высказались столь положительно о моей работе⁷⁰. Поэтому Ваше письмо меня чрезвычайно обрадовало. Я хорошо знаю, конечно, что всем этим я обязан прежде всего лично Вам, так как именно при Вашем содействии моя монография увидела свет⁷¹ и так как Вы неизменно проявляли ко мне самое дружеское расположение. Можете быть уверены, что я, со своей стороны, всегда готов сделать для Вас все, что в моих силах и возможностях.

Чтобы покончить с этой темой, хотел бы совершенно откровенно признаться Вам, что мне очень бы хотелось, чтобы итоги обсуждения моей работы⁷² в виде отзыва были бы опубликованы на страницах «Правды» или «Известий», как это практикуется в отношении работ, выдвинутых на премию. И опять таки не потому, что я рассчитываю, что это поспособствовало бы присуждению премии (в этом отношении, повторяю, не нужно строить никаких иллюзий), а потому, что таким путем оценки моей работы специалистами стала бы достоянием гласности, в частности у нас в Армении, что имело бы для меня большое значение⁷³.

⁷⁰ Помимо вышеупомянутых рецензий Б.Ф. Поршнева, Г.С. Кучеренко и А.В. Адо, См.: также рецензию В. Маркова в *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* (1968. Н. 2. S. 238–239).

⁷¹ Рукопись этой книги была в 1965 г. рекомендована к печати на основе письменно-го отзыва А.З. Манфреда, текст которого я обнаружил в личном архиве А.Р. Иоаннисяна и опубликовал. См.: Иоаннисян А.Р. Неизданные произведения / Сост., предисл. и комм. В.А. Погосяна. Ереван, 2009. С. 164–167. А.З. Манфред и позднее следил за ходом издания этой книги. В письме к А.Р. Иоаннисяну от 28 ноября 1965 г. он писал: «Я рад возможности Вам прежде всего сообщить, что работа с Вашей книгой в издательстве проходит успешно. Я слежу за ней» (НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257. Л. 19).

⁷² Об этом обсуждении его уведомил А.З. Манфред в письме от 9 сентября 1969 г. «Я рад возможности сообщить Вам приятные вещи. Летом (это было в начале июня) по поручению Комитета по премиям я организовал в нашей французской группе широкое обсуждение Вашей работы в связи с выдвижением ее на премию. Было много народу, и работа получила исключительно высокую оценку. Т[ак] к[ак] Комитет хотел широкой и всесторонней оценки работы, то был ряд выступлений специалистов; практически выступили все специалисты по этой эпохе: В.М. Далин, А.В. Гордон, А.В. Адо, Б.Г. Вебер, Б.Ф. Поршнев и я.

Я совершенно уверен в благоприятном конечном решении, но даже независимо от него должен Вам сказать, что та аргументированная очень высокая оценка Вашего труда специалистами сама по себе была уже большим торжеством, и единственно, о чем я жалею, – это то, что Вас не было. Я думаю, что буду иметь возможность Вас еще поздравлять, но я рад возможности Вас поздравить уже сейчас с большим заслуженным успехом и в заключительном слове, подводя итоги обсуждения, я это уже сделал» (НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 250. Л. 34; там же. Д. 257. Л. 14. Это письмо было написано на двух листах, которые из-за оплошности сотрудников НАА попали в разные дела архива А.Р. Иоаннисяна).

⁷³ В недатированном письме, написанном, судя по содержанию, во второй половине сентября 1969 г., А.З. Манфред так среагировал на эту просьбу А.Р. Иоаннисяна: «Все, что я писал о Вашей книге и что делал в связи с ней, – все это по велению сердца и по искренней моей радости, что Вы создали хорошую книгу. То, что Вы пишете о «Правде» или

Теперь о франко-советской конференции. Сроки остаются те же, т.е. с 11 по 20 ноября. Шнейдер и Глениссон, которых я последний раз видел в конце июля и в начале августа, пока, очевидно, и не думают уходить со своих постов. Оба они в составе делегации. С Ал[ександром] Анд[реевичем] Губером мы условились, что в последних числах октября в Москве состоится заседание нашего Оргкомитета, на котором будут окончательно решены все вопросы, связанные с конференцией. Так что в будущем месяце увидимся и обо всем поговорим.

Прошу вас передать Надежде Васильевне самый искренний привет от меня и Анны Николаевны.

С наилучшими пожеланиями

[подпись]

P.S. Относительно обмена текстами докладов никаких переговоров ни с кем я не вел и ничего не обещал.

20. Г.Ш. Кигурадзе – А.З. Манфреду, 24 февраля 1970 г.⁷⁴

Глубокоуважаемый Альберт Захарович!

Примите прежде всего мои сердечные приветствия и пожелания всего наилучшего: доброго здоровья и больших научных успехов.

Во-вторых, глубоко извиняюсь за некоторое опоздание с высылкой статьи. К сожалению, модная болезнь не минула и меня – пришлось отдать дань гриппу, и поскольку русский перевод (единственный экземпляр) остался в ВАКе, мне пришлось делать перевод заново. Сейчас статью для «Французского ежегодника» высылаю Вам⁷⁵.

Вторая статья для сборника о Парижской коммуне⁷⁶ – «Парижская коммуна и передовая грузинская общественность», написанная мной

«Известиях», – совершенно правильно. Но в отношении этих изданий существует такая давняя традиция, что инициатива должна исходить от них. Другими словами, это значит, что туда не принято самим предлагать что-либо. Само собой разумеется, что я с великой охотой написал бы о Вашей книге и повторил бы все лестные суждения о ней, которые не раз высказал. Но надо, чтобы кто-то им бы подсказал эту идею». – НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 253. Л. 32–33.

⁷⁴ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 38. Л. 1. Машинопись. Кигурадзе Гиви Шалвович (1922–1978), доктор исторических наук, профессор Тбилисского государственного университета имени Джавахишвили.

⁷⁵ Неясно, о какой статье идет речь, ибо мне не удалось обнаружить ее в ФЕ.

⁷⁶ Речь идет о сборнике статей «История Парижской коммуны» (М., 1971).

вместе с проф[ессором] Донадзе В.Б.⁷⁷, тоже готова и в ближайшее время будет Вам выслана⁷⁸.

Что касается создания «группы истории Франции», мы уже приняли определенные шаги. В апреле-мае мы думаем созвать республиканское совещание заинтересованных коллег и о результатах сообщим Вам особо.

Теперь вопрос о Зугдиди. Там в музее имеется, можно сказать, уникальная литература по истории Франции, и особенно по эпохе Наполеона. Однако эта литература не обработана, т.е. библиотечно, и имеет характер музейных фондов. Поэтому если Вы сочтете необходимым ознакомление с этими материалами и найдете время для приезда, мы, в частности, я лично буду очень рад всячески оказаться для Вас полезным – сопровождать Вас, устроить в Зугдиди и т.д.

Чтобы решать некоторые вопросы, затронутые нами в беседе с Вами, я и проф[ессор] Жордания Г.Г.⁷⁹ можем в кратчайшее время выслать Вам (для дальнейшего опубликования) подробное описание фондов и материалов, хранящихся в Зугдидском музее по истории Франции. Мы будем ожидать Ваших указаний по этому вопросу.

С искренним уважением,

Преданный Вам [подпись] (Кигурадзе Г.Ш.)

Тбилисский государственный университет
кафедра новой и новейшей истории

21. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду [май 1970 г.]⁸⁰

Дорогой Альберт Захарович!

Мы вернулись с Анной Николаевной в Ереван с запозданием – только 4 мая. В майские дни я звонил Вам по телефону, но не застал – очевидно, Вы были на даче. По возвращении мы нашли Ваше любезное письмо и хотели еще раз поблагодарить Вас и Надежду Васильевну за Ваше сердечное к нам отношение.

Я до последней минуты твердо надеялся, что смогу приехать дня

⁷⁷ Донадзе Варлам Барнабович (1907–1986), доктор исторических наук, профессор Тбилисского государственного университета имени Джавахишвили.

⁷⁸ А.З. Манфред счел желательным опубликовать эту статью в ФЕ. См.: *Донадзе В.Б., Кигурадзе Г.Ш.* Парижская Коммуна и передовая грузинская общественная мысль второй половины XIX века // ФЕ 1971. М., 1973. С. 70–82.

⁷⁹ Жордания Гиви Георгиевич (1911–2001), доктор исторических наук, профессор Тбилисского государственного университета имени Джавахишвили.

⁸⁰ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Лл. 15–15а–15а об. Рукопись.

на три в Москву, чтобы принять участие в симпозиуме по проблемам якобинской диктатуры⁸¹. Но это оказалось абсолютно невозможным. Амбарцумян уехал в Голландию. Другой вице-президент выехал в отпуск. Академик-секретарь лежит с сердечным приступом. Так что сейчас остался совсем один и должен вести все дела. Я ведь говорил Вам, что пока не избавлюсь от своей административной должности, то буду вечно связан по рукам и ногам.

Надеюсь, конечно, летом приехать в Москву. Возможно, уже в июне, если будет пленум РИСО. Во всяком случае, надеюсь скоро Вас повидать и обо всем поговорить.

Передайте наш сердечный привет Надежде Васильевне.

С наилучшими пожеланиями

[подпись]

22. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду [сентябрь 1970 г.]⁸²

Дорогой Альберт Захарович!

Пересылаю Вам копию письма на имя А.Л. Нарочницкого⁸³. Я был бы рад, если бы об этом письме узнали и другие мои коллеги.

Скоро буду в Москве и надеюсь с Вами встретиться.

Сердечный привет Надежде Васильевне.

[подпись]

⁸¹ См.: Проблемы якобинской диктатуры. Симпозиум в секторе истории Франции Института всеобщей истории АН СССР 20–21 мая 1970 г. // ФЕ 1970. М., 1972. С. 272–313.

⁸² РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Л. 12. Рукопись.

⁸³ Ниже полностью привожу сохранившийся в архиве А.З. Манфреда текст машинописной копии письма А.Р. Иоаннисяна от 15 сентября 1970 г. к А.Л. Нарочницкому:

«Редактору журнала «Новая и новейшая история» Алексею Леонтьевичу Нарочницкому.

В № 4 журнала «Новая и новейшая история» опубликована моя статья «Робер Франсуа Дебон». Я весьма признателен Вам за Ваше любезное согласие опубликовать эту статью. Однако она была напечатана в таком виде, что я вынужден обратиться к Вам с этим письмом.

1. Статья, и без того краткая, была без всякого основания еще сокращена, причем сокращена крайне неумело, в результате чего были даже перепутаны ссылки на архивные документы. Когда я получил гранки, я сделал самые минимальные исправления, указав в своем письме, что необходимо или их внести, или вообще пока что не печатать статью. Однако это не было сделано.

2. В опубликованной статье после моей фамилии напечатано «Вице-президент АН АрмССР». Я, как Вы знаете, всегда был против указания каких-либо званий авторов и специально просил в прошлом давать только мою фамилию без каких-либо титулов. Тем более совершенно недопустимо указывать при опубликовании научной статьи должность автора. Откровенно говоря, это граничит с издевательством и ставит меня в смешное и неловкое положение перед моими коллегами». – РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Л. 58.

23. М.В. Нечкина – А.З. Манфреду [7 января 1971 г.]⁸⁴

Дорогой Альберт Захарович! Шлю Вам свои наилучшие новогодние пожелания – здоровья, счастья, удачи во всем. Спасибо Вам за теплые слова о моих работах – Ваш отзыв для меня дорог. Благодарю за новогодние поздравления. Крепко жму руку.

[подпись]

24. М.В. Нечкина – А.З. Манфреду, 6 марта 1971 г. (отрывок)⁸⁵

Дорогой Альберт Захарович!

Вы были, есть и останетесь для меня верным другом, прекрасным человеком, одним из тех, кому полностью можно довериться, с кем радостно встретиться.

[подпись]

24. М.В. Нечкина – А.З. Манфреду, 5 октября 1971 г.⁸⁶

Дорогой Альберт Захарович!

Сердечно поздравляю Вас за два Ваши подарка – книгу о Парижской коммуне⁸⁷ и Вашу книгу «Наполеон Бонапарт». Вы меня балуете – сразу два таких подарка! От души поздравляю Вас с выходом этих книг, – это целый этап жизни ученого.

Я тут расхворалась, была на «постельном режиме», одно это ужасно. Но сейчас получше, хотя и не очень. Сегодня с Никольской горы приехала в Москву. Сильно, по-видимому, оторвалась от институтской жизни.

Приехала – и встретил меня Ваш «Наполеон Бонапарт»! Еще раз большое спасибо. Будет ли эта книга переведена на французский язык?⁸⁸ Крепко жму руку.

[подпись]

⁸⁴ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 49. Ед. хр. 17. Лл. 11–11 об. Рукопись. Дата определена по штемпелю почты на конверте.

⁸⁵ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 49. Ед. хр. 17. Л. 3. Рукопись.

⁸⁶ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 49. Ед. хр. 17. Л. 8–9. Рукопись.

⁸⁷ Речь идет о коллективной монографии «История Парижской коммуны» (М., 1971), в редколлегию которой входил и А.З. Манфред.

⁸⁸ Отметим, что после получения книги А.З. Манфреда о Наполеоне с таким же вопросом или же выражая такую надежду к нему обратились и некоторые из его зарубежных коллег. См.: письма Ж. Годшо от 6 апреля 1972 г. (РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 43. Ед. хр. 39. Л. 20), Ж. Брюа от 14 апреля 1972 г. (там же. К. 42. Ед. хр. 42. Л. 15) и К. Виллара от 15 апреля 1972 г. (там же. К. 43. Ед. хр. 2. Л. 16).

25. И.И. Минц – А.З. Манфреду, 2 ноября 1971 г. (отрывок)⁸⁹

Дорогой Альберт Захарович!

Примите мои поздравления с Новым годом! Это тем приятнее, что я могу поздравить Вас с великолепной книгой!⁹⁰ Желая здоровья и новых работ!

26. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду [конец 1971 г.]⁹¹

Дорогой Альберт Захарович!

Получил Ваше письмо. Книги пока не получил, но, очевидно, получу наднях. Я весьма благодарен Вам за то, что Вы меня не забыли и послали мне Вашу книгу⁹². Дело в том, что она была получена у нас в Ереване примерно месяц назад и распродана в один день, буквально за несколько часов. Когда я узнал об этом, было уже поздно и я, при всех моих стараниях, никак не мог ее достать. А Вы, конечно, сами понимаете, как мне интересно и необходимо ее прочесть.

Вы спрашиваете, послать ли Вам ее Виктору Амазасповичу Амбарцумяну. Если у Вас есть лишний экземпляр, то, несомненно, он будет весьма рад получить Вашу книгу. Лучше всего послать ее по адресу: ул[ица] Барекамутяна 24, Академия наук. Президенту В.А. Амбарцумяну. Или, если хотите, пришлите ее мне, я ее ему передам.

Анна Николаевна и я, к счастью, в этом году пока что не болели и избегали гриппа. У меня, однако, часто поднимается давление, видимо, я уже стал гипертоником, но что делать, годы берут свое. В Москве с сентября я так и не был, да и вряд ли, если не подвернется какой-нибудь случай, приеду раньше июня, когда должен состояться очередной пленум РИСО.

Работаю очень много. Целыми днями сижу в Академии наук, так как моя административная работа отнимает все больше и больше времени. Писать для себя имею возможность только по субботам и воскресеньям. Это тем более обидно, что по мере работы я все более убеждаюсь в ценности собранных мной в Париже материалов. Для «Французского ежегодника» я думал написать статью «Жерминаль IV года», посвященную в основном пропаганде и агитации «равных» до

⁸⁹ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 48. Ед. хр. 39. Л. 17. Рукопись.

⁹⁰ Имеется в виду «Наполеон Бонапарт».

⁹¹ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Лл. 20–20 об–21. Рукопись.

⁹² «Наполеон Бонапарт».

закона 24 жерминаля, положившего конец их публичной агитации⁹³. Вы знаете, что Матъез и многие другие, рассматривая «заговор равных» как последнюю вспышку якобинского движения, утверждали, что бабувисты вели агитацию лишь за восстановление конституции 1793 года, и что коммунизм был лишь тайной целью некоторых последователей Бабефа, целью, которую они не только не пропагандировали, но даже тщательно скрывали⁹⁴. В действительности же все обстояло не так и тщательное изучение архивных материалов и прессы дает совсем иную картину. Я отделил и сгруппировал уже все собранные мной материалы и пишу по мере возможности, хотя часто отвлекаюсь в сторону, так как, скажем, один лишь вопрос об Антонеле представляет исключительный интерес. Когда, однако, закончу, не знаю. Моя административная должность, кстати, мне совсем не нужная, меня буквально губит, а избавиться от нее я пока никак не могу.

Я очень огорчен, что Вы в эту зиму болели, но надеюсь не серьезно – очевидно гриппом, который в этом году опять свирепствовал. Надеюсь, что Вы теперь совершенно здоровы, так же как и Надежда Васильевна. Сердечный привет ей от Анны Николаевны и меня.

С наилучшими пожеланиями

[подпись]

P.S. Я уже собирался запечатывать письмо, когда почтальон принес мне Вашу книгу, за которую приношу еще раз свою искреннюю благодарность.

27. В.М. Далин – А.З. Манфреду [1971 г.]⁹⁵

Дорогой Альберт!

Если бы я был Виссарионом⁹⁶, то я бросился бы к Некрасову и помчался бы на Петербургскую сторону или Васильевские линии. Но я не наделян восторженностью Виссариона, а мы живем рядом, в одном дворе. Я могу только поздравить тебя с тем, что ты написал прекрасную книгу, лучшую из всего того, что ты писал до сих пор⁹⁷. Когда-то, еще

⁹³ Этой статьи А.Р. Иоаннисян так и не написал.

⁹⁴ Об оценках, данных А. Матъезом Бабефу и «Заговору равных», см.: Далин В.М. Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785–1794). М., 1963. С. 24–25.

⁹⁵ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 43. Ед. хр. 60. Лл. 12–12 об. Рукопись.

⁹⁶ Имеется в виду В.Г. Беллинский.

⁹⁷ Очевидно, В.М. Далин написал это письмо при чтении рукописи «Наполеона Бонапарта».

на Бакунинской, Д[ора] С[еменовна] отводила меня в темную переднюю и шептала: «Er ist talentvoll»⁹⁸. И вот весь твой талант сказался в этой книге, превосходно и местами блистательно написанной. Она останется, останется надолго. И права была ***⁹⁹ – начало итальянской главы также стремительно и светло написано, какой и была для Наполеона весна [17]96 г. И последние главы – по стилю и настроению автора – напоминают мне картину «Наполеон в 1813 году»¹⁰⁰ – на лошади, грустный, задумчивый, толстый – совсем не напоминающий давидовского Наполеона.

Это не значит, конечно, что я во всем согласен – и мы хотели бы, чтобы ты учел наши замечания. Но независимо от этого я тебя поздравляю с прекрасной книгой, в которой со всем блеском проявился твой талант.

[подпись]

P.S. Из всех belles de l'époque¹⁰¹ на тебя вправе пожаловаться только лэди Гамильтон и Елена Павловна, которую ты не назвал (впрочем, мне еще остались две главы).

28. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду, 16 февраля 1972 г.¹⁰²

Дорогой Альберт Захарович!

Вы, должно быть, уже получили мое первое письмо. Пишу это второе письмо по следующему поводу. Вчера я беседовал с секретарем ЦК КП Армении Робертом Грачиковичем Хачатряном¹⁰³. Он сам историк по образованию, кандидат исторических наук и вообще очень культурный человек. Он слышал восторженные отзывы о Вашей книге¹⁰⁴ от работников отдела науки ЦК и других лиц, но сам не имел возможности ее приобрести. Он попросил меня поэтому обратиться к Вам с большой просьбой прислать ему, если это возможно, экземпляр Вашей книги.

⁹⁸ Он талантлив (*нем.*).

⁹⁹ Неразборчивое слово.

¹⁰⁰ Речь идет о полотне французского художника Э.Ж.Л. Мейсонье (1815–1891) «Наполеон I в 1814 г.», созданном в 1862 г.

¹⁰¹ Красавица эпохи (*франц.*).

¹⁰² РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Лл. 25–25 об. Рукопись.

¹⁰³ Р.Г. Хачатрян (1921–1996), секретарь по идеологии ЦК КП АрмССР в 1966–1973 гг. Во многом содействовал переводу книги «Наполеон Бонапарт» на армянский язык и изданию ее в Армении.

¹⁰⁴ «Наполеон Бонапарт».

Одновременно мы договорились с ним о переводе Вашей книги на армянский язык и издании ее издательством «Айастан» (это наше основное государственное издательство), разумеется, если Вы не имеете против этого никаких возражений¹⁰⁵.

Поэтому, если только Вы имеете возможность, было бы очень желательно, если бы Вы выслали Вашу книгу Р.Г. Хачатрян по адресу: Ереван, Центральный Комитет КП Армении, секретарю ЦК КПА Роберту Грачиновичу Хачатрян.

С наилучшими пожеланиями

Ваш

[подпись]

29. Р.Г. Хачатрян – А.З. Манфреду, 16 марта 1972 г.¹⁰⁶

Многоуважаемый Альберт Захарович!

Получил Вашу книгу – «Наполеон Бонапарт». Сердечно благодарю за внимание. С большим интересом прочитал Ваш ценный труд. Создать новый капитальный труд о Наполеоне после всего того, что о нем уже написано, поистине сверхзадача для историка. В этом отношении Ваш труд ценен не только сам по себе, но и тем, что еще раз подтверждает неисчерпаемые возможности нашей исторической науки для подлинно творческих историков.

Мною дано указание включить Вашу книгу в издательский план 1973 года и приступить к ее переводу на армянский язык. Я уверен, что армянские читатели будут рады выходу в свет Вашей книги на армянском языке.

Примите мои наилучшие пожелания.

С глубоким уважением

[подпись]

Секретарь ЦК Компартии Армении

¹⁰⁵В ответном письме от 24 февраля 1972 г. А.З. Манфред писал: «Вы спрашиваете мое согласие на перевод и издание моей книги в гос[ударственном] издательстве Армении. Выход моего «Наполеона Бонапарта» в переводе на армянский язык – большая честь для меня, и, естественно, я был бы этому рад» См.: НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257. Л. 37. Отметим, что А.З. Манфред счел своим долгом написать специальное предисловие для издания книги в переводе на армянский, где высказал самые восторженные оценки армянской культуры. См.: *Манфред А.З.* Предисловие к армянскому изданию // Манфред А.З. Наполеон Бонапарт (на арм.яз.). Ереван, 1975. С. 9–13.

¹⁰⁶РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 52. Ед. хр. 40. Л. 1. Рукопись.

30. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду, 19 марта 1972 г.¹⁰⁷

Дорогой Альберт Захарович!

Спешу ответить на Ваше письмо. Дня три назад я был у Р.Г. Хачатряна. Он сказал мне, что он получил Вашу книгу, что он очень за это Вам признателен и что он хочет сам написать Вам письмо, поблагодарить Вас и сообщить Вам, что Ваша книга уже переводится на армянский язык и будет включена в издательский план издательства «Айастан»¹⁰⁸.

Что касается В.А. Амбарцумяна, то он все это время был в Москве и вернулся только вчера, в субботу. Я его еще не видел. Когда увижу, то, конечно, спрошу, получил ли он Вашу книгу. Если я Вам ничего дополнительно не напишу – значит все в порядке.

Вы спрашиваете, когда я пришлю статью для «Французского ежегодника». Откровенно говоря, сам не знаю. Административная работа отнимает у меня буквально все время – с утра до вечера. Работаю только по субботам и воскресеньям, и то не всегда имею эту возможность. Поэтому прошу Вас не рассчитывать на меня. Когда я кончу – пришлю Вам, но когда это будет, сам не знаю.

Пленум РИСО как будто бы предусматривают на конец апреля. Если он состоится, то непременно приеду в Москву.

На меня сильное впечатление произвела смерть В.М. Хвостова. Постепенно уходят люди, которых мы давно знали и которые нас хорошо знали. А кто придет им на смену?

Анна Николаевна просит передать самый сердечный привет Вам и Надежде Васильевне. Надеюсь, скоро увидимся.

С наилучшими пожеланиями

[подпись]

31. И.М. Табагуа – А.З. Манфреду, 18 июля 1972 г.¹⁰⁹

Глубокоуважаемый Альберт Захарович!

После моего возвращения из Москвы через некоторое время мне

¹⁰⁷РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Лл. 23–23 об. Рукопись.

¹⁰⁸Примечательно ответное письмо А.З. Манфреда от 30 марта 1972 г., в котором, в частности, отмечено: «Мне особенно приятно, что и Вы, и Роб[ерт] Грач[икович] Хачатурян [sic] оценили моего «Нап[олеона] Бонапарта» до появления статьи в «Правде» [он имел в виду статью академика Е.М. Жукова «Новое исследование по истории Франции», опубликованную в газете «Правда» 28 марта 1972 г.]. На другой день после статьи издат[ельств] во «Мысль» предложило мне второе издание; вы же проявили доброе отношение к книге, ничего не зная о статье «Правды». – НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257. Л. 35.

¹⁰⁹РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 52. ед. хр. 1. л. 7. Машинопись.

удалось обнаружить высланную Вами мне книгу¹¹⁰. На Вашу книгу охотятся люди. Большое Вам спасибо за внимание. Мои друзья и я желаем Вам, дорогой Альберт Захарович, новых успехов в Вашей научной деятельности.

Из моих коллег многие читали Вашу книгу, и они все как один дают высокую оценку¹¹¹, более того, они восхищены.

В конце августа буду в Москве, хотелось встретиться с Вами, если в это время Вы будете в Москве.

Еще раз большое спасибо, дорогой Альберт Захарович, за книгу.

От всей души желаю новых успехов в Вашей научной деятельности и счастья в личной жизни.

Илья Максимович Табагуа

[подпись]

32. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду [февраль 1973 г.]¹¹²

Дорогой Альберт Захарович!

Получил Ваше письмо. Не писал Вам до сих пор, так как знал, что Вы в Париже (об этом сказала нам по телефону одна Ваша бывшая ученица, которая работает теперь в Ереване). Очень рад, что Ваша поездка в Париж оказалась столь успешной и плодотворной.

Относительно Леона Робеля я говорил уже у нас в Центральном Комитете¹¹³. Как выяснилось, Агаджанян (который вовсе не председатель, а один из секретарей Союза писателей) направил заявку на приглашение Робеля в Союз писателей СССР, но там дело застопорилось. В Центральном Комитете обещали ускорить его приглашение, быть может, по другой линии.

¹¹⁰ Речь идет о первом издании «Наполеона Бонапарта» А.З. Манфреда.

¹¹¹ См., например, рецензию Г.Г. Пайчадзе: Вестник АН ГрузССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусств. 1973. № 1. С. 167–172.

¹¹² РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Лл. 28–29. Рукопись.

¹¹³ А.З. после возвращения из научной командировки во Франции писал ему в недатированном, но, судя по содержанию писем обоих корреспондентов, написанном в феврале 1973 г. письме: «В Париже я встретился с проф[ессором] Леоном Робель [sic] – он коммунист, зав[едующий] кафедрой литературы и авторитетный знаток советск[ой] литературы. Под его руководством переведена на француз[ский] язык антология современ[ной] армянской поэзии. Председатель Вашего союза писателей Степан Агаджанян говорил, что пригласит Робеля и его жену в Армению еще до того, как будет закончен перевод (осуществленный на общественных началах, как говорил Робель). Приглашения он до сих пор не получил, хотя вся работа закончена. Если для Вас это не затруднительно, переговорите об этом с Агаджаняном». – НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257. Л. 66–67.

Я еще два месяца назад говорил с директором издательства «Айастан» В. Мкртчяном относительно того, что готовится второе издание Вашей книги «Наполеон Бонапарт» и что Вы могли бы предоставить и для армянского перевода Ваши исправления и дополнения. Он очень обрадовался и просил меня от его имени обратиться к Вам с такой просьбой.

В конце апреля я думаю быть в Москве и тогда, надеюсь, буду иметь возможность повидать Вас и поговорить обо всем подробно.

Сердечный привет Надежде Васильевне и Гале¹¹⁴.

С наилучшими пожеланиями

Ваш

[подпись]

33. И.И. Минц к А.З. Манфреду, 5 апреля 1973 г.¹¹⁵

Дорогой Альберт Захарович!

Спасибо за адреса.

По Вашему совету пошлю книгу и Ж. Коньо, как и Дюкло¹¹⁶.

Всего доброго.

[подпись]

34. М.В. Нечкина – А.З. Манфреду, 25 июля 1973 г.¹¹⁷

Дорогой Альберт Захарович!

Глубоко тронута Вашим подарком – двумя томами «Истории Франции»¹¹⁸, только что получила их и начала читать. Как важно, что появился такой коллективный труд! Это лучше всяких «разоблачений» фальсификаторов, которые им так нравятся. Здесь же – позитивное изложение правильной концепции, самое важное и весомое в борьбе со всякими неправдами. Как легко читается, как интересно! Переведут ли ее на французский язык?¹¹⁹ Вот это обяза-

¹¹⁴ Галина Альбертовна Кузнецова – дочь А.З. Манфреда.

¹¹⁵ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 48. Ед. хр. 39. Л. 124. Рукопись.

¹¹⁶ Речь, видимо, идет о третьем томе монографии И.И. Минца «История Великого Октября» (М., 1973).

¹¹⁷ РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 49. Ед. хр. 17. Лл. 17–18. Рукопись.

¹¹⁸ История Франции в трех томах / Под ред. А.З. Манфреда. Т. 1–2. М., 1972–1973.

¹¹⁹ А.З. Манфред еще в 1965 г. «надеялся выпустить» это издание «не только на русском, но и на французском языке». См.: недатированное письмо А.З. Манфреда к А.Р. Иоаннисяну: НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257. Л. 8. Однако книга была переведена на французский и опубликована уже после его кончины. См.: Histoire de la France. Т. 1–3. М.: Éditions du Progrès, 1978–1980.

тельно нужно. Я уже начала читать – с великим интересом – сразу оба тома! Так уж вышло.

Жму руку. Крепко.

Поздравляю с выходом книги.

[подпись]

35. И.М. Табагуа – А.З. Манфреду, 28 декабря 1973 г.¹²⁰

Глубокоуважаемый Альберт Захарович!

Примите от меня самые сердечные поздравления и наилучшие пожелания в Новом – 1974 году.

С уважением И. Табагуа

P.S. С удовольствием узнал через акад[емика] И. Векуа о Вашем пребывании во Франции на конгрессе Франция – СССР¹²¹.

Получаю огромное удовольствие, работая над переводом Вашей книги.

Илья

36. М.В. Нечкина – А.З. Манфреду, 31 января 1974 г.¹²²

Дорогой Альберт Захарович!

Получила от Вас дорогой мне подарок – второе издание Вашего «Наполеона Бонапарта» и III том «Истории Франции»¹²³. Большое, большое спасибо! Надеюсь – не очень скоро, но все-таки сравнительно скоро получить своего выходящего из печати «Василия Осиповича Ключевского» и подарить Вам.

У нас в Институте – сумасшедший дом, и когда мы начнем жить более или менее нормальной жизнью – никому не ведомо. Писать об этом просто невозможно. Да и не хочется.

Крепко жму руку.

[подпись]

¹²⁰РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 52. Ед. хр. 1. Л. 10. Рукопись.

¹²¹Судя по письму А.З. Манфреда к А.Р. Иоаннисяну от 8 февраля 1974 г., речь, видимо, идет о состоявшемся в октябре 1973 г. в Реймсе международном коллоквиуме, посвященном юбилею Мелье (1664–1729) (см.: НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257. Л. 41–42). В архиве А.З. Манфреда есть письмо президента АН ГрузССР в 1972–1977 гг., одного из виднейших математиков, академика И.Н. Векуа (1907–1977) от 29 января 1974 г., где тот выражал свою глубокую признательность А.З., с кем он познакомился во время пребывания во Франции, за пересылку ему книги о Наполеоне, которой, по собственному признанию, он ждал «с большим нетерпением» (РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 42. Ед. хр. 56. Л. 1). Сохранилось также приглашение за подписью И.Н. Векуа на научную сессию в честь 100-летия со дня рождения академика И.А. Джавахишвили, которую АН ГрузССР собиралась организовать в Тбилиси в октябре 1976 г. См.: Там же. Л. 3.

¹²²РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 49. Ед. хр. 17. Лл. 20–21. Рукопись.

¹²³Обе упомянутые книги вышли в 1973 г.

37. М.В. Нечкина – А.З. Манфреду, 27 сентября 1974 г.¹²⁴

Дорогой Альберт Захарович!

Сердечное Вам спасибо за Ваше письмо о «В.О. Ключевском»¹²⁵, Ваш отзыв мне особенно дорог. С большим вниманием я прочитала его.

С величайшим интересом прочла начало Вашей статьи о молодом Руссо – в журнале «Нов[ая] и новейшая история»¹²⁶ – это начало большой монографии, да? Очень буду ждать продолжения в следующих номерах (люблю Руссо). Написано мастерски, хорошо, что такая тема – у Вас.

Крепко жму Вашу руку.

[подпись]

38. И.М. Табагуа – А.З. Манфреду, 25 декабря 1974 г.¹²⁷

Глубокоуважаемый Альберт Захарович!

Примите самые сердечные поздравления и наилучшие пожелания в Новом 1975 году. Привет и наилучшие пожелания Вашей супруге.

С надеждой, что с Наполеоном все будет в порядке.

Ваш И.М. Табагуа

39. А.В. Адо – А.З. Манфреду, 26 декабря 1974 г. (Париж)¹²⁸

Дорогой Альберт Захарович!

Близится Новый год, и хочу прежде всего сердечно Вас поздравить! Мои самые лучшие новогодние пожелания Вам и вашей семье.

Я понемногу освоился в этом новом для меня Париже, хожу в архив, был у Собуля дома и в Сорбонне, но основные встречи будут после 6.1. – сейчас все разъехались на каникулы. Зато есть некоторая информация о «Наполеоне» – и я хочу Вам сообщить, что именно я разузнал. Я беседовал с Н. Resende. Он получает назначение в Университет в Лиссабоне и 24.XII уже уехал туда. Ситуация такова, что

¹²⁴РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 49. Ед. хр. 17. Лл. 22–23. Рукопись.

¹²⁵См.: Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.

¹²⁶Статья А.З. Манфреда «Молодой Руссо» была опубликована в двух номерах НиНИ: 1974. № 4. С. 162–171; № 5. С. 132–148.

¹²⁷РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 52. Ед. хр. 1. Л. 12. Рукопись.

¹²⁸РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 41. Ед. хр. 5. Лл. 5–6–6 об–7. Рукопись.

работу над вашей книгой он оставил¹²⁹, и я тут бессилён что-либо сделать, к большому моему сожалению. Над книгой продолжает работу Patricia Champié, traductrice в здешнем отделении АПН¹³⁰. Я с ней беседовал тоже. Она француженка, имеет licence и maîtrise по русскому языку, говорит свободно по-русски, производит впечатление умной и серьезной девушки. В настоящее время перевод полностью закончен. Остается

– 1) Сверка и восстановление на языке оригинала цитат. По ее мнению – это требует 1,5 мес[яца] (сделано около 100 стр[аниц]).

2) Сверка имен – 2–3 дня¹³¹.

3) Перепечатка выправленного т[аким] о[бразом] текста (значительную часть его просмотрел и вместе с нею поправил Resende, чтобы дать единый «тон» переводу) вновь на машинке.

Все будет готово, по ее мнению, в конце апреля – начале мая.

Но – по мере готовности – части текста будут передаваться в «Éditions sociales» раньше.

Мы договорились, что если она встретит трудности в переводе с т[очки] з[рения] *истории* – она обратится за помощью ко мне. В любом случае – перед отъездом я ей позволю, чтобы узнать, как будут идти дела в тот момент, чтобы дать Вам самые свежие сведения.

Вот то, что я смог сделать. Не знаю, как Вы договорились с Собылем – будет ли он смотреть весь текст? На мой вопрос, как дела с Вашей книгой, он сказал, что перевод закончен, что идет его доработка, и т.д. – т.е. примерно то, что я Вам и сообщил. Но я знаю, что он смотрел, по крайней мере, часть перевода и вносил некоторую прав-

¹²⁹Э.А. Резенде – выпускник исторического факультета МГУ по кафедре новой и новейшей истории, приступивший к переводу книги А.З. Манфреда «Наполеон Бонапарт» на французский язык. А. Собыль, инициатор этого перевода, подобрал переводчика, который, как он писал, «прекрасно говорит по-русски и по-французски». См.: письмо А. Собыля к А.З. Манфреду от 17 января 1973 г.: РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 51. Ед. хр. 29. Л. 69.

¹³⁰В книге указаны фамилии двух переводчиц: Патриции Шампиэ и Женеьевы Дюпон. См.: *Manfred A.Z. Napoléon Bonaparte*. М.: Éditions du Progrès. 1980.

¹³¹Переводчице все же не удалось полностью справиться с этой сложной задачей, что не ускользнуло от внимания Ж. Годшо, одного из многочисленных рецензентов французского перевода книги. В своей рецензии отметив, что «в целом перевод очень хорош», он в то же время высказал упрек за неправильную транскрипцию отдельных имен (См.: АНRF. 1982. № 249. Р. 494). Нелишне отметить, что с аналогичной, довольно щепетильной проблемой столкнулся в ГДР и доктор Бах, переводчик книги на немецкий язык. См.: письмо академика В. Маркова к А.З. Манфреду от 27 декабря 1974 г. (РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 48. Ед. хр. 32. Л. 100 об.). Книга эта была издана на немецком не только в ГДР (Берлин, 1978), но и в ФРГ (Кельн, 1981).

ку. Н. Resende и Patricia Champrié показали мне весь перевод, и я видел его (т.е. Собуля) поправки¹³².

Вот, пожалуй, все, что я могу Вам сейчас рассказать. По-моему, дело близится к завершению, хотя, конечно, и не так быстро, как хотелось бы. Может быть, у Вас возникнут какие-то вопросы? Мой адрес – 59, rue des Saints-Pères, Hôtel du Pas-de-Calais. Paris VI. Когда-то – я очень хорошо это помню – в этом самом отеле остановился Борис Федорович¹³³, и я у него здесь бывал! Много с тех пор прошло времени...

Еще раз – сердечные мои поздравления с Новым годом, самые добрые пожелания.

Искренне Ваш

[подпись]

40. А.Р. Иоаннисян – А.З. Манфреду, 23 октября 1976 г.¹³⁴

Дорогой Альберт Захарович!

Получил Ваше письмо, которое очень меня тронуло и за которое я Вас сердечно благодарю. В понедельник я выясню положение дел с изданием Вашей книги и позвоню Вам по телефону, как только узнаю что-нибудь определенное. Как раз сегодня получил и номер «Известий», где опубликовано извещение о вакансиях в Академию наук СССР, о которых Вы пишете в своем письме¹³⁵. Могу лишь выразить свою надежду, что справедливость наконец восторжествует и на этот раз Вы будете избраны академиком.

Что касается моей кандидатуры в члены-корреспонденты, то я твердо решил не выдвигать ее здесь. Я дам свое согласие лишь в том случае, если моя кандидатура будет выдвинута Институтом всеобщей истории, являющимся головным научным учреждением, которое имеет право вы-

¹³² Судя по многочисленным письмам А. Собуля к А.З. Манфреду за 1973–1975 гг., он не только внимательно следил за ходом этой сложной работы, но и постоянно держал своего друга в курсе происходившего. Однако книга все же не была опубликована в издательстве «Éditions sociales», как он это планировал. Она была издана в Москве, в издательстве «Прогресс» в 1980 г.

¹³³ Поршневу.

134 РГБ. НИОР. Ф. 772. К. 46. Ед. хр. 17. Лл. 38–38 об. Рукопись.

¹³⁵ А.З. Манфред в недатированном письме рекомендовал А.Р. Иоаннисяну выдвинуть свою кандидатуру на место члена-корреспондента на надвигающихся в декабре 1976 г. выборах в АН СССР. Считая такое выдвижение «перспективным», он в то же время не преминул отметить: «Конечно, в таких вопросах никогда нельзя быть точно уверенным». – НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257. Л. 12.

двигать любых историков Советского Союза, которых считает достойными быть членами-корреспондентами по всеобщей истории. В таком случае, разумеется, из Армении могут быть представлены любые необходимые материалы и рекомендации. Поймите, дорогой Альберт Захарович, меня правильно. Я мало надеюсь, особенно при теперешней системе голосования, быть избранным членом-корреспондентом Академии наук СССР, да для меня теперь это и не так важно¹³⁶. Но мне уже 68 лет и я занимаю в Армении определенное положение. Если я и не буду избран, будучи выдвинут Институтом всеобщей истории АН СССР, это одно, а не быть избранным, выдвинув самому свою кандидатуру из Еревана, – это другое.

3 ноября Пленум РИСО. Вряд ли я смогу сейчас приехать в Москву. Но если все же приеду, то разумеется, повидая Вас. Мне необходимо многое Вам сообщить, так как после моего возвращения из Италии¹³⁷ мы с Вами не виделись.

С наилучшими пожеланиями и приветами
[подпись]

Список литературы

Библиография трудов А.З. Манфреда. Составители С.Н. Гурвич, М.И. Ковальская, В.А. Погосян // Грузия и страны Европы (политические, экономические, культурные связи). Т. 4. Тбилиси, 1989. [Bibliografija trudov A.Z. Manfreda. Sostaviteli S.N. Gurvich, M.I. Koval'skaja, V.A. Poghosjan // Gruzija i strany Evropy (politicheskie, jekonomicheskie, kul'turnye svjazi). Т. 4. Tbilisi, 1989].

Иоаннисян А.Р. Неизданные произведения. Составитель, автор предисловия и комментария В.А. Погосян. Ереван, 2009. [Ioannisjan A.R. Neopublikovannye proizvedenija. Sostavitel', avtor predislovija i komentarija V.A. Pogosjan. Erevan, 2009].

Век Просвещения. М., Париж, 1970. [Vek Prosveshhenija. М., Parizh, 1970].

Дневники академика М.В. Нечкиной // ВИ. 2006. № 5. [Dnevniki akademika M.V. Nechkinoj // Voprosy istorii. 2006. N 5].

Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981. [Iz literaturogo nasledija akademika E.V. Tarle. М., 1981].

¹³⁶ А.Р. Иоаннисян на выборах в декабре 1976 г. потерпел очередное поражение, как это уже было до того, да и впоследствии тоже.

¹³⁷ А.Р. Иоаннисян был в двухмесячной научной командировке в Италии летом 1976 г.

- Иоаннисян А.Р.* Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966. [Ioannisjan A.R. Kommunisticheskie idei v gody Velikoj francuzskoj revoljucii» М., 1966].
- Манфред А.З.* Милица Васильевна Нечкина – мастер исторического повествования // Проблемы истории общественной мысли и историографии. (К 75-летию академика М.В. Нечкиной). М., 1976. [Manfred A.Z. Milica Vasil'evna Nechkina – master istoricheskogo povestvovani-ja // Problemy istorii obshhestvennoj mysli i istoriografii. (K 75-letiju akademika M.V. Nechkinoj). М., 1976].
- Манфред А.З.* Очерки истории Франции XVIII–XX вв. Сборник статей. М., 1961. [Manfred A.Z. Ocherki istorii Francii XVIII–XX vv. Sbornik statej. М., 1961].
- Намазова А.С.* К читателю // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М., 2002. [Namazova A.S. K chitatelju // Rossiya i Evropa. Diplomatiya i kul'tura. М., 2002].
- Оболенская С.В.* Человек, обладавший даром привлекать сердца // ФЕ 1981. М., 1983. [Obolenskaja S.V. Chelovek, obladavshij darom privlekat' serdca // FE 1981. М., 1983].
- Погосян В.А.* В окружении историков. Ереван, 2011. [Poghosjan V.A. V okruzhenii istorikov. Erevan, 2011].
- Погосян В.А.* Письма А.З. Манфреда немецкому историку В. Маркову // НиНИ. 2014. № 5. [Poghosjan V.A. Pisma A.Z. Manfreda nemeckomu istoriku V. Markoovu // Novaya i noveyshaya istoria. 2014. № 5.]
- Франко-русские экономические связи. М., Париж, 1970. [Franko-russkie jekonomichekije svjazi. М., Parizh, 1970].
- Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. [Cygankov D.A. Professor V.I. Ger'e i ego ucheniki. М., 2010].
- Au siècle des Lumières. Moscou-Paris, 1970.
- Ioannssian A.* Les idées communistes pendant la Révolution française. М., 1984.
- La Russie et l'Europe XVIe–XIXe siècles. Moscou, P., 1970.
- Poghosyan V.* Les lettres de Jacques Godechot à Albert Manfred et aux responsables de l'Annuaire d'études françaises // AHRF. 2015. n° 380.

*В.С. Пруцакова**

РУССКИЕ ВО ФРАНЦИИ 1814–1818 гг.:
СТЕРЕОТИПЫ И ФАКТЫ
(историографические заметки)

В статье рассматриваются основные тенденции в современной российской историографии, изучающей стереотипные образы русских в восприятии французов и аналогичные образы французов в восприятии русских в период пребывания русской армии во Франции в 1814–1818 гг. Автор выделяет наиболее активно обсуждаемые современными российскими исследователями проблемы относительно тех образов врага, что существовали в рамках каждой из соответствующих национальных культур к моменту вступления российских войск на территорию Франции, а затем постепенно трансформировались в результате непосредственного общения русских военных с местными жителями.

Ключевые слова: историография, имагология, Франция 1814–1818 гг., стереотипы, казаки, российский оккупационный корпус.

Двухсотлетний юбилей начала оккупации постнаполеоновской Франции в очередной раз показал, что эта тема для российской историографии по привлекательности заметно уступает теме Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1815 гг. Между тем в многочисленных исследованиях, посвященных пребыванию российских войск во Франции, очевидны те же тенденции, которые проявляются и в историографии борьбы с Наполеоном: изучение собственно событий уже давно отошло на второй план и уступило место исследованию культурных и ментальных феноменов¹. Большая часть усилий историков

* *Валентина Сергеевна Пруцакова, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.*

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант № 14-18-01116.

¹ См. *Ивченко Л.Л.* Наполеон глазами офицеров русской армии // ФЕ 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 201–223; *Мельникова Л.В.* Антинаполеоновская пропаганда в России 1806—1814 гг.: формирование образа внешнего врага // Там же. С. 162–178; *Ржеуцкий В.С.* Московские французы в 1812 году и создание образа врага // ФЕ 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 314–335.

направлена на разработку проблематики образов, стереотипов, представлений, формировавших ментальные поля всех участников тех событий. Среди подобных тем наибольшее внимание на сегодняшний день привлекает процесс формирования образа «Другого», в частности образа врага, при помощи различных форм воздействия на сознание широких народных масс с целью стимулирования их к борьбе с противником. Очевидно, что конструирование подобных образов в большинстве случаев носит целенаправленный характер, однако не менее очевидно, что, как и в случае с любыми ментальными образами, существует огромное множество факторов, оказывающих влияние на конечный результат.

С такого ракурса крайне привлекательно выглядит тема оккупации Франции союзными войсками в 1815–1818 гг., и, в частности – российскими. Непрерывные контакты между русской армией и местными жителями в это время активно влияли на тот образ русских, который успел сформироваться у французов к моменту вступления армии Александра I на их территорию. В то же время у российских военных также существовал уже сложившийся образ врага, который должен был претерпеть определенные изменения в ходе непосредственных контактов с французским населением. Эта коммуникация и ее результаты для трансформаций образов русских в восприятии французов и французов в восприятии русских на заключительном этапе Наполеоновских войн и в первые послевоенные годы активно изучаются отечественными историками конца XX – начала XXI в.² Вместе с тем, несмотря на уже накопленный опыт, похоже, еще нельзя говорить о сформировавшейся историографии вопроса, а можно лишь выделить некоторые проблемные сюжеты, вызывающие наибольший интерес у исследователей.

Прежде всего обращает на себя внимание стремление к четкому определению соответствующего предмета исследований. В широком смысле чаще всего говорят об образе русских или России. Однако нередко рассматриваемый предмет сужается до образа казака. Подробно этот феномен рассматривает в своих работах профессор Саратовского государственного университета А.В. Гладышев, посвятивший ряд ста-

² См.: *Gnedina-Moretti A.* Les Russes à Paris en 1814 // *La Corse, la Méditerranée, et la Russie. Seizième Journées Universitaires d'Histoire maritime de Bonifacio.* Ajaccio, 2015. P. 131–139; *Антреэ Ж.* Использование образа казака и русских во Франции во время первой реставрации // *Уральский исторический вестник* № 4 (45). Екатеринбург, 2014. С. 25–31; *Губина М.В.* Франция в восприятии русских военных – эволюция стереотипов (1814–1818 гг.) // *Россия и мир глазами друг друга.* Вып. 1. М., 2000. С. 136–141.

тей анализу мифа о казаках, который сложился у французского населения в 1814–1815 гг. и проявил удивительную живучесть в последующие десятилетия. В одной из своих статей А.В. Гладышев обращается к вопросу репрезентативности образа казака по отношению к русским и России, отмечая, что «двести лет назад для массового сознания западноевропейцев они стали одним из главных символов России»³. А между тем само определение «казак» в обывательских представлениях не всегда имело четкие границы: оно могло подразумевать как действительно казаков, так и гусар, калмыков, башкир и пр., что было связано со слабым знанием как этнографических тонкостей, так и различий в военном обмундировании разных частей союзных армий. А.В. Гладышев показывает, что в 1814 г. во Франции существовали два разных образа «казака»: один – представитель «отдельного казачьего народа» (образ, распространенный преимущественно среди сельского и другого малопросвещенного населения Франции), второй – представитель военного сословия, состоящего из различных этносов (образ, распространенный среди более образованных французов)<?>⁴. Первый вариант по понятным причинам имел более широкое хождение, что отчасти упрощало, а отчасти конкретизировало представление о том «Другом», с которым придется какое-то время делить территорию.

Несколько иначе изучаемый предмет определяет франко-российская исследовательница М.В. Губина. В своих работах она использует для обозначения образа «Другого» в данном контексте преимущественно определение «русские», очевидно, включая в него всех представителей России, присутствовавших во Франции в данный период и не выделяя каких-то отдельных, наиболее характерных элементов⁵.

В целом, формирование определенного образа в сознании местного населения, как отметил А.В. Гладышев, происходило из двух основных источников: целенаправленной пропаганды и постепенно сформировавшихся стереотипов. Второй элемент этой системы – накопленные к XIX в. французами представления о русских – на сегодняшний день имеют достаточно обширную историографию, и не только российскую. Исследователи преимущественно сходятся на том, что к моменту при-

³ Гладышев А.В. Казаки во Франции 1814 г.: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. 2014. № 4(45). С. 15.

⁴ Гладышев А.В. Указ. соч. С. 16.

⁵ См. Губина М.В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 153.

хода русской армии во Францию ее население уже обладало почерпнутыми из различных источников стереотипными представлениями о русских в целом и о казаках в частности, а может и в большей степени. В дальнейшем французская пропаганда активно использовала существовавшие стереотипы для поддержания нужного настроения в народе. Результатом этих пропагандистских усилий, по мнению А.В. Гладышева, стало смешанное чувство страха и любопытства, наполнявшее местных жителей перед встречей с «северными варварами»⁶.

Особое внимание исследователей привлекают средства искусственного формирования образа «Другого» в сознании населения как часть информационной войны, которая, как известно, является существенным дополнением непосредственных боевых действий. А.В. Гладышев обращает внимание на широкий спектр подобных средств: периодическая печать, различные агитационные памфлеты, театральные постановки и пр. Анализ специфики подачи нужной информации через периодическую печать подробно рассмотрен им в статье «“Казачьи” и антирусские наполеоновские пропаганды в 1814 году»⁷. Здесь автор отмечает, что в кампании 1814 г. пропаганда использовалась чрезвычайно активно, гипертрофируя в сознании населения ранее сложившийся стереотипный образ казаков и муссируя тему их жестокости, бесчинств в отношении мирного населения и т.д. В свою очередь периодика оставалась тесно связанной с различными научно-популярными работами, специфика которых заключалась в большей авторитетности и привлекательности для читающей публики. Эти работы, пересказывавшие одна другую, создавали специфическое информационное поле, в котором образы практически уже не обновлялись и старые стереотипы «подтверждались» простым повторением. Одновременно подобные научно-образные сочинения служили «авторитетным» источником для газетчиков, подтверждавших ссылками на них свои сообщения⁸.

Особенность самого последнего этапа Наполеоновских войн заключается в быстротечности военного противостояния, перешедшего затем в фазу мирного сосуществования на одной территории и преимущественно бытовом взаимодействии русских и французов, когда все сформировавшиеся в военное время стереотипы проходили проверку прак-

⁶ Гладышев А.В. Казаки во Франции 1814 г. С. 17.

⁷ Гладышев А.В. «Казачьи» и антирусские наполеоновские пропаганды в 1814 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 2. С. 70–76.

⁸ Гладышев А.В. Казаки во Франции 1814 г. С. 17.

тикой непосредственного общения. Изучением особенностей межкультурного взаимодействия русской армии с местным населением в период ее нахождения на территории Франции занимается ранее уже упомянутая франко-российская исследовательница М.В. Губина⁹. На основе официальных документов – отчетов префектов, супрефектов, мэров и др. – она анализирует опыт прямых контактов российских военных с французским населением за время нахождения российского оккупационного корпуса во Франции. По ее словам, основную массу населения занимала прежде всего сугубо практическая сторона взаимодействия с иностранными военными: питание, гигиена, торговля, а возникавшие в ходе этого общения противоречия носили преимущественно бытовой характер: мелкое воровство, хулиганство и пр. Крайне редко регистрировались столкновения из-за межкультурных конфликтов, озлобленности местных жителей против оккупантов или, напротив, стремления последних доминировать над побежденными. Таким образом, с одной стороны, существовавшие у местного населения стереотипы претерпевали определенную трансформацию под влиянием опыта прямых контактов, с другой стороны – они продолжали подпитываться официальной пропагандой, которая, как отмечает М.В. Губина, частично продолжала работать в прежнем русле: даже официальные документы продолжали воспроизводить стереотипные характеристики поведения казаков, не приводя, однако, в подтверждение каких-либо конкретных примеров. В то же время проявлявшаяся по отношению к правонарушителям из числа нижних чинов суровость военной юстиции и командного состава русского оккупационного корпуса трактовалась как свидетельство того самого варварства, которое было «присуще русским», о чем, мол, не единожды предупреждали «знающие люди».

Помимо проблематики межкультурного взаимодействия русских и французов история пребывания русских войск во Франции позволяет рассмотреть такой интереснейший аспект имагологии, как превращение в общественном мнении при определенных условиях образа «Своего» в образ «Другого». В этом отношении весьма показателен пример оккупационного корпуса М.С. Воронцова, слухи о «порче» которого стали активно распространяться в России уже после года его нахождения

⁹ См.: *Goubina M.* La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les Archives 1812–1827. Thèse pour obtenir le grade de Docteur de l'Université Paris IV. 2007. [Электронный ресурс] – URL: http://www.theses.paris-sorbonne.fr/these_goubina/paris4/2007/these_goubina/html/index-frame_s.html.

во Франции. В данном контексте изучение истории этого корпуса имеет более давнюю традицию, а на современном этапе разрабатывается в контексте политической борьбы внутри императорского двора. Именно об этом идет речь в книге профессора М.А. Давыдова «"Оппозиция Его Величества": дворянство и реформы в начале XIX века»¹⁰. Говоря о деятельности М.С. Воронцова во Франции, автор анализирует слухи о вольнодумстве в корпусе, которыми полнится императорский двор. В этом смысле фигура Воронцова стала для окружения царя олицетворением «Другого» и, отчасти, даже «Врага», но уже не того врага, которого российская армия изгнала со своей территории в 1812 г., а того, что двумя десятилетиями ранее сверг с французского трона легитимную династию. О том, что подобные страхи были небезосновательны, несколько ранее писала О.В. Орлик в работе «Государственные люди России первой половины XIX века: пути и судьбы. Очерки»¹¹. Подвергнув детальному анализу деятельность С.И. Тургенева, являвшегося заведующим дипломатической частью при корпусе М.С. Воронцова, она пришла к выводу, что именно тогда в головах многих «прогрессивно настроенных офицеров» и возникли идеи, которые в дальнейшем привели к восстанию 14 декабря.

Подводя итог, отмечу, что хотя разработка проблематики межкультурного взаимодействия русских и французов в период пребывания союзных оккупационных сил во Франции 1814–1818 гг. началась относительно недавно, накопленный к настоящему моменту опыт показывает, что соответствующий материал представляет собою весьма плодородную почву, возделывание которой с помощью методов исторической антропологии и имагологии способно дать чрезвычайно интересные результаты.

Список литературы

Антрэ Ж. Использование образа казака и русских во Франции во время Первой реставрации // Уральский исторический вестник № 4 (45). Екатеринбург, 2014. С. 25–31. [Antrje Zh. Ispol'zovanie obraza kazaka i russkih vo Francii vo vremja pervoj restavracii // Ural'skij istoricheskij vestnik № 4 (45). Ekaterinburg, 2014. S. 25–31].

¹⁰ Давыдов М.А. Оппозиция его величества. М., 2005.

¹¹ Орлик О.В. Государственные люди России первой половины XIX века: пути и судьбы. Очерки. М., 2000.

- Безотосный В.М., Иткина Е.И.* Русские казаки в Париже в 1814 году. М., 2012. [Bezotosnyj V.M., Itkina E.I. Russkie kazaki v Parizhe v 1814 godu. M., 2012].
- Гладышев А.В.* «Казаки» и антирусская наполеоновская пропаганда в 1814 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 2. С. 70–76. [Gladyshev A.V. «Kazaki» i antiruskaja napoleonovskaja propaganda v 1814 godu // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Istorija. Mezhdunarodnye otnosheniija. 2014. T. 14. № 2. S. 70–76].
- Гладышев А.В.* Казаки во Франции 1814 г.: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. 2014. № 4(45). С. 15–24. [Gladyshev A.V. Kazaki vo Francii 1814 g.: obraz i kollektivnaja pamjat' // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2014. № 4(45). S. 15–24].
- Губина М.В.* Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 153. [Gubina M.V. Osobennosti obraza Rossii i russkih v soznanii francuzskih sovremennikov v 1814–1818 gg. // Rossiija i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovosprijatija. Vyp. 2. M., 2002. S. 153].
- Губина М.В.* Франция в восприятии русских военных – эволюция стереотипов (1814–1818 гг.) // Россия и мир глазами друг друга. Вып. 1. М., 2000. С. 136–141 [Gubina M.V. Francija v vosprijatii russkih voennyh-jevoljucija stereotipov (1814–1818 gg.) // Rossiija i mir glazami drug druga. Vyp. 1. M., 2000. S. 136–141].
- Давыдов М.А.* Оппозиция его величества. М.: Зебра Е, 2005. [Davydov M.A. Opozicija ego velichestva. M.: Zebra E, 2005].
- Ивченко Л.Л.* Наполеон глазами офицеров русской армии // ФЕ 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 201–223. [Ivchenko L.L. Napoleon glazami oficerov russoj armii // FE 2013: «Russkaja kampanija» Napoleona: sobytija, obrazy, pamjat'. M., 2013. S. 201–223].
- Мельникова Л.В.* Антинаполеоновская пропаганда в России 1806–1814 гг.: формирование образа внешнего врага // ФЕ 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 162–178. [Mel'nikova L.V. Antinapoleonovskaja propaganda v Rossii 1806–1814 gg.: formirovanie obraza vneshnego vruga // FE 2013: «Russkaja kampanija» Napoleona: sobytija, obrazy, pamjat'. M., 2013. S. 162–178].
- Орлик О.В.* Государственные люди России первой половины XIX века: пути и судьбы. Очерки. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. [Orlik

- O.V. Gosudarstvennye ljudi Rossii pervoj poloviny XIX veka: puti i sud'by. Oчерki. M.: In-t ros. istorii RAN, 2000].
- Ржеуцкий В.С.* Московские французы в 1812 году и создание образа врага // ФЕ 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 314–335 [Rzheuckij V.S. Moskovskie francuzy v 1812 godu i sozdanie obraza vraga // FE 2012: 200 let Otechestvennoj vojny 1812 goda. M., 2012. S. 314–335].
- Gnedina-Moretti A.* Les Russes à Paris en 1814 // La Corse, la Méditerranée, et la Russie. Seizième Journées Universitaires d'Histoire maritime de Bonifacio. Ajaccio, 2015. P. 131–139.
- Goubina M.* La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les Archives 1812–1827. Thèse pour obtenir le grade de Docteur de l'Université Paris IV. 2007. [Электронный ресурс] – URL: http://www.theses.paris-sorbonne.fr/these_goubina/paris4/2007/these_goubina/html/index-frame_s.html.

*Е.Ф. Овчаренко**

«МОНД»: ИСТОРИЯ ГАЗЕТЫ, ГАЗЕТА В ИСТОРИИ¹

Рец. на книгу: *Шарончикова Л.В.* «Монд» в меняющемся мире.
М.: Медиамир, 2015. – 152 с. Тираж 500 экз.

Рецензия посвящена монографии «“Монд” в меняющемся мире» (М.: Медиамир, 2014) доцента факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидата филологических наук Л.В. Шарончиковой. В исследовании, появившемся в год 70-летия знаменитой газеты, подробно рассматривается история издания, которое более 60 лет являлось независимым и контролировалось журналистами, но в 2010 году было продано частным владельцам. По мнению автора, лишь время покажет, как сложится дальнейшая судьба «Монд» в цифровую эпоху, останется ли она одним из институтов французской политики и культуры.

Ключевые слова: Л.В. Шарончикова, «Монд», история медиа Франции.

Интерес историков к периодике значителен, и периодика как исторический источник уже не раз становилась предметом профессионального обсуждения². Действительно, существуют издания, без которых картина эпохи окажется неполной, например мнение парижской «Монд» о событиях Четвертой и Пятой республик во Франции и в мире. В декабре 2014 г. эта газета, которую заслуженно называют одним из институтов французской политики и культуры, отметила 70-летие. Ее собственной истории посвящена новая монография исследователя СМИ Франции с сорокалетним стажем, автора более ста печатных работ Людмилы Васильевны Шарончиковой, доцента кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В.

* Елена Феликсовна Овчаренко, кандидат филологических наук, научный сотрудник факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

¹ В заголовке нами использовано название одного из многочисленных зарубежных исследований, посвященных «Монд»: *Thibaut J.* “Le Monde”. 1944–1996. Histoire d’un journal. Un journal dans l’histoire. P., 1996.

² Например, на круглом столе «Периодика как исторический источник: Америка и Россия в XVIII–XX вв.» (февраль 2004 г., ИВИ РАН).

Ломоносова, кандидата филологических наук. Три главы монографии отражают «три времени» «Монд»: «Эпоха Бев-Мери (1944–1969 гг.)»; «От Жака Фове до Жана-Мари Коломбани (1969–2008 гг.)»; «Кризис “Монд” и продажа газеты (2008–2010 гг.)». Завершают исследование заключение «Качественная газета в цифровую эпоху» и – «Вместо эпилога» – перевод отрывка из ностальгической книги «Мое путешествие в “Монд”» Эрика Фотторино, четверть века отдавшего газете, но вошедшего в ее историю «директором, который продал “Монд”». Перевод из Фотторино в работе не единственный: автор счел необходимым включить в свой текст «живой голос “Монд”» – некоторые программные статьи издания (например, обращение Юбера Бев-Мери «К нашим читателям» в первом номере газеты от 19 декабря 1944 г.; статью-провозвестник «Красного Мая» «Когда Франция скучает» Пьера Вьянсон-Понте от 15 марта 1968 г. и ряд других), а также фрагменты публикаций газет «Либерасьон» и «Круа», связанные с ключевыми переменами в редакционной стратегии «Монд». Монография дополнена Приложением («Президенты и главы правительств Франции XX–XXI вв.»; двуязычный список сокращений, встречающихся в тексте) и библиографией на русском и французском языках.

На страницах своего исследования автор ищет ответ на ряд вопросов: удавалось ли «Монд» на протяжении 70 лет быть газетой, «независимой от политических партий, церкви и финансовых воротил» (программа первого директора издания Юбера Бев-Мери), оправдывать звание «символа независимости французской прессы» и «газеты журналистов», и главное – всегда ли информация «Монд» была объективной и беспристрастной? Хорошо известно, что «Монд» обязана своим рождением Ордонансам 1944 г. и лично Шарлю де Голлю, которому нужна была «солидная газета для внешнего мира» (вот откуда такие постоянные тесные контакты с МИД Франции!) и который желал, чтобы новое издание не уступало в качестве информации довоенной «Тан», которой было отказано в возобновлении. Тем не менее «Монд» не стала «газетой де Голля» (резкие публикации против войны в Алжире, глубокие сомнения в «атлантическом курсе» правительства). Кроме того, именно в «эпоху Бев-Мери» появилось основное отличие редакционной политики «Монд» от других СМИ: журналисты впервые заявили о своем праве на владение изданием, и это важное решение вошло в историю французской прессы. Было создано «Общество журналистов», которому принадлежала значительная часть акционерного капитала, а право журналистов являться совладельцами газеты было

юридически закреплено в 1951 г. Однако преемники Бев-Мери не сумели сберечь его основополагающие достижения: политическую независимость издания, неосуществимую без независимости финансовой (покидая газету, Бев-Мери оставил в кассе 1,5 млрд франков). Второго директора «Монд» Жака Фове с его явными симпатиями к социалистам во главе с Миттераном будут упрекать в «потворстве гошизму». Андрэ Фонтэн продаст историческое здание на улице Итальянцев и пригласит заведовать финансами газеты Алена Мэнка, который впоследствии окажется «ангажированным» Николя Саркози. Жан-Мари Коломбани впервые откроет двери «Монд» для внешнего капитала. Наконец, в 2010 г. Эрик Фотторино продаст издание триумvirату, состоящему из банкира Матье Пигасса, мецената Пьера Берже и интернет-олигарха Ксавье Ньеля. Французская исследовательница медиа Одиль Беньайя-Куидер с объяснимым пессимизмом так писала об этой сделке: «...Лишенные газеты, которой они владели 66 лет, журналисты “Монд” теперь могут только присутствовать на этом спектакле...» Но, как оказалось, журналисты были и остались главным достоянием «Монд» – ее читали и продолжают читать, несмотря на сменявшихся директоров и их столь различные приоритеты. Наверное, прав был создатель «Монд» Юбер Бев-Мери, когда незадолго до кончины, в 1988 г., попытался определить секрет притягательности «Монд» для читательской аудитории: «Конечно, значительная часть читателей “Монд”, и так было всегда, не любят газету. Они ее читают, потому что не находят лучшую, они находят в ней то, чего не находят в других изданиях».

Как сложится судьба «Монд» под крылом триумvirата? Автор монографии не дает однозначного ответа на этот вопрос. Изложив историю издания, этого «монумента эпохи бумажной информации», Л.В. Шарончикова напоминает о наступившей «цифровой эре» и возможном движении «Монд» в этом направлении. Как бы то ни было, по мнению автора монографии, «Монд» открыла новую страницу своей истории, и, как говорится, *qui vivra verra*³.

³ Поживем – увидим (*фр.*).

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

Указатель литературы на русском языке за 2014 г.

Ю.П. Крылова

Источники

- Берти Ф.* За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже, 1914–1919. М., 2014. 397 с.
- Бессмертный Ю.Л.* К идеям семинара «Западноевропейская аристократия раннего средневековья. Идеалы, культурная практика, людские судьбы» (публ. Ю.П.Крыловой) // Многоликая повседневность. Микроисторические подходы к изучению прошлого / Под ред. О.И. Тогоевой. М., 2014. С. 299–302.
- 23-й драгунский полк французской кавалерии в Русскую кампанию 1812 года: воспоминания унтер-офицера Пьера Овре (подг. М.К. Чиняков) // Россия и Франция. XVIII–XX веков. Выпуск 11 / Отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2014. С. 104–130.
- Гильбо А.* Несколько рассуждений о возможностях пролетарского искусства. Из фондов Российского государственного архива литературы и искусства – РГАЛИ (публ., пер. с фран. и комм. Л.В. Слуцкой) // Россия и Франция: XVIII–XX вв. Вып. 11. М., 2014. С. 226–234.
- Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы. Том 1: 1782–1802 / Вступ. ст. и комм. Д. Тозато-Риги и А.Ю. Андреев; пер. В.А. Мильчиной. М., 2014. 920 с.
- Французы, нарисованные ими самим. Парижанки / Сост., вступ. статья и редакция переводов В. Мильчиной. М., 2014. 832 с.

Общие работы

- Бартелими Д.* Рыцарство: От древней Германии до Франции XII в. СПб., 2014. 584 с.
- Всемирная история. В 6 т. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М., 2014. 940 с.
- Дюрюю В.* История Франции с древнейших времен. Смоленск, 2014. Т.1–2. 798 и 798 с.
- Россия в стратегии Первой мировой войны: в 2-х кн. Кн. 1. Россия в стратегии Антанты / Под ред. А.Ю. Павлова. СПб., 2014. 316 с.

Фавье Ж. Столетняя война. СПб., 2014. 576 с.

Французская басня и эпиграмма / Пер. с франц., сост., ст., комм. В.Е. Васильева. СПб., 2014. 485 с.

Средние века и раннее Новое время

Алексеев Ю.Г. Две Столетние войны // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 19. С. 14–25.

Алтухова Н.И. Чиновники одного французского города (по материалам «Мемуаров» Клода Атона) // СВ. М., 2014. Вып. 75 (1–2). С. 107–133.

Арутюнян Ю.И. К вопросу о принципах скульптурного декора романских храмов Бургундии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4 (21). С. 75–84.

Арутюнян Ю.И. Романская скульптура Сент-Фуа в Конке и проблемы пространственной структуры храмов на путях паломников // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 92–97.

Асейнов Р.М. Образ Филиппа Доброго в восприятии бургундских придворных хронистов // ФЕ. Т. 1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 115–150.

Асейнов Р.М. «Одряхлевшее дворянство» и «община»: Бургундские земли перед лицом французской агрессии в 1477 г. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2014. № 13. С. 83–93.

Брюн А.С., Хартманн-Фирних А., Ингран-Варенн Э., Михеев С.М. Древнерусская надпись-граффито в аббатстве Сен-Жиль на юге Франции // Slověne. 2014. Т. III. № 2. С. 110–129.

Булдакова Е.В. Концепция войны в установлениях «Божьего мира» во Франции конца X – начала XII в. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2014. № 13. С. 55–64.

Васягина В.А. Часослов как новый тип готической церковной книги во Франции XIII – начала XV в. // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2014. № 2. С. 111–117.

Гладков А.К. «Ioannis magister parisiensis doctissimus et eloquentissimus est...» Иоанн Парижский и его время: политика, философия и культура в средневековой Франции // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. 2014. Вып. 1. С. 7–14.

- Демидова М. Неожиданная форма политической сатиры во французской живописи XVI в. // Искусствознание. 2014. № 1–2. С. 390–417.
- Дюбуа Р. Courtois и courtisan: переосмысление понятий // ФЕ. Т. 1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 43–61.
- Журбина А.В. «Всякий король и принц должны жить благоразумно...»: переводчик и поэт Франсуа Абер при дворе Генриха II // ФЕ. Т. 1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 189–207.
- Золотова Е. Французская архитектура XVI века: сложение национальной школы (часть I). // Искусствознание. 2014. № 1–2. С. 244–269.
- Ивонин Ю. Е. Франциск I Валуа // ВИ. № 4. 2014. С. 19–42.
- Калмыкова Е.В. Французское духовенство и иностранные приораты в средневековой Англии // СВ. 2014. № 75 (4). С. 98–133.
- Караваява Е.Э. Встреча Генриха VIII и Франциска I на Поле Золотой Парчи: союз, соперничество и репрезентация власти // СВ. Вып. 75 (1–2). С. 58–91.
- Кириллова Е.Н. Город в центре мира, или «Свое» и «чужое» пространство в истории французских ремесел в раннее Новое время // Книга картины Земли: сб. ст. в честь И. Г. Коноваловой. М., 2014. С. 157–176.
- Кириллова Е.Н. Возраст – величина относительная: люди разного возраста в «Книге ремесел» Парижа // Диалог со временем. Вып. 49. М., 2014. С. 268–280.
- Кириллова Е.Н. Ремесло и городская регламентация в Реймсе XIV–XVIII вв. // Sub specie historiae culturalis. Сб. памяти А.Л. Ястребицкой / Под ред. С.И. Лучицкой. М., 2014. С. 82–97.
- Кириллова Е.Н. Социальные трансформации в ремесленной и торговой среде французского города // Социальные связи и их трансформации в Западной Европе XVII века / Отв. ред. С.А. Васютин, О.В. Ким. Кемерово, 2014. С. 422–451.
- Колтаков М.Ю. «Ветвь королевских родов» Гийома Гиара как памятник Капетингского историописания // Метаморфозы истории. Псков, 2014. № 5. С. 249–257.
- Крылова Ю.П. Греховная повседневность бургундского двора: «ressata linguae» // Многоликая повседневность. Микроисторические подходы к изучению прошлого / Под ред. О.И. Тогоевой. М., 2014. С. 194–216.
- Крылова Ю.П. «Неудачно сказанное слово опаснее удачного удара мечом». Речь в придворной повседневности Бургундии XV в. // ФЕ

2014. Т. 1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 151–166.
- Крылова Ю.П.* Автор и общество в позднесредневековой Франции. «Книга поучений дочерям» Жоффруа де Ла Тура Ландри. М., 2014. 448 с.
- Крылова Ю.П.* Французские издатели «Рыцаря де Ла Тура» в XVI в.: своеобразии издательских стратегий // *Sub specie historiae culturalis*. Сб. памяти А.Л. Ястребицкой / Под ред. С.И. Лучицкой. М., 2014. С. 98–107.
- Кузьмина М.В.* Проблема компаративного анализа в контексте междисциплинарных исследований на примере русского «Домостроя» (XVI в.) и французского «Le Ménagier de Paris» (XIV в.): некоторые подходы // ЭНОЖ «История». 2014. Т. 5. Вып. 5 (28) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000758-2-1> (дата обращения: 14.07.2015).
- Ле Жан Р.* Каролингские элиты и король в середине IX века: статус и верность // ФЕ 2014. Т. 1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 27–43.
- Лобанов А.М.* Договор в Труа (1420 г.): от войны внешней к войне внутренней и наоборот // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2014. № 13. С. 74–82.
- Лучицкая С.И.* Levitas Asiatica: Восток в изображении Гвиберта Ножанского (XII в.) // ФЕ. 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 22–34.
- Лучицкая С.И.* Levitas Asiatica: Восток в изображении Гвиберта Ножанского (XII в.) // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000835-7-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Макарова И.С.* Образ Корабля дураков во французской литературе эпохи Ренессанса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 4. С. 41–52.
- Мартышева Л.Ю.* Жак дю Перрон: вероотступничество и прозелитизм на исходе Религиозных войн во Франции // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 1. С. 54–67.
- Мусин А.Е.* К возможным византийским импульсам в Западной Европе IX–XI вв.: комплекс христианских древностей из Тура (Франция) // Записки Института истории материальной культуры. 2014. № 9. С. 152–160.

- Назарьева Н.С., Уваров П.Ю.* Внесудебное прекращение конфликтов по парижским нотариальным актам первой половины XVI века // Многоликая повседневность. Микроисторические подходы к изучению прошлого / Под ред. О.И. Тогоевой. М., 2014. С. 266–274.
- Нарышкина Н.И.* Правовое регулирование тюремного заключения во Франции в XIII–XV вв. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. Волгоград, 2014. № 2 (26). С. 79–82.
- Наумов А.В.* Карл VIII и начало борьбы Франции за политическую гегемонию в Западной Европе в конце XV века. Нижний Новгород, 2014. 134 с.
- Носова Е.И.* Механизмы семейной протекции при дворе герцогов Бургундских // ФЕ 2014. Т. 1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 167–188.
- Окунева О.В.* «Мы» и «наши»: французские авторы XVI — начала XVII в. о союзнических отношениях с бразильскими индейцами // ЭНОЖ «История», 2014. Т. 5. Вып. 4 (27) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.ru/s207987840000711-1-1> (дата обращения: 14.07.2015).
- Орлов И.И.* Некоторые аспекты месторасположения башен-колоколен в культовых сооружениях Окситании и средневековой Франции XI–XV вв. // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2014. № 4. С. 155–166.
- Позднякова М.И.* Алтарное пространство и алтарные капеллы нормандских церквей поздней готики: варианты планировки и структуры // Артикульт. 2014. № 3 (15). С. 68–76.
- Поло де Болье М-А.* Средневековая Франция. М., 2014. 382 с.
- Польская С.А.* «От красного цвета – алый, от чёрного – фиолетовый, от зелёного – жёлтый»: хроматическое решение литургии в трактате Джованни Лотарио Конти «О святом таинстве алтаря» // Гуманитарные и юридические исследования: Научно-теоретический журнал / Гл. ред. И. В. Крючков. 2014. Вып. 1. С. 64–70.
- Польская С.А.* «Седая голова» и «юные локоны». Юдифь Французская и Этельвульф Уэссекский (матримониальные стратегии второй половины IX в.) // Великобритания в мировой истории. Материалы Всероссий. науч. конф. кафедры археологии и всеобщей истории ГИ СКФУ и Ставропольского отделения АЕВИС. Ставрополь, 2014. С. 109–112.
- Польская С.А.* Дары, инсигнии и мощи Людовика IX Святого в сокровищнице аббатства Сен-Дени (по материалам описей) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 2. С. 91–96.

- Польская С.А.* Первый хранитель Сокровищницы Хартий Жан Дю Тийе: организационная деятельность и гуманистическая мысль королевского историографа // Город и культура на Западе и в России: Сб. мат. Межд. науч. конф., посвящённой 100-летию заслуженного профессора СГУ С. М. Стама / Под ред. Л. Н. Черновой. Саратов, 2014. С. 135–141.
- Польская С.А.* Пэры Франции в регламенте королевской инаугурации (по данным ordines IX–XIV вв.) // Гуманитарные и юридические исследования: Науч.-теор. журнал / Гл. ред. И. В. Крючков. 2014. Вып. 3. С. 64–69.
- Польская С. А.* Чужая» королева на «своём» троне»: матримониальные стратегии Стефана V и Мария Венгерская // Свой – другой – чужой в коммуникативном пространстве контактных зон: Мат. Всеросс. науч. конф. / Под ред. О. В. Воробьёвой, Л. П. Репиной. М., 2014. С. 102–104.
- Прудников В.В.* Миф о троянском происхождении норманнов и турок-сельджуков в латинской традиции XI–XII вв. // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 35–56.
- Прудников В.В.* Миф о троянском происхождении норманнов и турок-сельджуков в латинской традиции XI–XII вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000861-6-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Рассказов Л.П.* Генезис национально-правовых систем Германии и Франции в Средние века: сравнительно-правовой анализ // Философия права. 2014. № 4 (65). С. 87–91.
- Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация / Ю. Досси, В.В.Шишкин (сост.). СПб.: Евразия; М.: Клио, 2015. 352 с.
- Рыжова Д.С.* Металлы во французской и англо-нормандской геральдической лексике XII–XIII вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 8 (31) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000932-4-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Самотовинский Д.В.* Благочестивые варвары под властью тиранов: москвиты во «Всеобщей космографии» Андрэ Тевэ (1575 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 1. С. 25–32.

- Семенов В.Б.* Нефранцузская Мария Французская, знаменитый неизвестный Бледри Валлиец и противоречия в истории литератур западноевропейского Средневековья // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2014. № 3. С. 28–47.
- Сидоров А.И.* Маргиналии на полях рукописей с трудами по истории: культура текста и практики чтения в Западной Европе IX – XIII вв. // СВ. Вып. 75. Часть 3–4. М., 2014. С. 214–244.
- Сидоров А.И.* Книги по франкской истории в культурном пространстве Каролингской империи: актуальный запрос на прошлое // Люди и тексты. Историческое знание в контексте книжной культуры. М., 2014. С. 12–35.
- Сидоров А.И.* Способы освоения античной исторической традиции в каролингский период (по материалам рукописей с текстом «Эпитомы Помпея Трога») // Люди и тексты. Античная традиция в исторической культуре западноевропейского Средневековья / Под ред. А.И. Сидорова и М.С. Бобковой. М., 2014. С. 11–85.
- Стародубцева Н.Ю.* Роль Раймонда VI и Раймонда VII в формировании протонационального чувства в Лангедоке // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». Апрель 2014. №4 (31). <http://grani.vspu.ru/files/publics/1398244724.pdf>
- Ткачева Т.А.* К проблеме эволюции историографических жанров в средневековой Франции // Теоретические и практические аспекты лингвистики, литературоведения, методики преподавания, перевода и межкультурной коммуникации Мат. межд. науч.-практ. конф. 2014. С. 185–190.
- Тогоева О.И.* Жанна д'Арк и двор Карла VII. История предательства Девы глазами современников и потомков // ФЕ 2014. Т. 1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 92–114.
- Третьякова М.В.* Дом французского короля Генриха II по сведениям венецианского посла Джакомо Соранцо // Политическая жизнь Западной Европы: античность, Средние века, Новое и Новейшее время. Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Р. Панов. Арзамас, 2014. С. 124–134.
- Уваров П.Ю.* Университет – дочь двух отцов? История как аргумент в суде и средство социальной консолидации (Париж, 1586) // Люди и тексты. Историческое знание в контексте книжной культуры. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 183–226.
- Фараль Э.* Повседневная жизнь в эпоху Людовика Святого. СПб., 2014. 352 с.

- Хачатурян Н.А.* Тема королевского двора в российской медиевистике: рефлексии и эксперимент // ФЕ 2014. Т. 1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С.8–26.
- Цатурова С.К.* «Парламент при своем возникновении был Государственным собранием»: истоки политических притязаний парламентариев (размышления о своеобразии французской монархии) // СВ. М., 2014. Вып. 75. № 3–4. С. 9–42.
- Цатурова С.К.* «Франция - родина правосудия». Институционализация патриотизма // Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Под ред. Н.А. Хачатурян. СПб., 2014. С. 77–93.
- Цатурова С.К.* Долгий путь к Версалью. Трансформации французского двора в XIII–XV веках // ФЕ 2014. Т. 1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 62–91.
- Цатурова С.К.* Климент V // Православная энциклопедия. М., 2014. Т. 35. С. 499–512.
- Шамаро П.Ю.* Предметы-символы и письменный документ в удостоверении правовых актов в Пуату и Сен-Тонже XI–XII вв.: символы универсальные и условные // СВ. 2014. № 75–4. С. 193–213.
- Шишкин В.В.* «Схватить королеву Наваррскую»: беглый двор Маргариты де Валуа в 1585–1587 гг. // ФЕ 2014. Т.1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 208–238.
- Эльфонд И.Я.* Образы британских монархов во французской политической литературе XVI в. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 3. С. 33–37.

Новое и Новейшее время

- Абенсур Ж.* Русский экспедиционный корпус во Франции во время Первой мировой войны // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 74–85.
- Акимов Ю.Г.* Шарль де Голль и становление «особых отношений» Франции и Квебека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 2. С. 146–152.
- Аксенова А.А.* Французские и русские путешественники в Египте в конце XVIII - начале XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2014. № 2. С. 58–65.

- Аксенова Е.Ю.* Полемика Э. Берка и К. Маколей по вопросу оценки Французской революции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 1. С. 60–65.
- Андреев В.В.* Создание Древнерусского государства в трудах французских историков второй половины XVIII в. // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 83–2. С. 4–9.
- Антрэ Ж.* Использование образа казака и русских во Франции во время первой Реставрации (1814–1815) // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 25–32.
- Арзаканян М.Ц.* Де Голль // Великая Отечественная война. Т. 9. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. М., 2014. С. 675–683.
- Арзаканян М.Ц.* Идея европейской армии, Франция и СССР // Диалог со временем. Вып. 49. М., 2014. С. 231–248.
- Арзаканян М.Ц.* Ориоль, Венсан // Большая российская энциклопедия. Т. 24. М., 2014. С. 416.
- Арзаканян М.Ц.* Петен, Филипп // Большая российская энциклопедия. Т. 26. М., 2014. С. 51–52.
- Арзаканян М.Ц.* Пине, Антуан // Большая российская энциклопедия. Т. 26. М., 2014. С. 220.
- Арзаканян М.Ц.* Плевен, Рене // Большая российская энциклопедия. Т. 26. М., 2014. С. 395.
- Афанасьев Г. Е.* Мирабо. Первые годы Великой Французской революции. М., 2014. 116 с.
- Байрд О. А.* Софи Шерадам: французская художница в Петербурге 1820-х годов // История Петербурга. № 1 (70) /2014. С. 92–99.
- Батулин А.П.* Власть и общество: проблема взаимодействия в сочинениях французских политических писателей XVII в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3–2 (59). С. 53–57.
- Беднарчик Г.И.* Луи де Судак, Фернан де Мели, Альфред Рамбо. Французские путешественники в Крыму. XIX век. Симферополь, 2014. 310 с.
- Беляев М.П.* Секретная дипломатия курфюрста Фридриха Вильгельма и становление франко-бранденбургских связей // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 4 (28). С. 123–134.
- Бирюков С.В.* Германия и Франция: к согласию во имя Европы? // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 12. С. 82–90.

- Блавацкий С.Р.* Украинская русофильская франкоязычная пресса Франции (1919–1921 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2014. № 2. С. 88–96.
- Блуменау С.Ф.* Генеральные штаты 1789 года: история созыва, порядок формирования, наказы избирателей // Всеобщая история. Современные исследования. Брянск, 2014. Вып. 23. С. 85–109.
- Бовыкин Д.Ю.* Парижская коммуна 1789–94 // Большая российская энциклопедия. Т. 25. М., 2014. С. 334–335.
- Бовыкин Д.Ю.* Парижское восстание 13 вандемьера IV года республики // ВИ. 2014. № 11. С. 67–81.
- Бовыкин Д.Ю.* Французская революция XVIII в. в школьных учебниках России // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 340–360.
- Богданович М.И.* История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I. М. 2014. 558 с.
- Бодров А.В.* «Лакей Бисмарка»? Жюль Ферри и Германия // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 231–243.
- Бодров А.В.* «Эльзас-лотарингский вопрос» в дипломатии Франции после 1871 года: основные принципы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. Сентябрь. № 9 (68). С. 52–56.
- Бодров А.В.* Историческое значение «Конституции» Эльзас-Лотарингии 1911 года // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2014. № 13. С. 113–129.
- Бодров А.В.* Французский реваншизм 1871–1914 гг. как исторический миф: истоки и основные черты // История мировых цивилизаций: мифы в общественном сознании в исторической ретроспективе: Материалы конф. Красноярск, 2014. С. 95–99.
- Бодров А.В.* Эльзас-лотарингцы между Францией и Германией накануне и в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. Вып. 4. С. 157–167.
- Божко В.Ю.* Позиция президента Франции Франсуа Миттерана по германскому вопросу (до 1989 г.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2014. № 7. С. 199–207.
- Бондарчук В.Г.* Гравер С. М. Коровин (ок. 1700–1741): работы во Франции и в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6–1 (44). С. 26–35.
- Боровков Н.Н., Боровкова Н.Ю.* Последняя болезнь Людовика XIV // Архив внутренней медицины. 2014. № 6 (20). С. 74–77.

- Бородкина Н.В.* Франко-египетские отношения в конце XX — начале XXI вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000887-4-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Борц Е.В.* Коллекция французских книг XVIII в. из собрания ЦНБ УРО РАН // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. Т. 124. № 1. С. 25–39.
- Борц Е.В.* Коллекция французских увражей и книжных иллюстраций XVIII века в Ирбитском музее гравюры и рисунка: описание, атрибуция, происхождение // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 4 (40). С. 102–108.
- Бре П.* Покончить с мифами об экспедиции в Египет, или Когда Франция повернулась лицом к арабо-мусульманскому миру // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 102–121.
- Бре П.* Покончить с мифами об экспедиции в Египет, или Когда Франция повернулась лицом к арабо-мусульманскому миру // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000853-7-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Букреева Е.М., Данилова О.С., Шарти Ж.-Ж.* Вороново (из записных книжек барона Жозефа де Бая) // Барон Жозеф де Бай. Вороново. Имение Ростопчина. М., 2014. С. 90–110.
- Буксен М.* Форт Помпель и русский экспедиционный корпус, июль 1916 – апрель 1917. М., 2014. 173 с.
- Васильев А.Д.* Взаимоотношения с туземцами-мусульманами русской администрации в Туркестане и французской в Алжире // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 279–299.
- Васильев А.Д.* Взаимоотношения с туземцами-мусульманами русской администрации в Туркестане и французской в Алжире // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000854-8-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Вершинин А.А.* На полпути к социал-демократии: французские социалисты в начале XXI в. // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 9. С. 45–54.

- Веселовская О.А.* Коллеж де Франс как уникальное историко-культурное, образовательное и научное явление Франции // Классический университет в пространстве трансграничности на севере Европы: стратегия инновационного развития. Мат. межд. форума. Петрозаводск, 2014. С. 133–135. (То же в: Непрерывное образование: опыт Петрозаводского государственного университета сб. науч. ст. / Под ред. И. А. Колесниковой. Петрозаводск, 2014. С. 318–326).
- Виане Б.* Марсель Боди: типографский рабочий из Франции, ставший советским дипломатом // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 73–85.
- Волков А.К.* История Конституции Второй империи во Франции и ее институтов (1852–1870 гг.). М., 2014. 192 с.
- Ганцева Н.Н., Машакин А.И.* Жан-Франсуа Эбен и его шедевр «Бюро Короля» // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2014. № 1. С. 45–53.
- Гейсер Л.* История Французской революции, 1789–1799. М., 2014. 498 с.
- Гельтон Ф.* Поиск сведений о русских бригадах во французских военных архивах // Вестник архивиста. 2014. № 4. С. 27–38.
- Гладышев А.В.* «Летучий» отряд Ф.К. Гейсмара в кампании 1814 года // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сб. науч. тр. Саратов, 2014. Вып. 10. С. 140–184.
- Гладышев А.В.* Казаки во Франции в 1814 г.: образ и коллективная память // Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска: сборник статей международной научной конференции. Липецк; Тамбов, 2014. С. 86–93.
- Гладышев А.В.* Миры К.-А. Сен-Симона. Между Наполеоном и Людовиком XVIII. Саратов, 2014. 428 с.
- Гладышев А.В.* Пришедшие с холода: восприятие «казака» населением Франции во время кампании 1814 года // История и историческая память. Межвуз сб. науч. тр. / Под ред. А.В.Гладышева. Вып. 7/8. Саратов, 2013. С. 28–55.
- Гладышев А.В.* Сибирские «монстры» и французские «мраморные сердца» в Нёфшато в 1814 году // История и историческая память. Межвуз сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Вып. 9. Саратов, 2014.
- Гладышев А.В.* «Казаки» и антирусская наполеоновская пропаганда в 1814 г. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 2. С. 70–76.
- Гладышев А.В.* Казаки во Франции в 1814 г.: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 5–25.

- Гомар Т.* Франция и ее «специфическая проблема» // Россия в глобальной политике. 2014. Т. 12. № 6. С. 84–90.
- Гончарова Т.Н.* XXI век – новый вызов европейской интеграции: Франция на перепутье – между Пятой и Шестой республикой? // Из истории конституционного строительства в Западной Европе в Новое и Новейшее время / Под ред. А. В. Смолина. СПб., 2014. С. 249–330.
- Гончарова Т.Н.* Проблема исторической достоверности в творчестве Вольтера (на примерах «историй» Карла XII и Петра Великого) // Вольтеровские чтения. Сб. науч. тр. Выпуск 2. СПб., 2014. С. 174–187.
- Гончарова Т.Н.* Французский поверенный в делах Теодор де Лагрене о причинах финансовых затруднений российского дворянства и императорского кабинета (1833 год). Пер. с фр., вст. ст. и комм. Т.Н. Гончаровой // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. № 12. СПб., 2014. С. 228–245.
- Гончарова Т. Н.* Эдуар Тувенель и отношение российских правящих кругов к объединению Италии // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. № 13. СПб., 2014. С. 73–98.
- Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история: (1920–1939 годы). М, 2014. 321 с.
- Данилова О.С.* Жюль Легра: геном «русской души»// Уральский исторический вестник. №4 (45). 2014. С. 41–49.
- Данилова О.С.* Сибирские путешествия Жюля Легра сквозь призму полемики о колонизации конца XIX века // Россия и Франция. XVIII–XX века. Выпуск 11 / Отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2014. С. 72–93.
- Демидовская А.Е., Буторина Т.С.* Женское воспитание и образование во Франции XVIII века. Архангельск, 2014. 149 с.
- Дмитриев И.С.* Академическая трагедия (ликвидация Парижской академии наук в эпоху Французской революции) // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 3 (35). С. 44–81.
- Долгов Б.В.* Мусульманская община во Франции: исламская идентичность и светское общество // Азия и Африка сегодня. 2014. № 12 (689). С. 27–31.
- Ермакова М.А.* Франко-американские отношения и германский вопрос в 1933 г. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 2. С. 25–38.
- Зайцева Т.И.* Гендерные отношения немецкой и французской правящей элиты в историографическом измерении // Диалог со временем. 2014. № 47. С. 96–106.

- Залесский К.А.* Поход Русской армии в Восточную Пруссию в 1914 г., спасение Франции и перелом в ходе войны: новые подходы к истории Первой мировой войны // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 3 (24). С. 45–60.
- Захарчук О.Н.* Планы французского правительства относительно юго-западных окраин России в канун войны 1812 года в освещении советской историографии // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Мат. XVIII Межд. науч. конф. (Бородино, 2–4 сентября 2013 года). Бородино, 2014. С. 409–421.
- Захарчук О.Н.* Юго-Западное пограничье в планах Наполеона Бонапарта: мифы и реальность советской историографии (вторая половина 1920-х – середина 1980-х гг.) // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2014. № 4. С. 21–34.
- Зверева Т.В.* Внешняя политика современной Франции. М., 2014. 344 с.
- Земцов В.Н.* Военнопленные армии Наполеона на Урале: мифы и реальности // «Запад, Восток и Россия: историческая политика и политика памяти». Вопросы всеобщей истории. Вып. 16. Екатеринбург: УрГПУ, 2014. С. 20–25.
- Земцов В.Н.* Европейская война 1812–1814 годов: историки последних десятилетий в поисках методологических новаций // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Доклады международной конференции «Россия и Наполеоновские войны» (Межотне). Т. 12. М., 2014. С. 329–341.
- Земцов В.Н.* Наполеон в Москве. М., 2014.
- Земцов В.Н.* Новые французские документы о Бородинском сражении // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 69–78.
- Земцов В.Н.* Особенности кросс-культурной коммуникации в армии Наполеона (по письмам солдат Великой армии 1812 г.) // Политическая коммуникация. Мат. Межд. науч. конф. (Екатеринбург, 26 – 28 августа 2014 г.). Екатеринбург, 2014. С. 79–82.
- Земцов В.Н.* Память, убивающая прошлое (О праздновании юбилеев Большой европейской войны 1812–1814 гг.) // «Запад, Восток и Россия: историческая политика и политика памяти». Вопросы всеобщей истории. Вып. 16. Екатеринбург, 2014. С. 208–223.
- Земцов В.Н.* Панорама Ж.Ш. Ланглау «Битва при Москве-реке»: Бородино глазами французов // Эпоха Наполеоновских войн, люди, события, идеи. Мат. XII Межд. науч. конф. (Москва, 25 апреля 2013 г.). М., 2014. С.15–32.

- Земцов В.Н.* Французская пресса 1812 года о Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Мат. XVIII Межд. научн. конф. (Бородино, 2–4 сентября 2013 года). Бородино, 2014. С. 21–35.
- Ивонин Ю.Е.* Фридрих II и Вольтер // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 2 (26). С. 135–155.
- Игнатченко И.В.* Ближний Восток и Северная Африка в политической деятельности Адольфа Тьера // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 226–244.
- Игнатченко И.В.* Ближний Восток и Северная Африка в политической деятельности Адольфа Тьера // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000856-0-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Иман Э.* Взаимодействие Марокко и Франции в двустороннем и многостороннем форматах (вторая половина XX – начало XXI в.). // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 11 (139). С. 111–115.
- Кантор Ю.З.* М.Н. Тухачевский и Ш. де Голль в лагере Ингольштадт в годы Первой мировой войны. Неизвестные страницы биографий // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. Т. 130. № 3. С. 21–33.
- Карева Д.О.* Франция и ЕС: Средиземноморская политика на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 1. С. 94–109.
- Каррер д'Анкосс Э.* Русская эмиграция во Франции (1920–1939 гг.) // Россия и Ватикан. Вып. 3: Русская эмиграция в Европе и Католическая церковь между двумя мировыми войнами. Мат. межд. конф. М., 2014. С. 137–155.
- Кобзов В.С.* С Урала во Францию // Народы Южного Урала на страже Родины. Мат. науч.-практ. конф. Оренбург, 2014. С. 15–24.
- Кожевников В. А.* Взгляды французских военных на оборону и наступление после Первой мировой войны // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Вып. 1. Омск, 2014. С. 56–68.
- Козандей Ф.* Церемониальная политика во Франции в XVI–XVII веках // ФЕ 2014. Т. 1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 239–251.
- Козлова Ю.А.* Внешнеполитические цели визита Петра I во Францию в 1717 г. // Вестник Московского государственного областного уни-

- верситета. Серия: История и политические науки. 2014. № 3. С. 70–74.
- Коновалов И.П.* Военные операции Франции в Африке. М., 2014. 148 с.
- Коробов Ю.М.* Особенности развития русско-французских военных связей перед Первой мировой войной // Вестник Российской нации. 2014. Т. 6. № 6–6. С. 154–172.
- Кротов П.А.* Пребывание Петра I в Дюнкерке и Кале во Франции и гидротехническое строительство на острове Котлин // Меншиковские чтения. 2014. № 5 (12). С. 141–146.
- Кулакова Е.А.* Особенности развития грамматической мысли во Франции XVII–XVIII вв. // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 83–1. С. 89–91.
- Куликова О.Д.* Сартромания как феномен общественной жизни Франции в конце 1940–1950-х годов // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 15–18.
- Куцева Е.А.* Маркиза дю Деффан и ее салон // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3–1. С. 166–169.
- Куцева Е.А.* Реформа Мопу как попытка укрепления абсолютной власти во Франции // Самарский научный вестник. 2014. № 4 (9). С. 76–77.
- Лавренова А.В.* Миссия А.М. Устинова во Франции (май–июнь 1923 г.) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Выпуск 11 / Отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2014. С. 187–206. *Каганович Б.С., Вольфцун Л.Б.* Книги с автографами Андре Жида в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге // Россия и Франция. XVIII–XX века. Выпуск 11 / Отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2014. С. 207–225.
- Лавренова А.В.* Поездка Эдуарда Эррио в Советскую Россию в 1922 году (по новым архивным материалам) // НиНи. 2014. № 4. С. 57–68.
- Лазарев С.Е.* Военная кампания 1814 года во Франции. К 200-летию завершения Заграничных походов Русской армии 1813–1814 гг. // Военно-исторический журнал. 2014. № 4. С. 3–9.
- Лбова Е. М.* Ренэ Герра – француз по происхождению, русский по призванию // Румянцевские чтения - 2014: материалы международной научной конференции: (в 2 ч.). Ч. 1. М., 2014. С. 396–399.
- Лебедевко Р.В., Зюзин В.В.* Участие российской эмиграции и советских военнопленных во французском движении Сопротивления в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Пятигорск, 2014. 246 с.

- Левавассёр О.* Воспоминания о Наполеоновских войнах (1802–1815). М., 2014. 380 с.
- Лентиков А.Н.* Взгляды представителей российской школы «Возрожденного естественного права» на революционные преобразования во Франции конца XVIII – начала XIX в. // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 3 (27). С. 98–113.
- Ленц Т.* Франко-марокканские отношения периода Консульства и Империи // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 189–225.
- Ленц Т.* Франко-марокканские отношения в период Консульства и Империи // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000814-4-2> (дата обращения: 02.09.2015).
- Магадеев И.Э.* Германская политика Парижа в 20-е годы XX века в свете уроков Первой мировой войны // Вестник МГИМО – Университета. 2014. № 4 (37). С. 35–44.
- Магадеев И.Э.* План XVII: дискуссии до и после 1914 г. // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Предвоенные годы. Мат. III Межд. науч.-практ. конф. «Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Предвоенные годы» (28–29 ноября 2013 г., Москва). М., 2014. С. 252–280.
- Магадеев И.Э.* Фердинанд Фох: портрет на фоне эпохи // Преподавание истории и обществознания в школе. 2014. № 7. С. 3–13.
- Макарова А.Л.* Миф о Жанне д’арк как культурный контекст оперы П.И. Чайковского «Орлеанская Дева» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. Т. 127. № 2. С. 187–199.
- Мальцева А.О., Токарев М.А.* Марина Цветаева и Франция // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. 2014. № 1. С. 193–196.
- Матвеев С.Р.* Моральные и политические науки во Франции в первой половине XIX в. // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2014. № 8. С. 4–18.
- Матвеев С.Р.* Франсуа Гизо как политический философ // Философия и культура. 2014. № 10. С. 1405–1415.
- Махлина С.Т.* Эволюция интерьера Франции XVII – начала XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 98–106.
- Меер Е.С.* Из истории одного мифа: А. Коббен и Дж. Рюде // История мировых цивилизаций: мифы в общественном сознании в исторической ретроспективе. Красноярск, 2014. С. 152–159.

- Мезин С.А.* «Где художества больше прочих всех государств цветут...»: Пётр I перед лицом европейского искусства в Париже (1717) // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Мат. II Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 2014 г.: в 3 ч. / Под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Самара, 2014. Ч. II. С. 121–130.
- Мезин С.А.* «Намерение мое есть во Францию». Дипломатическая прелюдия к визиту Петра I в Париж // Современное общество: человек, власть, экономика: Мат. III Межд. науч. конф. (4 апреля 2014, г. Саратов). Саратов, 2014. С. 445–452.
- Мезин С.А.* Биография Петра I во французской газете 1725 года // Историкографический сборник: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. Вып. 25. С. 101–113.
- Мезин С.А.* Дидро, Радищев и Карамзин // «История в нас, мы в истории». Мат. Всеросс. науч.-практ. конф. «Пугачевские чтения», посвященной 90-летию В.В. Пугачева (Саратов, 23–24 октября 2013 г.). Саратов, 2014. С. 17–21.
- Мезин С.А.* Никита Петрович Вильбуа: две версии биографии // Известия Саратовского университета. 2014. Т. 14. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 5–11.
- Мезин С.А.* Об одном источнике «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера: так называемые Записки Вильбуа // Вольтеровские чтения. Вып. 2. Сб. науч. трудов. СПб., 2014. С. 54–65.
- Мезин С.А.* Париж, каким его видел Петр I в 1717 году // Город и культура на Западе и в России. Сб. мат. Межд. конф., посвященной 100-летию заслуженного профессора СГУ С.М. Стама (21–22 ноября 2014 г.) Саратов, 2014. С. 155–163.
- Мезин С.А.* Царь, вице-адмирал и академик // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 73: Петровское время в лицах – 2014: Мат. науч. конф. К 300-летию победы при Гангуте (1714–2014). СПб., 2014. С. 262–270.
- Мейер М.С.* Буйдий о деятельности европейских дипломатов на Босфоре в середине XVIII века // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 57–62.
- Мейер М.С.* Буйдий о деятельности европейских дипломатов на Босфоре в середине XVIII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000858-2-1> (дата обращения: 02.09.2015).

- Мельникова Л.В.* Франция и французы глазами русских участников военной кампании 1814 г. // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы. Мат. межд. науч. конф. М., 2014. С. 116–124.
- Мильчина В.А.* Французы в России при Николае I: «вредные» и «полезные» // Отечественные записки. 2014. № 4. С. 95–111.
- Мирзаханов В.С.* Идея превосходства и расовая иерархия во французской колониальной культуре // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 4 (27) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000720-1-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Моисеева Е. Н.* Память о средневековом и античном прошлом во французском колониальном дискурсе конца XIX – начала XX в. // Средневековый город. Вып. 24: Вопросы культурно-антропологической, социально-политической и идейной истории города XIV–XVII вв. С. 136–145.
- Моисеева Е.Н.* Экологическая тема во французском имперском дискурсе последней трети XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 4 (27) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000724-5-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Морен Ж.* Франция и Африка: стратегическое сближение // Проблемы международной безопасности: взгляд из Москвы и Парижа: сборник докладов. М., 2014. С. 66–72.
- Морозова Е.В.* Мария Антуанетта. (Серия ЖЗЛ). Москва, 2014. 303 с.
- Наумова Н.Н.* Де Голль и вечная Россия // Россия и Европа. Т. III. Энергия сотрудничества. М., 2014. С. 293–297
- Неклюдова М.С.* «Я двор зову страной...»: родословная одной метафоры. М.: РГГУ, 2014. 125 с.
- Неклюдова М.С.* Галантная картография и модели репрезентации французского двора середины XVII в. // ФЕ 2014. Т. 1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. / Под ред. А.В. Чудинова и Ю.П. Крыловой. М., 2014. С. 252–268.
- Неклюдова М.С.* Сапоги Филиппа де Коммина: Археология оскорбления // Отечественные записки, 2014, №6 (63). С. 99–112.
- Никитина А.И.* Французская мягкая мебель эпохи Рококо. Типологические, терминологические и художественно-конструктивные особенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 15: Искусствоведение. 2014. № 3. С. 158–173.

- Никишина Т.И.* Специфика проявления концепта *liberté* в политической системе Франции // Язык. Право. Общество II Межд. науч.-практ. конф. / Под редакцией О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, Г. И. Канакиной. Пенза, 2014. С. 237–242.
- Нохрин И.М.* Великая французская Революция и межэтнические отношения в Канаде конца XVIII в. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 12. С. 103–114.
- Орлов В.В.* Образовательная политика султанского двора и французской администрации протектората в Марокко (1912–1956 гг.) // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 300–317.
- Орлов В.В.* Образовательная политика султанского двора и французской администрации протектората в Марокко (1912–1956 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000859-3-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Осипов Е.А.* Внешняя политика современной Франции // Международная жизнь. 2014. № 11. С. 176–182.
- Осипов Е.А.* Французы в научной и интеллектуальной жизни России. XVIII–XX вв. // ВИ. 2014. № 11. С. 72–74.
- Павлов А.Ю., Бодров А.В.* Во времена Согласия: русско-французский союз накануне и в годы Первой мировой войны. СПб.: Издательство РХГА, 2014. 87 с.
- Пале С.Е.* Китай и Франция в Южно-Тихоокеанском регионе: борьба за Таити // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 22. С. 17–26.
- Панюта С.И.* Поэтика жанра французской литературной сказки эпохи Просвещения и *contes* аббата Вуазенона // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2014. № 2. С. 131–136.
- Перрен Э.* Маршал Ней. М., 2014. 352 с.
- Пиккон-Валлен Б.* И дольше века длится театр. Русский театр во Франции: гастроли, встречи, спектакли, образовательные проекты // Вопросы театра. 2014. № 1–2. С. 183–196.
- Пискунова Е.П.* Социокультурные последствия введения революционного календаря во Франции // Историческая разметка пространства и времени: материалы семинара. Волгоград, 2014. С. 124–139.
- Погосян В.А.* Анаголь Леруа-Болье об армянских погромах 1890-х годов // Россия и Франция. XVIII–XX века. Выпуск 11 / Отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2014. С. 94–103.

- Полонский В.В.* О типологии восприятия символизма в России и во Франции (по материалам парижских дискуссий 1929–1931 годов) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 1. С. 3–14.
- Постникова А.А.* Война 1812 г. в современном образовательном пространстве России и Франции // Историко-педагогические чтения. 2014. С. 203–207.
- Постникова А.А.* Мельпомена в руках Наполеона, или Театр в исторической политике Первой империи // Вопросы всеобщей истории, 2014. С. 123–140.
- Постникова А.А.* Наполеоновская эпоха в историческом политдискурсе современной Франции // Политическая коммуникация. 2014. С. 203–208.
- Постникова А.А.* Прецеденты Наполеоновской эпохи в коммуникативной памяти современной Франции: от «Аустерлица» до «бистро» // Политическая лингвистика. 2014. 3 (49). С. 207–215.
- Прожогина С.В.* Франкоязычные арабы: очерк историко-культурной эволюции // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 323–346.
- Прожогина С.В.* Франкоязычные арабы: очерк историко-культурной эволюции // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000860-5-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Прусская Е.В.* Образ Востока в дневниках и письмах участников Египетского похода (1798–1801) // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 166–188.
- Прусская Е.А.* Образ Востока в дневниках и письмах участников Египетского похода (1798—1801) // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000833-5-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Пуйон Ф.* Жив или мертв ориентализм? Французская история // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 5–21.
- Пуйон Ф.* Жив или мертв ориентализм? Французская история // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т.5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000862-7-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой Французской революции 1789–1814. СПб, 2014. 531 с.

- Рей М.-П.* Александр I, Талейран и политические цели французской кампании // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы: мат. межд. научн. конф. М., 2014. С. 9–14.
- Реми Ж.* Франция может оказаться главным проигравшим игроком в этом кризисе // Международная жизнь. 2014. № 9. С. 109–119.
- Родин И.В.* Университетский мир и кризис системы высшего образования во Франции (1964–1968 годы) // НиНи. № 5. 2014. С.221–231.
- Рубан А.А.* Функциональные особенности образа Парижа во французской литературе конца XIX – первой четверти XX века. Брянск, 2014. 546 с.
- Рукавишников Е.Н.* Военно – морское сотрудничество России и Франции после Крымской войны // ВИ. №. 11. 2014. С. 107–119.
- Русаковский В.К.* Позиция духовенства накануне Французской революции (по наказам депутатам Генеральных штатов 1789 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 5. С. 54–69.
- Рыбаченок И.С.* На путях к Тройственному согласию // Россия и Франция. XVIII–XX века. Выпуск 11 / Отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2014. С. 131–166.
- Рыжих А.С.* Иммиграция во Францию из стран Магриба и восприятие французами иммигрантов «мусульманской культуры» // Дневник АШПИ. 2014. № 30. С. 185–191.
- Савельев Ю.Р.* Неовизантийские мотивы в архитектуре Франции // Academia. Архитектура и строительство. 2014. № 2. С. 25–34.
- Свердлов М.Б.* Пьер-Шарль Левек и его «История России» // Университетский научный журнал. 2014. № 9. С. 13–35.
- Сидоренко М.А.* Уход со сцены Людовика XIV // ВИ. 2014. № 8. 124–140.
- Сидоренко М.А.* Музыка Жана-Батиста Люлли и монархия Людовика XIV // НиНи. 2015. № 1. С. 50–60.
- Сидорович Е.С.* Землевладение французов на юго-западе Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века // Россия и Франция. XVIII–XX века. Выпуск 11 / Отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2014. С. 16–31.
- Слуцкая Л.В.* Анри Гильбо и Владимир Маяковский: «большевик искусства» глазами французского левого поэта // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 106–116.
- Смирнов Н.Н.* Война, революционная Россия и Франция в 1917 г.: новые источники // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 8–14.

- Станков К.Н.* Двор Якова II Стюарта и якобитская эмиграция во Франции // НиНи. 2014. № 4. С. 44–56.
- Стогова А.В.* Салонная культура XVII века и женское творчество // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2014. С. 151–210.
- Стора Б.* Истории Алжирской войны // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 318–322.
- Стора Б.* Истории Алжирской войны // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000863-8-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Судариков А.М.* Подготовка русской артиллерии к войне против наполеоновской Франции // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 2. С. 53–64.
- Тайманова Т.С.* О смерти и славе лейтенанта Пеги // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 100–109.
- Таньшина Н.П.* Последняя роль князя Ш.-М. Талейрана: посольство в Лондоне (1830–1834 годы) // НиНи. 2014. № 5. С. 204–220.
- Таньшина Н.П.* Талейран. Гений дипломатии. М., 2014. 128 с.
- Таньшина Н.П.* Франция в годы Восточного кризиса 1839–1841 гг.: по дипломатическим донесениям барона де Баранта // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 245–278.
- Таньшина Н.П.* Франция в годы Восточного кризиса 1839—1841 гг.: по дипломатическим донесениям барона де Баранта // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000864-9-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Тогоева О.И.* «Мужская» и «женская» одержимость в сочинениях французских демонологов XVI–XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2014. Вып. 22. С. 183–205.
- Тогоева О.И.* Узнать врага в лицо. Иерархия ведьм и колдунов в «Демономании» Жана Бодена // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 3. М., 2014. С. 17–40.
- Трофимова В. С.* Франко-английские связи в женской литературе XVII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т.5. Вып. 10 (33) [Электронный ресурс]. Доступ для

- зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000911-1-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Уварова М.А.* Наполеон III и его эпоха в англо-американской историографии // НиНи. 2014. № 3. С. 176–191.
- Фалалеев П.И.* Французский вопрос на Касабланкской конференции (январь 1943 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 3. С. 55–67.
- Фирсова Ю.А.* Система социального обеспечения во Франции в период Французской революции – второй половины XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 380. С. 120–125.
- Форсия де Пилес А.* Прогулки по Петербургу Екатерины Великой: записки французского путешественника. СПб., 2014. 382 с.
- Французские социалисты у власти: в поисках решений структурных проблем. М., 2014. 73 с.
- Фролова Н.А.* Франция в жизни семьи Рерихов // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. Т. 203. С. 42–47.
- Хизриев А. Х.* Установление финансово-экономического и политического контроля Англии и Франции в Египте и создание «европейского кабинета» во второй половине 70-х годов XIX века // Британские исследования. Вып. 4. СПб., 2014. С. 65–79.
- Хизриев А.Я.* «Братья-мусульмане» в странах Запада: организации и распространение идеологии (Великобритания, Германия, Франция) // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 5 (26). С.236–250.
- Хорн Д.* Защитить победу: военизированная политика во Франции, 1918–1926 годы: контрпример // Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны: 1917–1923: (сборник статей). М., 2014. С. 349–374.
- Храпунов Н.И.* Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 63–101.
- Храпунов Н.И.* Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000865-0-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Хрисанфов В.И., Турыгина Н.В.* К историографии вопроса о численности русской эмиграции во Франции в 1920–1930-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 3. С. 17–27.

- Чекалов К.А.* По поводу карнавала: Ницца «Прекрасной эпохи» глазами французских и русских писателей // Культурологический журнал. 2014. № 2. http://cr-journal.ru/rus/journals/259.html&j_id=19
- Черкасов П.П.* «Дело Каракозова» глазами барона Талейрана // Родина. 2014. № 4. С. 66–70.
- Черкасов П.П.* «С чувством глубочайшей признательности...» // Родина. 2014. № 4. С. 48–53.
- Черкасов П.П.* Выстрелы в Булонском лесу // Родина. 2014. № 4. С. 74–76.
- Черкасов П.П.* Граф П.Д. Киселев – российский посол во Франции (1856–1862) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Выпуск 11 / Отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2014. С. 32–71.
- Черкасов П.П.* Посольство герцога де Монтебелло в России (1858–1864 годы) // НиНи. 2014. № 1. С. 157–178.
- Чиняков М.К.* Русский легион на Западном фронте Первой мировой войны (декабрь 1917 г. – ноябрь 1918 г.) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Выпуск 11 / Отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2014. С. 167–186.
- Чудинов А.В.* В какую «Сибирь» ездили французы в XVIII веке: Жильбер Ромм и другие // Российская история. № 3. С. 62–71.
- Чудинов А.В.* Сражение при Гелиополисе, или Забытая победа // ФЕ. 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 122–165.
- Чудинов А.В.* Сражение при Гелиополисе, или забытая победа // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000834-6-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Шереметьев О.В.* Дуэли в военной среде наполеоновской эпохи // ВИ. 2014. № 9. С. 135–142.
- Шмелев Д.В.* Христианская демократия и социализм в послевоенной Франции: из истории взаимоотношений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 10. Ч. 1. С. 216–219.
- Юдин Н.В.* Английское и французское общество в начале Первой Мировой войны // НиНи. 2014. № 5. С. 16–28.
- Юдин Н.В.* Реакция населения России и Франции на Июльский кризис 1914 г. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2014. № 6. С. 3–10. № 7. С. 14–21.

Яковлева М.Г. Правовое положение русских эмигрантов во Франции, 1920–1930-е годы // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени СПбГУ. 2014. № 12. С. 139–146.

Ястребцева А.В. Дискуссии об общественном образовании во Франции в эпоху Революции // Философские науки. 2014. № 9. С. 114–128.

Историография

Ададуров В.В. Украинский казак на службе Людовика XV, или Польский шляхтич на службе двух королей: документальная деконструкция исследования И. Борщака о П.-Г. Орлике // ФЕ 2014. Т. 1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 269–305.

Ададуров В.В. Характерные черты осмысления войны 1812 года в современной Украине: историографические и источниковедческие заметки на полях перевода книги В.Э. фон Геблера // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 416–431.

Ададуров В.В. Характерные черты осмысления войны 1812 года в современной Украине: историографические и источниковедческие заметки на полях перевода книги В.Э. фон Геблера // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000941-4-1> (дата обращения: 02.09.2015).

Бовыкин Д.Ю. Французская революция XVIII в. в школьных учебниках России // ФЕ 2014. Т.1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 340–360.

Гордон А.В. Личность и судьба ученого: Яков Михайлович Захер // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 347–393.

Гордон А.В. Личность и судьба ученого: Яков Михайлович Захер // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000855-9-1> (дата обращения: 02.09.2015).

Гордон А.В. Судьба историка советской эпохи: В.С. Алексеев-Попов // ФЕ 2014. Т. 1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 314–339.

Конкин Д.В. Еще раз о роли Крыма в 1812 году: критические заметки о статье Д.А. Малышева «Крым накануне и во время Отечественной войны 1812 года» // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 438–446.

- Конкин Д.В.* Еще раз о роли Крыма в 1812 году: критические заметки о статье Д. А. Малышева «Крым накануне и во время Отечественной войны 1812 года» // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000857-1-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Крылова Ю.П.* История Франции. Указатель литературы на русском языке за 2013 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000942-5-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Мильчина В.А.* Международная конференция «Россия—Швейцария: контакты, взаимосвязи, взаимовлияния (XVIII—XXI вв.)» (Женева, 17—18 июня 2014 г.) // НЛО. 2014. № 129. С. 431—442.
- Погосян В.А.* Штрихи к портрету А.З. Манфреда // ФЕ 2014. Т. 1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 306—313.
- Пруцакова В.С.* Источники по истории российского Отдельного оккупационного корпуса во Франции 1815—1818 гг.: обзор фондов РГАДА // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000875-1-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Тогоева О.И.* Юбилейный год Жанны д'Арк. Историографический обзор // СВ. М., 2014. Вып. 75 (1—2). С. 364—381.
- Трубникова Н.В. Уваров П.Ю.* Школа «Анналов» и историческая антропология // Теория и методология истории. Уч. для вузов // Под ред. В.В. Алексеева, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2014. С. 263—286.
- Чеканцева З.А.* Историки, история и память в современной Франции // Мир историка. Историографический сборник. / Под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 9. Омск, 2014. С. 253—267.
- Чеканцева З.А.* Между Сфинксом и Фениксом: историческое событие в контексте рефлексивного поворота по-французски // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 48. М., 2014. С.14—30.
- Чеканцева З.А.* История 1812 года и эпистемология образов // Вестник Владимирского гос. университета. 2014. № 1. С. 12—20.
- Шишкин В.В.* Грустные размышления по поводу книг Василия Балакина «Генрих IV» и «Екатерина Медичи» // ФЕ 2014. Т. 1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 361—369.

Авторефераты диссертаций

- Галкова И.Г.* Аристократия Пуату XI–XII вв. и родовая память (на примере создания церковью Сент-Илер в Меле и Сен-Пьер в Ольне): автореферат дисс... к.и.н. (07.00.03) М., 2014.
- Долгорукова Н.М.* «Лэ» Марии Французской в контексте литературы ее времени: автореферат дис. ... к. филол. н. (10.01.03). М., 2014.
- Ермакова М.А.* Проблема международной безопасности во франко-американских отношениях (1933–1938 гг.): автореферат дисс. ... к.и.н. М., 2014.
- Зверева Т.В.* Основные направления внешней политики Франции в условиях глобализации: автореферат дис. ... д. полит. н. (23.00.04). М., 2014.
- Иванова Е.Ю.* Анализ художественного метода французских живописцев конца XVIII – начала XIX в.: на примере изучения творчества Анри-Франсуа Ризенера (1767–1828): автореферат дис. ... к. искусствоведения (17.00.04). М., 2014.
- Копелев Д. Н.* Колониальная экспансия европейских держав и феномен морского разбоя в XVI – первой трети XVIII вв.: автореферат дис... д.и.н. СПб, 2014.
- Макарова П.А.* Французский исторический роман 1840–1850-х гг. и становление популярной беллетристики: Э. Сю, А. Дюма, Ж. Барбе д'Оревийи: автореферат дис. ... к. филол. н. (10.01.03). М., 2014.
- Матвеев С.Р.* Философские истоки французского либерального консерватизма: Ф. Гизо, А. Токвиль: автореферат дис. ... к. философ. н. (09.00.03). М., 2014.
- Родин И.В.* Университеты и кризис системы высшего образования во Франции (60-е – начало 70-х гг. XX века): автореферат дис. ... к. и. н. (07.00.03). М., 2014.
- Тризно О.А.* Образ Франции в русской словесности XVIII – первой половины XIX в.: мотивы, образы, концепты: автореферат дис. ... к. филол. н. (10.01.01). Томск, 2014.
- Хадеева Н.Ю.* Религиозная тема во французской живописи конца XIX – первой половины XX в. на примере творчества Поля Гогена, Мориса Дени и Жоржа Руо: автореферат дис. ... к. искусствоведения (17.00.04). М., 2014.
- Ходячих С.С.* Нормандская знать в Англии, 1066–1100 гг.: проблемы идентичности (по документальным и нормативным источникам. дисс. ... к.и.н. (07.00.03). М., 2014.

Рецензии

- Бергер Е.Е.* Жаклин Вонс. Врач, институты, король. медицина и политика в XVI–XVII вв. Париж, 2012. Проект «Медицина и двор» 2006–2011 Университета Фр. Рабле в Туре [Электронный ресурс] // СВ. 2014. № 75–4. С. 460–468.
- Гаврилова С.М., Осипов Е.А.* Рец. на кн.: Внешняя политика Франции в период президентства Жоржа Помпиду (1969–1974 гг.) // НиНи. №5. 2014. С. 234–236.
- Земцов В.Н.* Александр Благословенный: взгляд с берегов Сены. Рец. на кн.: *Рэй М.-П.* Александр I. М.: РОССПЭН, 2013. – 495 с. // *Quaestio Rossica.* 2014. № 1. С. 287–295.
- Земцов В.Н.* Рец. на кн.: *Белоусов С.В.* Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 г.: хроника событий. Пенза: ГУМНИЦ, 2012. 312 с. // Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республика Мордовия. № 2 (30). Саранск, 2014. С. 242–244.
- Земцов В.Н.* Рец. на кн.: *Постникова А.А.* Великая армия Наполеона на Березине: событие – память. СПб.: Гуманитарная академия, 2014. 239 с. // Уральский исторический вестник. 2014. № 4(45). С. 142–143.
- Крылова Ю.П.* Портрет незнакомки на фоне эпохи: о новом издании «Мемуаров» Маргариты де Валуа // ФЕ. Т. 1: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 368–374.
- Крылова Ю.П.* Рец. на: *La Cour du Prince. Cour de France, cours d'Europe XIIe-XVe siècle / Sous la dir. M. Gaude-Ferragu, B. Laurieux et J. Paviot.* P.: H. Champion, 2011. 658 p. // СВ. № 75 (3–4). М., 2014. С. 447–454.
- Митрофанов А.А.* «Политическая антропология» Французской революции Хаима Бурстина: о возможности исторического анализа революционного активизма // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 394–408.
- Митрофанов А.А.* «Политическая антропология» Французской революции Хаима Бурстина: о возможности исторического анализа революционного активизма // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000825-6-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Погосян В.А.* Новое исследование по истории франко-персидских отношений: о книге И. Амини «Наполеон и Персия» // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 409–415.

- Погосян В.А.* Новое исследование по истории франко-персидских отношений: о книге И. Амини «Наполеон и Персия» // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000832-4-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Постникова А.А.* Наполеон в Москве. Рец. на книгу В.Н. Земцова // ВИ. 2014. № 8. С. 174–175.
- Пуйон Ф.* Из Парижа в Москву верхом на коне: о книге Ж.Л. Гуро // ФЕ. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 432–437.
- Пуйон Ф.* Из Парижа в Москву верхом на коне: о книге Ж. Л. Гуро // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 9 (32) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000940-3-1> (дата обращения: 02.09.2015).
- Ратников К.В.* Рец. на монографию: *Гусефф К.* «Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2014. № 2. С. 145–147.
- Уваров П.Ю.* Рец. на кн.: *Ревуненкова Н.В.* Жан Кальвин: теология и религиозно-общественная мысль XVI века. СПб.: Государственный музей истории религии, 2012. 264 с. // СВ. М., 2014. Вып. 75 (1–2). С. 527–531.

Разное

- Бергер Е.Е.* Особенности хирургического образования в средневековой Европе // История медицины. 2014. № 3 (3). С. 112–118.
- Буглак Т.О.* Французы и Франция в творчестве А. П. Чехова: основные лейтмотивы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 400–403.
- Грев де К.* Гоголь во Франции. М.-Новосибирск, 2014. 480 с.
- Есин Б.И.* Парижские письма Э. Золя в журнале «Вестник Европы» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2014. № 6. С. 115–127.
- Загряжкина Т.Ю.* Madame – Monsieur – Mademoiselle: гендер и пол сквозь призму языка и культуры // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 9–37.
- Попов А.В.* Архивная россика во Франции // Культура русского зарубежья: прошлое и настоящее. Сб. ст. I Межд. науч. симпозиума. Курск, 2014. С. 305–316.

Тризно О.А. Мотивная структура и семантика сюжета «путешествие во Францию» в русской литературе XVIII в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 7 (148). С. 186–191.

Дополнение

Работы 2013 г. по истории Франции, не вошедшие в предыдущий обзор

Блуменау С.Ф. Сочинения Г.-Ж.-Б Тарже о порядке работы Генеральных штатов в 1789 году // Всеобщая история: современные исследования. Вып. 22. Брянск, 2013. С. 58–65.

Блуменау С.Ф. Поход на Версаль 5–6 октября 1789 г. и проблема соотношения властей на первом этапе Французской революции // Историческое событие в современных исторических и историографических практиках. Мат. Всеросс. науч. конф. Брянск, 2013. С.19–21

Блуменау С.Ф. Политические сочинения кануна Великой Французской революции // НиНи. 2013. № 5. С. 60–71.

Захарчук О.Н. Противоборство наполеоновской и союзных дипломатий во время Франкфуртских переговоров 1813 г. в российской историографии последнего двадцатилетия // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2013. Т. 4. Выпуск 1(17) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000007-6-2> (дата обращения: 02.09.2015).

Захарчук О.Н. Дипломатия Наполеона Бонапарта в 1813–1814 годах в работах современных российских историков // Родина. 2013. № 11. С. 18–22.

Кириллова Е.Н. Изучение Салической правды на семинарских занятиях по истории Средних веков // Общий семинар на I–II курсах. М.: МГУ, 2013. С. 140–152.

Стародубцева Н.Ю. Фискальная политика Альфонса Пуатье в Лангедоке (1249–1271 гг.) // Перспективы науки. 2013. № 11 (50). С. 80–83.

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ Д.М. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО

5 января 2015 г. в Волгограде безвременно скончался известный российский историк, специалист по истории наполеоновской эпохи, доктор исторических наук, профессор Джучи Михайлович Туган-Барановский.

Родился Джучи-Михайлович в 1948 г. в Саратове. По окончании Саратовского государственного университета он до 1982 г. преподавал в *alma mater*, пока не перебрался в Волгоград, где в 1991–2007 гг. заведовал кафедрой Новой и Новейшей истории, а затем работал профессором кафедры археологии и зарубежной истории Волгоградского государственного университета.

Д.М. не раз признавался мне в своем огромном интересе и глубочайшем уважении к Наполеону Бонапарту и его маршалам, однажды добавив, что отец его даже корил за чрезмерное внимание к ним. Несомненно, именно по этой причине история наполеоновской эпохи изначально оказалась в центре научных изысканий Д.М. Туган-Барановского. Три монографии, вышедшие из-под его пера, обеспечили ему высокую репутацию среди советских, а позднее – российских исследователей той эпохи: «Наполеон и республиканцы» (Саратов, 1980), «У истоков бонапартизма» (Саратов, 1986) и «Наполеон и власть. (Эпоха Консульства)» (Балашов, 1993).

Как подавляющее большинство советских историков, Д.М. Туган-Барановский не имел возможности проводить изыскания в зарубежных архивах. Такова была советская действительность. Однако он зачастую использовал очень интересные старые французские издания, имевшиеся в российских библиотеках, а также опубликованные источники, изданные его французскими предшественниками. Когда я представил его последнюю книгу читателям журнала *Annales historiques de la Révolution française* (1996, № 306), он остался доволен моей рецензией, не преминув, впрочем, упрекнуть меня за то, что некоторые допущенные им неточности я предпочел обойти молчанием.

Работая за пределами Москвы, Д.М. в советское время поддерживал постоянные научные связи с такими известными историками-франковедами, как В.М. Далин, А.В. Адо и др. Он часто мне рассказывал о своих беседах с Виктором Моисеевичем, которого считал своим учи-

телем. Д.М. говорил мне, в частности, о тех наблюдениях, которыми В.М. Далин делился с ним не только относительно изучения наполеоновской эпохи, но и о различных историографических подходах к истории Франции в целом. Очень хорошо зная Виктора Моисеевича, могу подтвердить, что такую щедрость же он проявлял и по отношению к другим молодым историкам. Он ко всем относился хорошо.

Находясь еще в начале своей научной карьеры, я как-то сказал моему учителю, что хочу написать рецензию на книгу Д.М. Туган-Барановского о деятельности республиканцев при Наполеоне, которую он сам рекомендовал к публикации. Виктор Моисеевич мне ответил: «Напишите, конечно, если сможете показать, что там есть нового». Подумав, я отказался от своего намерения. По свидетельству Д.М. Туган-Барановского, В.М. Далин ему однажды в другой связи сказал почти то же самое: «И я пишу рецензии, но когда владею материалом». И Д.М., так же как я, остался ему весьма признателен за этот совет.

Джучи Михайлович говорил с большим уважением и об А.В. Адо, в особенности о его моральной и научной поддержке. Не забудем об их плодотворном научном сотрудничестве: Д.М. принял участие в издании серии «Великая французская революция: документы и материалы», опубликованной под редакцией А.В. Адо. Он был одним из соавторов четвертого тома этого издания: «Буржуазия и Великая французская революция» (М., 1989), для которого написал главу «На пути к брюмеру: буржуазия и политическая борьба в 1797–1799 гг.».

Нельзя не сказать и о доброжелательном отношении Д.М. к своим коллегам. Он всегда был готов поддержать историков моего поколения и, в частности, меня самого при защите наших диссертаций по революционной и наполеоновской эпохам. Как в Москве, так и в других городах он выступал официальным оппонентом, за что мы ему были весьма признательны.

Последние годы своей жизни Джучи Михайлович посвятил изучению проблем социально-экономической истории России конца XIX – начала XX в., исследовал политическую и научную деятельность своего деда – выдающегося российского ученого Михаила Ивановича Туган-Барановского. Наполеоновскую же тематику он по непонятным для меня причинам оставил.

Кончина Д.М. Туган-Барановского, несомненно, большая утрата для его коллег и сообщества российских историков в целом, которые, уверен, сохраняют о нем самую светлую память.

В.А. Погосян

В.Н. Земцов

ПОЛЬСКИЙ УЛАН, ИЛИ ИСКУССТВО ЖИЗНИ АНДЖЕЯ НЕУВАЖНОГО

О, Боже! А как он пел! Особенно ту, старинную уланскую песню, появившуюся еще во времена Великого герцогства Варшавского, «Гей, гей, улане...». Казалось, что не только он, но и все, кто его слушал, вмиг становились лихими уланами, в которых влюбились все панёнки мира...

В последний раз, когда я видел Анджея на конференции в Латвии в мае 2014 г., он спел еще одну чудесную песню «О, мой розмарин», которую также иногда относят к эпохе Наполеона и в которой говорилось о том, как завербованному в уланы поляку дают «мундирчик с лацканами» («kabcak z wylogami») и «образок с Богородицей» («szkaplerzyk z Matką Boską»), дабы хранил он его «там под Москвой» («tam pod Moskwą»). И как хотелось всем, кто слушал певца в тот миг, чтобы спас улана этот самый образок под русской столицей. Ибо давно минули времена «битвы на Москве-реке», как называют Бородинское сражение французы, и души тех, кто сражался два века назад, давно примирились и успокоились. А Анджей Неуважный, который пел сейчас эту песню, – наш давний товарищ, великолепный историк, свободно говоривший и по-французски, и по-русски – он, казалось, был воплощением всех тех, и поляков, и русских, и французов, которые воевали тогда, 200 лет назад, на Бородинском поле...

Анджей родился 24 февраля 1960 г. в Варшаве в семье талантливого филолога Флориана Неуважного (1929 – 2009), профессора Варшавского и Люблинского университетов. Однокашник и близкий друг В.С. Короткевича, автор нескольких великолепных монографий о В. Маяковском и И. Эренбурге, об украинской и русской поэзии, Флориан Неуважный был олицетворением самой идеи единства славянской культуры.

Когда генерал В. Ярузельский в декабре 1981 г. ввел в Польшу военное положение, Анджей учился на историческом факультете Варшавского университета. В те дни он в составе группы польских студентов путешествовал по Китаю. Несколько студентов решили не возвращаться в Польшу и эмигрировали в Австралию. Перед Анджеем стоял такой же выбор, но он решил вернуться на родину. После окончания университета в 1983 г. А. Неуважный был призван в Войско Польское и не

раз потом вспоминал, как во время службы общался с советскими солдатами, выторговывая у них запчасти для польских танков и распевая под водку русские и польские песни.

В 1986 г. Анджей Неуважный начал работать в Торунском университете им. Николая Коперника, вначале на гуманитарном, затем на историческом факультете. Его сердце и ум захватила великая страсть – страсть к истории Наполеоновской эпохи, и шаг за шагом он утверждал себя как ведущий специалист в этой области. Анжей часто появлялся в Москве, Париже, Лондоне, провел четыре года в университете Нанси, погружаясь в сокровища архивов и знакомясь с видными историками-наполеоведами. Среди французских коллег особую роль в его жизни исследователя сыграли Ж. Тюлар, А. Монтарра, Ф. Рот. Он был дружен также с Ж.-О. Будоном, Т. Ленцем, М.-П. Рей. Тесные отношения связывали его с А.А. Васильевым, В.М. Безотосным, А.И. Поповым, Л.Л. Ивченко и многими другими российскими историками. Великая страсть к познанию людей эпохи Наполеона и всепокоряющий магнетизм личности Анджея неизменно располагали к нему всех тех, кто посвятил себя изучению истории этого удивительного времени.

В июне 1993 г. А. Неуважный под руководством профессора С. Калембки защитил диссертацию «Кампания 1813 года на северо-востоке герцогства Варшавского и оборона Торуня»¹. С тех пор одна за другой выходили из печати его работы, многие из которых стали классическими. После защиты диссертации Анжей сосредоточил внимание на, казалось бы, необычной для военного историка проблематике – процессе формирования национальных идентичностей, прежде всего польской. Несколько его публикаций 1990-х гг.² предшествовали появлению блестящего новаторского произведения «Мы с Наполеоном»³. Правда, если во Франции эта книга сразу получила высокую оценку, а ее автор был удостоен в 2002 г. премии Фонда Наполеона, то в России ее оценили не в полной мере. Причина в том, что А. Неуважный предложил достаточно необычный для советско-российской историографии междисциплинарный подход, основанный

¹ На основе материалов диссертации была написана и опубликована книга: *Nieuważny A. Kampania 1813 r. na północnym zachodzie Księstwa Warszawskiego. Napoleńska twierdza Toruń i jej obrona. Toruń, 1995.*

² См., например: *Nieuważny A. Napoleon and Polish Identity // History Today. Vol. 48. May 1998.*

³ *Nieuważny A. My z Napoleonem. Wrocław, 1999.*

на взаимодополнении и взаимопереплетении разнообразных видов и форм текстов, характерных как для традиционного историописания, так и для репрезентации прошлого в духе постмодерна⁴. Использование широкого спектра методов разных исторических дисциплин, таких как фалеристика, нумизматика, геральдика, униформология, бонистика и даже сфрагистика, в сочетании с тонким историческим анализом художественной литературы, киноискусства, архитектуры, песенного и музыкального творчества, позволило создать яркое, глубокое и убедительное полотно наполеоновской темы в жизни поляков и Польши на протяжении двух столетий⁵.

Спустя 13 лет после публикации этой работы, выступая во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы в Москве 9 октября 2012 г., А. Неуважный так объяснил слушателям основные идеи своей книги. Наполеон и в 2012 г. все еще остается национальным символом Польши, символом польской независимости. Именно «роман с Наполеоном» положил начало «флирту» Польши с Европой, а поляки получили возможность хотя бы надеяться на «самостоятельность» в будущем. Несмотря на всю циничность расчетов Наполеона использовать польский энтузиазм, людские и материальные ресурсы исключительно в своих интересах и несмотря на свои неоправдавшиеся надежды, Польша сохранила теплые чувства к фигуре Наполеона. В современных польских масс-медиа, в мире war-games, военно-исторической реконструкции, рекламе и политике образы Наполеона и той далекой эпохи остаются активно востребованными, играя ключевую роль в подтверждении и укреплении базовых черт польской национальной идентичности⁶.

Перу А. Неуважного принадлежит еще целый ряд и других заметных работ, посвященных наполеоновской эпохе: «Curiosa Napoleonica, или

⁴ Готовность и склонность А. Неуважного работать как историка на междисциплинарном уровне блестяще проявились в мае 2012 г. на конференции «Отечественная война 1812 г. Экранизация памяти», проходившей в Москве в Научно-исследовательском институте киноискусства. Его сопоставление обстоятельств создания, форм и содержания романа С. Жеромского «Пепел» и одноименного фильма А. Вайды заставили происходившую на конференции дискуссию принять совершенно иное, чем это предполагалось изначально, направление и сосредоточиться на проблематике «ре-медиатизации,» или «пере-изобретения» (мы предпочли бы понятие «переформатирование») культурной памяти.

⁵ На наш взгляд, книга «Мы с Наполеоном» представляет ту же идею репрезентации, что и роман Умберто Эко «Таинственное пламя царицы Лоаны», который, однако, вышел только в 2004 г.

⁶ См.: *Неуважный А. Наполеон и Польша: неоконченный роман* // URL:www.yeltsincenter.ru/en/node/3670 (дата обращения 05.08.2015).

Удовольствия библиофила», «Времена Наполеона», «Наполеон в Мазовии. Битвы под Пултуском и Голымином, 1806–1807» и многие другие⁷.

Блестящие публикации А. Неуважного, посвященные наполеоновской тематике, лекции и занятия, которые он проводил со студентами и преподавателями в Париже, Меце, Нанси, других городах Франции, Польши и России, активная работа в Центре исследований русского, советского и постсоветского мира при Высшей школе исследований социальных наук (EHESS) в Париже, не говоря уже о гигантской работе в научных центрах Польши (скажем, в Центре исследований наполеоновской эпохи в Пултуске, который возглавляет К. Островский), в Белоруссии и в России, где его выступления часто помогало организовать посольство Республики Польша, получили признание в международных научных кругах. В 2009 г. Французской академией ему была присуждена высокая награда «Академические Пальмы», учрежденная еще Наполеоном.

А. Неуважный был неутомимым собирателем книг и предметов, связанных с эпохой Наполеона. Немало раритетов из его коллекции стали материалами для его книг. Он редко летал самолетом, предпочитая колесить по Европе на своем автомобиле, ибо так было удобнее перевозить связки книг и те вещи, которые ему удавалось приобрести.

Анджей принадлежал к тому «романтическому» поколению историков Наполеоновских войн, которое пришло в науку во многом благодаря движению военно-исторической реконструкции (Reenactment). И хотя мало кто видел Анджея в мундире наполеоновских времен на «поле боя», он неизменно был рядом – советовал, консультировал, давал комментарии. Многие помнят, как он своим неподражаемым голосом рассказывал во время военно-исторических реконструкций в большом Гданьске или в маленьком Тчеве (Tczew), что происходило на затаянном дымом «поле чести» или же что было или могло быть в действительности тогда, в 1813 или 1807 гг.

А. Неуважный был не только знатоком наполеоновского времени. Отнюдь. Он был подлинным эрудитом и остро воспринимал многие события и прошлого, и настоящего. В 2010 г., когда мы с ним добирались по корсиканским горам из Корте в Аяччо, на родину Наполеона, он больше часа рассказывал о том, что происходило за кулисами знаменитого и трагического варшавского восстания 1944 г. Не обошел он

⁷ *Nieuważny A. «Curiosa Napoleonica» czyli przyjemności bibliofila. Toruń, 1998; Idem. Czasy napoleońskie. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 2001; Idem. Napoleon na Mazowszu. Bitwy pod Pułtuskim i Gołymiном 1806–1807. Pułtusk, 2007; etc.*

вниманием и события Первой мировой войны. В 2014 г., несмотря на нездоровье, Анджей по меньшей мере дважды выступал в России – в апреле в Москве и в ноябре в Калининграде – с лекциями и беседами об историографии и исторической памяти о Первой мировой войне.

Его энергия, жестикуляция, свободное общение со слушателями или собеседниками были неподражаемы. Магнетизму личности Анджея не могла сопротивляться ни одна аудитория...

У Анджея была прекрасная семья – жена Ева (красавица, как почти каждая полька) и четверо детей: два сына и две дочери. Он говорил о них всегда с большой теплотой, а когда дело касалось и его самого – с добрым юмором и самоиронией.

9 мая 2015 г. я получил от него письмо: он поздравлял с Днем Победы и сообщал, что уже месяц лежит в постели и сейчас смотрит по телевизору, как наши танки идут по Красной площади. 8 апреля, выезжая из Торуня в Париж, он упал и порвал мышцы обеих ног, затем пережил две операции, но, несмотря на предстоящие впереди долгие месяцы восстановления, полон оптимизма и надежд на то, что поднимется и вновь окупнется в бурную жизнь историка-подвижника... Тем большей неожиданностью для всех, кто ждал выздоровления Анджея, стала его смерть 5 июня 2015 г. от пневмонии. Его похоронили 10 июня на кладбище Св. Георгия в Торуня.

На стене в моей комнате висит старинная литография с польскими уланами под Сомосьеррой, когда-то подаренная мне Анджеем, и, глядя на нее, я слышу, как он поет:

Ułani, ułani, malowane dzieci,
niejedna panienka za wami polecie!...⁸

В.Н. Земцов

Список сокращений

ВИ – Вопросы истории

НиНИ – Новая и Новейшая история

СВ – Средние века

ФЕ – Французский ежегодник

AHRF – Annales historiques de la Révolution française

⁸ Уланы, уланы, разукрашенные ребята,
Не одна паненка полетит за вами... (Пер. А.А. Васильева)

ABSTRACTS

Bovykin D. Once more on the French Revolution, or Not so good round figure

The article deals with the changes in the foreign and Russian historiography of the French Revolution of the XVIII century that occurred in a quarter of a century since its bicentenary celebrations. The author comes to a conclusion that there was a rupture with the Soviet historiographic tradition over these years and a new generation of researchers appeared, but a negative perception of the revolution, equally typical for both the «conservatives» and the «liberals», has straightened in public opinion. Contrary to the previous tendency to apply the French political experience to the history of Russia, nowadays the reverse process prevails.

Keywords: French Revolution of the XVIII century, historiography, A.V. Ado, A.Z. Manfred, V.M. Dalin.

Burrows S. Bibliometrics, Popular Reading, and the Literary Field of an Enlightenment Publisher

Using digital technology, this article offers new answers Daniel Mornet's famous question «What did the French read before the Revolution?» Using accounting records, the author and his team created a database of the celebrated Swiss protestant publisher-wholesalers, the Société typographique de Neuchâtel (STN). This database allows us to trace the origins and sales destinations of over 450,000 copies of 3,600 different works around the STN's Europe-wide client network and to describe the literary field of the late enlightenment. In the process, it provides rich comparative and representative insights into the international trade in French books and reading tastes across Europe. However, the STN archive does not give a complete picture of the francophone book market, despite the relative impunity with which it could trade in illegal and pirated works while operating from a Prussian-ruled Swiss base. Indeed, in terms of sheer numbers, the most important part of the pirate market was comprised of Catholic religious works, and these swamped the more notorious parts of the clandestine trade. Yet despite its significance, few traces of this trade survive in the classic studies of the enlightenment book trade.

Keywords: Enlightenment, Book trade, Publishing, Société typographique de Neuchâtel, French Revolution, Historical bibliometrics.

Lewers H. From protection of «unfortunate» to the defense of «people». The path of Robespierre as advocate

The article is devoted to the least known period in the life of M. Robespierre, when he pursued a career in law. His first lawsuits, his first literary experiments, the acknowledgment of friends and colleagues, all this led him to the ranks of the citizens of the Republic of Letters and allowed him to acquire skills that were essential for his career as a politician.

The author focuses on Robespierre's transformation from the advocate of «unfortunate» to the defender of «people». The article is based on a little-known documents composed by Robespierre in the 1780s.

Keywords: Maximilien Robespierre, France, Enlightenment, French Revolution, law.

Pimenova L. As the king had said

During the Revolution of the eighteenth century France moved from cabinet policy to public one. Convening the Estates General, King Louis XVI created a new situation in which political actor required the ability to speak in public and oratorical skills. The article discusses the King's speeches and their perceptions at the Old Regime and during the Revolution. In order to study the role of sounding words in the administration and representation of Royal power at the Old Regime, we use the texts of dictionaries and encyclopedias of the eighteenth century, the writings of theorists of Royal power (J.-B. Bossuet, F. Fénelon), the King's speeches, delivered during the state and court ceremonies (during the coronation, the Royal séances of the Paris Parlement – «les lits de justice», in the plenary meetings of notables' assemblies), and the reactions of the witnesses of these ceremonies. Comparison of various evidences shows that Louis XVI accumulated by 1789 sufficient experience in public speaking and was able to successfully fulfill his role within the prescribed ritual, but did not possess the ability to improvise. With the beginning of the Revolution, the quantity of King's public speeches increased markedly. The article discusses his speech at the assemblies of the Estates General, Constituent and Legislative assemblies, at the festival of the Federation, and before the Tribunal. The behavior of the King in this period testifies to his ability to gradually adapt himself to the new political realities. His political discourse was inconsistent and contradictory and has evolved over time. Without abandoning the traditional image of the King-father of his subjects, Louis XVI showed some flexibility and willingness to

take new position of partner in dialogue with the new political elite represented by the National Assembly. To the extent that the political process was developed in the Assembly walls, the King was able to participate in it.

Keywords: Constituent Assembly, Estates General, French Revolution of the XVIII century, King's speeches, Legislative Assembly, «lit de justice», Louis XVI, Old Regime, Parlement of Paris, political discourse, representation of Royal power.

Bovykin D. «I have never stopped believing that the great revolution was about to break out...» The Count of Provence in 1755–1789

The article is devoted to the brother of Louis XVI, Louis-Stanislas-Xavier, the Count of Provence, the future King Louis XVIII (1755–1824). The formation of his character and political views, his education and his attempts to find his own place in the political system of the French monarchy, the uneasy relationship with Louis XVI and Marie-Antoinette, an imaginary or real rivalry with his brother, his role as a patron of science and culture, his literary activities, the forms of representation, which he has chosen for himself, – the study of all these subjects allows the author to trace the path that brought the Prince of the blood and «the son of France» to cooperation with the revolutionaries and earned him the popularity among Parisians on the eve of and during the first months of the French Revolution.

Keywords: French Revolution of the XVIII century, Count of Provence, Louis XVI, Marie-Antoinette, Louis XVIII, Ancien Régime.

Aberdam S. Whose Revolution?

Eighteenth-century French men and women were aware of, experienced or on the contrary criticised an endless number of more or less flagrant inequalities. Knowledge of all these rules of subordination was part of their culture, absorbed from childhood and indispensable to live in their society. Many situations which, from hindsight, we would define as exclusions from rights were above all elemental ground-rules which contemporaries knew made up the social terrain. Between *privileges* and *properties*, *rights* and *duties* due to others from each person and considered as being *natural*, *feudal* or *contractual* in origin, every individual would have had difficulty in forming a clear image of his or her position with regard to rights, but it was the resolution of several major issues which contributed most to

that. Besides, daily reality was the individualisation of older juridical relationships and the acceleration of the circulation of goods and people. The appearance of new types of relations between humans for the production of their material needs was all the more surprising because they were the result of measures apparently thought through in a perfectly reasonable manner which unleashed changes which were totally foreign to the intentions of their initiators, but with implications for the entire population. The hopes of freeing oneself, concludes the author, were not enough in themselves and circumstances overthrew them, delayed them or in the end had mixed outcomes.

Keywords: French Revolution, Declaration of Rights, Old Regime, feudal rights, seigniorial rights, emancipation.

Motornov R.V. Brabant revolution of 1789 as seen by a Russian diplomat M.S. Novikov

On April through August 1790, M.S. Novikov, counselor of the Russian embassy in The Hague, stayed by order of S.A. Kolytchev, Russian minister plenipotentiary in the Dutch Republic, for a «secret mission» in the Belgian revolutionary republic. The paper's purpose is to consider the features of the Russian spy mission's preparations, as well as his strategies during his stay in Belgium. Due to his contacts with Belgian royalists, M.S. Novikov could gather information on the state of affairs in the republican army and in the revolutionary government, as well as on its contacts with foreign courts.

Keywords: Brabant revolution, protest movement, M.S. Novikov, diplomatic espionage.

Blumenau S.F. The Problem of the seigniorial rights at the beginning of the French Revolution: The Law of the May 3, 1790

The article deals with the law of May 3, 1790 which determined the amount of peasant payments for redeemed seigniorial rights, its practical implementation and the attitude of the rural community to it. Considerable differences between wishes expressed by peasants and the agrarian legislation of the Constituent Assembly contributed to undermining liberal political regime established by the Constitution of 1791.

Keywords: modern history, France, The French Revolution of 18 century, Constituent Assembly, seigniorial rights.

Baczko B. Good news about Thermidor. Henri Meister visits Paris

The article is devoted to Jacques-Henri Meister, a native of the German lands, writer, journalist, and a prominent figure of the Enlightenment. Over the years he was publishing *Correspondance littéraire* that had been established by Grimm. He was acquainted with Voltaire and Rousseau. Diderot, Necker, and Madame de Stael were among his friends.

In 1795 Meister visited Thermidorian Paris, that was still recovering after the terror. As a result of this voyage he wrote the book – «Souvenirs de mon dernier voyage à Paris». As an attentive observer, Meister described with pleasure the smallest details of life in Paris, simultaneously making global conclusions. He was astonished by the fact how quickly Paris returned to a normal life and forgot about all the wounds of the Revolution: lively streets, crowded theaters, victims and executioners, sitting beside each other in a café, amazed Meister. At the same time, he comes to the conclusion that, despite of the Revolution, the time is not out of joint there, and that there was so much left of the *Ancien régime* in Thermidorian Paris, as well as in the French national character.

Keywords: French Revolution, Jacques-Henri Meister, Education, Paris, Terror, Thermidor.

Zaitzeva D.V. Public space in Paris of Thermidorian period

The article, basing upon the analysis of daily reports of police agents, which published by French historian François Victor Alphonse Aulard at the end of the XIXth century, describes the characteristics of public space in Thermidorian Paris. Particularly the author analyzes the principal topics of conversations in the most popular public places of Paris – the cafes and the theatres. Moreover this paper analyzes how the important social and political events were affecting the topics of discussions.

Keywords: French revolution of XVIIIth century, Thermidorian period, public space.

Tchepourina M. The Babeuf plot in French society's opinion of the of XVIII century

The article discusses public reaction on Babeuf allies' propaganda and their disclosure in spring 1796. Research is built around the data retrieved from the reports of government agents, newspaper articles, as well as reports and pleas of common French citizens. The article concludes that society was well aware of the plot, however was not able to objectively evaluate

its scale and goals. It also appears that this partially resulted from Babeuf's own actions.

Keywords: French revolution, Directory, communism, Babeuf.

Tchoudinov A. The Second Cairo uprising: March, 20 – April, 21 1800

The article is devoted to the history of the largest and longest episode of armed resistance of Egyptians towards the French occupation in 1798–1801. The Author used a wide range of sources, including the publication of the French official documents, memories of participants of events, Arab Chronicles and archival materials, to analyze the mechanism of the transition of mass discontent of the Egyptians in violent acts and then into organized forms of the armed struggle. Chronicle of the origin, development and suppression of the uprising is presented day by day through a cross-comparison of evidences from both sides of the conflict.

Keywords: France, Egypt, mass protest movement, Egyptian campaign 1798–1801, Second Cairo uprising 1800, Kléber.

Mitrofanov A.A., Promyslov N.V., Prousskaïa E.A. Russian threat in the French press at the end of the XVIIIth – beginning of the XIXth centuries

In the period of French Revolution and Napoleonic government many times France and Russia became the enemies on the battlefield as well as in the diplomatic arena, so in France a lot of attention was paid to its northern neighbor in the period of 1789–1814. In this era French governments actively used newspapers to control public opinion both in the country and abroad, as French press of this period was one of the most popular in all corners of Europe. This article is based on a wide range of francophone press of the period 1789–1814, including both Paris press of different orientation, and francophone newspapers of French neighbors, which then fell into the sphere of French influence. The concept of «Russian threat», which had arisen in French public consciousness in the XVIIIth century, appeared again on the pages of the press in periods of strained relations between the two states, and disappeared during periods of closer relations and alliances (1800–1804, 1807–1811). The concept of «Russian threat» at the turn of the XVIIIth century was based on representations of Russia, established in literature and philosophy, as well as on extensive pamphleteering journalism. During the period of friendship between Napoleon and Alexander newspa-

pers tried to describe Russia neutrally, but in times of crisis its image acquired many negative features and archetypal stereotypes about Russia and the «Russian threat» revived on the pages of the press again.

Keywords: French press, French revolution, Napoleon, image of the enemy, propaganda

Poghosyan V. Archive of A.Z. Manfred (the letters of Soviet historians to A.Z. Manfred)

The personal archive of the outstanding Soviet historian Albert Manfred (1906–1976), which is kept in the research department of manuscripts in the Russian State Library, is very rich. The numerous materials available there shed light on his versatile and stable scientific ties not only with Soviet but also with eminent foreign historians, regardless of their political orientations, as well as with prominent French politicians of the XX century. This publication includes unpublished letters of many Soviet historians addressed to Albert Manfred in 1959–1976. Outstanding scientists Militsa Nechkina, Victor Dalin, Feodor Potemkin, Abgar Ioannisyán are among them. The published letters written by his colleagues living in various Soviet republics (Armenia, Georgia, Ukraine) and Russian cities, eloquently testify undisputed scientific authority, which Albert Manfred rightly enjoyed among them as the biggest connoisseur of the new history of France. It is pertinent to note that some of the published writings include information on his outstanding role as the organizer of French Studies, as well as the vicissitudes of the translation of his book about Napoleon Bonaparte in different languages of the USSR.

Keywords: A.Z. Manfred, French revolution of XVIIIth century, Napoléon Bonaparte, historiography.

Prutzakova V.S. The Russians in France, 1814–1818: stereotypes and facts (Historiographical notes)

The article describes the main trends in contemporary Russian historiography, studying Russian stereotypes on the French and vice versa French stereotypes on the Russians during the stay of Russian army in France, 1814–1818. The author describes various aspects of studies on image of «the Other» which existed within the both cultures when the Russian army had come in France and then was transformed in the course of direct contacts between the Russian military with the locals.

Keywords: historiography, image studies, France, stereotypes, Cossacks, the Russian occupation corps.

Ovcharenko E.F. *Le Monde*: history of newspaper, newspaper in history

The review is devoted to the monograph «“Le Monde” in the changeable world» (Moscow, 2014) by Lyudmyla Sharonchikova (PhD in Philology, Associate Professor, Journalism Department, Lomonosov Moscow State University). The author analyses the history of this well-known French «independent newspaper» from its foundation in 1944, during 70 years. However, in 2010 “Le Monde” lost the status of «newspaper of journalists» and became «business enterprise». In author’s opinion, the survival as «national institution» for *Le Monde* depends on different aspects of modern «digital era».

Keywords: «Le Monde», French media history, L. Sharonchikova,

СОДЕРЖАНИЕ

К 225-ЛЕТИЮ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ОТ РЕДАКЦИИ

Бовыкин Д.Ю.

Снова о Французской революции, или Некруглый юбилей 5

ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИИ

Бёрроуз С. (Сидней)

Библиометрия, популярное чтение и литературное поле издателя эпохи Просвещения. *Пер. с англ. А.Ю. Терещенко.* 15

Лёверс Э. (Лилль)

От защиты «обездоленных» к защите «народа». Путь адвоката Робеспьера. *Пер. с фр. Ю.В. Минеевой* 44

Пименова Л.А. (Москва)

Как говорил король 63

Бовыкин Д.Ю. (Москва)

«Я не переставал верить, что вот-вот разразится великая революция...». Граф Прованский в 1755–1789 гг. 95

ФАКТЫ И ТРАКТОВКИ

Абердам С. (Париж)

Чья революция? *Пер. с фр. Ю.В. Минеевой* 128

Моторнов Р.В. (Москва)

Брабантская революция 1790 г. глазами российского дипломата М.С. Новикова. 154

Блуменау С.Ф. (Брянск)

Проблема сеньориальных прав в начале Французской революции: закон 3 мая 1790 года 177

Бачко Б. (Женева)

Хорошие новости о Термидоре. Анри Мейстер посещает Париж. *Пер. с фр. Ю.В. Минеевой* 197

Зайцева Д.В. (Москва)
Публичное пространство в Париже термидорианского периода226

Чепурина М.Ю. (Москва)
Заговор Бабёфа в восприятии французского общества XVIII века . . .240

Чудинов А.В. (Москва)
Второе Каирское восстание: 20 марта – 21 апреля 1800 г.262

Промыслов Н.В., Прусская Е.А., Митрофанов А.А. (все – Москва)
«Русская угроза» во французской прессе конца XVIII –
начала XIX в.343

ИСТОРИОГРАФИЯ

Погосян В.А. (Ереван)
Письма советских историков А.З. Манфреду392

Пруцакова В.С. (Москва)
Русские во Франции 1814–1818 гг.: стереотипы и факты
(историографические заметки)431

Овчаренко Е.Ф. (Москва)
«Монд»: история газеты, газета в истории.439

Крылова Ю.П. (Москва)
История Франции. Указатель литературы на русском языке
за 2014 г.442

IN MEMORIAM

Погосян В.А.
Памяти Д.М. Туган-Барановского473

Земцов В.Н. Польский
улан, или Искусство жизни Анджея Неуважного475

TABLE DES MATIÈRES
225ÈME ANNIVERSAIRE
DE LA RÉVOLUTION FRANÇAISE DE 1789

ÉDITORIAL

Dmitri Bovykine

Retour à la Révolution française, ou Un anniversaire qui n'est pas à chiffre rond 5

SOURCES DE LA RÉVOLUTION

Sidney Burrows (Sydney)

Bibliométrie, lecture populaire et champ littéraire de l'éditeur à l'époque des Lumières. *Trad. de l'anglais par A. Terechtchenko* 15

Hervé Leuwers (Lille)

De la défense des « malheureux » à celle du « peuple ». Le parcours de l'avocat Robespierre. *Trad. du français par Y. Mineeva* 44

Ludmila Pimenova (Moscou)

Comme disait le roi. 63

Dmitri Bovykine (Moscou)

«Je n'ai pas cessé de croire qu'une grande révolution était prête...». Le comte de Provence en 1755–1789. 95

FAITS ET INTERPRÉTATIONS

Serge Aberdam (Paris)

La révolution à qui ? *Trad. du français par Y. Mineeva* 128

Roman Motornov (Moscou)

La révolution brabançonne vue par un diplomate russe M. Novikov. . . . 154

Semen Bloumenau (Briansk)

La question des droits seigneuriaux au début de la Révolution française : le décret du 3 mai 1790. 177

Bronisław Baczko (Genève)
Bonnes nouvelles de Thermidor. Henri Meister visite Paris
Trad. du français par Y. Mineeva197

Daria Zaitzeva (Moscou)
L'espace public à Paris pendant Thermidor226

Maria Tchepourina (Moscou)
La perception du complot de Babœuf par la société française du XVIIIe
siècle240

Alexandre Tchoudinov (Moscou)
La deuxième révolte du Caire : 20 mars – 21 avril 1800262

Nicolai Promyslov, Evguenia Prousskaïa, Andrei Mitrofanov (Moscou)
La « menace russe » dans la presse française de la fin du XVIIIe début du
XIXe siècles343

HISTORIOGRAPHIE

Varougean Pogossian (Érévan)
Lettres d'historiens soviétiques à Albert Manfred392

Valentina Proutzakova (Moscou)
Les Russes en France 1814-1818 : les stéréotypes et les faits (commentaires
historiographiques)431

Elena Ovtcharenko (Moscou)
«Le Monde»: histoire d'un journal, un journal dans l'histoire439

Youlia Krylova (Moscou)
Études sur l'histoire de la France publiées en 2014 en langue russe.
Réunies par442

IN MEMORIAM

Varougean Pogossian
En mémoire de D.M. Tougan-Baranovski473

Vladimir Zemtsov
Le lancier polonais ou l'Art de vivre d'Andrzej Nieuważny475

Научное издание

Французский ежегодник 2015

Утверждено к печати

Институтом всеобщей истории РАН

Подписано в печать

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 31,0.

Гарнитура Newton. Печать офсетная

Тираж 150 экз. Заказ №

ИВИ РАН, Москва, Ленинский пр-т, 32а

